ЮРИЙ ТУПИЦЫН

•

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ

ЮРИЙ ТУПИЦЫН

•

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ЮРИЙ
ТУПИЦЫН

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Т85

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Иллюстрации художника К.И. Воробьева

Художественное оформление А.А. Хромова

Состав
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996
Художественное оформление серии
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996
© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00219-4

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

✦

РОМАН

Экипаж патрульного галактического корабля «Торнадо» заканчивал завтрак, когда послышался мелодичный гонг вызова связной гравитостанции. Командир Иван Лобов отодвинул тарелку и поднялся из-за стола — искусственная гравитация создавала в отсеках корабля условия, ничем не отличающиеся от земных.

— Не иначе как очередное информационное сообщение, — со скучным видом проворчал штурман корабля Клим Ждан.

— Сомневаюсь, — словно про себя проговорил инженер «Торнадо» Алексей Кронин. Он недолюбливал бездоказательные суждения, да и вообще шутливая пикировка и дискуссии были обычны в его взаимоотношениях со штурманом.

— Чего тут сомневаться? — хмыкнул Клим. — Второй месяц без дела болтаемся в барражной зоне да слушаем информационные сообщения.

— Болтаться без дела в барражной зоне и слушать информационные сообщения — наше основное занятие, — наставительно заметил инженер. Действуя неторопливо и аккуратно, Кронин налил себе чашку кофе, положил в нее ломтик лимона, насыпал ложечку сахару, подумал и добавил еще одну.

— Видишь ли, — неторопливо продолжил он, помешивая кофе, — когда нет дела у нас, патрулей, значит, хорошо идут дела у всех остальных. А ведь это прекрасно. Не правда ли, Клим?

Штурман тяжело вздохнул:

— Правда-то правда, но как тошно без дела!

К началу двадцать третьего века человечество, жившее единой и дружной семьей, уверенно вышло в дальний космос, добираясь на гиперсветовых кораблях до самых дальних звезд нашей Галактики.

© Ю.Г. Тупицын, 1982

Звездные лайнеры подвергались в просторах Вселенной опасностям более грозным и таинственным, чем корабли древних отважных мореходов, исследовавших океанские просторы, архипелаги и острова. Немало неожиданностей и загадок встречалось космонавтам на планетах, где впоследствии предполагалось организовать поселения — дочерние человеческие сообщества. Для оказания помощи терпящим бедствие и была организована галактическая патрульная служба. Центрами ее стали космические базы, размещенные в обследуемых районах Галактики. Каждая база имела несколько небольших, но максимально быстроходных патрульных кораблей, скорость которых в режиме разгона могла в десятки и сотни раз превышать скорость света. Экипажи патрульных кораблей, состоящие из наиболее опытных и умелых космонавтов-гиперсветовиков, несли дежурство, барражировали, как говорят специалисты, на заданных галактических трассах и по команде с базы или сигналу бедствия готовы были немедленно идти на помощь.

Патрули располагали всем необходимым для спасения людей, для борьбы со стихийными бедствиями и самыми свирепыми хищниками чужих планет. В их распоряжении были лучевые пистолеты, плазменные ружья-скорчеры и скафандры высшей защиты из ядерного вещества, нейтрида, надежно оберегающие космонавтов от жестких излучений, космических холодов и температур во многие тысячи градусов. На борту каждого патрульного корабля находились глайдер, легкий разведывательный летательный аппарат, и униход, боевая машина, способная двигаться по пересеченной местности, плавать по воде и под водой, летать в атмосфере и космосе.

Кронин с видимым удовольствием отпил несколько глотков кофе и продолжил свои размышления вслух:

— А сомневаюсь я потому, что информационные сообщения никогда не передаются во время завтраков или обедов. База неукоснительно заботится о нашем здоровье. А что может быть вреднее, нежели прерванный завтрак? Разве, после того как его оторвали от тарелки, Иван будет есть с прежним аппетитом?

На подвижном лице Клима появилось выражение интереса.

— А ведь и верно! Но если это не информационное сообщение, так что же?

Инженер допил кофе и выразительно пожал плечами. Штурман собрался было высказать какое-то предположение, но в кают-компанию вошел Лобов.

— Конец завтраку, — негромко сказал он, — стартуем. Задание первой срочности. На Мезе терпит бедствие «Ладога».

— Бедствие? — переспросил Ждан, живо поднимаясь из-за стола.

— Предположительно. Она не вышла на связь ни в основной, ни в резервный сроки и на запросы базы не отвечает.

Через минуту заныли ходовые двигатели, и «Торнадо» вышел на заданную траекторию разгона, с каждым мгновением наращивая скорость.

Информационное сообщение об открытии новой планеты, названной Меза, торнадовцы получили несколько дней тому назад. Это была типичная планета геогруппы: околоземная масса, кислородно-азотная атмосфера и мировой океан с развитой системой материков. Подобные открытия происходят очень редко и считаются событиями эпохальными. «Ладога», экипаж которой состоял из опытного гиперсветовика Юстинаса Штанге, планетолога Нила Гора и биолога Дана Родина, вместе с восторженными поздравлениями получила с базы и деловое предложение обследовать планету более детально. Естественно, предложение было принято, и скоро командир «Ладоги» Штанге сообщил, что корабль выведен на мезоцентрическую орбиту.

Путем тщательных дистанционных исследований экипажу «Ладоги» удалось установить, что Меза переживает эпоху, примерно соответствующую мезозойской эре Земли, и населена ящерами, удивительно похожими на ископаемых пресмыкающихся Земли — динозавров. На планете господствовал ровный теплый, но несколько засушливый климат. Большие площади материков были заняты пустынями и полупустынями. И только по берегам мелководных морей и рек растительность становилась богатой, преобладали леса. С пустынностью планеты непонятным образом соседствовал необычно высокий фон биоизлучения, свидетельствующий о каких-то бурных жизненных процессах. На всех материках Мезы, иногда прямо среди пустынь, были обнаружены загадочные образования, которые исследователи планеты назвали городами. Эти образования и в самом деле походили на скопление большого числа разрушенных и полуразрушенных зданий, в расположении которых угадывалась известная правильность и система.

Что они собою представляют — мертвые, таинственные города? Создания некой погибшей цивилизации или естественные образования, рожденные причудами выветривания горных пород? Загадка... Одно было ясно: ныне разумные существа на Мезе не обитают. У планеты полностью отсутствовало информационное поле, не удалось зарегистрировать даже простейших радиопередач, а без информационного поля, как известно, немыслимо существование сколько-нибудь развитой цивилизации. Более того, удалось обнаружить преспокойно разгуливающих ящеров — игуанодонов и бронтозавров.

Закончив цикл дистанционных наблюдений, экипаж «Ладоги» запросил разрешение на посадку, мотивируя это необходимостью исследования феномена городов и уточнения индекса безопасности планеты. Такое разрешение было дано.

«Ладога» благополучно приземлилась на пустынном плато, наиболее благоприятном с точки зрения безопасности, неподалеку от одного из городов. Штанге сообщил, что послепосадочный комплекс работ выполнен, корабль приведен в стартовую готовность, а экипаж приступил к работе. База с нетерпением ждала дальнейших сообщений, но «Ладога» молчала, не выйдя на связь ни в основной, ни в резервные сроки. Не ответил исследовательский корабль и на многочисленные запросы. Тогда на помощь был выслан патрульный корабль «Торнадо».

Глава 1

Голубоватый шар Мезы с крупным материком непривычных очертаний был скупо украшен пятнами и разводами белых облаков. Штурман корабля Клим Ждан с трудом оторвал взгляд от иллюминатора.

— Ящеры и исчезновение галактического корабля. Это же нелепость!

— И тем не менее он исчез, — хладнокровно ответил Кронин.

Инженер сидел, примостившись в уголке дивана и обхватив длинными руками свои худые плечи.

— Кстати, — Кронин покосился на штурмана, — ты совершенно напрасно относишься к ящерам с таким предубеждением.

Клим засмеялся, приглядываясь к инженеру.

— А давно ли ты записался в рептилофилы?

— С детства, — коротко ответил Кронин и пояснил: — Мой старший брат, с которым у меня часто возникали разногласия по самым разнообразным вопросам, терпеть не мог этих животных. Наверное, в пику ему я воспылал бескорыстной любовью ко всему племени пресмыкающихся. Помимо всего прочего, мне было любопытно наблюдать, как он прыгал и вопил, обнаружив у себя в постели какого-нибудь пресимпатичнейшего ужа.

В ответ на смех Клима инженер позволил себе чуть улыбнуться.

— Ящеры — удивительные создания. Куда до них солидным млекопитающим. Вспомни-ка мезозойскую эру Земли. Ящеры шутя покорили сушу, воду и воздух. Они научились ходить, бегать, прыгать, нырять, плавать и летать. Они овладели наиболее экономичным, двуногим способом передвижения и освободили передние лапы для дополнительных, зачастую универсальных функций. Самые крупные из них достигли высоты шестиэтажного дома, а самые мелкие смогли бы уместиться на человеческой ладони. Ящеры воплотились в такое количество видов, какое не снилось ни одному классу других животных. После рептилий природа не создала ничего нового.

— За одним единственным исключением, — заметил Клим, — среди рептилий не было приматов, к которым имеем честь относиться и мы с тобой.

— К сожалению, — со вздохом согласился Кронин.

— Почему же к сожалению? К счастью!

— Пусть к счастью, не будем спорить по пустякам. А вот на Мезе, очевидно, всемогущий случай создал ветвь рептилоприматов, ящеров, обладающих сложно организованным мозгом. Сформировалось племя разумных мезойцев, которые остановили биологическую эволюцию планеты, заменив ее эволюцией социальной точно так же, как это сделал на Земле человек.

Клим, с улыбкой слушавший домыслы Кронина, вдруг помрачнел, покосился на иллюминатор и пробормотал:

— Штанге и его экипажу от этого не легче.

Инженер дружески положил руку ему на плечо.

— Рано расстраиваться, Клим. Может быть, с ними не произошло ничего серьезного. Какая-нибудь глупая безобидная случайность.

— Какая?

— А что, если на «Ладогу» напал гигантский динозавр? — Кронин несколько оживился. — Эти твари спо-

собны на самые неожиданные поступки. Я сделал прикидочный расчет и убедился, что брахиозавр или даже тиранозавр-рекс могли бы опрокинуть «Ладогу». Серьезного ущерба кораблю это бы не причинило, но антенны дальней связи наверняка оказались бы поврежденными.

— Но какими же надо быть растяпами, чтобы допустить такого страшного зверюгу к самому кораблю!

— Не забывай, мой друг, что на «Ладоге» был только один настоящий космонавт — Юстинас Штанге, двое других — ученые.

— Ученые, конечно, — люди мудрые, но ужасно легкомысленные. Иногда они увлекаются и теряют голову, как женщины или дети. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что они специально подманили к самой «Ладоге» какого-нибудь тиранозавра-рекса, чтобы пополнить свою фильмотеку уникальными кадрами.

— У тебя бывали с учеными конфликты?

— Я говорю о принципах, а не о частностях, — важно ответил Кронин, — при чем тут мелкие личные конфликты? Просто ученые — ужасные люди! Еще по неосторожности алхимиков на воздух взлетали романтические рыцарские замки. В эпоху машинного производства дела пошли куда с большим размахом и в руины превращались уже целые кварталы и города. А теперь?

Кронин сокрушенно покачал головой и грустно-доверительно заключил:

— Скажу тебе откровенно: возвращаясь на Землю, я всегда волнуюсь. На месте ли она? Не превратили ли ее ученые, увлекшиеся очередным многообещающим экспериментом, в облако космической пыли или плазменную туманность?

Однако, когда «Торнадо» сблизился с планетой, шутки прекратились: несмотря на все старания, не удалось обнаружить ни малейших признаков корабля. Он как сквозь землю провалился.

— Может быть, Штанге просто перепутал координаты? — без особой уверенности предположил инженер.

— Вот именно, — сердито ответил Клим, — перепутал координаты, посадил «Ладогу» на воду вместо суши и утопил вместе с экипажем.

— Ошибиться может каждый, — в раздумье проговорил командир корабля Лобов.

— Но вероятность такой ошибки ничтожна! — обернулся к нему штурман. — И потом, ошибка в координатах никак не объясняет молчания «Ладоги».

— Верно, — согласился Лобов и добавил: — Остается одно: тщательно обследовать место посадки, может быть, и найдутся какие-нибудь следы.

Задачу обследования Клим попытался решить стереофотографированием. В точке посадки «Ладоги» он не обнаружил ничего, зато в ближайшем городе сфотографировал диплодока. Гигант преспокойно брел посредине улицы.

— А что там делает диплодок? Занимается археологическими раскопками? — съязвил инженер.

— Придется тебе самому расспросить его об этом.

— У нас еще все впереди, — пробормотал Кронин.

Инженер был не в духе. Он возлагал большие надежды на радиометрическую аппаратуру, совсем недавно установленную на корабле, но аппаратура писала лишь слабый фон пустыни.

— Ты пощупай город, — в шутку предложил Клим, — может быть, «Ладога» в нем спряталась. Не зря же туда ходят любопытные диплодоки!

Инженер пожал плечами и механически навел аппаратуру на город. Когда после экспозиции он стал просматривать ленту записи, у него, что называется, глаза полезли на лоб. Клим, наблюдавший за работой товарища, мгновенно оказался рядом с ним.

— «Ладога»?

— Не мешай! — отозвался Кронин. И сколько его ни тормошил Клим, оставался глух и нем, как египетская мумия. Только закончив анализ, он откинулся на спинку кресла, посмотрел на Клима невидящими глазами и бесстрастно сообщил:

— Это не «Ладога». Но наличие ядерной энергетики на Мезе можно считать доказанным.

— Что?!

— Смотри сам, — коротко предложил Кронин.

Клим плюхнулся в освобожденное инженером кресло и впился глазами в ленту записи, рядом с которой Кронин положил эталонную радиометрограмму. Сомнений быть не могло! Аппаратура «Торнадо» засекла точечный источник проникающей радиации, характер которой во всех деталях соответствовал излучению плутониевых реакторов, когда-то широко распространенных на Земле.

— Ящеры и атомные станции. Но это же нелепость! — возмутился Клим, на что инженер резонно заметил, что исчезновение «Ладоги» тоже нелепость, но тем не менее факт.

Командир «Торнадо», когда его познакомили с результатами сенсационных наблюдений Кронина, долго сидел в молчаливом раздумье.

— Вы уверены, что это плутониевые станции? — спросил он наконец.

— Ни в коей мере! — сразу же очень решительно ответил Клим.

Инженер пожал плечами.

— Спектр излучения типичен для таких станций. Совпадает даже тонкая структура.

— Природа выкидывает фокусы и почище, — возразил Клим.

— И все же, — инженер был деликатно настойчив, — предположение о плутониевых станциях много вероятнее природных фокусов.

Лобов покосился на штурмана, который дипломатично промолчал, лишь передернув плечами, и решил:

— Будем садиться по координатам, которые дал Штанге. Корабль — не детская игрушка, должны же остаться какие-то следы!

Глава 2

Пренебрегая затратами энергии, а в непосредственной близости от крупной планетной массы они были нерационально велики, Лобов установил гравитосвязь с базой и запросил разрешение на посадку. После получасового молчания, последовавшего за указанием «ждите», — на базе, по-видимому, был созван совет, — посадку разрешили с обязательным соблюдением мер безопасности, оговорившись, что попутно с поисками «Ладоги» следует попытаться установить контакт с мезойской цивилизацией, если таковая существует, и определить примерный индекс безопасности планеты.

Лобов с ювелирной точностью посадил «Торнадо» по координатам Штанге. Стоянка «Ладоги» должна быть где-то совсем рядом, но вокруг, сколько видел глаз, простирались лишь голые красные пески с редкими серыми пятнами скудной растительности. Надо было начинать планомерный продуманный поиск. Командир решил производить его без взаимной подстраховки. Это допускалось в виде исключения, зато намного сокращало время спасательных работ. Лобов сознательно шел на риск — ведь хороша лишь своевременная помощь, любое, каза-

лось бы, самое незначительное промедление иногда оказывается роковым.

На разведку атомного города он направил Клима Ждана.

— Твоя главная задача, — напутствовал Лобов штурмана, — пассивное наблюдение. Активность можешь проявить только в том случае, если встретишь кого-нибудь с «Ладоги». Без нужды уникод не покидай. Выход во всех случаях только в нейтридном костюме. Оружие — скорчер.

— В общем, максимум безопасности, — неторопливо сказал штурман. — Не беспокойся, Иван. Я отлично знаю, что это такое.

— Знать мало, надо выполнять.

— Буду дисциплинирован, как стажер-первокурсник.

Несмотря на бравый вид и шутливый тон, штурман волновался. Да это и понятно. Разведка планеты, на которой бесследно пропадают гиперсветовые корабли, чревата всякими неожиданностями.

Кронин колдовал за своим необъятным контрольным пультом. Так было всегда: Ждан и Лобов вели разведку, а инженер проверял исправность корабельных систем и готовил «Торнадо» к немедленному старту. Такая готовность обязательна при посадке на неосвоенные планеты.

Клим покосился на Алексея и сказал надменно:

— Хотел по возвращении презентовать тебе хвост диплодока, но теперь ты не получишь и чешуйки.

Кронин обернулся, разглядывая облаченного в черный нейтридный скафандр штурмана.

— Желаю тебе добыть самый длинный хвост в Галактике, — инженер улыбнулся, но глаза оставались грустными.

— Счастливого поиска, Клим! — серьезно добавил Лобов.

Глядя, как в мутно-голубом пыльном небе тает силуэт уникода, Лобов спросил у Кронина:

— Работы много?

— Не больше чем на час.

— Хорошо. Не торопись, подождем известий от Клима. — Он помолчал и добавил: — Я пока пошарю по окрестностям, попробую найти стоянку «Ладоги». — Прошелся по рубке и остановился прямо перед инженером. — Тебе пока выход из корабля запрещаю.

Кронин приостановил работу и не без удивления взглянул на командира. Лобов нехотя пояснил:

— Я полтора года летал со Штанге. Юст — настоящий гиперсветовик. И если он бесследно пропал вместе со всем экипажем, дело неладно.

Глава 3

Примерно на полпути к атомному городу Клим наткнулся на дорогу. Она тянулась через пески прямой зеленоватой полосой, лишь иногда плавно огибая какие-то невидимые с высоты препятствия. Как только Клим убедился, что это не мираж и не иллюзия, он резко снизился, сбавил скорость и полетел вдоль дороги, во многих местах заметенной песком. Иногда наносы были так широки, что дорога вообще исчезала. Лишь пролетев некоторое время вслепую, Клим снова натыкался на нее. И все-таки это искусственное сооружение бесстрастно свидетельствовало о некогда существовавшей здесь цивилизации. Существовавшей или существующей?

Клим завалил машину в крутой вираж: занятый дорогой, он чуть было не проскочил любопытное строение слева. Оно было сильно разрушено, и штурман долго не мог понять его назначения. Только когда Клим догадался набрать высоту и зайти издалека, все вдруг встало на свои места: под ним была мощная космическая антенна дальней связи с примерно тридцатиметровым параболическим отражателем. От его прочного каркаса уцелело немногим больше трети, густая металлическая сеть, образовывавшая в свое время поверхность зеркала, разрушилась, истлела и лишь кое-где висела жалкими трухлявыми клочьями.

Не обнаружив возле антенны ничего интересного, Клим снова вывел униход на дорогу. Скоро та начала ветвиться, а из-за горизонта одно за другим стали выплывать странные причудливые сооружения. Клим смотрел вперед с нетерпением и живым интересом. Это был город, настоящий город, построенный руками неведомых разумных, а не причудливая игра слепых сил природы. Но как разрушен этот город, неторопливо встающий из красноватого песка! Повсюду торчат обнажившиеся лохмотья каркасов, горбатятся изломанные, обкусанные контуры стен, полузасыпанные песком. Все это похоже на разрушения, причиненные жестокой безжалостной войной. Но, присмотревшись, Клим понял, что здесь похозяйничала рука еще более жестокая и неумолимая — рука времени. Развалинам были многие сотни, если не тысячи лет.

В стороне от развалин Клим заметил большое приземистое здание. Оно стояло на самой границе голых песков и своей монолитностью резко контрастировало с окружающим его дряхлым разлагающимся миром. Клим повернул униход и включил радиометр: прибор фиксировал плавно

растущий уровень радиации, характерный для плутониевого цикла распада. Это была действующая атомная станция.

Прямоугольной формы здание не имело окон. Зато в торцах были двери, и к каждой из них вела ухоженная дорога без следов заноса песком. Клим снизился и несколько раз прошел бреющим полетом над самой крышей. Он почему-то надеялся, что двери откроются и из станции кто-нибудь выйдет. Но здание оставалось безжизненным, как каменная глыба. И тогда Клим повел униход на посадку.

Он подумал, что, учитывая наставления Лобова, садиться вряд ли стоило, но размышлять и колебаться уже было некогда. Клим мастерски посадил униход неподалеку от одной из входных дверей. С минуту он сидел в кабине, поругивая себя за поспешность, а заодно осматриваясь, затем — надо же доводить дело до конца — взял скорчер и выпрыгнул на песок. Осмотревшись еще раз и не заметив ничего подозрительного, — лишь высоко в небе парили крылатые ящеры, — Клим взял скорчер под мышку и направился к двери. Но едва он ступил на гладкую поверхность дороги и сделал по ней первый шаг, как откуда-то из недр здания станции вырвался оглушающий вой и застыл на нестерпимо высокой, леденящей кровь ноте. В первое мгновение Клим растерялся. Потом сошел с дороги. Вой мгновенно оборвался, а наступившая тишина показалась похожей на небытие. Ну и ну! Такого неистового концерта он не только не ожидал, но, пожалуй, и не слышал еще ни разу в жизни.

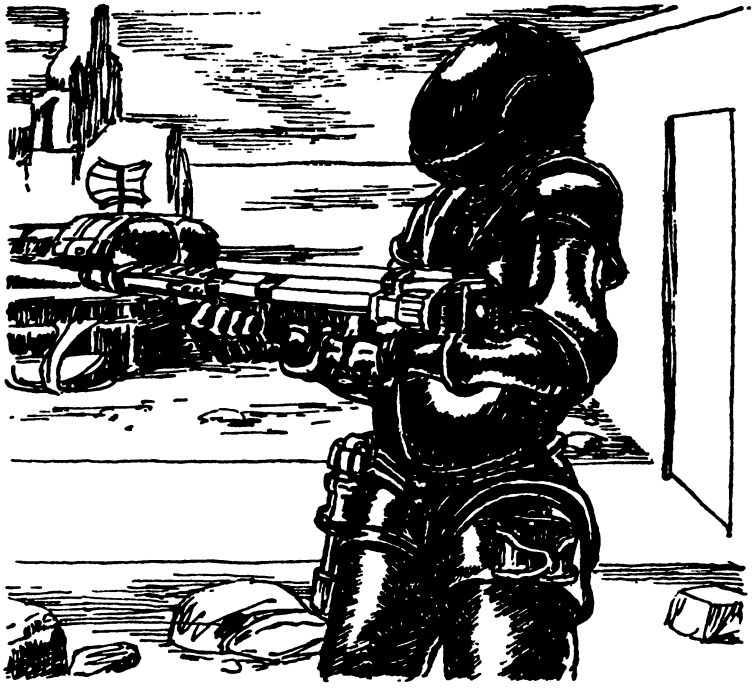
«Лобов прав, на этой планете надо держать ухо востро!»

Клим повернулся, чтобы идти к униходу, и заметил двуногого ящера, который грузно скакал к станции, бревном оттопырив хвост. Это был один из самых гигантских хищников, созданных природой, — тиранозавр: громадная морда, огромные, прямо посаженные глаза, крохотные, почти неразличимые, передние лапки и массивные задние ноги с чудовищными когтями. Штурман с беспокойством отметил, что хищник несется прямо на униход. Рисковать и подпускать это чудовище вплотную не было никакого смысла. Клим вскинул скорчер к плечу, повел стволом, выцеливая ящера, и плавно потянул спусковой крючок. Лучевой удар настиг тиранозавра в прыжке. Тот вспыхнул и уже обугленным упал на песок.

Клим вознамерился было подойти ближе и внимательно осмотреть, но, мысленно сопоставив все только что происшедшие события, передумал и круто свернул к униходу. Когда он открыл дверцу кабины, по песку скользну-

ла какая-то тень. Клим поднял голову: несколько птеродактилей, отделившись от общей стаи, быстро набирая скорость, пикировали прямо на него. Клим занес было ногу, чтобы вскочить в униход и захлопнуть за собою дверцу — казалось, что могут сделать крылатые ящеры могучей боевой машине, — но его остановило тревожное, скорее интуитивное, чем сознательное чувство. Да, на него пикируют совершенно безобидные, с земной точки зрения, ящеры. Но ведь это не Земля, а Меза! Совсем неподалеку бесследно исчез гиперсветовой корабль, рядом, рукой подать, в окружении развалин работает атомная станция. Неправомерные земные аналогии погубили немало космонавтов. Кто знает, каковы цели и возможности стремительно приближающихся к униходу крылатых созданий? И когда птеродактили ворвались в зону опасной близости, он, стиснув зубы, навскидку ударил из скорчера. Несколько птеродактилей вспыхнули облачками дымного пламени и рассеялись в воздухе, лишь пепел медленно-медленно потянулся к земле. Стая со скрипучими криками тотчас

же шарахнулась в сторону. Клим опустил скорчер к ноге. Оглядевшись, он заметил другую стаю крылатых ящеров, которые парили над трупом тиранозавра. Время от времени то один, то другой из них пикировал на сожженного гиганта и снова круто набирал высоту. Понаблюдав за этим хороводом, который, по-видимому, предшествовал богатому пиршеству, штурман сел на водительское место, захлопнул дверцу и поднял униход в воздух.

Небо над городом было пыльным и мутным, словно от почвы поднимались древние гнилые испарения. Климу чудилось, что он ощущает мертвенный запах тлена, который навечно повис над развалинами. Что же произошло с теми, кто в свое время строил все это на краю пустыни? Навсегда покинули родную планету? Уничтожили друг друга в изнурительных войнах? Стали жертвами какого-то космического катаклизма? И как совместить весь этот тлен с действующей атомной станцией?

Завершая широкий круг над городом, Клим собирался взять курс на «Торнадо», когда заметил вдали еще одно

здание. Над ним торчал не то шпиль, не то антенна. Пока Клим гадал, что это такое, шпиль начал мягко и непринужденно изгибаться, точно резиновый, и прямо на глазах изумленного Клима превратился в огромную, вытянутую кверху петлю...

Глава 4

Подняв глайдер в воздух и сделав несколько широких кругов над «Торнадо», Лобов мысленно одобрил действия Штанге. Местность отлично просматривалась, а пустыня была такой безбрежной, что встреча с крупным зверем казалась просто невероятной. Что же тогда случилось с «Ладогой»? Трагедия? Чудо?

Постепенно расширяя зону поиска, Лобов вскоре заметил на ровной поверхности песка характерный кратер. Он снизился и прошел на высоте нескольких метров. Сомнений быть не могло — это стартовая воронка, след отдачи ходового двигателя «Ладоги» при взлете. Так вот как обстоят дела! «Ладога» все-таки приземлялась здесь и не была ни уничтожена, ни перевезена в другое место. Она стартовала обычным образом, просто-напросто сменив район базирования. Такое нередко случается в практике разведывательных групп, но как Штанге, опытный космонавт, мог сменить стоянку, не предупредив базу? Почему после этого связь с «Ладогой» прекратилась?

Лобов зашел на посадку и притер глайдер в нескольких метрах от стартовой воронки. Он вышел из машины. Ноги по щиколотку утонули в сыпучем песке. Обходя по краю воронку, Лобов наступил на что-то твердое. Он нагнулся, нащупал в песке предмет и выпрямился, держа его в руке. Это был лучевой пистолет. Лобов, как мог, очистил его от песка и обнаружил, что из пистолета дважды стреляли. Так зафиксировал счетчик выстрелов. Долго он разглядывал маленькое, но грозное оружие, лежащее на ладони. Кто и в кого стрелял из этого пистолета? Почему исправное оружие брошено, как ненужная вещь?

Спрятав пистолет в сумку, Лобов продолжил осмотр и метрах в тридцати от воронки наткнулся на полузанесенный песком, обуглившийся труп небольшого животного. Рассмотрев свою находку внимательнее, Лобов понял, что животное, скорее всего ящер, было сожжено лучевым ударом. В него стреляли, очевидно, из того самого пистолета, который сейчас лежал в сумке. Для этой рептилии за гла-

за хватило бы и одного импульса, но стреляли почему-то дважды. Стрелявший хотел исключить любую случайность?

Не обнаружив больше ничего интересного, Лобов вернулся к глайдеру. Последний раз оглядывая красноватые пески, мутное небо и тусклое солнце, он задержал взгляд на маленькой черной точке, едва различимой в вышине. Несколько секунд, щуря от напряжения глаза, он следил за ней, а потом опустил на глаза очки-телескопы. При двадцатикратном увеличении точка обернулась огромной птицей, величаво парящей над пустыней на широко раскинутых крыльях. Это был гигант мира летающих — птеранодон с размахом крыльев никак не менее пяти метров. Что он высматривает здесь, в пустыне, где нет ничего живого? В глубоком раздумье Лобов поднял глайдер в воздух.

Вернувшись на «Торнадо», Лобов застал Кронина в кают-компании за приготовлением пищи.

— Корабль к старту готов, вот и решил заняться, пока есть время, — сказал он, словно оправдываясь. — Кто знает, до кухни ли потом будет.

Лобов кивнул головой в знак одобрения, опустился в кресло, взял со стола одно из аппетитных яблок и откусил.

— Как Клим?

— Разведку закончил, возвращается, — инженер ловко укладывал приготовленные блюда в консерватор. — Никого не обнаружил, но, по-моему, наткнулся на что-то сенсационное. Уж слишком бесстрастный у него голос.

Лобов лениво жевал яблоко, погруженный в свои мысли. Кронин закрыл крышку консерватора, задвинул в кухонный отсек и сел рядом с командиром.

— А какие у тебя новости?

— Нашел стоянку «Ладоги». Она ушла своим ходом не больше трех дней назад, даже стартовую воронку не успело засыпать.

— Своим ходом? — поразился инженер.

Лобов кивнул и, перегнувшись назад, бросил остаток яблока в утилизатор.

— Подожди, — недоуменно сказал инженер, морща высокий лоб, — но ведь связь с «Ладогой» прервалась еще неделю назад! Выходит, они несколько дней преспокойно стояли здесь, а выйти на связь с базой не пожелали?

— Выходит, так.

Кронин недоверчиво качнул головой.

— А ты уверен, что они стартовали всего три дня назад?

— Уверен. Иначе от стартовой воронки не осталось бы и следа. А потом я проверил по радиоактивным изотопам

кремния, что образовались при отдаче двигателя. Получается, около двух суток, с точностью до нескольких часов.

— Тогда я ничего не понимаю!

Лобов согласно кивнул и, помолчав, добавил:

— Возле самой воронки я нашел исправный пистолет, из него дважды стреляли. А метрах в тридцати валялись останки сожженного ящера.

— Так, — тон инженера становился все более озабоченным, — выходит, там была драка?

— Уж очень невелик ящер-то, с зайца величиной. — В голосе Лобова звучало сомнение.

— А что за ящер?

— Не разберешь. От него почти ничего не осталось. Ведь дважды стреляли по такой крохе.

— Дважды?

— Дважды, я же говорю, почти ничего не осталось.

— Дважды, — пробормотал инженер, — зачем же дважды?

Лобов вскинул на него глаза. Взгляды их встретились, и они без слов поняли друг друга.

— Да, — вздохнул Лобов, — скорее всего «Ладогу» захватили мезойцы. А потом разобрались что к чему и перегнали на другое место.

— А может быть, заставили перегнать?

— Может быть, — согласился Лобов. — Одного не пойму, как они сумели захватить корабль? Как Штанге мог оказаться таким растяпой?

— Во всяком случае, — в голосе инженера прозвучало уважение к неведомому противнику, — надо быть настороже.

— Да... Путь к ладожанам лежит через мезойцев, теперь это ясно.

— Вот и убьем сразу двух зайцев, как того хотела база, — улыбнулся инженер.

— Нет, Алеша, если мы и убьем, то не зайца, а игуанодона или брахиозавра. И я тебе, так и быть, преподнесу его хвост, — послышался голос Ждана.

Он стоял у входа в кают-компанию, прислонившись плечом к стене. Вид у него был возбужденный, таинственный и несколько растерянный. Лобов даже голову склонил набок, стараясь догадаться, что означают столь необычные эмоции.

— Клим, — с улыбкой сказал инженер, — являешься неслышно и таинственно, как призрак. И говоришь странные вещи. Ты видел брахиозавров?

— Не брахиозавров, а брахиозавра, — уточнил Клим.

— Ты успел слетать к морю? Или они бродят по пустыне, как верблюды?

Клим пожал плечами и обратил свой загадочный взор на Лобова.

— Иван, скажи, похож я на сумасшедшего?

— Не особенно.

— Не больше, чем обычно, — уточнил инженер.

— Я спрашиваю вполне серьезно.

Лобов поднялся из кресла:

— Что-нибудь случилось?

Клим кивнул:

— Случилось. Это настоящий, много веков назад заброшенный город. В нем только несколько целых зданий. А одно достраивается.

— Достраивается?

— Достраивается, — безмятежно подтвердил штурман, — заканчивают второй этаж, скоро примутся за третий.

Кронин тоже встал, но уже не улыбался. Лоб командира прорезала глубокая складка.

— Кто строит, — негромко спросил он, — ладожане?

Клим с откровенным удивлением взглянул на него.

— Роботы? — предположил инженер.

Клим отрицательно покачал головой.

— Да кто же?

Клим помолчал, явно наслаждаясь моментом, и торжественно изрек:

— Ящеры. — И, с удовольствием наблюдая за произведенным эффектом, повторил: — Самые обыкновенные ящеры: орнитомимиды, игуанодоны и даже брахиозавр!

Глава 5

Строящееся здание, освещенное неярким солнцем, четко рисовалось на фоне безоблачного мутного неба. Рядом со зданием застыла грязно-зеленая, словно высеченная из камня фигура исполинского ящера: яйцеобразное туловище, массивный, постепенно утончающийся хвост и длинная гибкая шея, украшенная до смешного маленькой головкой. Задние ноги ящера были коротки, а передние — непомерно высоки.

— Ну и громадина! — пробормотал Кронин.

— Брахиозавр, самый крупный среди гигантских динозавров, — представил ящера Клим, — но нисколько не заносится и трудится так же честно, как и все остальные.

Штурман стоял, небрежно опираясь на полированный борт унихода. Выслушав ошеломляющее сообщение о ра-

ботягах-ящерах, Лобов после недолгого размышления направил его вместе с Крониным разобраться в этом феномене. Инженер, разглядывая ящера, усмехнулся.

— Непохоже, чтобы он слишком напрягался.

— Просто он рационально распределяет силы. Сейчас у него передышка. Не улыбайся, работа тут организована самым лучшим образом.

— Одиноко ему, наверное, наверху.

— Сочувствуешь? — улыбнулся Клим, поглядывая то на ящера, то на длинную фигуру инженера.

Тот остановил его жестом руки.

— Внимание! Кажется, начинается.

Голова брахиозавра шевельнулась, важно повернулась на длинной шее, по-птичьи наклонилась влево-вправо, разглядывая что-то внизу, и начала неторопливо опускаться. Шея при этом изгибалась изящной дугой. Дуга становилась все круче, круче, пока не превратилась в гигантскую петлю, широкой частью обращенную в небо. Приблизившись, голова заметно выросла в размерах и уже не казалась такой маленькой, как прежде. Лениво раскрылась широкая ярко-оранжевая пасть и ловко подцепила многотонный контейнер с кирпичами. Пасть несколько раз чавкнула, ухватываясь поудобнее, задумчиво мигнули большие выпуклые глаза. Контейнер плавно поплыл вверх, увлекаемый волшебным движением шеи, и был торжественно водружен на площадку возле строящегося здания.

— Прошу, — возгласил Клим, точно он был режиссером только что содеянного представления. — Живой подъемный кран в действии. Абсолютно надежен, не требует ни техосмотров, ни ремонта.

Установив контейнер, брахиозавр несколько живее, нежели раньше, повернулся к кормушке, размещенной там же, наверху, сунул в нее голову и принялся что-то пожирать.

— Дрессировка на пищу, — заметил Кронин, брезгливо морщась.

— Совершенно верно, — согласился Клим, — а реализуется это с помощью простейшей автоматики. Когда сей труженик ставит контейнер на площадку, в кормушку подается очередная порция пищи. Не очень большая, чтобы он не наелся сразу, но и не маленькая — иначе эта гора ничего не почувствует.

Ждан был прав: порция пищи была небольшой, по крайней мере для этого чудища. Не прошло и минуты, как брахиозавр недовольно фыркнул раз-другой, вытащил из кормушки морду, испачканную чем-то коричневым, об-

лизнулся языком-лопатой, отряхнулся и, вознеся голову, опять ставшую удивительно маленькой, снова застыл в каменном спокойствии.

— Подъем контейнера — не чудо. Кто руководит всем этим? — пробормотал инженер, не спуская глаз со строящегося здания.

На контейнерной площадке медленно, но достаточно энергично двигался массивный трехметровый игуанодон. Прочно утвердившись на задних ногах-тумбах и толстом хвосте, он разгружал контейнер: передними лапами подцеплял целые секции-связки кирпичей и по наклонному желобу отправлял их вниз, на «крышу» стройки. Там их подхватывали гардозавры, двуногие ящеры меньшего роста, и растаскивали по рабочим местам. Работали они весело, споро, но бестолково: иногда хватались вдвоем за одну и ту же связку, и тогда начиналась борьба — кто кого перетянет, — иногда сталкивались. Издалека они напоминали массивных кенгуру, разучившихся прыгать и перешедших на валкое хождение. Гардозавры подносили связки орнитомимидам, птицеящерам, животным еще меньшего роста, изящным, стройным, с длинными и ловкими передними лапами.

Кронин внимательно следил за работой одного птицеящера. Тот брал из связки кирпичи, окунал в какой-то раствор, налитый в желоб, тянувшийся вдоль всей стены здания, и с величайшим тщанием укладывал их один к одному, возводя таким образом безукоризненно ровную стену. Во время последней, самой ответственной операции птицеящер был сосредоточен и не отвлекался. В остальное же время он оглядывался по сторонам, почесывался, верещал что-то, напоминая своим поведением обезьяну.

— А вот и еще одна машина, — с ноткой удивления в голосе проговорил Клим, — живой тягач!

Проследив за его взглядом, Кронин увидел вдали еще одного колосса мира рептилий — диплодока. Он шествовал по широкой дороге зеленоватого цвета. Отвислое брюхо колыхалось в такт шагам из стороны в сторону, как маятник. Грязно-серый крестец вздымался холмом. Диплодок был впряжен в многоколесную повозку, соответствующую его росту. На повозке стояли решетчатые контейнеры с кирпичами. Шея диплодока анакондой тянулась вдоль дороги, морда, чем-то напоминавшая верблюжью, имела презрительно-равнодушный вид.

Зеленоватая дорога опоясывала стоянку брахиозавра. Когда странный поезд с кирпичами поравнялся с живым

подъемным краном, одно из звеньев многоколесной повозки плавно наклонилось, и контейнеры с кирпичами съехали прямо к ногам брахиозавра. Диплодок продолжал тянуть повозку дальше, как будто ничего не случилось.

— Дрессирован на дорогу, — предположил Клим, — идет вдоль зеленой полосы, а остальное для него просто не существует.

— Легко сказать, — вздохнул инженер. — У этого живого холма головной мозг величиной с грецкий орех! Какая уж тут дрессировка!

— Но у него есть и второй мозг, в области крестца. Он в сотни раз больше головного. Недаром это создание назвали двудумом.

Инженер засмеялся:

— Стало быть, ты полагаешь, что он думает не только головой? Забавно! Впрочем, — добавил он, морща в раздумье лоб, — это можно проверить.

— Чем он думает?

Инженер опять засмеялся:

— Нет, на каком принципе он дрессирован.

И Кронин изложил нехитрый план, который Клим принял с явным одобрением.

Заняв места в униходе, друзья обогнали диплодока метров на пятьсот, сильнодействующим красителем, который применяется для визуальной сигнализации, навели участок ложного пути, создав иллюзию двух абсолютно равноценных дорог. Отведя униход в сторонку, они стали ждать, как двудум решит предложенную ему дилемму.

Добравшись до разветвления, диплодок замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Добрую минуту он простоял неподвижно, наклоняя голову то вправо, то влево.

— Думает, — значительно сказал Клим.

По-видимому, имитация была безупречной, потому что диплодок забеспокоился, постепенно приходя во все большее и большее возбуждение, задергал хвостом и заревел. Повозка качнулась, одно ее звено чуть не опрокинулось, и кто знает, что было бы дальше, но в этот момент откуда-то с высоты камнем упал птеродактиль, над самой землей зонтиком распахнул перепончатые крылья и уселся на крестец диплодока. По-хозяйски устроившись поудобнее, птеродактиль несколько раз с силой клюнул гиганта. Диплодок понемногу успокоился, перестал реветь, постоял еще с минуту и степенно поволок повозку дальше, миновав ложный участок пути. Пте-

родактиль проехался немного на спине ящера, неуклюже разбежался, нырнул со спины-холма и взмыл в небо.

— Любопытно, — пробормотал инженер, провожая взглядом ящера, — оказывается, тут есть не только рабочие, но и надсмотрщики.

— И немало, — добавил Клим.

Прикрывая ладонью глаза, он смотрел вверх, где в мутном просторе плавали черные точки — парящие птеродактили.

Глава 6

Лобов оглядел товарищей. Клим стоял у стены, хмурясь и заложив руки за спину, Кронин сидел в своей любимой позе — забившись в самый угол дивана и обхватив длинными руками худые плечи.

— Что скажешь ты, Клим?

— Что можно сказать, когда ясно одно — ничего не ясно! — буркнул штурман.

По губам Лобова скользнула улыбка — в этой реплике был весь Клим. Всякую загадку, которой нельзя было дать исчерпывающего объяснения, он воспринимал как оскорбление. Клим обижался не столько лично за себя, сколько за человечество в целом.

— И что же тебе не ясно, мой друг? — хладнокровно полюбопытствовал Кронин.

— Да все! От начала и до конца. Не ясно, куда могла исчезнуть «Ладога» в такой безобидной обстановке. Не ясно, как безмозглые ящеры могут выполнять сложные операции, которые под силу только разумным. Не ясно, почему с действующими атомными станциями соседствуют древние развалины. А стройка? Какой в ней смысл? Мы обследовали одно из построенных зданий. Оно было абсолютно пустым! Ни оборудования, ни мебели, ни механизмов, только — комнаты, начиная от крохотных и кончая обширными залами. Это было здание в чистом виде, почти абстракция.

— Люди тоже делают много странного и бессмысленного, если посмотреть на их деятельность непредубежденными глазами, — вздохнул инженер.

— Например?

— Обязательно подавай тебе примеры. Хм! Вспомни такое чудо, как футбольный стадион. Стоит гигантское сооружение, вмещающее десятки и сотни тысяч человек,

и в нем ни души. Пустота, тишина и тайна. Лишь один раз в неделю сходятся толпой люди и начинают неистовствовать. Что бы подумал по этому поводу какой-нибудь разумный андромедянин?

— Он подумал бы, что прошлое, никому не нужное прошлое, еще крепко сидит в нас.

— А музыка? — словно не замечая реплики штурмана, флегматично продолжал Кронин. — Трудно придумать что-нибудь более условное. Все в ней держится на некой договоренности и привычке. Здание по сравнению с музыкой куда более понятная и практичная вещь. Его хоть пощупать можно! А музыку?

— Музыку можно слушать, — улыбнулся Лобов.

— И наслаждаться, если ты не окончательное бревно! — добавил Клим.

— Я понимаю, — серьезно согласился инженер, — музыка — это как юмор. Когда чувство юмора есть, то все понятно само собой, а когда его нет, то уж ничто не поможет. Что тут поделаешь, Клим, если, слушая твои экзерсисы, я готов взять увесистый доисторический топор и расколотить твой инструмент на тысячу кусочков! Но ближе к делу. Скажи мне, Клим, почему ты считаешь, что наслаждаться сочетаниями звуков можно, а постройкой здания нельзя?

— Наслаждаться? Это кому же, брахиозавру?

— Брахиозавру, игуанодонам, птеродактилям — какая разница? Я говорю о принципах. Разве строительство не может превратиться в чистое искусство или своего рода спорт? Так сказать, стройка ради стройки!

Лобов, внимательно слушавший инженера, спросил без улыбки:

— Скажи, ты просто так ораторствуешь или у тебя есть какая-то идея?

Кронин покосился на командира, на штурмана и сказал:

— Есть. Но я боялся показаться нескромным.

— Укрепи душу свою и не бойся, — посоветовал Клим.

— А потом мне хотелось напомнить вам об ограниченности нашего опыта и о бесконечном многообразии Вселенной.

— Ты уже сделал это.

— Ограниченность опыта и многообразие природы и явились тем фундаментом, на котором я построил здание своей гипотезы.

Кажется, мы встретились с остатками некой своеобразной цивилизации, в производстве которой главную

роль играли не машины, как у нас, а специально обученные дрессированные животные. По-видимому, трудовые навыки были введены мезойцами непосредственно в генетический код животных и передавались по наследству от поколения к поколению. Эти навыки были закреплены не в коре мозга, она ведь у пресмыкающихся очень примитивна, не в сфере условных рефлексов, а непосредственно в подкорке, в виде безусловных рефлексов — инстинктов.

— Звездные минуты в жизни Алексея Кронина, — иронически пробормотал Клим, хотя слушал инженера с видимым интересом.

— Биопроизводство, — продолжал Кронин, — было организовано мезойцами по типу конвейера, расчленено на простые операции, выполнять которые под силу даже самым примитивным существам. Давно известно, что таким путем можно сделать все, начиная от топора, кончая ядерным реактором. Биоконвейер был доведен до автоматического воспроизводства, обладающего спонтанной устойчивостью. Он мог работать сам по себе, без внешнего вмешательства. Известно, что в любой саморегулирующейся системе с течением времени возрастает энтропия: накапливаются шумы, помехи, которые рано или поздно превращают стройную систему в первозданный хаос. Любое живое существо, в том числе и человек, гордый хомо сапиенс, — характерный пример такой системы. Накопление энтропии у нас с вами разрешается в конце концов старческим маразмом и смертью. Будучи отлично осведомлены в этом, мезойцы приняли специальные меры. Я имею в виду систему наблюдателей-птеродактилей, которые, выполняя роль контролеров и корректировщиков, ликвидируют возникающие помехи, сбои и накладки непрерывного биопроизводства.

Итак, на Мезе было создано автоматическое биопроизводство. А потом с организаторами его, мезойцами, что-то случилось. Я не берусь гадать, что, может быть, они погибли в результате бедствия, может быть, навсегда или временно покинули планету, кто знает? Во всяком случае, биопроизводство оказалось предоставленным самому себе и продолжало исправно функционировать. А все, что выходило за его рамки, все, что производилось под прямым контролем хозяев планеты, остановилось, одряхлело и разрушилось. Отсюда и парадоксальность картины, представшей перед нами: мертвый город и действующая атомная станция, дряхлые развалины и новенькие, только что по-

строенные здания, примитивные глупые ящеры и кажущаяся разумность из деятельности.

— Что ж, — резюмировал Лобов, — довольно стройная система. Но в ней не хватает самого важного звена. Где «Ладога»? Как объяснить ее исчезновение?

— Вы слишком много от меня хотите, — пожал плечами Кронин. — Я нарисовал общую картину, а над деталями надо еще подумать.

— Это «Ладога»-то деталь? — сердито спросил Клим.

— Не надо быть идеалистом-семантиком, мой друг, и так придирчиво относиться к словам, — кротко ответил инженер.

— Да тут и думать-то не над чем!

Лобов посмотрел на штурмана с интересом, а тот продолжал:

— Итак, мезойское биопроизводство нуждается в защите не только от внутренних, но и внешних помех. У него должна быть действенная система охраны! И я уверен, что птеродактили, которые все время болтаются над нами, имеют к ней самое прямое отношение.

Кронин склонил голову набок и обернулся к Лобову:

— А что, это — мысль!

Лобов удовлетворенно кивнул.

— Это не мысль, — важно сказал Клим, — это железные непробиваемые факты. Я уверен, что появление тиранозавра возле атомной станции не было случайностью. Хищник генетически запрограммирован для защиты ее от постороннего вмешательства. Если бы я вовремя не подстрелил его, еще не известно, что бы из всего этого вышло. Я только ступил на дорогу, ведущую к атомной станции. А если допустить более глубокое вмешательство? Например, попытаться войти в здание. Даю голову на отсечение, что тогда будут пущены в ход более могучие силы.

— Какие? — спросил Лобов.

— Не берусь гадать какие, я же не мезоец. Это может быть все, что угодно, вплоть до ядерного оружия.

— Ядерного? — почему-то удивился Кронин.

— А почему бы и нет? Ядерная энергетика и ядерные бомбы всегда рядом. Ничего не поделаешь, единство противоположностей.

— Понимаю, — кивнул Кронин, — диалектика развития. Мне не понятно другое. Если экипаж «Ладоги» был недостаточно осторожен и сработала слепая защита, скажем, ядерного характера, то «Ладога» оказалась бы разрушенной. А она просто сменила место стоянки.

— Представьте, — сказал Лобов, — что, обнаружив нечто интересное, не теряя времени на связь с базой, ладожане взлетают, перебираясь к интересующему их объекту поближе, начинают обследование и случайно затрагивают святая святых мезойцев. А это заставляет сработать слепой защитный механизм.

— Пожалуйста, — сказал Клим инженеру, — тебя устраивает такое объяснение?

Кронин, не слушая его, проговорил в раздумье:

— Если так, то новая стоянка «Ладоги» должна быть где-то неподалеку. Иначе Штанге все-таки предупредил бы базу!

— Алексей, да ты просто гений!

— Будем считать гипотезу Алексея рабочей, — подытожил Лобов. — План наших действий будет такой: во-первых, мы организуем непрерывное наблюдение за городом, в особенности за атомной станцией и стройкой. Почти уверен, что нам удастся там за что-нибудь зацепиться. Во-вторых, надо организовать поиск «Ладоги» в районе, прилегающем к месту ее старой стоянки. И, в-третьих, надо соблюдать величайшую осторожность.

Закрыв совещание, Лобов подошел к инженеру:

— Алексей, а почему ты так удивился, когда Клим сказал о ядерном оружии?

Кронин усмехнулся, пряча глаза.

— А все-таки? — настаивал Лобов.

— Не то чтобы удивился. Просто подумал, что, помимо ядерного, люди изобрели в свое время великолепный набор и другого оружия. Нигде так не проявилась человеческая изобретательность, как при создании средств уничтожения.

— Ну и что?

— Да ничего. — Кронин помолчал и добавил: — По всему видно, что мезойская цивилизация сильно отличается от земной. А раз так, подумалось мне, то они могут применить для защиты не только знакомую нам ядерную энергию, но и такую штуку, о которой мы и понятия не имеем.

Глава 7

Лобов прочесывал местность севернее старой стоянки «Ладоги». Он вел глайдер гребенкой, на небольшой высоте, стараясь отыскать если не сам корабль, то хотя бы его следы. Неожиданно в пикофонах прозвучал громкий, встревоженный голос Кронина.

— Иван, как меня слышишь? Отвечай!

— Слышу хорошо, — ответил Лобов, не прекращая поиска, и уже потом, отметив необычную эмоциональность инженера, насторожился. Кронин молчал, однако Лобову почудилось, что тот облегченно вздохнул.

— Я слушаю, что у тебя? — спросил он после паузы.

— Иван, — начал Кронин, на секунду замолчал и с запинкой проговорил: — Клим пропал, Иван.

Клим патрулировал на униходе в районе атомного города. Лобов, все еще разглядывая пески с редкими пятнами серого кустарника, недоуменно переспросил:

— Пропал? Что ты имеешь в виду?

— С униходом нет связи, перестала работать телеметрия.

Телеметрическая аппаратура работала автоматически, фиксируя маршрут унихода. Если телеметрия перестала работать, то... Лобов даже не стал додумывать эту мысль до конца.

— Не может быть, — вслух сказал он, — проверь еще.

— Я уже десять раз проверял!

Не работает телеметрия! Лобов заложил глайдер в такой вираж, что одно крыло вертикально опустилось, а другое вздыбилось к небу. От перегрузки в глазах поплыл туман. Еще движение — и глайдер выровнялся на заданном курсе. Выжимая ходовую педаль и всем телом ощущая, как стремительно нарастает скорость, Лобов сказал сквозь зубы:

— Подготовь все данные. Буду через пять минут.

Лобов вошел в ходовую рубку, не снимая скафандра.

— Так и не отвечает, — сказал Кронин коротко, протягивая командиру копию телеметрограммы — карту с нанесенным на ней маршрутом полета унихода. Глаза их на мгновение встретились.

— Не падай духом, Алеша, — проговорил Лобов, принимая карту.

— Я не падаю, — в голосе Кронина звучали непривычные нотки раздражения и усталости, — но мне почему-то кажется, что, будь на месте Клима ты или я, такого бы не случилось.

— Твое дело — корабль, — холодно ответил Лобов, углубляясь в изучение маршрута. — Клим же — патрульный, а не мальчик под опекой.

Красная полоса со стрелками, показывающими направление полета, тянулась от стоянки «Торнадо» к атомному городу, спутывалась хитроумным клубком на поле баражирования и обрывалась кружком — знаком посадки.

Лобов положил на этот кружок палец и вопросительно посмотрел на инженера.

— Клим сообщил, что обнаружил какой-то подозрительный обломок и поэтому идет на посадку, — пояснил Кронин.

— Ты вызывал его?

— Да.

— Как часто?

— Как положено при подстраховке: через каждые три минуты. Клим ни разу не ответил.

— Надо было сразу же доложить мне.

— Я решил, что Клим вышел из унихода и изучает свою находку.

— Наверное, так оно и было, — пробормотал Лобов, разглядывая карту, — но что случилось потом?

Униход затерялся не на месте посадки, как подсказывала элементарная логика и как сначала подумал Лобов. Он простоял на земле около двенадцати минут, а потом благополучно взлетел, повернул влево, вправо, словно отыскивая что-то, и идеальной прямой пошел в глубь пустыни на юго-запад. Красная линия маршрута тянулась всего несколько километров, а затем обрывалась жирным крестиком — знаком прекращения телеметрии.

— С униходом случилось то же, что и с «Ладогой», — хмуро сказал Кронин. — Ведь и «Ладога» взлетела, ушла куда-то, да так и пропала, больше ни разу не выйдя на связь.

— Ты думаешь, униход попал в чужие руки? — прямо спросил Лобов.

— Вероятно. Но, в конце концов, дело не в униходе. Где Клим? Может быть, ему удалось избежать плена, несмотря на потерю унихода?

— Это мы скоро узнаем, — медленно проговорил Лобов. Он аккуратно свернул карту с маршрутом унихода, спрятал ее в сумку. — Постараюсь без Клима не возвращаться. Ты хочешь мне что-то сказать?

— Да, — после некоторого колебания сказал инженер, — возьми с собой гравитоприставку, Иван.

— Лишние килограммы, — в раздумье протянул Лобов.

Гравитосвязь не пользовалась у космонавтов популярностью. Она требовала огромных расходов энергии, а гравитоприставка, крепившаяся непосредственно к скафандру, весила около пяти килограммов. Зато эта приставка обеспечивала жесткую, мгновенную связь независимо от дальности и окружающих условий.

— Лишние килограммы, — рассеянно повторил Лобов, — но приставку я возьму. — И, помолчав, добавил: — Тебе выход из корабля запрещаю вообще, что бы ни случилось. Ты меня понял?

— Понял, Иван. Дела обстоят так серьезно?

— Да, Алексей. Входная дверь будет на шифр-замке. — Он чуть улыбнулся. — Ну, храни тебя база!

Глава 8

Унихода не было. Ни единого следа, хотя Лобов буквально ползком обшарил местность, где рассчитывал его найти. Не было и Клима, а Лобов в душе больше всего надеялся на этот вариант: униход кто-то угнал, а штурман остался на месте посадки. Ничего тревожного в окружающей обстановке, мезойская жизнь неторопливо шла своим загадочным чередом. Лобов еще раз поймал себя на невольном сомнении: полно, как могла пропасть в этом равнодушном, сонном мире могучая, технически совершенная машина? Он в который раз разглядывал телеметрограмму: стремительный взлет, секунды колебания и потом прямой, как стрела, маршрут куда-то в глубь пустыни. Может быть, экспансивный Клим, обнаружив нечто из ряда вон выходящее, кинулся в погоню, а чтобы ему не мешали, просто-напросто выключил телеметрию? Конечно, это беспрецедентное нарушение правил безопасности, но Клим есть Клим. Начальник базы всегда жмет ему руку дольше, чем другим, и лукаво щурится при этом, словно спрашивает: «Ну, что ты еще выкинул, какой параграф инструкции нарушил?» Говорят, старик сам был заядлым нарушителем инструкций.

Лобов вызвал «Торнадо»:

— Как дела, Алексей?

— Все спокойно.

— Хорошо. Иду по маршруту унихода.

— Будь осторожен, Иван.

— Постараюсь. Бди, не расслабляйся.

— Что мне сделается в этой крепости?

Лобов вел глайдер на небольшой скорости. Спящий, а может быть, и мертвый мир — ни растений, ни животных. Что-то вдруг обеспокоило его. Иван поднял голову и скоро нашел в небе то, что искал: сзади и немного выше, трудно и часто махая крыльями, за глайдером изо всех сил тянулась пара птеродактилей Стало быть, он под неусыпным наблю-

дением. Под таким же наблюдением был и Клим. И если с униходом что-то случилось, птеродактили были не только свидетелями этого, но, возможно, и участниками.

Лобов понимал, что в сложившейся ситуации не может допустить даже самой малой крохи риска. Он плавно потянул штурвал на себя. Зазвенел, завыл вышедший на форсаж двигатель, и глайдер одним стремительным броском выскочил в стратосферу. Небо здесь было синим, а лучи солнца оранжевыми, как лучи земного вечернего солнца. Далеко распахнулся тонущий в сизом тумане горизонт, внизу лениво плыла красноватая карта земли.

Змейкой выйдя на прежний курс, Лобов с улыбкой оглядел чистое, почти земное небо и стремительно нырнул в тропосферу. Нехитрый маневр удался, птеродактили безнадежно отстали.

Еще через три минуты впереди показались и стали на глазах расти темные скалы самых причудливых очертаний — должно быть, ветер потрудился над массивом пород разной плотности. Одна скала была удивительной, она напоминала острую иглу, вонзившуюся в небо. Сначала Лобов разглядывал ее с рассеянным любопытством, но потом...

Да ведь это же «Ладога»! Тот самый пропавший корабль, ради которого «Торнадо» приземлился на планете Меза. Если некто решил спрятать его понадежнее, то лучшего места не найти. Корабль терялся на фоне скал, и потом, кому бы пришло в голову искать его в столь неподходящем месте?

«Ладога» выглядела совершенно исправной и стояла в стандартной позиции. Ничто не говорило о том, что здесь произошла какая-то трагедия. Корабль приземлился, и только. Но чтобы приземлиться среди скал, нужно проявить подлинное мастерство, лежащее на грани искусства. Лобов мог по пальцам пересчитать пилотов, которые решились бы на такой фокус. Штанге был в их числе.

Лобов сделал несколько кругов над скалами, вызывая «Ладогу» на аварийной волне. Намеренно форсируя двигатель, он то снижался к самой земле, то взмывал вверх, все еще надеясь, что из корабля покажутся люди. Неожиданно возникло предположение: где-то неподалеку стоит и униход. Иван обследовал каждую скалу, каждую подозрительную выемку, но надежды его не оправдались. Может быть, Клим просто-напросто вывез отсюда экипаж? Лобов набрал высоту и вызвал «Торнадо».

— Что нового, Алексей?

— Ничего, все спокойно.

«Стало быть, Клим так и не появился. Наверное, он еще в пути?»

— Засекай координаты. Я обнаружил «Ладогу».

— Есть засечь. А Клим?

— Не видно ни людей, ни унихода. Возможно, Клим забрал всех и скоро будет на «Торнадо». На всякий случай приготовься.

— Сделаю! Иван, неужели все обошлось? Даже не верится!

Лобов нахмурил брови. «Рано, ох как рано радоваться! Но зачем огорчать Алексея?»

— Будем надеяться, — вслух сказал он и добавил: — Иду на посадку. Осмотрю «Ладогу».

— Иван, — попросил Кронин, — возьми меня на подстраховку!

— Я буду осторожен, Алеша. А времени терять нельзя, — мягко сказал Лобов.

— Понимаю, — вздохнул инженер, — желаю удачи!

— Спасибо.

Лобов приземлился, лавируя между башнями скал. Он не торопился.

Стройная колонна «Ладоги» молчаливо вздымалась над ним. Входная дверь корабля была приоткрыта, и Лобову показалось, что кто-нибудь вот-вот выглянет и спрыгнет на песок. Он даже задержался у машины из-за острого чувства ожидания. Но ничего не произошло. Порывы ветра покачивали дверь, и она глухо, трудно скрипела, наверное, песок уже успел забить петли и шарниры.

Лобов медленно направился к кораблю. Возле трапа он остановился. Скалы, песок, тишина. В тени корабля, прямо под соплом двигателя, пробился к свету кустик серовато травки, похожей на земную полынь. Лобову почудился даже этот горьковатый грустный запах полупустынь. Он вытащил пистолет и, придерживаясь левой рукой за поручень трапа, начал подниматься. Вдруг какой-то зверек с кошку величиной метнулся сверху, скользнув по плечу, поднялся на перепончатые крылья и, как огромная бабочка, низко и неровно потянул над самой землей. Птеродактиль! Лобов с сердцем ругнулся, осторожно толкнул дверь и заглянул в шлюзовую камеру. Там тускло горел дежурный свет и никого не было. На порог намело горку песка, и на нем виднелись следы птеродактиля, который только что удрал отсюда. Что он тут делал?

Лобов подтянулся на руках и вошел в шлюз. В прозрачных шкафах, точно заснувшие средневековые рыца-

ри, стояли скафандры средней защиты, которыми обычно снабжаются малые корабли. А вот глайдера, как показывало контрольное табло, в корабельном ангаре не было. Неужели земляне оказались настолько легкомысленными и беспечными, что отправились на глайдере без скафандров? На Штанге это не похоже. Может быть, что-то заставило их торопиться?

Дверь из шлюза в жилой отсек была закрыта. Лобов в раздумье постоял перед ней, затем, чтобы обеспечить себе свободу маневра, широко распахнул наружную дверь, снял с плеча скорчер, примерился и, с силой ударив ногой в дверь жилого отсека, прижался к стене. Та со стуком распахнулась. Некоторое время Лобов выжидал, мысленно благодаря судьбу за то, что жилой отсек оказался незапертым и не пришлось выжигать запор, а потом осторожно заглянул в помещение. И здесь горел дежурный свет. Отсек был пуст, в нем царили грязь и запустение.

На столе, на полу и в креслах валялись грязные брикеты, остатки пищи, одежда и предметы туалета. Одно из трех кресел, наглухо прикрепленных к полу, было выдрано буквально с корнем и лежало на боку. Две полки-постели убраны в стенные ниши, а одна — откинута и не застелена. Небрежно брошенное одеяло одним концом свисало на пол, подушка смята и испачкана кровью. Все говорило о том, что на корабле побывали чужие, совершенно незнакомые с земной культурой существа, о том, что здесь произошла жестокая рукопашная схватка. Странно, но ни стены, ни мебель, ни оборудование не носили никаких следов применения лучевого оружия. А ведь экипаж должен, обязан был применить его для защиты! Да, что-то трагическое и загадочное произошло здесь.

Лобов с трудом оторвал взгляд от подушки, запятнанной кровью, и перевел его на дверь, ведущую в ходовую рубку — единственное место на корабле, которое еще не осмотрел. Он не рассчитывал увидеть там ничего утешительного, а поэтому медлил. Даже подумал: не отложить ли осмотр рубки на потом, связавшись прежде с «Торнадо»? Но тут же понял, что просто-напросто играет в прятки с самим собой, и, сделав некоторое усилие, отворил дверь в ходовую рубку.

Пульт управления был разбит и разломан. Возле него на полу валялся скорчер, и состояние его приклада не оставляло сомнений насчет того, что тот был использован, как простая дубина. Мезойцы, которым, по-видимому, удалось захватить корабль на новом месте стоянки,

хорошенько позаботились о том, чтобы он не смог больше подняться в воздух. Разрушены были и станция дальней связи, и пульт управления оружием, и вообще все, что могло быть прямо или косвенно использовано для защиты. Хозяйничала тут грубая, но опытная рука, хорошо знавшая расположение жизненно важных центров. Странно только, что существо, разобравшееся в конструкции корабля, не догадалось о назначении скорчера и том, как пустить его в дело. Скорее всего прикладом скорчера поработал некто большой и сильный, слепо выполнявший заблаговременно данные ему директивы. Может быть, дрессированный ящер, один из тех, что так ловко орудуют на стройке в атомном городе. Гардозавр или тем более игуанодон вполне бы справились с такой работой. Но кто стоит за их спиной? Впрочем, если справедлива гипотеза Алексея, то никто, просто-напросто сработала защитная схема автономного биопроизводства.

Лобов шагнул вперед, нагнулся, чтобы подобрать искалеченный скорчер, да так и замер. Он увидел то, что ему не было видно с порога рубки: справа от главного пульта в кресле оператора дальней связи сидел человек. Голова его бессильно завалилась набок, видны были только шея да щека, густо заросшая черной щетиной. Лобов выпрямился, ногой отбросил скорчер и осторожно приблизился к креслу оператора. На полу валялись обрезки крепкого фала, которым человек был привязан к креслу. Лицо его было залито кровью, но все же Лобов узнал его — это был биолог «Ладоги» Дан Родин. Со стесненным сердцем Лобов взял биолога за плечи, собираясь извлечь его из кресла, и вздрогнул от неожиданности: губы Родина шевельнулись, и он издал не то громкий вздох, не то слабый стон. Биолог был жив!

Лобов расстелил в жилом отсеке чистую постель и перетащил на нее биолога, освободив его от верхней одежды. Ни ран, ни опасных повреждений, только самые ординарные ссадины, синяки и шишки. И вообще Родин не выглядел ни истощенным, ни больным, и, если бы не густая щетина на его щеках, можно было бы подумать, что он просто крепко заснул. Лобов попробовал привести его в чувство, но элементарные меры оказались недейственными, а применять активные тонизаторы Иван побоялся — кто знает, как они подействуют на человека в таком непонятном состоянии! Он ограничился тем, что ввел в вену биолога универсальную питательную смесь из набора аминокислот и глюкозы. Через несколько секунд Родин глу-

боко вздохнул, но этим дело и ограничилось — в сознание он так и не пришел. Следовало немедленно отвезти его на «Торнадо» и перепоручить заботам Алексея. Лобов еще раз осмотрелся и направился к выходу, чтобы подготовить глайдер для транспортировки больного. Заперев дверь жилого отсека, Лобов прошел шлюзовую камеру, выглянул наружу и оцепенел: на месте глайдера он увидел бесформенную груду дымящихся обломков.

Глава 9

Растерянность Лобова длилась не больше секунды. Он прыгнул вниз и, распластавшись на песке, принялся осматриваться и соображать, что же все-таки случилось. Мимоходом отметил, что его рефлекторный прыжок совершенно правилен: в выходной двери и в самом шлюзе он был бы слишком удобной мишенью. Запереться же в неисправном корабле — значит обречь себя на пассивную оборону, а это совсем не в характере командира «Торнадо». Глайдер был разрушен так, будто по нему прошел тяжелый каток. Итак, мезойцы или их слепые исполнители вели с землянами самую настоящую войну. В известной мере Лобов был даже рад этому, открытую драку он всегда предпочитал томительному ожиданию нападения из-за угла.

Но он остался без транспорта, лицом к лицу с коварным и сильным врагом. Скорее всего мезойцы прячутся где-нибудь за скалами, ожидая, что ошалевший от неожиданности землянин бросится к машине и станет их легкой добычей. Лобов усмехнулся, переводя скорчер на полную мощность и поудобнее укладывая его перед собой. Началась игра в кошки-мышки, а в такой игре самое главное — выдержка и терпение.

Слабо загудел зуммер, замигала синяя индикаторная лампочка, предупреждая, что гравитостанция «Торнадо» под током и что сейчас последует сообщение. Послышался голос Кронина:

— Иван, берегись унихода!

Голос инженера был искажен и начисто лишен эмоций, как это и всегда бывает при гравитопередаче. После заметной паузы, длившейся несколько секунд, голос повторил:

— Берегись унихода!

Индикаторная лампочка погасла. Все, конец передачи. «Берегись унихода!» Это могло означать лишь одно — бое-

вая машина попала в чужие руки, а Алексею каким-то образом удалось узнать об этом. Но почему он сказал так мало? Добрых пять секунд гравитостанция работала вхолостую, пожирая энергию, а Кронин молчал. Может быть, это провокация со стороны мезойцев? Попытка сбить с толку в самый критический момент, заставить землян воевать друг с другом? Поди узнай голос при гравитопередаче!

Тягуче тянулись секунды ожидания, больше похожие на часы, а ничего не происходило. В районе «Ладоги» царили тишина и покой. Можно было подумать, что глайдер сам развалился на куски, а гравитопосылка с «Торнадо» — наваждение. Слабый внешний звук заставил Лобова насторожиться, он поднял голову и прислушался — из глубины пустыни, быстро нарастая, катился грозный гул. Лобов вжался в песок, не спуская глаз с плоских холмов, ограничивающих линию горизонта. Мгновение — и из-за них вынырнул униход, шедший на высоте нескольких метров от земли. Торнадовский униход, на борту которого должен находиться Клим! Если бы не странное предупреждение Алексея, Лобов вскочил бы на ноги и заплясал от радости. Но теперь он этого не сделал. Он лежал, вжавшись в песок, лихорадочно соображая, как поступить. Если предупреждение действительно исходит от Алексея, если униход в чужих руках, то все ясно. А если в машине все-таки Клим? Ведь в этом районе он подвергается явной опасности, как можно не предупредить его? Да и вообще, что значат слова: «берегись унихода»?

И Лобов решился. Он не мог не использовать даже призрачный шанс, чтобы уберечь друга. Включив станцию и по-прежнему не поднимая головы, он скомандовал:

— Клим! Здесь опасно! Горку, горку!

Униход режима полета не изменил. С ревом и свистом пронесся над обломками глайдера. Дрогнула земля, густой удар потряс воздух, обломки глайдера рассыпались в прах. «Униход — из гравитопушки», — механически констатировал Лобов, провожая взглядом удаляющуюся машину. Секунда — и она нырнула за красноватые холмы и исчезла. Лобов перевел взгляд на аморфную кучу останков глайдера и лишь теперь похолодел. Униход в чужих руках, это ясно. Зачем бы Климу бить из гравитопушки? Если бы не Алексей, гравитоудар достался бы не глайдеру, а ему, Лобову. Тогда конец, от гравитоудара не спасает даже скафандр.

Тишина и покой на стоянке «Ладоги» предстали теперь в новом свете. Он наивно думал, что враги прячутся где-

то за скалами, и еще более наивно гадал, что у них за оружие, от которого глайдеры разваливаются, точно картонные домики. Все гораздо проще. Мезойцы атакуют не с земли, а с воздуха и пользуются не своей техникой, а тем, что было создано, выстрадано на земле. И все-таки они просчитались и дали ему шанс, который он во что бы то ни стало обязан использовать. Надо вернуться на «Ладогу» и попытаться хотя бы начерно привести ее в порядок. На корабле, даже неисправном, можно потягаться с униходом.

Характерный шум заставил Лобова снова распластаться на песке: за его спиной, погасив скорость, униход с парашютированием шел на посадку. Проследив за всеми его маневрами, за тем, как мягко опустилась машина на песок, Лобов понял, что ею управляет опытный водитель. Униходом завладел ловкий, умелый противник, за какие-нибудь полтора-два часа научившийся управлять сложной машиной.

Около минуты униход неподвижно стоял на песке, а Лобов держал его на прицеле, мысленно одобряя предусмотрительность водителя. Но вот дверца распахнулась, и Лобов от удивления чуть не выронил из рук скорчер. На песок спустился не ящер, не загадочное инопланетное существо, а человек. Высокий человек без скафандра и даже без респиратора, в комбинезоне обычного покроя, со скорчером в руках. Несмотря на то что лицо его густо заросло щетиной, Лобов сразу узнал своего бывшего напарника по космосу — это был Юст, Юстинас Штанге, командир «Ладоги»!

Лобов подавил желание запросто окликнуть старого товарища. Командир «Ладоги» только что расстрелял глайдер. Он расстрелял его хладнокровно, наверняка, дважды повторив атаку, хотя не знал, есть в машине люди или нет. В этом была какая-то нехорошая тайна, а Лобов не мог рисковать. И, вместо того чтобы запросто окликнуть Юста, он заставил себя держать его на прицеле.

Штанге привычным движением зажал скорчер под мышкой и, даже не прикрыв дверцу унихода, зашагал к «Ладоге». Лобов с некоторым удивлением отметил про себя это упущение и, помедлив, снял свой скорчер с предохранителя, положил палец на спусковой крючок. Нет, он не был растерян и сбит с толку, он просто не знал, как правильно поступить. Кажущаяся беспечность Штанге его не обманывала. Когда скорчер под мышкой, опытный космонавт может прицельно выстрелить в доли секунды. Лобов интуитивно чувствовал, что Штанге настороже

и готов к немедленным действиям. Самое разумное, что мог сейчас сделать Лобов, это упредить командира «Ладоги». Например, можно точным выстрелом выбить скорчер из его рук. Но стоит ошибиться буквально на полсантиметра, как Штанге будет мертв — ведь он даже без самого легкого скафандра! А Лобов не мог взвалить на свои плечи такой тяжелый груз. Да, Штанге разрушил глайдер, но мотивы его поступка неизвестны. Может быть, он действовал во имя высшего блага, может, он был введен в заблуждение, может, прежде чем напасть, он мучился и колебался точно так же, как это делает сейчас Лобов. Ведь ничего не известно! Почему Родин связан? Почему «Ладога» брошена? Как уникод попал в руки Штанге? И где Клим?

На полпути к «Ладоге» Штанге вдруг остановился, как-то растерянно посмотрел вокруг, жестом предельно усталого человека провел ладонью по лицу и с удивлением глянул на свои пальцы — они были разможжены и окровавлены. Штанге стряхнул с пальцев кровь и решительно направился к развалинам глайдера. Подойдя вплотную к тому, что несколько минут тому назад было машиной, Штанге принялся прикладом скорчера шарить среди обломков. Вот он, удобный момент! Лобов уже подобрался для рывка, когда раздался несильный взрыв. Наверное, это сработала одна из случайно уцелевших банок аккумулятора. Взрыв был слабым, но Штанге рывком распрямился, судорожно глотнул раза два воздух, выронил скорчер и осел на песок. Лобов мотнул головой, стряхивая пот, заливавший глаза, с трудом перевел дыхание. Он не мог, не должен был, не имел права бежать на помощь! Скорее всего в уникоде сидит на подстраховке третий член экипажа «Ладоги», планетолог Нил Гор. Иначе Штанге захлопнул бы за собой дверцу машины.

Тянулись долгие, томительные секунды ожидания. Штанге оставался неподвижным, а уникод стоял сиротливым и покинутым. Что ж, надо рискнуть. Без риска нет искусства, без искусства нет настоящего космонавта. Надо! Лобов кинулся к уникоду. Во время бега он молил судьбу лишь об одном — о промахе, если в него начнут стрелять. Только о промахе! Но выстрелов не было. Последние шаги — и Лобов ввалился в уникод, захлопнув за собой дверцу. Несколько секунд Лобов отдыхал, откинувшись на спинку сиденья, потом выпрямился и положил руки на пульт управления.

Обежав глазами контрольные приборы и убедившись, что машина в порядке, он запустил двигатель и подвел

униход вплотную к Штанге. Командир «Ладоги» лежал на спине. Из маленькой, безобидной, на первый взгляд, ранки на левой стороне груди сочилась тонкая струйка крови, широко открытые серые глаза спокойно смотрели в чужое небо. Лобов выскочил из унихода.

— Эх, Юст, Юст... — только и сказал он, опускаясь на колени перед Штанге.

Кто мог подумать, что железный, уверенный в себе Юст Штанге найдет такой нелепый конец? Что заставило его, человека безупречной честности, напасть на своих товарищей? И снова тень нехорошей тайны коснулась Лобова липкой рукой.

Каждая секунда была сейчас величайшей драгоценностью, и все же Лобов не мог просто так бросить тело товарища. Подсунув руки, он с усилием поднял погибшего Штанге, отнес к «Ладоге» и уложил в один из наружных контейнеров. Пусть командир остается на своем корабле. Отдавая товарищу последний долг, Лобов несколько мгновений простоял неподвижно, а потом бегом вернулся к униходу.

Заняв водительское место, Лобов секунду поколебался, мысленно попросил прощения у Родина — ничего не поделаешь, предстоящий бросок был под силу не то, что больному, но и не каждому здоровому человеку — и отвел униход в сторону, чтобы ни корабль, ни скалы не мешали старту.

— Прощай, Штанге, — пробормотал он, оглядывая стройную колонну «Ладоги», освещенную кирпичным светом чужого солнца.

Глава 10

Тягучая перегрузка ртутной тяжестью залила тело. Униход рванулся ввысь, ракетой прошивая плотные слои атмосферы. Набрав скорость для полета к «Торнадо» по баллистической траектории, Лобов выключил двигатель. Земля, украшенная редкими зелеными узорами галерейных лесов и небольшими пятнами облаков, убегала вниз. Все прозрачнее становилось небо, все ярче и чище светило солнце. Лобов включил связную станцию.

— Как дела, Алексей?

Кронин не отвечал. Небо совсем потемнело, на нем робко засветились самые яркие дневные звезды. Далеко убежавший горизонт опоясала нежнейшая голубая каем-

ка. Униход проходил самую вершину своей крутой траектории. Лобов повторил вопрос:

— Алексей, как меня слышишь?

И тут же нетерпеливо и тревожно:

— Униход вызывает «Торнадо», «Торнадо», отвечай! «Торнадо»!

Лицо Лобова покрылось испариной. С колотившимся от волнения сердцем он нащупал и нажал кнопку аварийного вызова.

— «Торнадо» слушает, — бесстрастно откликнулся автомат.

Глубочайший вздох облегчения вырвался из груди Лобова — корабль на месте.

— Проверка связи, — устало сказал он.

Как понять молчание Кронина? Он на корабле, это ясно, иначе он не смог бы послать предупреждение по гравитостанции. Он знает, что Лобов в одиночку осматривает «Ладогу», и не знает, как завершится этот осмотр, поэтому никогда не бросит свой пост. Стало быть, на «Торнадо» произошло нечто чрезвычайное. Может быть, Клим вернулся? А может быть? Лобов вспомнил обломки глайдера, нахмурился еще больше и решил проходить атмосферу без компенсации, напрямую, как это делали первые космонавты.

Униход уже валился вниз. Серело небо, меркли звезды, по телу растекалась перегрузка, и вдруг она навалилась с такой мощью, что тело буквально размазалось по сиденью. За бронестеклом робко затрепыхалось, а потом вспыхнуло и яростно забилось багровое с алыми языками пламя. Это униход вошел в плотные слои атмосферы и отдавал набранную скорость. Тяжко приходилось первым космонавтам! Но вот невидимый пресс ослабил свой нажим, обмякли мышцы, распрямилось усталое тело, невидимый волшебник смахнул, стер с унихода пляшущее пламя. Лишь звенел, стонал поток воздуха, обтекая кабину, да летела навстречу, растягиваясь, словно резиновая, земля, в центре которой стояла несокрушимая колонна «Торнадо». Лобов вывел корабль в горизонтальный полет и запустил двигатель.

— Алексей, как меня слышишь?

Корабль молчал. Лобов несколько раз прошел возле него на самой малой высоте.

— Алексей, отвечай! Как меня слышишь?

Но Кронин так и не ответил. Не теряя времени на дальнейшие попытки связи, Лобов посадил униход и сразу же, чтобы избавить себя от забот о нем, ввел в нижний ангар,

а потом уж направился к входной двери. Она была слегка приоткрыта, хотя, когда Лобов покидал «Торнадо», он лично проверил, хорошо ли та заперта. Значит, кто-то пытался проникнуть в корабль. Лобов и мысли не допускал о том, что педантично аккуратный Кронин сам открыл дверь, а потом забыл закрыть ее за собой.

Сдерживая тревогу и нетерпение, Лобов взобрался по трапу в шлюз и сразу же споткнулся о брошенный скорчер. Он поднял оружие. Скорчер был в полной исправности, из него не было произведено ни единого выстрела. Лобов ассоциативно вспомнил и исправный пистолет на старой стоянке «Ладоги», и искалеченный скорчер в разрушенной ходовой рубке, и обломки глайдера, и нелепую смерть Штанге. У него заныло сердце. Толкнул внутреннюю дверь и, убедившись, что она заперта, торопливо набрал личный код на шифрзамке. Потянулись секунды, в течение которых рецепторы автоматически сверяли код с личностью человека, стоящего в шлюзе. Лобов поймал себя на опасении: откроется ли дверь вообще, и понял, что шквал последних событий порядком потрепал ему нервы. Когда дверь наконец со звоном распахнулась, Лобов вздохнул, точно сбросил с плеч тяжелый груз, и шагнул в предшлюз.

Прямо на полу валялся нейтридный шлем. Алексей никогда бы не бросил шлем на пол. Теперь Лобов знал наверняка — на корабле что-то случилось. Он намертво запер за собой дверь, разрядил найденный в шлюзе скорчер, швырнул его на стеллаж, а свое оружие взял в руку. Сердце колотилось как молот, но голова была ясной, тело слушалось безупречно. Сейчас должен был окончательно решиться вопрос — быть или не быть патрульному кораблю «Торнадо». Двигаясь неслышно, как тень, Лобов беспрепятственно прошел коридорчик, кают-компанию и осторожно заглянул в ходовую рубку. Здесь царили покой и порядок. Навалившись грудью на пульт гравитостанции, сидел Кронин. Он был в нейтридном скафандре, но без шлема. Его рука висела как плеть, касаясь пальцами пола.

Кронин был жив. Лобов обнаружил это, как только начал освобождать его от скафандра. А почему он был без сознания, выяснилось чуть позже, когда Лобов снял с него верхнюю одежду: весь правый бок инженера был одним огромным синяком. Прийдись гравитоудар сантиметрами левее, и вместо живого человека Лобов нашел бы мешанину мышц и раздробленных костей. Гравитоудар чудовищно болезнен и всегда вызывает мгновенную потерю созна-

ния и последующий глубокий шок. Но если сознание каким-то чудом сохраняется, малейшее движение причиняет потерпевшему невыносимую боль. Лобов мысленно проделал вместе с Алексеем длиннейший, мучительный путь от подножия трапа до гравитостанции, вспомнил брошенный скорчер и шлем — следы тяжких, почти бессознательных усилий — и дрогнул, переполняясь состраданием и гневом. В эту минуту он готов был поднять могучий корабль в воздух и карающим мечом пройти по этой проклятой планете, оставляя за собой груды кипящей вздыбленной земли. А потом наступила разрядка. Лобов тяжело опустился в свободное кресло и несколько секунд сидел, расслабленно уронив на руки голову. Бедный хрупкий хомо сапиенс! Откуда только он берет непонятные, почти сверхъестественные силы? Что ведет его через бездны космоса, через боль, страдания и саму смерть от звезды к звезде и от планеты к планете? Кто наградит его, и нужно ли все это?

Алексей нуждался в помощи, и Лобов поднялся на ноги, коря себя за проявленную слабость духа и радуясь, что об этой слабости никто никогда не узнает.

Те времена, когда шок считался смертельно опасным для человека, уже давно ушли в область предания. Через несколько минут после инъекции дестрессида Кронин открыл глаза и недоуменно посмотрел на Лобова. Потом глаза его потеплели, он попытался привстать, охнул и сморщился от боли.

— Лежи, — тихо сказал Лобов, — ты свое дело сделал, Алексей.

Глаза Кронина улыбнулись.

— Так я успел, Иван? — Он осторожно шевельнулся, прикрыл глаза и прошептал: — Я думал — не успею.

Когда боль несколько утихла и Кронин снова открыл глаза, Лобов наклонился к нему и стал неторопливо рассказывать о своих приключениях. Инженер слушал внимательно, но иногда совсем некстати улыбался. Вдруг он перебил Лобова:

— А Клим?

И, услышав, что о штурмане ничего не известно, нахмурился. Лобов рассказал про нападение Штанге. Кронин едва приметно качнул головой:

— Так это он меня?!

Инженер вспомнил, что произошло с ним меньше получаса назад.

Из глубины пустыни вынырнул и принялся кружить над «Торнадо» униход. На запросы не отвечал. Что слу-

чилось? Отказала связь? По каким причинам Клим не может говорить? Или униход попал в чужие руки?

— Я ведь вызывал тебя, — с укором сказал Кронин Лобову.

— Наверное, я был в ходовой рубке «Ладоги». Ведь рубка экранирована от гравитации.

— Наверное, — вздохнул инженер.

Алексею пришлось решать самому. Он мучительно колебался, но в конце концов вышел из корабля. Он не мог не сообщить Климу, что на корабле есть люди.

Кронин понимал, что рискует многим и был настороже. Когда в самый последний момент заметил, как на униходе открылся люк гравитопушки, прыгнул в сторону. Это спасло ему жизнь, но ледяной ожог нестерпимой болью смял и скрутил его тело.

Очнувшись, он увидел песок и нижнюю ступеньку корабельного трапа. Удивился тому, что еще жив, и понял, что должен, обязан предупредить командира о вновь родившейся иезуитской опасности.

— Я ничего не помню, — пожаловался Кронин, поднимая на Лобова беспомощный взгляд. — Полз, карабкался, и все.

— Ты молодец, — сказал Лобов.

Глаза инженера улыбнулись. Он полежал, отдыхая и осваиваясь со своим новым состоянием, и спросил:

— А Штанге?

— Погиб!

Командир «Торнадо» сидел опустив голову, поэтому Кронин не видел выражения его глаз.

— Ты? — тихо спросил он.

— Нет.

— Сам?

— Нет.

Лобов поднял голову и пояснил хмуро:

— Случайность. Попал под взрыв аккумуляторной банки глайдера. — И, помолчав, спросил: — Ты что-нибудь понимаешь, Алексей? Может быть, они с ума посходили?

— Нет, Иван. Они не сами сошли с ума. Я думаю, что их свели с ума.

— Свели? Что ты имеешь в виду?

— Мезойцев, а точнее, самоохрану биопроизводства.

Лобов скептически покачал головой.

— Не торопись возражать, Иван. Вся беда в том, что мы невольно очеловечиваем все наблюдаемое. Когда мы говорим об охране, об оружии, мы механически представ-

ляем себе оружие земного типа. А ведь оно может быть совсем другим. Если хорошенько подумать, то оно просто обязано быть другим.

Лобов слушал инженера с легкой улыбкой. Не потому, что Кронин говорил забавные вещи. Просто Лобов был рад видеть, как инженер оживает на глазах, превращаясь из немощного больного в обычного Алексея — скептика, склонного к анализу.

— Стоит посмотреть на ящеров-строителей, — продолжал между тем Кронин, — чтобы понять: мезойская цивилизация носит не технический, а биологический характер. Стало быть, и мезойское оружие должно быть биологическим!

Лобов перестал улыбаться. Странные факты: исправный пистолет, небрежно брошенный на песок, грязь и запустение в кабине «Ладоги», разрушенный пульт управления, связанный Родин и чудовищное поведение Штанге — вдруг прояснились и стали в один ряд. Болезнь, чужая инопланетная болезнь, носящая психический характер, — вот что сразу объяснило все и расставило по местам.

Штанге был просто безумен и не знал, что творил. Скорее всего он действовал по чужой указке, как машина, как один из тех ящеров, что занимаются никому не нужной стройкой. Мезойцы, оставаясь в стороне, боролись с землянами руками и техникой самих же землян! Трудно было изобрести более жестокую и коварную ловушку.

— Я думаю, ты прав, Алексей, — хмуро сказал Лобов, — а главное, твою догадку легко проверить.

— Каким образом?

— Надо расспросить Родина!

Командир поднялся на ноги и с сожалением развел руками:

— Тебе придется подежурить в ходовой рубке. Ты уж потерпи, ничего не поделаешь.

— Это само собой разумеется, — с некоторой даже обидой произнес Кронин и после небольшого колебания добавил: — Иван, ты извини, что я говорю об этом, но... — инженер поднял на командира глаза и закончил: — Клим, как и Штанге, может оказаться для нас хотя и невольным, но беспощадным врагом?

— Да.

— Об этом я и хотел сказать. Будь осторожен, Иван.

— Хорошо. Если со мной что-нибудь случится, ничего не предпринимай. Ничего! Уходи в космос и вызывай помощь с базы. Ты меня понял?

— Понял, — не сразу ответил Кронин и, поколебавшись, сказал: — Но не слишком ли это жестоко по отношению к тебе, к Климу, ко всем нам?

Лобов на секунду задумался. Длинные объяснения были неуместны, а коротко выразить беспокоившую его мысль было трудно.

— Ситуация такова, что мы должны думать поменьше о себе и побольше — о других. С инопланетными болезнями не шутят.

Глава 11

Обнаружив в кустарнике на окраине атомного города какие-то подозрительные обломки, Клим, предупредив Кронина, посадил уникод. Выйдя из машины, напрямик, по заранее взятому пеленгу, начал продираться сквозь густой кустарник. Через десяток шагов он выбрался на некое подобие поляны, образованное примятыми и переломанными кустами. В дальнем конце поляны лежал разбитый глайдер.

От неожиданности Клим на секунду замер. Возле разбитой машины лежали две неподвижные человеческие фигуры без защитных масок, в обычных рабочих комбинезонах. Задыхаясь от бешеного бега и волнения, Клим упал перед ними на колени. Это были космонавты с «Ладоги» — Юст Штанге и Нил Гор. Клим лихорадочно соображал, что ему делать. Нил с трудом поднял голову и простонал:

— Пить!

Штурман без колебания откинул забрало шлема, выдернул из скафандра питьевой шланг и нажал кнопку. Прозрачная струя воды омыла лицо планетолога, попала в полуоткрытый рот. Когда Нил Гор напился и удовлетворенно откинулся на спину, Клим занялся Штанге. Он думал, что Юст без сознания, но, очевидно, тот просто спал, потому что, едва Клим прикоснулся к нему, как Штанге вздрогнул, вскинул голову и уставился на штурмана тяжелыми от сна, непонимающими глазами.

— Что случилось, Юст? Почему вы без скафандров? Где «Ладога»?

Штанге смотрел на Клима, словно не понимая его вопросов.

— Ты Клим Ждан, — сказал он, более утверждая, чем спрашивая, — как ты попал сюда?

— Мы пришли на «Торнадо», чтобы выручить вас, — ответил штурман, удивляясь его непонятливости.

— На «Торнадо», — пробормотал Штанге, садясь на песке. — «Ладогу» нашли?

— В том-то и дело, что не нашли!

Штанге вяло кивнул головой.

— И не надо ее искать, бесполезно. Я вывел ее из строя.

— Как? — изумился Клим.

— Я разрушил пульт управления, — спокойно пояснил Штанге, — теперь на ней не улетишь!

Клим ошарашенно смотрел на командира «Ладоги». Тот перехватил его взгляд и словно через силу пояснил:

— Я был вынужден. Нельзя рисковать, когда кругом изменники.

— Что ты мелешь, Юст?

— На этой планете все изменники, — убежденно пробормотал он, — и я изменник, и Нил — изменник. Но самый большой изменник — Родин. Ничего! Я крепко привязал его, не вырвется! Надо было бы убить, но это трудно.

Штанге тяжело вздохнул и повторил:

— Это очень трудно — убивать своих друзей.

Клим смотрел на него с жалостью и некоторым страхом. Неужели командир «Ладоги» сошел с ума?

Штанге поднял на Клима мутные глаза и засмеялся:

— У тебя же скафандр разгерметизирован. Теперь ты тоже изменник!

Неожиданно его взгляд посветлел, в глубине зрачков метнулось беспокойство.

— Ты что, — зашипел он, с силой хватая Клима за руку, — с ума сошел? Ты тоже хочешь стать рабом и изменником?

И заорал бешено:

— Немедленно загерметизируйся!

Почти машинально Клим выполнил эту неистовую команду. Штанге с удовлетворением проследил за тем, как закрылось забрало шлема штурмана. Взгляд его опять помутнел.

— Только в скафандре, — бормотал он, точно в бреду, — в скафандре — и никак иначе.

И не то засмеялся, не то заплакал.

— Но ведь уже поздно, — теперь совсем непонятно бормотал он, — поздно, поздно! Я знаю это по себе. Несколько секунд — и все кончено.

Он поднял на Клима ненавидящие глаза:

— Как ты смел? Как ты смел разгерметизироваться?! Ты теперь раб, понимаешь? Жалкий мезойский раб!

Он огляделся вокруг.

— Все вы рабы и изменники! А что будет с Землей? Не позволю!

Штанге вскочил на ноги, яростно ударил кулаком по нейтридной броне, размозжив себе пальцы, опрокинул Клима, который хотел его удержать, на спину и с дикой энергией бросился бежать.

— Юст, успокойся! — кричал ему вслед Клим, поднявшись на колени.

И вдруг умолк. Он понял, куда бежит безумный командир «Ладоги» — каждый шаг приближал Юстинаса к униходу. Мгновенно, словно глубокой ночью при вспышке молнии, Клим увидел и ощутил до деталей безвыходность этой нелепой и страшной ситуации. Могучая боевая машина во власти безумца! А Иван, Алексей, Родин и «Торнадо»?

Клим колебался не больше секунды — слишком многое было поставлено на карту. Заметно побледнев, он выхватил лучевой пистолет, навел на спину Штанге. В то же время тяжелый удар обрушился на его руку. Лучевой импульс ударил в песок, вспыхнуло голубое пламя, песок закипел.

— Ты с ума сошел! — кричал Нил Гор, вырывая пистолет из рук штурмана. Клим не сопротивлялся, да и поздно было. Штанге вскочил в униход и захлопнул за собой дверцу.

— Нельзя стрелять из пистолета в живых людей, — укоризненно сказал Гор и, размахнувшись, забросил пистолет далеко в кусты.

Клим ничего ему не ответил. Он не спускал глаз с униxода. Вот машина загудела, дрогнула и, поднимая клубы песка и пыли, стрелой взвилась в небо, взяв курс на плато, где стоял «Торнадо».

Клим поднялся с колен и благодарно произнес:

— Ты молодец, Нил. Вряд ли я простил бы себе убийство человека, пусть даже безумного.

В ответ послышался тихий, хриплый смех. Клим круто обернулся и похолодел. Нил Гор сидел, покачиваясь из стороны в сторону, пересыпая песок из одной ладони в другую, и бессмысленно смеялся.

— Нил! — окликнул планетолога Клим. И так как тот молчал, он подошел и тронул его за плечо.

— Чему ты смеешься, Нил?

Планетолог поднял на него пустые, улыбающиеся глаза, несколько секунд внимательно рассматривал его, а потом посерьезнел и пожаловался:

— Голоса!

— Голоса? Какие голоса?

— Разные.

Гор огляделся вокруг и доверительно сообщил:

— То их слышно, а то нет. Говорят, говорят, а что говорят — не поймешь. Разные голоса! Свой я тоже иногда слышу. И даже голос жены.

Склонив голову набок, он жалобно заглянул в самые глаза Клима:

— Она умерла, моя жена. Три года назад умерла, а я ее слышу. Как же это так? Не пойму, никак не пойму этого. Умерла... а говорит!

В глазах его отразилась безмерная тоска, он заплакал.

— Галя, Галя! Как же это так! Как же ты? Не надо об этом, не надо! Все равно не поможешь. Ты ведь умерла, я знаю. Я сам видел, как ты умирала. А... может быть, и я умер?

И вдруг с облегчением захихикал:

— Нет, я не умер! Нет! Это все неправда.

Клим смотрел на него неотрывно. Он понял до конца слова Штанге: «Ты теперь раб, понимаешь? Раб, раб, раб!» Вот какая судьба ему уготовлена? Судьба буйно помешанного Штанге или тихого идиота Гора. А Штанге полетел в сторону «Торнадо», и никто не знает, что он безумен. Нет, Клим может умереть, сойти с ума, но предупредить своих друзей он обязан...

Непонятная страшная сила сдавила его до боли в костях. Так ничего и не поняв, Клим машинальным движением подбородка включил амортизатор, а когда скафандр раздулся, преодолев силу сжатия, он перевел дыхание. Посмотрев вниз, штурман увидел, как Нил Гор с выражением панического ужаса на лице, то и дело оглядываясь, удирал со всех ног. На груди Клима лежала громадная, бурая, покрытая крупными бородавками лапа, похожая на уродливо разросшуюся руку. На лицо ему падала тень. Он поднял голову и увидел нависшую над собой лошадиную морду игуанодона.

Клим воспринял это без особого удивления. Если игуанодоны строят здания, то почему бы им не хватать людей и не тащить их куда-то? Конечно, Клим оказался непростительным ротозеем, но, пока на нем нейтридный скафандр, ящер бессилен причинить ему вред. Игуанодон шагал прямо по кустарнику, легко приминая его ногами-

тумбами, как самую обыкновенную траву. Клима мягко покачивало влево-вправо, вправо-влево. И весь этот чужой мир с мутным небом, кирпичным солнцем, красноватым песком и серым кустарником лениво покачивался перед глазами. Когда Клим закрыл глаза, ему показалось, что он плывет в лодке, качающейся на волнах. Но громадная бурая лапа на груди, равнодушная лошадиная морда над головой были реальностью. Все так чувственно, так осязаемо и так нелепо. Клим никак не мог заставить себя поверить в происходящее. То ли сон, то ли явь. Клим Ждан в объятиях динозавра! Только один раз! Спешите видеть! Он ничуть бы не удивился, если бы его потрясли за плечо и флегматичный голос Кронина проговорил: «Просыпайся, Клим! Ну-ну, я понимаю, что смотреть сны — занятие интересное, но вахта есть вахта». А может быть, и не было ни Алексея Кронина, ни Ивана Лобова, ни «Торнадо», ни даже его, штурмана Клима Ждана? Был только двухэтажный белый-белый домик на берегу теплого моря, большой сад, в котором росли огромные, удивительно вкусные яблоки, и жил там загорелый, крепкий мальчуган, мечтавший о подвигах и часто видевший дивные космические сны.

Клим услышал, что его окликают по имени. Конечно, это сон, и нет никакого смысла ему противиться. Какие там ящеры! Но голос, окликавший его, становился все громче и настойчивее.

— Клим, отвечай. Нахожусь над городом, тебя не вижу. Отвечай.

Нет, это не сон. Это Лобов зовет его! Иван сейчас над городом, он ищет и никак не может найти его.

— Иван, я здесь! — закричал Клим. — Я здесь, меня держит игуанодон! Иван!

Волнение перехватило ему горло, и он замолчал, весь превратившись в ожидание. Но Лобов словно и не слышал его.

— Клим, я над городом. Тебя не вижу, отвечай! — устало повторил он.

— Иван! — снова закричал Клим и осекся. Он вспомнил, что надо включить передатчик, иначе Лобов не услышит его. Надо освободить хотя бы одну руку!

Клим задергался, забился в объятиях равнодушного гиганта. Он напрягся в последнем неимоверном усилии, которое удесятерялось амортизаторами скафандра. Лапы игуанодона подались, но, почувствовав, что жертва может ускользнуть, ящер тоже поднапряг силы, и Клим бессильно обвис.

— Эх, Иван, — прошептал он и уронил голову.

— Клим, тебя не вижу, отвечай! — постепенно затихая, звучал голос Лобова.

Отчаяние Клима уступило место бессильному равнодушию. Он будто засыпал, но мысли его вертелись с сумасшедшей скоростью, образуя пестрый хоровод, порождавший неземные, неведомые доселе диковинные образы.

Клим увидел перед собой приземистое здание с маленькими, похожими на иллюминаторы окнами. Игуанодон подошел к зданию вплотную, остановился перед узкой массивной дверью и осторожно опустил Клима на землю. Это нисколько не удивило Клима. Он уже знал, что именно так и только так должен поступить этот ящер.

Издав короткий хриплый рев, игуанодон повернулся и, переваливаясь с боку на бок, зашагал по направлению к кустарнику. Клим проводил его равнодушным взглядом и повернулся лицом к двери. Теперь она была приоткрыта, а на пороге, свободно выпрямившись, стояло изящное, гибкое, почти бесплечее существо. Его глаза со щелевидными зрачками пристально смотрели на Клима.

Глава 12

На «Ладоге» никаких изменений не произошло. Родин спал спокойным, здоровым сном, только одеяло, которым его заботливо укрыл Лобов, было скомкано и свисало на пол. Командир «Торнадо» облегченно вздохнул и, поймав себя на этом, усмехнулся. Казалось бы, что может случиться в непробиваемом, надежно запертом корабле, а вот на тебе — Лобов и удивился и обрадовался, что все в порядке. Сказывалась непрерывная цепь неожиданностей и постоянное нервное напряжение. Долго так не выдержишь, нужно предельно форсировать поиск.

Прежде чем заняться Родиным, Лобов покопался в мусоре, который валялся на полу, и быстро нашел то, что искал, — два использованных розовых инъектора, применяемых для борьбы против неизвестных заболеваний. Будь он повнимательнее, инъекторы можно было бы найти еще во время первого визита. Алексей прав, экипаж «Ладоги» посетила какая-то инопланетная болезнь. Страшная болезнь, если судить о ней по поведению Штанге. И хотя Родину теперь более всего нужен покой, во имя всеобщего блага его следовало привести в чувство и расспросить.

Лобов выбрал в аптечке сильнодействующий нейростимулятор и ввел в вену биолога, а затем произвел инъекцию глюкозы и аминокислот. Теперь оставалось ждать.

Минуты через три лицо Родина порозовело, он беспокойно заворочался и открыл глаза. Увидев фигуру, склонившуюся над ним, он вздрогнул и испуганно откинулся к самой стенке.

— Кто? Кто это?

— Спокойно, Дан. Я командир «Торнадо» Иван Лобов. Мы несколько раз встречались на базе.

Присмотревшись к лицу Лобова, которое было хорошо видно за прозрачным забралом, Родин успокоенно вздохнул и опустился на подушку.

— Лобов, знаю, — прошептал он.

— Почему вы испугались? — мягко спросил командир «Торнадо».

— Не знаю, — после паузы ответил Родин, — мне стало почему-то страшно, и все. Я... я болен?

— Да.

Родин медленно провел ладонью по лицу.

— А где Юст и Нил?

Несколько секунд Родин неподвижными глазами глядел на Лобова, потом пожаловался:

— Ничего не помню. Теснятся какие-то образы... ничего не могу вспомнить, все в тумане.

— А как вы себя чувствуете?

Родин виновато улыбнулся.

— Слабость. Тяжесть во всем теле, точно его залили свинцом. А в голове пустота. Знаете, у меня такое было после контузии, когда я несколько часов провалялся без сознания. Но, в общем-то, я ничего. Долго болел?

— А почему вы думаете, что болели?

— Я отлично помню, как заболел! Поднялась температура, и мне стало совсем худо.

— Как случилось, что вы заболели?

— Как?

Родин потер себе лоб, пожал плечами.

— Трудно сказать наверняка, но, по-моему, из-за птеродактиля, разумного птеродактиля.

Лобов не сдержал удивления:

— Разумного?

— Ну, если заботиться о точности выражений, я бы назвал это существо квазиразумным.

Родин успокоился и явно приходил в норму, его речь приобретала характерную окраску, ту законченность и

лекторские интонации, которые характерны для представителей научного мира.

— Расскажите подробнее. Это очень важно, — попросил Лобов.

Ненадолго задумавшись, Родин рассказал, что сразу же после посадки, пока Юст разговаривал с базой, а Нил готовил глайдер, он, как и полагалось по расписанию, осматривал стоянку. Родину сразу бросилась в глаза группа птеродактилей, парившая невысоко над «Ладогой». Сердце биолога не выдержало. Выбрав ящера поменьше, чтобы легче потом было справиться с ним, Родин подстрелил его в крыло. Когда биолог приблизился к подстреленному птеродактилю, он скорее интуитивно, чем сознательно, отметил своеобразие его поведения. В таких ситуациях животные обычно пытаются убежать, улететь или проявляют отчаянную агрессивность, даже с риском причинить себе увечье. Птеродактиль вел себя иначе. Он поднялся и спокойно сел на песок, только глаза настороженно следили за каждым движением ученого. А ведь рана его, по рептилоидным понятиям, была совершенно пустячной, он мог бы не без успеха попытаться удрать. Его поведение так поразило Родина, что он решил сделать все возможное, чтобы сохранить ему жизнь и после необходимых обследований отпустить на волю. Приблизившись вплотную, биолог присел возле ящера на корточки и осторожно коснулся его рукой. Птеродактиль выдержал и прикосновение, лишь вздрогнул всем телом. Совсем покоренный, Родин решил сделать ему перевязку и достал из сумки необходимые принадлежности. И вот тут-то и начались чудеса.

Родин рассказывал с увлечением, у него даже глаза блестели.

— Вы, наверное, знаете, что у древнейших земных ящеров был хорошо развит третий, теменной, глаз? Так вот, у птеродактиля он был развит более чем хорошо. И что самое странное, этот глаз — холодный, зеленоватый — светился. Глаза многих животных довольно ярко светятся ночью, но я в первый раз видел, чтобы глаза светились днем, при довольно хорошем освещении. Ну, и в то время, когда я рассматривал его необыкновенный глаз, птеродактиль принялся подавать мне сигналы.

— Сигналы? — недоверчиво переспросил Лобов.

— Самые настоящие сигналы, — убежденно подтвердил Родин. — Теменной глаз мигнул раз, потом два раза и, наконец, три раза подряд. Понимаете? Раз, раз-два, раз-два-три!

Сначала Родин буквально не поверил глазам, но после некоторой паузы сигнал повторился во второй раз, а потом и в третий. Еще толком не поняв, что происходит, скорее рефлекторно, чем сознательно, Родин достал фонарик и, подражая птеродактилю, подал ответный сигнал, следующие порядковые цифры — четыре, пять, шесть. Немедленно получил ответ: семь, восемь, девять! Пока биолог, мягко говоря, хлопал глазами, птеродактиль выдал новую серию сигналов — один, три, пять. Естественно, Родин ответил четными цифрами: два, четыре, шесть. И началось! В ход пошли квадраты натурального ряда цифр, затем кубы, потом собеседники, столь непохожие друг на друга, продемонстрировали свое умение в сложении, умножении и делении. Родин увлекся необычайно и совершенно забыл, что имеет дело с рептилией. И вдруг его точно обухом ударило по голове: ведь это же птеродактиль, ящер, правда инопланетный, но все-таки ящер, и ничего больше. И с этим ящером, примитивный мозг которого совершенно не приспособлен для абстрактного мышления, Родин разговаривал хотя и элементарным, но вполне конкретным математическим языком. Родин допускал, что большинство животных, в том числе птеродактилей, можно выдрессировать, научив некоторым простейшим физическим операциям. Но научить ящера арифметике — это было уже чересчур. Сказать, что биолог был потрясен, это значит ничего не сказать. Он был ошарашен, ошеломлен, раздавлен! Он пришел в ужас, когда вспомнил, что стрелял и едва не убил это уникальное существо. Кое-как сделав перевязку, которую птеродактиль перенес не по-животному терпеливо, биолог принес его прямо на корабль, поставив Юста перед свершившимся фактом.

— Это было грубой ошибкой, — глухо сказал Лобов.

Он хотел сказать — преступлением, но в последний момент сдержался. Что изменится, если Родин узнает, что за его легкомыслие Юст Штанге заплатил жизнью?

— Видимо, это было ошибкой, — со вздохом согласился биолог, — но, поймите, я имел дело не с обычным, а из ряда вон выходящим явлением. У меня на руках было раненное мною разумное существо! Здесь не годились обычные бюрократические рецепты и инструкции, надо было решать самому. И я решил, как подсказывал мне мой опыт и моя совесть. В конце концов я рисковал в такой же мере, как и все остальные.

Лобов опустил голову, чтобы биолог не видел выражения его глаз. Конечно, Родин в чем-то прав, его можно и

даже нужно понять. Но Родин в полной безопасности и лежит в постели, а где Клим и Нил Гор — не известно, Родин жив, а Штанге мертв.

Юстинас Штанге отчитал биолога за легкомыслие, но далеко не так сильно, как тот ожидал. Видимо, командир корабля сам был ошарашен сенсационным открытием. Птеродактиль и в корабельных условиях сохранил свою кажущуюся или действительную разумность. Ему оказали квалифицированную медицинскую помощь и усыпили, отложив детальное исследование на следующий день. Но следующего дня Родин уже не помнил. Буквально через полчаса после происшествия с птеродактилем он почувствовал себя плохо и слег.

Итак, все-таки птеродактили! Крылатые хозяева планеты, владеющие мощным биологическим оружием. Одно странно: они справились с волевым Штанге и оказались бессильными против Родина — ведь, судя по всему, биолог совершенно здоров, пока здоров. Кто знает, как поведет себя Родин через минуту, через час, через день!

Лобов поднял глаза:

— Дан, попытайтесь все же вспомнить, что произошло во время вашей болезни. Это чрезвычайно важно! Не скрою, это вопрос жизни и смерти нескольких человек.

Биолог изменился в лице:

— Вот как!

— К сожалению, так, — хмуро подтвердил Лобов.

— Что было? Вы понимаете, я знаю, что было, но... не могу вспомнить. Все как-то ускользает, уходит из сознания. По-моему, заболел не только я, но и все остальные.

— Это могу удостоверить, — заметил Лобов.

— Стало быть, я не ошибаюсь? Минутку. Дальше события развивались примерно так. В связи с болезнью мы решили вернуться на базу. Точнее, решили вернуться мы с Нилом, а Юст решительно воспротивился этому. Он говорил о родине, о долге, о том, что мы не имеем права возвращаться на Землю больными. И все-таки мы стартовали без разрешения Юста. А потом был крупный разговор. Нил и я скандалили и дрались самым безобразным образом. Кажется, Штанге меня связал и посадил «Ладогу» обратно на Мезу. Ничего больше я припомнить не могу. Да и не уверен, что дело произошло именно так. Очевидно, все это больной бред.

Он знал, что это не бред. Все было именно так. Больной, почти невменяемый Юст Штанге до конца выполнил свой долг. Он сумел подавить на корабле безумный

бунт и, чтобы не подвергать опасности неведомой болезни других людей, вернул «Ладогу» на Мезу. Дабы ничто, даже безумие, не заставило их изменить своему долгу перед Землей, разрушил пульт управления кораблем. Наверное, он был уже совсем плох, если действовал скорчером, как дубиной. А дальше? Болезнь прогрессировала, может быть, потому что Юст выложился, истощил запас своих сил. Верность долгу приобрела страшные, карикатурно трагические контуры: Штанге решил уничтожить не только корабль, но и вообще всех землян, находящихся на Мезе. И все это из-за безмерной любви к родной Земле! Эх, Юст, старый товарищ!

— Вы задумались, — словно извиняясь, сказал Родин, — а мне хочется рассказать вам еще об одной истории. Помните, как я испугался, когда увидел вас?

Лобов утвердительно кивнул.

— Я испугался не случайно. Здесь кто-то был. Я очнулся, а он сидит. Сидит и смотрит.

Глава 13

Лобов нахмурился, присматриваясь к Родину, и медленно переспросил:

— Кто? Кто сидит и смотрит? Штанге?

Родин замотал головой.

— Нет, не Штанге, — он понизил голос, — и вообще не человек. Высокий, тонкий, гибкий, какой-то змеиный.

В глазах Родина мелькнул и пропал страх.

— Может быть, я просто бредил? — вслух размышлял он. — Хотя вряд ли. Кто же тогда освободил меня от веревки, которой опутал Штанге?

У Лобова мелькнула было мысль, что Родин заговаривается, но он тут же отбросил ее.

— Рассказывайте, — попросил он, — рассказывайте обо всем как можно подробнее.

Родин взглянул на него с надеждой.

— Так вы считаете, что это не бред? Я и сам так думал, но в то же время очень странно все происходило. Мезоец сидел, смотрел на меня большими глазами и молчал. Знаете, зрачки у него не круглые, как у нас с вами, а щелевидные. И как будто дышат: то расширяются, то сжимаются в узкую черточку. Хотя он и рта ни разу не раскрыл, я каким-то образом получил исчерпывающую информацию о планете Меза.

Сначала мезоец, так, наверное, надо называть его, несколько раз переспросил — понимает ли его Родин. Биолог понимал, но был так ошарашен, что лишь после пятого или шестого его вопроса ответил утвердительно. И тогда мезоец начал рассказывать, если только это можно назвать рассказом, ведь он не открывал рта.

Земляне прилетели на планету, на которой угасают последние искры очень древней и когда-то могучей цивилизации. Со времени изобретения первой письменности и по сегодняшний день прошло около двухсот миллионов лет по земному счету. На Мезе ключом била разумная жизнь, когда на Земле не только людей, но и обезьян еще не было. В отличие от людей, мезойцы не млекопитающие, а рептилии. У них менее совершенный мозг, не столь интенсивно протекает обмен веществ, замедлены психические реакции. Поэтому их история по сравнению с человеческой силой растянута во времени. Но это не мешало неуклонному прогрессу.

Мезойцы, очевидно вследствие меньшей конкуренции со стороны других видов живых существ, отличались более развитой изначальной гуманностью. Они довольно быстро покончили с племенными распрями и социальными проблемами и зажили единой и дружной всепланетной семьей. Беда пришла неожиданно. Имя ей — информационный кризис. Его пережили и земляне, только в более мягкой форме. В ту пору ученые полушутливо-полусерьезно говорили, что легче заново изобрести устройство, чем просмотреть и изучить все, что о нем написано. Каждый ученый работал на свой страх и риск, слепо пробиваясь вперед и не задумываясь над тем, к каким результатам приведет через десятки лет в муках рожденное им открытие. Но земляне быстро преодолели этот перевал, создав обширную семью компьютеров, которые взяли на себя всю черновую интеллектуальную и информационную работу. На Мезе, где машиностроение в широком смысле этого слова было развито заметно слабее, информационный кризис и стал роковым. А ведь было немало мрачных предсказаний о будущем человечества. О том, что компьютеры, созданные людьми, в конце концов восстанут против своих создателей, уничтожат их и установят собственное господство. На деле же оказалось, что компьютеры спасли людей, а на Мезе беда стряслась как раз потому, что ее аборигены не сумели своевременно изобрести себе думающих помощников.

Когда быстро растущий информационный поток стал разобщать науку, порождая узких специалистов, столь же

образованных, сколь и невежественных, группа мезойских ученых-психологов выдвинула идею о всемерной интенсификации функций живого мозга. Они утверждали, что возможности мозга используются на жалкие сотые, а может быть, и тысячные доли. А если заставить работать его на полную мощность, то с информационным кризисом будет покончено. Для интенсификации функций мозга мезойские психологи предложили использовать химиостимуляторы — наркотики, которые в свое время причинили столько горя людям. Конечно, просвещенная мезойская раса отдавала себе отчет в том, что наркотики — это своеобразные медленно действующие яды. Поэтому на Мезе многие десятилетия вокруг проблемы стимуляции шла упорнейшая борьба мнений. Но информационный кризис углублялся, а психологи предлагали хотя и необычный, хотя и рискованный, но все-таки выход из кризисной ситуации. И в конце концов всепланетный совет разрешил группе добровольцев испытать действие тщательно отобранных стимуляторов на себе. Трудно сказать, в чем тут дело, может быть, в особой природе мезойцев, но успех испытаний был просто поразительным. Добровольцы, систематически применяя рекомендованную гамму наркотиков, в короткий срок сделали несколько выдающихся открытий и изобретений, создали уникальные произведения искусства.

Пресса всех видов подняла вокруг эксперимента грандиозный шум. Общественные организации, которые всегда скептически относились к применению стимуляторов, были обескуражены и растеряны. Часть населения, особенно молодежь, встретила результаты опыта откровенно восторженно. Дело кончилось тем, что запреты на применение стимуляторов, скорее стихийно, чем организованно, были в короткий срок сметены, и вся планета была буквально завалена разнообразными химикатами и универсального и направленного действия. Темп жизни сразу взвинтился, наука, техника и искусство испытали такой взлет, которого еще не знала мезойская история. За какое-нибудь столетие мезойцы овладели ядерной энергией, проникли в тайны живой материи, вышли в космос и в околомезойское пространство.

Конечно, были отмечены и вредные побочные эффекты массового приема наркотиков, раздавались трезвые голоса отдельных ученых и общественных деятелей, призывавших мезойцев к осторожности и умеренности. Они выступали не голословно, они оперировали статистичес-

кими данными, которые говорили о том, что за последнее время на Мезе резко возросло число неврастеников, психически больных и генетически неполноценных. Но их не слушали. Просто, наряду со стимуляторами, в обиходе появились различные успокаивающие, снотворные и другие лекарственные средства. Недаром говорится, что джина куда легче выпустить из бутылки, чем загнать потом обратно. Год за годом, век за веком ширилось применение стимуляторов в совокупности с их нейтрализующими, смягчающими антиподами.

Постепенно химикаты проникли в самые интимные сферы жизни мезойцев, стали такими же обязательными и необходимыми, как воздух, вода и пища. Без химикатов мезойцы уже не могли ни работать, ни отдыхать, ни учиться, ни даже продолжать свой род. Однако ежедневное применение стимуляторов раздражало, утомляло, заставляло интуитивно сомневаться в своей естественной полноценности. Иной раз в результате неправильной дозировки у мезойцев возникали осложнения: отравления, депрессии, неврозы, психические расстройства и так далее. Лучшие биологи планеты упорно и неустанно работали над тем, чтобы избавить население от угнетающей процедуры ежедневного приема медикаментов.

Каждая цивилизация идет своим собственным, неповторимым путем. Мезойцы придумали такое, чему на Земле не было и нет никаких эквивалентов. Их биологам удалось создать такие штаммы вирусов, которые, сосуществуя с организмом, выделяли в мышцы, в кровь или непосредственно в нервную ткань стимулирующие вещества. Конечно, на этом пути стояли колоссальные трудности: вирус должен быть безвреден для макрохозяина, продуцируемые им стимуляторы достаточно эффективны, а суммарная их доза — соответствовать индивидуальным особенностям организма. Больше столетия шли эксперименты, пока не были созданы стимулирующие нейровирусы с обратной связью, названные впоследствии нейротиками. Нейротики как бы прислушивались к потребностям организма, поддерживая постоянный и высокий тонус жизнедеятельности макрохозяина.

Когда долголетние опыты над животными доказали полную безопасность нейротиков, этот вирус был привит небольшой группе добровольцев, главным образом из среды тех самых ученых, которые и занимались этими экспериментами. Спустя несколько лет авторитетная комиссия вынуждена была констатировать, что подопытная группа

мезойцев отличается завидным здоровьем, работоспособностью и творческими возможностями, хотя никто из этой группы не принимал химиостимуляторов. И начался невиданный бум нейротиков! Не прошло и десятилетия, как прививки вируса совершенно вытеснили химикаты, оставив за ними роль ординарных эпизодических лекарств.

Конечно, некоторых мезойцев пугала перспектива такого необычного сожительства с вирусами. Ведь вирус коварен и легко меняет свою природу. Но сторонники вирусного симбиоза сумели уговорить колеблющихся; когда некое средство входит в моду, а главное, дает немедленный эффект, это сделать не так уж трудно. Поборники вирусной стимуляции просто смеялись над опасениями своих идейных противников. Они говорили, что консерваторы всегда встречали в штыки любое крупное достижение цивилизации. Консерваторы возражали против сотен других новшеств только потому, что это новшества. Так было, и так будет. Но сторонники стимуляции не только смеялись, самым главным их аргументом был простой вопрос. «Хорошо, — говорили они, — вы не без оснований утверждаете, что вирусная стимуляция таит в себе некоторую опасность. Но что вы предлагаете взамен? Химикаты? А разве они вполне безвредны? Наоборот, они причиняют организму гораздо больший вред! И, наконец, разве стремительный взлет цивилизации последних десятилетий не оправдывает некоторого риска?» И апологеты вирусной стимуляции победили.

Сменилось несколько поколений. Никто уже не думал возражать против такого рода стимуляции. Более того, прививки нейротика стали делаться детям в обязательном порядке сразу же после рождения. Меза процветала, прогресс продолжался в нарастающем темпе. Мезойцы полностью овладели своей солнечной системой и начали предпринимать первые звездные путешествия. Казалось, не было преград, которые могли бы остановить этот все ширящийся могучий жизненный поток. Но это лишь казалось.

Прозрение началось с того, что горстка сохранившихся противников стимуляции добилась проведения контрольного эксперимента. На него согласились больше из простого любопытства. На планете был создан закрытый пансионат, где воспитывалась большая группа детей, которой не была сделана прививка нейротика. И вот тут-то и начали обрисовываться контуры пугающей трагедии, которая постигла мезойцев: выяснилось, что если до двухлетнего

возраста ребенку не сделать вирусную прививку, то в подавляющем большинстве случаев он вырастает физическим и психическим уродом. Стало ясно, что гордая раса мезойцев выродилась в симбиотов, в полузависимых от вирусов существ.

К сожалению, проповедники симбиоза зашли слишком далеко, чтобы отступать. Вместо того чтобы принять меры по борьбе с вирусозависимостью, научные организации выступили с умиротворяющими, успокоительными заявлениями. Симбиоз с вирусами? Ну и что ж? Что в этом плохого? Ведь именно благодаря симбиозу мезойцы сумели без ощутимого для себя вреда достичь таких колоссальных успехов во всех областях жизни. И вообще, симбиоз — одно из самых распространенных явлений в живой природе. Разве не благодаря симбиозу с одноклеточными, обитающими в плазме крови рептилий, осуществляется процесс дыхания? Может быть, ревнители самостоятельности потребуют уничтожения не только нейротиков, но и эритроцитов? Существуют же примитивные животные, дыхание у которых производится чистой кровью, без одноклеточных гемоглобиноносителей? Нет, говорили ревнители стимуляции, симбиоз с вирусами не регресс, не трагедия. Это очередной шаг по ступеням биологической эволюции, шаг, который открывает новые неизвестные и поистине неисчерпаемые возможности перед мезойской цивилизацией.

Эти идеи и довершили крушение древней культуры. Страсти вокруг проблемы симбиоза побурлили и утихли, жизнь пошла своим веками устоявшимся чередом. А потом начался незаметный сначала, но быстро прогрессирующий спад. Несмотря на самые энергичные меры, стала сокращаться численность населения; быстро возрастало число генетически неполноценных; мертворождения и уродства стали самым заурядным явлением. Зарастали сорняками когда-то тщательно ухоженные поля, пустели города, вырождалось искусство, деградировала наука. Были свернуты ядерные и космические исследования, а теоретические и экспериментальные изыскания сконцентрировались главным образом на вирусологии и ее сопряжениях. Цивилизация умирала, но мезойцы упорно не желали замечать этого. Можно было подумать, что все происходящее — дурной сон, следствие повального массового гипноза всего населения планеты. Но дело обстояло много хуже: это было рабство.

Симбиоз — очень сложный и тонкий механизм. Партнеры по симбиозу сохраняют равенство только в опреде-

ленных условиях. Стоит эти условия нарушить, как паритет исчезает, один из партнеров попадает в подчинение к другому и симбиоз превращается в паразитизм. Вот так и нейротик, понемногу обретая самостоятельность, в конце концов стал подавлять своего макрохозяина и заставил его действовать в своих интересах. Вирусы поработили разумных существ! Конечно, это больше похоже на мрачную сказку, чем на действительность. Но факт остается фактом.

Используя чужой мозг как естественную среду обитания, многомиллиардные колонии нейротиков вступили на путь самостоятельной эволюции, обрели известную автономность и способность к самостоятельному мышлению. С помощью естественных биоизлучений мозга колонии нейротиков сумели вступить в контакт друг с другом. Начался обмен информацией, споры, конфликты, но над всем этим превалировали компромиссы и координация усилий. Постепенно нейротики планеты стали действовать как единое сообщество, они искали свое собственное признание и счастье, используя мезойцев как простые машины. Это происходило так незаметно, постепенно, что мезойцы и не подозревали ни о своем рабстве, ни о стремительной деградации.

Ситуацию прояснила космическая экспедиция, которая, благодаря неснятым эффектам относительности, вернулась на родину через пятьсот лет после старта. Вернулись здоровые, энергичные потомки тех, кто когда-то, повинуясь зову космоса, покинул планету и отправился к звездам. Вернулись и увидели развалины городов, остановившиеся заводы, заброшенные поля. И роскошные, великолепные дворцы, в которых в странном полусне, предаваясь утонченным наслаждениям, жили жалкие, изможденные создания, страшно далекие от реальной жизни. Космонавты не узнали родины. Картина всеобщей деградации и маразма была так отвратительна, что они были готовы покинуть планету и снова уйти в космос, но жалость к гибнущим и не сознающим своей гибели удержала их.

Космонавты, среди которых были выдающиеся ученые-биологи, быстро разобрались в том, что случилось на планете за время их отсутствия, и решили бороться за восстановление цивилизации. Они построили герметически изолированные от внешнего мира убежища и установили строгий карантин, стараясь исключить возможность проникновения нейротика в свою колонию. Численность колонии из года в год постепенно росла, но ей приходилось

вести отчаянную, на грани сил и возможностей борьбу за свое существование. Колонисты на горьком опыте убедились, что нейротики могут паразитировать не только на разумных, но и на любых других животных. На планете появились группы странных ящеров, которые проявляли признаки разумности и пробовали заниматься творческой деятельностью. Контакт с такими животными приводил к немедленному поражению нейротиками. Причем нейротик отличался колоссальной вирулентностью, и каждая ошибка, каждый просчет становился роковым. Несмотря на жестокую систему карантинных мер, в колонии то и дело вспыхивали заболевания. Ни о каком прогрессе в таких условиях не могло быть и речи. И если колония не получит посторонней помощи, то скоро на Мезе падет последний бастион настоящего разума и воцарится власть микропаразитов. И кто знает, сколько еще бед они принесут Вселенной?

Родин обессиленно откинулся на спину, передохнул и заключил:

— Вот и все, что я могу рассказать тебе об этом, Иван.

Лобов поднялся на ноги, заглянул в глаза биолога:

— А теперь я буду вынужден покинуть вас на некоторое время. У меня есть дела, которые не могут ждать.

Родин помрачнел:

- Не могли бы вы взять меня с собой? Честно говоря, мне страшно оставаться одному.

— Я понимаю, — сочувственно сказал Лобов, — но предстоит тяжелая и опасная работа. Сейчас она вам не под силу.

Родин ничего не ответил, но посмотрел на Ивана так умоляюще, что Лобов заколебался. Однако он тут же справился с собой и суховато повторил:

— Взять вас с собой не могу. Может быть, снотворное?

Родин вздохнул с некоторым облегчением:

— Да, это будет самое лучшее.

Лобов сделал инъекцию и в ожидании ее воздействия спросил:

— А что произошло с птеродактилем, которого вы принесли на корабль?

— Не помню. Кажется, Штанге вынес его из корабля и расстрелял из лучевого пистолета.

Когда биолог заснул, Лобов уложил его поудобнее, поправил сбившееся одеяло и покинул жилой отсек, тщательно заперев за собой дверь.

Ступив на трап, Лобов замер. Огромное вишневое солнце, грузно сплющившись под собственной тяжестью,

опускалось за горизонт. Серые скалы казались обагренными кровью, они отбрасывали тусклые длиннейшие тени, которые убегали вдаль и терялись где-то в складках потемневшего песка. Возле унихода, похожего на большого черного мирно заснувшего жука, стояло странное и жуткое в своей необычности двуногое существо. Возле него лежал человек.

Глава 14

Двуногое существо было ящером, но ящером необыкновенным. У него не было ничего похожего на массивный хвост динозавра. Туловище тонкое и очень гибкое. Бессильно, как плети, свисали руки, немного не достигая колен хорошо развитых ног. На длинной, втрое длиннее человеческой, шее сидела маленькая головка с высоким куполообразным черепом. Большие, прямо посаженные глаза со щелевидными, как у кошки, зрачками смотрели не мигая, только зрачки «дышали», то широко распахиваясь, то стягиваясь в тонкую черную нить. Длинная шея делала легкие волнообразные движения, отчего голова мягко покачивалась из стороны в сторону. В ящере было столько своеобразной законченности и совершенства — ни отнять, ни добавить ничего невозможно, — что Лобов ни мгновения не сомневался: возле унихода стоял разумный хозяин планеты, мезоец. А у его ног лежал Клим, ведь лишь у торнадовцев были нейтридные скафандры. Что с ним? Жив? Или на Мезе успела свершиться еще одна непоправимая трагедия?

Лобов смертельно устал выжидать, рассчитывать и оценивать. Усилием воли он взял себя в руки, без спешки спустился по трапу и направился к униходу. Мезоец спокойно ждал его приближения, лишь завораживающие качания его головы стали более нервными и резкими. Лобов машинально отметил, что мезоец облачен в прилегающую зеленоватую одежду, на ногах у него мягкая обувь — нечто вроде сапог с короткими голенищами, кисти пятипалых рук открыты, а на лицо надета маска, прикрывающая рот и нос.

Последние замедленные шаги, и вот они стоят лицом к лицу, почти одинакового роста, и похожие и страшно не похожие друг на друга. Легко теоретически декларировать свою солидарность со всеми братьями по разуму, и совсем другое дело — встречаться с такими «братьями» с

глазу на глаз. И чувствовать впереди полную неизвестность. Что последует через мгновение — дружеский жест или смертельный выпад?

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом мезоец мягким жестом указал на лежащего человека и не отошел, а скользнул на несколько шагов в сторону — так текучи, слитны были его движения. Лобов с колотящимся от волнения сердцем склонился над закованным в нейтрид человеком и повернул лицом к себе. Да, это был Клим! Живой и невредимый Клим! Он мирно и сладко спал, слегка приоткрыв рот. Чертов Клим, доставивший столько беспокойства и тревог! Лобов был готов и обнять и побить его. Вспомнив о мезойце, он поднял голову, чтобы хоть как-то выразить свою благодарность. Рядом никого не было. Лобов растерянно вскочил на ноги и осмотрелся. Своей текучей скользящей походкой, будто плывя над песком, мезоец уходил по направлению к скалам.

— Эгей! Подождите! — крикнул Лобов.

Продолжая свое призрачное движение, мезоец непринужденно повернул голову назад и сделал тонкой рукой легкий, но очень выразительный жест. Не понять этот жест было невозможно. Лобова просили оставаться на месте. Командир «Торнадо» стоял как изваяние. Он не понимал, почему мезоец уходил. Если хотел избежать встреч с землянами, то мог уйти и раньше, оставив Клима возле унихода. Может быть, охранял его? И вдруг Лобова озарило! Вспомнил, что мезоец был в респираторе, изолирующем его от окружающего воздуха, зараженного нейротиками. Это один из колонистов, что ведут тяжелейшую борьбу за восстановление былого величия своей расы и просят земной помощи. Они спасли Клима, а теперь, продемонстрировав свою причастность к этому акту, снова уходят в неизвестность. Они дают людям время подумать и разобраться в происходящем.

Когда мезоец оказался возле скал, в одной из них распахнулась безукоризненно замаскированная дверь. Гибкая фигура на мгновение замерла возле нее с поднятой рукой, как бы предлагая запомнить место, изогнулась и исчезла.

Лобов запоздало замахал рукой, постоял, вглядываясь в скалы, наклонился к товарищу, поднял на руки и уложил на заднее сиденье унихода. Склонившись над спящим Климом, он задумался: разбудить его или спящего доставить на корабль?

Клим сам решил эту проблему. Левая рука, лежащая на груди, соскользнула, ударилась о пол машины, и он проснулся.

— А, это ты, Иван! — довольно пробормотал Клим. — Униход нашелся, значит! — И спросил озабоченно: — А где Штанге?

Лобов было замялся, но потом твердо ответил:

— Штанге на своем корабле.

— Пришел в себя? Я так боялся, когда он угнал униход! Он был совсем больной. А Алексей?

— Жив и здоров.

Клим сонно засмеялся:

— А Нил у нейротиков, они его лечат. Он ведь совсем расщепился.

Лобов насторожился:

— У нейротиков?

Клим, не отвечая на вопрос, с трудом сел и жалобно проговорил:

— Если бы ты знал, Иван, как я устал и как хочу спать! Сколько я отсутствовал — неделю? Наверное, уже похоронили меня?

Лобов грустно улыбнулся:

— Ты отсутствовал шесть часов, Клим.

— Шесть часов? Мне казалось, что прошел целый месяц, честное слово.

Штурман провел по лицу ладонью и опять пожаловался:

— Если бы ты знал, как я устал! Мне надо спать, а то я сойду с ума, как Штанге или Гор. Но сначала скажу тебе про нейротиков.

— Ты можешь рассказать и потом, — мягко сказал Лобов.

— Что ты! Если я усну, то все забуду. Они специально предупредили меня. Я и так уже забыл кое-что, пока лежал тут. Понимаешь, я шел к «Торнадо», да сил не хватило. Лег отдохнуть и уснул. Как ты меня нашел?

— Тебя нашли мезойцы.

Клим нахмурил брови:

— Мезойцы? Ты что-то путаешь. Мезойцы — это всего лишь машины, эффекторы. — Он задумался. — А-а! Ты говоришь о тех, что прячутся под землей? Бедные! Они так и не верят, что нейротики уже давным-давно пережили пору своего детства и юности. Перебесились, так сказать, как перебесились и мы, люди.

Клим замолчал. Лобов осторожно прикоснулся к его плечу:

— Может быть, тебе ввести тонизатор?

Клим испуганно вскинул голову:

— Ни в коем случае! Ты испортишь картину. Ведь нейротики просто записали все сведения в моем мозгу, понимаешь? Как мы записываем данные в памяти логических машин.

Присмотревшись к лицу Лобова, он засмеялся:

— Ты не думай, Иван, я не сумасшедший. Был, правда, немного не в себе, но это давно прошло. С экипажем «Ладоги» получилось гораздо хуже. Но разве можно винить нейротиков? Им трудно сразу разобраться в макрособытиях, масштабы велики. Они и понятия не имели, что мы разумны, и вообще, нейротики первый раз имели дело со средой такой сложности, как человеческий мозг. Что за сферы были у них до нашего появления? Насекомые, рыбы, амфибии, ну и ящеры. А тут сам человек, хомо сапиенс!

Клим, сожалея, мотнул головой:

— К тому же, вот беда, Штанге и Гор сами виноваты — напичкали себя унивакциной! Ведь что получилось: нейротики с превеликим трудом разбираются в хитростях нашего мозга, а унивакцина создает им все новые и новые преграды. Унивакцина для нейротиков что-то вроде стихийного бедствия — землетрясения, урагана или наводнения. Разве тонкое дело сделаешь хорошо в такой обстановке? Ну и напортачили. Штанге — это же глыба камня, а не человек — попросту сломался в конце концов и сошел с ума. У него появилась навязчивая идея. Ему все чудилось, что нейротики хотят завоевать Землю. А у Гора с волей слабовато, так у него, как при шизофрении, произошло расщепление личности. Лучше всего сложилось дело у Родина, хотя он главный виновник всех бед. Ты с ним виделся?

— Виделся, — кивнул Лобов. — Он уже здоров и рассказал мне много интересного.

— Так и должно быть, — убежденно сказал Клим, — с ним имели долгий контакт мезойцы-колонисты. Судя по всему, колонистам удалось рассказать ему всю мезойскую историю. Надо расспросить его как можно быстрее, а то он все перезабудет!

— Не волнуйся, он уже рассказал мне.

Клим улыбнулся, разглядывая невеселое лицо командира.

— Тебе не кажется, Иван, что я мелю чепуху? Ты что-нибудь понимаешь?

— Да. Хотя понять тебя непросто.

— Ты думаешь, мне просто было? Нейротики ведь совсем маленькие, на вирусном уровне. Если хочешь, это нейропаразиты, они могут существовать, лишь используя чужой мозг. Сначала меня как-то шокировало сознание того, что они паразиты. Фу, думаю, гадость! А потом подумал, а мы-то сами чем лучше? Разве мы не паразитируем на биосфере Земли, вытворяя с животными и растениями черт знает что? Просто у нейротиков другая, инопланетная и, если разобраться, более тонкая и гибкая методика покорения природы. Они могут сосуществовать со всеми животными, у которых есть нервная ткань. Видел птеродактилей? Это их глаза. А игуанодона, птицещера и брахиозавра? Это их руки. Есть у них и мыслители — мезойцы, которые образуют интеллектуальное ядро их цивилизации и с помощью биоизлучений поддерживают контакт со всеми нейропоколениями. Поэтому так необычно высок уровень биоизлучения на столь слабозаселенной планете! Таких мезойцев осталось меньше тысячи, нейротики берегут их как зеницу ока.

Клим покрутил головой.

— До чего же трудно понять все это! Понимаешь, чужой мозг для нейротиков не только среда обитания, с которой они срастаются, образуя единое целое. Это и нечто вроде готовой кибермашины, которую только надо перестроить по своему вкусу, наладить и заставить работать в нужном направлении. Помнишь древние проекты киборгов, гибридов машин и людей? Нейротики образуют с мозгом примерно такой же гибрид, только не в физическом, а в психическом плане. А тело для них — всего лишь эффектор.

Нейротики по-своему гуманны и благородны. Мы были для них сверхсенсацией — животные, обладающие спонтанной разумностью! Чепуха, нонсенс, четырехугольный треугольник! Они были глубоко убеждены, что истинный разум может возникать только в содружестве с вирусами — никак не иначе. Но стоило им убедиться, что имеют дело со спонтанно разумными существами, нейротики сразу оставили мысли о принудительном использовании нас.

Клим задумался, морща лоб.

— Кстати, — заметил он словно про себя, — они ищут сотрудничества с мезойцами-колонистами, ведь это единственный резерв, с помощью которого можно пополнить свое мыслящее ядро. Но они никак не могут передать им информацию, несмотря на самые тонкие ухищрения!

Как только колонист замечает проникновение нейротиков в свое сознание, он тут же покидает колонию и кончает жизнь самоубийством. Чтобы показать свои добрые намерения, нейротики строят для них атомные станции, здания, дороги, которые мы обнаружили. Приходите, владейте! Но колонисты не хотят никаких компромиссов.

Клим тяжело вздохнул.

— Конечно, колонистов легко понять. Представь себе, что человечество систематически должно выделять часть самого себя для превращения в пустую оболочку, в своеобразный эффектор, во вместилище чужого разума! Представь себе человека с логикой и интересами на вирусном уровне, совершенно чуждыми его врожденной сущности, человека-нейроколонию, нелюдя, как говорили наши предки. Разве это не ужасно? Разве мы не ополчились бы против такой опасности всеми силами нашей души и нашей мощи? Когда я рассказал это нейротикам, они ужаснулись, потом горько сказали: «Нам нет места под этим небом». Еле их успокоил! Мы, говорю, уже давно создаем искусственную нейроткань практически любой сложности. Делайте из нее все что угодно! У них в связи с этим уйма специальных вопросов, но я сказал — потерпите.

Клим мечтательно смежил ресницы.

— Короче говоря, — с ноткой самодовольства резюмировал он, — памятник на Мезе мне обеспечен. Но я не эгоист и возьму в компанию тебя и Алексея.

Видя, что Клим сейчас заснет, Лобов заторопился.

— Мне одно непонятно, как нейротики управляют чужим мозгом?

Клим снисходительно покосился на командира.

— Разве мозг для них чужой? Для них это такое же привычное место обитания, как для нас с тобой корабль, база или матушка-Земля. Нейротики живут, вырабатывая кучу всяких ферментов. Есть же у нас лекарства, действующие на мозг: снотворные, тонизирующие, галлюцигены, успокаивающие. С помощью этих лекарств можно заставить человека смеяться, плакать, наслаждаться и страдать, мыслить и буйствовать.

Сдерживая зевок, Клим строго спросил:

— Ты хорошо запомнил, что я тебе рассказал?

— Я сделал лучше — все записал.

— Ну? Какой ты догадливый! Ты знаешь, я сейчас усну и буду спать, спать. Как это здорово, когда можно спать! А почему ты такой грустный, Иван?

Глаза Клима окончательно закрылись. Он повозился, устраиваясь поудобнее, и уже совсем сонно пробормотал:

— Ты не грусти, Иван. Ведь в конце концов все кончилось благополучно.

— Да, — рассеянно согласился Лобов, подкладывая надувную подушку под голову штурмана, — все кончилось благополучно.

Он занял водительское место, положил палец на кнопку запуска двигателя, но передумал и опустил руку на колено. Ему захотелось вдруг совсем немножко, хоть минутку, отдохнуть и переварить все, что он узнал за последние полчаса.

Уже совсем стемнело. Прямо в лицо глядела чужая нахальная и очень зеленая луна. Небо было подернуто похожей на вуаль дымкой, которая скрывала мелкие звезды, зато крупные дрожали и трепетали над головой совсем по-земному. Красноватый песок казался теперь серым, и на нем лежали черные тени от скал. Столетия над этими песками витает страх, и два странных разума, один из которых является порождением другого, ведут между собой жестокую и непримиримую борьбу. Возможно ли между ними примирение? Поймут ли они когда-нибудь друг друга?

Лобов тяжело вздохнул и облокотился на штурвал. Все кончилось благополучно! Для кого? Для нейротиков, которые бесплодно ищут себе сферы обитания? Или для гибких, похожих на тени мезойцев, которые в стихийном слепом стремлении к прогрессу сами выковали свою беду? Или для Штанге, который навсегда останется здесь на своем корабле? Лобов отыскал глазами «Ладогу». Стройная колонна гиперсветового корабля таяла в зеленоватой мгле неземного неба. Вот он, безмолвный памятник человеческой борьбы за счастье.

— Прощай, Юст, старый товарищ, — глухо сказал Лобов.

Он повернулся к пульту управления, запустил двигатель и вызвал «Торнадо». Надо было сообщить заждавшемуся и, конечно, изнывавшему от беспокойства Алексею, что, в общем-то, все кончилось благополучно.

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ

✦

РОМАН

Часть первая

Глава 1

Снегин посмотрел на часы и огляделся. Кафе клуба космонавтов, заполненное обычно по вечерам до отказа, сегодня было полупустым. Под негромкую музыку вокруг кипящего фонтана двигались в медленном танце несколько пар. В дальнем конце зала у самой стены сдержанно веселилась компания летчиков-гиперсветовиков и девушек из вновь прибывшей медицинской группы. Однако молодость брала свое, и время от времени сквозь эту нарочитую сдержанность прорывался шумный фейерверк непосредственного веселья. Судя по тостам, которые можно было расслышать, там праздновали чей-то день рождения.

Снегин отвел взгляд от молодежи и рассеянно посмотрел на сервированный стол, за которым сидел. Хрустальный, искрящийся затейливой резьбой кувшин с крюшоном, высокие бокалы, большая ваза с фруктами и блюдо с крохотными бутербродиками из самой разной снеди. Всеволод неторопливо наполнил бокал, нехотя отпил, а потом уже с удовольствием, смакуя каждый глоток, выпил до дна ледяной, острый, чуточку хмельной напиток. И в этот момент увидел командира «Торнадо» Ивана Лобова. Иван стоял у самого входа и шарил по залу глазами. Чтобы привлечь его внимание, Снегину пришлось подняться. Лобов заулыбался и напрямик, лавируя между столиками, направился к нему.

— Здравствуй, Всеволод!

— Здравствуй, сирота. — Снегин пожал руку товарища, усадил его за столик и пожурил: — Опаздываешь.

На патрульном жаргоне «сиротами» называли космонавтов, которые по тем или иным причинам потеряли товарищей по экипажу и остались в одиночестве. С Иваном случилась именно такая история. Произошло это внезап-

© Ю.Г. Тупицын, 1978

но: на старт-спутнике, входящем в состав крупнейшей филиал-базы галактических исследований, вспыхнула эпидемия лихорадки-тау.

База эта размещалась в космосе на группе орбитальных станций, в непосредственной близости к Стигме, земноподобной планете из системы оранжевого карлика-Тэр. «Торнадо» зашел туда для профилактического осмотра и пополнения запасов. На Стигме находились космопорты, заводы и рудники далийцев, основные поселения которых располагались, по космическим понятиям, неподалеку — на соседней внутренней планете Далия с условиями, более комфортабельными для белковой жизни. Далийская цивилизация была открыта всего несколько лет назад. Бурное развитие контактов с ней объяснялось поразительным сходством землян и далийцев. Сначала это сходство вызвало массу гипотез об общности происхождения этих расблизнецов, однако тщательные исследования ни одну из этих гипотез не подтвердили. Скрепя сердце пришлось признать, что природа гораздо более склонна к невероятным повторениям, чем это предполагалось до сих пор.

Для далийцев лихорадка-тау была довольно обычной болезнью, иногда ею болели и земляне на стигмийской базе, но она легко излечивалась самыми простыми средствами. На этот раз все обстояло иначе. Против нового штамма тау-риккетсии, вызвавшего эпидемию, оказались бессильными самые современные комплексы лечения. Быстро распространяясь, лихорадка охватила весь старт-спутник, и эпидемиологам пришлось прибегнуть к древнему, но достаточно эффективному средству — установить на базе жесткий карантин.

Лобов оказался в числе немногих счастливчиков, обладавших природным тау-иммунитетом, и после скрупулезной проверки ему разрешили наконец покинуть старт-спутник и перебраться в жилые районы базы. Он это и сделал, пожелав скорейшего выздоровления своим друзьям и товарищам по работе — Алексею Кронину и Климу Ждану, которых лихорадка-тау, увы, не пощадила. Опасности для жизни эта лихорадка не представляла, но через каждые 14 — 17 часов в соответствии с биологическим ритмом самой тау-риккетсии у человека подскакивала температура, возникало ощущение странной пухлости всего тела, исчезала четкость восприятия мира и стройность суждений. Через час-полтора состояние больного само собой приходило в норму, и до следующего приступа он чувствовал себя совершенно здоровым человеком.

Пока сердитые медики — а они всегда бывают сердитыми в разгар эпидемий — мучили Ивана бесчисленными обследованиями, патрульный корабль «Вихрь» доставил на стигмийскую базу группу крупнейших эпидемиологов для детального изучения необычайной живучести лихорадки и разработки радикальных мер борьбы с нею. На «Вихре» прибыл старый друг Лобова начальник летной службы галактических исследований Всеволод Снегин. И вместе с разрешением покинуть старт-спутник и перебраться на жилую станцию базы Лобов получил от Снегина дружескую записку с предложением встретиться вечером в кафе клуба космонавтов.

— Рад тебя видеть, — сказал Лобов, поудобнее устраиваясь за столом. — Когда мы встречались последний раз, год назад?

— Если исключить встречи по лонг-линии и видеофону, то около того.

Разливая крюшон по бокалам, Снегин поглядывал на товарища с некоторой завистью.

Совсем недавно и он был лихим командиром патрульного корабля. Его «Смерч», как и лобовский «Торнадо», ходил на самые ответственные и опасные задания. Между экипажами этих кораблей шло своеобразное соревнование, у каждого корабля были свои поклонники, которые близко к сердцу принимали все их успехи, а особенно неудачи. У Снегина было больше дерзости и предприимчивости, Лобов был осторожнее, но в ответственные минуты решительнее и надежнее. Командиры симпатизировали друг другу, но их отношения отличались той сдержанностью, если не сказать официальностью, которая держит людей на расстоянии.

Во время вспышки красного гиганта Ра Снегин едва не погиб вместе с экипажем. Полгода он пролежал в госпиталях с жесточайшей формой лучевой болезни, а потом его списали с патрульной работы и назначили заместителем начальника летной службы центральной базы. Отчаянный и удачливый командир неожиданно для многих, но, к слову сказать, не для Лобова, оказался отличным администратором, словно он всю жизнь только и занимался такого рода делами. Не прошло и года, как старый начальник летной службы написал просьбу об отставке, поздравил своего молодого преемника и с легким сердцем (по крайней мере, он так говорил) ушел на покой.

Вскоре Лобов и Снегин случайно встретились на базе, разговорились и почувствовали, что им вовсе не хочется

расставаться. Снегин на правах хозяина вызвался проводить Ивана в гостиницу, а потом неожиданно для самого себя предложил вместе поужинать. Они просидели тогда до полуночи, и, прощаясь, Лобов с удивлением сказал: «Как мы с тобой раньше не подружились, Всеволод, не пойму». Снегин ответил, пряча улыбку: «Наверное, вдвоем нам было просто тесно в одном космосе».

— За то, что оказался молодцом и не заболел, — сказал Снегин, поднимая бокал.

Лобов усмехнулся:

— Тогда надо поднять тост за моих родителей, это их заслуга.

— Поднимем и за них.

Снегин опорожнил бокал и, подвинув к себе вазу с фруктами, выбрал яблоко покрупнее. Подтянутый, синеглазый, с молодым загорелым лицом и белой как снег головой, Снегин в свои сорок лет был по-настоящему красив. Молодые женщины, кружившиеся в танце вокруг фонтана, нет-нет и поглядывали на него то дерзко, то деланно равнодушно, то робко. Но холодноватый, чуть надменный Снегин, казалось, совсем не замечал этих знаков внимания. Он ловко разрезал яблоко на части, аккуратно очистил от семян и бросил один кусочек в рот.

— Все-таки король фруктов — яблоко, — сказал он с видом знатока. — Куда до него всяким авокадо, зимми и мангустанам. Попробуй.

— Закормили нас яблоками в карантине, — пожаловался Иван, но, глядя на товарища, взял одну дольку и стал лениво жевать. — Ты не спешишь?

— Нет. Куда спешить? Все рейсы отменены, корабли на приколе.

— Неужели из-за тау-лихорадки?

— Из-за нее, — сердито подтвердил Снегин. — Больше половины галактических баз и станций оказались пораженными. Сегодня в двенадцать часов Всемирный Совет объявил абсолютный карантин.

— И правильно сделал! Не хватало еще, чтобы эту гадость занесли на Землю и околоземные поселения.

— Может быть, и правильно, — рассеянно согласился Снегин.

Лобов внимательно посмотрел на него. Лицо Всеволода было спокойно, казалось, он весь ушел в приготовление фруктового салата, но по едва уловимым признакам Иван понял, что Снегин серьезно озабочен, более того — расстроен.

— А что же наша хваленая медицина?

— На высоте. В принципе, врачи уже выяснили причину необычной устойчивости нового тау-штамма. — Всеволод перемешал фрукты, политые соусом, и предложил: — Хочешь попробовать? Амброзия!

Лобов покачал головой:

— После карантинной пищи мне нужна не амброзия, а что-нибудь посущественнее. — Он выбрал крохотный бутербродик с красной икрой. — Что же все-таки выяснили врачи?

— Оказывается, тау-риккетсия осложнена действием какого-то неизвестного вируса. Активизируясь в организме человека, он вызывает дополнительные поражения нервных клеток. Эпидемиологи работают не покладая рук, но пока без особого успеха — такая двойная, комбинированная атака на организм встречается впервые.

— Хорошо, что ввели карантин.

— Хорошо-то хорошо, — не совсем внятно проговорил Снегин, пробуя салат. — Но четыре недели абсолютного карантина, да еще в такой ситуации, — не очень приятная штука.

— В какой ситуации? — заинтересовался Иван.

Снегин невесело усмехнулся:

— Мы сейчас словно на необитаемом острове. Отрезаны от всего остального мира и можем рассчитывать только на свои силы. Понимаешь?

— Рассчитывать? Что ты имеешь в виду?

Снегин не ответил. Он смотрел куда-то вдаль, мимо Лобова. Глядя на чеканный профиль друга, Иван вспомнил, что в молодости, когда Снегин еще учился в космоакадемии, его звали Грандом. Учился Всеволод блестяще, был вежлив и ровен в обращении, но ни с кем особенно близко не сходился. С годами он стал более общительным, хотя прежняя сдержанность осталась.

— Предстоит что-нибудь серьезное?

Снегин перевел взгляд на Ивана:

— Что?

— Я спрашиваю, предстоит что-нибудь серьезное? — терпеливо повторил Лобов. — Может быть, я пригожусь? Все равно ведь без экипажа и не у дел — сирота.

Снегин задумчиво смотрел на него.

— Может быть... — Он слегка замялся. — Понимаешь, нужно несколько смелых, энергичных людей для работы в Даль-Гее.

На лице Лобова отразилось недоумение.

— Но ведь там есть наше консульство! Я и обоих консулов хорошо знаю: Тур Хаасен и Дин Самсонов — отличные ребята.

— Отличные, — согласился Снегин. — Но они, по существу, простые наблюдатели и по рукам и ногам связаны официальным статусом. А нам нужны люди, имеющие неограниченную свободу действий.

Лобов хотел спросить еще что-то, но не успел. В зале притушили свет, объявили белый танец, и к их столику подошла очень хорошенькая девушка. Держалась она непринужденно, но нетрудно было догадаться о ее смущении. Остановившись возле Снегина, она пригласила его на танец. Неторопливо поднявшись, Всеволод галантно склонил голову.

— Подумай над моим предложением, — уже начиная танец, бросил он Лобову.

Иван некоторое время следил за ними. Мягко скользившая, почти плывшая над темным полом пара невольно притягивала взгляды окружающих. Что-то вроде зависти к Всеволоду шевельнулось в душе Ивана, когда блестящие глаза девушки равнодушно скользнули по его лицу. Лобов мысленно посмеялся над собой и отвернулся к окну. За окном сгущались сумерки. Шумели листвой белоствольные березы, за ними темнел зеленый луг, пересекавшийся речушкой, еще дальше вставала в дымке синеватая стена леса. А над этим безмятежным идиллическим миром парило глубокое синее небо с лениво плывущими облаками. Березы и ближайший кусочек луга были настоящими, а все остальное — фокусом изощренной стереотехники.

— Милая девушка, — сдержанно сказал Всеволод, вернувшись к столу. — Молодой специалист. Прибыла к нам в составе комплексной группы по борьбе с лихорадкой.

— Да, — кивнул Иван, — если лихорадкой займутся такие девушки, ей скоро придет конец.

Всеволод подозрительно взглянул на него, но Лобов был серьезен.

Все знали, что Всеволод — человек увлекающийся и влюбчивый, но Лобову было известно также, что он легко обижается, когда ему на это намекают.

— Ну, что скажешь? — спросил Снегин, наливая себе в бокал крюшона.

Лобов усмехнулся.

— Однажды я побывал в этом содоме. — Он передернул плечами. — Не скажу, чтобы тянуло побывать там еще.

— Тебя смущает свобода нравов?

Иван поморщился:

— Да нет, я не о том. Какая-то фальшь везде и повсюду. Социальное неравенство, гангстеризм. Эти странные деньги, хотя правители утверждают, что бесплатно обеспечивают народ всем необходимым!

— С деньгами понятно. Бесплатно далийцы получают самый минимум: полуголодный паек, комплект одежды, койку в общественной гостинице. А за все остальное — приличную еду и напитки, красивое платье и развлечения — приходится платить. Эксплуатация, но в этакой утонченной форме.

— И умроки — утонченная форма? — сердито спросил Лобов.

— А что умроки? Разве мы не используем до сих пор лошадей и собак? Не держим в своих домах кошек и канареек? — Снегин покосился на Ивана и признался: — Вообще-то социальная система Даль-Гея так запутана, что сам черт ногу сломает! Многое еще остается для нас тайной за семью печатями.

— Значит, наше консульство зря ест свой хлеб?

Снегин тяжело вздохнул.

— Консульство! Оно существует всего год. — Он помолчал и, словно размышляя вслух, продолжил: — В свое время и на Земле разные государства хранили друг от друга тайны. Они так и назывались — государственные тайны! Чего же ты хочешь от инопланетных взаимоотношений?

— Мы-то не играем в секреты!

— Мы честные люди, Иван, — сухо ответил Снегин. — Нам нечего таить. Да еще от своих братьев по разуму.

— Сложная это штука — братья по разуму. Чтобы общаться с ними, надо быть хорошим дипломатом. А я космонавт, Всеволод.

— Отказываешься? — уточнил Снегин.

— Но есть же специально подготовленные наблюдатели, дипломаты-профессионалы. Для чего-то ведь существует факультет инопланетных контактов при космоакадемии!

— Карантин! — с досадой напомнил Снегин.

— И ни одного наблюдателя на базе? — удивился Иван.

— Так уж получилось.

— Н-да... — Лобов сосредоточенно сдвинул брови. — И все-таки, я думаю, — упрямо сказал он после паузы, — на базе найдутся люди, куда более способные к дипломатической работе. — Он выдержал пристальный взгляд Снегина и виновато добавил: — Рад бы тебе помочь, но

искренне сомневаюсь в своей пригодности. Только завалю дело. — Вдруг он оживился: — А почему бы тебе самому не взяться? Ты ведь прирожденный дипломат Всеволод!

Снегин скупо улыбнулся.

— Я уже взялся. Перед тобой Чрезвычайный посол Земли. На днях отправляюсь в Даль-Гей с официальным визитом... И говорю я с тобой как посол, а не как начальник летной службы. — В его голосе зазвучали официальные нотки. Он помолчал. — А сейчас я тебе скажу кое-что, только это должно остаться строго между нами.

— Ты что, по примеру далийцев вздумал играть в секреты? С каких это пор?

— С того самого часа, когда в Даль-Гее был похищен гангстерами наш консул Тур Хаасен, — жестко ответил Снегин.

— Что?! — Лицо Лобова окаменело.

— В Даль-Гее похищен наш консул Тур Хаасен, — раздельно повторил Снегин. — Сегодня утром.

— И ты до сих пор не сказал об этом?

Всеволод не без труда выдержал вдруг потяжелевший взгляд друга.

— Прости, Иван, но я не видел тебя больше года. Прежде чем предлагать тебе участие в ответственной операции, я хотел уточнить твое настроение и форму.

— Ты стал таким опытным и предусмотрительным руководителем, что даже тошно. — Лобов безнадежно махнул рукой. — Когда вылетаем в Даль-Гей?

Снегин не сдержал улыбку:

— Ты бы хоть поинтересовался, что тебе там придется делать!

— Чтобы спасти товарища, я согласен делать что угодно, — сухо ответил Иван.

— А если придется лезть в самое логово гангстеров?

— Хоть к гангстерам, хоть в апартаменты самого дьявола!

— Узнаю командира «Торнадо». А как же быть с отсутствием дипломатических способностей? — не удержавшись, поддел Снегин.

— Что-нибудь придумаешь, — спокойно ответил Иван.

— Ладно, — согласился Всеволод, — придумаем. Но, прежде чем лететь в Даль-Гей, надо пройти подготовку — изучить обычаи, нравы и язык далийцев. По счастью, на базе есть гипнопедическая аппаратура, так что двое суток будет достаточно.

— Двое суток! А что будет с Туром?

— Торопиться надо медленно, Иван, не мне тебя учить. Мы ведь не можем начать операцию, не обеспечив ее хотя бы минимумом необходимого. Думаю, что с Туром пока не должно случиться ничего страшного. — Заметив недоумение на лице Лобова, Снегин пояснил: — Видишь ли, вслед за его исчезновением в консульство поступила телеграмма от одной из гангстерских корпораций. Это своего рода ультиматум. Они требуют, чтобы мы демонтировали орбитальные станции и покинули пределы системы оранжевого карлика-Тэр. В противном случае Хаасен, взятый ими в качестве заложника, будет уничтожен. Сотрудникам консульства тоже угрожают жестокой расправой... Для видимости решено начать демонтаж одной из станций, отслужившей положенный срок. Какое-то время мы на этом выгадаем. Кроме того, официальные власти Даль-Гея и лично президент обещают нам всяческое содействие.

— Но Тура могут... — начал было Лобов.

Снегин жестом остановил его.

— Будем надеяться на лучшее. — Он поднялся. — Сегодня в двадцать два часа чрезвычайный совет базы. Будет утверждаться план операции и его основные исполнители. Если передумаешь...

— Я не передумаю.

Весело кипел фонтан, стоял негромкий гул разговоров, звучал сдержанный смех, в ритмичном танце двигались пары. Обычный вечер в клубе космонавтов. Никто из присутствующих здесь еще не знал, что в трущобах Даль-Гея, в гангстерском логове, томится их соотечественник.

Глава 2

Алексею Кронину повезло. Оказалось, что он заболел не комплексной, а самой обычной, риккетсиевой тау-лихорадкой. Через два дня после начала лечения он был совершенно здоров, и, поскольку людей не хватало, его сразу же направили на центральную базу. Прибыв туда и не застав в общежитии Ивана, Алексей отправился на доклад к Снегину.

Начальник летной галактической службы сидел за большим полукруглым столом, похожим на пульт управления компьютера высокого класса. Не повышая голоса, Всеволод распекал кого-то по видеофону за неполадки на

шестом причале. Он приветственно помахал Кронину рукой и жестом указал на свободное кресло. Выслушав ответную реплику невидимого Алексею собеседника, Снегин холодно посоветовал ему забыть о карантине и держать причалы в состоянии постоянной готовности. Потом предупредил, что с завтрашнего дня его, Снегина, обязанности будет временно выполнять Рин Чинмайя, и выключил видеофон.

— Выздоровел? Карантин тебе на пользу.

— Спасибо на добром слове.

— Ищешь Ивана? Не ищи, он на задании.

— На задании? С кем? — с оттенком ревности спросил Алексей.

— С кем? — переспросил Снегин, косясь на лампочку вызова по лонг-линии. — Вот что, Алексей, заходи ко мне в номер часов в семь, я тебе все объясню. А сейчас, сам видишь, некогда.

Конечно, выйдя от Снегина, Кронин попытался сам выяснить, на каком задании находится Лобов, но, к его удивлению, оказалось, что этого никто не знает. Правда, некоторые из его собеседников, уверявшие, что ничего не знают о местонахождении командира «Торнадо», как-то неопределенно улыбались, явно чувствуя себя неловко. Кронин взял это странное обстоятельство на заметку.

В назначенное время он вошел в номер Снегина и увидел, что тот собирает свой дорожный саквояж.

— Собираешься в турпоход? — спросил Алексей, усаживаясь в кресло.

— Собираюсь, — вздохнул Снегин, распрямил спину и пожаловался: — Черт его знает, как много лишних вещей приходится возить с собой, когда ты не член экипажа, а пассажир.

— Куда же ты собрался, если не секрет?

Всеволод вскинул на него синие глаза:

— А вот и секрет!

Кронин шутливо схватился за голову.

— Не узнаю я старой доброй стигма-базы, — с тоской в голосе проговорил он. — Все тут говорят намеками, чего-то недоговаривают, таинственно улыбаются и играют в секреты. Может быть, ты все-таки сжалишься надо мной, Всеволод, и расскажешь, что тут со всеми вами творится?

Снегин кивнул:

— Расскажу. Но разговор действительно должен быть строго секретным.

— Шутишь?

— Нисколько.

Алексей некоторое время недоверчиво смотрел на него.

— Стало быть, — заговорил он в своей флегматичной манере, — если Клим или, к примеру, Лена начнут меня расспрашивать после разговора с тобой, то я должен буду врать или отмалчиваться?

— Вот именно.

— Прости, Всеволод, но ты в своем уме? Или это лихорадка-тау дает такие необычные осложнения?

Снегин нахмурился:

— Если ты не умеешь хранить тайны, наш разговор просто не состоится.

— Да что, в конце концов, случилось? — встревожился инженер. — Ты знаешь, я человек дисциплинированный, если уж надо молчать, я буду молчать.

Снегин сел напротив Кронина на диван.

— Тогда слушай.

И Всеволод коротко посвятил его в далийские события последних дней. Когда он сообщил о похищении Хаасена, добродушное лицо Алексея посуровело, губы плотно сжались.

— Какая мерзость! И какая глупость! Я не думал, что далийцы способны на такое.

— Этого никто не предполагал, — согласился Снегин.

Кронин задумался. Вдруг лицо его оживилось, он вскинул голову и спросил:

— Насколько я знаю Ивана, он отправился в Даль-Гей выручать Хаасена. Угадал?

— Почти. Отправится.

Оживление на лице инженера сменилось озабоченностью.

— Но что он сможет сделать один? В чужом, инопланетном городе? Это же чистая авантюра, Всеволод!

Глаза Снегина стали похожими на льдинки.

— А ты предлагаешь послать туда целую армию? И развязать межпланетную войну? — жестко спросил он.

Кронин смущенно развел руками:

— Я инженер, а не социолог, я не могу предложить ничего радикального... Но согласись, один — к гангстерам... это же самоубийство!

Взгляд Снегина потеплел.

— Успокойся. Иван там будет не один. Операция разработана очень тщательно. И почти все варианты, проигранные на компьютере, сулят благоприятный исход. Хотя

риск, конечно, есть, и немалый. — Он помолчал, затем пояснил: — Иван отправится в Даль-Гей нелегально, под видом далийца.

Кронин покачал головой:

— Не совсем понимаю.

— Это и в самом деле непросто, — согласился Снегин и не без гордости поведал, как они долго и безуспешно ломали голову над планом вызволения Хаасена, пока кто-то не предложил обратиться за помощью к историкам. Те затребовали все детали далийской обстановки и обратили внимание, что еще полгода тому назад, когда обстановка в Даль-Гее стала вызывать некоторую тревогу, Комитет межпланетных отношений предложил подстраховаться — взять под контроль какую-нибудь далийскую торговую фирму. Тогда это предложение вызвало много споров и было утверждено Всемирным Советом лишь после того, как группа неизвестных, враждебно настроенных к землянам, устроила взрыв в консульском здании, лишь по случайности обошедшийся без человеческих жертв. Выбор пал на небольшую, но авторитетную фирму «Нун», расположенную на Стигме, соседней с Далией планете. Экспортируя на Землю ценнейший супервитаминный концентрат конголиз, фирма «Нун» в обмен получала с Земли строительный нейтрид, пользовавшийся огромным спросом в Даль-Гее, тем более что сами далийцы не могли его производить даже в перспективе. Поэтому фирма «Нун» была на особом положении и с ней заигрывали многие влиятельные лица и целые организации. Выяснив, что фирма «Нун» фактически находится под контролем стигмийской базы и согласна на все, лишь бы не терять сверхприбылей, связанных с поставками нейтрида, историки предложили направить в Даль-Гей разведчика под видом далийца — полномочного представителя этой фирмы.

— Значит, Иван — разведчик? Рыцарь плаща и кинжала! — Кронин тихонько рассмеялся. После того как он выслушал подробный рассказ Всеволода о предстоящей операции, его настроение заметно улучшилось. — Интересно! Переодевания, погони и смертельные схватки на самом краю крыши двухкилометрового небоскреба!

Снегин смотрел на инженера с некоторым неудовольствием.

— Ты плохо представляешь себе существо профессии разведчика. Нам, вместе с историками, пришлось немало потрудиться, чтобы ее воссоздать и как-то согласовать с нормами нашей морали и этики. — Снегин вяло провел

рукой по лицу, и Алексей внезапно почувствовал, как тот устал за последние, видно, очень суматошные дни. — Может быть, Ивану и придется вступить в драку или удирать на первой попавшейся машине, — продолжал Снегин. — Но главная ставка в нашей операции совсем иная — деньги. Тебе трудно представить, насколько эти жалкие бумажки всесильны в далийском мире. Мы попытаемся выкупить Тура Хаасена.

— И ты думаешь, гангстеры его продадут? — с сомнением спросил инженер.

— Землянам — ни в коем случае! Гангстеры хорошо представляют, что дружба далийцев с нами несет им медленную, но верную смерть, и поэтому ненавидят нас. Но представителю фирмы «Нун», да еще за кругленькую сумму, — продадут обязательно.

Кронин понимающе кивнул.

— А ты порядком поднаторел в этих делах, Всеволод. Просто молодец!

— Стараюсь, — усмехнулся Снегин. — Знаешь, что самое интересное?

— Откуда мне знать?

— Иван успешно прошел дебри самых хитроумных испытаний и намного опередил по баллам всех конкурентов. Члены конкурсной комиссии были просто ошарашены. Да и я, признаться, хоть и знаю Ивана, был порядком удивлен.

— Иван есть Иван, — рассеянно проговорил Кронин. Он остановил на Снегине умный, чуть лукавый взгляд. — Ну, а какая роль в этой операции отводится мне?

— Почему ты решил, что тебе отводится какая-то роль?

— Отводится, — уверенно ответил Алексей. — Ты человек деловой, Всеволод. С какой стати ты стал бы со мной откровенничать?

— В проницательности тебе не откажешь, — одобрительно заметил Снегин.

— В логике, Всеволод, в логике, — флегматично поправил Кронин. — Надеюсь, ты мне подобрал что-нибудь по инженерному профилю? Вывести из строя охранную систему, соорудить из подручных материалов гамма-пушку или гравитостанцию? Вскрыть хитроумный сейф, наконец?

Снегин отрицательно покачал головой:

— Нет, Алексей, тебе предлагается роль, вовсе не связанная с инженерным профилем.

— Предупреждаю сразу, устраивать эти... ну как их... дворцовые перевороты и руководить экспроприациями я не умею.

— И не надо. Все будет проще... И опаснее.

Глава 3

Лена Зим вышла из кабины межпланетной связи и, притворив за собою дверь, задумалась. В зале ожидания стигмийской связной станции было много народу, в воздухе висел гул разговоров. Время от времени диспетчер, щеголяя четкой дикцией, объявлял вызов, и тогда с кресла или с дивана, которые, следуя далийской моде, были расставлены в кажущемся беспорядке, вставал очередной абонент.

Лена была расстроена. Вот уже второй день подряд она никак не могла связаться с Иваном. Вчера ей сказали, что Иван находится на врачебном обследовании, а сегодня — что он на срочном задании. На каком задании, ей так и не удалось выяснить. Дежурный по базе мямлил что-то неопределенное. Не случилось ли что-нибудь с Иваном? Не похоже. Дежурный, несмотря на свою «неосведомленность», не выглядел обеспокоенным.

— Здравствуй, Лена.

Лена Зим не сразу сообразила, что эта фраза, негромко произнесенная на земном языке, обращена именно к ней. Она обернулась и увидела высокого, атлетически сложенного, модно одетого далийца, добрую половину лица которого скрывали зеркальные очки-светофильтры.

— Здравствуйте, — ответила она, настороженно приглядываясь к незнакомцу.

— Ты меня не узнаешь?

Его голос показался ей знакомым.

Странный далиец снял очки, и Лена, не удержавшись, тихонько ахнула — перед ней стоял Иван, хотя модная прическа сильно изменила его лицо.

— Не удивляйся, Лена, — тихо сказал Иван, водружая очки на нос. — Пройди в конец зала и подожди.

Ошеломленная, Лена машинально повиновалась.

Конец зала был пуст. Лена выбрала диван с высокой спинкой и села спиной к залу. Она ждала Ивана несколько минут, за это время в ее голове мелькнуло множество самых разных догадок, но ни одна не показалась ей хоть сколько-нибудь правдоподобной.

Подошел Иван, громко по-далийски попросил разрешения сесть рядом, опустился на диван и положил свою большую ладонь на тонкую руку Лены.

— Я так рад видеть тебя.

Лена покосилась по сторонам и быстро поцеловала его в щеку.

— И я рада! Но что значит этот маскарад?

Она оглядела Лобова с головы до ног и, не выдержав, рассмеялась. Засмеялся и Иван. Сняв свои громадные очки, он спрятал их в карман и пояснил:

— Я на задании.

Недоуменно подняв брови, Лена еще раз пристально оглядела его.

— На задании? Но одежда, прическа, таинственность — что все это значит?

— Я здесь нелегально.

Прямо глядя на Ивана своими большими карими глазами, Лена покачала головой.

— Не понимаю.

— Нелегально, — терпеливо пояснил Лобов, — под видом далийца.

В глазах Лены мелькнула тревога.

— Ничего страшного. — Иван успокаивающе погладил ее руку. — Перед тобой не Иван Лобов, а Ивви Лонк — полномочный представитель фирмы «Нун», которая поставляет в Даль-Гей земной нейтрид.

— Но... зачем все это?

— Можно, я это объясню потом?

— Можно. — Она мгновение колебалась и наконец спросила: — А тебе не опасно здесь находиться?

— Нет. Сюда, в конец зала, и носа никто не покажет — я на целый час откупил линии связи этих четырех кабин. Деньги в этом мире — все, а фирма «Нун» достаточно богата.

Лена только покачала головой. Иван, так хорошо знакомый ей Иван, представал перед ней в совершенно новом облике, и это касалось не только его внешнего вида. Лобов, поймав ее взгляд, шутливым жестом, который совсем не соответствовал его теперешнему облику и далийской одежде, почесал затылок.

— Попадет мне от Всеволода, — сказал он без всяких признаков раскаяния. — Он ведь категорически запретил мне видеться с тобой.

— Почему?

— В целях конспирации. — Иван придал своему лицу нарочито серьезное выражение. — Но как только я узнал,

что наша медицинская делегация на Стигме... В общем, — он улыбнулся, — вся эта конспирация полетела к черту! Я еле дождался, пока ты выйдешь из кабины.

— А я никак не могла выяснить, где ты. И волновалась.

— А я был рядом. И видел твое лицо через стекло.

— А я ничего не знала!

Наверное, их взгляды выражали гораздо больше, чем слова, потому что Лена чуть порозовела и отвела глаза. А когда снова украдкой взглянула на Ивана и взгляды их опять встретились, они, точно сговорившись, дружно рассмеялись.

— Я очень скучал по тебе, Лена.

— В карантине всегда скучают, — лукаво заметила она.

— Я уже пять дней как не в карантине!

— Да неужели? Пять дней!

— Целых пять дней, — сердито подтвердил Иван.

Их вернул к действительности четкий, хорошо поставленный голос диспетчера, объявлявшего очередной переговорный вызов.

— Да, — спохватился Лобов, — почему ты на Стигме? По моим сведениям, медицинская делегация должна была пробыть в Даль-Гее еще неделю.

— Должна, — подтвердила Лена. — Но мы были вынуждены уехать раньше.

— Почему?

— По существу, нас просто выгнали.

— Это как же? — опешил Лобов.

И Лена рассказала, что во время симпозиума три земных врача один за другим заболели тау-лихорадкой. Реакционная далийская пресса, и до этого не очень дружелюбно относившаяся к медицинской делегации землян — ее даже обругали как-то шайкой шпионов и диверсантов, — подняла страшный шум. На разные лады она твердила, что земляне являются разносчиками злокачественной тау-лихорадки. Официальные органы, как могли, пытались смягчить ситуацию, но обстановка тем не менее накалялась все больше и больше. Началось пикетирование гостиницы, в которой размещалась делегация, нахальными развязными молодчиками спортивного вида. Несколько раз их разгоняла полиция, но, судя по всему, они и не думали прекращать свои гнусные выходки.

— У нас сложилось впечатление, — продолжала рассказывать Лена, — что в Даль-Гее есть какие-то мощные, хорошо организованные силы, настроенные крайне

враждебно по отношению к Земле. И что даже президент Даль-Гея бессилен обуздать их.

— Почему вы так решили?

— Руководитель нашей делегации был вынужден в конце концов обратиться лично к президенту. Тот принял его очень любезно, наговорил массу комплиментов, но дал понять, что власть его не безгранична. И напоследок посоветовал до окончания эпидемии лихорадки работу симпозиума временно прервать, потому что в такой ситуации ему трудно гарантировать нашу безопасность.

Лобов глубоко задумался, потом спросил:

— А как вообще обстановка в Даль-Гее?

— Ты о лихорадке-тау? Все спокойно, хотя есть единичные заболевания, обычные для этого города. Новый тау-штамм активен только по отношению к землянам.

— А это тебя не удивляет?

— Меня многое удивляет! — с прорвавшимся вдруг раздражением сказала Лена. — Есть в облике Даль-Гея нечто, наводящее на мысль о фашизме. По-моему, далийцы тщательно скрывают от нас некоторые стороны своей жизни.

— Женская интуиция? — с улыбкой спросил Иван.

— Не стоит над этим смеяться. Не так уж редко мы, женщины, интуитивно предчувствуем то, к чему вы, мужчины, со своей железной логикой приходите гораздо позже.

— Да я и не думал смеяться!

Лена задумалась.

— Более-менее определенно я могу говорить только о медицине.

— Давай о медицине.

Лена поправила волосы.

— Мне кажется, далийцы скрывают от нас подлинный уровень своих медицинских знаний. — Она взглянула на Ивана и уже увереннее продолжала: — В ходе обсуждения проблем субмолекулярной генетики я не могла отделаться от впечатления, что далийцы разбираются в ней лучше нас. Хотя для чего-то стараются играть роль прилежных учеников. Их взгляды, реплики, жесты — во всем какая-то фальшь. Не у всех, конечно, но у большинства. И снисходительность. Та самая, которую проявляют специалисты по отношению к дилетантам!

— Любопытно.

— Это нисколько не любопытно, — с досадой сказала Лена. — В такой атмосфере тяжело дышится. Да и вообще это злой и жестокий город.

— За что ты их так строго?

Лена не ответила. Некоторое время она пристально смотрела на Лобова и вдруг спросила:

— А почему ты так интересуешься Даль-Геем?

— Разве это не естественно?

— Ты что-то скрываешь от меня.

Лобов вздохнул:

— Это большой секрет. Но какие у меня могут быть от тебя секреты? Я завтра отправляюсь в Даль-Гей нелегальным наблюдателем, а лучше сказать, разведчиком, под видом представителя фирмы «Нун».

Лена приложила руку к щеке.

— Я так и знала. А если тебя разоблачат?

— Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

— Ну, а если?

— Этого не случится, — мягко повторил Лобов. — Ну, а если случится, разве вы не вытащите меня оттуда?

Лена не приняла шутки.

— Ненависть к землянам у далийских гангстеров — норма поведения. Кто ты по сравнению с ними? Большой, сильный, но наивный ребенок.

— Я прошел хорошую школу на «Торнадо».

Лена покачала головой.

— Даль-Гей — не открытый космос или неосвоенная планета, где ты чувствуешь себя как дома. Это город со своеобразными привычками, которые складывались веками. Город путаный, развратный и жестокий. Это место не для тебя, Иван.

— Не надо говорить об этом, — попросил Лобов. — Я дал согласие. И я уже в деле.

Лена подняла на него влажные глаза.

— Но почему именно ты должен лезть в самое пекло?

Не выдержав ее взгляда, Иван опустил голову. Упрямая складка пересекла его лоб.

— Кто-то ведь должен делать это. — Его ответ прозвучал почти виновато. — А потом, я не привык оставаться в стороне, когда жизнь моих товарищей в опасности.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Лена.

Лобов помолчал и не совсем охотно пояснил:

— Далийскими гангстерами похищен наш консул Хаасен. Они держат его в качестве заложника.

— Тур? — поразилась Лена. — Я недавно виделась с ним в Даль-Гее... Но ведь нет никаких официальных сообщений!

Иван согласно кивнул.

— Президент Таиг обратился к нам с личным посланием, в котором просил временно сохранить историю с похищением в тайне, чтобы не будоражить далийцев. Он надеется мирно разрешить этот конфликт. И намекнул, что не откажется от нашей помощи.

— Значит, ты действительно пойдешь в самое пекло, прямо к гангстерам? — В ее глазах мелькнул страх. — Да ты с ума сошел, Иван!

Лобов ободряюще улыбнулся.

— Разве это первое пекло, в которое мне придется лезть? И потом, я буду не один.

Лицо Лены просветлело.

— Клим и Алексей тоже будут с тобой?

— Клим — не знаю, а Алексей будет наверняка.

Лена покачала головой.

— Хорошо бы и Клим. Когда вы втроем, я спокойна.

— Вот увидишь, все будет хорошо!

— И ты будешь осторожен? — спросила Лена.

— Не только осторожен. Я буду хитрым, коварным и изворотливым, как Талейран или Макиавелли!

— Как кто? — не поняла Лена.

— Талейран и Макиавелли, — важно повторил Иван. — Знаменитые и совершенно беспринципные дипломаты старых времен.

Лена грустно улыбнулась.

— Хитрым и коварным, — со вздохом повторила она и встала с дивана. — Извини, но мне пора. Я буду очень-очень ждать. Удачи тебе... Макиавелли.

Глава 4

Президент Даль-Гея Арни Таиг любезно указал на кресло:

— Прошу, ленд Снегин.

Они были почти одинакового роста — Снегин и Таиг. Но Таиг был старше и массивнее.

— Благодарю, — суховато ответил представитель Земли, опускаясь в кресло.

Снегин прилетел в Даль-Гей несколько часов назад, побывал в консульстве и поспешил нанести визит вежливости президенту. Он знал, как болезненно реагируют далийцы на всякое нарушение этикета.

Президент подождал, пока гость займет место, и только после этого сел напротив. Протянув руку, Таиг нажал

голубую клавишу в стене. Широкая вогнутая стена посветлела, стала прозрачной, и открылась панорама гигантского города, залитого оранжевыми лучами заходящего солнца.

— Вот он, наш Дальг, — с гордостью проговорил президент.

С высоты центрального корпуса городского управления Даль-Гей казался игрушечным. Всюду тянулись вверх, сверкая стеклом и металлом, параллелепипеды, прямые и перевернутые конусы, иглы и пирамиды высотных зданий. Широкими лентами, то скользя по самой земле, то взлетая на мачтах-опорах, город рассекали автострады. Местами они растекались площадями, от которых во все стороны расползалась геометрически четкая паутина улиц. Город уходил вдаль, постепенно становясь все воздушнее, призрачнее.

— Полтора миллиарда на пятачке диаметром двести километров, — словно про себя сказал Снегин, — тесновато.

Президент внимательно посмотрел на него.

— Возможно, но мы привыкли к этому. Больше того, теснота, ощущение локтя стали нам необходимы. Дикая, первозданная природа действует на нас угнетающе. — И, помолчав, негромко добавил: — Когда ядерная война опустошила континенты, уцелевшие потянулись сюда, в нетронутую зону. Даль-Гей вырос более чем в десять раз.

Снегин мельком взглянул на Таига.

— Но ведь это было так давно.

— Да, около шестисот лет назад. Я понимаю, что вы хотите сказать. Почти повсюду уровень радиации пришел в норму, было бы очень легко расселить далийцев по всем материкам планеты. Но никто не хочет этого. Я уже упомянул о привычке к тесноте, но дело не только в этом. Слишком дурной славой пользуются выжженные ядерным огнем материки, ставшие кладбищем миллиардов людей. — Президент усмехнулся. — Говорят, там бродят страшные призраки, человекоподобные упыри, которые нападают по ночам на все живое и сосут кровь.

— Полтора миллиарда человек, — в раздумье повторил Снегин, разглядывая панораму города.

Ему было не по себе, он впервые видел такой гигантский людской муравейник.

— Да, полтора миллиарда, — подтвердил президент, глядя на профиль Снегина, и с подчеркнутой серьезностью добавил: — Хочу надеяться, что вы будете их искренним другом, ленд Снегин.

Всеволод обернулся, и глаза их встретились. Синие холодноватые глаза землянина и серые внимательные глаза далийца.

— Дружба должна быть обоюдной, ленд президент, — медленно проговорил Снегин.

Таиг спокойно выдержал его взгляд.

— Зачем скрывать очевидные вещи? У нас есть группы и группировки, враждебно настроенные к Земле. Они страшатся любого прогресса, малейших социальных перемен и, чтобы поссорить далийцев с землянами, идут на самые отчаянные авантюры и провокации. Похищение консула Хаасена — прямой вызов не только землянам, но и моему правительству. По моему указанию уже начато тщательное расследование среди тех лиц и организаций, которые так или иначе могли оказаться причастными к этому делу. Я верю, — подчеркнул Таиг, — что это недоразумение будет разрешено и мы сумеем восстановить истинно добрые отношения.

— Я рад, что вы высказались столь определенно, — сдержанно ответил Снегин.

— Мои дружеские чувства к Земле — не временное увлечение романтика. С Земли мы получаем необходимые для нас вещи: нейтрид, гипервещество, гравитотехнику. Мы так похожи физически, что лишь эксперты могут отличить землянина от далийца. И наконец... у нас есть некоторые общие социальные проблемы.

— Это для меня ново. Какие именно?

— Ну, например, дефицит продуктов. Ведь такая проблема и у вас существует? — вкрадчиво спросил Таиг.

Снегин покачал головой:

— Ошибаетесь.

Президент примирительно улыбнулся.

— Я не говорю о всех продуктах, лишь о некоторых. Скажем, о новых моделях предметов обихода и одежды, о редких украшениях, экзотических плодах. Не будете же вы уверять меня, что сразу все население Земли обеспечивается этими редкостями?

— Не буду.

— Но это и есть дефицит, — мягко проговорил Таиг.

Теперь улыбнулся и Снегин.

— Вовсе нет. Дефицит — не столько экономическое, сколько социальное явление.

— Признаюсь, это для меня слишком тонко.

— Поясню на конкретном примере. Представьте себе, ленд президент, что вы идете пешком по улице.

— С некоторым трудом представляю.

Снегин чуть склонил голову:

— Вдруг начался дождь. Естественно, вы ускоряете шаг и видите, что на скамье лежит дорогой надежный зонт, принадлежащий какому-то другому лицу. Воспользуетесь вы этим зонтом или нет?

Таиг с интересом разглядывал Снегина.

— Вы могли бы и не задавать такой вопрос.

— Понимаю. Вы откажетесь от зонта по моральным соображениям: в Даль-Гее очень высоко чтится право частной собственности, и первый человек города-государства должен быть примером всем остальным.

— Вы толкуете дело упрощенно, но в общем-то правильно.

— Очень рад. А теперь представьте, что вы попали точно в такую же ситуацию, правда, с одной оговоркой — на руках у вас крошечный новорожденный ребенок.

Таиг рассмеялся:

— Знаете, такое представить мне совсем трудно, но я попробую.

— Так вот, ленд президент, на руках у вас крошечный ребенок, а с неба льет как из ведра холодный дождь. Взяли бы вы зонтик?

Таиг на секунду задумался.

— Пожалуй. Я прикрыл бы ребенка зонтом.

— Вы это сделали бы наверняка. И по тем же самым моральным соображениям. Милосердия ради можно нарушить и право частной собственности.

— Вы опять толкуете все упрощенно, но все-таки правильно. Не пойму, однако, какое отношение имеет все это к дефициту продуктов?

— Самое прямое, — ответил Снегин. — Вы знаете, что у нас имеются продуктовые витрины, которые с избытком обеспечивают всех и каждого предметами питания. Кроме этого, есть и специальные витрины для тех продуктов, которые, следуя вашей терминологии, можно было бы назвать редкостями. Любой человек может при желании продегустировать эти новые творения кулинарной науки и высказать свои суждения по поводу их вкусовых качеств. А через некоторое время эти «редкости» становятся уже постоянными «обитателями» обычных витрин и могут обеспечить всех желающих. Я ни в коей мере не хочу умалять достижения далийской науки и техники, — спокойно продолжал Снегин, не обращая внимания на недоверчивое и, пожалуй, немного насмешливое выражение

лица президента, — но насколько я знаю, посетив однажды нашу стигмийскую базу, вы могли убедиться в справедливости моих слов: практически любой продукт там получают в необходимом количестве.

— Да, но ведь это только одна база, а на Земле, насколько мне известно, живут несколько миллиардов человек?

— Совершенно справедливо. Более того, они живут и работают в различных климатических зонах, что создает определенную дифференциацию вкусов и потребностей. И все же, смею вас уверить, современная наука и техника позволяют нам успешно справляться с этими задачами.

— Ну хорошо, — кивнул Танг, — допустим, что все обстоит так, как вы говорите. Но если взять хотя бы эти ваши специальные витрины, которые доступны каждому человеку, где гарантия, что все земляне будут относиться к ним, как к своего рода экспериментальным, а не обычным? Можете ли вы быть твердо уверены, что какой-нибудь прожорливый субъект не ограничится только дегустацией и не опустошит витрину с понравившимся ему продуктом?

Снегин весело рассмеялся. Таиг недоуменно посмотрел на него.

— Простите, ленд президент, но я представил себе подобную ситуацию, и она показалась мне очень забавной.

— Не будете же вы утверждать, ленд Снегин, что такие индивидуумы не встречаются среди землян?

Снегин на мгновение задумался.

— Не знаю, поймете ли вы меня, — сказал он после паузы, — но то, о чем вы говорите, может быть свойственно лишь людям, скорее всего, психически нездоровым. Потому что уже давно, еще в процессе строительства нового общества, были устранены все экономические и социальные источники, могущие породить подобные явления.

— И все-таки, ленд Снегин, на чем же основываются земляне, разрешая или запрещая себе что-то?

— А как вы, ленд президент, определили, когда можно взять чужой зонтик?

Таиг качнул крупной головой и рассмеялся, а Снегин уже серьезно добавил:

— У нас очень много занимаются воспитанием нового поколения. Что такое хорошо и что такое плохо, что можно, а что нельзя — откладывается в сознании детей с самого младенческого возраста, а в пору юности становится нормой.

Таиг смотрел на Снегина с интересом и симпатией.

— Вы заставили меня задуматься, но не убедили. Что и кто стоит на страже ваших моральных устоев? Без подпорок рушатся куда более фундаментальные вещи.

— Общественное мнение.

В серых глазах Таига мелькнуло недоверие.

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Но общественное мнение, — Таиг сделал рукой неопределенный жест, — так эфемерно и негибко.

Снегин усмехнулся.

— Полиция гибче?

— Нет-нет, — шутливо испугался Таиг, — зато надежнее. Не думайте, ленд Снегин, я отдаю должное общественному мнению, оно и в наших условиях играет определенную роль. Но... как бы это выразиться понятнее... Оно регулирует поведение человека обобщенно, по самым генеральным направлениям. А детали? Я говорю даже не о распределении продуктов. Например, идти сегодня на работу или не идти, сославшись на нездоровье? Как общественное мнение влияет на решение этой альтернативы, я не понимаю. Это проблема личная, а не общественная.

Внимательно глядя на президента, Снегин сказал:

— Понимаю. Вы воспринимаете общественное мнение как абстрактный кодекс законов, которые в личном воплощении, без стороннего контроля, могут трансформироваться как угодно.

— Вы уловили мою мысль, — живо подтвердил Таиг.

— Так вот, ленд президент, общественное мнение у нас не только абстракция, но и глубоко личностное явление — это мнение коллектива, в котором живет, трудится и отдыхает человек. Такие коллективы, пронизанные узами дружбы, любви и товарищества, рождаются еще в школах. А друг и любимая — это не абстракция. Как лгать или кривить душой перед ними?

Снегин ждал возражений, но президент молчал, опустив голову.

— Знаете, — вдруг сказал он негромко, — в наших интернатах тоже рождаются время от времени дружные коллективы. Ребята там подбираются разные, непохожие и как-то дополняют друг друга.

— Очень верное наблюдение.

Но Таиг словно и не слышал реплики земного гостя.

— Ребята клянутся в вечной дружбе, — все так же негромко продолжал он, — а потом вступают в жизнь. И она

раскидывает их в разные стороны, крушит детские иллюзии, и бывшие друзья нередко становятся непримиримыми врагами.

— Когда-то так было и у нас.

— Было и уже нет? Трудно поверить в реализацию мечты... Наши социологи утверждают, что это всего лишь пропаганда.

— Но вы беседовали и с нашими социологами!

Таиг пренебрежительно усмехнулся:

— Я не особенно верю ни тем, ни другим. Я вообще отношусь настороженно к рекомендациям ученых и научных организаций.

— Вам ближе религия?

— Нет. Но религия хотя бы менее эгоистична. — Президент внимательно посмотрел на Снегина. — Впрочем, вам пока трудно трезво судить о нашей действительности. Я подожду вашего прощального визита.

Снегин помолчал, обдумывая слова Таига; тот явно намекал на какие-то обстоятельства, которые он пока не знал и которые ему, очевидно, предстояло узнать.

— Наша беседа небезынтересна, — сказал он. — Однако я бы предпочел перейти к более конкретным делам. Вы говорили о стремлении к дружбе с нами.

— Я это повторяю.

— Хотелось бы вместо общих фраз получить конкретные доказательства этому.

— А именно?

— Мы хотим, чтобы Тур Хаасен был живым и невредимым доставлен в консульство.

Таиг ответил не сразу.

— Если бы я был главой гангстерского клана, захватившего вашего человека, выполнить эту просьбу было бы для меня сущей безделицей. Но я всего лишь президент. — Он взглянул на панораму города. — А кто такой президент? Король без королевства, без толпы преданных слуг, без права по своей прихоти рубить головы и бросать в тюрьмы. Моя власть ограниченнее, чем это иногда представляется землянам. Единственно, что я могу вам твердо пообещать, — это всемерное содействие моего государственного аппарата. Причем обещаю, что это содействие будет искренним.

— Окажется ли это содействие достаточным?

Таиг откинулся на спинку кресла, разглядывая гостя.

— Вы задаете нелегкий вопрос, ленд Снегин.

— Меня вынуждают к этому обстоятельства, — суховато ответил посол Земли.

В глазах президента мелькнула тень настороженности.

— Какие именно?

«Почему Таига взволновал такой простой и естественный ответ? Скорее всего, потому, что этих самых обстоятельств несколько, похищение Тура лишь одно из них, и Таиг не знает, что конкретно имеет в виду земной посол. Это надо запомнить. Однако сейчас самое главное — вызволить Тура».

— Мы можем примириться со многими нарушениями конвенции о сотрудничестве, проявить понимание и терпение, — четко выговорил Снегин. — Не потерпим лишь одного — покушений на жизнь или свободу граждан Земли.

Президент склонил голову.

— Знаю, жизнь любого человека у вас оберегается, как величайшая драгоценность. А потому буду откровенен. — Он прямо взглянул на Снегина. — Я не могу дать полной гарантии, что Хаасен вернется живым и невредимым.

Всеволод невольно вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

— Я ценю вашу откровенность, ленд президент, — как можно спокойнее сказал он. — Не могли бы вы тогда предоставить мне некоторую самостоятельность действий?

После короткой паузы Таиг медленно проговорил:

— Гангстеры, похитившие вашего консула, находятся вне закона. Поэтому вы можете быть совершенно свободны в своих действиях. Единственно, о чем я вас попрошу, это детально информировать мой аппарат о маршрутах вашего следования. Это в интересах вашей же безопасности. Если с вами случится какая-то неприятность, наши отношения с Землей обострятся до последней крайности, а я, президент Даль-Гея, не могу этого допустить.

Снегин в знак согласия склонил голову.

— Полагаю, — сказал он, как о само собой разумеющемся, — вы не будете возражать, если к поискам Хаасена я привлеку своих сотрудников?

По губам президента скользнула тонкая, понимающая улыбка.

— Я лично не буду. — И уже совсем другим, светским тоном спросил: — Вас еще не утомили наши философские и дипломатические разговоры?

— Разве это существенно?

— Конечно. Я был бы плохим хозяином, если бы угощал своих гостей одними разговорами. Ужинать еще рано, но глоток рекли, я полагаю, вам не повредит. Вам приходилось пробовать этот напиток?

— Да, но... — Снегин замялся.

— Сейчас вы измените свое мнение, — уверенно заявил президент и нажал кнопку на подлокотнике своего кресла.

Дверь отворилась, и Снегину пришлось сделать известное усилие, чтобы сохранить невозмутимость, — в кабинет, неслышно и мягко ступая, вошел умрок.

Глава 5

Темные, почти черные плиты посадочной полосы мелькали все быстрее и быстрее, еще мгновение — колеса орбитального самолета коснулись ее. Торопясь сбросить скорость, самолет затормозил, и привязные ремни ощутимо врезались в тело. Загудел рулежный двигатель, крылатый гигант, ставший вдруг беспомощным, неуклюже развернулся и медленно подрулил к зданию космовокзала, над которым в воздухе пламенели переплетенные буквы «Д-Г». Кронин оторвался от иллюминатора, отстегнул ремни и стал готовиться к выходу.

Прямо из самолета вместе с другими пассажирами Кронин ступил на гибкую ленту эскалатора. Почти бесшумно, то забираясь вверх, то опускаясь вниз, эта лента протащила их по широкому тоннелю и выплеснула на привокзальную площадь. Сначала Кронину показалось, что на улице сумерки — так темно было здесь после щедро залитого светом тоннеля. Но это не были сумерки, просто совсем низко, срезая верхушки решетчатых мачт, тянулись плотные темные облака и сеяли мелкий теплый дождь.

Стараясь унять вдруг охватившее его волнение, Кронин глубоко вдохнул влажный воздух.

С тех пор как Алексей дал согласие на участие в далийской операции, прошло несколько дней, но мысли его уже в который раз возвращались к разговору со Снегиным.

— Чтобы вызволить Хаасена, — говорил Всеволод, — Ивану, возможно, придется проникнуть в гангстерскую банду. Мы должны быть уверены в безупречности маскировки, иначе для Ивана это плохо кончится. Так вот, ты пройдешь одинаковую с Иваном подготовку. Но пока он внедряется на Стигме в фирму «Нун», ты прямиком от-

правишься в Даль-Гей. Конкретного задания у тебя пока не будет, просто поживешь и присмотришься к далийской жизни. Твоя главная задача — чтобы никто не заподозрил в тебе землянина. В этом случае Ивана можно будет смело пускать в дело. Ну, а если провалишься, придется его готовить дополнительно.

— Значит, я буду чем-то вроде подопытного кролика?

— Грубо, хотя, по существу, правильно.

— Ну, а если все обойдется, я так и буду бездельничать?

— Ну нет! После прибытия Ивана поступишь в его распоряжение и будешь с ним взаимодействовать.

— Послушай, Всеволод, — не удержался Алексей. — А не авантюра ли все это? Являются в чужой город-государство двое одиночек и...

Он запнулся, поймав неодобрительный взгляд товарища.

— Ты был бы одиночкой, если бы действовал на свой риск и страх и для своей выгоды, — довольно сухо сказал Снегин. — Но ты будешь спасать друга, это ли не святое дело? И ты будешь не один, а вместе со своими товарищами. На нашей стороне официальные власти Даль-Гея. Я имею на этот счет предварительную договоренность. К тому же задача у нас специфическая — освобождение заложника. Такие операции во все времена проводились малыми силами, тихо и скрытно. Стоит поднять шум, как заложника прикончат, вот и все.

Кронин задумчиво смотрел на Снегина.

— Ты говоришь убедительно. — Он помолчал и после легкого колебания спросил: — Ну, а если меня или Ивана разоблачат? Что тогда?

— Если это сделают официальные власти, то ничего страшного. Во всяком случае, в обиду мы вас не дадим. Куда хуже, если вас опознают гангстеры или агенты Ярхиса.

— А это что за зверь?

— Тайная служба безопасности. По нашим данным, обладает большой властью, не всегда ладит с президентом и очень недружелюбна по отношению к Земле. Гангстеров и ярхисовцев вам и надо опасаться.

Кронин кивнул.

— И все-таки? Если они докопаются?

— Тебе придется плохо.

— Плохо, — повторил Алексей. — Как прикажешь понимать это в приложении к Даль-Гею?

— Плохо — везде плохо. — Снегин помолчал и хмуро добавил: — В худшем случае тебя могут просто ликвидировать.

Кронин поднял брови.

— Как это — ликвидировать?

— Пристрелить, — отчеканил Снегин, в упор глядя на него.

— Ликвидировать, — поежился Алексей. — Слово-то какое... И это о живом человеке! Тут и говорить не о чем, надо ехать.

Кронин вздохнул, возвращаясь к действительности, и огляделся. Пахло пылью и цветами, горячим металлом и машинным маслом, воздух гудел от людских голосов, шума двигателей, шарканья ног и раскатистых объявлений. Привокзальная площадь была такой огромной, что ее «берега» — здания, верхние части которых тонули в облаках, — еле виднелись во влажной дымке. Основной поток пассажиров потянулся вправо, к электробусам. Длинные, приземистые, окрашенные во все цвета радуги, они стояли в несколько рядов, и над каждым светилось табло, на котором группой букв и цифр указывался маршрут движения и порядок следования по нему. Другой поток пассажиров, намного меньший, сворачивал налево, где в сумеречном воздухе плясали огни реклам баров, гостиниц и бюро обслуживания. Наконец, совсем тоненький ручеек струился прямо — к стоянкам личных машин и такси.

Все было как в учебных фильмах о Даль-Гее. Да и вообще Кронин никак не мог отделаться от странного ощущения, что все происходящее — искусно сделанный стереофильм, в котором он, Кронин, играет некую интересную и до конца ему самому не известную роль. Это ощущение было настолько острым, что он ничуть бы не удивился, если бы из текущей мимо безликой толпы вдруг выбрался инструктор-консультант, подошел к нему и принялся делать замечания и давать советы.

Кронин свернул налево, туда, где светились огни реклам.

Сделав десяток шагов, он спохватился. Делая вид, что сверяет свои модные часы-перстень с большими вокзальными часами, Кронин нажал на корпусе одну из едва заметных микрокнопок и послал Снегину шифр-сообщение о своем благополучном прибытии.

Часы-перстень были специально сконструированы для проведения операции в Даль-Гее. Вмонтированная в них связная микростанция позволяла поддерживать двухстороннюю связь с помощью азбуки Морзе, не привлекая чужого внимания. Устройство было довольно примитивное, но скромными средствами базы ничего лучшего сделать не удалось.

— Какая чудесная вещь, — прозвучал рядом приятный голос.

Кронин обернулся и увидел пожилого респектабельного мужчину.

— Не удивляйтесь моей навязчивости, ленд. Я обожаю красивые вещи, а ваши часы просто великолепны. С удовольствием приобрел бы нечто в этом роде, я хорошо знаю, что у приехавших отдохнуть и развлечься иногда оказываются лишними любопытные вещицы.

Незнакомец шел сквозь толпу, глядя прямо перед собой и высоко держа голову. «Прямо наглядное пособие для демонстрации достоинства и порядочности, — подумал Алексей. — Однако кто он на самом деле — жулик, полицейский или просто бездельник, не знающий, куда девать свободное время?»

— Почему вы решили, что я приехал отдыхать и развлекаться? — спросил он.

Незнакомец снисходительно улыбнулся.

— Что еще может делать в нашем городе космонавт-профессионал?

Это было как гром с ясного неба, но Алексей продолжал неторопливо шагать по площади. Мозг его напряженно работал. «Провал на первых же шагах по городу? Маловероятно. Тем более, что приняты все меры, операция засекречена даже от собственного консульства. Во всяком случае, волноваться преждевременно, ну, а отрицать свою принадлежность к космосу, разумеется, глупо».

— Да, я немало проработал в небесах, — спокойно сказал Алексей. — Но как вы догадались об этом?

— Загар, — коротко пояснил тот и провел рукой по щеке. — А потом посмотрите — все спешат, торопятся, всем мешает дождь. И только вы наслаждаетесь этой погодой и идете спокойно.

Кронин не мог не отметить про себя, насколько прав этот человек. Дождь, снег, облака — об этом часто мечтают космонавты в долгие месяцы полета среди звезд. «Черт побери, ну и наблюдательность у этого типа! Если так пойдет дальше, то скоро он объявит и мое настоя-

щее имя, и цель приезда». Надо было принимать какое-то решение. Кронин пошел быстрее, незнакомец не отставал.

— Если вы хотите прилично отдохнуть, — доверительно проговорил он, — а это естественно для человека, проделавшего утомительное путешествие, самое главное — хорошо устроиться с жильем.

— Вы просто читаете мои мысли, как по открытой книге. — Кронин заглянул в глаза собеседника. — Вы не из бюро обслуживания?

— Нет, — невозмутимо ответил тот. — Но я располагаю временем и у меня, скажу откровенно, доброе сердце. Теперь это считают скорее недостатком, чем достоинством. Увидев вас, приезжего человека, я сказал себе: «Ганл (таково мое имя), Ганл, ты можешь помочь ему. А значит, ты должен ему помочь!»

Говоря все это, Ганл очень умело, почти незаметно замедлял шаг. И когда он закончил свою последнюю фразу, оказалось, что они снова идут неторопливо, как два старых приятеля, выбравшихся подышать свежим воздухом и поболтать о том о сем.

Алексей раздраженно подумал, что отвязаться от этого «помощника» ему будет нелегко, но вслух сказал:

— Это вы удивительно верно заметили насчет того, что в наше время с добрым сердцем — одно горе. И само собой разумеется, что после утомительного путешествия требуется отдых. Только я еще не решил, где мне отдыхать и как отдыхать. Если вдуматься, то отдых намного сложнее работы, работа однозначно определена, а отдых разнообразен.

Незнакомец искоса с любопытством взглянул на Кронина:

— О, я сразу увидел, что вы мыслящий человек, поэтому, собственно, и решил уделить вам немного свободного времени. Я могу направить ваш выбор. В городе есть несколько превосходных гостиниц. Если гостиницы вас не устраивают, могу порекомендовать частные комнаты самых различных достоинств или даже целый коттедж. И смею посоветовать, коттедж лучше всего. Умеренная плата, покой и полная свобода. Вы сможете там работать, отдыхать, развлекаться в одиночку или в компании. И вообще делать все, что вам заблагорассудится.

Кронин поймал себя на мысли, что он слушает этого Ганла со все возрастающим вниманием. Ведь тот предлагал как раз то, что может потребоваться для встречи Ива-

на. Может быть, согласиться, пока, за неимением лучшего? Вот будет сюрприз для Всеволода, если он, Алексей, за какие-нибудь полчаса решит одну из центральных задач своей миссии в Даль-Гее! Но, покосившись на искусителя, Кронин тут же передумал. Нет, нельзя полагаться на такого пройдоху. Вне всякого сомнения, при малейшем подозрении Ганл выдаст, а если выражаться точнее — продаст его полиции, гангстерам, богу, черту, кому угодно, лишь бы заплатили побольше. От Ганла надо отделаться, но как?

— Коттедж, вы говорите? Не знаю. Вообще-то я предпочитаю останавливаться во дворцах на самом берегу моря. Желательны колонны из голубого сантрийского мрамора и широкая лестница, которая спускается прямо в прозрачную воду лагуны.

— Ленд шутит, — неуверенно улыбнулся Ганл.

Впервые за время разговора он был сбит с толку. Не обращая больше на него внимания, Кронин оглянулся и встретился взглядом с бесцветными глазками-пуговками. Глазки эти смотрели на него вроде бы равнодушно, но с известным сочувствием. Они принадлежали грузному лопоухому и лысому человеку, который стоял в дверях ближайшего здания, прислонившись плечом к косяку. Над дверью красовалась надпись «Пристань», ниже ее — помельче — уведомлялось, что это бюро обслуживания, а правее змеился значок фарга, показывающий, что это бюро платное. Наверное, глаза Кронина сказали лопоухому многое, во всяком случае больше, чем того хотел сам Алексей, потому что мужчина ухмыльнулся, бесцеремонно оглядел его с ног до головы и перевел взгляд на респектабельного джентльмена.

— Опять ты пристаешь к порядочным людям, Ганл, — лениво, без всякого выражения сказал лопоухий.

Слегка повернув голову, Ганл смерил говорившего надменным взглядом.

— Простите, вы это мне? — спросил он с достоинством.

— Тебе.

— А вы могли бы это сделать в более вежливой форме?

— Могли бы, — все так же лениво ответил лопоухий. — Мы могли бы даже подойти и дать тебе хорошего пинка.

Высоко подняв брови, Ганл театрально повернулся к Алексею.

— Вам приходилось слышать что-нибудь подобное? Не понимаю, куда смотрит полиция?

Кронин, сделав вид, что внимательно разглядывает рекламу, мысленно благодарил судьбу за то, что она так легко избавляет его от прилипчивого собеседника. Лопоухий презрительно усмехнулся.

— Если говорить правду, то я этого тоже не понимаю. — Он оттолкнулся плечом от косяка и встал в дверях, плотный, кривоногий. — Ну, проваливай отсюда!

Ганл скривил губы, посмотрел на Кронина и неспешно удалился, сохраняя вид достоинства и благородства.

— Липец занудный, — провожая его недружелюбным взглядом, пробормотал лопоухий.

Он повернулся к Кронину и снова бесцеремонно оглядел его с головы до ног.

— Что, донял он вас? — Лопоухий покосился вслед Ганлу. — Проныра, но глуп. Сколько работает с приезжими и никак не научится определять, какая дичь ему по зубам.

Кронин улыбнулся.

— Стало быть, я ему не по зубам? А как вы сказали про него — липец занудный?

Лопоухий качнул головой.

— Первый раз в Даль-Гее? Это сразу видно. Занудный — это так, эпитет. А липец — это тот же агент бюро обслуживания, только работает на свой страх и риск. — Он хмыкнул и убежденно добавил: — Каждый липец — жулик, только один — больше, а другой — меньше. Не переваривaю я эту братию.

Он помолчал, разглядывая Кронина, потом склонил в неуклюжем поклоне свою короткую шею.

— Меня зовут Шпонк, Натти Шпонк. А это мое бюро. — Он сделал шажок в сторону. — Милости просим, если, конечно, у вас есть фарги, а мне сдается, что фарги-то у вас есть.

Несмотря на очевидную грубость и бесцеремонность, этот лопоухий Шпонк был чем-то симпатичен Кронину. Он уж было совсем собрался принять приглашение, но в последний момент заколебался. Шпонк сейчас же заметил это и сказал:

— У моего заведения самая приличная репутация, ленд. Само собой, настолько, насколько вообще может быть приличной репутация. Будьте уверены, я не порекомендую вам такого места, где вас споят, ограбят или соблазнят. Заходите, ленд. У меня можно не только получить информацию, но и закусить. И даже выпить, если у вас с утра есть такое желание. — Шпонк заговорщически зажмурил один глаз.

Сквозь открытую дверь Кронин видел, что бюро пусто. Соблазнительно было посидеть в тишине, не торопясь попробовать какое-нибудь местное блюдо, подумать, что делать дальше, а может быть, и посоветоваться со Шпонком. И все-таки что-то удерживало Алексея. Скорее всего, его просто напугал Ганл своей назойливостью, и он подсознательно опасался, как бы эта история, пусть в несколько ином варианте, не повторилась.

— Нет, — решительно сказал он, — ни есть, ни пить я сейчас не хочу. Но добрый совет. — Кронин достал из кармана бумажку фаргового достоинства и протянул Шпонку, — добрый совет мне действительно необходим. Где бы я мог прилично устроиться?

— О, ленд добрый человек, — уважительно проговорил Шпонк, бережно укладывая новенькую хрустящую бумажку в карман. — А устроиться несложно, были бы фарги. Если вы, конечно, не предпочитаете бесплатную гостиницу.

Кронин покачал головой.

— Тогда, может быть, отдельный домик в пригородной зоне?

— Нет, это не подходит. — Алексей знал, что человек, снимающий отдельный домик, скорее попадет под наблюдение полиции.

Шпонк понимающе кивнул:

— Да, такой домик стоит немало фаргов, а удобства, в общем-то, те же, что и в хорошей гостинице.

— Именно это мне и нужно, — живо подхватил Кронин, — хорошая гостиница без всяких новомодных выкрутасов, покой и свежий воздух.

— У ленда здоровая натура, — одобрительно заметил хозяин бюро, — а я люблю здоровых, нормальных людей.

— Кого вы считаете нормальными людьми, Натти? — не удержавшись, полюбопытствовал Кронин.

Шпонк сердито хмыкнул:

— Нормальные люди — это нормальные люди. Они едят, когда им хочется есть, спят, когда им хочется спать, пьют, когда им хочется пить. И после этого не прыгают со стола на стол, как обезьяны.

Он хмыкнул еще раз, теперь уже не так сердито.

— Если вам нужна приличная спокойная гостиница, то поезжайте в парковый район. Гостиниц там сколько угодно. Маршрут А — 316, вот отсюда видно, третья остановка. Когда будете снимать номер, сошлитесь на меня, ленд. Смею вас уверить, мое имя в Дальге знают.

А если вам потребуется совет, Натти всегда к вашим услугам. Да еще в придачу с отнюдь не худшим в этом городе буфетом.

— Думаю, мне еще придется к вам зайти, — улыбнулся Кронин, попрощался и направился к автобусным остановкам.

Маршрут А — 316, видимо, был популярным, потому что Алексей не столько сам вошел в электробус, сколько был туда внесен людским потоком. Он подумал, что салон заполнится до отказа, но нет — как только были заняты все сидячие места, в дверных проемах вспыхнул яркий алый свет, перегородив движение, будто плотиной. Правда, кто-то попробовал сунуться, но, получив удар током, вскрикнул и под смех толпы, как заяц, отпрыгнул назад. Двери закрылись, и электробус плавно тронулся с места. За окном поплыли скверики, деревья, решетчатые башни космодрома, здания с пляшущими огнями реклам. Сквозь разрывы в облаках иногда проглядывало оранжевое далийское солнце, и тогда рекламные окна сразу тускнели и теряли броскость. Электробус выбрался по соединительному рукаву на автостраду, жужжание двигателя превратилось в высокий мягкий гул, серая лента дороги помчалась навстречу со все возрастающей скоростью. Легкая перегрузка прижала тело к дивану. Автострада рывком взлетела на опорах куда-то вверх, на уровень десятого этажа, и глазам Кронина открылась городская панорама: россыпь домов, рассеченных улицами-ущельями, сверкающие утесы небоскребов, упирающиеся в небо... Во всем этом была непривычная суровая красота, красота странного мира, похожего на гигантский причудливый каменный лес. Кронин отвернулся от окна и встретился взглядом со своим соседом по дивану. Его серые глаза смотрели на Кронина доброжелательно.

— Первый раз в Дальге?

— Первый, — не сразу ответил Кронин.

Неужели он так неловок? Третий далиец, оказавшийся рядом с ним, безошибочно определяет, что он новичок в этом городе. А ведь Алексею казалось, что он научился держаться, как коренной обитатель Даль-Гея. Кронин словно ненароком оглядел своего соседа: широкое лицо, большой нос, тонкие, плотно сжатые губы и добрые глаза. Поди догадайся, что он собой представляет. Во всяком случае, не исключено, что цепочка — Ганл, Шпонк и этот сероглазый сосед — отнюдь не случайна. В такой ситуации правила конспирации предпи-

сывали обязательную проверку. Что ж, это несложно, все можно выяснить на ближайшей остановке.

— Завидую вам, — продолжал сосед.

— Почему? — рассеянно спросил Алексей, погруженный в свои мысли.

— У вас впереди много интересного. И веселые денечки!

— Конечно, скучать я не собираюсь.

— Когда будете знакомиться с городом, не забывайте, что это город, а не провинция. — В голосе соседа прозвучали наставительные нотки. — Тут живут самые разные люди. И среди них немало любителей пощипать новичков-приезжих. Поэтому берегите фарги и избегайте случайных знакомств.

— Уж это я вам обещаю!

Кронин сказал это с такой искренностью, что его сосед засмеялся. Между тем электробус начал плавно замедлять ход. Здания стали ниже, вперемешку с ними все чаще и чаще мелькали светло-зеленые кроны деревьев. Сосед предупредительно сообщил:

— Сейчас будет одна из достопримечательностей города — центральный парк. Не забудьте его осмотреть в свое время. Он этого заслуживает.

Поглядывая в окно, Кронин раздумчиво сказал:

— А почему в свое время, а не сейчас?

В этом и состояла проверка. Если сосед попытается сопровождать его, то можно всерьез подозревать слежку. Но, к облегчению Кронина, ничего подобного не произошло. Сосед лишь спросил с некоторым недоумением:

— Сейчас? Не устроившись?

Сделав многозначительное лицо, Кронин доверительно и с некоторой таинственностью сообщил:

— Признаюсь, я люблю гулять по паркам именно так, экспромтом, в этом есть какое-то особое очарование.

Простившись со своим озадаченным соседом, он поднялся и, хватаясь за поручни, направился к выходу. Электробус резко тормозил, и сохранять равновесие было трудно.

— Не заблудитесь, — сказал вслед ему сосед, — парк велик.

— Будьте покойны, — с легким сердцем ответил Кронин, видя, что тот и не собирается навязываться ему в провожатые.

Глядя вслед электробусу, стремительно набиравшему скорость, Кронин с грустью подумал: «Ведь это был очень милый и обаятельный человек. Будь это на Земле, я бы с

удовольствием поболтал с ним о том о сем. Да, нелегкую ношу ты взвалил на свои плечи, Алексей Кронин».

Рассудив, что если он сядет в следующий электробус, то, с точки зрения конспирации, это будет непростительной ошибкой, Кронин с беспечным видом направился к массивным воротам из красноватого камня, ведущим в парк. Шагая по аллее, усыпанной ярко-голубым песком, Кронин с любопытством разглядывал прогуливающихся и отдыхающих на комфортабельных скамьях далийцев. Потом неторопливо пошел в глубь парка, туда, где было меньше народу. Ему хотелось побыть наедине с чужой природой, чтобы глубже ощутить ее своеобразие, да и просто передохнуть. Из того, что он видел, больше всего его поразил голубой песок. Алексей даже приостановился, разглядывая его, и вдруг заметил молодую белокурую женщину, сидевшую на скамье, которая, как шатром, была прикрыта сверху и с боков розоватой порослью какого-то вьющегося растения. Женщина была очень красива. Это сразу бросалось в глаза, хотя часть ее лица прикрывали изящные очки-светофильтры. Она смотрела прямо на Алексея, он чувствовал ее напряженный взгляд. Сердце у Кронина екнуло, и он невольно прибавил шагу, чтобы побыстрее пройти мимо скамьи. Но женщина, словно догадавшись о его намерении, легко поднялась, шагнула ему навстречу.

— Вы? — проговорила она, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Я, — машинально подтвердил Алексей, ощущая всю нелепость такого ответа.

Женщина внимательно разглядывала его.

— Вы, — повторила она удивленно, — какими судьбами?

Кронин хотел было спросить, кто она такая и откуда его знает, как вдруг с ужасом осознал, что разговор ведется на земном языке. Осознал и с досадой подумал, что его миссия окончательно и бесповоротно провалилась. «Попасться на такую примитивную провокацию! Теперь надо достойно выходить из игры, чтобы причинить как можно меньше ущерба всей операции», — решил он.

Глава 6

Умрок вошел и замер, вытянувшись струнко и преданно глядя на Таига. Это был первый умрок во плоти и крови, которого видел Снегин. Пожалуй, в полумраке его можно было принять за человека. Тем более, что

одет он был в обычную для теплого времени спортивного вида безрукавку и короткие шорты. Но при ярком свете сразу бросалось в глаза, что весь умрок был покрыт черной шелковистой, слегка серебрившейся шерстью и только ладони, губы и нос были свободны от волосяного покрова. У умрока было сильное, довольно стройное тело, короткая могучая шея, длинные, свисающие почти до колен сильные руки, звероподобная голова со скошенным назад лбом и мощными, выдающимися вперед челюстями. Странное впечатление производили печальные, умные, почти человеческие глаза, смотревшие на Таига, как определил про себя Снегин, с выражением собачьей преданности.

Президент обернулся через плечо.

— Как дела, Тао?

Умрок заморгал, его коричневые губы дрогнули и раздвинулись, обнажив великолепные белоснежные зубы, — он улыбнулся. Снегин внутренне вздрогнул, испытывая подсознательное чувство ужаса перед этой человеческой эмоцией на звериной морде.

— Рекли, со всеми приправами, Тао, — уже не глядя на умрока, приказал президент.

— Аа-а... — мягко отозвался умрок и бесшумной черной тенью исчез за дверью.

Президент взглянул на Снегина с понимающей улыбкой.

— К ним надо привыкнуть. — И, очевидно уловив тень недоверия на лице Снегина, повторил: — Просто привыкнуть, как с детства привыкаете вы, земляне, к кошкам и собакам, которых держите в своих домах.

— Возможно, — без всякого энтузиазма согласился Снегин. — Но все-таки кошка и собака — это нечто совсем другое.

— Разумеется, — в голосе президента звучала снисходительность человека, который по этому вопросу знает больше, чем его собеседник, — кошки и собаки — это развлечение, а умроки — наши верные помощники.

— Собака тоже была верным помощником человека в течение многих тысячелетий, — возразил Снегин. — Я имел в виду вовсе не утилитарную сторону вопроса. И собака и кошка не похожи на человека. Поэтому они не кажутся нам уродливыми и не вызывают неприятных ассоциаций.

Президент внимательно посмотрел на него и повторил:

— Да, к умрокам надо привыкнуть.

Отворилась дверь, и умрок вкатил в кабинет столик, на котором стоял высокий, похожий на вазу, чайник, две чашки, блюдо с бисквитами и целый набор вазочек и кувшинчиков с приправами. Аккуратно, без лишних движений, расставив все это между Снегиным и Таигом, умрок выпрямился, преданно моргая.

Президент подцепил совочком несколько бисквитов и высыпал их, казалось, прямо на пол. Но умрок сделал левой рукой молниеносное движение, и бисквиты оказались в его широкой ладони.

— Такова реакция, — сказал президент Снегину. — У умроков чрезвычайно развиты двигательные отделы мозга. Это следствие колоссальной селекционной работы, выполненной нашими предками.

Он сделал легкий жест рукой.

— Ты больше не нужен, Тао.

— А-а-а... — тихо отозвался умрок и неслышно выскользнул из кабинета.

Президент продолжал, обращаясь к Снегину:

— Следствием той же самой работы является и слепая преданность умроков. Прикажи я Тао броситься с веранды этой башни, и он, не задумываясь, сделает это. И не только сделает, а сделает с удовольствием, даже с восторгом.

— Наверное, бывают и исключения, — будто мимоходом заметил Снегин.

Президент сдернул с чайника-вазы прозрачную салфетку, принялся аккуратно складывать ее.

— Бывают, — согласился он. — Ведь даже людям свойственны патологические аномалии поведения.

— И как вы поступаете в таких случаях?

Президент бросил сложенную салфетку на край стола, взял за причудливую витую ручку чайник-вазу.

— А как вы поступаете с собаками, которые начинают бросаться на людей?

Он взглянул на Снегина, усмехнулся и наклонил чайник-вазу над чашкой.

Потекла прозрачная жидкость зеленого цвета, в воздухе распространился терпкий аромат.

— Я не поклонник умроков, — президент пододвинул Снегину чашку и начал наполнять вторую, — но слуга-умрок у президента — священная традиция, а имея дело с этими существами, просто невозможно к ним не привязаться.

Президент поставил на место чайник-вазу и продолжал:

— Если говорить честно, то некоторая часть далийцев испытывает к умрокам необъяснимое отвращение и со-

вершенно не терпит их пребывания в своих домах, хотя и не возражает, когда их используют на производстве. Непоследовательно, конечно, но кто из нас последователен до конца? Если не ошибаюсь, примерно такая же проблема существует на Земле в отношении роботов. Одни не представляют, как без них обойтись, другие не терпят их в своих домах, но ничуть не возражают против использования роботов на производстве, третьи выступают против любого их применения в земных условиях.

Президент поднял наполненную чашку.

— Любимый напиток далийцев.

Снегин взял свою чашку, хотел сделать пробный глоток, но президент остановил его.

— Нет, — укоризненно сказал он. — Разве так можно? Именно так земляне и составляют себе превратное мнение о рекли. То, что налито в вашу чашку, не самостоятельный напиток, а всего лишь основа, из которой его можно приготовить.

Президент взял ложечку и подал ее Снегину.

— Прежде чем пить рекли, в чашку надо положить кусочек сахару, ломтик клинтры, дольку атта, щепотку импэ и крошку аспры. — Таиг внимательно смотрел, чтобы Снегин точно следовал его советам. — А теперь размешайте все тщательно и попробуйте.

Снегин отпил глоток.

— Весьма недурно, — искренне сказал он.

Президент не слышал его, он пробовал рекли, сосредоточенно хмуря брови. Сделав маленький глоток, а затем другой, констатировал:

— Резковато.

Подхватив кувшинчик, он ловко бросил из него в каждую чашку по мелкой синеватой горошине и наставительно сказал:

— Когда переложишь импэ, то лучший способ довести рекли до кондиции — горошина ссуо. Но пить рекли с ссуо и без импэ — варварство, достойное разве что аборигенов со Стигмы. Как теперь?

Снегин, с любопытством слушавший гурманские рассуждения президента, попробовал напиток.

— А ведь и правда: лучше.

Президент одобрительно кивнул.

— У вас тонкий вкус. — И, критически оглядев Снегина, добавил: — Да и вообще в вас чувствуется порода в хорошем смысле этого слова.

Снегин усмехнулся.

— Это не комплимент, я говорю совершенно серьезно. — Президент взял бисквит. — Бисквит нужен для полноты букета. Я заранее уверен, что вам это понравится. Кстати, следующую чашку попробуйте приготовить сами. Научившись готовить рекли, вы сильно вырастете в глазах далийцев, уважающих традиции, а таких пока большинство.

Снегин допил свой рекли и осторожно поставил чашку на стол.

— А умроки — тоже традиция? Или необходимость?

Президент как-то странно посмотрел на него.

— Трудно ответить на ваш вопрос однозначно, ленд Снегин. Пожалуй, правильным был бы ответ такой: умроки — традиционно необходимый компонент нашей цивилизации. Мы могли бы обойтись и без них, но мы не хотим этого.

Последних слов президента Снегин уже не слышал — легкое, ритмичное покалывание пальца под часами-перстнем дало знать, что пришло экстренное сообщение.

Незаметным движением Снегин включил дешифратор, и покалывание, потеряв свою ритмичность, рассыпалось на отдельные буквы, из которых начали складываться слова: «Непредусмотренная ситуация. Срочно нужна консультация. *Алексей*».

— Вы чем-то озабочены, ленд Снегин?

Снегин оторвался от своих мыслей и увидел умные, проницательные глаза президента.

— Что поделаешь, — вздохнул он, — моя миссия не из веселых.

— Может быть, я могу быть полезен? — вежливо осведомился президент.

У Снегина мелькнула мысль: «А не познакомить ли Таига с некоторыми деталями предстоящей операции и открыто попросить помощи?» Интуиция подсказывала, что президент пойдет навстречу. Однако Снегин был достаточно осмотрительным человеком, чтобы целиком полагаться на интуицию. Все же какую-то пользу из предупредительности Таига стоило извлечь, а заодно и проверить искренность его заверений.

— Пожалуй, — вслух сказал он. — Мне бы очень не хотелось, ленд президент, чувствовать себя в Даль-Гее на положении арестованного.

Таиг приподнял брови, его лицо приобрело официальное выражение.

— Я был бы благодарен, ленд Снегин, если бы вы выразились определеннее.

— Консульский автомобиль, который доставил меня к вам, сопровождали три машины. Это очень похоже на слежку. От покушений и прочих неприятностей подобное сопровождение не гарантирует, а вот постороннего внимания к моей персоне привлекает предостаточно.

Президент задумался.

— Вы уверены, что машин было три?

— Уверен.

— Ну так вот. — Таиг говорил медленно, как бы взвешивая каждое слово, — я не могу и не хочу входить в детали, но по крайней мере одна из этих машин следовала за вами без моей санкции.

— Гангстеры?

— Нет! Они не работают в одной упряжке с полицией.

«Тогда кто же это?» — подумал Снегин. И вдруг его словно осенило.

— Неужели ваша тайная служба безопасности, Яр-Хис, действует так самостоятельно? — спросил он.

Таиг странно взглянул на него: не то насмешливо, не то с сожалением.

— Да, это Яр-Хис.

Глава 7

— Вы меня забыли, — с легким упреком сказала далийка.

Кронин молчал, пристально глядя на молодую женщину.

— Забыли, — повторила она, сняла очки и взглянула на Алексея грустными глазами.

— Кайна, — ошеломленно проговорил он, все еще не веря в реальность этой встречи.

Они познакомились три года назад, когда Кронин проводил на Земле свой очередной отпуск. Земля тогда слегка сходила с ума: на гастроли приехала знаменитая далийская певица Кайна Стан, виртуозно исполнявшая полные тайного очарования песни своей далекой родины. Гастроли Кайны Стан были одним из пунктов программы культурного обмена между Землей и Даль-Геем. Кронин ворчал на своих друзей, поражался их способности восторгаться таким обыденным и заурядным явлением природы, как человеческий голос, и принципиально не желал слушать далийской певицы.

В тот день Кронин чисто случайно попал на стоянку аэротакси. Стоянка была пуста, видимо, такси только что разобрали. В тени раскидистого дерева стояла молодая, очень красивая женщина и устало повторяла с чуть заметным акцентом:

— Диспетчер, почему вы молчите? Диспетчер!

Кронин улыбнулся: очень уж выразительно звучал этот капризный, какой-то детский голос. И потом акцент. Он подошел ближе. Женщина подняла голову и, доверчиво глядя на него, пожаловалась:

— Вот, стою и мучаюсь.

— Наверное, рация неисправна, — предположил Алексей.

Женщина покачала головой и с торжеством показала на контрольную лампочку:

— Горит.

— Ну и что же? — удивился ее технической наивности Кронин. — Разрешите, я посмотрю.

Женщина охотно протянула ему рацию.

— Возьмите. — И спросила, глядя прямо в глаза Алексею: — Лампочка горит, а неисправна. Разве так бывает?

— Бывает, — успокоил ее Кронин, беря рацию, и рассеянно добавил: — Вообще чего только на свете не бывает.

— Да, — тотчас согласилась она, — чего только не бывает...

Кронин достал из кармана универсальный нож. Эти ножи были инженерным чудом современности. Их имели космонавты, акванавты, штейгеры больших глубин — все, кому приходилось работать в условиях изоляции, когда трудно рассчитывать на постороннюю помощь. Нож имел большой набор манипуляторов, контрольную микроаппаратуру, квантовый резак, приспособления для горячей и холодной сварки по металлу и органике — в общем, это была настоящая карманная мастерская, которая называлась ножом только по традиции.

После короткого размышления Кронин открыл один из манипуляторов и двумя точными движениями вскрыл заднюю крышку рации. Осторожно ступая, женщина обошла Алексея сзади и с любопытством стала смотреть через его плечо, что он делает.

Обнажив панель с контрольными клеммами, Кронин убрал манипулятор и выдвинул щуп индикатора. Он сделал это привычным, почти неуловимым движением, так что женщина, не заметившая момента смены инструмен-

та, удивленно взглянула сначала на вдруг изменившийся нож, а потом на Алексея. Она смотрела на него недоверчиво и немного испуганно, но Кронин, ушедший в работу, ничего не замечал. Серией точных движений он пробежался щупом по контрольным клеммам. На мгновение вспыхнула индикаторная лампочка, и Алексей поднял глаза на женщину.

— Видите? Неисправен шестой блок.

— Шестой блок? — переспросила она.

— Хотите, отремонтирую?

Она улыбнулась в ответ:

— А это долго?

Кронин пожал плечами:

— Да минуты две.

— Минуты?

Она недоверчиво покачала головой:

— Нет. Не может быть.

— Ну, возможно, три.

В ее глазах появилось искреннее, почти детское любопытство.

— Делайте.

Кронин взял коробку рации поудобнее, сдвинул контрольную панель, сменил щуп индикатора на пинцет и вынул схему шестого блока. Женщина следила за его действиями, приподнявшись на цыпочки. Она смотрела на Алексея, как на иллюзиониста, показывающего загадочный фокус. Кронин положил схему на корпус рации и принялся разглядывать ее через крохотную, но очень сильную лупу, которая волшебно появилась на месте исчезнувшего пинцета. Теперь женщина уловила и легкое движение его пальцев, и молниеносную смену приборов. Вот на схему блока лег крохотный, тонюсенький кусочек проволоки. Алексей несколько раз придирчиво проверил его расположение, а потом точным движением электрода впаял в схему. Полюбовавшись своей работой, он вставил на место шестой блок, задвинул контрольную панель и установил крышку.

— Вот и все, — удовлетворенно сказал он и нажал кнопку вызова. — Диспетчер!

— Диспетчер слушает, — немедленно откликнулся автомат.

Женщина смотрела на Алексея с восхищением, широко раскрыв глаза.

Когда Кронин протянул ей рацию, она спрятала руки за спину и сделала шаг назад.

Алексей засмеялся:

— Берите, все в порядке.

Она с опаской сказала:

— Я боюсь, вы, наверное, колдун?

Кронин смутился.

— Это же элементарное устройство, стандартный блок. Любой школьник сделает.

— Нет, школьники такого не умеют, — возразила она, осторожно беря рацию длинными пальцами. — Вы работали как настоящий художник. Вас можно показывать на сцене.

Вид у Кронина, очевидно, был очень глупый. Женщина сразу поняла, что он чувствует себя неловко, и занялась рацией. Осмотрела ее со всех сторон, нажала кнопку вызова и сказала тихонько и певуче:

— Диспетче-ер!

— Диспетчер слушает, — каркнул автомат. Во всяком случае, Кронину показалось, что он каркнул, так контрастировал его голос с голосом женщины.

Она засмеялась.

— Работает. — И подняла глаза на Кронина. — Кто вы? Ну... — Рука ее сделала легкий порхающий жест. — Какая у вас профессия?

Кронин пригладил волосы.

— Инженер.

Она склонила голову набок.

— Обыкновенный инженер?

— Обыкновенный.

Алексей взглянул на нож, который все еще рассеянно подбрасывал на ладони, и поспешно спрятал его в карман. Он испугался, что она заметит на его рукоятке маленькую монограмму с литерой «А» — знаком высшей инженерной квалификации, заметит и сочтет это хвастовством.

Но женщина ничего не заметила, она лишь сказала:

— Этого не может быть. — И добавила виновато, словно извиняясь: — Я такого не умею, совсем не умею. Я вообще ничего не умею.

Кронин недоверчиво улыбнулся.

— Ну делаете же вы что-нибудь?

Она согласно закивала:

— Делаю, конечно. Я пою, всю жизнь пою. А это иногда весело, а иногда очень скучно, когда только поешь, и больше ничего.

Кронин взглянул на нее так, словно увидел впервые.

Удивительный голос, легкий акцент, чарующая грация движений.

— Вы Кайна Стан?

— Кайна Стан, — подтвердила она. И спросила, немного морща лоб: — А вы, кто вы? Нет, не профессия, а... Как ваше имя?

Вот так они познакомились три года тому назад...

— Кайна, — теперь уже с улыбкой повторил Кронин, — вы?

— Я, — кивнула она. — А вы, как вы оказались здесь?

Этот простой вопрос поверг Кронина в смущение. Что он может ответить Кайне, своему близкому и доброму другу? Правду сказать невозможно, а врать — стыдно.

— Это все лихорадка-тау, — нашелся наконец Алексей, и это было почти правдой.

— Да, — охотно согласилась молодая женщина, — чего только не творится сейчас из-за этой лихорадки.

— Именно из-за нее мы и застряли на стигмийской базе. — Кронин понемногу обретал обычную уверенность. — Мои друзья в карантине, я на свободе — скука смертная. И когда представилась возможность побывать в Даль-Гее, я ухватился за нее с удовольствием.

Внимательно глядя на Алексея, Кайна спросила с едва уловимой ноткой лукавства:

— И вам дали разрешение?

— Не только дали, но еще и упрашивали, чуть ли не на коленях. — Кронин шутливо приосанился и в легком поклоне склонил голову. — Я приехал сюда, собственно, как представитель фирмы «Нун».

— Вот как! Вы занялись коммерцией?

Кронин улыбнулся:

— Неужели я так низко пал, что стал похож на коммерсанта? Все гораздо проще — фирма из-за лихорадки осталась без надежных людей, а мы заинтересованы в контактах с нею. Правление обратилось к нам за содействием, и вот я в Даль-Гее.

— И как вам нравится ваша новая роль?

— Честно говоря, я не успел с нею освоиться. — Кронин, словно извиняясь, чуть развел руками. — Я ведь прямо с космовокзала.

— И сразу в парк? — удивилась Кайна.

— Представьте. Ехал в гостиницу, и вдруг мне захотелось погулять. А здесь вы.

— Странно все это, — задумчиво сказала она.

— Странно, — согласился Кронин. — Раньше говорили — судьба.

Кайна вдруг рассмеялась и непринужденно взяла его под руку.

— Вам не нужно ехать в гостиницу, Алексей. Вы поедете ко мне.

Повинуясь ей, Кронин сделал первый шаг и неуверенно спросил:

— А это удобно?

— А почему неудобно? Разве мы перестали быть друзьями?

— Нет, Кайна. Конечно, нет.

Под ногами сухо шуршал мелкий голубой песок, проплывал мимо широколистый кустарник, листья были оранжевые, с черными прожилками, а на руке его лежала прохладная рука Кайны, — это было похоже на странную сказку.

Кронин незаметно, искоса все посматривал на ее тонкий профиль. Кайна перехватила его взгляд и улыбнулась.

— Вы надолго к нам?

Кронин вдруг отдал себе отчет в том, что они до сих пор говорят по-земному, и мысленно выругал себя за это.

— Да что-нибудь около недели наверняка пробуду, — ответил он по-далийски.

Кайна остановилась, изумленно глядя на него.

— Вы говорите по-далийски?

— Как видите, — скромно ответил Алексей, возобновляя движение.

— Вижу, — повторила она и поправилась: — Не вижу — слышу. У вас чудесное произношение. Вас не отличишь от коренного далийца.

Кронин вздохнул и искренне признался:

— Если бы вы знали, как мне пришлось мучиться, пока я не овладел этим произношением.

Глаза Кайны потеплели.

— Не жалейте об этом. — Она помолчала и после некоторого колебания добавила: — Я очень рада, что могу говорить с вами на родном языке.

Вдруг поняв, как она может истолковать его усердие, Кронин, пожалуй, впервые за этот суматошный день, смутился. Заметив это, Кайна смутилась в свою очередь. Некоторое время они шли молча, глядя прямо перед собой. Будь Алексей в эти минуты внимательнее к окружающему, то заметил бы любопытное явление: почтитель-

ность, с которой далийцы смотрели на Кайну, подчеркнутую предупредительность, с которой ей уступали дорогу, и невозмутимость, с которой Кайна принимала эти знаки внимания.

Когда они свернули на боковую аллею, Кронин вдруг замедлил шаг и остановился. Кайна удивленно взглянула на него, но, проследив за его взглядом, понимающе улыбнулась: в стороне от аллеи, под деревьями, стояло около десятка умроков, а недалеко от них — атлетически сложенный мужчина в блестящей, будто кожаной, одежде. Умроки расположились тесной группой, переминались с ноги на ногу, озирались по сторонам и почесывались. На них были только короткие шорты. Кронин обернулся к Кайне с молчаливым вопросом.

— Это умроки, — пояснила она, — они занимаются здесь садовыми работами.

Кронин снова повернулся к умрокам и принялся разглядывать их, морща лоб. Кайна прикоснулась к его руке:

— Вам они неприятны?

— Не знаю, — ответил Алексей.

В это время один из умроков сделал осторожный шаг в сторону, постоял так, поглядывая на кожаного человека, сделал еще два быстрых шага, наклонился и протянул руку к пышному, похожему на хризантему цветку, поднимавшемуся над травой.

Кожаный человек, не меняя позы и лишь повернув голову, резко взмахнул правой рукой. Раздался звонкий щелчок бича, умрок гортанно вскрикнул и одним прыжком присоединился к группе. Алексей сделал непроизвольное движение в сторону кожаного человека. Кайна едва успела удержать его.

— Что с вами?

— Но он ударил его! — обернулся к ней Алексей.

— Он только щелкнул бичом. — В голосе Кайны звучали нотки недоумения. — Если за ними не следить, они разбегутся.

Кронин смотрел на нее так, словно не понимал смысла ее слов.

Кайна легким прикосновением руки заставила его следовать за собой.

— Вам их жалко? — спросила она негромко.

Кронин промолчал: ему было стыдно своего импульсивного порыва. К тому же на память пришли цирковые представления с дрессированными животными: то же хлопанье бича, отрывистые команды и ответные дейст-

вия зверя, совершенно не свойственные ему по природе. Он никогда не любил этих представлений.

— Когда я была маленькой, — проговорила Кайна, — я тоже иногда жалела умроков. У меня был большой, старый, совсем седой умрок. Я любила играть с ним, он был добрый и очень сильный. И вдруг он пропал. Я долго плакала, просила вернуть его, но мне сказали, что он убежал в лес.

— А он и правда убежал в лес?

Кайна покачала головой.

— Нет. Старых умроков умерщвляют, совершенно безболезненно: они засыпают и не просыпаются — вот и все. — И, со свойственной ей чуткостью уловив отчуждение Кронина, мягко добавила: — Не надо принимать все это близко к сердцу, умроки ведь не люди, а животные. Что хорошего в дряхлой старости? И потом, каждая цивилизация имеет особенности, к которым не сразу привыкаешь. Я вот долго не могла смотреть равнодушно, как земляне едят чуть обжаренное мясо. — Она передернула плечами и засмеялась. — Мне все время казалось, что они вот-вот зарычат и защелкают зубами.

Кронин задумчиво взглянул на нее.

— Вы правы, Кайна, я понимаю... Но ведь этот умрок наклонился к цветку.

Кайна удивленно подняла брови.

— Да, это правда, Алексей, — сказала она, будто вспоминая что-то полузабытое, — умроки любят цветы.

Глава 8

Выбравшись на автостраду, Снегин увеличил скорость и, когда начал обгонять основной поток автомашин, включил программно-контрольную аппаратуру. Каждая машина, как живое существо, имеет свой, индивидуальный, неповторимый характер: у нее специфический спектр шумов, вибраций, теплового и магнитного поля. На контрольном участке автострады аппаратура анализировала и запоминала характеристики всех машин, следующих сходным маршрутом. Когда этот контрольный участок был пройден, Снегин на ближайшем пункте разъезда съехал с автострады и принялся бессистемно петлять по улицам на относительно небольшой скорости. Не прошло и пяти минут, как на индикатор поступила выходная информация. Снегин усмехнулся: за ним шла не одна машина, а

две. Одна на дистанции, предусмотренной соглашением, другая гораздо дальше, следуя за Снегиным по спрямленному формализованному маршруту. «Вот и цена слова президента. Впрочем, вполне возможно, что это лишь излишнее усердие полиции, которая решила обезопасить себя от возможных случайностей и сюрпризов».

Посчитав подготовительный этап законченным, Снегин минут сорок медленно разъезжал по городу, с любопытством разглядывая толпы народа на площадях, неожиданно тихие, уютные набережные залива. Однако в результате этого на первый взгляд бесцельного блуждания, за четверть часа до встречи он оказался там, где и было нужно, — в парковом районе. Покрутившись немного, он ввел в аппаратуру исходные данные и включил программу «лабиринт». По этой программе в соответствии с координатами машины Снегина, преследующих машин и планом проезжих городских улиц аппаратура выбирала маршрут максимальной сложности и выдавала данные прямо на рулевое управление. Поэтому, нажав исполнительную кнопку, Снегин бросил руль, откинулся на спинку дивана и принялся внимательно следить за показаниями индикатора. Машина между тем начала петлять по проспектам, улицам и переулкам паркового района, где планировка была особенно запутанной и неопределенной. Прошла минута, другая, третья, а сопровождающие машины цепко держались за Снегиным. Похоже, что ими управляли специалисты самой высокой квалификации. Снегин переключил аппаратуру на максимально форсированный режим. В этом была известная доля риска, но времени для экспериментов уже не было, приходилось действовать наверняка. Машина стремительно шла по прямой, минуя попадавшиеся переулки, и вдруг свернула так круто, что Снегина с размаху бросило плечом за левый борт, потом еще безжалостнее — вправо.

Застонал двигатель, выходя на предельные обороты, тело вдавило в сиденье, скорость начала расти с головокружительной быстротой. Ра-а-а... — взвыла сирена, распугивая людей, случайно оказавшихся на проезжей части; машина вильнула, впритирку объезжая кого-то из замешкавшихся. И вдруг резкое, до дрожи и раскачивания корпуса, торможение, крутой вираж, бешеный рывок куда-то в темноту, в тоннель, мелькание близких стен, торможение, поворот... Ра-а-а... Испуганная тень возле самого бокового стекла — и новый рывок машины. Когда Снегину

уже начало казаться, что эта гонка на пределе, возможно, никогда не кончится, машина плавно сбросила скорость, а на индикаторе вспыхнул сигнал «Задание выполнено». Снегин вздохнул, отстегнул пояс безопасности, вытер платком влажный лоб и лишь после этого взялся за руль.

Отрыв от преследователей был полным, их машины даже вышли из зоны действия контрольной аппаратуры. Снегин знал, что с помощью стационарных постов его рано или поздно обнаружат, но он знал также, что случится это не так уж скоро: в парковом районе сеть постов имела минимальную плотность. По кратчайшему пути Снегин вывел машину к гигантской гостинице «Золотое небо», но на площадь выезжать не стал, а свернул в ближайший переулок и сбросил скорость. Метров через десять он догнал худощавого высокого прохожего. Машина остановилась, задняя дверца распахнулась, еще мгновение — человек ввалился на задний диван, и машина тронулась с места, набирая ход.

Снегин включил автоуправление, задал какой-то маршрут, затемнил остекление и, повернув кресло, оказался лицом к лицу с Алексеем.

Некоторое время они, улыбаясь, смотрели друг на друга, потом Кронин вздохнул.

— Может быть, это и банально, Всеволод, но только на чужбине постигаешь цену дружбе. Я имею в виду не открытый космос, не неосвоенные планеты, а именно чужбину — чужие улицы, чужие дома, чужие обычаи и нравы.

— Понимаю, — кивнул Снегин. — А теперь выкладывай.

Он, не перебивая, выслушал рассказ товарища и резюмировал:

— Что ж, грубых ошибок ты не сделал, а управлять случайностями мы пока не научились. Содеянного не воротишь, а поэтому примем его как должное.

— Всеволод, — серьезно сказал Кронин, — ты никогда не был глупым человеком. Но теперь в тебе просматривается зрелый муж и философ.

— Думаешь задобрить меня комплиментами? Ничего из этого не выйдет. Говори откровенно, почему ты умолчал о Кайне при подготовке?

Кронин некоторое время собирался с мыслями.

— Как тебе сказать?.. Мне как-то не верилось, что она была на самом деле, понимаешь? Будто я познакомился

с ней по книге или фильму. Мне и в голову не приходило, что я могу встретиться с ней в Даль-Гее. Разве можно надеяться увидеть Василису Прекрасную или Хозяйку Медной Горы?

— Да, — согласился Снегин, — такая встреча похожа на чудо. Что Кайна узнала от тебя?

Кронин склонил голову набок.

— А почему ты решил, что она что-то такое узнала?

— Представь, я немного знаю твой характер.

— Ты уверен в этом? Впрочем, на этот раз ты не ошибся, кое-что мне пришлось рассказать. Разумеется, я не стал называть имена или излагать план операции.

— Спасибо и на этом, — усмехнулся Снегин.

— Пожалуйста, — невозмутимо ответил Алексей. — Но как-то объяснить свое появление в городе мне, конечно, пришлось. Я сказал, что прибыл в Даль-Гей как представитель фирмы «Нун». Мы-де заинтересованы в ее операциях, а фирма из-за лихорадки осталась без нужных людей.

— Не так уж скверно, — одобрил Снегин. — И это все, что знает Кайна?

— Пожалуй. И еще, что «Торнадо» стоит в эллингах стигмийской базы — карантин. — Кронин помолчал, присматриваясь к Снегину, и тихо добавил: — Всеволод, ты можешь быть спокоен, Кайна вполне порядочный человек, ей можно верить.

— Это по каким меркам порядочный — по земным или по далийским?

— По общечеловеческим. Я доверяю Кайне так же, как тебе или Ивану.

— Обязывающее заявление. Но что ты знаешь о ней?

— Я боюсь утверждать наверняка, — задумчиво проговорил Кронин, — но, по-моему, Кайна занимает в Даль-Гее какое-то особое положение.

— Любая красивая женщина находится на особом положении. Даже у нас, на Земле. Что же говорить о Даль-Гее?

Кронин замотал головой:

— Нет, не то. Ты ведь знаешь, я не очень наблюдателен. И, не бросайся все это в глаза, я бы ничего не заметил. Представь себе, подходим к стоянке автомашин, уйма народу, я еще подумал, как мы пробираться будем? — Кронин пожал плечами. — А прошли так, словно и не было никого. Кайна ни слова не сказала, не поблагодарила, даже шаг не замедлила. Толпа молча рас-

ступилась, и мы прошли по образовавшемуся коридору, как раскаленный нож сквозь масло.

— Популярность известной певицы? — предположил Снегин.

— Нет, там автографы, приставания, приветственные оклики, а тут ничего похожего — всеобщее молчаливое почтение. Но расспрашивать ее я, разумеется, не стал.

Снегин неодобрительно покосился на него.

— А стоило.

— Это неловко.

— Как многое нам неловко! — сказал Всеволод с досадой. — А если нужно для дела?

Алексей, нахмурившись, промолчал.

— Ладно, не будем ссориться по пустякам. Что за обстановка у Кайны, как она живет?

Кронин оживился.

— Не квартира, а дворец! Серьезно, посмотрел бы ты на ее хоромы. Мне и в голову не приходило, что один человек может жить сразу в дюжине комнат. Я не один раз терял ориентировку в этой огромной квартире и блуждал там самым натуральным образом, как в дремучем лесу. И все удивлялся, что там не поставлены указатели на манер тех, которые ставятся на площадях у выходов на улочки и переулки.

Снегин, слушавший его с интересом, недоуменно пробормотал:

— Далийцы вовсе не склонны разбрасываться жилой площадью. В том числе и для певиц, даже знаменитых. Тут что-то явно не то.

— Я же говорю!

— Хорошо, оставайся пока у Кайны Стан. Но об Иване ни слова. Все заботы о нем я с тебя снимаю.

— Так я и думал, — вздохнул Кронин, — хотя, на мой взгляд, это перестраховка.

— Перестраховка! А если квартира Кайны — ловушка?

— Это невозможно.

— А если Кайна и сама не знает об этом?

Кронин не нашелся что возразить.

— Вот то-то и оно, — сказал Снегин. — Но делать нечего. Раз уж Кайна оказалась посвященной в твои дела и ей кое-что доступно в этом мире, поговори с ней о Хаасене. Может быть, она поможет выйти на него.

Кронин взглянул на него с откровенным удивлением.

— Ты предлагаешь познакомить Кайну Стан с операцией?

— Ни в коем случае! Просто ты обеспокоен судьбой товарища. Разве это не естественно?

— Что-то я тебя не пойму, Всеволод, — задумчиво проговорил инженер. — Не шарахаешься ли ты от чрезмерной осторожности к необоснованному риску?

— Обстановка сильно усложнилась, Алексей. С освобождением Тура надо максимально поторопиться... Сам знаешь, иногда не рискнуть — преступление. Сейчас рискуешь ты один, Иван связи с тобой иметь не будет. К тому же ведь ты уверен в Кайне!

Внимательно разглядывая товарища, Алексей отметил про себя, что тот явно чем-то взволнован.

— Что еще случилось, Всеволод? — спросил он. — Поверь, я спрашиваю не из праздного любопытства, а для того, чтобы знать, до какой грани риска мне разумно доходить.

Снегин кивнул:

— От Хаасена получено письмо.

— От Хаасена?!

— Он написал и отправил его еще до похищения. Наверное, почувствовал за собой слишком уж плотную слежку и решил подстраховаться. Зашел в какое-нибудь кафе, бар, бюро, написал и бросил в почтовый ящик. Письмо короткое, всего на одной страничке, и написано в явной спешке... Тур, конечно, знал, что если он пошлет письмо прямо в консульство, то его наверняка перехватят. Поэтому и направил его своему далийскому другу Альгибу Хинглу. Это одаренный физик, возглавляющий группу по освоению производства нейтрида. Далийцы всячески поощряли его контакты с Туром. А они занимались не столько физикой, сколько чуть ли не до драки спорили по вопросам мироздания. Хингл лично доставил нам конверт Хаасена.

Алексей невольно улыбнулся, представив себе дискуссии Тура и Хингла. Ему ведь и самому приходилось спорить с Хаасеном.

— И что же было в письме?

Снегин с присущей ему четкостью и лаконизмом передал содержание письма.

— Не может быть! — вырвалось у Кронина.

— Может, — жестко сказал Снегин. — Теперь ты достаточно хорошо знаешь далийцев. Может!

На лбу инженера пролегла упрямая складка.

— Я глубоко уважаю Тура и как человека, и как специалиста, — медленно заговорил он. — И все-таки его

сообщение настолько чрезвычайно, что следует поставить вопрос: насколько мы можем доверять его сведениям. И проверить их по другим каналам.

— Подготовка не прошла для тебя даром, — одобрил Всеволод. — Разумеется, мы и ставили и проверяли. Выяснилось, например, что мнения сотрудников консульства на этот счет резко расходятся. Особый интерес представляет мнение напарника и друга Тура — консула Дина Самсонова. Он убежден, что Хаасен попался на удочку тех кругов Даль-Гея, которые не брезгуют ничем, чтобы испортить взаимоотношения с Землей.

— Мнение Дина больше похоже на правду, — сказал Алексей.

Снегин покачал головой.

— Мы не вправе отмахнуться от сообщения Хаасена. Легкомысленное благодушие ничем не лучше желчной подозрительности. Речь идет о благополучии человечества, о жизнях миллионов людей.

Наступило тягостное молчание. Наконец инженер поднял глаза.

— Ты прав, Всеволод. В такой ситуации мы просто обязаны быть бдительными.

Глава 9

Зал гленд-холла был до отказа набит самой разношерстной публикой, а в глубине одной из дорогих лож, так, что их совсем не было видно из зала, сидели Алексей Кронин и Кайна Стан, разделенные небольшим столиком со скромным ужином. После того как было просмотрено несколько номеров из обширнейшей программы, Кайна спросила:

— Как вам здесь нравится, Алексей? — И, встретив откровенно недоуменный взгляд Кронина, засмеялась: — Нет-нет, я не о том, что происходит на арене. Я спрашиваю о самом помещении.

Кронин внимательно, несколько скептически огляделся и пожал плечами.

— Пожалуй, больше всего похоже на цирк.

— Цирк?

— Цирк. Я не знаю, как это называется по-далийски. В цирке такая же круглая арена и сиденья амфитеатром.

— Теперь припоминаю. — Кайна опиралась подбородком на руку. — В цирках выступают ваши любители-

спортсмены, правда? Гимнасты, жонглеры, акробаты и много-много других.

— Верно. И еще там проводятся состязания любителей борьбы и ближнего боя.

— Я помню, — вздохнула Кайна, — но здесь ведь совсем другое.

Кронин усмехнулся:

— Да, здесь другое...

Арена гленд-холла была устлана удивительным ковром. Этот ковер был и произведением искусства, и настоящим чудом науки и техники. Он мог принимать все цвета радуги и их самые причудливые и пестрые сочетания. Он мог менять свою структуру, становясь то твердым, как доска, то упругим, как спортивный мат, то таким мягким и пушистым, что ноги актеров утопали в нем по щиколотку.

На этом ковре разыгрывались бесконечно однообразные по своей сути миниатюры, несмотря на разнообразие деталей и антуража. Под аккомпанемент оркестра со вставными вокальными, танцевальными и спортивными номерами на арене демонстрировался откровенный вульгарный стриптиз. Однако гленд-холл считался вполне благопристойным заведением и даже выступал как покровитель чистых искусств. Очень популярным было такое действо: во время любовной сцены появлялся соперник или соперница одного из партнеров, и тогда между противниками происходили настоящие спортивные схватки по тому или иному виду борьбы. Особенно выигрышным считался такой финал: томная девица активно вмешивалась в схватку, повергала наземь, а точнее сказать, на ковер обоих мужчин и, поставив одному из них ножку на грудь или на спину, в зависимости от его позы, презрительно заявляла, что она, настоящая женщина, не желает иметь дело с такими хлюпиками. Зрители громко смеялись, выкрикивали двусмысленности, не переходя, впрочем, известных рамок — за этим весьма бдительно следили несколько дюжих контролеров в униформе. Так что, по существу, гленд-холл лишь отдаленно напоминал собою традиционный цирк, скорее это была причудливая помесь цирка, ресторана и театра миниатюр со стриптизом, этакое типичное далийское варьете.

Кронину было скучно, к тому же у него из головы не выходил последний разговор со Снегиным и письмо Тура Хаасена.

— Потерпите, Алексей, — склонилась к нему Кайна, — в этой бочке дегтя будут и свои ложки меда.

— Да уж потерплю. Хотя если бы я знал заранее, что мед и деготь будут перемешаны в таких пропорциях, я бы уж как-нибудь постарался обойтись и без гленд-холла.

— Искусство требует жертв, так, кажется, говорят у вас? — лукаво заметила Кайна. — Что поделаешь, в Даль-Гее нет таких серьезных организаций, как ваши консерватории и филармонии, жемчужины нашего искусства рассыпаны среди таких вот представлений.

— Скажите, — после некоторого колебания спросил Кронин, — что интересного произошло в Даль-Гее за последние дни?

— А вы разве не слушаете сообщений и не читаете прессу?

— Да как вам сказать, пресса говорит далеко не обо всем, что случается в жизни.

Кайна испытующе взглянула на него, и ему показалось, что она собирается сказать ему что-то важное. Но она лишь положила длинные прохладные пальцы на его руку и вполголоса посоветовала:

— Посмотрите внимательнее этот скетч.

— А это мед или деготь? — улыбнулся Кронин.

Кайна задумалась.

— Пожалуй, и то и другое. Но вы все-таки посмотрите.

Алексей послушался ее совета, но чем дальше смотрел, тем больше убеждался, что это все-таки деготь.

В спальню к молоденькой девушке попадал обезьяноподобный грабитель. На диво сложенная девушка, почему-то почивавшая в купальном костюме, с удивительной ловкостью ускользала от пытающегося ее схватить громилы. Это была своеобразная акробатико-театральная сценка, не лишенная профессионального мастерства и изящества, но не более того. Кончилось все так, как и должно было кончиться в благопристойном гленд-холле. Грабитель споткнулся, упал, запутался руками и ногами в ножках стула и никак не мог освободиться. Причем это неожиданное пленение, вызвавшее гомерический хохот зала, выглядело совершенно натуральным.

Когда незадачливого громилу унесли с арены вместе со стулом, девушка легко и непринужденно исполнила стремительный танец освобождения, радости и счастья — нечто среднее между условными па классического балета и фигурами акробатики. Все было сделано на одном дыхании, четко и безупречно.

Закончив свое упражнение-танец высоченным сальто, девушка убежала за кулисы, а притихший было зал за-

ревел и загрохотал. Кронин, забывшись, чуть не захлопал, по земному обычаю, в ладоши, но вовремя удержался. А зал все неистовствовал, и обезьяноподобный партнер девушки с нескрываемым торжеством все выносил и выносил ее на арену: то в стойке, то в копфштейне, то в ласточке, а то и просто, как перышко, — на руке. Кронин не мог не заметить нежности, с которой этот уродливый гигант относился к юной красавице, и ее спокойной доверчивости к нему. В их отношениях было что-то трогательное, отчего сжималось сердце. И Алексей почему-то был уверен, что те же самые чувства в какой-то степени испытывают и остальные зрители, которые несколько минут назад громко и непристойно гоготали.

— Знаете, — сказал Кронин, поворачиваясь к Кайне, когда артисты скрылись за портьерой и арену стали готовить к следующему номеру, — мне показалось, что они любят друг друга.

— Это правда, — ответила молодая женщина, — но как вы догадались об этом?

— Да это ясно из их заключительных выходов.

Кайна в сомнении покачала головой:

— Об этом вовсе не легко догадаться. Настоящая любовь встречается редко даже среди пар, которые подходят друг другу, а ведь эти почти несовместимы.

— Как несовместимы? — не понял Алексей.

— Он урод, а она — красавица.

— А они не муж и жена?

Кайна медленно повернула к нему голову, удивленно спросила:

— Муж и жена?

Теперь и Кронин непонимающе смотрел на нее, потом спохватился:

— Простите, совсем забыл, — голос его звучал виновато, — что у вас в Даль-Гее нет семьи: ни жен, ни мужей и даже детей нет.

— Семьи у нас нет, это правда, но дети... — Кайна чуть улыбнулась, — дети у нас есть, как же иначе? Только воспитывают их не родители, а государство. Никакие родители не могут дать детям такого воспитания, какое дает им государство. Ну, а если кто-нибудь уж очень любит детей, он может работать с ними учителем или воспитателем. Он может посвятить им всю свою жизнь. — И, помолчав, добавила: — По-моему, и на Земле дети нередко воспитываются отдельно от родителей. Особен-

но, — она осторожно прикоснулась к руке Кронина, — у вас, космонавтов.

— Да, — согласился Алексей, — но это временно. Еще несколько решительных шагов в технике, и наши космокорабли обретут абсолютную надежность. И тогда мы будем странствовать по Галактике не в одиночку, а семьями — вместе с детьми.

— А те, которые спасают других?

— Вы говорите о патрулях? — догадался Кронин.

— Да-да, именно о них.

— Патрулям придется потерпеть, — вздохнул Алексей.

— Терпеть, — повторила Кайна в раздумье. — Вы, земляне, странно относитесь к этому.

— Что-то не пойму. Вы о чем?

— О разном, и о семье тоже.

— О семье?

— Да, и о семье. Двое — на всю жизнь. Все время вместе. Любовь приходит и уходит, а они не вольны в этом. Двое узнают друг друга все больше и больше. Не совсем приятные слабости, не совсем мелкие недостатки, много такого, о чем не говорится вслух. А жить все равно надо вместе. Наверное, это очень трудно, и нужно много терпеть.

— Есть разные люди, Кайна.

— Да?

— Как и птицы, — улыбнулся Алексей. — Вот на Земле есть красивые большие птицы — лебеди. Они живут парами. Одна пара на всю жизнь. И если лебедушка гибнет, то лебедь взлетает высоко в небо, а потом складывает крылья...

— Не надо, Алексей. Я знаю эту красивую сказку.

— Это не сказка.

— Разве дело в этом? Когда я первый раз увидела этих волшебных птиц и услышала об их странной верности, я заплакала. А я не люблю плакать, Алексей. — Она взглянула на него грустными глазами. И предложила: — Давайте лучше послушаем. — Кайна все успевала: и говорить и следить за ареной. — Это настоящий артист.

Артист, о котором сказала Кайна, оказался музыкантом, играющим на триоле — старинном далийском инструменте, чем-то напоминавшем земную флейту или рожок. Это был настоящий виртуоз. Он играл на триоле неожиданные и прекрасные мелодии, полные журчания, звона и свиста, похожие на пение птиц. Он играл высоко под куполом холла, раскачиваясь на трапеции, то в

стойке на голове, балансируя раскинутыми в стороны ногами, то повисая на одной руке на двадцатиметровой высоте. Он играл вдохновенно, но у Алексея временами перехватывало дыхание: музыкант был не молод, и чувствовалось, как ему трудно и страшно. Кронин опустил глаза и молча сидел, отрешившись от окружающего. Рука Кайны легла на его руку.

— Я хочу спросить, знаете ли вы, что недавно загадочно исчез ваш консул, Тур Хаасен?

Кронин помрачнел.

— Знаю.

— А ведь открыто об этом не сообщили.

Алексей согласно кивнул и пояснил:

— Тур Хаасен — один из моих друзей, поэтому консульство уведомило меня о случившемся.

Кайна недоверчиво посмотрела на него.

— Он ваш друг?

— Да, и довольно близкий.

— Это очень странно, — отведя глаза в сторону, проговорила она.

— Почему?

Кайна отрицательно покачала головой:

— Я не могу сказать вам этого.

— Но почему? — искренне удивился Кронин.

— Наверное, у каждой цивилизации есть свои тайны, Алексей, — мягко сказала она. — Не личные, а всеобщие. Отдельные люди не вправе ими распоряжаться. Не могу и я.

— Но у нас нет тайн! Мы ничего от вас не скрываем.

— Они есть, просто вы не подозреваете об их существовании. Разве обо всем вы говорите вслух? И разве не храните вы в глубокой тайне некоторые свои личные желания? — Молодая женщина, точно извиняясь, прикоснулась к его руке. — Чтобы полностью раскрыться друг перед другом, надо стать близкими друзьями. А разве можно сказать это о далийцах и землянах?

— Если бы вы сделали хоть несколько шагов навстречу, многое бы изменилось.

Кайна вздохнула:

— Иногда один совсем маленький шаг — лишний. За ним последует падение в пропасть. Поверьте, Алексей, чрезмерная откровенность далеко не всегда способствует взаимопониманию.

— А скрытность тем более.

Она покачала головой.

— Скрытность — это как одежда. Некоторым она совсем не обязательна, а другим необходима.

И все-таки Кронин чувствовал, что Кайне очень хочется рассказать ему о той, пока еще непонятной, таинственной для землян стороне далийской жизни, которая нет-нет да и проглядывала за внешним благополучием города-государства. В то же время он отчетливо видел, что Кайну почему-то пугает возможность такой откровенности, и она изо всех сил старается оттянуть ее.

— Вы мне не верите? — спросила молодая женщина.

— Не верю — не то слово.

Она наклонилась к нему.

— Представьте, Алексей, что судьба привела вас не в Даль-Гей, а в Древний Рим. Не удивляйтесь, во время гастролей я познакомилась с историей Земли. Так вот, вы попали в Древний Рим, в великий город юристов, ученых, поэтов и архитекторов. Вы любуетесь храмами, дворцами, дорогами, мостами, фонтанами. И вдруг будто пелена спадает с ваших глаз: вы узнаете, что все это совершенство создано буквально на крови и на костях других людей — рабов, которых и за людей не считают. Вы узнаете о бесчеловечном гладиаторстве, об оргиях развращенной, пресыщенной аристократии! — На бледных щеках Кайны проступил румянец. — Ведь вы возненавидели бы римлян! Особенно после того, как узнали бы, что им нравится их образ жизни. Но разве они виноваты в том, что не знали ничего лучшего, что именно их выбрала слепая эволюция своими жертвами. И разве далекое будущее не вспомнит о них не только с отвращением, но и с пониманием?

Кайна замолчала. Молчал и Кронин, пораженный ее необычной горячностью.

— Кайна... — начал было он.

Молодая женщина остановила его легким жестом. И уже обычным спокойным тоном сказала:

— Не относитесь серьезно к моим словам. Я иногда бросаюсь в дебри философских рассуждений, а это вовсе не моя стихия. — Она заглянула Алексею в глаза. — Так и быть, я помогу вам отыскать Хаасена. Только будьте осторожны. И не вините меня, если встреча с ним доставит вам не только радость, но и горе.

— Вы говорите загадками.

— Что поделаешь? — вздохнула она. — Жизнь наша — сплошная загадка от начала и до конца.

— И разве это не прекрасно? — улыбнулся Алексей.

Глава 10

«Пристань» представляла собой странный гибрид делового учреждения и коктейль-холла. Прямо против входа — стол, массивный сейф, вделанный в стену, микрокартотека с видеоскопом, диван и несколько кресел для посетителей. А правее, через широкий проем, прикрытый декоративными шнурами, свисающими с потолка, можно было увидеть миниатюрный бар: полдюжины маленьких столиков, высокая стойка, за стойкой массивная фигура бармена, а позади бармена — буфет, сверкающий металлом, разноцветным пластиком и бутылками самых различных форм и размеров. Повсюду ослепительная чистота, безукоризненный порядок.

Три посетителя переговаривались, лениво прихлебывая из узких высоких бокалов какой-то пронзительно фиолетовый напиток. Заметив вошедшего Кронина, Шпонк поднялся из-за хозяйского стола и, с неожиданной легкостью неся свое грузное тело, поспешил к нему навстречу.

— Рад вас видеть у себя, ленд, — с улыбкой проговорил он. — Надеюсь, устроились удачно?

— Благодарю, все в порядке, — улыбнулся в ответ Кронин, окидывая взглядом пустые столики.

Шпонк понял его без слов.

— Для посетителей еще не время, ленд. Вечером — другое дело. Не хочу хвастаться, — в голосе Шпонка зазвучали нотки профессиональной гордости, — но Натти знает толк в экзотике. Его закуски и приправы в Дальге ценят. Проходите, ленд, присаживайтесь. Тинтер мигом обслужит вас, вы будете довольны, я это гарантирую.

— А не могли бы вы лично обслужить меня? — рассеянно спросил Кронин.

Шпонк внимательно посмотрел на него, потеребил свое пергаментное ухо.

— Откровенно скажу, обычно я этим не занимаюсь, иначе за что же будет получать фарги Тинтер? Но иногда я делаю исключение. — Шпонк осклабился. — Сдается мне, что стоит его сделать и для вас.

Кронин принял особую милость Шпонка как нечто само собой разумеющееся и, сев за уединенный столик, в раздумье погладил подбородок.

— Сказать по правде, Натти, я поздно встал и недавно позавтракал.

— Тогда самое время выпить, ленд, — живо подсказал Шпонк.

— Совершенно верно.

В глазах Шпонка появился огонек одобрения.

— Что-нибудь покрепче? — спросил он.

— Не возражаю. Я полагаюсь на ваш вкус, — сказал Алексей. — И не забудьте захватить рюмку для себя, Натти, — добавил он.

Через несколько минут, поколдовав около стойки, Шпонк вернулся с подносом, на котором стояла резная бутылка юбилейного кроча, прозрачный кувшин с зеленоватым соком айлы, а на изящной удлиненной тарелочке — самый обыкновенный, земной лимон, нарезанный тончайшими, как бумага, ломтиками, посыпанный сахарной пудрой и какими-то пряностями. Кронин усмехнулся про себя. «Хитер, однако, этот лопоухий Шпонк. Пройдоха, играющий роль состоятельного человека, пришел бы в ужас от стоимости такой выпивки».

— Присаживайтесь, Натти, — приветливо сказал он, наполняя рюмки золотистым напитком.

Шпонк, внимательно наблюдавший за реакцией Кронина, с натугой склонил короткую шею.

— Благодарю.

Он вежливо подождал, пока Кронин возьмет рюмку, потом широченной лапой ухватил свою и вылил в себя дорогой кроч, как воду, даже не сделав ничего похожего на глотательное движение. Облизнувшись, он снова подождал, пока Кронин, смаковавший каждый глоток, допьет до дна, и лишь после этого позволил себе взять кусочек лимона. Глядя, как Шпонк равнодушно, точно траву, жует лимон, Алексей улыбнулся и вновь наполнил его рюмку, оставив пустой свою.

— Прошу, Натти.

Шпонк покосился на пустую рюмку гостя, опять влил себе в глотку кроч и сжевал еще кусочек лимона. Все это он проделал так, словно выполнял хотя и нужную, но нисколько не интересную работу. Алексей взял ломтик лимона, наклонился к Шпонку и спросил, чуть понизив голос:

— Контрабанда?

Шпонк равнодушно пожал плечами.

— Откуда, да и зачем мне знать, как товар попадает в Дальг? Пусть об этом болят головы у ребят из полицейского управления. Мне приносят товар, я выкладываю фарги и забираю его. На остальное мне наплевать.

— Я слышал о вашей скромности, Натти. Поэтому и зашел выпить рюмочку кроча именно к вам.

Произнося эту фразу, Кронин потянулся было к бутылке с крочем, но Шпонк решительным движением прикрыл свою рюмку ладонью.

— Редко встретишь такого щедрого человека, который вот так запросто угощал бы юбилейным крочем. Благодарю, я на работе, ленд. Одна рюмка — это просто рюмка, две рюмки — развлечение, а три и больше — это уже выпивка.

Шпонк рассмеялся, и его маленькие глазки совсем спрятались в сетке морщин. Кронин согласно кивнул, достал из кармана бумажник, вытащил из него крупную купюру и бросил на стол. С некоторой укоризной взглянув на него, Шпонк бережно, кончиками пальцев, взял бумажку, обернулся было к Тинтеру, чтобы тот разменял деньги, но Кронин остановил его:

— Сдачи не нужно. — И вполголоса добавил: — У меня к вам деловой разговор, Натти.

Шпонк посмотрел на него без удивления и проговорил с оттенком почтительности:

— Еще раз благодарю, ленд, и внимательно слушаю вас.

Кронин медлил, разглядывая простодушное лицо хозяина бара. В какой степени ему можно довериться? Конечно, чем больше сейчас сделает он, Алексей Кронин, тем легче будет потом довести дело до конца Ивану. И все-таки...

На следующий день после посещения гленд-холла и странного разговора о Хаасене Кайна, ненадолго отлучившись, принесла голографию внешне ничем не примечательного человека. К удивлению Кронина, Кайна сказала, что это главарь одной из самых жестоких и беспринципных гангстерских шаек Даль-Гея, некий Эйт Линг. Эйт Линг давно объявлен вне закона, но по разным причинам, среди которых не последнее место занимает его «профессиональное» мастерство и изворотливость, его никак не удается изловить. Конечно, сама по себе эта фигура малоинтересна для землян, но Кайне достоверно известно, что Хаасен находится в руках этого Линга. Ходят слухи, что Линг очень жаден, поэтому проще всего попытаться выкупить Хаасена. Подобные сделки уже совершались этим гангстером неоднократно. Самое трудное в этом деле — отыскать Линга. Его местопребывание сохраняется в глубокой тайне. Кайне удалось узнать, что связь с внешним миром Линг поддерживает через один из баров, расположенных в районе космовокзала.

Но что это за бар, установить не удалось, хотя, судя по всему, об этом известно хозяевам соседних заведений. Они молчат, и это естественно: Эйт Линг человек беспощадный.

В тот же день Кронин встретился со Снегиным, сообщил все, что удалось узнать, и предложил выяснить через Шпонка, где находится бар Эйта Линга. Ведь «Пристань» тоже в районе космовокзала. Алексей обещал лопоухому Натти навестить его, так что такой визит не должен вызвать у того никаких подозрений. Ну, а когда завяжется беседа — придется действовать по обстановке.

После некоторого колебания Снегин согласился с этим планом...

И вот теперь Кронин приводил его в исполнение. Он сидел напротив Шпонка и ждал подходящего момента, чтобы перевести разговор на интересующую его тему.

— Натти, — начал он наконец, — мне надо встретиться с одним человеком. Я знаю, что он бывает у вас время от времени.

Глазки-пуговки спрятались в морщинах.

— Тогда захаживайте почаще, — не без юмора посоветовал Шпонк, — и если у вашего знакомого не изменился вкус, вы непременно с ним встретитесь.

Кронин еще раз взглянул на простоватое лицо Шпонка, достал из бумажника голографию и показал ее Шпонку. Хозяин бара вгляделся в снимок, и лицо его едва заметно дрогнуло: не брови, не ресницы, не губы, а именно все лицо, целиком. Дрогнуло и снова обрело привычное равнодушное выражение. Глазки-пуговки неторопливо перебрались с голографии на лицо Кронина.

— В моем баре бывает много людей. — Шпонк снова покосился на голографию. — Разве всех запомнишь? Но сдается мне, что я уже встречался с этим человеком.

Пряча голографию в карман и не поднимая глаз, чтобы не выдать своего волнения, Кронин как можно равнодушнее спросил:

— Вы знаете, кто он такой?

— Откуда мне, владельцу бюро обслуживания, знать такие вещи? — медленно проговорил Шпонк. — Да и зачем? Сколько людей на моих глазах из-за глупого любопытства попадали в беду. Нет, я всегда ценил покой, комфорт и не совал носа туда, где его могут прищемить.

Он растянул в улыбке рот, но глазки его сохраняли серьезность и настороженность.

— Вот свести вас с людьми, которые имеют отношение к этому симпатичному мужчине, я могу попробовать.

— Хорошо, — согласился Кронин, — сведите.

Шпонк сморщил лоб и погладил затылок.

— Не простое это дело, не правда ли, уважаемый ленд? Если бы все было просто, зачем бы вам разговаривать со старым Натти? Вы бы пошли в полицейское управление и объявили официальный розыск.

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу. И как-то вдруг сразу Алексей все понял.

— Сколько? — коротко спросил он.

Шпонк осклабился:

— Приятно иметь дело с таким деловым человеком. Я полагаю, сумма в сотню фаргов не покажется вам чрезмерной? Конечно, это весьма кругленькая сумма, но вот, скажем, лимоны, они ведь тоже немало стоят. А все из-за того, что издалека, с Земли. Расти они на наших плантациях, они бы стоили в двадцать раз дешевле.

Шпонк сделал многозначительную паузу и прищурился.

— У вас необыкновенный дар говорить убедительно, Натти, — улыбнулся Кронин.

Он достал бумажник и крупными купюрами отсчитал нужную сумму. Шпонк благоговейно принял деньги, аккуратно спрятал их в карман, присел на краешек стула, придвинулся вплотную к Кронину и одними губами проговорил:

— Этот человек... — Шпонк на мгновение замялся. — Да вы, сдается мне, сами знаете, кто он такой.

— Знаю, — ответил Алексей.

— Тем лучше... Найти его самого или, на худой конец, его людей можно в магазинчике сувениров «Черная звезда». Это недалеко отсюда, на Лин-Дорт. Хозяин этого магазинчика некий Рихт. Вот у этого Рихта и спросите про Линга. Да не скупитесь на фарги, которые, сдается мне. водятся у вас в избытке.

— Спасибо, Натти.

Шпонк пожал массивными рыхлыми плечами.

— За что же спасибо? Мы с вами делаем свой бизнес, вот и все. — Он помолчал и после некоторого колебания добавил: — Только учтите, опасное это дело, в которое вы ввязываетесь.

— Что поделаешь, — улыбнулся Кронин.

— Понимаю, дело есть дело. Иногда приходится идти и на риск, без этого трудно сыграть хорошую игру. Главное в том, чтобы почуять, разумен ли этот риск. И договоримся сразу. — Шпонк опять до предела понизил голос. — Ничего я вам про Линга не говорил. Голографию его вы мне показывали, Линга я узнал, а вот где его можно найти, понятия не имею. Поболтали мы с вами о бизнесе, о товарах, о лимонах и мирно разошлись. Если вы попробуете мне приписать что-нибудь другое, я буду все отрицать перед самим Господом Богом.

— Будьте покойны, Натти, я тоже могу вести честную игру. — Кронин внимательно взглянул на него. — А в какой степени я могу доверять вашим сведениям?

Шпонк укоризненно покачал головой.

— Я за них отвечаю. Я честный коммерсант, ленд, поверьте. Иначе за столом этого заведения давно бы сидел другой человек. Даром я фарги не беру.

Глава 11

В толпе далийцев, такой плотной, что едва можно было пошевелиться, Лобова вынесло на привокзальную площадь. Он хотел остановиться или хотя бы замедлить шаг, чтобы осмотреться, но людской поток безжалостно поволок его за собой. Голоса, крики, рокот двигателей, шелест колес и шарканье ног, гул громкоговорителей — все это оглушило Лобова.

С трудом ему удалось выбраться из этой живой реки. Он вздохнул и огляделся. Странно, сказочно, ни на что не похоже было место, в котором он оказался. Это была громадная площадь, на окраинах которой бушевали, кипели, ярились бесшумные пожары. Пламя взлетало вверх километровыми факелами, рассыпалось струями и искорками, горело внизу сплошной стеной, порхало по небу неистовыми сумасшедшими сполохами. Понадобилось время, чтобы Лобов пришел в себя и понял, что это не конец света и не стихийное бедствие, а самая обычная для Даль-Гея световая реклама.

Лобов медленно двинулся к электробусным остановкам. Он чувствовал легкое бодрящее волнение, что-то вроде предстартовой лихорадки, которая неизбежно овладевает спортсменом перед началом состязаний. Целую неделю Лобов тщательно готовился к этой минуте. Теперь, в течение ближайших суток, а может быть и часов,

выяснится, насколько успешной была подготовка. Совет предложил ему два варианта действий в Даль-Гее: первый — рассчитанный на медленное вживание в обстановку, постепенное движение к цели, и второй — молниеносный, рискованный, с расчетом на внезапность, на то, что пока далийцы разберутся, в чем дело, и всерьез примутся за Лобова, операция уже закончится. Иван без колебаний выбрал второй вариант: ведь каждый день промедления делал спасение Хаасена все более нереальным, а Кронину удалось точно установить, что Хаасен жив.

— Могу спорить, что раздумываете о том, где бы вам остановиться? — услышал Лобов непринужденный веселый голос.

Он обернулся. Перед ним стоял высокий молодой человек спортивного вида с насмешливыми умными глазами.

— Вы угадали. — Лобов улыбнулся. — Но могу спорить, что ваши услуги мне не понадобятся.

Молодой человек засмеялся и исчез. Лобов сверил показания своих часов с городскими и послал шифр-сообщение Снегину о своем прибытии. Перехватив чемоданчик поудобнее, он уже собрался было тронуться в путь, но замер на месте: вместо обычного подтверждения часы-перстень отстучали сигнал «внимание», а затем и сообщение: «Операция отменяется, ничего не предпринимай, жду двадцать три часа по первому варианту. *Всеволод*».

Лобов еще раз посмотрел на часы. До встречи оставалось около двух часов. Он отыскал глазами рекламу камеры хранения и неторопливо направился туда, погруженный в свои мысли. А было о чем подумать. Операция отменяется — значит, что-то неладно, да и не просто неладно, а совсем плохо. В контакт с ним вступил не Алексей, как было запланировано, а Снегин. Это рискованно и могло означать лишь одно: с Алексеем что-то случилось, и, скорее всего, из-за Кайны Стан. Насколько мог судить Лобов, эта женщина не была похожа на провокатора. Но ведь она могла выдать Алексея чисто случайно.

Сдав чемодан, Лобов позавтракал в бесплатной столовой, прошелся по привокзальной площади, успешно отбив атаки нескольких «липцов». Наконец это ему надоело, и он решил пойти на Лин-Дорт, одну из центральных улиц Даль-Гея, непосредственно примыкавшую

к привокзальной площади. Нигде так легко не затеряться, как в людской толпе, к тому же в дальнейшем непосредственное знакомство с городом могло оказаться полезным.

Подземным переходом Лобов не без труда добрался до Лин-Дорт. Первое, что он ощутил, ступив на орнаментованный пластик тротуара, — свет. На привокзальной площади этот бешеный исступленный свет лился откуда-то со стороны, с окраины, а тут Лобов буквально окунулся, нырнул в него всем телом, почти физически ощущая его материальность. Свет был накинут на Лин-Дорт, как пронзительно сияющее покрывало, погружая ее в переливающийся фосфоресцирующий туман, скрывающий детали и заставляющий воспринимать улицу вместе со всем, что на ней находилось, как единое целое. В непрестанном движении теряющейся где-то в светлой бесконечности человеческой толпы не было ничего от привокзальной суеты или деловой спешки возле магазинов и учреждений. Люди тут были заняты самыми разными делами, но их объединяла одна цель: убить нудно тянущееся время и попытаться вытянуть из этого омута счастливый жребий. В этом живом потоке, несмотря на его невообразимую пестроту и многоликость, было что-то от единого, четко организованного организма — от муравейника, улья, а может быть, и от неторопливо текущей реки, истоки и устье которой еще не исследованы.

Когда глаза Лобова привыкли к сумасшедшему свету, а сам он несколько освоился в этом сдержанно волнующемся, гудящем мире, он увидел, что улица состоит из нескольких ярусов. Где-то высоко в небе висели неизвестно каким образом подвешенные ослепительно светящиеся шары. При общем белом тоне света каждый из них имел собственный неповторимый оттенок: голубоватый, розоватый, золотистый, зеленоватый, серебряный. Это богатство полутонов и придавало освещению сказочность и нереальность. Лобову все время чудилось, что он не просто гуляет по улице, а находится в самом центре карнавала, организованного по каким-то загадочным законам. Небоскребы пылали, как гигантские бенгальские огни, так неистово бушевало вокруг них изломанное пламя реклам. На среднем ярусе реклама была реальнее и вещественнее: бутылки всех калибров и форм, рюмки, бокалы, стаканы, льющиеся напитки, дымящиеся блюда, ослепительные улыбки ослепительно красивых лиц. Внизу сквозь распахнутые двери баров виднелись сверкаю-

щие металлом и полированным деревом стойки, лилась негромкая синкопированная музыка, за огромными стеклами баров и казино, как рыбы в аквариумах, плавали пары. Входы были освещены то вызывающе ярко, то мягко и интимно. Возле них стояли молодые парни и девушки. Бритые, бородатые, с длинными локонами и выбритыми макушками, с косами и рассыпающимися кудрями, с огромными, чуть ли не до пояса, усами, в сапогах и босиком, в туфлях на высочайшем каблуке и в античных сандалиях со шнуровкой. Разобраться, кто перед тобой, юноша или девушка, с первого взгляда было невозможно.

К двадцати трем часам Лобов вернулся на привокзальную площадь и направился на стоянку личных автомашин. С помощью минирадиоиндикатора он без труда отыскал неприметную машину серого цвета, открыл ключом дверцу и сел за руль.

Покрутившись в портовом районе, Лобов вывел машину на спокойную загородную автостраду и откинул крышку малого багажника на приборной доске. Под ней обнаружилась нейтридная панель. Как будто бы ничего не произошло, но Лобов знал, что контрольная аппаратура в эти секунды сверяет его индивидуальные биологические данные с матрицей, заложенной в кодовом устройстве. Это был единственный способ открыть сейф. Конечно, сокрушить нейтридный корпус неимоверно трудно, но в лабораторных условиях все-таки возможно. Однако любая попытка проникнуть в сейф, минуя кодовое устройство, приводила к полному уничтожению его содержимого. После десятисекундной паузы, в ходе которой проходила сверка, нейтридная дверца сейфа бесшумно откинулась, открывая экран кодовой видеосвязи. Экран осветился, и на нем появилось цветное стереоскопическое изображение Снегина. Иллюзия присутствия была такой полной, что Лобову показалось, будто он смотрит на Всеволода через окно в черной стене.

— Здравствуй, Иван, — с видимым облегчением сказал Всеволод.

— Здравствуй. Что случилось?

Снегин ответил не сразу.

— Вчера вечером, — проговорил он наконец, — исчез Алексей.

— Что?

— Исчез. Хотя, казалось бы, все мелочи были предусмотрены. И в какой-то степени, наверное, виноват

я. Дал уговорить себя и разрешил посетить ему этого Шпонка.

— Алексей, Алексей... — пробормотал Лобов. — Он что же — был один, без сопровождающих?

— Были сопровождающие, — хмуро ответил Снегин, — да, видно, квалификация у них не та. С ними затеяли драку и оттерли от Алексея.

Иван пригляделся к его лицу.

— Ты, я вижу, совсем расклеился.

— Есть немного. Операция еще не начиналась, а мы уже теряем ведущих исполнителей. Плохо работаем!

— Не так-то просто за считанные дни овладеть искусством разведки, которое шлифовалось столетиями, — заметил Лобов. Он чувствовал, что гордый, самолюбивый Всеволод нуждается в дружеской поддержке. — Подучимся на ходу.

Снегин скептически усмехнулся, но взглянул на Ивана с благодарностью.

— Кстати, — несколько оживляясь, сказал он. — Алексею все-таки удалось ухватить ниточку, по которой можно добраться до Хаасена. Еще из «Пристани», догадавшись подстраховаться, он послал шифр-сообщение. Уведомил, что Линга, главаря шайки, похитившей Тура, надо искать через магазин сувениров «Черная звезда».

— Так это же отлично!

— Неплохо.

Глаза у Снегина были невеселые. По их выражению Иван вдруг догадался:

— Еще что-нибудь стряслось?

Снегин кивнул:

— Стряслось. Перед похищением Хаасену удалось написать и через третьих лиц переправить нам письмо.

— Молодчина! — не выдержал Лобов.

— Это же Хаасен! — Лицо Снегина снова обрело сосредоточенное суровое выражение. — В этом письме он сообщает, что, скорее всего, эпидемия лихорадки-тау на наших базах и станциях — ловкая, продуманная провокация, своего рода контрольный эксперимент, который проводят далийцы.

Иван помотал головой, точно отгоняя надоедливое насекомое.

— Что-то я не совсем улавливаю.

— Моральные препоны! — сказал Снегин с иронией. — А вот для далийцев все это просто, как послеобеденная прогулка. — И уже серьезно, суховато пояснил: — Если

тау-эксперимент окажется удачным, вслед за ним может последовать уже настоящий биологический удар — эпидемия свирепой и беспощадной болезни вроде земной чумы или альдебаранского скьёра.

Лобов хотел возразить, но вдруг вспомнил слова Лены о фальшивости далийских медиков, ее предположение о том, что их биологические познания гораздо глубже, чем это кажется, и, скорее всего, превышают земные. Но если и есть такое превосходство, то лежит оно в одном, узком секторе знаний! Разве можно на него серьезно рассчитывать?

— Какой смысл в такой биологической агрессии? — вслух подумал он.

— А какой смысл в любой другой войне?

— Война? С нами? — Иван не мог сдержать улыбку. — Но это же просто смешно!

— А может быть, далийцы и рассчитывают на то, что нам смешно? — жестко спросил Снегин. — Представь себе, под прикрытием такой свирепой болезни и собственного иммунитета далийцы захватывают наши космические базы, вместе с кораблями и запасами гипервещества. Снарядить боеголовки — задача не такая уж сложная даже для далийской техники. А потом следует массированный удар по Земле. И она превращается в выжженную пустыню с глобальными котлами кипящих океанов.

— Ты говоришь страшные вещи, Всеволод, — негромко и спокойно констатировал Иван.

— Страшные.

— Вряд ли далийцы решатся на такую авантюру. Она имеет ничтожные шансы на успех — один из тысячи.

— Иногда удаются самые безумные авантюры, — невесело заметил Снегин.

Лобов не мог с ним не согласиться. Разве в свое время сторонний наблюдатель посмел бы предположить, что многомиллионное, отлично организованное государство инков вместе с огромной вымуштрованной армией рухнет и рассыплется как карточный домик под напором нескольких сотен солдат авантюриста Пизарро? Конечно, нынешние люди — не древние инки, они в конце концов справятся и с эпидемией чумы, и со всеми остальными злодействами, которые может изобрести извращенный, порочный ум. Но какой ценой?

— Ты говоришь страшные вещи, — повторил он. — И я вижу сейчас лишь один практический выход — надо

максимально ускорить операцию по освобождению Хаасена и Алексея.

— Торопиться надо медленно.

— Не всегда. — На лице Лобова застыло суровое, упрямое выражение. — Что удалось выяснить о Кайне Стан?

— Немногое, но и то, что выяснили, очень интересно. Кайна действительно занимает особое, исключительное положение. — Всеволод несколько оживился. — И дело тут, судя по всему, вовсе не в том, что она красавица и известная певица. Когда мы сопоставили все факты, то пришли к единодушному выводу: Кайна — возлюбленная некой солидной фигуры: президента, шефа полиции или главы крупной гангстерской корпорации. Проверка пока ничего не дала. Времени у нас было мало, а интимные отношения распознать трудно.

— Так, может быть, исчезновение Алексея связано с этим высокопоставленным соперником и не имеет никакого отношения к нашей операции? — предположил Лобов.

Снегин улыбнулся и неопределенно пожал плечами.

— Да. — Лобов потер щеку. — А слежки за Кайной нет?

Снегин сразу стал серьезным.

— Думаешь встретиться с ней?

— Непременно.

— Рискованно.

Снегин испытующе смотрел на Лобова, но Иван молчал.

— Впрочем, я бы тоже непременно рискнул. Слежка за ее домом не обнаружена, но не такие уж мы квалифицированные специалисты, чтобы полностью довериться этому заключению. Поэтому лучше всего назначить Кайне свидание по видеотелефону. Изображение выключи. Место не указывай, просто скажи, что встреча состоится там, где она встретила Алексея. По возможности никаких имен. Место встречи мы возьмем под контроль и, если что-нибудь неладно, предупредим.

Машина въехала на разъездную площадь. Лобов повернул направо, провел машину по связующим рукавам, снова выбрался на автостраду и поехал в обратном направлении, к городу. Он молчал, погрузившись в раздумье, машинально все прибавляя и прибавляя скорость.

— Не гони. Еще разобьешься, — напоминал о себе Снегин.

Иван кинул взгляд на спидометр и сбросил скорость. Покосился на Снегина и все с тем же упрямым выражением лица проговорил:

— Операцию надо проводить по ускоренному, аварийному плану.

— Ты все обдумал?

— Все.

— Что ж, будь по-твоему.

Лобов взглянул на товарища с удивлением и благодарностью.

— Я думал, ты будешь возражать.

— Разве у меня есть на это моральное право? Ты рискуешь жизнью, а я? В худшем случае — репутацией и карьерой.

Лобов улыбнулся:

— Не строй из себя бездушного дельца, Всеволод. Рисковать жизнью друзей труднее, чем своей. Мне ли не знать об этом? — И уже другим, деловым тоном потребовал: — Мне нужны голографии Тура, Алексея и Линга.

— Принимай.

Через секунду раздался короткий сигнал, и из-под экрана видеофона одна за другой выскочили затребованные голографии.

— Ты настоящий кудесник, Всеволод.

— Стараюсь. Что еще?

— Хвоста за мной нет?

— Все спокойно.

— Я выйду на связь после разговора с Кайной. До встречи.

Снегин сосредоточенно кивнул. Лицо его оставалось озабоченным. Он выключил видеофон.

Лобов некоторое время еще смотрел на потемневший экран видеофона, потом протянул руку, чтобы закрыть сейф. Протянул, но задержал на полдороге и выругал себя за забывчивость. Пошарив возле экрана, он нащупал небольшую кнопку и нажал ее. Бесшумно откинулась крышка, из образовавшейся полости выдвинулась полочка. На ней лежали часы-перстень. Они были вдвое больше тех, что красовались на пальце Лобова. Такие часы носили в Даль-Гее самые ярые модники. Сняв свои часы, Лобов аккуратно положил их на полочку, а взамен надел те, что появились из недр сейфа. Скептически осмотрев это довольно нелепое изделие, Лобов невесело усмехнулся.

Глава 12

С ближайшего видеофона Лобов, предварительно отключив изображение, позвонил Кайне Стан. Его несколько беспокоило, окажется ли она дома, но она ответила почти тотчас после вызова:

— Да, Кайна Стан.

Лобов понял: она ждала, что ей позвонят.

— Попрошу вас, не называйте никаких имен.

— Хорошо, — нетерпеливо ответила она.

— Я по поводу человека, гостившего у вас в последние дни. У вас нет никаких сведений о нем?

— С кем я говорю? — после паузы спросила Кайна.

— С одним из его близких друзей.

— Это легко сказать. Почему вы выключили изображение?

— Вы должны сами догадаться.

— Догадки могут быть самыми противоположными, — возразила Кайна.

Лобов мысленно одобрил ее осторожность. Правда, с некоторой тревогой — не слишком ли она осторожна и опытна для обычной певицы?

— Нам нужно довериться друг другу, — вслух сказал он, — иначе мы не сдвинемся с мертвой точки. А медлить — преступно.

Он слышал, как она вздохнула, но прозвучало совсем не то, что он ожидал услышать.

— Доверьтесь.

Лобов понимал, что Кайна права: именно ему следовало сделать первый шаг. Но довериться видеофону?

И вдруг его осенило:

— Послушайте, мне известно, что ваш гость в свое время далеко отсюда оказал вам небольшую услугу — отремонтировал рацию...

— Да, да, да, — перебила она, не дослушав, — я все поняла. Скажите, что я должна делать?

— Будьте ровно в одиннадцать на том месте, где вы впервые встретили нашего знакомого.

— Хорошо.

— Вы должны быть одна, иначе встреча не состоится.

— Я понимаю.

— Это все.

Оставшееся время до встречи Лобов петлял по городу, стараясь создать максимальные трудности тем, кто вздумал бы следить за ним.

За четверть часа до встречи он подвел машину к стоянке у большого парка. Прошелся по аллеям, чтобы убедиться, нет ли за ним слежки, и только тогда направился к назначенному месту.

Кайну он заметил издали. Она сидела на скамье в непринужденной позе с крохотной книжечкой в руках. Ни малейших признаков волнения или беспокойства, ничего неестественного или натянутого. Женщина решила отдохнуть, вот и все. Лобов разглядывал ее с любопытством и настороженностью.

Он не сразу подошел к ней, хотел сначала пройти мимо, осмотреться, а потом уже повернуть обратно. Но все произошло иначе. Когда он поравнялся со скамьей, Кайна подняла от книги глаза и встала.

— Я узнала вас, — сказала она просто. — Вы — Иван Лобов. Алексей показывал мне ваши снимки там, на Земле. Да, я почему-то надеялась, что увижу именно вас. Сядем.

Она была очень естественна. И красива безупречной, но холодноватой красотой мраморной статуи, только глаза были живые и грустные.

Иван огляделся. Место было удобное. Кустарник надежно скрывал скамью, в то же время окружающее просматривалось довольно хорошо. Он подождал, пока Кайна сядет, и опустился на скамью рядом с ней.

— Алексей жив, — сказала Кайна.

Лобов сразу понял, что она говорит правду. Неизвестно для чего, он вытащил из кармана платок и вытер лоб, хотя ему вовсе не было жарко.

— Вы рады, я понимаю, — продолжала Кайна. — Но это лишь временная отсрочка — день-два, не больше. И что самое худшее, я вряд ли сумею что-нибудь еще сделать для него.

— Вы полагаете, что он жив благодаря вашему вмешательству?

— Скорее всего, так. Хотя действовала я не лично, а через подставных лиц.

Радость Лобова сменилась тревогой. Кайна сразу уловила его настроение.

— Пока никто не знает, что Алексей землянин. Но стоит ему чем-нибудь выдать это, как он сразу подпишет себе смертный приговор.

— Вы знаете, где находится Алексей? — спросил Лобов.

— И да, и нет.

Лобов заметил, что ее тонкая рука слегка дрожит, и понял: она держится так спокойно лишь благодаря большому самообладанию.

— Я знаю, что он в руках у Линга, этого хладнокровного убийцы, ярого противника всяких связей с Землей. Он давно вне закона, ему вынесено несколько смертных приговоров.

— Тем лучше, — процедил сквозь зубы Лобов.

— Да, — согласилась Кайна. — Вы можете считать себя полностью свободным, любые ваши действия против Линга и его окружения не вызовут протеста. Он слишком скомпрометировал себя. Так вот, Алексей находится в руках Линга. Но где? Об этом я ничего не знаю. Местопребывание Линга сохраняется в глубокой тайне.

— Каким образом вам удалось спасти Алексея? — Он поднял голову.

Губы ее дрогнули. Ивану показалось, что она вот-вот заплачет, и он осторожно прикоснулся к ее руке.

— Успокойтесь.

Она грустно взглянула на него.

— Не нужно утешать меня, я ведь актриса и умею владеть собой. — И, помедлив, продолжала: — Алексей был ранен, правда, очень легко. Но мне через врача удалось уверить Линга, что его состояние исключает возможность допросов. По крайней мере, еще сутки его не будут трогать. А потом...

Кайна замолчала, словно собираясь с мыслями, но Лобов теперь знал, почему она иногда умолкает.

— Потом его, скорее всего, будут пытать. А пытают у нас жестоко, вы даже не представляете себе как.

Лобов стиснул зубы: Кайна ошибалась, он имел представление о том, какие пытки применяют далийцы.

— Скажите, — спросил он после некоторого колебания, — а не мог ли Алексей попасть в беду отчасти из-за вас?

— Почему вы так думаете? — быстро спросила она.

— Есть такое чувство — ревность... — Он запнулся и, сердясь на себя, уже увереннее продолжал: — Не могло ли некое влиятельное лицо в вашем городе увидеть Алексея Кронина в вашем обществе и прибегнуть к услугам гангстеров, чтобы убрать своего соперника с дороги?

Впервые за время их разговора по лицу Кайны скользнула улыбка.

— Почему вам это пришло в голову?

Лобов поколебался. А потом рассказал ей все, что мог сказать по поводу ее необычного положения в Даль-Гее. Глаза Кайны стали насмешливыми, потом серьезными.

— Я и не подозревала, что особенности моего положения так бросаются в глаза. Но все это никак не связано с моими любовными увлечениями.

Иван выжидающе смотрел на нее.

— Это все, что я могу сказать вам, землянину. — По лицу женщины скользнула тень, и она грустно добавила: — И все-таки Алексей мог попасть в беду из-за меня. Я не сказала ему одну вещь, которую нужно было сказать.

— Почему? — сухо спросил Иван.

— Потому что это не моя тайна. А я — далийка и имею обязательства перед родиной, — ответила молодая женщина.

— Я понимаю.

— Ничего вы не понимаете, Иван! — с неожиданной горечью сказала Кайна. — Если бы вы знали, как мне надоели эти тайны! Но на этот раз я должна поступить, как мне подсказывает совесть.

Она строго взглянула на Лобова.

— Один из сотрудников вашего консульства оказывает нам услуги деликатного свойства.

Иван нахмурился:

— Не понимаю!

— И мне было трудно это понять. Тем не менее кто-то из консульства регулярно сообщает нам о намерениях Земли.

— Кто? — вырвалось у Лобова.

— Этого я не знаю, да никогда и не стремилась узнать, — надменно, даже брезгливо ответила Кайна.

— Это ошибка. Если не просто клевета.

— К сожалению, это правда.

— Вы понимаете всю серьезность такого заявления?

— Да.

Она спокойно выдержала его взгляд.

Может быть, это было и наивно — поверить далийке, но Иван поверил Кайне.

— Хорошо, — медленно произнес он, — я учту ваше сообщение.

— А теперь разрешите мне задать несколько вопросов, — сказала Кайна.

— Прошу вас.

— Вы намерены предпринять что-либо для спасения Алексея?

В душе у Лобова невольно шевельнулась настороженность.

— Вам это очень важно знать?

— Да, — ответила она, прямо глядя на него, и добавила: — Если и вы бессильны, то самое лучшее... — Она вздохнула и закончила: — То самое лучшее, дать возможность Алексею умереть спокойно. Пожалуй, это единственное, что я могу еще для него сделать.

Лобов нахмурился, стараясь скрыть волнение.

— Это преждевременно, — негромко сказал он, — подождите сутки. Может быть, эту услугу вам придется оказать не только ему, но и мне.

Она посмотрела на него с состраданием.

— Я обещаю. Что могу еще для вас сделать?

Он покачал головой:

— Ничего.

— Подумайте. Мне кое-что доступно в этом городе.

— Ничего, — решительно повторил Иван.

— Я помолюсь за вас.

Лобов удивленно взглянул на нее.

— Вы верите в Бога?

— Нет, не верю, — вздохнула Кайна. — Но я помолюсь все-таки. Вдруг это поможет.

Часть вторая

Глава 1

Последнюю часть маршрута Лобов решил пройти пешком. Надо было сбросить нервное напряжение, собраться и войти в форму. После встречи с Кайной Лобов решил немедленно проинформировать Снегина о тревожном положении в консульстве. Как и в первый раз, Иван вел разговор из своей машины по видеофону. К его великому изумлению, сообщение Кайны совсем не удивило Снегина. Всеволод лишь нахмурил брови и после долгой паузы нехотя сказал:

— У нас тоже есть сведения, что из консульства происходит утечка информации. Собственно, именно поэтому операция по спасению Хаасена и была окружена с самого начала такой тайной. — Он вгляделся в расстроенное лицо Ивана и добавил: — В консульстве до сих пор об этой операции ничего не знают, его сотрудники выполняют отдельные поручения, вот и все.

Лобов молчал. Он с горечью думал о том, что кто-то не сумел пронести свое достоинство через темные препоны чужой цивилизации. Кого же этот мишурный, фейерверочный город ухитрился поймать в свои сети? Неужели ложь, измена и предательство так же вечны, как сам род человеческий, как правда, верность и самопожертвование?

Снегин, по-своему истолковав его молчание, предложил:

— В принципе, мы можем отложить твою операцию, пока детально не разберемся, в чем тут дело.

— Не говори глупостей, — с досадой отмахнулся Лобов.

— А если ты попадешь в ловушку?

— Конечно, всякое может случиться, — спокойно согласился Лобов. — Но разве при разработке операции мы не предусмотрели возможные ходы далийцев?

— Я не о том. Ты не допускаешь мысли, что предателем может оказаться Хаасен? — прямо спросил Снегин.

— Ты с ума сошел! Мы с тобой знаем Тура не первый год!

— Человек — не запрограммированный механизм. У каждого бывают слабости, о которых никто не знает, кроме него самого. У людей есть достоинства, но есть и недостатки, которые в критических ситуациях могут проявиться самым неожиданным образом. — Всеволод говорил, не поднимая глаз на Ивана.

— Ну и что? — с вызовом спросил тот.

— Ничего.

— Есть границы, которые люди не переступают, несмотря на свои слабости.

Снегин вздохнул:

— Границы! Стоит их переступить один раз, как они исчезают.

— Оставь, Всеволод! — резко сказал Лобов. — Я готов поручиться за Тура, как за самого себя.

Их глаза встретились, и ни один из них не отвел взгляд.

— Я принимаю твое поручительство к сведению, — суховато произнес Снегин. — Но я не служитель Божий, чтобы уповать на чистую веру. Я руководитель операции и обязан верить только фактам. А факты таковы, что на каждом работнике консульства лежит тень подозрения.

— В том числе на Туре и на Самсонове?

— На всех.

— Я знаю, что ты принципиальный человек, Всеволод, но не думал, что в своей принципиальности можешь зайти так далеко.

— Сейчас не время разводить дискуссии, Иван. Мое дело предостеречь тебя, а там уж думай что хочешь. — Снегин махнул рукой. — Я не навязываю тебе своего мнения, но когда будешь в деле — помни об этом разговоре.

— Это я тебе обещаю.

— А у меня есть для тебя и кое-что приятное. — Снегин с улыбкой заглянул в глаза товарища. — Догадываешься, с кем ты будешь взаимодействовать на последнем этапе операции?

— С тобой? — предположил Иван после паузы.

Снегин покачал головой. В глазах Лобова мелькнула тревога.

— Не с Леной ли?

— Да что ты! С Климом!

Лобов просиял:

— С Климом? Вот это действительно здорово! Спасибо, Всеволод! Но как же тау-лихорадка?

Снегин подмигнул:

— Медицина не дремлет. Создана опытная вакцина. Клим с шумом и громом добился того, чтобы его включили в число добровольцев, на которых она испытывалась. Результаты отличные, хотя и не стопроцентные.

— Спасибо, Всеволод, — повторил Иван.

Когда эскалатор вытолкнул его на свежий воздух, Лобов даже приостановился от изумления. Он не узнал шикарной Лин-Дорт. Лента серых, ничем не примечательных домов, мрачные утесы и пики небоскребов, верхушки которых окутаны облаками, широченные замусоренные тротуары, машина-уборщик, с нудным гудением выполняющая свое прозаическое дело, ревущий поток машин на проезжей части. Куда же девалось сверкающее фейерверочное великолепие этой улицы? Лобов усомнился, туда ли он попал, не перепутал ли остановку, и, чтобы окончательно рассеять сомнения, обратился к одному из прохожих:

— Простите, это Лин-Дорт?

Тот остановился, удивленно взглянул на Ивана.

— Вы разве не видите? Лин-Дорт.

Лобов поблагодарил и медленно пошел дальше. Он подумал, что утренняя Лин-Дорт похожа на перезрелую далийскую красавицу, которая попала под проливной дождь, безжалостно смывший с нее искусную косметику.

Спустившись по эскалатору вниз, Лобов довольно долго плутал по системе подземных переходов, пока не выбрался на перекресток прямо напротив «Черной звезды». Он и хотел этого — сразу же оказаться возле цели, чтобы не потерять того эмоционального заряда, который даст стартовая напряженность. Дверь в магазинчик была открыта, и, покосившись на витой золотистый знак фарга над ней, Лобов вошел в помещение. Вошел и не сдержал улыбки: магазинчик сувениров как две капли был похож на бюро обслуживания Шпонка, которое он хорошо знал по описаниям и голографиям, сделанным Алексеем. Это был не столько магазин, сколько питейное заведение.

Сам магазинчик располагался прямо против входа: прилавок-витрина, за прилавком экстравагантно одетая женщина, а за ней на черной матовой панели — сувениры. Чего тут только не было! Памятные значки, безделушки, изображающие наиболее экзотических далийских птиц и животных, пепельницы и чаши, сделанные из черепов, великое многообразие часов-перстней самых причудливых форм, радиоприемнички, выполненные в виде падающей капли (эту каплю на специальной цепочке с зажимом полагалось вешать на ухо), диктофоны, универсальные карандаши — всего не перечислишь. Центральное место среди этих вещей и вещичек занимала черная звезда.

Она не сразу привлекала к себе взгляд, но, увидев ее, уже трудно было оторваться. Она слабо светилась грустноватым серебристым светом, каким светится Млечный Путь, она манила и пугала, звала и предостерегала. Это было настоящее произведение искусства, творение подлинного мастера.

Лобов заставил себя отвернуться, было неразумно привлекать к себе лишнее внимание, улыбнулся женщине за прилавком и вошел в бар, вход в который, в отличие от заведения Шпонка, был завешен не шнурами, а шелковистыми хвостами далийских обезьян-качунов. Примерно половина столиков была занята. Компания молодежи, пожилой, представительный ленд со скукой во взоре, какие-то атлетически сложенные личности, нехотя поглощающие завтрак, — все так, как и должно быть.

Иван занял место за длинным, стоящим поодаль от других столиком и встретился взглядом с барменом, который, опершись обеими руками на стойку и ссутулив плечи, исподлобья смотрел на него. У бармена были сонные водянистые глаза с набрякшими веками, дряблое, заметно расширяющееся книзу лицо, рот, прорезанный большой скобкой, короткие толстые руки и огромный живот. Это был Рихт.

Осмотрев эту карикатурную фигуру, Лобов пальцем поманил Рихта к себе. Тот недовольно шевельнул опущенными уголками рта и нехотя, будто предчувствуя нечто неприятное, прокосолапил к столику, став похожим на дрессированного медведя.

— Что угодно ленду? — спросил Рихт неожиданно тонким для такого грузного тела голосом. Он смотрел в сторону, поверх головы Лобова, демонстрируя полнейшее к нему равнодушие.

— Два стакана холодного молока, — коротко заказал Иван.

— И что еще?

— Больше ничего.

Голова бармена неуклюже повернулась. В глубине глаз была настороженность — Рихт изучающе смотрел на посетителя, который явно не входил в давно изученные им стандартные рамки.

— У ленда болит желудок? — наконец спросил он, делая попытку растянуть в улыбке свой рот.

— Если бы у меня болел желудок, я пошел бы не в бар, а в клинику, — спокойно ответил Лобов и, так как Рихт не торопился отойти от стола, напомнил: — Я заказал два стакана молока.

Рихт тяжело, так, что колыхнулся отвислый живот, вздохнул, всем своим видом демонстрируя, как он был бы рад, если бы такой клиент убрался куда-нибудь подальше. Лобов усмехнулся.

— У меня к вам выгодное дело, Рихт, — сказал он, понизив голос.

— Как будет угодно ленду. — Бармен, переваливаясь, направился к стойке.

Через минуту он вернулся с большим подносом, на котором стояли два стакана молока.

— Садитесь. — Лобов указал хозяину бара на свободный стул. Не дожидаясь, пока тот усядется, он отпил глоток молока, одобрительно кивнул и залпом опорожнил весь стакан.

— Ленд рискует подхватить ангину, — печально заметил Рихт.

— У меня хорошее здоровье.

Лобов поставил опустевший стакан, достал бумажник, извлек оттуда фарг, положил его на поднос.

— Не затрудняйте себя возней со сдачей.

— Вы очень, очень добры, ленд.

Пухлая рука бережно взяла бумажку, расправила и опустила в карман. Когда Рихт снова поднял глаза, то увидел перед собой голографию Кронина. Это продолжалось несколько мгновений. Лобов переложил голографию в другую руку, взял с подноса второй стакан молока, пододвинул к себе.

— Этот человек, — сказал Лобов, пряча голографию в карман, — заходил в ваш бар два дня назад.

Рихт равнодушно пожал плечами.

— Я не имею обыкновения запоминать посетителей, ленд.

— Он зашел к вам, — не обращая внимания на его реплику, продолжал Лобов, — но отсюда уже не вышел. Где он сейчас?

Сонные глаза неторопливо оглядели Лобова снизу вверх, а потом еще более неторопливо — сверху вниз.

— Вы уверены, что он не вышел?

— Он был под наблюдением.

Рихт сочувственно покачал головой:

— Скажите пожалуйста! Мне эта история представляется совершенно загадочной. А вам?

— Мне тоже, — хладнокровно согласился Лобов.

— И что же вы от меня хотите? Уж не предполагаете ли вы, что я пустил его на изготовление паштетов?

Этот толстый человек был неглуп. Сейчас он, уверенный в своей безнаказанности, потешался.

Лобов выпил молоко, поставил пустой стакан на стол и спокойно сказал:

— Этого я не знаю. Но я знаю другое. Если вы не поможете мне разобраться в этой истории, Рихт, то вам придется плохо.

Рихт лениво разглядывал своего странного посетителя. Уже который раз тот сбивал его с толку и, пожалуй, внушил этим определенное уважение. Конечно, можно просто выставить его отсюда добром или силой, но зачем торопиться? Это ведь никогда не поздно.

— Вы напрасно меня пугаете, ленд, — меланхолично сказал Рихт.

— Я не думал пугать вас. Я просто гарантирую, что если вы не поможете мне, то этот бар у вас отберут, а вас самого выбросят из Даль-Гея. Если, конечно, вы сумеете уцелеть.

Рихт наморщил свой плоский лоб. «По виду не гангстер, не политик. Но откуда в нем такая уверенность? Определенно, он не просто болтает, а говорит то, в чем твердо уверен. Поди свяжись с таким всерьез!» — Рихт вздохнул и сложил руки на животе.

— Простите за назойливость, ленд, но сами понимаете — дело серьезное. На кого вы работаете?

Лобов усмехнулся:

— Если бы я мог откровенно говорить об этом, то сидел бы не с вами, а в полицейском управлении. — И добавил категорическим тоном: — Считайте, что мы играем с вами втемную. Я ведь не спрашиваю, на кого работаете вы.

Рихт пожевал губами, сонно разглядывая Лобова.

— Ну что ж, — грустно проговорил он наконец, — могу сказать вам, ленд, что из бара можно выйти и другим, черным ходом. Может быть, приятель, которого вы разыскиваете, воспользовался именно этим путем?

Лобов покачал головой:

— По доброй воле он не сделал бы этого.

Рихт сокрушенно вздохнул, пожаловался:

— Вот видите, как оборачивается дело. Выходит, я, хозяин бара, должен знать, как выходят отсюда люди — по доброй или не по доброй воле. А посудите, зачем мне это? Я ведь не платный агент полицейского управления. Вот если бы, скажем, молоко, которое я вам подал, оказалось кислым, тогда я бы с удовольствием объяснил, что и как.

Разглагольствуя, Рихт искоса рассматривал Лобова, а Иван терпеливо ждал, чувствуя, что вслед за этими сентенциями последует нечто более конкретное.

— Если хотите, — предложил вдруг Рихт, — я могу свести вас с одним интересным парнем. Я могу, конечно, и ошибиться, но сдается мне, что он беседовал в моем баре с человеком, которого вы разыскиваете.

Лобов вгляделся в сонные глаза, печально смотревшие на него. Да, Рихт откровенно хитрил и не только не скрывал, а даже как бы афишировал это, словно предупреждая Лобова о чем-то.

— Где я могу его увидеть? — коротко спросил Лобов.

— Здесь, — вздохнул Рихт, колыхнув животом. — Но не в зале, само собой. Не очень-то тут подходящее место для серьезного разговора. А вы, я вижу, клиент серьезный и вряд ли стали бы попусту беспокоить такого занятого человека, как я.

Лобов не прореагировал на эту реплику, и Рихт, еще раз вздохнув, поднялся из-за стола.

— Прошу, — проговорил он, кивнув на дверь, ведущую во внутренние помещения бара.

Иван молча поднялся. Отступать он не собирался, все сомнения и колебания остались за порогом бара.

Дверь вела в полутемный коридорчик. Проходя через него, Лобов послал короткое уведомление Снегину о начале операции. Коридорчик, по обеим сторонам которого можно было рассмотреть несколько дверей, ведущих, очевидно, в складские помещения, повернул влево.

— Прошу, ленд, — предупредительно проговорил Рихт, распахивая дверь.

Лобов наклонил голову— массивная дверь была невелика, она чем-то напоминала дверцу крупногабаритного

сейфа — и вошел в довольно большую, хорошо освещенную комнату. Пол был сплошь устлан толстым ковром, глушившим звуки шагов. Стол, вокруг него стулья, вдоль стен диваны, шкафы и тумбочки. И ни одного окна.

— Присаживайтесь, ленд.

Лобов огляделся, отыскивая место поудобнее и побезопаснее.

— Если вы хотите последить за входом, то лучше всего сесть вон на тот диванчик, — с заметной иронией пропищал Рихт.

Лобов через плечо взглянул на него.

— Последить? Зачем?

Рихт растянул в улыбке рот:

— Откуда мне знать зачем. Я просто говорю, что с того диванчика это очень удобно делать. А уж будете вы следить или нет — дело ваше. Садитесь и минуточку подождите. Сейчас подойдет тот парень.

Лобов проводил взглядом хозяина бара, а когда дверь за ним захлопнулась, еще раз огляделся. Стена, а вернее, ее обивка привлекла его внимание. Он коснулся ее рукой и понял, что не ошибся: комната отделана унизоляцией, которая широко применяется в космостроении и является надежным экраном от большинства видов излучения. Иван попробовал вызвать Снегина, но в ответ — абсолютное молчание. И Лобов понял, что он полностью отрезан от окружающего мира и может рассчитывать только на самого себя.

Его мысли прервал шум открываемой двери. Лобов обернулся и увидел, что в комнату проскользнул высокий, стройный мужчина. Одним движением он захлопнул массивную дверь, выпрямился и привалился к ней плечом, бесцеремонно разглядывая Лобова. Иван, в свою очередь, не менее внимательно разглядывал вошедшего. Свободная, чуть ленивая поза незнакомца говорила об уверенности в своей силе, об умении расслабляться, мгновенно собираться и действовать. Лицо было бесстрастным, точно изваянным из камня. И с этого лица на Лобова в упор смотрели холодные глаза. Они не выражали ни жестокости, ни угрозы, ни сочувствия, в них можно было прочитать лишь скуку и равнодушие. И все-таки где-то в самой глубине души Лобова шевельнулось беспокойство. Иван обуздал его мгновенным привычным усилием воли и интуитивно осознал причину своей столь необычной реакции: на него смотрели глаза профессионального убийцы. Глаза человека, для которого акт ли-

шения жизни себе подобного давно перестал казаться чудовищным, больше того, перестал вызывать даже брезгливость, осталось обыденное привычное ремесло, и только. Неизвестно, прочитал ли незнакомец что-либо из этих мыслей на лице Лобова, но он прошел на середину комнаты, носком ноги пододвинул себе стул и сел в двух шагах от Ивана, продолжая разглядывать его бесцеремонным взглядом.

— Стиг, — представился он наконец. — Рад приветствовать вас в этой тихой обители.

— Не могу, к сожалению, сказать того же, — холодно ответил Иван.

— Вот как! — У Стига удивленно шевельнулась бровь. — Почему же?

Лобову стало неприятно, и мгновением позже он понял, в чем дело: Стиг чем-то напомнил ему Снегина.

— Я бы предпочел обойтись без знакомства с вами, — все тем же тоном ответил Лобов.

— Благодарю за откровенность. — В голосе Стига послышалось что-то похожее на уважение к посетителю. — Но у меня нет времени попусту болтать языком. — Он закинул ногу на ногу и почти приказал: — Выкладывайте свое дело.

Лобов молча достал голографию Алексея.

— Я хочу знать, где находится этот человек.

Стиг вгляделся в голографию, ни один мускул не дрогнул на его лице. Серые глаза холодно взглянули на Ивана.

— Это все?

— Пока все.

Стиг усмехнулся:

— А потом?

— Покончим сначала с этим вопросом.

Стиг некоторое время присматривался к Лобову, потом согласно кивнул и протянул ему голографию.

— Возьмите. Она вам еще пригодится.

Укладывая голографию в карман, Лобов на мгновение опустил глаза, а когда поднял их, увидел черное дуло пистолета, смотревшее ему прямо в лицо.

Глава 2

Стадион неистово ревел. Только что закончился финальный забег, а лучше сказать, запрыг на двести нидлов. Шесть поджарых легкоатлетов рванулись с места и, взма-

хивая руками, как крыльями, отставив назад одну ногу и низко приседая, длинными прыжками на другой ноге устремились вперед. Они были похожи на одноногих кенгуру. Как спортсмен, Снегин сразу понял, что за этим внешне простым, порывисто-скользящим бегом стоят годы и годы упорных тренировок. Забег закончился, и теперь в центре спортивной арены по специальному кругу победителей ходили трое, занявшие первые места. Прыжковая нога, у двоих — правая, а у одного — левая, была у них заметно толще, мускулистее другой.

Когда рев стадиона стал затихать, переходя в нестройный взволнованный гул, Арни Таиг обернулся к Снегину.

— Что вы скажете? — спросил он не без гордости.

Они сидели в президентской ложе. Посещение стадиона было предусмотрено заранее согласованной программой визита Снегина в Даль-Гей. Сначала Всеволод под благовидным предлогом хотел отказаться от этого «удовольствия», так некстати совпавшего по времени с началом действий Лобова, но потом решил, что это насторожит далийцев. Теперь Снегин с нетерпением ждал от Ивана сообщения о начале операции.

— Скажу, — ответил он на вопрос президента, — что это настоящее сложное искусство. Но зачем оно? И можно ли это назвать спортом?

Президент смотрел на Снегина с улыбкой.

— А что называется спортом у вас, на Земле?

— Любое состязание, которое помогает человеку совершенствовать красоту физического облика. По бегу у нас обширная программа соревнований, но по бегу нормальному — на двух ногах.

— Знаю. — Арни Таиг кивнул. — А вот у нас двуногий бег посчитали бы скучным и пресным. Ведь таким, простите, примитивным образом может бегать каждый. Какой смысл ходить на стадион и тратить время, чтобы увидеть то, на что способен каждый?

Он ждал возражений Снегина, но тот промолчал, ему не хотелось спорить по пустякам.

— В принципе, вы угадали, — продолжал Таиг, — наш спорт — это прежде всего искусство. А искусство условно по самой своей природе. Требовать от него только пользы, по нашим представлениям, — кощунство. Единственное, что мы вправе ожидать, — это эстетическое наслаждение. И, мне кажется, вы его получили.

Снегин посмотрел на арену, с которой, посылая приветственные жесты, уходили победители.

— А вот эти уродливые прыжковые ноги — тоже доставляют вам эстетическое наслаждение?

— Нет ничего условнее эстетических канонов, — снисходительно пояснил президент. — Что красивее — человек, кальмар или сокол? Есть смысл в этом вопросе? Разве не предельно условен ваш классический балетный танец? Весь секрет в том, что соответствующее воспитание позволяет не только не замечать эти условности, но и делает их обязательным и непременным атрибутом. Эти толчковые ноги, которые непосвященному кажутся уродливыми, знатоку представляются шедевром. Обладатели таких ног гордятся ими. Больше того, если бы вдруг появился такой феномен — прыжковец с пропорционально развитыми ногами, — его посчитали бы уродом.

Со свойственной далийцам чуткостью уловив настроение Снегина, президент добавил:

— Извините мой тон, ленд Снегин. Я с искренним уважением отношусь к земной цивилизации. Но мы на несколько тысячелетий раньше вас стали на путь высокой культуры. То, над чем вы сейчас экспериментируете, уже давно опробовано нами и либо одобрено, либо отброшено за ненадобностью. Пути прогресса сложны, не всегда их удается предугадать. Вы уверены, что через сотню-другую лет на ваших стадионах спортсмены не запрыгают вот так, на одной ноге?

Снегину почудился какой-то скрытый намек в словах президента.

— Уверен, — ответил он, внимательно глядя на собеседника.

Президент хотел ему что-то сказать, но не успел. Стадион снова взревел, будто ураган пронесся над его громадной чашей.

На старт были вызваны участники финального забега тетраподов.

Шесть спортсменов вышли на беговую дорожку и по сигналу судьи приняли стартовое положение.

Новый сигнал, и спортсмены резвой рысью помчались по беговой дорожке.

Снегин никак не мог отделаться от ощущения, что это не люди, а какие-то иные существа, родственные пресмыкающимся, а еще вернее — насекомым. На повороте под дружное аханье стадиона один из тетраподов завалился на бок, но тут же поднялся и с удвоенной энергией пустился догонять остальных. Перед началом забега Снегин думал, что ему будет смешно. Но забег приближался к кон-

цу, а он даже не улыбнулся, ему было неловко, жутко и хотелось, чтобы это нелепое зрелище побыстрее закончилось.

Когда по окончании забега стадион угомонился, Снегин повернулся к Таигу.

— Чудо какое зрелище, — сказал он, не скрывая иронии.

Президент искоса взглянул на него.

— Ко всему надо привыкнуть, ленд Снегин. Поживите с нами подольше, и вы откроете неведомые ранее прелести в таких вещах и ситуациях, которые ныне недоступны вашему пониманию.

Снегин шевельнул бровью.

— Да? А скажите, ленд президент, давно у вас вот так состязаются в беге: на одной ноге или лицом к небу?

— Боюсь быть неточным, я не увлекаюсь историей спорта, но по меньшей мере лет триста. Далийцы, как это ни странно на первый взгляд, отличаются большим постоянством вкуса.

— Пожалуй, консерватизм характерен в Даль-Гее не только для спорта. Это, если хотите, внутренний стержень всей вашей жизни. Самый облик города, развлечения, транспорт, кулинария, пороки, наконец, — все это с удивительным постоянством передается из поколения в поколение. Если что и совершенствуется, то внутри раз и навсегда установленных форм. Например, автомобиль. Менялись типы двигателей, источники энергии, материалы конструкции, но автомобиль как был автомобилем, так он им и остался.

Президент рассмеялся, но Всеволоду почудилась искусственность в этом смехе.

— Как легко ошибиться, строя широкие обобщения на скудном материале. — Таиг показал рукой на дорожку стадиона. — Видите? Меняют покрытие. Сейчас состоится состязание ручников: бег в стойке на руках на сто нидлов. Это самое интересное в сегодняшней программе.

— Да нет, самое интересное на стадионе, пожалуй, не это.

— А что же?

— Отсутствие детей. На наших стадионах дети составляют чуть ли не половину зрителей. А у вас их совсем нет. Или я ошибаюсь? — Снегин внимательно смотрел на Таига.

— Нет, не ошибаетесь. Хорошо ли, плохо ли, но силою традиций дети у нас полностью отделены от обще-

ства. Они воспитываются в специальных загородных лагерях. Мы потом посетим некоторые из них, и вы сами убедитесь, что они живут в превосходных условиях даже по самой высокой мерке. Никакая семья не в состоянии обеспечить такое многогранное квалифицированное воспитание.

— Беда вашего общества, ленд президент, в том, что ваши дети не знают родителей. Что может быть страшнее такой судьбы? Они не знают, что такое нежность дедушек и бабушек, ласка матери, сдержанная отцовская забота. И от этого в душах детей ваших — зияющая пустота. И потом, когда они вырастают, пустоты эти заполняются чем попало, чаще всего скверной.

— Да, наши дети не знают родителей, — спокойно подтвердил Таиг. — Я понимаю, это почти кощунство с земной точки зрения. Но мы думаем иначе. Материнство, отцовство, детская привязанность — все это древнее животное наследие. Движение вперед и вверх связано с освобождением от этого балласта.

Разглядывая сумрачное лицо Снегина, президент продолжал:

— Иногда мне кажется, ленд Снегин, что земляне — это те же дети, большие дети, которые каким-то чудом приобрели невиданную сокровищницу знаний. Так много у вас атавизмов, так жадно вы цепляетесь за врожденные, но чуждые высокому духу инстинкты. Расправившись с религией, вы создали себе другие кумиры, в которые столь же слепо верите и которым приносите еще большие жертвы. Любовь к женщине, самопожертвование во имя детей, дружба — все это бестелесные призраки на фоне безмерного величия Вселенной.

Снегин вполуха слушал слова президента, он только что получил сообщение от Лобова: тот начал операцию в «Черной звезде». Теперь надо было запастись терпением и ждать, пока сработает цепочка запланированных событий, обеспечивающая уход Снегина со стадиона. А если произойдет осечка? Придется просто сослаться на неотложные дела и уйти, потянув за собой длинный хвост наблюдателей всех мастей и рангов.

Осечки не произошло. В дверь ложи постучали, вошел секретарь и начал шептать что-то на ухо президенту. Тот удивленно покосился на него, недовольно пожал плечами.

— Что ж, передайте. И немедленно разберитесь, по чьей вине произошел этот казус.

Секретарь склонил голову, повернулся к Снегину.

— Представитель консульства просит вас немедленно прибыть в космопорт. Там произошло какое-то недоразумение с грузом, прибывшим с Земли. Насколько я понял, там была совершенно случайно вскрыта неприкосновенная дипломатическая посылка.

С холодным лицом Снегин поднялся.

— Я заранее приношу вам свои извинения, ленд Снегин, — серьезно сказал президент. — С виновных будет строго взыскано за это самоуправство.

Снегин поморщился:

— Я прошу вас не делать этого, ленд президент. Вряд ли это поможет укреплению дружеских связей между нами. Увы, казусы неизбежны.

Снегин выдержал паузу.

— Ленд президент, — сказал он, будто только что вспомнив, — я здесь без машины. Быть может, вы разрешите воспользоваться одной из ваших?

Умные глаза Таига сощурились.

— Охотно. Я распоряжусь.

Всеволод уже собирался покинуть ложу, но президент остановил его:

— Ленд Снегин, вы очень торопитесь?

Операция только что началась, и какой-то резерв времени у Всеволода был. Поэтому он ответил:

— Четверть часа я могу уделить вам свободно.

Таиг жестом предложил ему сесть и продолжал:

— Почему бы нам с вами не быть более откровенными?

Снегин догадался, что имел в виду президент. Наблюдение, слежка, подслушивание были поставлены в Даль-Гее настолько искусно, что, несмотря на полную скрытность подготовки, аппарат Таига мог засечь попытку освобождения Хаасена. Но президент сам разрешил землянам известную самостоятельность действий. Судя по всему, он не собирается чинить препятствий. А может быть, даже хочет предложить свою помощь? Такое сотрудничество облегчило бы проведение операции. И все-таки Снегин не мог побороть в себе чувство недоверия к далийцам, появившееся после всех происшедших событий. Кроме того, он достаточно проникся далийским духом и понимал, что взамен своего содействия президент попросит оказать некоторые услуги: подобный стиль деловых взаимоотношений был типичен для Даль-Гея. А что, если он по каким-либо соображениям не сможет пойти

навстречу Таигу? Тогда непосредственно в самый разгар действий могут возникнуть серьезные осложнения! Нет, пожалуй, уж лучше рассчитывать на свои силы.

— Я за откровенность, но я гость, — дипломатично проговорил Снегин. — Инициатива должна принадлежать хозяину.

— Что ж, — согласился Таиг, — я к вашим услугам. Чем могу быть полезен?

Момент был благоприятный, и Снегин подумал, что глупо было бы не попытаться сейчас восполнить те пробелы, которые имелись у землян в отношении далийской системы.

— Вы могли бы быть очень полезны с точки зрения далийской социологии. Мы не имеем от вас социальных секретов, в то время как общественная жизнь Даль-Гея для нас полна тайн и загадок, — осторожно сказал он.

— Честно говоря, я ожидал от вас чего-то более простого и материального, вроде просьбы о предоставлении машины. — Президент усмехнулся. — Знаете ли вы, что на каждого третьего президента Даль-Гея совершалось одно или несколько покушений, а каждый четвертый кончал жизнь насильственной смертью? И все это главным образом потому, что они не хотели или не умели хранить тайны. И все-таки я не могу отказать себе в удовольствии удовлетворить ваше любопытство: какие тайны и загадки Даль-Гея вы имеете в виду?

Снегина не обманула внешнее спокойствие президента, он чувствовал его глубоко спрятанное волнение, настороженность и тревогу.

— Самая большая загадка Даль-Гея — экономическая. — Он старался говорить как можно мягче. — Наши специалисты неоднократно и разными методами подсчитывали производственные возможности города. И всякий раз убеждались, что вы производите в два-три раза меньше, чем потребляете. Согласитесь, это похоже на волшебство.

— Если волшебство помогает жить богаче и лучше, что плохого в таком волшебстве? — улыбнулся Таиг. — Однако же вы, очевидно, не обошли этим вопросом наших экономистов? Что говорят они?

— Они говорят, что мы ошибаемся.

— Вот видите, специалисты, посвятившие экономике всю свою жизнь, утверждают, что вы ошибаетесь. Что же остается сказать мне, дилетанту? — Таиг прогнал с лица улыбку. — Я вижу, вы все-таки торопитесь, ленд Сне-

гин, и задержу вас буквально на минуту. Не исключено, что для спасения консула Хаасена вам придется вступить в контакт с гангстерами. Не исключено также, что, волею случая, вы получите доступ к их секретной документации. Так вот, если вы нечаянно станете обладателем документов, изобличающих связь гангстеров с Яр-Хисом, ваш путь к тайнам Даль-Гея сократится в несколько раз. Желаю вам удач.

Снегин поблагодарил и поспешно — подгоняли сроки операции — покинул ложу президента. Было о чем подумать и, может быть, внести коррективы в план действий Ивана Лобова. Кстати, и президентская машина давала в его руки ряд преимуществ. О том, что в этой машине находится не сам президент, а кто-то другой, будет знать ограниченный круг лиц, и, уж конечно, гангстерам об этом не будет известно.

Кратчайшим путем добравшись до космопорта, Снегин загнал машину на стоянку возле самой «Черной звезды» и по бортовому видеофону известил портовое начальство о своем прибытии. Через несколько минут к нему явился чрезвычайно взволнованный начальник вокзала, получивший уже, очевидно, изрядный нагоняй, и принялся многословно и убедительно извиняться. Он ссылался на то, что дипломатический багаж имел соответствующий опознавательный знак лишь на внутренней упаковке и был обнаружен только после того, как досадный казус уже имел несчастье случиться. Снегин прекрасно знал обо всем этом, но счел нужным дотошно расспрашивать начальника вокзала о всех деталях происшествия. Начальник снова извинялся, входил в мельчайшие тонкости этого пустякового дела и, используя подходящий момент, просил ленда полномочного представителя лично объяснить уважаемому президенту, что начальник вокзала лишь исполнял свой нелегкий долг и что виной случившемуся только прискорбное стечение обстоятельств. Эту беседу слушали стоящие несколько поодаль представители городского управления и земного консульства. Причем представители консульства едва сдерживали улыбки и не понимали, зачем Всеволоду понадобилось ломать всю эту комедию. А Снегин, с невозмутимым видом переспрашивая детали им же самим подстроенного происшествия, изнывал от беспокойства.

С момента начала операции прошло уже больше получаса, а Иван не подавал о себе вестей. Снегин психологически как бы раздвоился. Он то ругал Ивана за его чис-

то «лобовское» упрямство и нежелание лишний раз сообщить о себе, когда все идет, как и должно идти, то терзался сомнениями: уже не случилось ли что-то неожиданное? Уж не оступился ли опытный и хладнокровный Иван в самом начале операции? Не пора ли прийти ему на помощь? Конечно, можно самому вызвать Ивана и запросить у него обстановку. Но ведь сейчас первый контакт, ответственный момент операции. Разве вправе он мешать Ивану? Тот сам выйдет в эфир, когда сочтет нужным и как только это окажется возможным.

Расчетное время вышло, истекало резервное, а Лобов все не давал о себе знать. Скрепя сердце Снегин решил подождать еще десять минут. Если за это время Иван не выйдет в эфир, придется всех присутствующих здесь пригласить в «Черную звезду» в знак того, что инцидент исчерпан, а там осмотреться, оценить обстановку и под любым предлогом перерыть этот проклятый бар сверху донизу, даже если ради этого пришлось бы действовать именем президента, тем более что такой веский аргумент, как его личная машина, у всех перед глазами.

Думая обо всем этом, Снегин с такой злостью взглянул на начальника вокзала, что тот поперхнулся и умолк прямо посередине своей витиевато построенной фразы. А вести от Ивана все не было.

Глава 3

Алексей очнулся не сразу. Сначала он почувствовал ноющую головную боль. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что вот совершенно не вовремя разболелась голова. Шевельнулся, понял, что лежит, и ощутил острое беспокойство. Он твердо знал, что не должен был, не имел права лежать. И открыл глаза.

Потолок, серые стены, низкая широкая постель, и он, Алексей Кронин, лежит на ней под грубоватым тонким одеялом. Алексей, отбросив одеяло, сел на постели, с недоумением оглядел свою странную, похожую на комбинезон, одежду. А комната? Узкая, длинная, без окон, никаких удобств, никаких украшений, ничего такого, что радовало бы глаз. Алексей осторожно тронул голову рукой и нащупал мягкую повязку.

Значит, он все-таки ошибся. Когда? Наверное, уже в тот момент, когда отправился посмотреть «Черную звезду»...

Покинув заведение Шпонка, Кронин некоторое время бродил по привокзальной площади, проверяя, нет ли за ним слежки. Ему не составило особого труда заметить атлетически сложенного молодого человека, который неотступно шел за ним на расстоянии нескольких десятков шагов. Кронин провел элементарную проверку: он внезапно и надолго останавливался, резко менял направления движения и окончательно убедился, что дюжий молодчик следует за ним как тень. Кронин задумался. Пожалуй, это могло означать, что Шпонк ведет двойную игру. Вытянув из Алексея кругленькую сумму, он обратился к Лингу и, тоже не бесплатно, сообщил, что некий ленд, недавно прибывший в Даль-Гей, старается его разыскать. Однако вряд ли дело обстоит именно так. Слишком мало времени было в распоряжении Шпонка, разве что сыщики все время наготове сидят в его баре. Да и вообще лопоухий Натти производил впечатление по-своему порядочного и честного человека. Скорее всего, Алексей сам чем-то выдал себя, если только за ним не следят просто потому, что он разместился у Кайны Стан, а за ее домом, возможно, ведется постоянное наблюдение. Как бы то ни было, следовало принять меры предосторожности. И Алексей передал Снегину короткое сообщение, в котором изложил результаты своего посещения «Пристани».

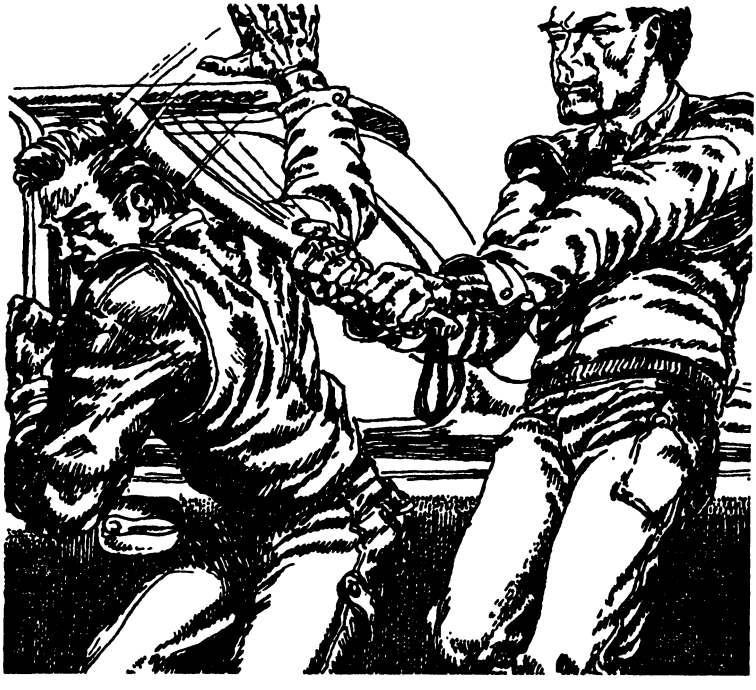
По правилам конспирации, обнаружив за собой слежку, надо сделать все возможное, чтобы оторваться от «хвоста». Раздумывая, как лучше осуществить это, Кронин остановился у огромной витрины, в которой ему было видно отражение улицы. Преследовавший его сыщик имел, очевидно, невысокую квалификацию, потому что он не нашел ничего лучшего, как пройти фланирующей походкой мимо Алексея, потом повернуть и прогуляться в обратном направлении. Кронин смог внимательно рассмотреть его и с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. «Сыщик» оказался инженером с ремонтных эллингов стигмийской базы. Он бывал на «Торнадо» в составе комплексной бригады, которая составляла ведомость на ремонтные работы. Это был, конечно, сопровождающий, которого для безопасности приставил к Кронину Снегин, даже не подумав сообщить ему об этом. Алексей ради шутки хотел подойти к инженеру и поздороваться, но сдержался и с легким сердцем зашагал с надоевшей ему привокзальной площади.

Ему в голову пришла мысль пойти и посмотреть, что представляет собой «Черная звезда» и ее хозяин. Ведь рано

или поздно все равно придется производить рекогносцировку. Разве не лучше сделать это сейчас, тем более что у него такой великолепный сопровождающий. Даже разумно посетить «Черную звезду» немедленно, пока Линг не успел пронюхать, что его разыскивают какие-то неизвестные личности. В общем, убедить себя в том, что посещение «Черной звезды» необходимо, а Снегина уведомлять о такой ерунде не обязательно, оказалось совсем не трудно.

С ближайшего видеофона Кронин позвонил в справочное бюро и уточнил, где находится «Черная звезда». Как и говорил Шпонк, бар этот располагался на Лин-Дорт, совсем недалеко от привокзальной площади, и через какие-нибудь десять минут Кронин был уже у цели. Стоя на пороге, Кронин некоторое время колебался — войти ли в зал и, заказав что-нибудь, потолковать с жабообразным хозяином или просто уйти, сделав вид, что бар пришелся ему не по душе. В конце концов Алексей мудро решил, что осторожность еще никогда не вредила серьезным де-

лам, а поэтому повернулся на каблуках и неторопливо зашагал по улице к ближайшей остановке электробуса или стоянке такси — все равно.

Пройдя сотню-другую метров, Кронин оглянулся и не обнаружил своего сопровождающего. Это его удивило, но не насторожило. Вполне возможно, что Снегин просто-напросто отозвал «сыщика», чтобы не нервировать Алексея. Всеволод ведь не знал, что сопровождающий «разоблачен».

А дальше события развернулись с неожиданностью случайного выстрела.

С проезжей части дороги свернула и приткнулась к тротуару большая роскошная машина золотистого цвета. Дверца ее распахнулась, на тротуар выскочила тоненькая девушка и бросилась было бежать. Но в последний момент из автомобиля высунулась длинная рука, ухватила девушку за широкий пояс и потащила обратно. Девушка отчаянно отбивалась и кричала: «Не хочу! Оставьте! Помогите», но прохожие лишь ускоряли шаг, делая вид, что

ничего не замечают или что, по крайней мере, это их совсем не касается.

Кронин не успел ни подумать, ни оценить ситуацию, как оказался рядом с машиной в тот самый момент, когда девушку уже втаскивали обратно, только руки ее еще отчаянно цеплялись за что попало, мешая закрыть дверцу. Алексей наклонился, чтобы помочь ей, и в тот же миг тяжелый удар обрушился на его темя...

Осторожно ощупывая голову, Кронин слабо улыбнулся. Ему еще повезло: такой удар мог запросто раскроить череп. Повезло! Особенно если учесть, что часы-перстень, с помощью которых можно было бы выйти на связь со Снегиным, исчезли бесследно.

Легкий скрип заставил его оглянуться. Дверь камеры отворилась — а что это была своего рода тюремная камера, в этом не было никакого сомнения, — и вошел худенький человек среднего роста с большой лохматой головой и темными грустными глазами. Секунду он смотрел на Алексея, о чем-то размышляя, затем прикрыл за собой дверь.

— Проснулись?

Подошел ближе, пододвинул табурет и сел возле постели.

— Да-да, вы спали, — подтвердил он. — Легкий наркоз. А голова так, пустяки. Стиг мастер своего дела.

Кронин молча смотрел на вошедшего. Тот продолжал:

— Вы лежите. Я сказал, что у вас тяжелое сотрясение мозга и что по крайней мере сутки вам нужно, чтобы более или менее прийти в себя. Так что, если не случится ничего экстраординарного, тревожить вас пока не будут. — Он передернул худыми плечами и, очевидно, для убедительности ткнул длинным тонким пальцем в грудь Алексея. — Лежите, я вам сказал.

Так и не произнеся ни слова, Алексей послушно лег. Худенький человек заботливо прикрыл его одеялом.

— Вы удивлены, что я проявил о вас заботу? Меня попросил об этом один уважаемый человек. Я ему многим обязан. А кроме меня, врачей здесь нет, я ничем не рискую.

— Вы — врач? — спросил Кронин.

Грустный человек сморщил в улыбке лицо.

— С вашего позволения, врач — и тюремщик по совместительству. — И без всякого перехода спросил: — Есть хотите?

Кронин молча покачал головой.

— Нет, — констатировал грустный человек. — Что ж, это совершенно естественно: у человека, которого бьют по темени, редко бывает хороший аппетит. Но если вам захочется есть, пить или еще что-нибудь, нажмите вот эту кнопочку и позовите Сайна. Сайн — это я. — Он вздохнул и потер пальцем кончик носа. — Может быть, у вас есть ко мне какие-нибудь просьбы?

— Где я?

Лицо Сайна приняло многозначительное выражение.

— О, вы находитесь в одном из самых экзотических мест Даль-Гея. По-моему, вы попали именно туда, куда стремились. Правда, несколько иным путем. — Он захихикал, но, увидя напряженный взгляд Кронина, осекся. — Можете быть спокойны, пока все идет как нельзя лучше. Стигу даже попало за то, что он поторопился и действовал так грубо, лишив вас, так сказать, дееспособности. А ваши пять тысяч фаргов Линг реквизировал. Говорит, это как раз плата за помещение, пищу и лечение. Он большой шутник, этот Линг.

Кронин понял, что он действительно попал как раз туда, куда стремился.

— Черт возьми!

— Я вижу, вы не чрезмерно огорчены превратностями судьбы, — одобрительно заметил Сайн. — И не теряете бодрости духа. Правильно! Философское отношение к радостям и неудачам — вот фундамент здорового существования. Скажем, каких только фокусов не выкидывала со мной судьба. Подающий надежды молодой ученый, чернорабочий на копях Каралы, борт-врач большого космического лайнера. А по существу? Все тот же неунывающий Сайн!

Кронин улыбнулся, разглядывая бледную физиономию этого бодрящегося человека.

— А сюда как вы попали? — почти машинально спросил он.

— Представьте себе, самым естественным образом. Ведь и гангстеры иногда болеют. Между нами говоря, их, конечно, гораздо чаще простреливают, прокалывают, травят и так далее и тому подобное. Но дела это не меняет, врач им все равно нужен. — Сайн весь как-то сник, — особенно такой, который по недоразумению попался на пустяковой контрабанде. — Он вдруг встал, поправил одеяло. — Отдыхайте, набирайтесь сил. — Помедлил и вкрадчиво спросил: — Может быть, у вас будут ко мне какие-нибудь поручения?

Кронин насторожился.

— Что вы имеете в виду?

Сайн развел руками:

— Откуда я могу знать ваши планы? Но я рассуждаю примерно так: человек прилетел издалека, со Стигмы, по делам солидной фирмы. И вместо того чтобы действовать, он лежит на койке. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — равнодушно сказал Алексей. Он теперь никому не доверял в этом подлом мире.

Сайн некоторое время ожидающе присматривался к нему.

— Что ж, отдыхайте. — Он опять погладил кончик носа, достал из кармана старый мятый журнал и положил на постель. — Вот, посмотрите на досуге. А если я понадоблюсь, нажмите кнопочку и негромко скажите: Сайн. И буквально через минуту я буду к вашим услугам.

Уже у самой двери он остановился и повторил:

— А журнальчик вы посмотрите. Там есть вещи, которые определенно вас заинтересуют. А как посмотрите, бросьте его в утилизатор, он у вас под кроватью. Чтобы не было лишних разговоров. А то, знаете, у человека тяжелое сотрясение мозга, а он журналы читает. Нелогично, верно?

Сайн скрылся за дверью. Намеки его были столь прозрачны, что Кронин сразу взял журнал и стал его просматривать. Это было типичное дальгейское издание: мало текста, много красочных иллюстраций и чрезвычайное обилие обнаженной женской натуры. Алексей никак не мог понять, что он мог почерпнуть из этого более чем двухгодичной давности журнала, однако продолжал внимательно рассматривать каждую страницу. И вдруг кровь бросилась ему в лицо.

С красочной фотографии на него смотрел экипаж «Торнадо». Самым крупным планом был изображен он, Алексей Кронин. И рядом стоял крохотный знак вопроса.

Глава 4

Круглое черное дуло пистолета в упор уставилось на Лобова.

— Руки — за голову, — сказал Стиг.

Лобов медлил.

— Ну!

Палец Стига плавно потянул спусковой крючок, и Лобов нехотя повиновался.

— А теперь встаньте. К стене. Ближе, еще ближе. Вот так! — Голос Стига звучал незлобиво, почти доброжелательно. — Без фокусов. С такого расстояния я стреляю без промаха даже с завязанными глазами.

Лобов хмуро сказал:

— По-моему, я вел с вами честную игру.

Стиг засмеялся.

— Та игра закончилась, уважаемый ленд. Теперь мы начнем другую. Старую продолжим, когда я уверюсь, что вы не землянин.

Лобов пожал плечами:

— Как вам могла прийти в голову такая глупость?

— Да вот пришла! — Тень ненависти скользнула по лицу Стига, а в голосе зазвучали жесткие нотки. — Человек, который вам нужен, искал Хаасена, консула этого змеиного гнезда, что разместилось в нашем городе.

— И что же из этого следует? — спросил Лобов.

— Принимаете меня за простачка? Напрасно.

Лобов сделал легкое движение.

— Не шевелиться! — И, выдержав паузу, Стиг доверительно пояснил: — Не надо вольностей, ленд. Я не могу рисковать. А дыра с кулак величиной вряд ли украсит вашу шкуру.

Лобов усмехнулся:

— А вы пугливы...

— Что поделаешь, — проговорил Стиг, — профессиональная привычка.

— Я просто хотел показать документы, которые сразу убедят вас, что я такой же землянин, как и вы.

Стиг иронически скривил рот:

— Документы! Разве землянам, которые запросто шарят по всей Галактике, трудно изготовить любые документы? Да я и не удивлюсь, если вы предъявите мне бумажку, где будет написано, что вы — президент Дальга. Уж очень похожими создал нас Господь Бог. Наверное, у него было хорошее настроение, вот он и решил пошутить. Но шутки шутками, а бывают случаи вроде нашего, когда надо точно знать, с кем имеешь дело — с далийцем или землянином. Год назад доктор Рикс придумал пробу, с помощью которой сразу можно разобраться в этом деле. Подумайте, какая-то дурацкая проба! Неужели из-за этого мы будем портить отношения?

Не спуская глаз с Лобова, Стиг шагнул назад, свободной рукой нащупал какую-то кнопку под крышкой стола и сказал, слегка повысив голос:

— Рихтуша, организуй все, что нужно для пробы.

После некоторой паузы голос Рихта пропищал:

— Я тебе не мальчик на побегушках. Пришлю Малька, с ним и организовывай.

Стиг нетерпеливо перебил его:

— Не будем ссориться по пустякам, Рихтуша. Разве можно доверить Мальку шприц? Он может проколоть нашего гостя насквозь. У нас же будут неприятности.

— Ну ладно, — сдался Рихт. — Сейчас приду.

Стиг отошел от стола, остановился напротив Лобова и, глядя ему прямо в глаза, с сожалением проговорил:

— Как портятся люди на старости лет! Говорят, в молодости Рихтуша был лихим парнем, а теперь чуть что — и он готов наделать в штаны. Потерпите немного, ленд. Сейчас он явится, мы возьмем капельку крови из вашего пальчика и впрыснем ее в пробирку с сывороткой. Если сыворотка останется бесцветной, то я от всей души извинюсь перед вами и мы продолжим увлекательную беседу. Ну, а если сыворотка покраснеет, с вами побеседуют в другом месте и совсем в другом стиле. — Он склонил голову набок. — Ленд, кажется, нервничает?

Стиг не ошибся. Хотя проба Рикса и была предусмотрена планом операции, Лобов нервничал. Полгода назад Туру Хаасену после значительных усилий удалось раздобыть флакон сыворотки Рикса. Медики центральной базы детально изучили ее и, в частности, установили, что любому землянину может быть сделана безвредная прививка, которая на два месяца обеспечит ему чисто далийский тип реакции. Открытию этому тогда не придали никакого значения, и оно осталось известным лишь узкому кругу специалистов. Однако при разработке операции оно было извлечено из архивов одним дотошным экспертом и обсуждено на совете. Естественно, прививка была сделана всем участникам операции, которые должны были нелегально работать в Даль-Гее, в том числе Лобову и Кронину. Вот почему у Ивана, казалось бы, не было никаких оснований волноваться. Однако одна фраза Стига заставила Ивана насторожиться. Он хорошо знал, что проба Рикса на далийцах вызывает покраснение сыворотки, а Стиг изложил дело наоборот! Скорее всего, это сознательная провокация, что совершенно в духе и стиле далийцев. Но где гарантия, что за это вре-

мя Рикс не обнаружил другую, более тонкую реакцию с обратным изменением цвета сыворотки? Возможно, Алексей исчез именно потому, что проба Рикса кончилась для него неудачей.

Действовать надо было наверняка. Иван внутренне сосредоточился, напрягся. И когда Стиг, скосив на дверь глаза, на мгновение потерял его из виду, Иван сделал стремительный, годами тренировок отработанный бросок.

Еще в полете, распластавшись в воздухе, как птица, Лобов сильным скрещивающимся ударом обеих рук вышиб тяжелый пистолет из кисти Стига. Пистолет отлетел далеко в сторону, а Лобов всей тяжестью своего тела обрушился на Стига, сбил его с ног и вместе с ним покатился по ковру. Стиг оказался великолепным борцом: сгруппировавшись еще в падении, он легко перекатился через голову и оказался на ногах в тот момент, когда Иван, бывший в менее выгодном положении, успел подняться лишь на четвереньки. Шагнув вперед, Стиг хотел нанести Лобову удар носком своего тяжелого ботинка. Промедли Иван — и все было бы кончено. Но в последний момент он перехватил ногу противника и с силой рванул вверх. Стиг снова полетел на ковер. Перекатившись через плечо, он попытался вскочить на ноги, но было уже поздно. Лобов оказался рядом и не сильно, но точно ударил Стига ребром ладони по основанию черепа, за ухом. Тот мешком рухнул на ковер.

Лобов кинулся к пистолету, подобрал его, подбежал к двери и прижался к стене возле нее. Он успел вовремя. Не прошло и десяти секунд, как дверь открылась и в комнату с хмурым, недовольным лицом вошел Рихт, держа в левой руке небольшой чемоданчик. Лобов приставил пистолет к его спине.

— Спокойно, иначе стреляю.

Ошеломленный, Рихт выронил чемоданчик, без всякой команды торопливо вздернул руки вверх и издал неопределенный не то икающий, не то всхлипывающий звук. Только теперь он заметил лежащего без движения Стига.

Толкнув Рихта дулом пистолета (хозяин бара при этом вжал голову в плечи), Лобов приказал ему сделать три шага вперед, а сам ногой захлопнул дверь и щелкнул внутренним запором. Прислонившись к двери, Иван вытер лицо рукавом и постоял так несколько секунд. Затем подошел к Рихту вплотную, обыскал его и вытащил из заднего кармана брюк небольшой, но тяжелый,

крупнокалиберный пистолет. Сунув его себе за борт куртки, он отступил в сторону и спокойно сказал:

— А теперь опустите руки, Рихт. И присаживайтесь вон на тот диванчик.

Рихт опустил руки, повел плечами, разминая их, покосился на Лобова и жалобно пропищал:

— Я так и знал, что рано или поздно случится что-нибудь такое. — И послушно занял указанное ему место.

Теперь, когда Лобову было удобно следить сразу за обоими, он направился к Стигу. Тот лежал в прежней позе, ничком, повернув голову набок и прижавшись щекой к ковру. В двух шагах от своего противника Иван остановился. Он знал, что нанесенный Стигу удар вызывает мгновенную потерю сознания, но секунд через десять человек быстро приходит в себя, словно просыпается, не испытывая, как правило, никаких неприятных ощущений. Однако эти десять секунд давно истекли, а Стиг не шевелился и вообще не подавал признаков жизни. Вот почему Иван не стал сразу осматривать Стига (он был убежден, что у него припрятан и второй пистолет), а остановился поодаль.

Очень скоро он убедился, что его опасения более чем обоснованны: ресницы Стига легонько, почти незаметно подрагивали.

— Не валяйте дурака, Стиг. Поднимайтесь и побеседуем.

Но Стиг продолжал лежать, решив, очевидно, сыграть свою роль до конца. Он был опытным человеком в таких делах и знал, что в рискованных ситуациях иногда проходят самые глупые и наивные трюки. Лобов из предосторожности отошел немного назад.

— Рихт, — скосил он глаза на хозяина бара, — помогите своему приятелю.

Рихт послушно поднялся с дивана и подошел к лежащему Стигу, бормоча:

— Приятель! Будь у меня всегда такие приятели, я бы давно ковырял землю на рудниках Стигмы.

Лобов мысленно улыбнулся этой попытке многоопытного Рихта откреститься от своего коллеги. Когда Рихт оказался рядом со Стигом, Лобов сказал ему негромко и внятно:

— Обыщите его и передайте мне оружие. И поймите, мне терять нечего.

— Я это понял еще тогда, когда угощал вас холодным молочком, — глубокомысленно заметил хозяин бара. —

А когда перестану разбираться в таких делах, то по дешевке сплавлю свое заведение. — И, обернувшись к Стигу, сказал: — Давай без глупостей, а?

Он неловко — мешал живот — опустился перед неподвижным телом на колени, вздохнул:

— А обыскивать его ни к чему. Знаю я, где его ляммер. — Рихт очень ловко извлек из одежды Стига пистолет, покосился на Лобова и точным движением, которое казалось невозможным для его коротких рук, перебросил ему оружие.

Иван поймал его, сунул в карман, усмехнулся:

— Я скоро буду похож на ходячий арсенал.

Рихт поднялся с колен и жалобно пропищал:

— Да хватит тебе, Стиг, вставай.

А сам, не дожидаясь указаний, молча направился к своему дивану.

Стиг, шумно вздохнув, шевельнулся, сел на ковре, исподлобья взглянул на Лобова и хмуро сказал:

— Ладно, ваша взяла. Что прикажете?

— Садитесь рядом с Рихтом, отдохните.

— Я уже отдохнул.

Но все-таки он поднялся на ноги, оглядел Лобова с головы до ног и сказал с искренним сожалением:

— А я вас недооценил. Может быть, сыграем еще раз? Хоть не всерьез, без пистолетов?

— Сыграем, — пообещал Лобов. — Но вам придется подождать, пока я закончу свои дела.

— Подожду.

Когда Стиг занял свое место на диване, Лобов присел на край стола напротив них.

— Продолжим разговор. Где тот человек, голографию которого я вам показывал?

Стиг и Рихт переглянулись. У Лобова стало нехорошо на душе. Он, конечно, верил свидетельству Кайны Стан, но кто знает, что могло произойти с Алексеем за последние часы?

— Вот что, — сказал Стиг, — из уважения к игрушке, которую вы держите в руке, могу сказать, что приятель ваш жив, здоров и находится в безопасности.

— Почти здоров, — поправил Рихт.

Лобов настороженно взглянул на него.

— У него легкое сотрясение мозга, — с улыбочкой пояснил Стиг. — Он оказался не таким проворным, как вы.

Лицо Лобова не предвещало ничего хорошего, и Рихт торопливо добавил:

— Через два дня он будет на ногах, можете мне поверить.

— Что поделаешь, — вздохнул Стиг, — ему не повезло. Ведь и я мог оказаться в его положении. От нас вы больше ничего не узнаете. — Он кивнул на пистолет. — И эта штука вам не поможет, ленд. Нам все равно придется познакомиться с ней, если мы скажем еще хоть слово.

— Это истинная правда, — закивал Рихт.

Лобов задумался, потом решительно сказал:

— Но если вы не придумаете, как помочь мне, вам придется познакомиться с ней наверняка.

— Почему же не придумаем? — горячо сказал Рихт и взглянул на Стига. — Да тут и придумывать-то нечего! Вам надо встретиться с патроном.

Стиг согласно кивнул:

— Здесь всего-навсего проверочная инстанция. Но без пробы Рикса по вашему хитрому делу отсюда и шагу нельзя сделать.

Лобов сказал с усмешкой:

— Если бы вы не совали мне под нос свой пистолет, она бы уже давно была сделана.

— Я говорил ему об этом, да что уж тут поделаешь, если Стиг жить не может без того, чтобы не помахать пистолетом, — вздохнул Рихт.

— У каждого из нас есть свои недостатки, — процедил Стиг, разглядывая Лобова. — Так как же насчет пробы, ленд?

Лобов пожал плечами.

— Если без нее нельзя, так в чем же дело? Давайте сюда все, что нужно, да поставьте вон на тот столик, подальше, чтобы у Стига соблазна не было.

Когда Рихт закончил приготовления, Лобов сам себе сделал пробу. Он показал пробирку с покрасневшей сывороткой, водрузил ее обратно на штатив и вернулся на свое место, к столику.

— Ну, удовлетворены?

Рихт воспринял все как должное, а вот Стиг смотрел на Ивана с явным недоумением.

— Какого же дьявола вы тогда затеяли эту дурацкую драку?

— Откуда я знал, что у вас на уме? — резонно спросил Лобов.

У Стига сузились глаза.

— Да я же мог пристрелить вас!

— А я чуть не сделал этого.

Стиг захохотал.

Иван смотрел на его смеющееся, красивое лицо и чувствовал, что в глубине души не испытывает к Стигу прежней ненависти. Лобову импонировали его незлобивость, самообладание, склонность к юмору даже в рискованной ситуации. Если бы Стиг своевременно попал в хорошую среду... Тут Лобов оборвал размышления. Сентиментальность может неимоверно дорого стоить в этом фальшивом мире. Он просто устал, перенервничал.

— Что еще нужно, чтобы встретиться с вашим патроном? — спросил он.

Стиг шевельнул бровью.

— Документы, естественно. Ну, и некоторые дополнительные устные сведения.

— Таков порядок, ленд, — солидно подтвердил Рихт.

Лобов молча достал бумажник, вынул оттуда удостоверение на имя Ивви Лонка, доверенность от фирмы «Нун» на ведение дел, билет на космолайнер от Стигмы до Даль-Гея с пометкой таможни и протянул Рихту.

— Будьте любезны, — сказал он вежливо, — передайте все это вашему приятелю.

Стиг, принимая документы, ухмыльнулся.

— Напрасно опасаетесь меня, ленд. Та игра, в которой я подозревал вас землянином, закончена. Теперь идет другая. Говорить будут не пистолеты, а фарги. Не так ли, Рихтуша? — И прищурился. — Может быть, все-таки вернете мне пистолетик? Неловко как-то, ведь я при исполнении обязанностей.

Лобов высыпал из пистолета патроны и швырнул его Стигу. Тот поймал пистолет на лету.

— Спасибо и на этом.

Документы Стиг просматривал неторопливо, чувствовалось, что это для него хорошо знакомое дело.

— От фирмы «Нун»? — не без удивления спросил он, снова и снова пересматривая документы. Лобов молча кивнул.

— Той самой, что поставляет нейтрид?

— Той самой.

Стиг покосился на Рихта, снова перевел взгляд на Лобова.

— Зачем же вы затеяли эту дурацкую игру втемную? «Нун» — это же имя! Фирма!

— Может быть, именно поэтому меня и просили по возможности не афишировать свою причастность к ней.

Стиг посмотрел на него с сомнением.

— И вы прибыли с единственной целью — отыскать того приятеля, что изображен на снимке?

— Моя главная задача — встреча с Хаасеном, консулом землян, который, как мы предполагаем, находится у вашего патрона. Приятель просто подготавливал для меня почву. Но это вовсе не значит, что я брошу его в беде. Напротив!

Рихт и Стиг многозначительно переглянулись. При этом лицо хозяина бара достаточно ясно говорило: «Ну, а я что тебе все время втолковывал?» Тяжело вздохнув, Рихт жалобно посмотрел на Лобова.

— Скажите по совести, ленд, нужен я вам еще здесь? Скоро обед, у меня куча дел, положение определилось. Да и кажется мне, что Стигу непременно захочется потолковать с вами без свидетелей.

Лобов улыбнулся. «Чем я, собственно, рискую? Все равно рано или поздно придется предоставить им свободу. Лучше все это сделать на уровне самых доброжелательных отношений».

— Что ж, займитесь своим обедом, — сказал он.

— Благодарю, ленд, — проникновенно пропищал Рихт.

Оставшись с Лобовым наедине, Стиг откинулся на спинку дивана и некоторое время разглядывал его. Лобов, решивший, что он и так уж достаточно ускорил события, терпеливо ждал.

— Итак, представитель фирмы «Нун», — вслух констатировал Стиг. — Каковы ваши полномочия?

— Самые широкие, — не задумываясь, ответил Лобов.

Стиг потер рукой за ухом.

— В отношении мордобития?

— Почему же, — в тон ему сказал Лобов, — в финансовом тоже.

— Вы не боитесь, что вас прихлопнут вместе с этими полномочиями?

Лобов спокойно ответил:

— Во-первых, это не так просто сделать. А потом, наличными со мной не так уж много, чтобы из-за этого портить отношения с фирмой.

— Вы умеете делать дела, — резюмировал Стиг.

— А вы полагали, что фирма пошлет сюда дурака?

Стиг рассмеялся. Лобов чувствовал, как постепенно завоевывает если не доверие, то расположение своего собеседника.

Это было и смешно, и грустно.

— Конкретно. — Стиг хлопнул себя по колену, — что вам нужно?

— Мне нужен обстоятельный, желательно конфиденциальный разговор с Хаасеном. Это — главное. Ну и, естественно, я должен забрать с собой коллегу, который обеспечивал мои действия.

— Я полагаю, — задумчиво сказал Стиг, — что если вы встретитесь с патроном и не пожалеете фаргов, то это вполне реально. Все дело в том, чтобы встретиться с патроном.

Он выжидательно смотрел на Лобова и легонько похлопывал себя по колену. Иван достал бумажник.

— Сколько?

Стиг шевельнул бровью.

— Если учесть, что я подвергался нападению и потерпел определенный физический ущерб, то сумма в четыреста фаргов вряд ли покажется чрезмерной.

Лобов сделал вид, что колеблется.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но сделаем это так: двести фаргов сейчас, а двести после того, как дело будет закончено.

Стиг кивнул:

— Будь по-вашему. — Небрежно засовывая деньги в карман, полувопросительно сказал: — Я полагаю, что патрону вовсе не обязательно знать ни о нашем конфликте, ни о нашей сделке.

— А Рихт?

Стиг заговорщически подмигнул:

— Старину Рихта я беру на себя. — И задумался, поглаживая подбородок. — Ума не приложу, как вас доставить к патрону. Я, так сказать, на дежурстве. Рихт для этого не годится. Он вообще ужасно не любит ходить к патрону в гости.

— Скажите адрес, я найду сам, — предложил Лобов.

Стиг захохотал:

— Может, дать визитную карточку патрона? — И, перестав смеяться, добавил: — Нет уж, подождите, пока я освобожусь. Отдохните с дороги. Если вам скучно, могу познакомить с шикарной девчонкой.

Лобов не успел ничего ответить. В дверь деликатно постучали, потом она приоткрылась, и в комнату заглянул Рихт.

— Тика здесь, — сообщил он. — Что будет для патрона? Может быть, пригласить ее сюда?

— Конечно, зови! — живо сказал Стиг. Когда Рихт закрыл дверь, он развел руками: — Везет вам, Ивви Лонк. Не возражаете, если я дам в провожатые даму?

Лобов пожал плечами:

— Почему я должен возражать?

Стиг засмеялся, словно Лобов удачно сострил.

— Конечно, откуда вам знать Тику. На нее ведь как накатит, только... — Стиг запнулся, покосился на Лобова и как-то неопределенно закончил: — Впрочем, вы парень что надо. Сами разберетесь, что к чему.

Лобов хотел поинтересоваться, в чем ему, собственно, нужно разбираться, но дверь снова отворилась, и в комнату вошла девушка.

Глава 5

Лобов не сразу понял, что это и есть Тика. По неясным намекам Стига Тика почему-то представлялась ему этакой атаманшей, грубоватой, крепкой девицей немалого роста, с волевым лицом и решительным взглядом. А в комнату скромно вошла и встала, опустив голову, тоненькая девушка, затянутая в короткое, выше колен, платье. На миг из-под ресниц вызывающе взглянули на Лобова зеленые глаза, но ресницы тут же опустились.

— Тика, — без всяких вступлений сказал Стиг, из чего Лобов заключил, что они уже виделись, — ты не согласишься проводить этого ленда к патрону? У него серьезное дело.

Девушка бросила быстрый, оценивающий взгляд на Лобова и перевела глаза на Стига.

— Хорошо, я провожу его. Переоденусь только.

Она снова, теперь уже внимательно, оглядела Лобова с головы до ног и, повернувшись на каблучках, вышла из комнаты.

Лобов вопросительно взглянул на Стига.

— У нее это быстро... — развязно начал тот, но, видимо, передумал и уже другим тоном сказал: — Уж очень красива, чертовка. Парни как увидят, так и липнут к ней. И, само собой, получаются из-за этого одни неприятности.

Красива? Лобов постарался припомнить, как выглядит Тика, и решил, что в принципе со Стигом можно согласиться. У девушки были правильные черты лица, безупречное сложение, великолепные волосы. Но в ней было что-то искусственное.

— Это не родственница ваша?

— Родственница! Сразу видно, что вы со Стигмы. Надо же такое придумать! Что у нас, первобытное общество, чтобы знать, кто тебе родственник, а кто нет?

Лобов знал, что родственные отношения в Даль-Гее не в почете, но не подозревал, что это выражается в такой крайней форме. Впрочем, может быть, это характерно лишь для гангстерской среды?

Когда Тика вернулась в комнату, Стиг наморщил лоб, разглядывая ее с откровенным сомнением.

— Тебе бы одеться попроще, — нерешительно посоветовал он, — а то опять влипнешь в какую-нибудь историю.

Тика презрительно взглянула на него.

— Что же мне, скафандр носить из-за всяких скотов?

Стиг захохотал. Лобов тоже улыбнулся, представив себе девушку в скафандре на Лин-Дорт. Тика рассерженно топнула ножкой.

— Вы еще долго намерены рассиживаться тут и скалить зубы?

Иван поднялся со стула.

— Я готов.

Выйдя из бара, Лобов зажмурился — таким ярким показалось ему солнце, светившее с безоблачного голубого неба. Оно было не белым, как солнце Земли, а оранжевым, поэтому, хотя солнце стояло уже высоко, казалось, что еще раннее утро. Теперь, когда нервное напряжение спало, Лобов обратил внимание, на каком выгодном месте расположилась «Черная звезда». Вокруг нее теснились небоскребы. Непосредственно перед баром на разных уровнях пересекались ленты автострад и изогнутые рукава соединительных путепроводов, забитые электробусами и машинами разных марок. Они мчались во всех направлениях, с натужным гудением карабкались вверх, неслышно скатывались вниз — в общем, здесь легко можно было затеряться и запутать следы.

Лобов скользнул взглядом по пестрой толпе и вдруг замер. Совсем рядом на стоянке машин, облокотившись на матовый кузов роскошного черного автомобиля, в небрежной позе стоял Снегин. Слабый ветерок шевелил его белые волосы. К нему в почтительной позе склонился какой-то работник космопорта — это было видно по его форменной фуражке — и что-то объяснял. Чуть поодаль стояла группа людей, среди которых, как определил Лобов, были и далийцы, и работники консульства. «Не выдержал, примчался на выручку», — тепло подумал

Иван, представив, что пережил Снегин, когда он, Лобов, так же, как Алексей, исчез в этом баре.

— Вы всегда так таращитесь по сторонам? — насмешливо прозвучал голос Тики.

Иван обернулся и встретил ее испытующий взгляд.

— Да вот солнце... — нашелся он. — Заходил в бар — накрапывал дождь. А сейчас светит солнце.

— А вы думали, что днем при ясном небе вас будут освещать прожекторами? — Тика пошла вперед, бросив через плечо: — Постарайтесь не отставать, уважаемый ленд.

Девушка двигалась быстро, ловко лавируя между многочисленными пешеходами.

Они прошли по оживленной привокзальной площади не более ста метров, потом Тика круто свернула влево и за углом дома юркнула в тоннель. Лобов едва успел вскочить за ней на быстроходный эскалатор, покачнулся, потеряв равновесие, и не без труда удержался от падения. С этого эскалатора они перескочили на другой, еще более быстроходный. Лобов теперь был предельно внимателен и лишь чуть покачнулся. Тем не менее Тика насмешливо спросила:

— Откуда вы свалились?

— Свалился? — не понял Иван.

— Да, свалились, — язвительно подтвердила она.

Теперь Лобов догадался, что имеет в виду это существо, говорящее как будто бы на знакомом, но в то же время не всегда понятном языке.

— Я прилетел со Стигмы. В Даль-Гее первый раз.

Она фыркнула:

— Это и видно. — И после небольшой паузы спросила все в том же тоне: — А к Лингу зачем?

Сердце у Лобова екнуло. Он не ошибся, они идут к таинственному и могущественному Лингу, стоящему вне закона и творящему все, что ему заблагорассудится. Но что ответить на вопрос Тики? Он покосился на девушку и осторожно ответил:

— У меня к нему дело.

— Серьезное?

— Очень серьезное. — Лобов поколебался и добавил: — К тому же чисто мужское.

— Вот как? Ну что ж...

Тика сказала это как будто равнодушно, но в ее голосе Лобову почудились странные нотки — не то угроза, не то сожаление.

Они перебрались на другой эскалатор. Вскоре он начал круто подниматься вверх и в конце концов лениво вынес их в глубокое узкое ущелье, образованное двумя рядами мрачных высоченных домов, стоящих почти вплотную друг к другу.

Несмотря на то что время уже приближалось к полудню, здесь царил полумрак, кое-где горели фонари, и не только у земли, но и вверху, на уровне десятого этажа. Как догадался Лобов, там проходил второй ярус этой мрачной улицы. Тика шагала быстро, каблучки ее туфель ритмично постукивали по крупным плитам мостовой. Высоко над головой, точно неведомая река, синело небо. Прохожих было немного, и все они, как заметил Лобов, старались держаться середины мостовой. Мрачные стены, редкие окна и двери, иногда очень скромно оформленные витрины бесплатных столовых. И ни одного витого знака фарга. Иван еще раз огляделся вокруг и спросил, догадываясь, куда они забрели:

— Это портовые кварталы?

— Портовые, — подтвердила Тика. — А говорите, что первый раз в Дальге.

— Интуиция, — рассеянно ответил Иван.

Пройдя еще немного, Тика вдруг резко сбавила шаг, на ее лице появилось странное выражение. Проследив за ее взглядом, Лобов заметил группу мужчин, выхваченную из темноты снопом яркого света, падающего из открытой двери. Чуть позже Лобов услышал приглушенные звуки ритмичной музыки, будто по каплям льющиеся в тишину, заметил над открытой дверью вьющийся знак фарга и понял, что это бар, первый платный бар, попавшийся им в этих кварталах. Возле открытой двери в небрежных позах стояли четверо молодых людей, одетые в светлые куртки и в полосатые расклешенные брюки. Они преувеличенно громко разговаривали, гоготали и, по всей видимости, отлично чувствовали себя в этом полутемном мрачном ущелье.

Тика испытующе взглянула на Лобова.

Иван подумал, что разумнее всего обойти молодых людей стороной, однако Тика шла прямо на них с таким независимым и уверенным видом, что он решил положиться на ее опыт и ничего не предпринимать — не зря же Стиг дал ему эту девицу в провожатые.

Когда до компании оставалось всего несколько шагов, парни разом примолкли и повернули головы в сторону Лобова и Тики. Против ожидания, лица у них были не

веселые и даже не оживленные, а подчеркнуто равнодушные, даже сонные. Парни были совсем молодые, откормленные, но наметанный взгляд Лобова приметил, что фигуры у них сырые, с лишним жирком. Лишь один выделялся жилистой тренированной шеей.

Коротыш с жирной физиономией, стоящий у самых дверей, громко заржал, но как-то разом, словно сам испугался своего гогота, умолк. В самый последний момент Тика вдруг прибавила шагу и оказалась чуть впереди своего спутника. Этого оказалось достаточно, чтобы компания, расступившись, пропустила ее и снова, словно ненароком, сомкнулась, преградив Лобову дорогу и представив ему для обозрения свои сонные физиономии. Иван остановился. Он уже догадывался, какое приключение его ожидало, но ему еще не верилось, что эта девушка способна на такое вероломство. Сделав еще несколько шагов, Тика остановилась, с независимым видом упершись в бедро рукой.

— Ленд куда-нибудь спешит? — спросил жилистый, глядя сквозь Лобова пустыми глазами.

Иван молчал, оценивая ситуацию. Что это, проверка?

— Да, я куда-то спешу, — ответил он, выгадывая время.

— Он спешит, — сообщил жилистый всей остальной компании таким тоном, словно изрекая что-то дотоле неизвестное и очень занимательное.

Парень с жирной физиономией опять заржал и умолк, точно ему заткнули рот. Лобов взглянул на него с откровенным любопытством. Глаза у парня были голубые, выпуклые, в них светилось нахальное любопытство и ожидание чего-то забавного. Он смотрел на Лобова так, как будто тот был не человек, а музейный экспонат, выставленный на всеобщее обозрение. Иван с облегчением подумал, что вряд ли такого болвана стали бы посылать на серьезное дело, но в то же время он почувствовал, как в нем закипает злость к этим карикатурам на людей. Он посмотрел на жилистого и спокойно повторил:

— Да, я спешу. И, как видите, меня ждут.

— Ждут? Вас? — почему-то удивился жилистый и с церемонной медлительностью обернулся к Тике. — Вы его ждете, ленни?

— А вы разве не видите? — насмешливо ответила Тика, постукивая каблучком туфельки.

Жилистый так же медленно обернулся к компании.

— По-моему, этот вопрос надо обсудить более детально, — доверительно сообщил он. — Я потолкую с милашкой, а вы займите разговором уважаемого ленда. Нельзя же допустить, чтобы он скучал.

Теперь уже захохотали все. Только жилистый, сохраняя полную серьезность, церемонно поклонился Лобову и вихляющей походкой направился к Тике. Она ничуть не испугалась и лишь насмешливо крикнула Лобову:

— Долго вы еще будете там торчать?

Комедия, которую с таким старанием разыгрывали перед ним, так разозлила Ивана, что у него возникло острое желание проучить этих кривляющихся балбесов, но мысль о том, что он не имеет права ставить под угрозу судьбу операции, заставила его сделать шаг в сторону.

— Не торопитесь, ленд. — На плечо Лобова легла чья-то рука.

Иван не глядя, резким движением сбросил ее и, боковым зрением уловив движение справа, успел увернуться от размашистого удара другого парня. Медлить дальше было опасно. После неудачного удара парень подался вперед, Лобов ткнул его левой рукой в солнечное сплетение, а затем ударом в челюсть сбил с ног еще одного нападающего. Тот рухнул, точно ему подрубили колени. Жирнолицый, выставив перед собой полусогнутые руки, медленно пятился назад. У него сейчас было такое жалкое, перепуганное лицо, что Лобов опустил занесенную было для удара руку. Он не умел, да и не мог бить беззащитных. Но здесь, на этой темной улице, по отношению к людям, которые его окружали, подобное великодушие было ошибкой. Жирнолицый споткнулся о ступени у входа в бар и упал. А Лобов не успел повернуться, как его тело оплели сильные руки. Последовал умелый бросок, и Лобов полетел на мостовую.

Глава 6

Еду Алексею принес коренастый и очень мрачный субъект. Поставив блюда на столик возле изголовья, он ушел, так и не раскрыв рта. Его массивному телу было явно тесно в узкой камере, он то и дело натыкался широченными плечами на стены.

А минут тридцать спустя появился Сайн.

— Итак, — заговорил Сайн, ловко прибирая со стола грязную посуду, — аппетит у вас неважный. И напрас-

но. Или я сильно ошибаюсь, или в самом скором времени вам не мешало бы обрести отличную форму. Не так ли?

Кронин, придерживаясь выработанной тактики, молчал. Сайн пододвинул стул, сел возле Алексея, энергично потер свои руки и сморщил в улыбке лицо.

— Как журнал? Не правда ли, в нем есть любопытные вещи?

— Даже очень, — подтвердил Алексей.

— Вот видите. Я с самого начала был уверен, что он вас заинтересует. Надеюсь, вы поступили с ним именно так, как я вам советовал?

Кронин заглянул в глаза собеседника и произнес заготовленную фразу:

— А зачем же вас подводить?

— Ну, меня столько раз подводили, что я ничуть не удивился бы, если бы это случилось еще раз. Но, я думаю, подвели бы вы не столько меня, сколько себя, а? — Сайн засмеялся, морща свое сухое личико, однако тут же посерьезнел. — Скажу по секрету, я уже перестал бояться. Посудите сами, разве это жизнь? Стены, двери, комнаты, камеры, запоры, пароли. Разве может это понравиться человеку, который странствовал в свое время и хлебнул настоящего космоса?

Он зажмурился и покрутил головой.

— Не могу простить себе, что я связался тогда с паргией лимонов. Да-да, все из-за этой золотистой кислягины. Но что поделаешь? Мне тогда так были нужны деньги. Сказать вам зачем?

Сайн склонился к Алексею и прошептал:

— Я копил деньги для туристской поездки на Землю. Конечно, это между нами. Во дворце, где мы с вами находимся, за такие настроения без всякой задержки и пересадки отправляют на свидание к покойным предкам. А началась вся эта глупая история с лимонами с того, что мы, я имею в виду, разумеется, космолайнер, имели честь доставить со Стигмы в Даль-Гей певицу Кайну Стан, которая в порядке культурного обмена была на гастролях у землян и возвращалась домой. Мне повезло, я познакомился с ней и разговорился. — Он впился глазами в лицо Кронина. — Очаровательная женщина, не правда ли?

И, поскольку Алексей никак не прореагировал на это, в прежнем непринужденном тоне продолжал:

— Своими рассказами Кайна разбудила во мне желание побывать на Земле. Тогда наши взаимоотношения с

землянами были лучше, и у них в гостях мог побывать каждый порядочный далиец, у которого имелось достаточно фаргов. Я тогда считался вполне порядочным и благонадежным, но вот фаргов у меня не хватало. И я взялся за лимоны. Сам не пойму, почему именно за лимоны? Думаю, если бы я взялся за что-нибудь другое, например за нейтрид, все было бы в порядке. И я бы сейчас сидел не здесь, в мрачной камере, а в городском управлении. Ведь лимоны — скоропортящийся товар, они не могут лежать месяцами и ждать, пока сложится благоприятная ситуация. Они всем своим видом вопиют о затраченных фаргах и умоляют форсировать события. Но я рискнул.

Сайн сокрушенно покачал головой и тяжко вздохнул:

— Могу открыть вам душу: с той поры не могу видеть лимоны. И даже когда они мне снятся, я просыпаюсь в холодном поту. Мне бы пришлось совсем плохо, но вы человек образованный и должны знать, что в соответствии с теорией вероятностей вслед за невезением обычно следует удача. Надо только уметь ухватить ее за скользкий хвост. — Сайн покосился на Кронина и проникновенно спросил: — Скажите чистосердечно, я вам не надоел?

Алексей улыбнулся.

— Я слушаю вас с интересом. К тому же у меня масса свободного времени.

Сайн понимающе кивнул.

— Надо сказать вам, что, вернувшись из своих гастролей, Кайна Стан опубликовала книгу очерков о Земле. Книга произвела сенсацию. Дело в том, что Кайна — натура тонко чувствующая, одаренная, непосредственная. Ей удалось увидеть на Земле много такого, что оставалось тайной за десятком печатей для наших самых квалифицированных разведчиков, посещавших сию планету в самых различных и неожиданных амплуа. Кайна была возведена в ранг национальной героини, отважно проникшей в стан врага и сумевшей выведать самые сокровенные его секреты.

Кронин смотрел на Сайна недоверчиво. Тот перехватил его взгляд.

— Смею вас уверить, я не сказал ни полслова неправды. Такова неумолимая инерция социальной системы. Она все толкует на свой лад, в своих интересах, по образу и подобию своему. И она способна на такую переоценку ценностей, что только диву даешься! Зачем мне

рассказывать вам, как Кайна была огорчена всей этой историей? Она ведь не питала никакой неприязни к Земле. Наоборот! Я лично слышал от нее множество восторженных комплиментов всей планете в целом и разным... — Сайн мельком, но значительно взглянул на Кронина, — разным людям самых неожиданных профессий. Кайна пыталась протестовать, пробовала отречься от той роли, которую ей приписывали официально, но в конце концов была поставлена перед дилеммой: или — или. А ведь Кайна всего лишь женщина. Она смирилась. Что ей оставалось еще делать? Она стала национальной героиней, и судьба вознесла ее высоко.

— И куда же вознесла ее судьба? — осторожно спросил Кронин.

— На самый-самый верх, — доверительно сообщил Сайн. — Она стала членом совета роллов. Того самого совета, который решает нашу судьбу и перед которым встает сам президент, когда докладывает ему о своих намерениях.

Он помолчал и продолжил:

— Так вот, я засмеялся, когда узнал о судьбе Кайны Стан. Да разве это не смешно — актриса в совете роллов! Все мы любим посмеяться, когда наши дела идут хорошо. Но когда мои лимоны конфисковали и мне стало плохо, я тут же перестал смеяться и вспомнил то, что мне говорили про мою знакомую Кайну Стан. Когда нет бревна рядом, мы хватаемся за соломинку, не правда ли? Мне удалось встретиться с Кайной, и буквально через день меня выпустили на свободу да еще извинились за то, что обращались со мной недостаточно вежливо. Дальнейшая моя судьба не представляет никакого интереса для потомства. Одно могу сказать вам по секрету: разве я в чем-нибудь откажу Кайне Стан, если даже из-за этого мне будут грозить неприятности?

Если бы Кронин мог ему поверить! Какие возможности открылись бы перед ним. Действуя в одиночку, он бы рискнул не задумываясь. Но он знал, что по его следам пойдет Иван. Что, если, захватив и опознав его, Алексея Кронина, далийцы расставляют теперь хитрые сети для его товарищей? Краем глаза Алексей следил за Сайном. Но что стоили его наблюдения за человеком из чуждого и непонятного мира! А Сайн, который, в свою очередь, внимательно разглядывал Кронина, вдруг спросил:

— Хотите, я открою вам один секрет? — И, не дожидаясь ответа Кронина, с пафосом сказал: — Я вовсе не альтруист.

Кронин недоуменно смотрел на него.

— Да-да, — повторил Сайн. — Я совсем не альтруист. Я не люблю, когда другим хорошо, а мне плохо. Я люблю, когда мне хорошо! И разве это не естественно? Представим себе на секундочку такую фантастическую картину: вы отсюда бежите, допустим, с моей помощью. Вы бежите, а я остаюсь. Представьте себе! Разве это не было бы с моей стороны отчаянной глупостью? Меня пристрелили бы за это, вот и все. — Он покачал головой. — А я ведь не исполнил свою заветную мечту, не побывал на Земле — на этой загадочной планете. Когда мне сказали, что там все равны, равны не декларативно, а по существу, я долго смеялся, такой невозможной показалась мне подобная ситуация. Тогда ведь я считал себя лучше и выше других. А когда судьба обошлась со мной так сурово, я стал смотреть на Землю уже другими глазами.

— Что вы хотите делать на Земле?

— Как это что? — вздернул брови Сайн. — Я хочу посмотреть, как живут люди, и если они живут хорошо, то почему бы мне не остаться с ними? Ведь это возможно?

— Возможно. Только, — Кронин улыбнулся, — что такое хорошо? Это ведь растяжимое понятие. И что такое плохо?

— Плохо, когда ты делаешь совсем не то, что хочешь и что противоречит твоей натуре. Плохо, когда так проходит год за годом и постепенно над тобой нависает тень эвтаназии.

— Эвтаназии? — переспросил Алексей.

— Именно. А вы верите басням, что старики в Дальгее занимаются воспитанием молодого поколения? Разве для этого не хватает молодых? Разве для этого нет умроков? Разве для этого нет сумасшедших матерей, у которых, несмотря на все усилия, не удалось вытравить их слепой любви к беспомощным младенцам и которые готовы на все, чтобы оказаться возле своего ребенка? Старики! Они однажды засыпают и не просыпаются. Можете мне верить, я ведь врач. Вы мне нравитесь, у вас честные глаза, и я могу сказать вам, что многие далийцы влюблены в Землю. Они охотно бы отправились туда погостить на неопределенный срок, но им заморочили головы. Им говорят: «Каждый, кто надолго останется на Земле, превратится в умрока».

Сайн засмеялся, очень довольный тем, что озадачил Кронина.

— Позвольте, но как можно верить в такую глупость? — Алексей передернул плечами. — Кайна была на Земле довольно долго, она же не стала умроком!

— Кайна — роллина! — наставительно ответил Сайн. — У нее безупречная наследственность.

— При чем тут наследственность?

— А чем же, по-вашему, умрок отличается от человека? — язвительно спросил Сайн. Он перехватил вдруг посерьезневший внимательный взгляд инженера, закусил губу. — Болтун, старый болтун! — воскликнул он. — Сколько раз меня подводил мой длинный язык? И никак не могу научиться держать его за зубами! Но что поделаешь, раз уж я начал, придется договаривать.

— Я слушаю, — серьезно сказал Кронин.

— Слушайте, слушайте внимательно. Это стоит послушать. Вы слушали сказки о том, что умроки что-то вроде ваших человекообразных обезьян? Так вот, забудьте эти сказки.

— Но есть же официальная далийская история, — возразил Алексей.

— Официальная история! Это официальная фикция, а не история! Она сфабрикована в позднейшие времена, после окончания ядерной войны, чтобы дурачить простых людей и не тревожить их понапрасну. Но и в народе ходят всякие слухи, а уж ответственные лица, и прежде всего медики, отлично знают, как делают умроков. — Видя недоверие, появившееся на лице Кронина, Сайн повторил: — Именно делают! Делают профессионально, крупными сериями, делают по образу и подобию одного из видов мутанта, который спонтанно появился в годы ядерной войны. Принципиально это очень просто: зафиксировали генотип, выяснили его отличия от генотипа нормального человека и разработали методику соответствующей трансформации. Все это делается под электронаркозом во время обследования матерей на ранних стадиях беременности. А за сокрытие таковой у нас сурово наказывают. У меня есть сведения, что в эту касту вечных рабов отсеивают до сорока процентов всех будущих новорожденных.

— В это трудно поверить. — Кронин взволнованно потер свой высокий лоб. — Это даже не рабство — это бездна, откуда нет возврата!

— О-о! — многозначительно протянул Сайн. — Когда наука берется за что-нибудь всерьез, она делает это на высшем уровне. Умроки еще не последний рубеж, на который загнали человека.

— Что же может быть еще хуже? — с горечью спросил инженер.

— В строго засекреченных лабораториях были созданы такие чудовища, что при одном взгляде на них кровь стыла в жилах. Настоящие упыри!

— Всякая нежить и нелюдь? — с ноткой иронии, правда мрачноватой, спросил Кронин.

— Вы напрасно иронизируете, — покачал головой Сайн, — врачи-ярхисовцы действительно изготовили чудовищ, имеющих с человеком лишь отдаленное сходство.

— Но зачем?

— Не ради забавы, будьте уверены, это была бы уж слишком дорогая забава. Эти чудища чрезвычайно устойчивы по отношению к радиации. Их намеревались использовать для начального освоения континентов, на которых после ядерной войны держался смертельный уровень радиации. Была создана опытная колония этих ультраумроков, управляемых далийцами в тяжелых защитных костюмах. Но каким-то образом эти чудища перебили охрану, вырвались на свободу и разбежались. По слухам, остатки их еще и сейчас обитают в прибрежных областях южного материка. Как это ни странно, но после такой адской ломки генотипа они оказались способными к продолжению рода. Не то что настоящие умроки, которые ко всему еще и бесплодны.

— Страшные вещи говорите вы, доктор Сайн, — в раздумье проговорил Кронин.

— Да, страшные, — со вздохом согласился Сайн. — Но ведь вам, землянам, нужно все это знать. А этот чердак, — он звонко шлепнул себя ладонью по лбу, — этот чердак хранит много удивительных сведений! Или вы полагаете, что меня отдали на съедение Лингу только из-за проклятых лимонов?

Кронин молчал. Сайн, выдержав паузу, с неудовольствием заметил:

— Я вам сделал множество авансов, а вы упрямо молчите. Разве это порядочно? Да и вообще, что вы теряете, находясь в таком положении?

Кронин потер лоб. Сайн прав, не время заниматься вселенскими проблемами, надо решать ближайшие задачи. А то, что он сейчас услышал, дает ему право на риск.

— Ну же! — нетерпеливо вырвалось у Сайна.

— Я молчу потому, что тоже не альтруист, — вдруг сказал Алексей.

— Вы? Не альтруист? Не могу в это поверить!

Кронин улыбнулся:

— И все-таки это так. У меня есть определенные связи, я бы охотно помог вам побывать в далеких краях, но это сопряжено с риском.

Сайн просиял, поняв его с полуслова, на лету.

— Вот это деловой разговор! Я вас понимаю: услуга за услугу, не так ли?

— Так.

Сайн постарался принять деловой вид.

— Скажите, что я должен сделать. И вы увидите, Сайн не подведет вас!

Кронин смотрел на него с некоторым сомнением. Но выбора не было.

— Сделать надо немногое, — сказал он негромко, — но очень аккуратно. Слушайте внимательно.

Глава 7

Незаметно проводив взглядом Лобова и убедившись, что сопровождающий последовал за ним, Снегин облегченно вздохнул и быстро закончил разговор с начальником вокзала, который был приятно поражен неожиданной переменой в своем важном и, как казалось в начале разговора, строптивом клиенте. После этого Всеволод отпустил президентскую машину, попрощался с представителями консульства и далийскими чиновниками и уже собрался было сесть в свою заблаговременно подогнанную машину, когда к нему подошел один из молодых сотрудников консульства.

— Извините... — нерешительно начал он.

— Ну-ну! — ободрил его Снегин.

— Я должен сказать... в общем-то... совершенно невероятную вещь.

— Слушаю вас.

— Мне показалось, — решился наконец сотрудник, — что из этого бара только что под руку с девушкой вышел один из наших.

— Кто же?

Сотрудник огляделся и понизил голос:

— Иван Лобов.

— Вы уверены, что он шел с ней именно под руку?

— Что? — не понял молодой человек.

— Я говорю, — снисходительно повторил Снегин, — вы уверены, что он шел с ней под руку?

Сотрудник некоторое время смотрел на Снегина, не зная, как истолковать его слова, потом смущенно проговорил:

— Видите ли, в этом я не совсем уверен. Может быть, они просто шли рядом. Разве это существенно?

— Чрезвычайно, — отчеканил Снегин.

— Не кажется ли вам гораздо более важным, что из бара вышел именно Лобов? — спросил сотрудник, озадаченный невозмутимостью Снегина. — Вы понимаете? Иван Лобов — командир «Торнадо»?

Снегин вздохнул:

— Представьте себе, я довольно коротко знаком с ним.

— Да, я знаю... И... и вас это не удивляет?

Снегин усмехнулся, потом строго сказал:

— О нашем разговоре никому ни слова. Вы поняли меня? Ни единому человеку. И всего доброго!

Проводив взглядом сотрудника, Снегин открыл дверцу и тут же услышал аварийный шифр-сигнал, сообщавший о том, что микростанция Лобова вышла из строя из-за механического повреждения.

Снегин мысленно чертыхнулся — как не вовремя! Механическое повреждение! Из-за чего бы оно могло произойти? Вслед за этим он получил сообщение от сопровождающего Лобова о потере контакта с подопечным. Это встревожило Снегина по-настоящему. В происшествиях, следовавших одно за другим, ясно чувствовалась чья-то опытная рука. Снегин быстро сел в машину, захлопнул дверцу и потребовал от сопровождающего подробностей.

Как всякое кодовое сообщение, отчет сопровождающего не был эмоциональным. И все-таки в нем улавливались виноватые нотки. Следуя за Лобовым и девушкой, сопровождающий вышел на третью улицу портовых кварталов. Не прошел он за ними и ста шагов, как его остановила группа подгулявшей молодежи и предложила выпить за процветание платной торговли. Сопровождающему удалось быстро от них отвязаться, но контакт с Лобовым он потерял. Улица прямая, ответвлений не имеет, поэтому есть надежда на восстановление контакта.

Снегин откинулся на спинку сиденья: «Вывод ясен. Лобова опекали не только свои, но и чужие. А по сравнению с далийскими профессионалами земляне — дилетанты. Сопровождающий Лобова инициативен, отлично подготовлен физически, наблюдателен, но какая у него

практика? Конечно, его обнаружили и аккуратно оттерли от Ивана. К черту! Надо самому ехать на место действия, благо оно теперь известно».

Снегин включил аппаратуру, набрал на пульте маршрут, но двигатель машины не завелся, а на табло вспыхнула надпись: «Третья улица закрыта для проезда всех видов транспорта». Всеволод стиснул зубы. Он вдруг отчетливо понял, что операция висит на волоске.

Глава 8

Когда Лобова швырнули на плиты мостовой, в его сознании мелькнуло, что доли секунды, оставшиеся до падения, единственное, что ему предоставлено для спасения операции, а может быть, и самой жизни. Вот когда пригодились тренировки в боевом самбо, которые прошел Иван, готовясь к операции, не жалея ни своих, ни чужих боков! В самый последний момент он успел извернуться и упал не на спину, а как кошка, на четвереньки. В поле его зрения попали широко расставленные ноги в расклешенных брюках. Жилистый хотел нанести удар, но промахнулся и потерял равновесие. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Иван распрямился и с силой ударил его в живот. Жилистый задохнулся и медленно опустился на мостовую.

Лобов осмотрелся. Жирнолицый все еще сидел на ступеньке, на лице его, как приклеенная, застыла растерянная улыбка. Дюжий парень лежал на боку, опираясь на локоть, и ругался слабым голосом. Тот, что получил удар в челюсть, все пытался встать, но ноги его не держали. Вытянувшись струнко, застыла Тика, приложив ладонь к щеке. Улица была пуста, словно ее вымели. Из открытой двери бара по-прежнему лился яркий свет, доносилась ритмичная мелодия. К стеклу приникло чье-то любопытное лицо.

Лобов опустил голову и посмотрел на своего противника. Жилистый лежал, неестественно подогнув голову.

Лобов поспешно наклонился к нему, рванул ворот куртки и положил руку на грудь. Сердце билось замедленно и вяло. Иван с облегчением вздохнул, выпрямился, еще раз оглядел мостовую, ставшую ареной жестокой драки, ужаснулся тому, как близко к полному краху он находился из-за каприза избалованной девчонки и собст-

венной беспечности. Теперь, наученный горьким опытом, он знал, что его, Лобова, миссия куда более тяжелая, чем это ему представлялось сначала. Даль-Гей не прощает ошибок.

— Принеси воды, — сказал Лобов жирному парню. — Побольше воды. И позаботься о своих друзьях.

Тот закивал, что-то забормотал, но Лобов уже отвернулся и направился к Тике. При его приближении она медленно опустила руку, прижатую к щеке, непроизвольно шагнула назад, но тут же, сделав над собой заметное усилие, выпрямилась, вскинула голову.

В глазах, устремленных на Лобова, был не страх, а какое-то другое, непонятное для Ивана выражение — не то недоумение, не то пугливое восхищение.

— Пойдем, Тика.

Она еще секунду смотрела на него и затем покорно сказала:

— Идемте.

Скоро навстречу снова начали попадаться прохожие. Тика шла, постепенно прибавляя шаг. Лобов удивленно поглядывал на нее, но не произносил ни слова.

Вдруг Тика остановилась, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Это был самый темный участок между двумя фонарями, и Лобов огляделся: кто знает, не готовит ли ему эта девчонка что-нибудь новое? Но все было спокойно.

— Почему вы меня не ударили? — вдруг вызывающе спросила она.

Лобов не сразу ответил на этот дикий вопрос.

— Я не бью женщин, — наконец сказал он. — И вообще терпеть не могу драк.

— Неправда! — раздраженно заявила она.

— Правда.

Тика вдруг засмеялась:

— Как вы их! Я так рада! Будут знать, скоты.

В голосе ее слышалось торжество, покоробившее Лобова.

— А зачем вы наклонялись к Оуну? — с любопытством спросила она.

— Я боялся, что убил его, — хмуро ответил Лобов.

— Было бы хорошо, если бы вы его убили, но Оуна так просто не убьешь. — Тика покосилась на спокойное лицо Лобова и покаялась: — Я ведь не думала, что они нападут на вас одного вчетвером.

Лобов промолчал.

— Откуда я знала, что вы такой дурак? — Она всхлипнула и вдруг закричала: — Да, дурак, дурак! Ну, стукнули бы вас разок, трудно вам было потерпеть? Их же четверо!

Он изумленно взглянул на девушку.

— Что вы на меня смотрите? — продолжала Тика. — Тут вам не идиотская Стигма. Подумаешь, какой храбрец, лезет прямо на Оуна! Можно было бы и стороной обойти. А вот свернул бы вам Оун шею, что тогда? Всем бы нагорело из-за вашей дурости.

Лобов опустил глаза, чтобы не выдать себя. Так вот в чем дело! Это была вовсе не случайная драка из-за каприза девчонки и шаловливого настроения скучающих молодцов. Это очередная проверка его возможностей. Любопытно, какие выводы после всего этого сделает многоопытный Линг?

А Тика — что за странное существо? К стыду своему, Лобов должен был признать, что эта девушка совершенно непостижима для него. Мало того, что ему были непонятны ее взгляды, гримасы и жесты, даже обычные слова и фразы она произносила с такой интонацией, что в них чудился совсем другой, чуть ли не противоположный смысл.

Иван решил про себя, что это просто издерганное, избалованное существо, не успевшее, однако, растерять естественной чистоты.

Между тем Тика достала зеркальце, привела в порядок лицо, поправила волосы и вздохнула.

— Я ведь и правда не хотела ничего такого. Вы мне верите?

— Верю. — Иван немного кривил душой.

Она спрятала платочек и решительно сказала:

— А если верите, так чего же стоите? Пойдемте.

Лобов приотстал и послал Снегину короткое донесение о случившемся, но, к своему удивлению, подтверждения не получил.

Тика покосилась на него.

— Скажите, уважаемый ленд, что в этот час делают на Стигме?

Лобов пожал плечами:

— Обедают, наверное.

— И у нас обедают, — сообщила она.

Лобов не сразу понял, что она имеет в виду, а когда догадался, нерешительно сказал:

— Я бы с удовольствием, но меня ждут.

Тика вздохнула.

— Ну кто же будет вас ждать во время обеда?

Лобов припомнил, что часы приема пищи соблюдаются в Даль-Гее необычайно точно, и решил:

— Обедать так обедать. Веди.

Тика засмеялась и через несколько шагов спросила:

— А вам нравится, что я называю вас уважаемым лендом?

Лобов удивленно взглянул на нее.

— Не очень.

— Так как же вас называть?

Иван улыбнулся и с важным видом представился:

— Меня зовут Ивви Лонк.

— Не очень-то красивое у вас имя.

Лобов промолчал. Не мог же он объяснить, что это имя выбрано не случайно, а созвучно настоящему.

Глава 9

Размышления Снегина прервала тень, скользнувшая по его лицу. Он обернулся. К его машине медленно подъезжал роскошный кремовый автомобиль той же марки, что и у президента. «Очередная провокация далийцев?»

Снегин незаметно огляделся. Нет, пространство справа и впереди оставалось свободным. Он покосился на кремовую машину и неожиданно встретился взглядом с Кайной Стан, сидевшей на водительском месте. Боковое стекло ее машины было опущено.

— Здравствуйте, Всеволод, — сказала Кайна, — у меня важные и срочные новости. Лучше всего, если вы сядете в мою машину. — Она жестом показала на заднее сиденье, нажатием кнопки приоткрыв дверцу.

Не задумываясь, Снегин выполнил эту просьбу.

— Не надо афишировать наше знакомство, — пояснила она и после небольшой паузы добавила: — Я еле отыскала вас, пришлось добраться до самого президента. Мы разминулись минутами.

— Под каким предлогом вы меня искали? — не удержался от вопроса Снегин.

— Я сказала, что хотела бы поговорить с вами о возможности моих повторных гастролей.

Разглядывая ее строгий, четко очерченный профиль, Снегин не без волнения думал, какие вести принесла Кайна — добрые или плохие.

Она словно прочла его мысли, протянула ему листок бумаги.

— Возьмите, это от Алексея.

Не задаваясь даже вопросом, когда и как Кайна сумела получить весточку от Кронина, Снегин схватил листок. Пробежал его, поднял голову и встретился взглядом с глазами Кайны.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Кайна грустно улыбнулась, он не понял почему, да и не до того ему было. Он снова очень внимательно, заучивая содержание записки наизусть, прочитал текст.

— Если бы на какой-нибудь час раньше! — вырвалось у него. — Ведь Иван уже в деле.

И, чуть поколебавшись, он посвятил Кайну в свои затруднения. Она ненадолго задумалась, опустив голову.

Кайна была так безупречно красива, что Снегину стало страшно: живой человек или ожившая статуя сидит рядом с ним?

— У них нет оснований причинять Лобову вред, — наконец сказала она.

— И я так думаю. Но почему отказала связь?

Кайна подняла на него глаза.

— А трудно вывести из строя станцию?

— Если ударить как следует... — начал Снегин. — Вы думаете, случайная драка?

— В Даль-Гее всякое бывает, — ответила Кайна.

— Случайная драка Ивану не помеха.

— Надо скорее ехать, — сказала Кайна, запуская двигатель.

— Туда нет проезда, иначе я давно был бы на этой улице.

Кайна тронула машину с места и, вливаясь в общий поток движения, коротко пояснила:

— Со мной вы проедете.

Снегин, хмуря брови, разглядывал затылок Кайны. Мягкие белые волосы, коротко остриженные сзади, открывали стройную длинную шею. Живая загадка! Он хотел задать ей вопрос, но вдруг пришло сообщение от наблюдателя. Снегин с облегчением откинулся на спинку сиденья.

— Что случилось? — спросила Кайна, не поворачивая головы. Машина петляла по узкому путепроводу.

— Вы были правы, — весело сообщил Снегин. — Случайная драка. Натворил там дел Иван!

Он засмеялся, представив себе все случившееся у дверей бара, и невольно повел широкими плечами, разминая их.

— А сейчас он вместе с девушкой находится в кафе «Радуга».

— Меньше получаса они там не пробудут, — сказала Кайна, делая крутой поворот и притормаживая машину перед тоннелем, закрытым массивной решеткой.

— Хорошо бы передать записку Ивану.

— Попробуем.

В это время над решеткой вспыхнул голубой огонек. Словно в ответ, такой же огонек вспыхнул на капоте машины. Снегин не без интереса ждал, что будет.

В стене возле решетки открылась небольшая дверца, которую Снегин до того не заметил, из нее вышел человек, закованный, судя по всему, в нейтридную броню, и подошел к машине. Кайна опустила стекло.

— Роллина Стан, — коротко сказала она и кивнула на заднее сиденье: — Со мной.

Бронированный человек произвел какую-то сверку, пользуясь, по-видимому, наручным телевизором.

— Можете ехать, — произнес он и поднял руку.

Решетка дрогнула и поползла вверх. Кайна тронула машину с места. Они въехали в широкий, слабо освещенный тоннель. Сначала пол тоннеля круто ушел вниз, потом выровнялся и потянулся горизонтально. Изредка попадались пересечения, разъезды. Кайна не включала фар и вела машину на небольшой скорости.

— Вся эта система подземных магистралей сохранилась еще с древних времен, — не оборачиваясь, сказала Кайна, — позднее она была лишь расширена и подновлена.

— Стоило заниматься ею, если она не используется.

— Она используется, и довольно интенсивно, просто сейчас время обеда, — пояснила женщина.

Ее профиль то освещался, когда они проезжали мимо стенных плафонов, то исчезал в полумраке. Снегин пересел к самому борту, чтобы видеть лицо Кайны.

— Вам многое доступно в этом городе, — сказал он, стараясь вызвать ее на разговор.

Кайна промолчала.

Они ехали теперь по такому узкому рукаву тоннеля, что, попадись встречная машина, им бы не разминуться.

— Как вы не запутаетесь тут? — Снегин решил переменить тему.

— Ехать не трудно, я включила автоуказатель. — Она сделала крутой поворот. — Подземная сеть так запутана, что без этого просто невозможно. — И неожиданно спросила: — Вы помните, что на Земле в свое время были широко распространены конкурсы красоты? Мисс Европа, мисс Америка и даже мисс Вселенная.

Снегин усмехнулся.

— Припоминаю. Но это было очень давно.

Машина выбралась на широкую магистраль, и Кайна прибавила скорость.

— И у нас устраивали такие конкурсы, — негромко, без выражения сказала Кайна. — Они были данью мужской пресыщенности. Но война все изменила.

Впереди вспыхнул оранжевый крест, и Кайна остановила машину.

— При въезде в эти кварталы всегда так, слишком высок грузооборот. Но это ненадолго, — она повернулась к Снегину, — две-три минуты, не больше.

Лица Кайны теперь почти не было видно, только угадывались светлые пятна глаз да вокруг головы в ярком оранжевом свете сигнального креста горели волосы.

— Я слушаю вас, Кайна, — машинально сказал Всеволод, стараясь погасить нарастающее беспокойство.

— Война принесла большую беду, — продолжила рассказ Кайна. — Радиация изломала наследственность нашей расы. Мы начали быстро вырождаться, очень быстро. Ужасно это представить, но уродов и неполноценных тогда было больше, чем нормальных людей. Начались болезни, эпидемии, паника, а вместе со всем этим пришли экстраординарные меры: диктатура, грубое насилие и многое другое, о чем вы и понятия не имеете. Вот тогда-то и возродились конкурсы красоты, но они стали совсем другими. К этим конкурсам допускали только генетически безупречных людей. Среди родителей, у которых должен был родиться ребенок, отбирали самых здоровых и красивых. Ну, а когда ребенок появлялся на свет, его отдавали под наблюдение врачей.

— И с тех пор в Даль-Гее дети не принадлежат родителям, а являются, так сказать, собственностью всего общества? — воспользовавшись паузой, спросил Снегин.

— Да. Их воспитывали в особых условиях, закаляли, развивали физически, давали отличное образование. А когда они достигали зрелости, им устраивали еще один конкурс, где учитывалось не только совершенство их физического сложения, но и умственные способ-

ности. И всех, кто выдерживал испытание, зачисляли в особый класс роллов и роллин. Они стояли над обычной жизнью, им доверяли решение самых важных вопросов. Правда, — Кайна грустно улыбнулась, — встречались иногда среди них и белые вороны, которым приходили в голову нелепые мысли и желания. Одной роллине, например, захотелось петь, и, как говорят, она сумела стать неплохой певицей. Она наслаждалась и одновременно тяготилась своей необычной ролью. Но потом случай все повернул на старую, проторенную дорогу. И теперь эта роллина не знает хорошенько, как ей поступить.

Кайна замолчала. Снегин тоже молчал, терпеливо ожидая продолжения.

— Я вам дам один совет, Всеволод, — сказала молодая далийка после паузы. Голос ее звучал теперь громче и яснее. — Надеюсь, он будет полезен. Постарайтесь добыть документы, которые позволят доказать связь Линга с Яр-Хисом, и передайте их президенту. Тогда с легким сердцем он закроет глаза на многие вольности вашего поведения в Даль-Гее. И моего тоже.

— С Яр-Хисом... — повторил Снегин и осторожно спросил: — Разве президент не в курсе дел своей тайной полиции?

Кайна легко вздохнула.

— Вы хорошие инженеры, ученые, артисты, но плохие разведчики, — сказала она. — Яр-Хис — не полиция, это тайная организация, в известной мере противопоставляющая себя официальной власти вообще и президенту в частности. Организация жестокая и почти всесильная, по крайней мере в отношении простых смертных. Я знаю, и у вас были организации такого типа: иезуиты, ку-клукс-клан, мафия.

— Да, — подтвердил Снегин, — к сожалению, все это было.

Оранжевый крест два раза мигнул и погас. Кайна тронула машину с места, сделала один крутой поворот, другой, пересекла широкую подземную магистраль. Впереди начал разгораться ясный бирюзовый свет.

— Вот мы и приехали, — сказала Кайна и повернулась к Снегину. — Если не возражаете, я передам Ивану все, что нужно. Мне очень просто это сделать.

Признав в душе, что это разумно, Снегин, однако, заколебался.

— Надо как-то закодировать сообщение.

— А если написать на космоарго?

Снегин удивился:

— А вы знаете его?

Кайна улыбнулась.

— Мне часто думается, что если бы я знала меньше, то была бы гораздо счастливее. Как ошибался тот, кто говорил, что знание — счастье!

На секунду притормозив машину у заблаговременно поднятой решетки, она вывела ее на улицу.

Глава 10

Кафе-сад располагалось на крыше небоскреба, заметно возвышающегося над остальными зданиями портового массива, и занимало площадь не меньше гектара. Столики стояли прямо под открытым небом в окружении небольших цветочных клумб, пушистых мелколистных деревьев, дававших густую тень, и каких-то диковинных растений, похожих на гигантские недозрелые кочаны капусты, из которых торчали длинные золотистые метелки цветов, распространявших пряный горьковатый аромат. Пользуясь тем, что Тика просматривала меню, Лобов послал Снегину повторное сообщение. Не получив ответа и на этот раз, он незаметно осмотрел часы-перстень и понял, что радиоканал поврежден, очевидно, во время драки возле бара. Хорошо еще, что остальные устройства системы были в порядке. Не повезло. Остаться без связи в самый ответственный момент операции! Однако Иван верил в энергию и находчивость Снегина. Не может быть, чтобы тот что-нибудь не придумал.

Эти размышления не мешали Лобову разглядывать окружающих. Большинство столиков было занято, причем преобладали молодые парни, одетые крикливо и безвкусно. Стоял сдержанный гул голосов, в который иногда вплетался громкий смех какой-нибудь подвыпившей компании. Несмотря на довольно ранний час, таких компаний здесь было немало. Глядя на бирюзовое небо над головой, Лобов невольно задумался над тем, как чувствуют себя посетители кафе, когда идет дождь, — явление более чем обычное в условиях Даль-Гея. Приглядевшись, он не без труда заметил вверху похожую на тонкую паутину арматуру, которая, видимо, позволяла мгновенно затянуть бар прозрачным куполом. Опустив глаза, Лобов

встретил насмешливый взгляд Тики и поделился с ней своими соображениями.

— А вы полагали, что люди тут мокнут за собственные фарги? — ехидно спросила она.

— А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — улыбнулся Лобов.

Она удивилась этой реплике и не нашлась что ответить. Подошел официант, тонкий, изнеженный умрок какой-то особой породы, одетый в белый костюм, казавшийся ослепительным на фоне его шелковистого иссиня-черного меха.

Лобов посмотрел на него, на его белый костюм, вздохнул и попросил:

— Тика, я ведь новичок в ваших краях — закажи обед и себе и мне. Только без спиртного.

Она скривила губы:

— Почему?

— Я неточно выразился, — поспешил поправиться Лобов. — Себе ты можешь заказать что угодно. А мне спиртного не нужно — предстоит серьезное дело.

Что-то похожее на одобрение мелькнуло в глазах Тики. Взяв карточку, она, хитровато поглядывая на Лобова, одним духом продиктовала заказ.

Когда умрок мягко пропел свое утвердительное: «А-а!» — и степенно отошел от столика, Лобов полюбопытствовал:

— И он все это запомнит?

— А кто бы стал его держать, если бы он не запоминал? — И с непонятным сожалением добавила: — А вы не жадный.

Иван вспомнил ее длинный заказ и с некоторой неловкостью подумал, что ему уж куда как просто быть не жадным. Чтобы перевести разговор на другую тему, он сказал:

— Никогда бы не подумал, что днем в платных барах бывает так много народа.

— Но это же портовые кварталы!

— Ну и что?

Тика обернулась к нему, хлопнула ресницами.

— Как что? Портовые кварталы — это склады, всякие там транспортные магистрали, куча разных заводов. Хорошо зарабатывают здесь, понятно?

Лобов посмотрел прямо перед собой, налево, направо и спросил скептически:

— И все эти люди работают?

— А вы думали, фарги им дают просто так, за хорошее поведение? — язвительно спросила Тика и добавила: — Конечно, они не стоят у станков, не водят машины и не крутят разные там гайки.

— А что же они делают?

Она довольно долго рассматривала его, затем отвела задумчивый взгляд в сторону.

— Конечно, кто вас знает, на Стигме. Да и вообще, если изучать жизнь по книгам да теликам, то откуда же узнаешь? — В голосе Тики ясно слышались иронические нотки. Она снова в упор взглянула на Лобова. — Надсмотрщики они, понятно? Умроки там работают, а эти смотрят, чтобы все было в порядке. Неделю за стенами, а то и под землей, а неделю гуляют. Когда уж очень тошно становится, а там ведь всяко бывает, выползают пообедать вот сюда, под открытое небо.

Лобов слушал ее, хмуря брови. Он ни секунды не сомневался, что Тика говорит правду. Совсем недавно свою концепцию о далийской цивилизации высказал крупный социолог Алим Нару, что-то вроде этого... Но почему далийцы так тщательно скрывают истинное положение вещей? Сколько веков, более того — тысячелетий, земляне использовали лошадей, верблюдов, оленей, собак. Правда, умроки слишком уж похожи на людей, да и вообще безжалостная эксплуатация любого существа вызывает протест и отвращение. Может быть, дело именно в этом?

— Как это — всяко бывает? — спросил он.

— А что же, — с раздражением ответила Тика, — молиться на умрока, если он работать не хочет? Или, допустим, он постарел и не может уже запомнить заказ, забывает? Они насмотрятся там, а потом выходят и отводят душу.

— Кто? Надсмотрщики?

— Нет, смотрительницы музеев древности, — с издевкой ответила Тика.

Лобов смотрел на эту вздорную девчонку и думал о том, как много скверны довелось ей узнать за свои годы.

— Тика, — спросил он, пораженный нечаянно мелькнувшей догадкой, — а кто такие умроки? Они не мутанты?

— Что? — переспросила она, хмуря брови.

— Ну, обыкновенные люди, только испорченные. — Лобов не знал, как ей втолковать свою мысль.

Тика тяжело вздохнула и покачала головой:

— Ну и чудные вы там, на Стигме. Какой же умрок человек? Вот из человека ярхисовцы могут сделать умрока.

Сердце у Лобова ёкнуло.

— Как?

— Откуда мне знать, что я, посвященная? Да, может быть, и болтовня все это.

— А зачем тайной полиции делать из людей умроков?

Тика фыркнула, сдерживая смех.

— Тайной полиции. Это Яр-Хис — тайная полиция?

— А что же это?

— Что? — Тика значительно понизила голос. — Да все! Может быть, и вы ярхисовец, мне откуда знать? — Она внимательно вглядывалась в Лобова и вдруг усмехнулась: — Да какой вы ярхисовец! Будь вы им, вас бы на машине к Лингу доставили. Ну что вы на меня так смотрите? — вызывающе закончила она.

— А те, что встретили нас возле бара, — ярхисовцы? — упрямо гнул свою линию Иван.

Тика, наконец, не выдержала и рассмеялась, поглядывая на Лобова зелеными, искрящимися сейчас глазами.

— Вот чудак! Будут вам ярхисовцы болтаться в портовых кварталах, как бы не так! Это так, мелочь. Может, надсмотрщики, а может быть, и еще кто. Вот Оуна я знаю — это тот, который на вас сзади набросился. Он в специальной школе всякие драки преподает. — Она все больше оживлялась. — Как вы с ним справились, понять не могу! Может, вы сами из специальной школы, уважаемый ленд?

Лобов грустно улыбнулся.

— Узнала ты мое имя, — сказал он, — а зовешь меня по-прежнему — уважаемый ленд.

— Неловко. — Тика странно взглянула на него. — Какой-то вы чудной, непохожий. Такой деликатный, будто из служителей храма мирового духа, а положили четырех — и хоть бы что!

К столу приблизился умрок, катя перед собой столик, сплошь уставленный блюдами, приправами и напитками. По кивку Тики, не раньше, умрок стал составлять все это на стол очень точными, до деталей оттренированными движениями. Ивану, который теперь знал, как достается умрокам подобное умение, было как-то не по себе. Когда умрок отошел, Лобов с некоторым удивлением убе-

дился, что перед ним стоят тарелки с солидными порциями, а перед Тикой — крохотные, почти пустые вазочки.

— У тебя неважный аппетит, — заметил Иван.

— На аппетит не жалуюсь, — буркнула она и очень серьезно добавила: — Надо беречь фигуру.

В следующее мгновение рот ее был уже забит какой-то коричневатой смесью, похожей на рубленые грибы, хотя в стоящей перед ней вазочке этих грибов было не больше чайной ложки.

— А ты не пробовала заниматься спортом, чтобы сохранить фигуру? — спросил Иван. Ему и правда было любопытно узнать, занимается эта забавная девушка спортом или нет.

Тика ничего не ответила, очевидно, она считала обед достаточно серьезным занятием, чтобы отвлекаться на разговоры. Время от времени Тика коротко подсказывала Лобову, за какое из блюд он должен теперь приняться, какой приправой его сдобрить, чем посыпать, каким напитком запивать. Пища была приготовлена добротно, и Лобов ел с аппетитом. Что же касается ее необычного вида и порой странного вкуса, то Ивану к этому было не привыкать — чего только ему не приходилось пробовать за долгие годы своей скитальческой работы!

Тика, быстро покончившая со своим «птичьим» обедом, наблюдала за ним с откровенным любопытством и некоторым неудовольствием.

— Совсем вы еще неприглаженный, — констатировала она. — Наверное, первый раз в жизни попали в кафе?

— Я первый раз попал в Даль-Гей, — ответил Лобов, вытирая салфеткой губы.

— Значит, на Стигме и в еде ничего не понимают, — заключила Тика и вздохнула. — Зачем я вам только заказала всякие деликатесы? Дать бы вам, как умроку, кусок мяса с хлебом, да и дело с концом. — Она засмеялась. — Если бы я столько ела, то была бы такой толстой, что вам не понравилась.

— Наверное, — рассеянно согласился Лобов.

— А такая я вам нравлюсь?

Лобов поднял глаза. Тика сидела прямая, тоненькая и требовательно смотрела на него. Иван хотел шутливо сказать, что Тика слишком молода и вообще не в его вкусе, но вдруг понял, что такой ответ не только обидит эту девушку, для которой внешность — единственный и бес-

ценный капитал, но и, возможно, превратит ее из доброжелательницы, как ему хотелось о ней думать, в безжалостного врага. С другой стороны, говорить ей неправду было стыдно.

— Я как-то не думал об этом, Тика, — медленно проговорил он. — Не до этого сейчас. Мне предстоит трудное дело.

— Не до этого! — язвительно заметила Тика. — А глазеть на всякие дурацкие купола от дождя — до того?

— Купол — это между прочим, — попытался выйти из положения Лобов, — а нравится или не нравится — дело серьезное. Разве мимоходом в этом разберешься?

Тика смотрела сердито, но Лобов почувствовал, что его ответ ей понравился и она обдумывает его. Сделав какие-то ей одной известные выводы, Тика фыркнула и, как всегда, спросила совсем не то, что ожидал от нее услышать Иван:

— Вы правда первый раз в Даль-Гее?

— Правда.

— Странно, — значительно протянула Тика.

— Почему? — удивился Лобов.

Тика усмехнулась, щуря свои зеленые глаза.

— Потому что на вас пялит глаза дама вон за тем столиком. Вы и тут не можете разобраться, нравится она вам или нет?

Лобов проследил за ее взглядом и под густым тенистым деревом увидел Кайну Стан.

Глава 11

Иван сначала просто удивился, но, подумав, решил, что вряд ли появление Кайны здесь случайно. Не с ее ли помощью Всеволод хочет восстановить с ним связь? Впрочем, не стоит ломать над этим голову. Надо подождать. Кайна сумеет выйти на связь, если это действительно нужно.

— Ну, нравится вам эта дама? — дошел до его сознания нетерпеливый голос Тики.

— Красивая, — ответил он. — Даже слишком.

— Вот именно, слишком. — Тика одобрительно взглянула на Лобова. — Как статуя! — Покосившись на Кайну, она засмеялась, щуря свои зеленоватые глаза, и вдруг совсем другим, деловым тоном спросила: — А откуда вы ее знаете?

Не стоило, конечно, решительно отрицать свое знакомство с Кайной. Кто знает, как повернутся события.

— Лицо ее мне знакомо, — сказал Иван. — Но откуда? Не представляю.

К столу подошел метрдотель, респектабельный, с иголочки одетый мужчина, с достоинством поклонился и положил перед Лобовым аккуратно написанный счет. Иван посмотрел на внушительную итоговую сумму, мысленно усмехнулся и под любопытным взглядом Тики принялся молча отсчитывать деньги.

Метрдотель кашлянул и слегка поклонился.

— Проверьте счет, ленд, — напомнил он вполголоса и, заметив, что Лобов сделал нетерпеливое движение, добавил с мягкой настойчивостью: — Таков порядок. — Он опять поклонился и одновременно чуть скосил глаза на столик, за которым сидела Кайна Стан.

Теперь Иван обратил внимание на то, что метрдотель стоит так, чтобы Тика не видела его лица, по крайней мере видела плохо. Лобов взял счет, сдерживая волнение, просмотрел его и ничуть не удивился, когда среди длинного перечня блюд и их стоимостей обнаружил текст на космоарго, отлично подогнанный под общий характер счета. «Алексей и Тур в резиденции Линга, — сообщал Снегин. — Вход через бар «Факел», Третья портовая, сто четыре. Алексей не расшифрован, имеет сведения исключительной ценности. Форсируй события вплоть до крайних мер. Транспортом обеспечиваем. С нами сотрудничает доктор Сайн из окружения Линга. В крайнем случае можно сослаться на его рекомендацию. *Всеволод*».

Лобов пробежал текст глазами, потом уже внимательно прочитал его еще раз, на секунду задумался, после чего, как бы спохватившись, смял счет, спрятал его в карман и поднял глаза на метрдотеля:

— Все правильно.

Метрдотель взял деньги, не считая, и отошел с легким поклоном. Провожая его взглядом, Лобов заметил Кайну, идущую к выходу. Тика с интересом смотрела ей вслед, а когда та скрылась, обернулась к Лобову.

— Вот какие у вас знакомые! — протянула она значительно.

Лобов взглянул в ее зеленые глаза.

— Какие?

— Да вот такие! Это я поначалу не заметила, что она роллина. — В голосе ее звучало почтение.

Лобов продолжал непонимающе смотреть на нее, но Тика, явно не желая поддерживать этот разговор, только раздраженно пожала плечами и презрительно процедила:

— Вы бы хоть счет уничтожили, а то влипнете из-за такого пустяка.

Лобов, поколебавшись, достал из кармана счет и развернул его. Предчувствие не обмануло: Снегин, как и всегда, оказался предусмотрительным — надпись, сделанная на космоарго, исчезла без следа. Иван усмехнулся и протянул счет Тике.

Она взглянула на него без особого интереса.

— Знаем мы эти штучки! — Тика бесцеремонно разглядывала Лобова. — Нет-нет, да и подумаю: может быть, вы специально прикидываетесь таким простачком? А потом возьметесь и положите всех, как там, возле бара. — И без всякого перехода спросила: — Вы зачем к Лингу? Заработать хотите?

Иван покачал головой.

— Нет, Тика. Я не жадный.

— Зачем же вы туда лезете?

Она сказала это с такой искренней досадой, что Иван заколебался. А собственно, почему бы не рассказать ей, зачем он идет к Лингу? Ведь это уже не тайна — Стиг наверняка давно сообщил своему патрону о цели поисков Лобова. Решившись, Иван полез в карман за бумажником.

— К Лингу в руки попал мой близкий товарищ, вот я и хочу его выручить. — Иван достал голографию, показал ее Тике. — Вот он.

Тика взглянула на голографию и слегка вздрогнула. Иван, внимательно следивший за ней, сейчас же спросил:

— Ты его видела?

— Да. — Она отвела взгляд.

— Его уже допрашивали?

Ресницы Тики дрогнули, за ними на мгновение мелькнули зеленые встревоженные глаза.

— Еще чего! Пока нельзя, у него же сотрясение мозга. — Перехватывая инициативу, она, как всегда, круто изменила тему разговора: — А вы правда не рассердились на меня за то, что я подвела вас там, возле бара?

Лобов чуть улыбнулся и дипломатично ответил:

— Ну, если и рассердился, так теперь уж простил.

— А почему? — требовательно спросила она.

— Ты совсем еще девочка. И толком не знаешь, что творишь, — почти грустно ответил Иван.

— А почему это вы так стараетесь? Кто он вам такой, этот товарищ?

— Это мой друг, — серьезно пояснил Лобов. — Нам уже не первый раз приходится выручать друг друга.

— А как это вы хотите его выручить?

— Я его выкуплю.

Тика с интересом взглянула на Лобова.

— Вы богатый?

— Да как сказать... — замялся Иван. — Не то чтобы богатый, но для такого дела фаргов у меня хватит.

Зеленые глаза Тики прищурились:

— А если Линг не согласится на выкуп?

— Так я его выкраду.

Иван проговорил это с такой уверенностью, что Тика приняла все за шутку, засмеялась, поставила локотки на стол и с увлечением спросила:

— А потом? У Линга руки длинные.

— Я увезу его далеко-далеко. Линг нас там не достанет.

— А куда? На Стигму?

— Конечно, на Стигму.

Не спуская с Лобова пристального взгляда, Тика со вздохом покачала головой:

— Чудные вы там, на Стигме, я таких еще не видела. А может быть, вы землянин?

Иван и бровью не повел.

— Ну, а если бы и землянин, что ж тут такого?

У нее даже глаза расширились, став похожими на глаза настороженной кошки, но лишь на короткое мгновение.

— Какой вы землянин! — Она усмехнулась. — Конечно, земляне умные. У них и культура, и машины, и путешествия. Говорят, у них и любовь какая-то совсем другая... Только вот жизнь у них такая пресная, как селти без приправы. Они там только и делают, что дрожат, как бы кто не оступился, не упал да не набил себе шишку. А уж если пристукнут кого из-за угла, то у них скандал на всю планету! — Тика покосилась на Лобова. — Смешно, правда?

— Очень смешно, — согласился Иван.

— Драться, а тем более воевать они совсем не умеют. — Тике явно было жаль беспомощных землян. — Если у нас дойдет до серьезного дела, так от них одно

мокрое место останется, хоть их и гораздо больше. Надо только сначала перенять у них полезное, а свои тайны поберечь.

Лобов внимательно слушал девушку. «Конечно, она говорит с чужих слов, хорошо бы узнать... Ведь если это не просто бредовая идея, а уже вполне продуманная программа покорения землян далийцами, то... Но чьи же это мысли? Только гангстеров или большинства обитателей этого суматошного города?»

— Вы и правда на меня не сердитесь? — вдруг спросила Тика, мысли которой сделали очередной зигзаг.

Лобов лишь покачал головой.

— Вы думаете, эти, на улице, случайно нам встретились? — Тика бесцеремонно разглядывала Ивана. — Как бы не так, это было подстроено, вас проверяли. А здесь почему сидим? Пообедать мне захотелось? Подумаешь — важность какая! Это мне велели затащить вас сюда и выведать все, что сумею. Опасаются вас почему-то, а почему — не пойму. Вы же совсем зеленый, провести вас — ну ничего не стоит! А роллины вам информацию пересылают, хоть вы ее толком и принять не умеете. Ничего не пойму!

— Не мучай себя сомнениями, Тика. Делай свое дело, а я буду делать свое. А за откровенность — спасибо.

Ее зеленые глаза стали злыми.

— Да мне жалко вас! Выманят у вас фарги и выкинут на улицу! Если совсем не прикончат вместе с этим вашим другом. — И вдруг предложила: — Хотите, я вам помогу?

Он улыбнулся.

— Я серьезно говорю.

«Кто знает, — подумал Иван, — какие еще сюрпризы заготовлены у этой девчонки. Может быть, и это ее предложение своего рода приманка? Не успеешь оглянуться, как окажешься в крепкой мышеловке. Хотя что, в конце концов, я потеряю, если, не раскрывая своих карт, заручусь ее поддержкой? А в решающую минуту...» По какой-то странной ассоциации ему вспомнилась древняя сказка о том, как храбрый витязь отправился спасать попавшую в беду красавицу царевну, как он по пути в тридесятое царство вызволил из разных несчастий медвежонка, сокола, щуку и как потом все они помогли ему справиться с Кощеем Бессмертным. Не будь этой помощи, не сносить бы ему головы!

— Что ж, по рукам! Ты поможешь мне, а я тебе.

Тика протянула ему руку, но смотрела недоверчиво.

— Вы-то чем мне поможете?

— Кто знает? — после секундной заминки ответил Лобов, решив, что не стоит пока откровенничать. — Всякое может случиться.

Зеленые глаза Тики смотрели на него серьезно, без каких-либо следов игривости или озорства. Она явно чего-то ждала от Лобова, но чего — он так и не мог понять.

Глава 12

Всеволод ждал Кайну в машине. Он верил ей, но все равно ему было тревожно: он испытывал состояние, похожее на то, что иногда испытывают дети в темной комнате, когда боятся, сами того не зная, чего и почему. И когда он увидел высокую стройную фигуру молодой женщины, выходящей из кафе, то облегченно вздохнул.

Как раз в этот момент к кафе подходила большая группа обычной для портовых кварталов молодежи. Увидев Кайну, парни на мгновение замолчали, а потом, как по команде, посыпались игривые шуточки, рискованные намеки и двусмысленные предложения. Кайна, не замедляя шага, шла прямо на эту толпу, высоко неся свою белокурую голову. Толпа зашевелилась, предвкушая удовольствие. Снегин взялся за ручку дверцы автомашины. И вдруг произошло чудо: все разом смолкли, будто им заткнули рты, подтянулись, кое-кто стал поправлять одежду и растрепанные волосы. Кто-то, не заметивший общей перемены настроения, отпустил очередную шуточку, но получил такую затрещину, что чуть не упал. Парни послушно расступились перед Кайной, образовав широкий проход, и снова сомкнулись, когда молодая женщина легко и непринужденно прошла через него. «Роллина», — послышался чей-то негромкий восхищенный голос.

Кайна заняла свое место на водительском сиденье и тронула машину с места. Свернув в первый же переулок, она затормозила и обернулась назад.

— Все в порядке, Всеволод, — просто сказала она.

— Благодарю, вы сделали большое дело.

— Я высажу вас здесь, — сказала Кайна, пропуская его благодарность мимо ушей. — Но сначала мы подождем, пока мимо нас не пройдет Иван Лобов.

— А вы уверены, что он пройдет именно здесь?

— Уверена, — спокойно ответила Кайна. — Я навела справки.

— Каким образом?

— Не беспокойтесь, — чуть улыбнулась Кайна. — Я наводила справки не о Лобове. Его сопровождает девушка по имени Тика. Так вот, мне точно известно, что она поведет его мимо нас. А ждать в машине удобнее и безопаснее.

— Согласен.

Некоторое время они сидели молча. Снегин искоса поглядывал на спокойное лицо молодой женщины.

— Не случилось ли что-нибудь? — подумал он вслух.

— Нет, Иван пока в полной безопасности, — уверенно ответила Кайна. — Хочу вам напомнить, Всеволод... Очень важно, чтобы вы добыли документы, изобличающие связь Линга с Яр-Хисом.

— Почему это так важно? — спросил Снегин с сомнением.

— Потому что в городе фактически двоевластие. Действия городского управления нередко наталкиваются на сопротивление Яр-Хиса. Иногда Яр-Хис действует на свой риск и страх. — Кайна вздохнула. — Чаще всего на страх. Арни Таиг хочет покончить с этим.

Снегин внимательно приглядывался к певице.

— И вы хотите помочь ему?

— Да, — решительно ответила Кайна. — Яр-Хис воплощает все самое темное и жестокое в нашей цивилизации. Он изжил себя.

— Но как случилось, что тайная организация приобрела такую власть?

— Яр-Хис возник после ядерной войны и не сразу стал всесильным. — Кайна вдруг замолчала.

После долгой паузы Снегин мягко напомнил:

— Я слушаю вас, Кайна.

Молодая женщина обернулась к нему.

— Как это странно, Всеволод: я, далийка, роллина, сижу с землянином в машине и поверяю ему наши сокровенные тайны. Скажите честно, разве это не похоже на предательство?

Снегин невольно отвел взгляд.

— Вот видите, — негромко сказала молодая женщина.

— Нет, Кайна, — решительно проговорил Снегин. — Вы в сложном положении — это правда. Но это не предательство!

— Что же это?

— Здравый смысл. Ведь мы, земляне, желаем Даль-Гею только добра.

— Что такое добро и зло, Всеволод? И не может ли добро одних обернуться злом для других?

— Над добром и злом стоит разум.

— Разум, — в раздумье проговорила Кайна. — Зачем вам наши тайны, Всеволод?

— Чтобы выработать правильную линию поведения.

Ее синие глаза потемнели.

— И решить, помиловать нас или уничтожить?

— Помочь вам найти самих себя, — мягко ответил Снегин и с легкой укоризной добавил: — Неужели вы верите сказкам о нашей жестокости? Вы, Кайна Стан, которая целый год гостила на Земле?

— На Земле я была певицей, — возразила молодая женщина, — а сейчас я несу ответственность за существование целой расы. Поверьте, это далеко не одно и то же.

— Верю.

Кайна легко прикоснулась к его руке.

— Спросите о Яр-Хисе у президента. Только он вправе решать, что вам можно сказать, а что нет. А пока знайте: Яр-Хис — ваш главный враг, враг сильный и бескомпромиссный...

Снегин прервал ее:

— Иван!

Кайна несколько секунд вглядывалась в глубину улицы.

— Да. Он с Тикой. — Молодая женщина перевела взгляд на Снегина: — Вы присоединитесь к ним?

Всеволод отрицательно покачал головой. Лицо Кайны приобрело отчужденное выражение.

— Почему?

Снегин грустно усмехнулся.

— Я полномочный посол Земли, Кайна, и должен беречь свою репутацию. Я и так пошел на мелкие формальные нарушения своего статута. А с Иваном теперь будет взаимодействовать другой человек, энергичный, ловкий и опытный. К тому же близкий друг Алексея.

Кайна смотрела на Снегина испытующе.

— Вы хотите меня успокоить?

— Это правда.

Они проводили взглядами Ивана и тоненькую Тику, непринужденно и даже гордо шагавшую рядом с ним.

— Наверное, вы правы, Всеволод, — сказала Кайна, запуская двигатель. — Во всяком случае, на вашем месте я бы поступила точно так же. Куда вы теперь?

— К президенту, — ответил Снегин. — Наша встреча назначена на пятнадцать часов земного времени. Осталось всего двадцать минут.

— Тогда вам понадобится машина, — сказала она и добавила: — Я выйду здесь.

— Это не опасно?

Кайна улыбнулась, и Снегин, вспомнив реакцию подгулявших парней, понял, что она права в своей уверенности.

— Хорошо, — согласился он.

— Не забудьте про документы, позаботьтесь об Алексее. Желаю удачи.

Кайна взялась было за ручку дверцы, но Снегин остановил ее:

— Подождите, еще один вопрос... — Он запнулся. — Почему бы вам не улететь вместе с нами на Землю?

— Нет, Всеволод, — ответила Кайна. — Мое место здесь, как бы тут ни было — плохо ли, хорошо ли.

По ее губам скользнула легкая улыбка.

— Впрочем, если бы меня попросил Алексей, — в голосе Кайны прозвучала нотка лукавства, — я бы еще подумала.

— Я вас понял. Прощайте, Кайна.

— Прощайте.

Глава 13

Бар, куда Тика привела Лобова, располагался в подвальном помещении. Туда вела узкая, дважды изгибающаяся лестница — настоящая мышеловка. В баре было около десятка посетителей. Тика усадила Лобова за свободный столик, молча села рядом, поставила локотки на край стола, оперлась на ладони подбородком и стала ждать. Хозяин бара скользнул по Тике приветливым взглядом, задержал его на Лобове и, будто вспомнив о чем-то, поспешно вышел в боковую дверь. Здоровенный парень, сидевший у самой лестницы, лениво допил свой бокал, ладонью вытер рот и направился к выходу.

Тика искоса следила за Лобовым.

— Трусите, уважаемый Ивви? — вдруг спросила она без выражения.

Иван усмехнулся, при желании это можно было бы назвать и страхом. Да, он знал, что такое страх, хотя испытывал его в полной мере только единственный раз в жизни, когда работал вторым пилотом на «Мистрале». Тогда он был совсем мальчишкой — первый год в космосе, а командир получил во время аварии ранение и не мог управлять кораблем. Лобову пришлось самостоятельно сажать тяжелый корабль на незнакомую неосвоенную планету. Нет, сейчас был не страх, а готовность сделать в десятки раз больше, чем в обычные минуты.

Тика заговорщически наклонилась к нему:

— Хотите, я выведу вас отсюда? Еще не поздно. Наплюйте вы на своего друга.

Ее глаза смотрели на него серьезно и доброжелательно. Иван покачал головой:

— Жребий брошен.

— Что? — удивилась Тика.

— Рубикон перейден, и мосты сожжены. — Он рассмеялся.

Лобов уже не старался играть какую-то роль и был, в общем-то, самим собой. Тика недоуменно улыбнулась, так ничего и не поняв. Из боковой двери появился хозяин. Не говоря ни слова и не поднимая глаз, он прошел за стойку. Через минуту по лестнице спустился тот, что выходил из бара, лениво подошел к хозяину, что-то негромко сказал. Хозяин поднял на Тику глаза и кивнул ей. Девушка поднялась со стула.

— Не передумали? — довольно громко спросила она. — Тогда пойдемте.

Лобов почему-то предполагал, что они направятся в боковую дверь, в которую из зала выходил хозяин. Но они прошли мимо, в помещение вроде гардеробной, в которой располагались туалетные комнаты.

— Заходите, — сказала Тика, кивая на дверь.

Лобов удивленно взглянул на нее. Тика вздохнула:

— Да заходите же!

Лобов пожал плечами, открыл дверь и вошел в туалет. Там было темно. Он начал шарить по стене в поисках выключателя, но в это время дверь захлопнулась и вспыхнул такой ослепительный свет, что Иван невольно зажмурился. В тот же миг оба его запястья перехватили сильные руки, что-то звякнуло.

Лобов дернулся, но его цепко и умело держали сразу с двух сторон.

— Спокойно, — прозвучал чей-то безликий голос.

Лобова подтолкнули и куда-то повели. Хлопнула одна дверь, вторая, свет потерял свою нестерпимую яркость. Он приоткрыл глаза и увидел двух мужчин в темных очках, стоящих от него справа и слева. Его уже не держали, но привычной свободы Иван не чувствовал. Опустив глаза, он понял, в чем дело: руки его были скованы — запястья охватывали металлические браслеты, соединенные цепочкой.

Изучая историю, Иван знал, что такое наручники, которые широко применялись в полицейской практике. Он был в наручниках! Мужчины, плотные, коренастые, стоящие рядом, сняли свои огромные темные очки. Лица у них были равнодушные, грубоватые, чем-то похожие на лицо Стига, только в более упрощенном варианте. Ивана опять легонько подтолкнули в спину.

— Проходите.

Лобов, не торопясь, пошел по довольно широкому коридору, освещенному плафонами, вделанными в потолок. Охранники шагали, чуть приотстав, почтительно поддерживая его за локти кончиками пальцев, точно опасались, что он вдруг повернет и проскочит сквозь стену. Иван усмехнулся: «Эти крепкие здоровые люди боятся меня. Вот что значит успешно пройти проверку!»

Через массивную, возможно, бронированную дверь Лобова ввели в просторную комнату, которую он про себя назвал приемной. На широком диване сидели четверо здоровых парней, а напротив них на подлокотнике кресла пристроился, непринужденно покачивая ногой, старый знакомый — Стиг. Он щурил в насмешливой улыбке свои холодные глаза.

— Ивви! — весело сказал он. — Наконец-то! А то я начал было беспокоиться.

Он подошел к Лобову и ловким профессиональным движением провел несколько раз сверху вниз по его одежде.

— Я без оружия, — сказал Лобов.

— Теперь я в этом уверен, — усмехнулся Стиг. — Прошу прощенья.

Он достал из бокового кармана Лобова бумажник. Просмотрел его содержимое, положил обратно в карман. Критически осмотрел Лобова с головы до ног, взял за руку, пригляделся к часам, качнул головой:

— Вот уж не думал, что вы такой модник.

— Стараюсь, — процедил Лобов.

Стиг молча прошел вперед. Ивана подтолкнули в спину вслед за ним. Широкая дверь автоматически отъехала в сторону, и Лобов оказался в кабинете. Стиг посадил его на массивный табурет, намертво привинченный к полу метрах в пяти от обыкновенного стола. На столе стоял письменный прибор, видеофон, диктофон — в общем, все, что обычно стоит на столе делового человека Даль-Гея. Зато боковая стена, слева от Лобова, напоминала пульт управления энергостанцией. Из нее выходили какие-то трубки, кабели, шнуры, оканчивающиеся разными, совершенно незнакомыми Лобову щупами, контакторами и манипуляторами. Он понял, что вся эта аппаратура — орудия веками отработанных изощренных пыток, контроля и принуждения. Лобову стало не по себе, и пришлось сделать известное волевое усилие, чтобы исчезло неприятное, тянущее ощущение под ложечкой.

Тут он перехватил насмешливый понимающий взгляд Стига.

— Не дрейфьте, — покровительственно сказал Стиг, — самое страшное позади. — Наклонившись, он отомкнул ключиком наручники, снял их и предупредил: — Только без глупостей. Здесь ведь разговор короткий. — Стиг дернул углом рта, засмеялся и добавил: — А я у вас в долгу. У меня с этим Оуном старые счеты.

Один из гангстеров вышел в приемную, оставив дверь открытой, другой сел на стул возле той, страшной стены. Не таясь от Лобова, а может быть и специально демонстрируя ему, он достал из кармана большой пистолет, проверил его и снова сунул в карман куртки. Стиг остался стоять, прислонившись спиной к противоположной стене. Временами он останавливал свой взгляд на Лобове и ободряюще улыбался.

Вдруг из приемной послышался легкий шум, видимо, все сидевшие там дружно вскочили на ноги.

— Здравствуйте, мальчики, — послышался мягкий приветливый голос.

— Добрый день, патрон, — хором ответили «мальчики».

— Как дела с картиной Айола, Тодди?

Айол был одним из самых известных живописцев Даль-Гея, причем он был по-настоящему крупным и самобытным художником.

— Она ваша, патрон.

— Спасибо, дружок. — И после паузы: — Рэг, что-то у тебя глаза не так смотрят. Опять?

— Разве самую малость перебрал, патрон, — виновато пророкотал хриплый басок.

— Не надо излишеств, дружок, — увещевающе сказал мягкий голос. — Я очень прошу тебя. Я не против того, мальчики, чтобы вы развлекались, как вам по душе. У нас не храм мирового духа. Но работе это не должно мешать. Ты меня понял, Рэг?

— Понял, — поспешно ответил осипший басок.

Лобов не сводил ожидающего взгляда с двери. В кабинет вошел статный немолодой мужчина с удлиненным благородным лицом. Стиг отделился от стены и угодливо подался вперед.

— Все готово, патрон.

— Спасибо, дружок.

Вошедший мельком взглянул на Лобова добрыми умными глазами, сел за стол и приветливо сказал:

— Рад вас видеть, ленд Ивви Лонк. — Он улыбнулся, отчего вокруг его глаз собрались морщинки, и вежливо представился: — Меня зовут Эйт Линг, для друзей просто Эйти.

Лобов, несколько сбитый с толку обликом и манерой поведения Линга, который оказался вовсе не похожим на созданный его воображением образ матерого гангстера, молча поклонился.

Разглядывая его, Линг улыбнулся еще шире, показав ровную полоску белоснежных зубов.

— Признайтесь, вы удивлены? Вы ожидали встретить чудовище, а не человека. — Линг сцепил пальцы рук и вздохнул. — Вы думаете, я люблю свое дело? О, я бы с радостью забросил его, но все мы рабы обстоятельств, все мы опутаны, как цепями, своей прошлой жизнью. — Он несколько оживился. — Знаете, что я люблю больше всего, дорогой Ивви? Живопись! Вот божество, которому я поклоняюсь бескорыстно. Если мы с вами подружимся, а я искренне надеюсь на это, я познакомлю вас со своим собранием картин. Уверяю вас, — в голосе Линга зазвучали нотки откровенной гордости, — в ней есть настоящие шедевры. Я ведь и сам не чужд искусства. Несколько раз выставлялся, под другим именем, разумеется, а однажды получил приз. Всего лишь поощрительный, но я бы его не променял на все свое состояние. — Линг сделал небрежный жест. — Однако вернемся к прозе жизни, к делам. — Голос его звучал теперь особенно проникновенно. — Я искренне надеюсь на ваше чистосердечие, дорогой Ивви. Поверьте, попытки лгать, умалчивать все

равно будут разоблачены, у нас есть для этого средства. — Линг скользнул взглядом по страшной стене. — Мне лично они отвратительны, но жестокая необходимость выше наших с вами эмоций.

И так как Лобов и на этот раз промолчал, Линг продолжал:

— Могу вас порадовать. Пока вы с немалыми приключениями добирались ко мне, мы навели о вас самые подробные справки. Они свидетельствуют в вашу пользу. В вашу пользу говорят и свидетельства тех, кто имел с вами личные контакты. В известной мере. Ну, а фирма «Нун», которую вы представляете, хорошо известна в деловых кругах и в особых рекомендациях не нуждается. — Он поднял на Лобова свои добрые улыбчивые глаза. — Меня удивляет одно: почему такая фирма, не жалея крупных средств, ищет контакты с землянином?

— Если бы это не было удивительно, мы бы обратились не к вам, а в городское управление.

Линг вздохнул и спросил как бы с сожалением:

— А почему вы уверены, что я не поставлю в известность это управление?

— Потому что мы заплатим вам гораздо больше, — уверенно ответил Иван.

Линг молчал, продолжая разглядывать его, и Лобов счел нужным добавить:

— И еще потому, что это чисто коммерческое дело, без малейшей политической окраски. Хаасен не выполнил некоторые обязательства перед фирмой.

— Землянин? Консул? И деловые обязательства? — ласково спросил Линг.

— Фирма тоже весьма недоверчиво отнеслась к его предложению, — хладнокровно ответил Лобов. — Но мы попробовали, и дело пошло. Не исключено, что это некая игра землян, санкционированная сверху. Это нас не касается. Мы коммерсанты. Надеюсь, наводя справки, вы обратили внимание на то, как заметно возросли доходы нашей фирмы за последний год?

— Консул — и деловые обязательства, — словно не слыша Лобова, проговорил Линг. — Невероятно! — И вдруг рассеянно спросил: — А что вы собираетесь делать с Хаасеном?

— Я имею в отношении его самые широкие полномочия.

— И все же?

— Прежде всего я должен с ним поговорить. Возможно, этого окажется достаточно, а возможно, и нет. Если нет, я попробую его выкупить.

— Выкупить, — повторил Линг и белозубо улыбнулся. — А если я не соглашусь?

— Я постараюсь уговорить вас, — пожал плечами Лобов.

— Уговорить? Силой, разумеется?

Лобов недовольно сдвинул брови.

— Не надо делать такое оскорбленное лицо, Ивви. Я убежден, что вы относитесь к числу тех людей, которые добиваются поставленной цели любым путем. Кстати, Тика пришла к такому же выводу. И еще она убеждена, что с вами вообще что-то нечисто. — Он пристально взглянул на Лобова. — Да-да, нечисто. Она подозревает, что вы либо землянин, либо действуете в интересах землян, а фирма «Нун» только прикрытие. — Линг опять засмеялся. — Да, Тика, — проворковал он, с иезуитской проницательностью угадывая мысли Лобова. — Вы поверили ей, не правда ли? И немного пооткровенничали. Не огорчайтесь, что вас провели. Ей все верят, даже я. Изумительно ловкая и умная девчушка! Находка. Ее и учить почти не пришлось, самим Богом ей дано все, что нужно для нашей работы. — И спросил с кажущимся чистосердечным любопытством: — Простите за бесцеремонность, но зачем коммерческому представителю фирмы «Нун» нужны такие тесные контакты с землянином?

Лобов ответил не сразу. Он по-человечески огорчился, что эта девчонка оказалась таким искушенным и хладнокровным провокатором.

— Это коммерческая тайна, стоящая не один миллион, — медленно проговорил он, — но я понимаю, мне придется поделиться с вами.

— Да, без этого мы вряд ли достигнем взаимопонимания, — мягко, словно извиняясь, подтвердил Линг.

Он оставался как будто тем же приветливым, добродушным собеседником, и все-таки Лобов заметил, что слова о миллионах вывели его из привычной роли: в глазах Линга замерцал хищный огонек. На это и был расчет. Разве человек, всю свою жизнь посвятивший охоте за фаргами, устоит перед такой суммой?

— Помимо официальных каналов, — неторопливо продолжал Лобов, — наша фирма получала нейтрид еще и не совсем законным путем: от Хаасена, через тайник. Нейтрид компактен, килограмм его — уже целое состояние. Надеюсь, вам это известно.

— О, безусловно!

— Хаасен очень аккуратно выполнял свои обязательства. Ему доверяли. Недавно он попросил крупный аванс, пообещав в ближайшее время расплатиться нейтридом. Естественно, аванс был ему предоставлен, но в условленное время нейтрида в тайнике не оказалось. А вскоре фирме стало известно, что Хаасен исчез. Мы решили принять меры и пустили в ход связи, минуя, разумеется, официальные каналы. И вот я здесь, — закончил Лобов.

Он заметил, что Линг позволил себе так разволноваться, что на его лице, не потерявшем приветливого выражения, выступил легкий, похожий на акварельную тень, румянец.

— Любопытно! — протянул Линг.

— Кстати, — будто только теперь вспомнив об этом, проговорил Лобов, — мой визит к вам подготавливал некий Алек Корон. Он наводил о вас некоторые справки, весьма осторожно, разумеется, и тоже исчез. Полагаю, он находится у вас?

— Очень возможно.

— Фирма была бы чрезвычайно огорчена, если бы с ним случилась какая-нибудь неприятность.

— О таком пустяке мы легко договоримся. — Линг пренебрежительно помахал в воздухе рукой и впервые за время разговора остро взглянул на Лобова: — Послушайте, Ивви Лонк, я готов допустить, что фирма «Нун» сотрудничала с кем-то из земного консульства. Но вы уверены в том, что это был именно Хаасен?

Сердце Ивана дрогнуло: вопрос Линга был еще одним свидетельством того, что в консульстве работал предатель. Предатель! Линг откровенно допускает такую возможность. Он только не верит, что предатель — Хаасен. Тогда, может быть, вопрос гангстера — ход, которым он пытается на всякий случай отвести подозрение от нужного и ценного для них человека? Если это так, то появление Хаасена здесь поставит его, Ивана, на самый край пропасти. И все-таки надо попробовать! Надо рисковать!

— Я бы мог опознать человека, с которым мы сотрудничали, если вы мне его покажете, — сказал Лобов, четко выговаривая каждое слово, иначе голос выдал бы его волнение.

— Что ж, — проговорил Линг, — я покажу вам его. — Он легко поднялся из-за стола и кивнул Стигу: — Ты проводишь меня, мальчик. — Обернулся к Лобову и с луче-

зарной улыбкой сказал: — Я искренне надеюсь, что вы будете вести себя спокойно. Мои мальчики скверно разбираются в искусстве, но прекрасно стреляют. Причем стреляют в живот, чтобы подопечный умер не сразу. Печальная необходимость — перед смертью его обычно нужно хорошенько допросить. — Линг взглянул на телохранителя и ласково спросил: — Надеюсь, тебе понятно, что ты отвечаешь за него головой?

— Да, патрон, — отчеканил тот.

— Если придет Тика, пусть меня подождет здесь. Эти скоты, — пояснил Линг уже Лобову, — совершенно не умеют вести себя с дамами.

И, приветливо кивнув, он покинул кабинет.

Стиг ободряюще подмигнул Ивану и поторопился выйти вслед за патроном. Телохранитель проводил их краем глаза и перевел свой равнодушный взгляд на подопечного. Демонстративно вытащив из нагрудного кармана тяжелый флайтер, он любовно погладил его и сунул обратно. Вдруг глаза его настороженно метнулись к двери, но тут же на равнодушном лице появилась тупая, с трудом выдавленная улыбка. Иван проследил за его взглядом и увидел Тику, стоящую в дверях.

Глава 14

Тика абсолютно спокойно смотрела на Лобова своими зелеными глазами. Иван лишь мельком взглянул на нее. Он даже не сердился за предательство. Что можно было ждать от этого изломанного существа, жившего в таком мерзком окружении?

Выдержав паузу, Тика подошла к Лобову ближе. Телохранитель заерзал на стуле и неуверенно пробурчал:

— Патрон разрешил тебе с ним говорить?

Тика скользнула по нему презрительным взглядом.

— Делай свое дело, а я буду делать свое.

Она стояла теперь совсем рядом с Лобовым.

— Злитесь на меня?

— Нет, — рассеянно сказал он.

— Врете! — уверенно возразила она.

Иван взглянул на нее внимательно.

— Нет, не злюсь, — повторил он, — хотя, честно говоря, не думал, что ты будешь помогать мне таким оригинальным образом.

Тика презрительно сощурила глаза.

— Ишь вы какой прыткий! Хотите, чтобы я утопила и вас и себя? Настоящие дела так просто не делаются, — добавила она уже наставительно. — Думаете, я одна за вами следила? Они же всегда и все несколько раз перепроверяют.

Она говорила все это тренированным, еле слышным шепотом, но говорила такие вещи, что Лобов, предупреждая ее, повел глазами в сторону телохранителя.

Тика пренебрежительно хмыкнула.

— Если и услышит, ничего не поймет. Он все равно что умрок — стрелять только и умеет. А я успела узнать у этих болтунов, что тут про вас наговорили другие, вот и повторила Лингу то же самое. Вы же не землянин, вам от этого не жарко и не холодно. Проверят и успокоятся!

— Так, — рассеянно протянул Лобов. Он думал сейчас о том человеке из консульства, который сотрудничает с далийцами.

— Ты видела Хаасена, Тика?

— Это землянина-консула?

— Да.

— Конечно, видела!

— Ну и как он? Наверное, раскис и выболтал все, что знал?

Тика тряхнула головой.

— Разве такой выболтает? Знаете, как они издевались над ним! И били, и огнем прижигали, и током щелкали, и уколы делали. Только уколы эти, от которых дурнеют и выкладывают все начистоту, на него совсем не действовали. Он просто засыпал, а может быть, терял сознание. И никакого толку! Так и молчал, как каменный.

Все это было очень похоже на Хаасена, но можно ли верить этой девчонке, к которой с симпатией относится сам Линг? И если предатель не Хаасен, то кто же? Кто?

— Да вы что, не верите мне? — с обидой спросила Тика.

— Не знаю, — откровенно ответил Лобов, — верить тебе или нет.

— Ну и не верьте. Только если вы хотите выручать этого самого Хаасена, то поторопитесь, а то его в живых не будет.

— Почему? — насторожился Лобов.

— Да потому! Что же, его по головке будут гладить за то, что он молчит? Его так мучили, что мне, хоть он и землянин, даже жалко его стало. Тоже ведь человек!

И Лобов ей поверил. Поверил и испугался: а вдруг все напрасно, вдруг Тура уже нет в живых? Напрасны изнурительные тренировки, дотошное копание в отбросах истории, насилие, почти издевательство над собой, риск и жертвы? Как бы радовались эти подонки, если бы на Тура действительно легло черное пятно предательства!

Лобов сжал зубы, сдерживая себя. Он чувствовал, как в нем растет неудержимая ненависть к окружающему его подлому миру.

Взглянув на Тику, Иван заметил испуг, метнувшийся в ее глазах. Откуда ей было знать, что перед ней сидел уже не просто сильный, добродушный коммерсант, которому ей так нравилось покровительствовать, а командир «Торнадо», вставший на боевую вахту, готовый выполнить принятое решение любой ценой.

— Что это с вами? — спросила она, стараясь попасть в свой обычный тон.

— Тика, — хмуро проговорил он. — Тика, когда вернется Линг, уйди отсюда.

— И... что потом?

Лобов заглянул в ее зеленые глаза, заметил в них тревогу, надежду и повторил:

— Уйди, плотно затвори за собой дверь и жди меня.

В ее глазах снова плеснулся страх.

— А если вы не придете?

Он хотел сказать, что тогда жизнь ее пойдет обычным чередом, но сдержался и подчеркнуто уверенно произнес:

— Никаких «если» не будет, Тика. Я приду.

Часть третья

Глава 1

Клим Ждан был просто великолепен. Темные волосы, крупно завитые и откинутые назад, открывали высокий лоб, на щеках смуглый румянец, большие черные глаза. Белоснежная рубашка, сотканная из паутины паука круо, оставляла открытой сильную стройную шею. Пиджак из тончайшей замши подчеркивал пропорциональность фигуры. В правой руке Клим держал короткий стек и с нетерпением постукивал им себя по бедру. Типичный представитель золотой молодежи, правда, уже на закате молодости, утомленный удовольствиями и пресыщенный наслаждениями фаворит какого-нибудь преуспевающего дельца или его подруги. Он предстал на пороге бара как видение из другого, сказочного мира. Опытный официант, поспешно бросив все дела, засеменил ему навстречу мелкими шажками, почтительно склонив голову к правому плечу. Со скучным выражением лица глядя поверх головы официанта, Клим вполголоса обронил:

— Хозяина.

И через несколько секунд хозяин бара, кругленький, пышущий здоровьем человек, склонил перед ним в почтительном поклоне голову, не совсем внятно бормоча слова благодарности за то, что уважаемый ленд оказал ему большую честь посещением его скромного заведения. «Уважаемый ленд» нетерпеливо щелкнул себя стеком по бедру, и хозяин послушно умолк. Клим бесцеремонным взглядом окинул его с ног до головы, точно рядовой музейный экспонат, а потом в той же рассеянной неторопливой манере и сам бар. Вздохнул и, глядя на хозяина, вернее, сквозь него, спросил, с нарочитой небрежностью выговаривая слова:

— До меня дошли слухи, что в этом баре умеют готовить аттофе.

Хозяин гордо выпятил грудь:

— Слухи вас не обманули, уважаемый ленд.

Клим еще раз критически смерил взглядом хозяина и уведомил:

— Я сниму пробу. Отдельный столик. Поуютнее. И чтобы не мешали.

— Прошу, ленд. — Хозяин почтительно попятился, а потом засеменил бочком, на полкорпуса опережая Клима. — Прошу, надеюсь, здесь будет удобно? — Он подвел его к столику, очевидно предназначенному для избранных посетителей.

Клим огляделся. Дверь в туалетную комнату, куда по докладу сопровождающего вошел Иван и уже не вышел оттуда, с предложенного хозяином столика просматривалась плохо. А за удобным столом сидели два молодых парня, которые — это было отлично известно Климу — взяли Ивана вместе с Тикой под наблюдение после драки на улице, довели до этого бара и вот остались ждать. Сыщики безусловно, но чьи? Понятно, не гангстеры. Какой им смысл ждать Ивана, когда он в руках их хозяина? Стало быть, они либо из аппарата президента, либо из Яр-Хиса. Как бы то ни было, стоило попытаться удалить их с такого выгодного места и занять его самому, а наглость такого поступка сыграет на образ и послужит хорошим камуфляжем.

— Здесь дует, — холодно проговорил Клим и, не оборачиваясь, указал стеком на занятый парнями стол. — Мне будет удобно вон там.

Если фигура хозяина бара была бы поизящней, он бы определенно начал извиваться по-змеиному, а так он лишь сделал несколько не очень ловких движений плечами и бедрами.

— Я бы с превеликим удовольствием, уважаемый ленд. Но вы же сами видите, что стол в некотором роде уже занят.

Клим на секунду перевел взгляд из «высоких сфер» на хозяина, устало усмехнулся, двумя пальцами левой руки достал из нагрудного кармашка монету пятидесятифаргового достоинства и, прищелкнув, положил на край столика. Не обычную бумажную купюру, а именно монету, отчеканенную из платины. Иметь подобные деньги считалось в Даль-Гее высшим шиком, а котировались они по крайней мере на тридцать процентов выше номинальной стоимости.

— Устройте.

— Сделаю все, что в моих силах. — Хозяин бара почтительно склонился, сделал легкое движение полусогну-

той рукой, заставив монету волшебно исчезнуть, и поспешил к занятому столу.

Клим ждал, со скучающим видом похлопывая себя стеком по ноге. Не то солидная модная монета произвела должное впечатление, не то агенты были достаточно опытны и не пожелали привлекать к себе внимания, но они охотно уступили просьбе, заняв место в противоположном конце зала. Оттуда тоже можно было наблюдать за дверью, хотя и не так удобно.

Усевшись за стол, Клим ногтем мизинца отшвырнул заботливо раскрытое меню и, не глядя на хозяина, продиктовал:

— Аттофе. В самом развернутом виде.

— Это само собой разумеется, уважа...

Клим остановил его ленивым движением руки.

— Кроч. Выдержанный. Старый. Бокал ликомского. Игристого. Фрукты. Острая закуска. На ваш вкус. Все.

Заметив, что Клим скосил глаза на свои часы-перстень, хозяин по-своему истолковал этот взгляд и поторопился уверить:

— Ленду не придется долго ждать.

Клим свел свои черные брови к переносью.

— Вы начинаете меня разочаровывать. — Он выдержал внушительную паузу и снисходительно пояснил: — Никакой спешки! От изысканности и тонкости букета аттофе будет зависеть, соблаговолят ли вас посетить некие влиятельные лица.

— Я понял! — поспешил заверить хозяин бара.

Клим отпустил его едва заметным кивком головы, включил музолу, вмонтированную в рукоятку стека, и полузакрыл глаза. Мысленно перебирая все свои действия с момента прихода в бар, он не без гордости отметил, что был на высоте. Гордость его была тем более понятна, что идея использования образа богатого прожигателя жизни принадлежала лично ему. Во-первых, к этим фатам особо серьезно никто не относился, а во-вторых, их все же несколько побаивались, потому что за их спиной обычно стояли высокие покровители. Снегин сначала усомнился, справится ли Клим с ролью представителя золотой молодежи. И правда, поначалу Клим был скован, фальшив и не производил должного впечатления. Но стоило над ним потрудиться самодеятельным парикмахерам, косметологам и модельерам, под общим руководством Лены Зим, как Клим преобразился и почувствовал себя в далийском облике как рыба в воде.

В задачу Клима входило вывезти всех участников операции в безопасное место, для чего его снабдили большой роскошной машиной далийского производства, которые обычно использовались для увеселительных загородных прогулок. Однако, прежде чем выполнить это в общем-то нехитрое задание, ему следовало вступить в контакт с Иваном и получить от него координаты места встречи. Ждать известий Климу надлежало в баре, а для этого он должен был обосноваться там прочно, надолго и так, чтобы не вызвать подозрений. Одного облика далийского денди для этого было маловато, требовалась какая-то дополнительная зацепка. Штаб операции, находящийся на стигмийской базе и имеющий прямую кодовую связь со Снегиным, долго ломал голову над решением этой как будто бы не такой уж и сложной задачи, компьютер браковал предлагаемые варианты один за другим. И только когда вспомнили о том, что фактически каждый бар в Даль-Гее имеет собственное фирменное блюдо, которое всячески им рекламируется, все стало на свои места: Клим должен был разыграть роль знатока кулинарии. При необходимости он мог забраковать блюдо и потребовать изготовить его заново, он мог не удовлетвориться одной пробой и заказать блюдо повторно, например, с другой приправой, такие капризы далийских денди были обычны. В общем, кулинарный вариант прошел через компьютер без замечаний, а Клим немедленно получил подробные рекомендации и включился в операцию.

Глава 2

По голосам и шуму, послышавшимся в приемной, Лобов догадался о возвращении Линга с компанией и внутренне подобрался. И все-таки он испытал такое потрясение, которое всегда сопутствует встрече с неожиданным, что едва удержался от того, чтобы не вскочить со стула. В сопровождении двух охранников, тяжело передвигая ноги, но высоко держа голову, в кабинет вошел Хаасен. Он изо всех сил старался смотреть твердо и решительно, но был так слаб, что почти ничего не видел. Вдруг глаза его, остановившиеся на Лобове, прояснились, в них мелькнули изумление и радость, сразу сменившиеся усталой ненавистью. Лобов понял, что сейчас произойдет, и сделал отрицательное движение головой, но было уже поздно.

— Еще одна провокация, — глухо и насмешливо прозвучал голос Хаасена, глаза его вновь остановились на Иване. — Вы-то как попали сюда? Вы, бог патрульной работы, Иван Лобов? Плохой камуфляж, Линг, наивный.

Хаасен покачнулся, он едва держался на ногах от слабости, но никто не предпринял даже попытки поддержать его.

Наверное, слава «Торнадо» докатилась и сюда, потому что на равнодушных лицах собравшихся убийц-манекенов отчетливо проступило сначала изумление, потом торжество. В открытую дверь ввалились все, кто был в приемной. Телохранитель-охранник у стены, тупо ухмыляясь, тянул из кармана тяжелый флайтер. Расчищая себе дорогу нетерпеливым движением руки, к Лобову двинулся Стиг. Медлить дальше было нельзя.

— Это провокация, — негромко и хладнокровно проговорил Лобов и неторопливо поднялся с табурета. Он все-таки помедлил, глядя на Тику, стоящую с застывшим лицом в толпе гангстеров.

Поймав его взгляд, она скользнула между охранниками в приемную и потянула за собой дверь.

— Это провокация, — уже громче, увереннее повторил Лобов. И неожиданно подсечкой сбил Хаасена с ног.

— Не стрелять! Взять живым! — высоким голосом выкрикнул Линг.

Лобов вскинул над головой левую руку и крепко сжал пальцы — все, кроме того, на котором красовались модные часы-перстень. Глухо прозвучал мягкий взрыв, словно пушистой колотушкой ударили в огромный барабан. Направленная волна гравитации, ломая молекулярную структуру вещества, обрушилась на окружающих. Отдача раздробила палец Лобова. Погас свет, остался лишь один плафон за спиной Ивана. Густым туманным облаком клубилась и оседала мельчайшая сизая пыль, бесформенными грудами праха лежало на полу то, что мгновение назад было людьми. Стены, потолок были выщерблены, истреблены. На полу в последних судорогах корчился Стиг, на которого гравитоудар пришелся своей периферийной частью. Тяжело дыша, пытался подняться на ноги Тур Хаасен. И — тишина. Только сухой, еле слышный шорох осыпавшейся пыли. Все было кончено.

Из пальца Ивана хлестала кровь. Лобов удивленно взглянул на свою руку, достал из кармана липучку и механически, заученными движениями забинтовал рану. Хаасен поднял голову.

— Иван... — Голос у него сорвался. — Неужели это ты, Иван?

Он стоял на коленях, жадно вглядываясь в мощную фигуру, рисовавшуюся в дымном мареве.

— Я, — глухо ответил Лобов.

Обхватив товарища за плечи, он помог ему встать на ноги. Хаасен прижался к Лобову своим исхудавшим телом и, словно в бреду, повторял:

— Так это ты, Иван, ты... — Он вдруг всхлипнул. — Не обращай внимания, сейчас пройдет.

Лобов достал из кармана платок и закрыл им Хаасену лицо, чтобы тот не дышал страшной пылью. Прикрываясь рукавом, он повел товарища к выходу. Хаасена шатало так, словно пол был палубой корабля во время шторма. Под ногами шуршала, хрустела пыль, иногда ноги по щиколотку увязали в ней. Лобов старался не думать о том, что это за пыль. Стиг не шевелился больше, он лежал, скорчившись, на боку, и было видно, что одной руки у него нет. У самой двери Хаасен остановился и отнял платок от лица.

— Оружие есть?

— Нет, — ответил Лобов.

— Тогда подожди.

И Хаасен шагнул куда-то в клубящийся пыльный туман. Лобов прислонился плечом к щербатой, изъязвленной стене и отдыхал, прикрыв глаза. Палец начало жечь, и Иван был рад этому живому, острому ощущению боли. Как тень, бесшумно появился Хаасен и протянул Лобову два пистолета, держа их одной рукой за стволы. В другой у него был пистолет, зажатый привычной боевой хваткой. Карманы его брюк оттопыривались: наверное, и там было оружие.

— Это из шкафа, — пояснил он и откашлялся. — Обращаться умеешь?

Один пистолет Лобов положил в карман, в канал ствола другого вогнал патрон.

— Умею.

Он взялся за дверную ручку и почувствовал прикосновение Хаасена.

— Подожди, отдышусь. — Хаасен тяжело оперся на его плечо. — Ты как попал сюда?

— За тобой и Алексеем, — коротко ответил Иван.

— За Алексеем? Разве он здесь?

— Здесь.

Хаасен хмуро покачал головой.

— Я ничего о нем не слышал. Может быть, ты ошибаешься?

— Нет. Сведения абсолютно точные. Сам Линг подтвердил, что Алексей здесь.

— Как же это он?

Лобов внимательно разглядывал изможденное лицо товарища.

— Искал твои следы и нарвался на ловушку.

— Я тоже нарвался на ловушку. — Он мгновение поколебался, взвешивая на ладони тяжелый пистолет. — Знаешь, Иван, ты только не подумай, что я сошел с ума, но, скорее всего, Самсонов предатель.

Ни один мускул не дрогнул на лице Лобова.

— Так ты знаешь? — поразился Хаасен.

— Знаю. Что один из консулов предатель, я знал, когда шел в это логово. — Лобов поднял спокойные серые глаза на Хаасена. — Только не знал, кто конкретно, ты или Самсонов.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу.

— И все-таки пошел?

— А что было делать?

— Да, — согласился Хаасен и с ненавистью проговорил: — Какой подлец!

Тыльной стороной ладони, в которой был зажат пистолет, он вытер лицо, руки его дрожали.

— Ладно, все это потом, — вдруг спохватился он. — Сначала надо найти Алексея. — Он повернулся к двери. — Хоть бы одна гадина осталась живой, чтобы я сам, своими руками разделался с ней.

Лобов сочувственно положил руку ему на плечо.

— Успокойся, — попросил он. — И возьми себя в руки. Мы не далийцы. — И, уже повернув дверную ручку, добавил: — Будь повежливее с девочкой.

— С какой девочкой? — не понял Хаасен.

— С Тикой.

— Наша? — поразился Тур и закашлялся.

— Теперь наша, — ответил Лобов и рывком отбросил дверь в сторону.

Большая приемная была пуста, только Тика стояла у стены, закрыв глаза. Лобов опустил пистолет и перешагнул порог, вслед за ним вошел Хаасен и с усилием задвинул за собой дверь. Тика услышала эти звуки, ресницы ее мелко задрожали, глаза осторожно приоткрылись и вдруг широко распахнулись от ужаса. И правда, вошедшие были страшны, особенно Лобов: мрачный, с головы до ног осыпанный голубоватой пылью, с окровавленной рукой. За его спиной тенью вставал Хаасен, похожий на призрак из

кошмарной сказки. Секунду Тика смотрела на Лобова непонимающими глазами, потом сказала чуть удивленно, со вздохом облегчения:

— Пришел... — Тут же беспокойство отразилось на ее лице, она тревожно спросила: — А те?

— Тех больше нет, — хрипло ответил Хаасен вместо Лобова и, сделав два тяжелых шага, сел, скорее, упал на диван.

Тело его бессильно откинулось назад, но взгляд был зорким, и пистолет из руки он не выпускал. Черное дуло настороженно смотрело в сторону полуоткрытой двери, ведущей в коридор. Тика недоуменно покосилась на него, на Лобова и вдруг, сорвавшись с места, скользнула к двери, из которой они только что вышли, и, изогнувшись дугой, рванула ее в сторону. Тяжелая дверь нехотя уступила. От рывка с ее внутренней стороны отвалился большой бесформенный кусок и рассыпался в воздухе, расплывшись голубоватым облаком. Всего мгновение Тика смотрела в страшный безмолвный мир праха и смерти — опомнившийся Лобов отшвырнул ее в сторону и со стуком захлопнул дверь.

Тика вздрагивающей рукой поправила растрепавшиеся волосы и растерянно спросила:

— Так их совсем нет?

Лобов отвел взгляд и промолчал. Оглядев свою одежду, он машинально смахнул с рукава заклубившуюся пыль. Хаасен мрачно усмехнулся, перевел взгляд с Лобова на Тику и зло подтвердил:

— Совсем.

Она только мельком взглянула на него и снова спросила Ивана:

— Совсем-совсем?

Лобов молчал. В глазах Тики заметался ужас, она затрясла головой, подалась назад, всем телом прижалась к стене и звенящим шепотом спросила:

— Вы кто? — И закричала испуганно: — Кто вы?

Она оглядывала Лобова с ног до головы растерянным взглядом. Иван хмуро взглянул на нее, но не успел ответить.

— Тихо! — властно прошептал Хаасен.

С неожиданной для его изможденного тела быстротой он прыгнул с дивана к коридорной двери и распластался, прижавшись к стене. Теперь и Лобов услышал, как звучат в коридоре чьи-то осторожные шаги. Постепенно замедляясь, они звучали все ближе, ближе и внезапно обо-

рвались. Рука Хаасена с зажатым в ней пистолетом напряглась, Лобов замотал головой и прижал палец к губам. Шаги возобновились, тихие, крадущиеся. Еще мгновение — и в приемную с высоко поднятыми над головой руками медленно и торжественно вошел Сайн.

— Доктор Сайн, — степенно представился он Лобову, кивнул Тике, сморщив в улыбке лицо, испуганно дернулся назад, неожиданно заметив Хаасена. Но тут же овладев собой, представился и ему: — Доктор Сайн.

Хаасен усмехнулся:

— Знаю.

Изо всех сил стараясь не показать своей слабости, он опустился на стоящий неподалеку стул. Сайн всем корпусом повернулся к Лобову.

— Прошу вас обратить внимание — я сдался вам совершенно добровольно и без малейшего сопротивления.

Иван невольно улыбнулся:

— Опустите руки. И садитесь. Меня предупреждали о вашей лояльности.

Сайн церемонно поклонился:

— Благодарю.

Он поискал глазами стул и в непринужденной позе сел, закинув ногу на ногу. Его глаза остановились на пистолете, который Лобов держал в руке. Сайн вопросительно взглянул на Ивана, покосился назад, на пистолет Хаасена, и поежился.

— Простите за любопытство, — осторожно сказал он, — где, если можно так выразиться, прежние хозяева этих апартаментов?

Хаасен зашевелился на своем стуле, но Лобов взглядом приказал ему молчать и коротко ответил:

— Можете считать, что они полностью обезврежены.

— М-да, — многозначительно проговорил Сайн, — у меня ведь есть, точнее, была видеосвязь с патроном. Но хотя я и не понял толком, что там произошло, однако же догадался: нечто экстраординарное. И поспешил сюда.

Он выжидательно умолк, но Лобов не произнес ни слова. Сайн тяжело вздохнул, покосился на дверь, на пистолет в руке Лобова и продолжал:

— Если Линг с компанией, как вы только что выразились, обезврежены, то даю вам честное слово, вы можете совершенно спокойно спрятать свой флайтер в карман, — он показал рукой за спину, — и посоветовать ленду Хаасену сделать то же самое. Вы даже представить себе не можете, какой у этих флайтеров мягкий спуск, их ведь де-

лают по специальному заказу. Чуть шевельнете пальцем, и пистолет, уверяю вас, сейчас же стреляет. Мне не раз приходилось обрабатывать раны, которые даже опытные люди случайно получали из-за этого проклятого спуска. И, признаюсь чистосердечно, когда за моей спиной кто-то сидит с флайтером в руках, я чувствую себя очень неуютно.

Лобов улыбнулся, поставил пистолет на предохранитель и уже собрался положить его в карман, когда вмешался Хаасен:

— Не торопись, Иван. — Он перевел взгляд на Сайна: — А стража на втором этаже?

Доктор вместе со стулом повернулся к нему вполоборота.

— Пользуясь вашей терминологией, можно сказать, охрана полностью обезврежена.

— И кто ее обезвредил? — Лицо Хаасена выражало недоверие.

Сайн покосился на него, на Лобова и склонил голову.

— Я.

— Вы? — Хаасен скептически смерил взглядом щуплую фигуру Сайна. — Вы справились с двумя тамошними гориллами?

Сайн нахмурился:

— Вы обижаете меня, ленд Хаасен. Неужели врач, человек культурный и образованный, не в состоянии справиться с двумя скотами-охранниками, которые только и умеют, что стрелять без промаха и драться? Я перестал бы уважать себя, если бы спасовал перед такой пустяковой задачей!

Лобов опустил свой пистолет в карман.

— Благодарю за доверие, ленд Лобов, — живо повернулся к нему Сайн. — Может быть, это не совсем уместно, но я не могу не заметить, что я давний и искренний поклонник героического экипажа «Торнадо». Что касается охранников, то я человек гуманный, с ними ничего плохого не случилось. Они просто спят. И даю вам твердые гарантии, что спать они будут никак не меньше суток. — Он осторожно, самыми кончиками пальцев, прикоснулся к раненой руке Ивана и озабоченно сказал: — Мне кажется, вы нуждаетесь в моих услугах. У меня огромный опыт в такого рода делах.

— Благодарю, — хмуро сказал Иван, оглядывая свою руку. — Единственное, что мне нужно, — это умыться.

Сайн хотел возразить, но его прервал негромкий смех Тики. Всеми забытая, она так и стояла у стены, лишь

поза ее стала менее напряженной. Теперь она сползла в кресло, смеялась и говорила:

— Так их больше нет! Совсем-совсем нет! Никого!

Она будто бредила наяву. Смех ее постепенно перешел во всхлипывания, которые сотрясали худенькое тело девушки.

— Ничего страшного, ленды, — спокойно и авторитетно заявил Сайн. — Самая обыкновенная истерика, естественная разрядка нервного напряжения. — Он покачал головой и на всякий случай добавил: — Бедная девочка! — Сайн встал со стула, расправил свои тощие плечи и торжественно произнес: — Ленды, я не успел сообщить вам самого главного: я, Сайн Дагель, прошу у вас политического убежища. — И добавил: — А поручиться за меня готов Алексей Кронин. — Он насладился произведенным эффектом и намеренно невыразительным тоном заключил: — Он жив, здоров и с нетерпением ждет вас на втором этаже.

— Какого же черта вы до сих пор молчали?! — взорвался Иван.

Сайн многозначительно взглянул на него.

— Обстановка была не ясной, а разве я мог рисковать его жизнью? А потом, если уж говорить совершенно откровенно, хотя охранники и спят, но оставлять их без наблюдения было бы неразумно.

Глава 3

К великому облегчению нетерпеливого Клима, ждать ему пришлось недолго. Отпив из затейливой витой рюмки немного кроча, Клим краем глаза заметил за общей стойкой бара, где колдовал помощник хозяина, невысокого худощавого человека с печальными глазами. Потягивая из высокого бокала какой-то напиток, этот человек многозначительно, но довольно ловко и незаметно для окружающих подмигивал Климу. Это мог быть либо провокатор, либо курьер Ивана. Клим чувствовал себя в ударе и провокаций не опасался. Поставив рюмку на стол, он сделал вид, что прислушивается к своим ощущениям, удовлетворенно кивнул и положил в рот орешек тьекро. Лениво пережевывая его, Клим остановил скучающий взор на человеке с печальными глазами и приподнял брови.

— Милейший, — сказал он, не повышая голоса, — подите-ка сюда.

Печальный человек или действительно не расслышал слова Клима, или сделал вид, что не расслышал, и толь-

ко украдкой косился на него. Тогда Клим постучал стеком по столу и жестом предложил ему приблизиться. Человек повиновался. Клим скептически оглядел его, взял рюмку, отпил глоток кроча, бросил в рот еще один орешек и не совсем внятно спросил:

— Милейший, не приходилось ли мне встречать вас у роллины Кайны Стан?

Лицо печального человека осветилось искренней улыбкой.

— О, разумеется! Два или три раза. Но я думал, что вы соблаговолите запомнить мою скромную персону.

Клим нахмурил брови и проговорил недоуменно:

— Право, я и сам не понимаю, почему это случилось! С кем... э-э... с кем имею честь?

— О, Сайн, доктор Сайн Дагель к вашим услугам.

Весь этот диалог был паролем. Во время его Клим имел возможность рассмотреть лицо Сайна и убедиться, что его внешность вполне соответствует словесному портрету, который сообщил ему Снегин вместе с другими сведениями из записки Алексея. Клим подбородком указал на свободный стул и, чтобы привлечь внимание хозяина бара, постучал стеком по столу.

— Рюмку доктору Сайну! — Потом уже другим тоном, пряча губы под рукой, прошептал: — Ну?

— Операция закончена благополучно. Реализован экстремальный вариант. Ждут транспорта, информации, указаний. Все.

Клим отдал должное конспиративной выучке Сайна, доктор выговорил это сообщение, не меняя счастливо-подобострастного выражения лица и почти не шевеля губами, как чревовещатель. Впрочем, если бы сообщение Сайна пытались подслушать, ничего путного из этого все равно бы не получилось, потому что работающая музола создавала надежные помехи.

Хозяин бара поставил перед Сайном рюмку, наполнил ее и, повинуясь взгляду Клима, удалился. Клим жестом пригласил Сайна последовать своему примеру, поднял рюмку и прочувствованно провозгласил:

— За благоденствие и радости неповторимой ленни Кайны! — И уже тихо добавил: — Пейте кроч, уроните платок. Когда нагнетесь за ним, получите перстень для Ивана. И уходите.

— За радости божественной ленни Кайны! — откликнулся доктор.

Он опять оказался на высоте — видно, прошел хорошую, истинно далийскую жизненную школу, — выпил

кроч так, что залил подбородок. Смущаясь, достал платок и стал вытираться им так поспешно, что тот вывалился из руки. Клим, глядя на доктора с насмешливой брезгливой улыбкой, стеком пододвинул ему платок. Бормоча извинения, Сайн нагнулся и с ловкостью фокусника вместе с платком захватил часы-перстень.

— Я искренне сожалею, уважаемый ленд.

— Иногда случается. — Клим усмехнулся. — Я вижу, доктор куда-то спешит?

— О да! Я забежал сюда буквально на минутку.

— Ну, так я вас больше не задерживаю. — Клим холодно кивнул поднявшемуся со стула Сайну и отвел взгляд.

Он с трудом сохранял надменное, брезгливое выражение лица, внутри у него все пело — операция прошла благополучно. Единственное, что туманило его радость, — цена, которой достигнуто это благополучие. Клим хорошо представлял себе страшный смысл, казалось бы, простых слов — экстремальный вариант! Оставалось ждать разговора с Иваном. И действовать!

Клим знал, что, вступив в прямой контакт с Сайном Дагелем, он в какой-то мере расшифровал себя, во всяком случае, вызвал определенные подозрения у тех, кто вел за ним слежку. Но он знал также и то, что любой другой путь был бы отнюдь не безупречен с точки зрения строгой конспирации, но вместе с тем и намного длиннее. А ситуация была такой, что выигрыш во времени мог стать решающим фактором. Частичная расшифровка не страшна. Если Иван своевременно выйдет на связь и укажет место встречи, то, пока сыщики выработают общую точку зрения, свяжутся с начальством и получат ясные инструкции, операция уже закончится. Ну, а слежка сама по себе неизбежна во всех случаях.

Только бы Иван не запоздал!

— Ваше аттофе, уважаемый ленд, — услышал он вкрадчиво-почтительный голос хозяина бара.

Глава 4

Водрузив на нос специальные очки, Лобов бегло просматривал микродокументы, склеенные в папку, легко помещавшуюся на ладони. Эти документы были извлечены из секретного нейтридного тайника личного сейфа Линга. Если бы не мастерство Кронина, вряд ли бы этот тайник удалось найти, а уж тем более вскрыть его.

— Тут есть все, о чем просил Всеволод, и, по-моему, даже с избытком, хоть я и не специалист в бюрократии, — констатировал Иван, наконец снимая очки и тщательно укладывая микропапку в карман своей куртки.

— Не только Всеволод — и президент будет доволен. — Алексей усмехнулся. — Яр-Хису придется плохо!

— А если президенту? — хмуро бросил Хаасен. — Сколько президентов они отправили к праотцам и своими и чужими руками! Не так-то просто справиться с этой тайной организацией!

— Ну, теперь у Таига большие возможности, которых не имели его предшественники. Разве мы не поможем далийскому правительству, если оно попросит нашей помощи? — возразил инженер.

— Не будем торопить события. — Лобов устало оглядел собравшихся.

Где-то в самой глубине его глаз таились скорбь и горечь, но заметить их смог лишь Алексей Кронин, который прошел со своим командиром долгий и трудный путь по звездным дорогам. Взгляд Ивана задержался на Хаасене. Тот сидел, бессильно откинувшись на спинку дивана, лицо неподвижно, глаза закрыты — так и спорил с Алексеем, не открывая глаз. Вот и Тика. Она толком так и не разобралась в том, что произошло. Тика настороженно поглядывала на Хаасена и инстинктивно жалась к Лобову. Иван улыбнулся.

— Что ж, осталось одно — покинуть эту тихую обитель.

— И побыстрее, — негромко добавил Хаасен, не открывая глаз.

— Немного раньше, немного позже — разве это существенно? — пожал плечами Кронин. — По-моему, куда важнее убраться отсюда без лишнего шума, тихо и корректно, как и полагается воспитанным людям.

— Я бы не возражал и против некоторого шума, — буркнул Хаасен и, приоткрыв глаза, покосился на часы. — Что-то долго нет этого доктора. Надеюсь, ему не пришла в голову оригинальная мысль предать нас?

— Я поручился за Сайна и ручаюсь еще раз, — живо ответил Алексей.

Хаасен иронически покосился на него:

— Ручаешься? Ну-ну...

— Я тоже ему верю, — поддержал Кронина Иван. — Сайн сам отрезал себе все пути отступления.

Хаасен мрачно усмехнулся:

— Отрезал, ну и что? Предатель — это предатель. Разве можно понять его психологию и логику?

Лобов внимательно взглянул на него, Хаасен нехотя отвел глаза, так ничего и не добавив.

— У нас все равно не было другого выхода, — примирительно проговорил Кронин. — Разведать, что происходит в баре, и попытаться установить связь с Климом необходимо, а появляться там кому-нибудь из нас, кроме Сайна, нельзя. Вот разве еще Тика.

Иван посмотрел на девушку так, будто только сейчас вспомнил о ней. Она сразу же спросила:

— Что?

— Тика, — медленно, на ходу подбирая слова, заговорил Иван, — наверное, тебе опасно оставаться в Даль-Гее?

— Не знаю. Может быть, и опасно. Как обернется.

— Не лучше ли уехать отсюда?

— Куда? — быстро спросила она.

— Вместе с нами.

— С вами? — Тика прямо смотрела на Ивана.

— Со всеми нами... — с некоторой запинкой пояснил Лобов.

По утомленному лицу Хаасена скользнула легкая улыбка. Тика наморщила лоб, на лице ее отразилось напряжение мысли.

— Куда же? На Стигму?

— Сначала на Стигму, — сказал Лобов.

— А потом?

— Потом видно будет. Не бойся, мы тебе поможем.

— Мы добрые, — скривил губы в усмешке Хаасен.

— Мы и правда добрые, — вмешался Кронин, стараясь загладить неуместную иронию товарища.

Тика едва удостоила взглядом того и другого и снова повернулась к Ивану.

— Вы-то добрый, я знаю... — Она вдруг запнулась. — А что я там делать буду?

— А что ты любишь делать?

Тика с любопытством приглядывалась к Ивану, с вызовом сказала:

— Ничего не люблю.

— Врет, — пробормотал Хаасен. — Конечно, она любит болтаться вечерами по Лин-Дорт.

Тика сверкнула на него зелеными глазами.

— А вам что, завидно?

Кронин засмеялся, а Хаасен хмыкнул, добродушно разглядывая девушку, и признался:

— Иногда завидно.

— То-то, — заметила Тика, — только не в одной Лин-Дорт счастье. И не все такие, как вам кажется.

— Если ты пойдешь с нами, — мягко вмешался в разговор Кронин, — ты будешь учиться и работать.

— Работать? — переспросила девушка, переводя взгляд на Ивана.

— Да, и работать, — подтвердил Лобов.

— Без интересной работы не будешь счастливой, — добавил Алексей.

— Очень ей нужно такое счастье, — насмешливо буркнул Хаасен.

Зеленые глаза Тики настороженно сощурились. Приглядываясь к лицам мужчин, она хотела что-то спросить, но Хаасен остановил ее властным движением руки и выпрямился, весь превратившись в слух. В следующее мгновение по губам его скользнула ироническая улыбка.

— Кажется, возвращается наш любезный доктор.

— Ты стал чутким, как кошка, — отметил инженер.

— Ты хочешь сказать: как кот, — поправил Хаасен. — Тут, брат, будешь чутким.

Он не ошибся — в приемную вошел Сайн. По его неторопливым, размеренным движениям и достоинству, с которым он держался, сразу стало понятно, что его миссия увенчалась успехом. Не дождавшись, пока Сайн выдержит эффектную паузу и заговорит, Лобов нетерпеливо спросил его:

— Что передал Клим Ждан?

Сайн взглянул укоризненно и огорченно.

— Если бы вы знали, как неимоверно трудно было опознать его и войти с ним в контакт!

— Вам же его детально описали, — не сдержав улыбки, сказал инженер.

— Описание — это слова. А мне пришлось искать живого человека, а этому человеку, можете себе представить, пришла в голову мысль играть в целях маскировки роль пресыщенного бездельника. Я словно ходил с завязанными глазами по самому краю пропасти. Ведь стоило допустить малейший промах, как эта орава растерзала бы меня в клочья!

— И все-таки, — прервал его словоизлияния Лобов, — что передал вам Клим Ждан?

— Прежде всего. — Сайн сунул руку в карман, а затем театральным жестом протянул ее к Ивану, — он передал мне вот это.

На его раскрытой ладони лежали часы-перстень. Лобов осторожно взял их, осмотрел со всех сторон и надел на палец. Лицо его на секунду приняло сосредоточенное выражение и тут же озарилось радостной улыбкой.

— Чертов Клим! Есть связь! — Он помахал рукой, показывая, чтобы ему не мешали.

Мягко улыбался Алексей, и по его улыбке было видно, что он растроган и стыдится своей чувствительности. Улыбался Хаасен, но уголки его губ хранили недоброе выражение. Глядя на них, улыбалась и Тика, недоуменно и немного насмешливо: она не ожидала, что эти суровые люди могут быть вот такими.

— Клим передает, — деловой скороговоркой сообщил Лобов, — надо перерыть все логово, но найти документы, доказывающие связь Линга с Яр-Хисом.

— Выполнено, — с ноткой самодовольства буркнул Хаасен, оказавший немалую помощь Алексею в его работе.

— В распоряжении Клима семиместный автомобиль далийской регистрации. За ним слежка. Не очень серьезная и плотная. Он гарантирует отрыв за пределы видимости с резервом в десять — двадцать секунд. Судя по всему, вход в бар хорошо охраняется. Целесообразно воспользоваться запасным выходом. Координаты его сообщить.

— Ну не умница ли Клим! — воскликнул инженер.

— Торнадовская выучка, — пробормотал Хаасен.

— Президент придерживается политики нейтралитета. Главная противодействующая сила — Яр-Хис. Не исключена блокировка бара этой организацией, — продолжал между тем информировать Лобов.

— Яр-Хис! Что он такое, в конце концов? Какие у него возможности? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Кронин.

— Я готов выдать самую полную информацию, — с готовностью обернулся к нему доктор Сайн.

— Только покороче, — вмешался Хаасен. — Поболтать можно и потом. Сейчас — самую суть.

— Пожалуйста. Если коротко, то Яр-Хис — это тайная организация. У нее есть свой устав, присяга. Во главе ее стоит совет командоров. А руководит советом хис-командор. Никто не знает его имени, личность его — абсолютная тайна.

— Какая-то мелодрама, — усмехнулся инженер. — Мелодрама страхов.

— Боюсь, что это не мелодрама, — пробормотал Хаасен.

— Вы сказали сущую правду: это совсем не мелодрама, — подтвердил Сайн. — В Яр-Хисе — железная дисциплина. За ослушание — предупреждение, если ему не внимают, наказание одно — смерть. Самое страшное, что члены Яр-Хиса есть повсюду: в городском управлении полиции, совете инженеров, а главное — в совете врачей.

— Почему это самое главное? — спросил Кронин.

— Как это почему? — удивился Сайн. — Да вы представляете себе, что такое совет врачей?

— Не представляем, — перебил его Лобов. — Но Тур прав: сейчас не время для теоретических семинаров. Скажите, доктор, представляет ли опасность слежка со стороны Яр-Хиса?

Сайн пожал плечами:

— Все зависит от их намерений. Но Яр-Хис неизмеримо опаснее любой гангстерской банды, его власть сравнима с властью самого президента. И прошу учесть — вы сами понимаете, что я кровно заинтересован говорить только правду, — источник осложнений между Землей и Даль-Геем скрыт в Яр-Хисе. Говорят, хис-командор просто исходит ненавистью к Земле и ко всему земному!

— Ясно, — подытожил Лобов. — Оптимальный вариант — это уйти от слежки и избежать открытой схватки. Клим предлагает воспользоваться запасным выходом. Об этом выходе что-то известно доктору Сайну?

— Известно, — согласно кивнул доктор. — Он действительно существует. Но я не знаю, где этот проклятый выход находится!

Кронин улыбнулся.

— Почему же проклятый? Наоборот, превосходный тайный выход. И если он есть, мы его найдем.

— Вы уверены? — усомнился Сайн.

— А зачем его искать? — вдруг сказала Тика. — Я знаю, где этот выход.

— А почему молчала? — хмурясь, спросил Хаасен.

Тика презрительно взглянула на него.

— А вы меня спрашивали?

Ответ этот вызвал общую улыбку. И, ободренная, Тика добавила:

— Где выход, я знаю, а вот дверь открыть не смогу. Там шифр какой-то.

— Значит, дверь на шифр-замке? — уточнил Иван.

— Да, — подтвердила Тика.

Лобов повернулся к Алексею.

— Откроем, — спокойно ответил тот на немой вопрос своего командира. — Была бы дверь, а ключ к ней всегда найдется.

Лобов кивнул, считая этот вопрос решенным, но Тика снова вмешалась:

— Там очень-очень хитрый замок! Только сам Линг умел открывать его. А остальные сколько ни пробовали, он разрешал, ничего не получалось. Даже у тех, кто специально занимался взломами и замками!

— Ничего, — сказал Лобов. — Алексей откроет. Он ведь инженер.

— Да еще высшей квалификации, — добавил Хаасен.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Лобов Кронина. — Я имею в виду инструмент. Можно пошарить, что-нибудь наверняка найдем.

Кронин достал из кармана свой универсальный нож и подбросил на ладони.

— Благодаря любезности и предусмотрительности доктора Сайна, — Алексей поклонился доктору, — мой нож со мной.

Сайн оживился, глаза его заблестели.

— О, вы и представить себе не можете, с каким трудом мне удалось выцарапать его! Фантастическая операция! Понимаете, — продолжал он, обводя всех значительным взглядом, — один из тех, кто проводил акцию, польстился на этот нож и прикарманил его. А мне случайно удалось...

Хаасен вздохнул. Сайн покосился на него и запнулся. Воспользовавшись этой паузой, Лобов сказал:

— Не будем терять времени. Алексей, отправишься с Тикой к запасному выходу, вскроешь его, если будет можно, разведаешь, все ли там спокойно.

— Понял, — сказал инженер.

— Тика, ты не боишься идти с ним?

— С ним? — Тика смерила взглядом Кронина и фыркнула. — Да он и мухи не обидит.

Все засмеялись.

— Да, — согласился Алексей, вставая, — с мухами мне как-то действительно не доводилось иметь дело.

— Подожди, — остановил его Лобов и обернулся к Тике. — Ты можешь нарисовать, куда выходит этот самый потайной ход?

— Это как — нарисовать? Красками?

Иван улыбнулся.

— Нет. Просто начертить на бумаге план прилегающих улиц, показать выход.

— Конечно, могу!

Лобов вырвал из записной книжки лист бумаги, достал универсальный карандаш. Тика присела к столу и очень быстро и толково справилась с задачей. Потом листок забрал Лобов и со слов Тики и Сайна сделал подробные пояснительные надписи. Только после этого он поднялся и сказал Алексею:

— Вот теперь — в путь. Не задержишься?

— Постараюсь. — Кронин открыл дверь и церемонно повернулся к Тике: — Прошу вас.

Тика посмотрела на него, через плечо оглянулась на Лобова и важно вышла из приемной. Алексей помахал товарищам рукой и вышел вслед за ней, а Лобов повернулся к Сайну. Тот сейчас же с подчеркнутой готовностью вскочил на ноги.

— А вам не опасно появляться в баре вторично?

— Я готов на любой риск!

— Постарайтесь его избежать. — Иван протянул доктору листок с планом. — Передайте это Климу как можно незаметнее.

— Можете на меня положиться. Если Сайн за что-нибудь берется, то он делает это безупречно.

Когда за доктором закрылась дверь, Лобов повернулся к Хаасену:

— Ты все еще сомневаешься в нем?

Хаасен насмешливо хмыкнул:

— Нет. Вижу, он готов в лепешку расшибиться, только бы его оценили и, не дай Бог, не вздумали бросить. А за девчонку я спокоен. И все-таки... — Хаасен поморщился, потирая рукой грудь, — надо скорей выбираться отсюда.

— Понимаю, — негромко сказал Иван, присаживаясь на диван рядом с консулом. — Если Самсонов и на самом деле предатель, он может наделать нам еще немало бед.

— А ты все еще сомневаешься? — с горькой иронией спросил Хаасен.

Лобов помолчал и после паузы сказал:

— Как бы то ни было, мы обязаны взять Самсонова. А для этого надо выбраться отсюда. И как можно незаметнее.

Глава 5

Тика спустилась по ажурной лесенке куда-то в темноту. Послышался стук ее каблучков, а мгновение спустя прозвучал насмешливый голос:

— Ну чего вы стоите, как столб?

Алексей усмехнулся и, в свою очередь, принялся спускаться.

Когда ноги его коснулись пола, голос невидимой Тики полюбопытствовал:

— Боитесь?

— Да нет, не очень, — улыбнулся Кронин, — дело привычное.

— Темнотища! Вообще-то здесь есть свет. Но включается он в кабинете Линга, а там... — Тика не договорила и сердито спросила: — Оружие у вас хоть есть?

— Есть, да что от него толку в такой темноте? Ну, как в свое время сказал Господь Бог, — да будет свет. — Кронин нажал одну из кнопок на своем универсальном ноже и, когда узкий луч рассек темноту и осветил низкий, чуть выше человеческого роста, коридор, добавил: — Правда, не такой уж яркий, но на первый случай сойдет.

— А на второй случай? — язвительно спросила Тика.

— А на второй случай мы включим тот, который тут горит всегда, — невозмутимо ответил Кронин.

— Тут нет выключателя!

— Что такое выключатель, Тика? — Луч света медленно скользнул по стенам, полу и потолку. — Примитивное устройство для соединения энергетических цепей. Если его нет, надо его сделать.

— Что-то вы уж больно много собираетесь сделать!

Кронин ничего не ответил. Световое пятно замерло, легонько покачалось вверх, вниз, вправо и влево, точно прощупывая небольшой участок стены.

— Кажется, здесь, — удовлетворенно проговорил Алексей и подошел ближе.

Теперь стало видно, что пятно света лежит на уровне его лица.

— Так точно, здесь, — пробормотал Кронин и полуобернулся через плечо. — Прикрой глаза, Тика.

— Это еще зачем? — строптиво спросила она.

— Чтобы не ослепило, — терпеливо пояснил Алексей. — Лучше всего, если ты закроешь их ладонью.

— А что такое будет? — Теперь в ее голосе звучало почти детское любопытство.

— Ничего особенного. Самые обыкновенные вскрышные работы. Готова?

— Готова.

Световое пятно исчезло, а через мгновение в стену ударил тонкий, как игла, раскаленный до сотен тысяч градu-

сов плазменный луч. Он с шипением вошел в плотную пластиковую стену. Заплясали зеленоватые языки пламени, освещая мертвенным светом клубы дыма. Запахло горелым. Все это длилось несколько коротких секунд, потом плазменный шнур оборвался и погас, а на стену вновь легло световое пятно, выхватив из мрака аккуратно вырезанное квадратное отверстие.

— Так я и думал, — пробормотал Кронин, заглядывая внутрь. — Выключатель в кабинете, а исполнительный контактор здесь. И по всему видно — с магнитным управлением. Ну-ка!

Что-то едва слышно щелкнуло, и коридор осветился довольно ярким светом, лившимся из полусферических плафонов, укрепленных на потолке. Коридор тянулся прямо метров пять, а потом круто сворачивал вправо. Кронин догадался, что все эти фокусы с люками, светом и поворотами предназначены для того, чтобы при случае превратить базу в труднодоступную крепость. Обернувшись, он заметил, что Тика усиленно трет глаза ладонью.

— Не послушалась? — укоризненно спросил он.

— Только чуть взглянула. — Тика заморгала глазами и восхищенно сказала: — Ух, и ножичек у вас! Лучше всякого пистолета!

Кронин разглядывал ее оживленное лицо.

— Конечно, лучше.

— Я и не знала, что такие бывают. — Тика вдруг удивленно оглянулась по сторонам: — И свет горит!

— Горит, — согласился Кронин. — Только давай не будем терять времени и пойдем.

Тика двинулась вперед, время от времени с интересом поглядывая на инженера.

— Здесь недалеко, шагов сто.

— И все время так — вправо и влево?

— Конечно. В случае чего, тут от целого отряда отстреливаться можно. А почему вас не ослепило?

— Глаза были закрыты, вот и не ослепило.

Тика недоверчиво фыркнула.

— А как же дырку вырезали?

— Как? Есть такая штука — мотосенсорный навык. — Догадавшись, что Тика не понимает его, Алексей пояснил: — Я посмотрел, запомнил, а потом работал уже по памяти.

— И так ровно?

Кронин промолчал, только улыбнулся. Тика, не дождавшись его ответа, прибавила шагу.

— А правда, что вы выручали Ивана из беды? — вдруг спросила она, не оборачиваясь.

— Правда. — Кронин провел рукой по щеке. — Только, если говорить откровенно, ему приходилось это делать много чаще.

Тика расцвела улыбкой и обернулась.

— А я знала!

— Откуда же?

— Да так уж, знала, и все, — с торжеством сообщила она. И неожиданно спросила: — А почему вы зовете его Иваном? Ведь его имя Ивви Лонк?

Кронин кашлянул.

— Ну, так зовут его те, кто... друзья, одним словом.

Тика вдруг остановилась так резко, что Кронин едва не налетел на нее.

— Пришли.

Алексей уже и сам видел, что пришли. В нескольких шагах от них тускло блестела круглая массивная дверь, высотой около полутора метров. Обойдя Тику, Кронин подошел к двери вплотную, внимательно осмотрел ее и постучал по ней ладонью. Звук был такой, как будто он ударил по монолитной скале.

— Да, — с уважением протянул Алексей, — плазма тут не поможет. Только аккумулятор посадишь.

— А я что говорила? — прозвучал голос Тики. — Сколько ни пробовали, никто не мог ее открыть!

Кронин не слушал ее. Присев на корточки — так было удобнее при его высоком росте, — он внимательно разглядывал шифр-устройство, которое состояло из нескольких головок, принимающих различные положения.

— Примитивно, но добротно, — подумал он вслух.

Взявшись за одну головку, он повернул ее — раздался негромкий щелчок. Кронин усмехнулся, Достал из кармана нож и прощупал шифр-устройство жестким гамма-лучом. Он водил им, точно по экрану телевизора, строка за строкой развертывая структуру конструкции, запрятанной за бронированной плитой. Индикаторная лампочка то ярко разгоралась, то тускнела, то гасла совсем. Алексей повторил эту операцию несколько раз, и в соответствии с давным-давно выработанным навыком в его памяти постепенно и прочно отпечатывалась одна деталь конструкции за другой. Со стороны это была странная картина: сидит на корточках человек, водит рукой, в которой зажат нож (гамма-луча, разумеется, не видно), по поверхности двери, точно слепой в поисках потерянной вещи.

— Так, — удовлетворенно пробормотал Кронин.

У него затекли ноги, и он опустился на колени. Продолжая гамма-зондаж, Алексей теперь поворачивал шифр-головки. Иногда он выключал гамма-луч, поворачивая головку, касался двери самыми кончиками пальцев и по легчайшим вибрациям, по интерференционной картине звуковых волн в толще металла безошибочно улавливал суть кинематических процессов. Лицо его в эти мгновения принимало сосредоточенно-отрешенное выражение.

— Что вы делаете? — наконец не выдержав, спросила Тика.

И так как Кронин не обратил ни малейшего внимания на ее слова (пожалуй, он не обратил бы внимание даже на выстрел пистолета возле самого уха), она сначала осторожно положила ему руку на плечо, а потом легонько встряхнула. Алексей резко обернулся.

— В чем дело?

У него было холодное, строгое, точно высеченное из мрамора лицо. Это было лицо другого, не знакомого Тике человека. Она испуганно отшатнулась. Но вот лицо медленно, будто нехотя, осветила мягкая улыбка, и оно снова стало знакомым и добрым.

— Вы что, колдуете, что ли? — сердито спросила она и погладила воздух пальцами, довольно ловко скопировав скользящие движения руки Алексея.

Кронин недоверчиво посмотрел на бронированную дверь, на Тику и пояснил:

— Это я ее изучаю.

— Пальцами? — ядовито спросила Тика.

— Пальцами, — кивнул Алексей. — Знаешь, как смотрят пальцами слепые? Ощупывают — и возникает мысленный образ вещи.

Тика тряхнула волосами.

— Откуда мне знать про неполноценных? У нас их эвтаназируют. А вот зачем щупать дверь? Она же перед вами, разглядывайте сколько угодно.

Она заметила, что инженер смотрит на нее как-то странно, будто жалеет, и вызывающе спросила:

— Ну, что вы так смотрите?

— Ничего, — спокойно ответил Кронин и даже не попросил, а приказал: — Не мешайте мне, Тика!

Он поудобнее перехватил свой универсальный нож и снова наклонился к шифр-устройству. Время от времени раздавались глухие щелчки. В эти мгновения Тика переставала слышать прерывистое дыхание Алексея и опасли-

во косилась на него. Вот он опять замер и тут же торжествующе воскликнул:

— Ага! Вот ты и попался, голубчик!

Кронин выпрямился, размял затекшие ноги, небрежно отряхнул пыль с колен, вытер руки. Через плечо кивнул Тике: смотри, мол. Уверенными движениями поставил в нужные позиции шифр-головки и повернул вправо рукоятку. Что-то звонко щелкнуло, инженер потянул дверь на себя. Массивный диск почти метровой толщины мягко и совершенно бесшумно повернулся. Приоткрыв дверь настолько, что в нее мог пройти человек, Алексей с ноткой самодовольства в голосе предложил Тике:

— Прошу!

Она осторожно подошла к двери, робко потрогала рукоятку, потом повернулась к Кронину и растерянно спросила:

— И все?

— А что еще надо? Снять ее с петель? Сделать из нее сковородку? — Кронин рассмеялся, видимо, очень довольный своей работой.

Этот смех немедленно привел Тику в себя.

Она змейкой проскользнула в образовавшуюся щель. Алексей приоткрыл дверь еще немного, шагнул было в проем, но в последнее мгновение засомневался.

— А мы там ни на кого не наткнемся?

— Боитесь? — гулко прозвучал насмешливый голос Тики.

Кронин усмехнулся.

— Осторожность — это не страх.

И пошел вслед за Тикой. Он оказался в довольно просторном тамбуре. Здесь была еще одна дверь, но уже не бронированная, а самая обыкновенная, хотя и очень прочная. Тика стояла возле нее, прикрыв один глаз ладошкой, и куда-то смотрела. Оглянувшись на Кронина, она уступила ему место.

— Тут потайной глазок. Смотрите.

Алексей послушно подошел и приник к глазку: ему и самому интересно было узнать, куда они выбрались. Это был пустынный переулок-ущелье, типичный для портовых кварталов; только одинокого, торопливо шагавшего прохожего можно было разглядеть в его сумрачной глубине. Зато совсем рядом проходила улица с довольно оживленным автомобильным движением, через глазок был виден лишь маленький ее кусочек. Выезд из переулка на улицу был перегорожен.

— Отлично, — пробормотал Алексей.

Климу надо подогнать свой автомобиль к переулку, и все будет в порядке; добежать отсюда до него — дело нескольких секунд. Отстранившись от глазка, Кронин оглядел дверь. Забеспокоившись, что инженер сам обо всем догадается и ей не удастся показать свою осведомленность, Тика поспешно объявила:

— Вот эту ручку повернуть два раза — и можно открывать.

— Понятно, — рассеянно проговорил Кронин, — однако же на всякий случай проверим.

Он повернул ручку раз, другой и, осторожно потянув дверь на себя, чуть-чуть, на какой-то миллиметр, приоткрыл ее.

— Все в порядке, — констатировал он, захлопывая дверь и снова запирая ее.

Обернувшись, он поймал странный, быстро ускользнувший взгляд Тики.

— Ты что? — машинально спросил Алексей.

Тика вздохнула.

— Ничего. — Она вдруг вскинула голову. — Думала, толкнуть вас как следует — и в дверь. Никогда бы вы меня не догнали!

Кронин оглядел с ног до головы ее тонкую крепкую фигурку, вспомнил собранные четкие движения и согласился:

— Не догнал бы. Почему же не убежала?

Тика с вызовом взглянула на него.

— А вот так, не хочу!

— Ну и правильно, — кивнул инженер, оглядел еще раз тамбур, дверь, заглянул в глазок и добавил с облегчением: — Пойдем, Тика. Мы свое дело сделали.

Обратно шли в том же порядке — Тика впереди, Кронин чуть сзади. Тика шагала торопливо, во всех ее движениях чувствовалась озабоченность и напряженность.

— А если бы я все-таки удрала, попало бы вам? — спросила она, не оборачиваясь и не замедляя шага.

— Хм... — Кронин наморщил в раздумье лоб и после паузы уверенно заметил: — Нет, ты бы не убежала.

— Это еще почему?

— Иван сказал мне, что тебе можно доверять, — спокойно ответил инженер, — а он ошибается очень редко.

На последнем повороте, когда Кронин уже увидел ажурную лесенку, спускавшуюся вниз из люка, девушка остановилась.

— Правда, — сообщила она, — не убегу. А знаете почему?

— Чужая душа — потемки, — улыбнулся Кронин. Он стоял, опираясь рукой о стену. — Не знаю, Тика.

— Потому что мне с вами интересно, — почти сердито сказала девушка. Она прямо смотрела на Кронина, словно чего-то ожидая. Какие-то вы чудные, непохожие. Никогда я таких людей не видела! Откуда вы такие?

Кронин молчал.

— Откуда? — умоляюще спросила Тика. — Ведь не со Стигмы?

— Нет, не со Стигмы, — нехотя согласился инженер.

— А откуда? — настаивала девушка.

— С неба.

В глазах Тики плеснулся страх, и Кронин, мысленно выругав себя за неуместную шутку, пояснил:

— Мы экипаж космического корабля. Летаем, стараемся делать добрые дела.

— Добрые?

— Ну... — Кронин задумчиво наморщил лоб. — Как правило, добрые. Если чего-нибудь не напутаем.

— А бывает, что путаете? — с интересом спросила Тика.

— Случается.

— Путаете... — Тика мечтательно улыбнулась. — Это хорошо, что вы путаете. А то я нет-нет, да и подумаю: может, это не люди, а боги?

Глава 6

Подходя к центральному входу в консульство, Дин Самсонов замедлил шаги, а потом остановился. Как не хотелось ему идти в это проклятое здание! Но он знал, что рано или поздно идти все равно придется, идти и делать то, что прикажет холодный бесстрастный голос, спорить с которым невозможно.

Сейчас этот голос молчал, и можно было хоть немного насладиться свободой, пусть призрачной, но все-таки свободой.

Оказывается, давным-давно расцвели розы, а он вот только что это заметил. Самсонов наклонился и осторожно развел руками колючую зелень. Из прохладной глубины куста на него глянула пурпурная красавица с ожерельем из крупных капель влаги. Он протянул было руку, чтобы сорвать цветок, но передумал и лишь легонько тронул его пальцем. На землю упали тяжелые прозрачные капли воды. Самсонов грустно улыбнулся, с тревогой прислушиваясь к

неясному сложному чувству, медленно всплывающему из глубины его существа. Ведь все это когда-то было! Пурпурная роза, тонкий цветочный аромат, запах прели и совсем рядом чуть испуганные ожидающие глаза Нины.

Прошлое вдруг хлынуло из подсознания и затопило мозг огненной волной. Реальность, на миг вырисовавшаяся перед ним, оказалась столь чудовищной, что сердце рвалось на части от отчаяния. Чтобы не закричать, Самсонов стиснул зубы, закрыл глаза и судорожно вцепился в колючую ветку кустарника. Но все это продолжалось лишь короткий миг. Ужас и отвращение неслышно, как ночные птицы, улетели прочь. Точно просыпаясь, Самсонов повел головой, открыл глаза. Надо идти в консульство.

— Дин! — окликнули его.

Он обернулся.

По аллее, тянувшейся от внешних ворот, торопливо шагала Лена Зим.

— Тебе плохо?

Лена чуть запыхалась от быстрой ходьбы, ее серые глаза смотрели заботливо и тревожно. Самсонов улыбнулся в ответ так, как он один умел улыбаться: беззаботно, добродушно и немного насмешливо.

— Мне? Откуда ты взяла?

— Ты стоял, и у тебя был такой вид... вот я и подумала.

Самсонов покосился в сторону розовых кустов, тень раздумья скользнула по его лицу.

— У меня просто закружилась голова. Наверное, переутомился. Столько работы в последнее время. — Он снова улыбнулся Лене и, только теперь по-настоящему осознав ее присутствие, удивился: — Подожди, а как ты оказалась здесь?

— Я прямо с космодрома.

— Одна?

Лена улыбнулась.

— Разумеется, нет. Но у всех дела, разные и срочные. В том числе и у меня. Мне нужен Всеволод. Как с ним можно связаться?

В его глазах мелькнула настороженность.

— Всеволод? А что случилось?

— У меня к нему поручение совета. Но персонально к нему, понимаешь? Я не могу сказать тебе, — виновато сказала Лена.

— Понимаю, — согласился Самсонов, — в Даль-Гее сейчас творится такое, что без секретов не обойдешься. А вот Всеволода найти не просто.

Он опустил голову, задумался. Лена ждала, с трудом скрывая нетерпение и подавляя желание поторопить его. А Самсонов думал совсем не о том, как отыскать Снегина. «Вот он, последний штрих, дополняющий картину. Впрочем, лишняя проверка не помешает». Он украдкой взглянул на Лену, но она перехватила его взгляд. Самсонов улыбнулся, но тут же посерьезнел и вздохнул.

— Секреты. К сожалению, это обоюдоострое оружие, и порой трудно понять, чего они приносят больше — пользы или вреда.

Лена хотела что-то сказать, но он жестом остановил ее:

— Я знаю, что меня ни о чем не информируют, боясь скомпрометировать мое консульское звание. Однако я не даром проработал тут почти год. У меня есть свои источники информации. Так вот, мне известно, что сейчас в Даль-Гее проводится секретная операция под руководством Всеволода. Почти все сотрудники консульства отсутствуют. Ты, конечно, знаешь об этом. Но известно ли тебе, что в этой операции принимает участие Иван?

— Иван? — переспросила Лена.

Она лихорадочно соображала, как ей лучше вести себя, но Самсонов не дал ей времени для размышлений.

— Мне только что сообщили: полиция Даль-Гея узнала о его пребывании и объявила розыск.

Лена побледнела.

— Может быть, это ошибка? — Он пристально посмотрел на нее.

— Нет, это не ошибка, — сказала наконец Лена и твердо взглянула в глаза Самсонову. — Надо сделать все возможное, чтобы немедленно найти Всеволода.

— Хорошо, — решительно сказал он, увлекая Лену за собой в консульство. — Сделаем и невозможное.

В вестибюле Самсонов, вдруг спохватившись, остановился.

— Тебе лучше подождать меня здесь. Я на минуту забегу к себе в кабинет, а потом мы пройдем прямо на селектор.

Лена заколебалась.

— Это буквально одна минута, — успокоил Самсонов, усаживая ее возле столика.

Бегом поднявшись на второй этаж, Самсонов прошел не в свой кабинет, а в операторскую. Дверь туда оказалась запертой. Самсонов отпер ее универсальным ключом

и рывком распахнул — операторская была пуста. Дин на секунду задумался, потом захлопнул дверь и быстро зашагал по коридору. По пути он заглянул в несколько комнат, но и там никого не было — консульство словно вымерло. Самсонов прошел в свой кабинет и замер на пороге: за его столом сидел сотрудник посольства.

Мгновенно овладев собой, Самсонов приветливо улыбнулся и спросил, прикрывая за собой дверь:

— Тимур? Вы что здесь делаете?

Высокий, атлетического сложения молодой человек предупредительно поднялся из-за стола.

— Во время вашего отсутствия звонил Снегин. Попросил быть на связи.

— Именно здесь? — удивился Самсонов, усаживаясь за стол.

— Именно здесь.

— А где остальные?

Молодой человек, поколебавшись, ответил:

— Их вызвал Снегин.

Самсонов озабоченно покачал головой.

— Серьезное, видимо, затеяно дело.

Выдвинув ящик стола, Самсонов достал оттуда универсальный карандаш, пододвинул к себе блокнот, но вместо того, чтобы писать, резким движением направил карандаш на Тимура, который очень внимательно следил за всеми его действиями. Раздался негромкий щелчок, и молодой человек, задохнувшись, начал медленно оседать на пол. Самсонов мягко, по-кошачьи, перепрыгнул через стол, подхватил обмякшее тело, оттащил на диван и укрыл плащом.

Проделав все это, он торопливо направился к двери. Но, уже взявшись за ручку, вдруг замер, пораженный одной мыслью. А потом обессиленно прислонился к стене. Он твердо знал, что ему нужно уходить, знал с той минуты, когда Лена подтвердила, что Иван Лобов в городе. С Лобовым, который идет к намеченной цели, шутки плохи, и при одной мысли о нем Самсонова бросало в дрожь. Надо было уходить, но на его пути стояла Лена. По железным законам бескомпромиссной борьбы ее следовало... убрать. Но ведь это — Лена!..

И все-таки надо было уходить. Самсонов глубоко вздохнул, рукой вытер вспотевшее лицо, огляделся. Взгляд его упал на уже бесполезный, разряженный «карандаш». Он зло швырнул его в угол комнаты, вернулся к столу, достал из тайника пистолет и опустил в карман.

Глава 7

Из-за угла на бешеной скорости вывернулась машина, резко остановилась, клюнув носом и истерично взвизгнув тормозами.

Посадка в машину заняла считанные секунды — Лобов заранее распределил роли и четко объяснил каждому порядок его действий. Раскрылись и захлопнулись дверцы, автомобиль рванул с места и помчался по улице. Рядом с Климом сидел Иван, на среднем сиденье — Тика и Алексей, на заднем — Сайн и Хаасен.

— Здравствуйте, черти! Если бы вы знали, как я рад вас видеть! — сказал Клим, не отрывая глаз от дороги.

— Еще неизвестно, кто больше рад, — во весь рот улыбался Алексей. — Экий ты франт! Настоящий далийский денди.

Тика мельком взглянула на инженера — он высказал вслух ее мысли — и снова удивленно уставилась на Клима. Прическа, часы — высший класс! Таких людей она видела только издали, когда они проделывали свой короткий путь от подъезда фешенебельного ресторана до роскошного автомобиля.

— С вами только свяжись, — засмеялся Клим, — не только денди, гангстером придется вырядиться.

— Ты на высоте, — скупо одобрил Иван, любовно оглядывая своего штурмана.

— Мы все на высоте. — Клим метнул быстрый взгляд через плечо. — Тур, ты жив? Что-то тебя не слышно.

— Почти, — откликнулся Хаасен. — Так сказать, в первом приближении.

Обогнав колонну электробусов, Клим круто вывернул руль и бросил машину в переулок. Сайн, не ожидавший такого виража, повалился на Хаасена. Тика, в последний момент судорожно уцепившаяся за переднее сиденье, едва удержалась, чтобы не упасть на Алексея. Почти сейчас же Клим повернул руль в другую сторону, и теперь уже Хаасену и Кронину пришлось хвататься за что попало.

— Пристегнитесь, — не оборачиваясь, сказал Клим и пояснил Ивану: — Надо оторваться хотя бы немного. Приклеились, как хвосты! Черт бы побрал эту франтиху!

Лобов усмехнулся. Клим имел в виду машину, предоставленную ему консульством. Это был роскошный автомобиль, который мог бы послужить отличной маскировкой. На прямой он развивал большую скорость, но был тяжел и неповоротлив. Машины преследователей — их

было две — имели не менее мощные двигатели, но, благодаря компактности, были более верткими, поэтому Климу никак не удавалось уйти от них, несмотря на все его ухищрения.

Полуобернувшись назад, Лобов некоторое время наблюдал за преследователями, а Клим между тем безжалостно мотал машину по переулкам.

— Да-а, — протянул наконец Иван задумчиво, — так просто от них не уйти.

— Посмотрим, — процедил сквозь зубы Клим, швыряя машину в очередной поворот.

Сайна уже мутило — он побледнел, крупные капли пота выступили у него на лбу, глаза выражали страдание и покорность. Он сосал какую-то пилюлю и тяжело вздыхал. Хаасен сидел рядом с ним, суровый и неподвижный, как каменное изваяние. Откуда брались силы у этого человека! И только Тика переживала происходящее с искренним увлечением, лицо ее горело, зеленые глаза азартно блестели.

Кронин, как всегда спокойный и рассудительный, предложил:

— Может быть, попробовать на прямой?

— Пробовал, — отмахнулся Клим, — тянутся как на привязи.

— И на прямой не уйти, — вдруг раздался уверенный голос Тики.

Лобов удивленно обернулся к ней.

— Почему?

— А на передней машине сидит за рулем Лукс Даг, — сообщила Тика таким тоном, будто все должны знать, кто такой Лукс Даг.

— Кто? — переспросил Иван.

— Чемпион Дальга по автокроссу, — простонал Сайн, превозмогая тошноту.

— Гангстер?

— Почему гангстер? — возмутилась Тика. — Просто чемпион.

Кронин с Лобовым переглянулись. Машина в это время круто нырнула в тоннель, отчего Сайн охнул и зажал рот ладонью. Когда они снова вылетели под открытое небо, инженер сказал:

— Чего мудрить? Надо ехать в консульство!

— Нельзя, спугнем Самсонова, — жестко ответил Хаасен.

Клим покосился на того и на другого.

— Не понял!

— Потом поймешь, — хмуро буркнул Лобов.

— Осторожнее! — отчаянно простонал Сайн в ответ на лихой вираж Клима и с неожиданным для его положения юмором добавил: — Я не против бегства, уверяю вас, но не на тот свет!

— А ведь сам разум глаголет его устами, — философски заметил Кронин.

— Да, — задумчиво согласился Лобов, — пора менять тактику.

Он достал микропапку с документами, расстегнул нагрудный кармашек на замшевом пиджаке Клима, аккуратно уложил туда папку и снова застегнул. После этого обернулся к своим спутникам.

— Слушайте внимательно. Ты, Клим, после того как все запомнят план действий, выедешь к ближайшему скверу. Тормозишь. Все, кроме меня, покидают машину и прячутся за кустарник, за цветы — там разберетесь.

Клим метнул на него быстрый взгляд.

— А ты?

— Обо мне не беспокойся. Есть одна идея.

— Почему не все вместе? — упрямо спросил Клим.

— Потому что так надо. Сейчас не время для дискуссий. Алексей, Тур, Сайн и Тика следуют в консульство. Тику опекает Алексей, Сайна Дагеля — Хаасен. Ты, Клим, кратчайшим путем добираешься до городского управления и передаешь документы Всеволоду. Это задача особой важности. Всеволод у президента, чтобы в случае нашего провала прийти на помощь без промедления по официальным каналам.

— Как я до него доберусь? — нахмурился Клим. Ему очень не понравилось, что Иван собирается принять главный удар на себя.

— Тебе заказан пропуск. И для подстраховки в бюро дежурит представитель консульства.

— Детские игрушки, — процедил сквозь зубы Клим.

Игнорируя его недовольную реплику, Лобов продолжал:

— Ты, Алексей, делаешь все возможное, чтобы задержать Дина Самсонова.

— Я помогу, — многозначительно пообещал Хаасен.

— Да что такое с Дином? Что вы темните? — вскинулся Клим.

— Не исключено, что Дин предатель. Берегись его. — Иван предостерегающе поднял руку. — Все, остальное потом. Вопросы?

Сидевшие сзади переглянулись. Сайн жестами дал понять, что он со всем абсолютно согласен; Хаасен коротко кивнул головой; только Тика сидела, плотно сжав губы и глядя прямо перед собой с отсутствующим выражением лица.

— По-моему, все ясно, — ответил за всех Кронин, покосился на Тику и на всякий случай спросил: — Тебе все ясно?

Она повернулась к нему так резко, будто ее ударили, и проговорила скороговоркой:

— Никуда я отсюда не пойду! Хоть на кусочки меня режьте!

Лобов удивленно обернулся.

— Тика!

— Не пойду я с ними! Хоть убейте! — Голос девушки странно звенел.

По измученному лицу Хаасена скользнула неожиданно мягкая, понимающая улыбка.

— Ну что вы пристали к девчонке? Не хочет, и не надо. Иван о ней позаботится.

— Конечно, — простонал Сайн, который мечтал побыстрее расстаться с машиной. — Зачем насилие? Пусть остается.

— Да будет так, — резюмировал Иван, обменявшись взглядами с товарищами.

Минуты через три после этого разговора большая белая машина вылетела из-за угла и затормозила возле самого кустарника, окаймлявшего здесь проспект. Открылись дверцы, кто-то слабо, страдальчески ойкнул, кусты шевельнулись, хрустнула ветка. Машина рванула с места, стремительно набирая ход, а через секунду из-за угла, кренясь на одну сторону, но не сбавляя хода, выскочила машина преследователей.

— Все в порядке, — сказал Иван, наблюдавший за дорогой через зеркало заднего обзора, — если они и рассмотрят, что нас поубавилось, все равно уже поздно. — Он обернулся к девушке: — Тика, ты хорошо знаешь город?

Тика презрительно фыркнула.

— Стало быть, хорошо, — констатировал Лобов и попросил: — Перебирайся ко мне.

Иван вел машину спокойнее Клима, и преследователи, которые и так уже сократили расстояние за время вынужденной остановки беглецов, подобрались метров на тридцать.

— Они близко! — сердито сказала Тика, ерзая на сиденье.

— Вижу, — спокойно ответил Иван, — ты пристегнись получше.

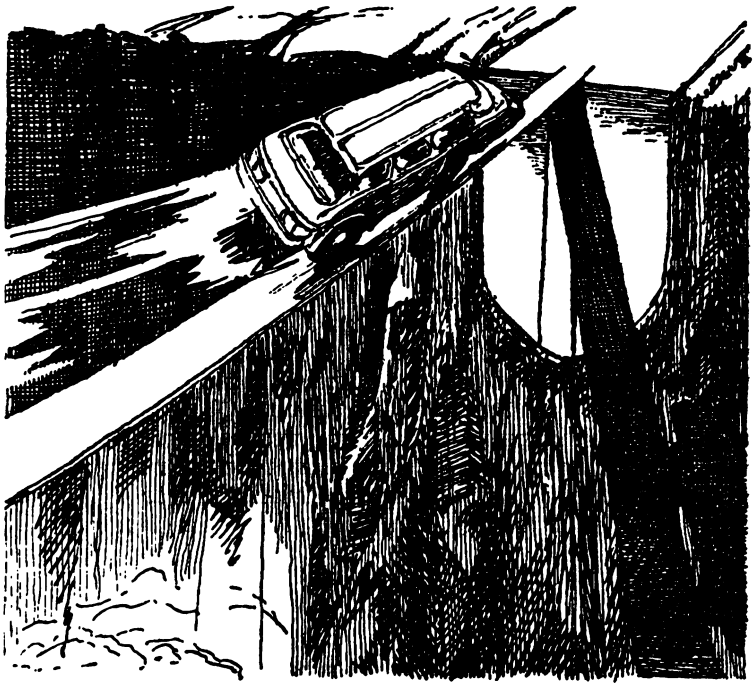
Он бросил машину в ближайший поворот так резко, что она угрожающе завалилась набок и несколько метров прошла на двух колесах, покачиваясь из стороны в сторону. Взвыл двигатель, и началась карусель! Дистанция между машинами сразу возросла раза в три. Но за рулем машины преследователей сидел, по-видимому, настоящий ас. Он быстро приспособился к манере Ивана, уцепился, как клещ, за невидимый буксир и держался на одной дистанции, иногда отставая, иногда чуть приближаясь.

— Ну же! Да ну же! — чуть не со слезами в голосе вскрикивала Тика и упиралась руками в панель, словно пытаясь подтолкнуть машину.

Иван краем глаза взглянул на нее.

— Где-то здесь неподалеку парк-ущелье? — спокойно спросил он.

Тика не сразу поняла, о чем он спрашивает, а когда поняла, ответила, выжидающе глядя на Лобова:

— Прямо и третий поворот направо.

— На всякий случай предупреди об этом повороте.

— Предупрежу. — Тика недоуменно хмурила брови.

Лобов поудобнее взялся за руль и негромко приказал:

— Возьмись-ка за поручень.

Тика неохотно подчинилась.

— Сиди спокойно, ничего не бойся и не забудь предупредить о повороте.

Тика фыркнула, хотела что-то сказать, но, взглянув на лицо Ивана, осеклась: она уже видела его таким, там, в логове Линга. В машине повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь ровным гулом двигателя.

— Поворот! — показала рукой Тика.

— Вижу. — Голос Ивана звучал подчеркнуто спокойно.

Он не сбросил скорость, входя в поворот. А увидев впереди живописный каньон глубиной метров двести, через который для любителей острых ощущений был перекинут узкий пешеходный мостик без перил — «дорога вздохов», — еще круче вывернул руль. Нехотя, словно в

замедленной съемке, машина встала боком, на два колеса, и, не сбавляя скорости, полетела к обрыву. Лицо Тики исказилось, побелели костяшки пальцев, намертво вцепившихся в поручень, но глаз она не закрыла. Взбесившаяся машина, чем-то похожая на уродливый гигантский мотоцикл, влетела на пешеходный мостик, попав колесами точно по его центру, и, качнувшись с боку на бок — мостик, не рассчитанный на такую тяжесть, сильно пружинил, — за считанные секунды проскочила все тридцать метров, которые отделяли один берег каньона от другого. Опустив машину на все четыре колеса, Лобов вывел ее на дорогу, сбросил обороты, глубоко вздохнул и огляделся. Бледная Тика с застывшими на поручне руками смотрела на него остановившимся невидящим взглядом. На том берегу возле самого обрыва стояла машина, затормозившая так круто, что ее развернуло боком. Возле нее высокий сухощавый человек подбрасывал в воздух тяжелый шлем и восторженно что-то орал. Это был чемпион Даль-Гея по автокроссу Лукс Даг.

Глава 8

Хаасен сидел рядом с шофером такси и коротко командовал: «Направо», «Еще раз направо», «Прямо», «Теперь налево». Шофер почтительно кивал и аккуратно делал все, что ему говорили. Сайн, расположившийся вместе с Крониным на заднем сиденье, только улыбался такому послушанию, тем более что сначала все обстояло совсем не так.

Когда Хаасен, усевшись с шофером, приказал ему: «Поезжайте. Прямо вперед», тот вздохнул и лениво обернулся к пассажиру:

— Знаете, я как-то не привык ездить по таким адресам.

Сайн набрал в грудь побольше воздуха, чтобы на правах старожила отчитать шофера за дерзость, но не успел.

— Поезжайте, — сухо повторил Хаасен, поворачиваясь к шоферу, его глаза чуть сощурились, — я всегда езжу по таким адресам.

— Прошу прощения, — пролепетал шофер, поспешно запуская двигатель.

Сайн раздумывал над причинами этой молниеносной метаморфозы, происшедшей с шофером. На гангстера Хаасен не похож, на влиятельного человека тоже — слиш-

ком обычна одежда, да и не ездят такие люди на такси; он не грозил, не льстил и не обещал авансом чаевые. И все-таки шофер сразу понял его неоспоримое превосходство! Да разве он сам, доктор Сайн, прошедший огонь и воду, не почувствовал странного, нисколько не давящего превосходства этих людей?

Хаасен и Кронин вполголоса обменивались короткими репликами на земном языке. Шофер такси не выказал по этому поводу никакого удивления: наряду с официальным далийским языком в Даль-Гее сохранилось немало диалектов, завезенных сюда после окончания ядерной войны со всех континентов планеты. Сайн знал земной язык лишь настолько, чтобы понять: они уточняют план действия по задержанию Дина Самсонова. Начать операцию должен был Кронин. Хаасен будет на подстраховке и включится в дело лишь в крайнем случае. Предварительно он оставит доктора Сайна в безопасном месте. Уловив эту деталь операции, Сайн облегченно вздохнул.

Кронина высадили прямо у главного входа в консульство. А затем, насколько разобрался Сайн, объехали квартал и возвратились к консульству уже по другой улице, с тыльной стороны. Хаасен без лишних слов расплатился с шофером и отпустил такси. Место было тихое. Вдоль тротуара тянулась сплошная высокая ограда, из-за нее виднелись пышные кроны деревьев. Уголками глаз Сайн настороженно поглядывал на Хаасена, в глубине его души нет-нет, да и шевелился тягучий червячок страха. Кто их, в конце концов, знает — землян? Вынет сейчас какой-нибудь бесшумный пистолет — и прощай многострадальная, но все-таки прекрасная жизнь!

Словно угадав его мысли, Хаасен внимательно оглядел длинную улицу с несколькими прохожими и сунул руку в карман. Сердце у Сайна ёкнуло, он затаил дыхание и втянул голову в плечи. Хаасен случайно перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Все в порядке, доктор, — успокаивающе сказал он, — мы у консульства. Только не у парадного подъезда, а, так сказать, возле черного хода.

Жестом пригласив Сайна следовать за собой, Хаасен прошел вдоль ограды с десяток шагов, остановился возле калитки, заметить которую было нелегко, вынул из кармана универсальный ключ и прикоснулся к двери. Чуть слышно щелкнул запор. Хаасен толкнул рукой дверь и отступил.

— Прошу.

Войдя вслед за Сайном, он аккуратно, без стука; притворил дверь за собой, огляделся и сказал не радостно, а скорее озабоченно:

— Вот мы и дома.

Сайн ничего не ответил, но про себя подумал, что если земное консульство — дом и для него, то к нему еще надо привыкнуть. Кругом зелень, аккуратные дорожки, странные цветы, явно не далийского происхождения, шепот ветра в вышине, тишина и мерный гул и рокот города, доносящийся сюда будто издалека. За кустарником и стволами деревьев — ослепительно белые стены дома. Они подошли к небольшой двери; судя по всему, ею либо совсем не пользовались, либо пользовались очень редко. Снова был пущен в ход универсальный ключ, и Сайн не без внутреннего трепета впервые в жизни переступил порог «настоящего» земного здания.

Конечно, ему приходилось бывать на земных космических базах, но в космосе все унифицировано, утилитарно, безлико и космополитично, а это был истинно земной дом. Полной грудью вдыхая свежий и прохладный воздух — ощутимо более прохладный, чем это полагалось по далийским канонам. — Сайн с любопытством разглядывал высоченный потолок, светлые стены, украшенные четким орнаментом, пол и дивился отсутствию роскоши и украшательств. Все это он оглядел мельком, не успев разобраться в своих эмоциях и решить, понравилось ему то, что он увидел, или нет. Хаасен, пригласив его следовать за собой, прошел несколько шагов по широкому коридору и уже без ключа отворил дверь.

— Проходите.

Сайн, бодро выпятив грудь, но с опаской в душе, шагнул вперед. Скорее всего, это была жилая комната. Но до чего скромно она была обставлена! Стол, диван, несколько кресел и маленький столик, на котором стояли предметы не известного Сайну назначения. И все! Если бы не широкое, от пола до потолка, окно, выходящее в сад, Сайн бы определенно решил, что его привели не то в больничную палату, не то в тюремную камеру.

— Это моя комната, — словно отвечая на его мысли, проговорил Хаасен, — располагайтесь, как вам будет удобно, и подождите меня здесь. — Он на секунду замолчал и добавил: — Ну, если не меня, так кого-нибудь другого из наших. С этого столика можете заказать себе, что захотите: книги, фильмы и так далее.

— А кроч? — стараясь держаться непринужденно, пошутил Сайн.

— Можно и выпить, — рассеянно ответил Хаасен, думавший, очевидно, о чем-то своем, — но вина у нас самые легкие, типа ваших крюшонов.

— О, я не алкоголик!

Хаасен повернулся было, чтобы выйти из комнаты, и уже взялся за ручку двери, но передумал и снова обернулся к доктору.

— Вы передали Алексею Кронину довольно подробную информацию о далийских работах по созданию жизнеспособных мутаций человека: умроках, ядерниках. Вы убеждены, что эта информация соответствует действительности?

— За ее достоверность ручаюсь.

— А не кажется ли вам странным, что, добившись таких успехов в трансформации генетики человека, медики не попытались трансформировать и психотип? Вдохнуть в старую телесную оболочку новую душу, такую, какая им угодна?

Черные глаза Сайна заговорщически сощурились.

— А кто вам сказал, что они не попытались? Но, по-моему, для землян в этом нет ничего нового. Такого рода опыты в свое время проводились и на Земле.

— Это были не опыты, — сухо ответил Хаасен, — это было лечение, применявшееся под строжайшим контролем по отношению к психическим больным. Целевое изменение психики таких людей — несомненное благо. А когда с генетическим грузом человечества было в основном покончено, такое лечение было категорически, навечно запрещено, а личность человека объявлена неприкосновенной.

— А мы на этом не остановились! — Сайн горделиво вскинул голову. — Мне достоверно известно, что в руках врачей-ярхисовцев есть средства, которые делают психику человека мягкой, как глина, из которой можно лепить все, что угодно. Простейшим, но надежнейшим методом является вживление в головной мозг крохотного кибератора, управляемого на расстоянии. У человека можно породить самые причудливые и нелепые мысли, которые тем не менее кажутся ему естественными и которые он принимает за свои. Хотя есть некоторые индивидуальные границы, за которые нельзя выходить. Иначе — стресс, шок, нервное расстройство, а то и сумасшествие.

— Понятно, — сквозь зубы сказал Хаасен, — спасибо за информацию, доктор Сайн. Она была очень полезной.

Он повернулся и вышел из комнаты, плотно притворив за собой дверь. Помедлив, Сайн на цыпочках подошел к ней, осторожно нажал рукой — дверь не поддавалась. Он поджал губы и налег сильнее, но с тем же успехом.

— Значит, все-таки тюрьма. — Сайн пожал плечами и вздохнул. — Ну, это не первая и далеко не худшая тюрьма в моей жизни.

Глава 9

Через главный вход Кронин прошел в просторный вестибюль. Справа и слева виднелись широкие лестницы, которые вели на второй и третий этажи. Стена, расположенная напротив главного входа, была полностью прозрачной, и по ту ее сторону, в саду, и по эту, прямо в вестибюле, росли нарядные пышные розы всех цветов и оттенков: от снежно-белого до темно-красного, казавшегося почти черным; тонкий свежий аромат цветов наполнял воздух. В самом центре вестибюля вокруг небольшого фонтана, мерно рассыпавшего свои звонкие струи, стояло несколько столиков и удобных мягких кресел. В одном из них в напряженной позе сидела молодая женщина. Услышав шаги Кронина, она повернула голову и поспешно встала:

— Алексей!

— Лена? — удивился инженер, подходя к ней. — Как ты попала сюда?

— Прилетела, разумеется. — Радостная улыбка Лены сменилась озабоченностью. — Где Иван?

— На задании.

Лицо женщины побледнело.

— Надо немедленно выводить его из дела! Властям Даль-Гея известно, что он в городе. Его ищут!

Кронин устало улыбнулся.

— Теперь это не существенно. Операция уже закончена.

— А Клим?

— С ним, — соврал Алексей. — Полагаю, через полчаса они будут здесь.

Лена глубоко вздохнула.

— Гора с плеч!

— И все-таки зачем ты здесь?

— Появились новые, очень важные данные. Их не решились доверить лонг-линии, а поэтому послали корабль. Вот и я напросилась.

— Понятно. Что за данные вы привезли?

— На Стигме задержали далийца, работника таможни, который подбрасывал капсулы с культурой тау-рик-кетсии на наши корабли. Сначала он держался вызывающе, но, когда далийские власти решительно отмежевались от него, страшно перепугался и рассказал все, что ему было известно. Это такие невероятные вещи, что штаб операции так и не мог решить, верить ему или нет. Хотя далиец клялся всеми богами, что говорит истинную правду.

— Что же он рассказал?

— Совершенно дикие вещи. — Лена пожала плечами, — будто эпидемия лихорадки-тау спровоцирована каким-то Яр-Хисом. Но это не самое главное. Он утверждает, что с этим Яр-Хисом сотрудничает один из работников консульства. Это тайна тайн, ему удалось проникнуть в нее совершенно случайно.

— Тайна тайн, — мрачно пробормотал Алексей, бросая взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж.

Лена перехватила его взгляд и посетовала:

— Что-то долго его нет.

Кронин круто повернулся к ней:

— Кого?

— Дина.

Лицо Алексея окаменело.

— Ты говорила с ним?

— Да. — Лена с тревогой смотрела на инженера. — Он и сообщил, что Ивана разыскивают далийцы.

— Когда это было?

— Минут пять назад, не больше. Он просил меня подождать его здесь, но...

— Оставайся на месте! — перебил ее Алексей. — И ни шагу отсюда, что бы ни случилось. — Он говорил уже на ходу, торопливо поднимаясь по лестнице. — Ты поняла?

— Нет...

— Что бы ни случилось — ни шагу отсюда! — раздельно повторил он и, бегом преодолев последние ступени, скрылся в коридоре второго этажа.

Подойдя к двери, которая вела в комнату Самсонова, Кронин вдруг остановился: он вспомнил, что у него не было с собой оружия.

— Эх! — с досадой на самого себя проговорил он.

Но раздумье его длилось недолго — он не мог, не имел права упустить Самсонова. Рывком распахнув дверь, Кронин вошел в комнату. Дин сидел за столом боком к нему и что-то прятал в карман. Дверь открылась бесшумно, но, очевидно, Самсонов все же уловил какое-то движение, поднял голову да так и застыл, не спуская напряженного взгляда с Алексея. Едва Кронин сделал шаг вперед, он дернулся, собираясь вскочить на ноги, но замер в неудобной позе, расширенными глазами глядя на приближающегося инженера. Когда их разделяло всего шага три, Самсонов словно очнулся от столбняка. Отшвырнув в сторону стул, он отпрыгнул назад и выхватил из кармана пистолет.

— Стой!

— Не сходи с ума, Дин, — сказал Кронин, продолжая идти вперед.

— Стой! — Самсонов медленно отступал от стола к стене, оставляя его между собой и Алексеем. На его смертельно побледневшем лице выступили крупные капли пота. — Стой — или я стреляю!

Сухо щелкнул выстрел. Пуля прошла так близко, что обожгла щеку инженера, но он не остановился. Глаза Самсонова наполнились ужасом, пистолет отчаянно плясал в его руке.

— Стой! — вновь хрипло и умоляюще выдохнул он.

Спина отступавшего Самсонова коснулась стены, он вздрогнул и рефлекторно дернул спусковой крючок. Снова щелкнул выстрел, а вместе с ним раздался испуганный крик Лены:

— Дин, что ты делаешь?

Самсонов затравленно обернулся. Рука с пистолетом упала, глаза потухли.

— Еще и Лена? Нет! — Он перевел измученный взгляд на Алексея. — Прощайте!

Глубоко вздохнул, посуровел, отчего стал похожим на того Дина, который был хорошо знаком Лене, и выстрелил себе в висок.

Глава 10

Заканчивая сервировку, Иван и Клим ходили вокруг стола: Клим расставлял десертные тарелки, а Иван раскладывал приборы. И то и другое они брали с посудного столика, который Лобов катил перед собой. Послед-

няя тарелка вдруг заинтересовала Клима, он с любопытством оглядел ее с обеих сторон.

— Она что же, без регулировки температуры? Без подогрева и охлаждения?

— Без.

— Хм! И как сюда попала эта археологическая диковина?

— Подарок президента консульству. Далийская редкость, небьющийся фарфор.

Клим скептически взглянул на Лобова и выпустил тарелку из рук. С мелодичным звоном тарелка ударилась о пол и, продолжая позванивать, покатилась.

— И правда не бьется. — Клим ловко остановил тарелку носком туфли, положил на посудный столик дном кверху, а вместо нее взял другую, чистую.

Иван осуждающе покачал головой и укатил столик в кухонный отсек. Собственно, вместе с Климом, которому дежурство на этой дружеской вечеринке досталось по жребию, дежурить должна была Лена. Но Лену вызвали на срочное заседание медицинской коллегии, и Лобов взялся ее заменить.

Усевшись верхом на стул, Клим с удовольствием оглядел сервировку — по его мнению, стол был накрыт просто роскошно. Все продукты и блюда — земные. Часть их выделило консульство, часть — стигмийская база, а остальное подарили экипажи космических кораблей — в личных вещах космонавтов часто имеется про запас, на случай неожиданного торжества, что-нибудь оригинальное. Стол украшали блюдо соленых рыжиков, каждый из которых не больше ногтя пальца, полуметровая дыня — даже не разрезанная, она наполняла комнату сладким благоуханием — и большая бутыль шампанского.

Покосившись на кухонный отсек, Клим потянулся к столу, взял вилку, наколол один рыжичек, оглядел со всех сторон и отправил в рот.

— Ну, как на вкус? — услышал он насмешливый голос Лобова.

Клим, не смущаясь, разжевал рыжик и прикрыл глаза.

— Пища богов! Амброзия!

Иван подошел к окну, в которое смотрелись ярко освещенная зелень консульского парка и едва различимые звезды. Сорвал листочек, растер между пальцами, понюхал и поморщился — запах был резкий, чужой. Клим, глядя на него, вздохнул, перевел взгляд на часы и возмутился:

— Время, а никого нет! И это космонавты, люди, привыкшие считать доли секунды. Стыд и срам! Где Лена, где Тур? Где все?

— Кто поминает мое имя всуе? — послышался бас Хаасена.

Клим обернулся — Тур стоял на пороге комнаты. За неделю, прошедшую с момента освобождения, Хаасен обрел прежнюю форму, только вдруг пробившаяся седина, запавшие глаза да непривычная холодность их выражения напоминали о пережитом.

Клим поднялся со стула и сказал с шутливой укоризной:

— Дорогой консул, вы опоздали на целых три минуты. А знаете ли вы, какое расстояние проходит за это время гиперсветовой корабль на крейсерском режиме? — Клим сокрушенно покачал головой. — Я краснею за вас, консул. Вдруг мы ждали бы вас не в банкетном зале, а на звездной дороге?

— У гостиных и кабинетов свои законы, штурман. Они сложны и запутанны. А вообще-то. — Хаасен прижал руку к сердцу, — я приношу свои искренние извинения за опоздание.

— Вот это слова настоящего мужчины! Честное признание, без уверток.

Лобов слушал этот обмен репликами с улыбкой.

В первые дни после завершения операции Хаасен был угрюм, рассеян — не так-то легко забыть гангстерские застенки. Энергичный и веселый, Клим, конечно же, не мог остаться равнодушным и старался всячески расшевелить Хаасена. Очень скоро словесная пикировка, обращение друг к другу не по имени, а по должности стали у них привычной манерой общения. Лобов мог поклясться, что эти шутливые перепалки приносили Туру больше пользы, чем все лекарства, вместе взятые.

— Я тем более достоин снисхождения, — продолжал между тем Хаасен, — что принес добрые вести об остальных. Всеволод должен быть с минуты на минуту. Его немного задержал президент. А Лена уже здесь. Она приехала вместе со мной, но зашла к Тике, чтобы ее обрадовать — власти наконец-то разрешили девочке выезд из Даль-Гея.

— В конце концов, обошлись бы и без разрешения, — буркнул Клим.

Иван засмеялся:

— Да ты стал настоящим инсургентом, Клим!

Усаживаясь на диван, Хаасен поддакнул:

— Вот-вот. И куда только смотрит его командир? Недалеко и до межпланетных осложнений. Кстати, где Алексей?

Лобов и Клим переглянулись, потом штурман чуть улыбнулся и сказал:

— Точно не знаем, но догадываемся.

Хаасен понимающе кивнул. Иван отошел от окна, подсел к Хаасену и, переводя разговор на другую тему, спросил:

— Чем кончились все эти далийские манифестации?

— А ничем. Прошлись по улицам с лозунгами, пошумели, побили кое-где витрины и разошлись. Да и что они могут сделать? Толпа идет по проезжей части, а справа и слева по тротуарам едут эти жутковатые черные боевые машины, так сказать, почетный эскорт. — Тур пожал плечами. — В портовых кварталах за президента, в пригородах — вроде против, в центре — долой Яр-Хис! Ничего толком не поймешь.

— Я смотрю, без Яр-Хиса тут не обходится ни одно серьезное дело.

— Я столько слышал за последние дни о Яр-Хисе, — вмешался Клим, — что он начал мне сниться по ночам. В виде Змея Горыныча, каким его изображали на старинных иллюстрациях к сказкам. — Он снова оседлал свой стул и попросил: — Вы бы сжалились надо мной, консул, и рассказали толком, что представляет собой эта организация.

— И правда, Тур, — поддержал штурмана Лобов. — Неужели социальная комиссия еще не разобралась с этим делом?

— Как раз сегодня подвели окончательные итоги, так что я к вашим услугам.

Социальная комиссия была создана из работников консульства под председательством Хаасена для уточнения общественной структуры Даль-Гея. При поддержке президента работа комиссии шла успешно. Тем более, что многие сведения были получены землянами уже раньше от Кайны Стан и Сайна Дагеля.

— Только не забывайте, консул, о том, что краткость — родная сестра таланта. И что стол уже накрыт, — напомнил Клим. Он обернулся на легкий шум и, заметив входящего Снегина, громко добавил: — И о том, что точность — вежливость королей и послов.

Всеволод рассмеялся. В руках он держал роскошный букет пурпурных далийских цветов, которые земляне называли между собой бархатными розами.

— Из личного цветника президента. Для дам, — сказал он и огляделся. — Где же они?

— Удалились, оскорбленные долгим и бесплодным ожиданием. — Клим приподнялся, понюхал цветы, потом, удивленно взглянув на Снегина, понюхал еще раз. — Да они пахнут свежими огурцами!

— Совершенно верно, это самый модный у далийцев аромат. — Всеволод бросил букет на подоконник и присел на диван рядом с Лобовым. — Я слышал что-то о краткости и о таланте?

— Нехорошо подслушивать, уважаемый посол. Некрасиво.

— Мы попросили Тура рассказать последние новости о Яр-Хисе, — пояснил Иван.

— О, — оживился Снегин, — это интересно.

Земляне в общих чертах уже знали историю Яр-Хиса. Он возник после окончания ядерной войны, когда Даль-Гей был наводнен многомиллионными массами беженцев со всех континентов, подвергшихся ядерным ударам и радиоактивному заражению.

В этом море голодных, грязных, неустроенных людей очень скоро начались болезни. То и дело вспыхивали эпидемии, борьба с которыми требовала максимального напряжения сил. Тогда и был создан медицинский совет. Он действовал очень решительно: ввел жесткие карантинные меры, принудительное лечение для тех, кто почему-либо уклонялся от него. Врачи работали с предельной нагрузкой, но их усилий оказалось мало. В условиях хаоса и неразберихи, царивших тогда в Даль-Гее, нередко происходили разного рода эксцессы, вплоть до вооруженных столкновений, и вскоре правительство было вынуждено передать в распоряжение медицинского совета значительную часть войск. Так, параллельно городскому управлению, в Даль-Гее возник второй орган власти, имеющий собственные вооруженные силы.

Эпидемии, голод оказались не самыми страшными бедами Даль-Гея. Почти все далийцы переболели лучевой болезнью той или иной степени: одни побывали под прямым воздействием ядерных взрывов, другие оказались в зонах выпадения радиоактивных осадков, третьи получили немалую порцию рентген с пищей и водой. Наследственность далийцев была безнадежно испорчена.

— Все это вам уже известно, — рассказывал Хаасен, но до сих пор мы не представляли подлинных масштабов бедствия, постигшего население Далии. Генетичес-

кий груз достиг таких размеров, что почти половина детей рождались неполноценными и уродами. Сегодня по распоряжению президента нас познакомили с секретными материалами той эпохи, фильмами и фотографиями, которые и теперь невозможно смотреть без содрогания. Жуткая армия уродов-мутантов все время увеличивалась. Медицинский совет, ядро которого составляли крупные ученые-администраторы, взялся за разработку экстренных лечебно-генетических мер.

Там работали люди не только талантливые, но и деловые. А в эпоху капитала ученые, тесно связанные с промышленниками и банкирами, нередко становятся такими же хищниками, как и сами капиталисты.

— Это клевета на науку, консул, — грустно сказал Клим. — Все-таки она изначально стремится к добру. И в прошлом среди ученых были порядочные люди.

— Были, штурман, — сухо согласился Хаасен. — Но были и другие, которые спокойно экспериментировали на живых людях, как на подопытных кроликах, создали ядерную бомбу и благословили уничтожение Хиросимы и Нагасаки. Так вот, медицинский совет Даль-Гея хладнокровно разработал, а городское управление во главе с президентом, ханжески вздыхая, утвердило ряд рациональных, но жестоких мер. Главные из них: полное отделение детей от родителей, жесткий искусственный отбор с эвтаназией неполноценных, введение генетических каст и института роллов — золотого фонда далийской расы. Санкционировав все это, городское управление не захотело пачкать руки грязной работой и скромно отошло в сторону, наделив медицинский совет еще большими правами. Со временем этот совет и превратился в теперешний Яр-Хис.

— Не смешно, — пробормотал Клим.

Лобов взглянул на него и промолчал, а Снегин проговорил задумчиво:

— Самая жестокая из этих мер — отделение детей от родителей. Представляете, забрать новорожденного у матери! Мужчинам было проще.

— Наверное, — согласился Хаасен и криво улыбнулся. — Знаете, ребята, а ведь инстинкт материнства не угас у далиек до сих пор. Статистика хладнокровно констатирует, что процент самоубийств среди матерей из-за отлучения новорожденных снижается крайне незначительно. А сколько это тянется! Сколько сменилось поколений!

— Не расстраивайся, Тур, — мягко сказал Лобов. — Все со временем изменится.

Хаасен вскинул поседевшую голову.

— С какой стати я должен из-за них расстраиваться!

— Не черни себя понапрасну, — вздохнул Клим. — Вернемся лучше к Яр-Хису. История его понятна. Но почему он окружен такой тайной? Каковы теперь его функции?

Снегин покосился на хмурое, отрешенное лицо Хаасена и сказал:

— На этот вопрос, Клим, могу ответить и я. Яр-Хис существует сейчас в двух ипостасях, у него, как у Януса, два разных лица. Легально — это вполне респектабельный медико-генетический городской совет. А нелегально — тайное реакционное общество, стремящееся к узурпации всей полноты власти и консервации социальной системы Даль-Гея. То, что оно тесно связано с гангстерами и ненавидит все земное, тебе хорошо известно. А функции у Яр-Хиса широчайшие и страшные. Под его контролем каждому новорожденному далийцу делают детальный анализ, который устанавливает его генетический, а стало быть, и социальный ранг. Кем ему быть в жизни — умроком, роллом или простым далийцем.

— И геноанализ всегда объективен? — усомнился Лобов.

Хаасен саркастически усмехнулся.

— Разве в мире денег существуют какие-либо объективные критерии, кроме самих денег? В Даль-Гее все продается и все покупается: вещи, мастерство, интеллект, любовь. Геноанализ и генoранг тоже продаются и покупаются, но делается это, разумеется, в обход официальных законов, через тайный Яр-Хис. — Хаасен поморщился. — Самое ужасное в этом геноапартеиде — проблема умроков. Когда-то их рождалось больше, чем было необходимо для производства. Существовал даже ранг мертвых: часть новорожденных, потенциальных умроков, подвергалась умерщвлению. Но геноинженерия совершенствовалась, и постепенно умроков рождалось все меньше и меньше. И тогда их стали делать искусственно, из здоровых эмбрионов.

По нашим данным, до семидесяти процентов умроков сейчас создается искусственным путем.

— Ну и мирок! — вздохнул Клим. — Небо скрыто громадами зданий, люди слепы, как новорожденные котята, а цветы пахнут огурцами. Как хочется уйти в космос, к звездам.

— И мы хотим к звездам, Клим, — послышался звонкий голос Лены.

Она и Тика только что вошли в зал. Опасаясь, как бы в присутствии девушки-далийки не было сказано что-нибудь обидное о ее городе, Лена поторопилась вмешаться в разговор.

— Добрый вечер, милые дамы, — галантно проговорил Клим, поднимаясь со стула. — Вы, как и всегда, пунктуальны: опоздали ровно на двадцать минут. Рыжики завяли, дыня выдохлась... Тика, вы действительно хотите к звездам?

— Хочу.

— Не испугаетесь? Я ведь могу устроить эту увлекательную экскурсию прямо сейчас.

Под взглядами заинтригованных товарищей Клим прошагал к боковой стене, где стояла музола, легко пробежался пальцами по клавиатуре и, когда зал наполнили звуки негромкой ритмичной музыки, торжественно сообщил:

— Один из лучших далийских танцев — «К звездам!».

Через несколько секунд он уже кружился с девушкой в танце. Клим рассчитал верно: что-что, а танцевать Тика умела. Она послушно шла за ловким кавалером, легко выполняла самые сложные фигуры и скоро оттаяла: заулыбалась, разрумянилась и стала бойко отвечать на шутливые реплики Клима, поглядывая на него немного удивленно, словно увидела его впервые.

Тур состроил выразительную гримасу, Снегин ответил ему понимающей улыбкой.

— Нет, что ни говори, а Клим все-таки рыцарь, — сказала Лена Лобову.

— Рыцарь без страха, но с некоторыми упреками, да? — Иван пригласил танцевать Лену. — Что нового о Дине?

— Иван, — после паузы сказала Лена. — Если хочешь, то Дин был уже не совсем Дином. Ему был вживлен в мозг крохотный кибератор, который оказывал на его психику глубокое влияние, и Дин стал способен на подлость и предательство. О деталях судить трудно, кибератор полностью разрушен выстрелом в упор. Но, видимо, получая приказ извне, Дин становился почти слепым исполнителем.

— Почти?

— Именно почти. Он поднял руку на Тимура, стрелял в Алексея, но когда дошла очередь до женщины — предпочел выстрелить в себя.

Лобов вспомнил, какой опасности подвергалась Лена, и лицо его посуровело. Лена осторожно провела ладонью по его щеке.

— Не надо думать об этом, — тихо сказала она.

— О чем? — спросил Лобов.

— О Линге. И о всех других, погибших в ту секунду. Их не за что жалеть, Иван. Разве это были люди? Звери, фашисты.

— Это были люди, Лена. Плохие, отвратительные, но все-таки люди. И забыть о том, что случилось там, в гангстерском застенке, сразу невозможно.

В это время Тика случайно заметила охапку роскошных цветов, небрежно брошенную на подоконник, и тихонько ахнула.

— Что случилось? — наклонился к ней Клим.

Тика молча показала пальцем на цветы.

— А, огурцы, — равнодушно сказал Клим. — Совершенно противоестественное явление — цветы с гастрономическим запахом, что-то вроде четырехугольного треугольника.

— Это не четырехугольные треугольники, — сердито сказала Тика, — это аливейры, очень-очень дорогие цветы! Я никогда не видела их сразу столько!

— Много — это еще не значит хорошо, — проворчал Клим.

Снегин, наблюдавший эту сцену, подошел к окну, разделил охапку цветов на две части и вручил один букет Тике.

— От президента Таига, — сказал он значительно.

Другой букет Всеволод преподнес подошедшей Лене.

— Ну, а это от меня лично. Отличное средство для возбуждения аппетита.

Лена на секунду зарылась лицом в пышные цветы, засмеялась, взглянула на счастливую Тику и обернулась к Ивану:

— Нужны вазы. Не будем же мы держать цветы в руках весь вечер.

За вазами на правах хозяина консульства отправился Хаасен. Он, правда, ворчал, что в главном корпусе уже никого нет, а ему лично еще не доводилось заниматься вазовой проблемой, однако вернулся довольно скоро, с торжеством держа в руках два разнокалиберных сосуда неизвестного назначения. Критически разглядывая один из них, Клим проникновенно заметил:

— Кашу варить в этом горшке удобно, но вот насчет цветов меня одолевают сомнения.

Вопрос решила Тика, категорично заявившая:

— Ничего, годится!

Пока женщины, Клим и Хаасен занимались цветами, к Снегину подошел Лобов.

— Что нового у президента?

— Он на высоте. Опубликовал ряд документов, которые ты конфисковал у Линга, там были имена довольно влиятельных далийцев. Отсюда весь этот шум и манифестации. Яр-Хис, насколько я знаю, намеревался действовать гораздо решительнее. Но Таиг прозрачно намекнул, что пустил в дело далеко не все бумаги, которыми располагает, и сравнительно легко их утихомирил. — Снегин замолчал и усмехнулся, щуря свои холодноватые глаза. — А вообще-то Таиг хитрит и ведет двойную игру. Пожалуй, он боится нас не меньше Яр-Хиса, это и определяет его дипломатию. Но надо отдать ему должное: там, где это возможно, он честен.

Лобов засмеялся.

— Честен, где возможно? Что-то слишком по-далийски ты стал выражаться.

— Как дипломат, Иван. Как дипломат!

Разговаривая, они подошли к открытому окну. Глядя на нежную голубоватую листву далийских деревьев, Снегин задумался, припоминая последнюю, неофициальную встречу с Арни Таигом...

Лобов толкнул локтем задумавшегося Снегина и со смехом сказал:

— Смотри, мы говорим о политике, дамы занимаются цветами, а Алексей....

Незаметно вошедший Кронин стоял возле стола, держа в руках бутылку шампанского, и внимательно разглядывал этикетку. Перехватив взгляд Ивана, он усмехнулся и флегматично проговорил:

— О времена, о нравы! Целых десять лет созревала в этом сосуде божественная солнечная жидкость. Ради чего?

Поставив бутылку на прежнее место, в центр стола, он снова поднял глаза на Ивана и, отвечая на его безмолвный вопрос, отрицательно покачал головой.

— Отказалась? — вполголоса спросил Снегин.

— Отказалась, — так же тихо ответил Иван и добавил: — Этого и следовало ожидать.

Появление Алексея вызвало общее оживление. Все начали усаживаться за стол.

Клим заглянул в невеселые глаза товарища:

— А я все-таки раздобыл твои любимые рыжики.

— Правда? — преувеличенно обрадовался инженер.

— Вот они, полюбуйся. Надо быть наблюдательней. Как-никак патруль со стажем. — Штурман помолчал. — Когда отношения с Даль-Геем утрясутся, мы запросто сможем прилетать сюда. Без всяких этих согласований, дурацких виз. Верно?

— Верно, Клим. — Кронин отвел глаза. Он думал о своей последней встрече с Кайной Стан. Небо, звезды, ветер и море...

— Кайна, летим с нами!

— Нет, Алексей, здесь моя родина.

— Но ведь и у Тики здесь родина?

— Тика еще девочка.

— Ты помогала нам. Тебя будут преследовать.

— Возможно.

— А Яр-Хис? Кто защитит тебя от него?

— У каждого своя судьба. Я готова к любому ее решению. Я роллина, Алексей, и сейчас должна быть со своим народом...

Хлопнул выстрел — пробка ударила в потолок. Руки с бокалами протянулись к Снегину, державшему пенящуюся бутылку. Кронин, будто стирая воспоминания, с силой провел ладонью по лицу. Рядом друзья. Впереди целая жизнь! И огромный, полный тайн космос. Разве этого мало, чтобы быть счастливым?

— Алексей.

Иван положил руку ему на плечо, ободряюще улыбнулся и высоко поднял бокал с золотым, искрящимся шампанским.

ЭФФЕКТ СЕРФИНГА

✦

РОМАН

СИНИЙ МИР
(вместо пролога)

Глава 1

Экипаж патрульного корабля «Торнадо» заканчивал свой обед, когда послышался мягкий гудок вызова связной гравитостанции. Командир корабля Иван Лобов молча отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Опять информационное сообщение, — поморщился штурман «Торнадо» Клим Ждан.

— Вот в этом я определенно сомневаюсь. — Инженер корабля Алексей Кронин недолюбливал бездоказательные суждения.

Клим фыркнул:

— Чего тут сомнительного? Второй месяц болтаемся без дела в барражной зоне да слушаем информационные сообщения.

— Болтаться без дела в барражной зоне и есть наше основное дело, дорогой Клим, — сказал Кронин, пододвигая себе кофе. — Видишь ли, когда нет дела у нас, значит, хорошо идут дела у других. А сомневаюсь я потому, что информационные сообщения еще никогда не передавались во время обеда.

На лице штурмана появилось выражение живого интереса.

— А ведь и верно, Алексей!

— Еще бы неверно. — Кронин попробовал кофе, подумал и добавил сахара. — Дело в том, Клим, что база должна неукоснительно заботиться о нашем здоровье. На то она и база. А что может быть вреднее для здоровья, нежели прерванный обед? Разве будет Иван есть с прежним аппетитом?

Клим его не слушал. Покусывая нижнюю губу, он пробормотал:

© Ю.Г. Тупицын, 1991

— Любопытно. Если это не информационное сообщение, то что же это такое?

Кронин собрался что-то сказать, как в кают-компанию вошел Лобов.

— Конец обеду, — негромко сказал он. — Поступил приказ: «Борт «Торнадо», задание первой срочности. Сектор Г, звезда В-1358, пятая планета. Произвести посадку в точке с координатами: широта северная 43 градуса 39 минут, долгота абсолютная 255 градусов 16 минут. Подробности лонг-линией. Конец». — Лобов опустил руку с бланком гравитограммы и добавил: — Весь маршрут пойдем на разгоне. Обрати внимание на ходовые двигатели, Алексей.

Кронин утвердительно кивнул головой, а потом легонько пожал плечами. Последнее означало, что напоминание это было лишним. Кто же не знает, что задания первой срочности выполняются только на разгоне, а следить за ходовыми двигателями — прямая обязанность инженера!

Глава 2

Корабль наполняло негромкое, но густое и какое-то липкое гудение. Гул этот лез не только в уши, но, кажется, и в каждую клеточку тела. Непривычного человека он лишал сна, аппетита и хорошего настроения, но патрульный экипаж его почти не замечал — для них ход на разгоне был делом привычным.

Идти на разгоне — значит идти с постоянным ускорением ускорения — на третьей, производной, как говорят космонавты-гиперсветовики. Только на разгоне можно пробить световой барьер и ворваться в мир сверхсветовых скоростей. Когда корабль проходит этот барьер, на головной конус корабля ложится ударная световая волна, и дальше корабль мчится, волоча за собой трепетный шлейф излучения Черенкова.

Когда световой барьер был пройден и Кронин убедился, что ходовые двигатели работают с четкостью часовых механизмов, был дан отбой тревоги. Лобов отправился в рубку связи выяснять по лонг-линии подробности задания, а Клим принялся просматривать лоцию, надеясь найти в ней сведения о планете, на которой «Торнадо» предстояло произвести посадку.

— Есть! — весело сказал он. — Нам везет, эта планета имеет собственное имя!

— Значит, чем-нибудь печально знаменита, — меланхолически заметил Кронин.

— И как только космос терпит таких мизантропов? Разве может быть печально знаменитой планета, которая называется так романтично — Орнитерра, планета птиц!

— Птицы бывают разные, дорогой Клим, — наставительно заметил Кронин, обнимая длинными руками свои худые плечи.

— Разные, не разные, а планета — настоящий санаторий. Суди сам, цитирую лоцию: «Ускорение силы тяжести и сутки на Орнитерре практически равны земным. Наклон оси вращения к плоскости орбиты всего один градус, в связи с чем сезонные изменения погоды отсутствуют. Среднегодовая температура экваториальной зоны и зоны средних широт, где располагается более 80 процентов суши, 25 — 27 градусов. Климат этих зон напоминает климат Гавайских островов Земли». Ну, скептик, разве это не санаторий?

Инженер сосредоточенно пожевал губами, словно пробуя Орнитерру на вкус, и кивнул.

— Ну что ж, с климатом я готов смириться. А вот как там насчет болот, комаров, тигров и других подобных радостей?

— Болота! — с отвращением сказал Клим. — У тебя больное воображение, Алексей. Болота и не снились красавице Орнитерре: «Суша почти сплошь покрыта лесами паркового типа. Преобладают высшие цветковые растения. Цвет растительности синий». Представляешь? Индиговые леса, лазурные луга! Нет, положительно я начинаю влюбляться в Орнитерру.

— Любовь с первого взгляда редко бывает счастливой, — наставительно заметил Кронин.

— В любви ты для меня не авторитет! Не спорь, молчи и слушай дальше: «Фауна представлена сравнительно небольшим количеством видов, но сами виды численно очень велики. Бесспорное преимущество в этом отношении принадлежит колибридам — небольшим длинноклювым птичкам, напоминающим земных колибри. Колибриды встречаются повсеместно, держатся стаями по нескольку сот особей, питаются нектаром цветов и насекомыми. Крупные хищники, опасные для человека микробы и вирусы не обнаружены. На планете разрешено свободное дыхание, пользование местной водой при соблюдении ординарных мер дезинфекции. Планируются опыты по использованию в пищу местных животных

и растений. Планета намечена для первоочередной колонизации, в связи с чем на ней развернута научно-исследовательская станция с двумя наблюдателями. Примерный индекс безопасности планеты — 0,99». Ну, — торжествующе спросил Клим, — разве это не санаторий?

— Меня еще в детстве приучили не идти против очевидных фактов, Клим, — вздохнул инженер. — Видишь ли, мой старший брат был очень строгим воспитателем. Когда я начинал говорить о черном, что оно белое, он иной раз поколачивал меня. Так что я соглашаюсь — санаторий. Но если это так, совсем непонятно, зачем нас туда посылают?

— Может быть, база хочет, чтобы немного отдохнули и развлеклись? — пошутил Клим.

— И для этого шли на разгоне? Нет, тут что-то другое. Скорее всего что-нибудь стряслось на станции.

Кронин неопределенно пожал плечами:

— Санаторий, дом отдыха — это понятия растяжимые. Человек может заболеть, зачахнуть с тоски, влюбиться, поссориться даже на родной матушке-Земле. А что говорить о не обжитых еще планетах? Потерпи, скоро вернется с лонг-связи Иван, и мы все узнаем.

Глава 3

В ходовую рубку вошел Лобов.

— Какие новости? — живо спросил Клим.

— И как прошел сеанс? — добавил Кронин, ревниво заботившийся об исправности всей корабельной аппаратуры.

— Отлично, — коротко ответил Лобов и усмехнулся. — С Орнитеррой познакомились?

— Само собой, познакомились! Не тяни, Бога ради! — умоляюще сказал Клим.

Кронин меланхолически пояснил:

— Я имел счастье выслушать не только полный текст лоции об Орнитерре, но и восторженные комментарии Клима.

— Я так и думал. — Лобов помолчал и сказал уже без улыбки: — А случилось вот что. На Орнитерре без вести пропали планетолог Виктор Антонов и биолог Лена Зим, весь состав станции. Пока ничего трагичного, просто не вышли на связь ни в основной, ни в резервные сроки. Ну и, как полагается по инструкции, база вызвала ближайший патрульный корабль.

— И никаких подробностей?

— Кое-что есть. Лена и Виктор совсем зеленые ребята, стажеры-студенты, проходящие выпускную практику. К тому же, по всем данным, влюблены друг в друга. Их послали вместе-то только по настойчивой обоюдной просьбе. Между прочим, мне демонстрировали их снимки. Хорошие ребята.

— И Лена хорошая? — не без лукавства спросил Клим.

Лобов мельком взглянул на него:

— Я же сказал.

Кронин положил Климу на плечо свою большую сухую руку:

— Можешь быть спокоен, Клим. Уж если Иван говорит про девушку, что она хорошая, стало быть, она настоящая красавица.

— Ну если красавица, так все ясно, — безапелляционно заявил Клим. — Парень совсем потерял голову, утащил бедную девушку на романтическую прогулку в синие заросли, где они, как и полагается влюбленным, благополучно заблудились.

— Посылать влюбленных детей на неосвоенную планету, — пробормотал Кронин. — Какое легкомыслие!

— На базе уже каются, — хмуро сказал Лобов, — но всех успокаивает то, что Орнитерра практически совершенно безопасна. Между прочим, голодная смерть им не грозит. Лена обнаружила, что многие плоды Орнитерры вполне съедобны, и подтвердила это серией опытов на себе.

— А они там времени не теряли! — удивился штурман.

— Я же говорю — хорошие ребята, — в голосе Лобова прозвучала толика раздражения, — у обоих прекрасные отзывы из института. Поэтому-то им и разрешили вместе лететь на Орнитерру.

— Но любовь есть любовь, — засмеялся Клим, — она не только возвышает людей, но и заставляет их делать глупости. Все мы прошли через это!

— Не надо мерить всех на свой аршин, — наставительно сказал Кронин, — люди, особенно молодые, гораздо лучше, чем это тебе представляется.

— Конечно, не каждому дано стать Ромео.

— Ромео. — Алексей покачал головой и вздохнул. — Кто такие Ромео и Джульетта? Бедные чувственные дети со слаборазвитым интеллектом.

— Не кощунствуй!

— Разве я виноват, что наши предки любили обожествлять свои инстинкты? Нет, я уверен, Лена и Виктор — не

Ромео и Джульетта, а вполне современные люди. Сильно сомневаюсь, чтобы они так ошалели от любви, что забыли и о делах, и о собственной безопасности. Надо искать другую, более вескую причину.

— Так уж сразу и причину! — запротестовал Клим. — Ты скажи хотя бы намек, самую маленькую зацепочку!

— Зацепочка есть, — хладнокровно сказал Лобов. Ждан и Кронин дружно повернули к нему головы. — База просила обратить внимание на отсутствие крупных хищников на Орнитерре, — пояснил Иван. — Обычно ведь устанавливается определенный баланс между хищниками и растительноядными, а на Орнитерре он нарушен. Там встречаются копытные с зубра величиной, а самый крупный хищник — не больше зайца. Да и таких немного.

— Из любых правил бывают исключения, — вновь вставил свою реплику Кронин, — а исключения всегда подозрительны.

— Так же, как и правила! — отрезал Клим.

Кронин усмехнулся:

— Как бы то ни было, база вполне определенно намекает нам, что на Орнитерре вместо крупных хищников может действовать некий неизвестный фактор, а поэтому рекомендует проявлять разумную осторожность.

Лобов молча кивнул в знак согласия, а Ждан схватился за голову:

— Представляю! Скафандры, скорчеры, подстраховка, в общем, как на Тартаре!

— Осторожность еще никому не повредила. — Кронин был сама рассудительность. — Но скафандры и скорчеры на Орнитерре — это, по-моему, уже слишком.

— Конечно, — согласился Лобов. — Ненужная осторожность только затрудняет поиски. Достаточно будет лучевых пистолетов и легких защитных костюмов.

Клим облегченно вздохнул:

— Это еще куда ни шло. Хотя, если подумать хорошенько, санаторий и лучевые пистолеты — разве это не смешно!

Глава 4

По розовому небу плыли редкие облака, похожие на рваные клочья небрежно окрашенной ваты. Невысоко над горизонтом неистово пылало крохотное голубое солнце. Посреди фиолетовой поляны на опаленной и поэтому порозовевшей траве возвышалась патрульная ракета, впаяв

в небо острый хищный нос. Возле ракеты стояли два космонавта — длинный худой Кронин и крепыш Ждан. Поляну со всех сторон окружал невысокий лес. Растительность поражала бесконечным разнообразием оттенков синего цвета — от нежно-голубого, почти белого, до густо-фиолетового, больше похожего на черный. То здесь, то там над лесом столбами роились колибриды. Их оперение, окрашенное во все мыслимые цвета радуги, искрилось в лучах голубого солнца тревожным и радостным блеском драгоценных камней. Временами какой-нибудь из роев вдруг вспенивался, рассыпаясь на отдельных птиц, и падал вниз, исчезая в синеве деревьев, а в другом месте поднималась новая волна колибридов и, как по команде, собиралась огненным столбом.

— Что-то Иван запаздывает! — не то с беспокойством, не то с раздражением проговорил Клим, вглядываясь в сторону, откуда неторопливо плыли зеленоватые облака.

Кронин повернул голову, разглядывая своего друга с оттенком удивления.

— Поэтому-то ты и прибежал ко мне?

— А ты думал, для того чтобы поразвлечь тебя? — сердито ответил Клим вопросом на вопрос.

Кронин тихонько засмеялся:

— Нет, этого я не думал. Но я думал о том, что Иван на униходе, который может шутя проскочить сквозь термоядерное облако с температурой в миллион градусов, а один мой хороший знакомый совсем недавно уверил меня, что Орнитерра — настоящий санаторий.

Он покосился на хмурого товарища, положил ему руку на плечо и мягко добавил:

— Если командиры патрульных кораблей будут без вести исчезать на таких планетах, как Орнитерра, то всю нашу службу надо будет разогнать, а нас самих перебросить на Землю — пасти стада китов в Тихом океане. Прилетит Иван, ничего с ним не случится.

...«Торнадо» совершил посадку в полукилометре от научно-исследовательской станции. Ближе приземлиться было нельзя — отдача ходовых двигателей могла повредить аппаратуру наблюдения, развернутую возле станции. Сразу же после посадки осмотрели станцию и кое-что выяснили: в ангаре не оказалось станционного глайдера, а в вахтенном журнале коротко значилось: «Ушли на облет наблюдательных постов». Всего этих постов было двенадцать, они располагались вокруг станции на удалении от пятисот до тысячи километров.

— Все ясно, — уверенно констатировал Клим, — потерпели аварию во время облета. Катастрофы на глайдере невозможны. Значит, сидят где-то на маршруте и преспокойно ждут нашей помощи.

Кронин исподлобья посмотрел на Клима и вздохнул.

— Ясно или неясно, а первоочередная задача определилась — надо отыскать глайдер, — заключил Лобов.

Ждану было поручено детально ознакомиться со станцией, Кронин занялся приведением в стартовую готовность «Торнадо», а Лобов на уходе отправился на поиск глайдера. Он вел поиск с помощью биолокатора, настроенного на спектр биоизлучения человека. Это был чертовски капризный прибор, чувствительный даже к малейшим помехам. Он требовал неусыпного внимания, мог работать лишь в условиях полнейшего радиомолчания, так что на связь с товарищами у Лобова просто не оставалось ни времени, ни возможностей. И вот командир запаздывал уже на двадцать минут. В ходе свободного поиска это сущие пустяки, но Клим почему-то нервничал, что было на него совсем непохоже.

— Прилетит, — спокойно повторил Кронин, — и может быть, даже с этими влюбленными на борту. — Он полной грудью вдохнул свежий воздух и, прислушиваясь, склонил голову набок.

Вокруг звучали странные голоса и музыка. Мягкие стоны «О-о-о! А-а-а!», звонкие удары крохотных молоточков, тяжкие вздохи органа, густой гул контрабаса, беззаботное цоканье кастаньет и фривольные трели флейты — все это сливалось в бестолковую, но красочную симфонию. Можно было подумать, что поют орнитеррские птицы. Но нет, земные аналоги здесь не годились. Только совсем близко от сверкающего столба колибридов можно было услышать его печальную скороговорку: жужжащий гул сотен крыльев, шорохи и вздохи воздуха. Пели не птицы, а цветы. Скромные синие и зеленые цветы, совсем незаметные на фоне листвы. Они пели в полный голос по утрам и вечерам. Чем выше поднималось злое солнце, тем молчаливее становились цветы, а в полдень, когда яростный голубой глаз сверкал в самом центре небосвода, цветы умолкали совсем. И только иногда из глубины синей чащи доносилось грустное, почти страдальческое «О-о-о! А-а-а!».

— Никак не могу привыкнуть к этой музыке, — признался Кронин.

— Но колибриды! Чем не летающие драгоценные камни? Красиво!

— Красота — понятие относительное, — хмуро ответил Клим. — Земные пантеры тоже удивительно красивые создания. По крайней мере, гораздо красивее тех свиней и баранов, которых они пожирают.

Кронин смотрел на него с укоризненной улыбкой.

— Клим Ждан и такая обнаженная неприязнь к прекрасному! Это выше моего понимания. — Инженер покачал головой. — Скорее всего ты не выспался или плохо пообедал. Чем тебе не угодили кроткие цветы и безобидные нектарианцы?

Ждан махнул рукой на радужные столбы крылатых крошек:

— Посмотри, их тьма!

— Ну и что же? Разве тебя когда-нибудь пугала тьма цветов на лесной поляне? Или стаи рыбок среди коралловых ветвей?

— Да ты взгляни, как они роятся! В этом есть какое-то исступление, прямо бешенство! Такого на Орнитерре еще никто не наблюдал, кроме нас и стажеров. — Клим брезгливо передернул плечами и продолжал: — И эти проклятые цветы словно осатанели! И Лобов запаздывает!

Кронин положил руку на плечо штурмана.

— Наверное, в больших дозах все вредно, даже красота, — философски заметил он. — Даже для эстетов. Цветы поют, колибриды роятся, ну и на здоровье. В пору любви все сходят с ума и роятся, даже комары.

Клим серьезно взглянул на инженера:

— Не хотел я тебе говорить до прилета Лобова, но придется.

Кронин сразу насторожился:

— А что такое?

— Пока ты копался на корабле, я посмотрел кое-какие отчеты Лены Зим. И наткнулся на поразительную штуку — ей удалось установить, что колибриды сплошь бесполы. Все до одного.

Кронин высоко поднял брови:

— Бесполы? Что ты хочешь сказать этим?

— Именно это я и хочу сказать. Бесполы, да и баста. Понятно?

— Может быть, Лена просто ошиблась?

— Не думаю. Работа сделана здорово: и добросовестно, и квалифицированно.

— Чертовщина какая-то! — сказал Кронин и задумчиво огляделся вокруг.

— Значит, все это красочное роение — мишура, пустышка, ширма какой-то совершенно неведомой нам жизни, ключом бьющей где-то там, в глубине леса.

Рои колибридов висели над лесом как разноцветные сверкающие дымы. «О-о-о! А-а-а!» — все громче и требовательнее стонали невидимые цветы. Вглядываясь в этот цветной поющий мир, Кронин все больше хмурился.

— Лобов летит, — вдруг с облегчением сказал Ждан.

Кронин поднял голову. Совсем низко над лесом бесшумно скользил уникод, поблескивая нейтридным корпусом. При его приближении рои колибридов вспенивались и рассыпались по сторонам. Возле «Торнадо» уникод завис и мягко опустился на траву. Двинулась притертая дверца, уходя в невидимые пазы корпуса. Не успела она убраться окончательно, как из проема выскочил Лобов и сделал несколько энергичных движений, разминая затекшие ноги.

— Ну как? — еще издалека крикнул Клим.

Лобов подождал, пока друзья подойдут ближе, и без особого воодушевления ответил:

— Глайдер обнаружил.

— А стажеры?

Ждан и Кронин остановились рядом, вопросительно глядя на командира. Лобов передернул сильными плечами и устало ответил:

— Как в воду канули.

...Лобов нашел глайдер на шестом наблюдательном посту. Собственно, не столько он нашел глайдер, сколько глайдер нашел его: целый и невредимый, он совершенно открыто стоял у постового домика. Лобов несколько раз прошелся над постом на малой высоте. Может быть, стажеры где-то рядом и, увидев уникод, выбегут на поляну? Но надежды Лобова не оправдались, поляна осталась пустынной.

Посадив уникод рядом с глайдером, Лобов проверил лучевой пистолет, вылез из кабины и подошел к глайдеру. Кабина его была пуста, только на переднем сиденье лежала небрежно брошенная куртка. Судя по размеру и крою, она принадлежала Виктору Антонову.

Обойдя глайдер и не заметив никаких повреждений, Лобов открыл дверцу, переложил куртку на заднее сиденье, сел на место водителя и проверил управление.

Запустив двигатель и убедившись, что тот работает нормально, Лобов взлетел и сделал несколько кругов над постом. Машина была совершенно исправна. Это было и

хорошо, и плохо, так как наводило на неприятные раздумья: почему ни Виктор, ни Лена не воспользовались совершенно исправной машиной?

Лобов поставил глайдер на прежнее место и отправился к постовому домику. Не без волнения открыл он дверь, внутренне готовый к любым неожиданностям. Но неожиданности не произошло. В домике, состоящем из аппаратной и крохотной комнатки для отдыха, никого не было.

На столике стоял диктофон, и, осмотрев его, Лобов с удивлением понял, что он до сих пор включен. На краю столика лежал незнакомый надкусанный и уже увядший плод. На спинку стула была аккуратно повешена куртка Лены.

Командир задумался, вспоминая куртку Виктора, брошенную на сиденье глайдера. По-видимому, был жаркий день, если стажеры решили снять куртки. Лена работала в домике, а Виктор куда-то летал или занимался на свежем воздухе. Потом что-то произошло, и Лена поспешно — об этом говорил и недоеденный плод, и включенный диктофон — покинула домик. Может быть, она узнала, что Виктору грозит какая-то опасность? Лена вышла и больше не вернулась. Лобов нахмурился. Так поспешно не отправляются на прогулку. Определенно тут случилось что-то, и что-то серьезное.

Подсев к столу, Лобов перемотал нить записи и поставил диктофон на прослушивание. После небольшой паузы зазвучал девичий голос, такой чистый и живой, что Лобов невольно улыбнулся. Лена диктовала обработанные данные наблюдений шестого поста. Диктовка продолжалась довольно долго, Лобов терпеливо ждал. Непроизвольно откинувшись назад, он нечаянно коснулся рукой куртки Лены. Он еще раз огляделся вокруг. Куртка, аккуратно повешенная, включенный диктофон, недоеденный плод и теплый, живой голос — было в этом нечто такое, что заставило тоскливо сжаться сердце. Вдруг диктовка оборвалась на полуслове. Лобов затаил дыхание и подался вперед. Послышался шорох, движение и испуганный голос Лены:

— Что это? — И после томительной паузы удивленно: — Виктор, так это яйцо! Какое большое! — Немного спустя уже восторженно: — Много? Ты просто молодец! Сейчас же иду.

Шорох ткани, звуки шагов и тишина.

Но Лобов ждал, он не терял надежды, что кто-нибудь из стажеров все-таки вернется в комнату. Он лишь уве-

личил скорость прослушивания и включил автомат, чтобы при появлении звука диктофон сам перешел на нормальный режим воспроизведения.

Когда автомат сработал, Лобов весь превратился в слух, но это были его шаги и его собственное покашливание. Значит, ни Лена, ни Виктор сюда не возвращались. Лобов выключил диктофон.

Когда он поднялся со стула, взгляд его задержался на куртке Лены Зим. Лобов провел ладонью по ее шелковистой ткани, а потом ощупал карманы. В одном из них что-то лежало. Лобов запустил руку в карман и извлек ампулу размером с наперсток. Это был стандартный инъектор с универсальной вакциной. Инъектор, входящий в комплект обязательного снаряжения космонавтов, работающих в условиях, когда возможно поражение организма болезнетворными микробами. Хмуря брови, Лобов долго рассматривал маленький профилактический приборчик, пользоваться которым на Орнитерре было просто ни к чему.

Выйдя из домика, Лобов подошел к глайдеру и проверил карманы куртки Антонова. Инъектора в них не было.

Глава 5

Лобов сидел, откинувшись на спинку кресла, с наслаждением вытянув усталые ноги. Рядом в углу дивана пристроился Кронин. Он сидел ссутулившись, обхватив свои плечи длинными худыми руками.

— А наша операция начинает приобретать отчетливый трагический оттенок, — задумчиво сказал инженер.

Клим, расположившийся напротив своих друзей, повернулся к нему:

— Что ты имеешь в виду?

— Яйцо. Антонов принес или привез откуда-то крупное яйцо. А как известно даже маленьким детям, большие яйца кладут крупные животные. Животные склонны защищать свое потомство, и притом весьма отчаянно. На Орнитерре нет крупных хищников, но если животное достаточно велико, оно может наделать уйму бед даже в том случае, когда питается одной травой. А вспомни последнюю реплику Лены: «Много?.. Сейчас же иду!» Само собой разумеется, что они отправились осматривать кладку яиц. Вот там-то с ними и могла случиться беда.

— Похоже на правду, — хмуро сказал Лобов.

— Во всяком случае, — продолжал инженер неторопливо, — теперь мы можем четко и ясно сформулировать нашу очередную задачу: надо отыскать кладку яиц в районе шестого поста. Не думаю, что это будет трудно. Во-первых, она расположена где-то неподалеку, потому что Виктор и Лена не воспользовались глайдером, а предпочли отправиться пешком. Во-вторых, яйца достаточно велики. Если из них даже успели вылупиться детеныши, мы все равно найдем это место по остаткам скорлупы.

— Алексей, ты вещаешь как оракул! — с некоторой завистью сказал Клим.

— Будем считать вопрос решенным. — Лобов легонько пристукнул ладонью по подлокотнику кресла. — Завтра мы отправимся на пост вдвоем, надо подстраховаться. Кто знает, что представляет собой эта яйцекладущая зверюга?

— Как ты думаешь, Иван, — спросил штурман негромко, — есть надежда найти ребят живыми?

Лобов долго молчал, прежде чем ответить.

— Надежду потерять никогда не поздно, — сказал он наконец.

За ужином Клим удивил своих друзей, притащив на десерт большое блюдо круглых серебристых плодов, каждый величиною с яблоко. Кают-компанию наполнил чудесный, чуть пряный запах.

— Орнитеррские, — гордо объявил Клим, — диво, а не фрукты. Я уже пробовал.

— Хм, — неопределенно пробормотал Кронин, разглядывая необычные плоды.

Клим засмеялся:

— Не бойся, мой осторожный друг. Я их пробовал еще рано утром и, как видишь, жив, здоров, бодр и весел. А до меня плоды испытывали стажеры и оставили в своем дневнике об их несравненном вкусе самые прочувствованные строки. Ребята молодцы! У них в консерваторе целая куча разных плодов, пригодных к пище. Я выбрал самые лучшие. — Он взял серебристый плод и подкинул на ладони. — Называется он зимми — в честь Лены Зим. Не плод, а сказка! Чем-то напоминает землянику или малину со сливками.

Он поднес зимми ко рту, и изрядный кусок безо всякого хруста, словно по волшебству, последовал по назначению. Аромат стал заметнее, и впрямь запахло земляникой.

— Клим, ты демон-искуситель, — сказал Кронин.

Он выбрал плод покрупнее и с аппетитом вгрызся в его маслянистую розоватую мякоть. Лобов усмехнулся, тоже выбрал себе плод, но его рука с тяжелым зимми вдруг замерла на полпути ко рту. Это произошло как-то само собой, подсознательно. Ему пришлось сделать известное усилие, чтобы хотя бы примерно разобраться, почему так произошло. Собственно, до конца он так и не разобрался. Просто в его памяти промелькнули отдельные картины, как будто бы не имеющие никакого отношения к проблеме съедобности зимми и все-таки чем-то с ней связанные: надкусанный увядший плод на столике шестого поста, инъектор с универсальной вакциной в куртке Лены, дымные столбы бесполых колибридов над синим лесом. А потом пришла и уже довольно четкая мысль. На Орнитерре работало несколько экспедиций, и все обходилось благополучно. Но вот Лена и Виктор, третья смена научной станции, начали опыты по употреблению в пищу местных плодов, и с ними произошло нечто загадочное, необъяснимое, может быть, даже непоправимое.

Лобов подержал тяжелый красивый плод на ладони и решительно положил его обратно на блюдо. В ответ на удивленные взгляды друзей он сказал:

— Пусть хотя бы один из нас не ест местных плодов.

Кронин заметно переменился в лице, а Клим удивился:

— Это же чудесный плод! Ты что, боишься? Ручаюсь, никакой опасности для жизни.

— Боюсь — не то слово. Я даже уверен, что ничего плохого от зимми с нами не случится. И все-таки... — Лобов замялся, подбирая подходящее выражение. — Считайте, что мы ставим опыт. И я в этом опыте контрольный экземпляр.

Глава 6

Лобову не спалось. Он никак не мог отделаться от мыслей об инъекторе, найденном в куртке Лены Зим. Он было уже совсем забыл о нем, но, когда ладонь ощутила тяжесть орнитеррского серебристого плода, инъектор вдруг всплыл в его памяти откуда-то из подсознания и застрял там, как забитый гвоздь. Самое скверное, что ему нечем было поделиться с друзьями, это было смутное, неосознанное бес-

покойство, и только. Лобов ворочался с боку на бок, дремал, засыпал, снова просыпался и никак не мог заснуть окончательно.

Центральным стержнем, вокруг которого вертелись все его размышления, был вопрос: зачем Лене понадобился инъектор? Инъекции универсальной вакцины делают в тех случаях, когда возникает опасность заболевания инопланетной болезнью. Эта вакцина не столько ликвидирует болезнь, сколько подавляет ее, создает известный резерв времени, который используется для диагностики заболевания и синтеза прицельного сильнодействующего средства. Но, черт возьми, на Орнитерре нет болезнетворных микробов! Уж что-что, а это обстоятельство проверяется исключительно скрупулезно. Если бы Лена Зим заподозрила, только заподозрила, что на Орнитерре есть опасные для человека микроорганизмы, она должна была бы немедленно сообщить об этом на базу. Инопланетными болезнями не шутят! Они унесли больше жизней, чем все остальные космические опасности, вместе взятые. Лена отлично знала об этом, а следовательно... надо искать какую-то другую причину появления инъектора в ее кармане.

Интересно, что сказали бы по этому поводу его друзья? Лобов улыбнулся, вспоминая о них. Клим, наверное, сказал бы: «Инъектор? Ну и что? Вот если бы в кармане лежал флакон яда или ядерная бомбочка! Да я придумаю тебе сотню причин, по которым Лена могла положить в карман эту штучку!» А Кронин? Что бы сказал Алексей, догадаться было уже труднее, но, видимо, что-либо в таком роде: «Знаешь, Иван, если бы ты нашел инъектор в кармане серьезного мужчины, я бы задумался. Но ты нашел его у молоденькой девушки. Мне кажется, что у девушек в кармане всегда бывают кучи ненужных вещей. Поэтому не стоит придавать этому значения». И может быть, Алексей прав.

Лобов не меньше десяти раз перевернулся с боку на бок, пока ему не пришло в голову, что инъектор мог быть использован не по прямому назначению, а скажем, для какого-то биологического эксперимента. Допустим, Лене пришло в голову сделать инъекции вакцин каким-то орнитеррским животным и посмотреть, что из этого получится. Молодежь ведь ужасно любит ставить опыты, зачастую совершенно безрассудные, по принципу: а вдруг да выйдет что-нибудь интересное? Итак, предположим, что Лена ставила опыты. И что же из этого вышло? Бес-

следно исчезла не только она, но и Виктор! Ничего себе опыт! Впрочем, ничего удивительного в этом нет, молодежь любит рисковать, просто не сознавая опасности. Опыты, опасные опыты... Если они были действительно опасными, то инъектор мог служить не средством эксперимента, а оружием защиты. Но разве Лена пошла бы на такой опыт без санкции базы? Разве поддержал бы ее Виктор?

Прошел, по крайней мере, еще один мучительный час полусна, и Лобова вдруг осенило. Какие опыты? При чем тут опыты? Скорее всего на Орнитерре начались какие-то неизвестные раньше процессы, которые насторожили Лену и заставили ее подумать о мерах безопасности. Именно только насторожили! Будь это реальная опасность, Лена немедленно бы сообщила об этом на базу, а когда еще много неясного, молодежь больше всего опасается, как бы ее не обвинили, мягко говоря, в излишней осторожности и паникерстве. Итак, Лену что-то насторожило. Что? Черт возьми! Ведь совсем недавно на Орнитерре началось необыкновенное исступленное роение бесполых колибридов!

Добравшись до этого пункта размышления, Лобов успокоенно вздохнул, потянулся и крепко заснул.

Глава 7

Прощаясь с Климом, Кронин уже сидел в униходе, Лобов задержал его руку и после некоторого колебания сказал:

— Вот что, Клим. Из помещения выходи как можно реже, а лучше вообще не выходи.

Клим недоуменно взглянул на него, потом улыбнулся:

— Боишься, что меня утащат колибриды?

— Если бы я знал, чего бояться! — Лобов с досадой передернул сильными плечами. — В общем, если почувствуешь себя плохо, немедленно перебирайся на корабль, сделай инъекцию универсакцины и немедленно доложи мне!

Тень тревоги скользнула по лицу штурмана.

— Ты не уверен в добротности зимми?

— Да нет, сердцем чувствую — нечисто что-то на этой синей планете. — Лобов помолчал, хмуря брови, и добавил: — И вот еще что — перерой все отчеты Лены Зим за последние дни. Постарайся отыскать в них необычное, из

ряда вон выходящее. Там обязательно должно быть что-нибудь такое.

— Что? — с интересом спросил штурман.

— Не знаю, но должно быть.

Клим внимательно присматривался к командиру.

— Чудишь ты, Иван. Иди туда, не знаю куда, ищи то, не знаю что. Да и перерыл я эти отчеты! Ничего там нет особенного, кроме роения колибридов.

— Посмотри еще раз. — Лобов был само терпение. — Может быть, отчет не закончен и лежит не в архиве, а где-то на рабочем месте.

— Хорошо, Иван, постараюсь, — пообещал Клим.

И он постарался. Униход был еще в пути на шестой пост, когда на экране появилось довольное и горделивое лицо Клима.

— Ты оказался пророком, Иван, — сообщил он. — Я нашел этот отчет. Он был в лаборатории. В нем идет речь о болезни.

— О какой болезни? — насторожился Кронин.

— Не беспокойся, мой впечатлительный друг, не о нашей. За последние дни Виктор и Лена обнаружили несколько больных орнитеррских животных. Животные разные, но больны они были одной и той же болезнью. Больные животные никогда не лежат на открытом месте, а прячутся в расселинах, пещерах, зарываются в землю, песок или листья где-нибудь в самой глухой и непроходимой чаще леса. Поэтому-то их не находили раньше. Молодцы, все-таки, стажеры, честное слово!

— Не отвлекайся, — попросил Лобов.

— Больше не буду. На первый взгляд животные кажутся умершими, не реагируют на самые сильные раздражители, тело скорченное, окоченевшее. Но сохраняется поверхностное дыхание и в сильно замедленном темпе бьется сердце. По их предварительным анализам получается, что это заболевание жуткой сложности! Последние дни стажеры только им и занимались. Болезнь такая путанная, что сам черт ногу сломает. Но, что самое важное, им удалось установить с абсолютной точностью — вирус, вызывающий заболевание, для человека совершенно безвреден, так что можете не беспокоиться.

— И все-таки, — недовольно пробормотал Кронин, — они должны были сразу сообщить обо всем этом на базу, а не заниматься самодеятельностью.

— Конечно, опытный планетолог так бы и сделал, — пробормотал Лобов.

Кронин покачал головой:

— Я же говорю — дети!

— Да что вы к ним придираетесь! — возмутился Клим. — Ребята просто-напросто ждали очередного сеанса связи. Тем более, что он был близок.

— И все-таки это легкомыслие! — упрямствовал инженер.

— Все мы бываем легкомысленны в молодости, — усмехнулся Клим.

— Ну, желаю удачи. А я вооружаюсь Вирусэнциклопедией и начинаю разбираться в этой болезни подробнее.

Глава 8

Лобов и Кронин нашли стажеров на исходе третьего часа поисков всего в полукилометре от поста. Биолокатор сработал, когда униход пролетел над верхушкой громадного раскидистого дерева с сочно-голубой листвой. Но он сработал так неуверенно, что Лобов не понял — был контакт или это случайная помеха. Он обернулся за помощью к инженеру, но и тот пожал плечами:

— Сам ничего не пойму. Иван, надо вернуться.

Лобов положил униход в крутой вираж и снова повел его к приметному дереву, теперь уже на минимальной скорости. И снова биолокатор сработал так же слабо и нечетко.

Завесив униход над деревом, Лобов сказал Кронину:

— Проверь-ка аппаратуру, Алексей.

Кронин молча кивнул и занялся биолокатором. Через несколько минут, убедившись, что все в порядке, он уже хотел сообщить об этом Лобову, но прежде так, для очистки совести, прогнал частоту настройки сначала вниз, а потом в диапазоне крайних значений частоты «хомо сапиенс». И вот тут-то, на самой границе высоких частот, локатор буквально взвыл, отмечая необычайно высокую интенсивность биопроцессов. Пораженный инженер обернулся к Лобову:

— Ничего не понимаю!

— Потом разберемся, — ответил Лобов и повел униход на посадку. — Ты запеленговал точку контакта?

— Разумеется.

Подмяв под себя кустарник, униход приземлился метрах в пятнадцати от дерева. Кронин взялся было за дверцу, но Лобов остановил его:

— Проверь оружие. Будешь меня страховать.

Инженер кивнул, вынул лучевой пистолет, проверил его зарядку и снял с предохранителя. В свою очередь, проверив пистолет, Лобов взял манипулятор, предназначенный для выполнения различных механических работ.

— Я готов, — сказал Кронин.

— Пошли.

Первым вышел инженер, осмотрелся и жестом показал, что ничего опасного нет. Лобов, успевший заметить точку контакта биолокатора, уверенно направился к самому основанию огромного дерева. Под ногами мягко пружинил толстый ковер пожухлой, позеленевшей листвы. Кронин остался возле унихода, держа пистолет наготове. Под деревом Лобов внимательно осмотрелся. На первый взгляд, кроме листвы и сучьев, здесь ничего не было. Лобов даже подумал: уж не ошибочно ли сработал биолокатор? Но, осмотревшись внимательнее, он заметил плоский холм листьев. Секунду он смотрел на него, хмуря брови, а потом подошел и принялся прямо руками разбрасывать листву и мелкие сучья.

Скоро он увидел то, что и предполагал увидеть, — судорожно сжатую в кулак кисть человеческой руки. Еще несколько осторожных движений — и Лобов увидел Лену Зим и Виктора Антонова. Свернувшись в плотные комочки, они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Лица их были мраморно бледны, глаза закрыты. Ножом манипулятора Лобов осторожно разрезал одежду Виктора и, с трудом подсунув свою ладонь под прижатые руки стажера, положил ее на грудь Антонова. Затаив дыхание, он прислушался. Медленно, бесконечно тянулись мгновения. И вдруг — «тук!» — ударило сердце; пауза две-три секунды, и снова знакомое «тук!».

Лобов выпрямился.

— Живы! Алексей! Срочно сделай себе инъекцию вакцины. Свяжись с Климом, прикажи ему сделать то же самое.

Кронин на мгновение замялся.

— Ничего, я посмотрю, — сказал Лобов.

— Хорошо, — сказал инженер и, оглядевшись вокруг, полез в дверь унихода.

Заметив, что взгляд Кронина задержался где-то наверху, Лобов посмотрел туда же.

Прямо над униходом трепетал сотнями крыльев сверкающий столб колибридов. Не спуская взгляда с этого

столба, Лобов достал из кармана инъектор и ввел себе вакцину. Рой колибридов то взмывал вверх, то опускался вниз, но его нижний край неуклонно терял высоту. Некоторое время Лобов смотрел на этот шуршащий рой, покусывая губы, а потом поднял пистолет и, сжав зубы, нажал спусковой крючок. Беззвучно, невидимо ударил тепловой луч. Нижняя часть роя просто испарилась, из середины его посыпались опаленные, сожженные крылатые крошки, а самая верхушка роя рассеялась и опала на лес.

— Вот так, — хмуро сказал Лобов, ставя пистолет на предохранитель.

Из унихода выглянул Кронин.

— Правильно, — сказал он, показывая на сожженных птиц. — Я сам хотел пугнуть их. Инъекцию сделал. Клим на вызовы не отвечает.

У Лобова упало сердце.

— Как не отвечает?

— Молчит, и все. Наверное, увлекся поисками в лаборатории.

— Пошли аварийный вызов.

— Хорошо.

Кронин снова скрылся в униходе. Лобов осмотрелся вокруг, сунул пистолет за пазуху, наклонился и поднял на руки Лену. Она была легкой как перышко, и Лобов безо всякого напряжения понес ее к униходу. Кронин вылез навстречу.

— Не отвечает, — мрачно сказал он.

— Страхуй Виктора, — коротко приказал Лобов.

Он уложил Лену в госпитальный отсек, ввел ей вакцину и вылез из унихода как раз в тот момент, когда на землю сыпались сожженные крошки.

— Пришлось пугнуть еще раз, — пояснил Кронин, — как осатанели!

Лобов кивнул на униход.

— Садись.

— А Виктор? — спросил инженер, но все-таки сел.

Лобов плюхнулся на водительское сиденье и мастерски подвел униход вплотную к Антонову.

— Страхуй, — бросил он Кронину, выбираясь из унихода.

Виктор Антонов был тяжеленным парнем, настоящий богатырь! У Лобова жилы вздулись на лбу, когда он нес эту свинцовую тяжесть к госпитальному отсеку. А тут еще край рубашки Виктора, как якорь, зацепился за дверцу.

Кронин поспешил на помощь и принялся отцеплять рубашку.

— Страхуй! — свирепо оглянулся на него Лобов.

Но было уже поздно.

Откуда-то сверху, прямо сквозь сочно-голубую крону дерева, на космонавтов посыпался рой колибридов. Шорохи, трепетанье маленьких крыльев, мягкие прикосновения теплых тел, дуновение воздуха, горьковатый запах — все это продолжалось считанные мгновения. Космонавты были ослеплены и оглушены этой плотной живой массой. И вдруг все прекратилось. Как по команде рой взвился вверх и исчез. Все это время Лобов продолжал держать Антонова на руках. Когда рой оставил их в покое, он сделал последнее усилие и, оборвав полу рубашки, все-таки уложил Виктора рядом с Леной.

— Жив? — обернулся он к инженеру.

Кронин натянуто улыбнулся.

— Жив. И кто бы мог подумать, что эти прелестные создания такие агрессоры? И, по-моему, — Кронин провел рукой по лицу и шее, — в довершение всех удовольствий, они меня еще и покусали.

Лобов, делавший инъекцию Антонову, вскинул голову.

— Покусали?

— Может быть, я не совсем правильно выражаюсь. Скажем так: заклевали.

Лобов захлопнул дверцу госпитального отсека и провел рукой по своему лицу и шее.

— А меня, кажется, не тронули, — не совсем уверенно сказал он.

— Наверное, я вкуснее тебя, — невесело пошутил Кронин.

Лицо Лобова дрогнуло. Перед его глазами встала картина, яркая, четкая, словно стереография: серебристый тяжелый плод на ладони и фраза: «Пусть хотя бы один из нас не ест местных плодов». А может быть, и обойдется? Ведь вакцина-то введена!

— Садись, Алеша, — вслух сказал он. — Надо спешить.

Лобов вел униход на небольшой высоте на сверхзвуковой скорости.

Минуты через три после старта Кронин побледнел. Стуча зубами, он пожаловался:

— Меня знобит, Иван.

— Это от волнения, — сквозь зубы сказал Лобов, еще прибавляя скорости.

— Конечно, это от волнения. — Кронин попытался улыбнуться. — И корчит меня тоже от волнения. Мне

плохо, и ты сам знаешь почему. Я сяду на заднее сиденье, Иван, а то еще помешаю тебе. И не надо меня успокаивать. Я ведь уже десять лет работаю патрулем. Понимаешь, Иван, десять лет.

Последнее слово он произнес уже с заднего сиденья и словно в забытьи. Минуты через две, обернувшись, Лобов обнаружил, что Кронин, свернувшись клубочком, спокойно спит.

Униход с грохотом мчался над синим лесом. Перед самой станцией Лобов сделал горку и погасил скорость. Круто снижаясь вниз к ракете, Лобов увидел Клима. Он лежал, по-детски подтянув колени к подбородку, на ступенях лестницы, ведущей к входной двери корабля.

Глава 9

В госпитальном отсеке «Торнадо» царили тишина и покой. Мягким оранжевым светом светился низкий потолок. На белоснежных постелях в спокойных, расслабленных позах лежали четыре человека, опутанные гибкими змеями шлангов лечебной аппаратуры.

Лобов, заложив руки за спину, прохаживался по толстому зеленому ковру, совершенно заглушавшему звуки его шагов. Третьи сутки без сна.

Иногда он садился в кресло, доставал из кармана записную книжку и заново перечитывал написанные стенографической вязью страницы. Сначала строчки тянулись ровными линиями, но чем дальше, тем становились все более неуклюжими, неровными, корявыми, пока наконец не обрывались на полуслове. Если бы не эта запись, кто знает, остался бы в живых хоть кто-нибудь из этих четверых?

Записную книжку Лобов нашел на груди Лены Зим, она прижимала ее обеими руками как величайшую драгоценность. С большим трудом Лобову удалось освободить и взять ее.

«ВНИМАНИЕ! — было написано на книжке крупными буквами. — СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ!»

А дальше уже шел сам текст сообщения: «Для всех тех, кто употребляет в пищу местные плоды, колибриды представляют смертельную опасность. Совершенно безобидные во всех других отношениях нектарианцы имеют пол-

ностью паразитический способ размножения. В сосущих органах колибридов непрерывно продуцируется геновирус, который способен коренным образом перестроить наследственный механизм клеток. Питаясь нектаром цветов, колибриды заражают их геновирусом. Зараженными оказываются и некоторые плоды, развивающиеся из этих цветов. Вместе с плодами геновирус попадает в кишечник животных, всасывается в кровь, разносится по всему телу и проникает в клетки. Там геновирус дозревает, приспосабливаясь к тонким особенностям обмена веществ животного-хозяина. Заражение геновирусом само по себе никакой опасности, по-видимому, не представляет.

Когда начинается период роения, колибриды перестраиваются на продуцирование другого типа вируса, который мы называли роевым, колибриды, перемещаясь над лесом плотным роем, отыскивают животное, пораженное подходящим штаммом геновируса, нападают на него и клювами непосредственно в кровь и ткани вводят значительные количества роевого вируса. При достаточной дозе он бурно взаимодействует с геновирусом, инкубирующим в клетках. В результате развивается острое, молниеносно протекающее заболевание, приводящее к полному параличу.

Парализованный организм с течением времени окукливается и одевается твердой оболочкой, превращаясь в подобие яйца. Ткани окуклившегося животного образуют достаточно однородную биомассу, в которой формируется от нескольких десятков до сотен и тысяч автономных центров развития. Эти центры подавляют окружающие клетки, подчиняют их общей программе развития и становятся зародышами будущих колибридов.

Весь этот сложный механизм взаимодействия роевого вируса и геновируса оставался для нас тайной до самого последнего момента. Мы заблуждались! Мы считали, что размножение колибридов происходит с помощью одного геновируса и что для активизации требуется лишь достаточно длительный инкубационный период. Мы не поняли, что роевый вирус — своеобразный спусковой крючок молниеносной болезни — превращения. Роевый геновирус мы считали штаммом обычного геновируса с повышенной активностью и более коротким инкубационным периодом. Такие штаммы почти всегда возникают в ходе вирусных эпидемий и пандемий. Геновирус же был изучен нами детально. Мы создали культуру вирусофага, с помощью которой удалось полностью излечить несколь-

ких местных животных, находящихся в начальной стадии оцепенения. А самое главное — мы считали геновирус совершенно безопасным для человека! И это, как нам казалось, было безусловно подтверждено большой серией опытов. Как мы ошибались! Только теперь, под этим деревом, когда Виктор уже потерял сознание, все факты о колибридах вдруг обрели для меня совсем другой смысл и иначе связались друг с другом. Словно повязку сняли у меня с глаз. Но уже поздно!»

Дальше запись Лены все более и более теряла свою четкость.

«Мне все хуже, спешу. В станционной лаборатории в десятом термостате чистая культура вирусофага — антигеновируса. Испытана на местных животных, результаты хорошие. Немедленно введите ее мне и Виктору! Первая инъекция — 10 000 ед., через два часа — полдозы. С риском не считайтесь, будет поздно. Виктору дозу увеличьте. Он не вакцинирован. У нас был один инъ...»

На этом запись обрывалась. Лобов закрыл глаза, представляя, как девушка, отчетливо сознававшая неизбежность удивительной смерти, водит по записной книжке цепенеющей рукой, а рядом лежит Виктор. Ее Виктор. Виктор, которому уже никто не в силах помочь, даже теперь. Да, этот хитроумный ларчик природы, как многие другие ее порождения, открывался непросто. На Орнитерре нет крупных хищников, нет травоядных колоссов, откладывающих яйца огромной величины. Тут живут колибриды — крохотные красавицы птички с самым подлым путем развития, какой только можно придумать!

Слабый посторонний звук заставил Лобова насторожиться. Пряча записную книжку в карман, он вскочил на ноги.

— Иван, — услышал он слабый шепот с первой койки.

Это пришел в себя Кронин. И хотя Лобов давно ждал этого момента, хотя он знал по машинному прогнозу, что первым очнется именно Алексей, у него от волнения перехватило дыхание. Быстро и осторожно ступая по ковру, Лобов подошел к его постели.

— Иван!

Лобов присел на край его постели, комок стоял у него в горле, мешая говорить.

— Мы живы, Иван? Это ты? Или мне все еще снятся сны? Какие дивные сны, Иван!

Лобов передохнул и ответил:

— Живы, Алеша, живы.

— А Клим?

— Все живы.

— Все? — требовательно переспросил инженер.

— Все. — Лобов помедлил и добавил: — Все, кроме Ромео.

— Ромео? Какого Ромео? — словно вспоминая что-то, слабо произнес Кронин.

— У стажеров, Алеша, был один разовый инъектор на двоих. И когда пришла беда, Ромео не колеблясь отдал его своей Джульетте.

Но Алексей уже не слышал Лобова, он засыпал.

— Ромео! — бормотал он беспокойно. — Ромео и Джульетта... Кто такие Ромео и Джульетта? Бедные чувственные дети со слаборазвитым интеллектом.

Часть первая

Глава 1

Лобов сидел в кафе космонавтов за уединенным столиком, накрытым плотной скатертью тепло-зеленого цвета. С трех сторон столик окружали горки с цветами и декоративными растениями, только в сторону фонтана, окруженного танцующими парами, оставался открытый сектор обзора. Такие столики, вопреки цвету скатерти, но в согласии с белыми и бело-розовыми оттенками цветов на горках, назывались белыми. За белые столики в кафе космонавтов садились посетители, искавшие прилюдного уединения, прилюдного покоя, тревожить их без серьезных на то оснований считалось неэтичным.

Традиция белых столиков была почти такой же древней, как и традиция самих кафе космонавтов. Все эти кафе были сделаны по единому интерьерному проекту. Хотя их внешний вид и внутреннее, скрытое от взглядов посетителей убранство могли конечно же варьировать. Все зависело от того, где эти кафе располагались: на Земле, на других планетах — обитаемых, либо необитаемых, или открытом космосе. Разумеется могли варьировать и размеры зала посетителей, но планировка его всюду была единой. И уж если культурный прогресс и диктовал какие-нибудь изменения интерьера кафе, то осуществлялись они разом и повсеместно: и на Земле, и во всем ближнем и дальнем космосе. Поэтому, где бы космонавт не посещал свое кафе: на центральном космодроме Земли в Байконуре, где и сидел сейчас Лобов, на Луне или на любой звездно-планетарной или космической базе, — везде он чувствовал себя как дома. Повсюду кафе космонавтов в плане было круглым, повсюду в центре его кипел и плескался пенными струями фонтан, наполняя воздух свежестью, повсюду, оставляя свободной кольце-

вую площадь для танцев, фонтан окаймляли столики, расставленные среди земных цветов и кустарников. Повсюду в кафе космонавтов звучала негромкая инструментальная музыка, не мешавшая ни мыслям, ни разговорам, но позволявшая тем, кому хотелось этого, танцевать. И повсюду, в любом земном и неземном кафе, как бы оно ни было мало, обособившись за горками цветов и ширмами вьющихся растений, украшенных бело-розовыми цветами, стоял хотя бы один белый столик — для тех, кто искал прилюдного одиночества и на профессиональном жаргоне космонавтов назывался до грустного просто — нетуликой. Мало ли по каким причинам человеку бывает нужно побыть наедине с самим собой, не порывая в то же время связей со всем товариществом и все время, так сказать, чувствуя его локоть и поддержку? Мало ли о чем может задуматься человек, только-только вернувшийся из далекой галактики и видевший невиданное никем до него? Или напротив, ломающий себя, рвущий привычные связи бытия, готовящийся покинуть все земное и снова пойти по одинокой, пугающей и манящей, проклятой счастливой космической дороге поиска и открытий? Не пристало мешать этим людям, их снам наяву, их прилюдным грезам! Отсюда и белые столики с теплой, похожей на солнечную лужайку скатертью. Отсюда и бережный обычай не тревожить земных нетулик — долгих гостей неба, звездных странников, маящихся в радостях и печалях публичного одиночества.

Синдромом публичного одиночества Лобов никогда не страдал. Но у него были другие причины искать прилюдного уединения: ему предстоял очень серьезный, очень ответственный разговор со Всеволодом Снегиным, поэтому надо было побыть одному, сосредоточиться, настроиться нужным образом. Иван намеревался изложить Снегину замысел выношенной им космической операции и попросить у него содействия, поддержки. Операции не просто рискованной, а опасной. Настолько опасной, что даже своих друзей и товарищей по экипажу «Торнадо», Клима Ждана и Алексея Кронина, ему удалось склонить к участию в ней с немалыми трудностями. Конечно, и Всеволод Снегин — его старый друг и товарищ по космической работе. Но Снегин — не рядовой космонавт, а командующий всем дальним космофлотом и один из сопредседателей Совета космонавтов. И если Иван был уверен, что его старый друг Всеволод сделает все возможное, чтобы помочь своему товарищу по космосу, то командую-

щий дальним космофлотом Снегин взвесит предложение командира гиперсветового корабля «Торнадо» Ивана Лобова с должной расчетливостью и осмотрительностью. А Всеволод — умен! Его не переубедишь ни логикой формальных доказательств, ни обещаниями побочных сногсшибательных открытий, ни проникновенными просьбами на дружеской основе. Авантюр Всеволод не приемлет органически, а ведь операция, задуманная Лобовым, по большому счету — авантюра. Авантюра красивая, впечатляющая, сулящая крупное открытие в случае успеха, но все-таки авантюра! Собственно, и кафе космонавтов Иван выбрал для встречи со Снегиным по тем же самым авантюрным соображениям. Он не без оснований надеялся, что в его специфической обстановке бывший лихой командир патрульного корабля Всеволод Снегин непременно размякнет от воспоминаний и реминисценций. И хоть немного, да поглупеет! А это — лишний шанс на успех.

Лобов явился в кафе космонавтов заблаговременно — минут за двадцать до назначенного часа. Облюбовав один из белых столиков, Иван прошелся по автоматическим прилавкам, тянувшимся по внутреннему периметру кафе. Он набрал на каталку фруктов, уделив главное внимание винограду с крупными, с грецкий орех величиной, ягодами. Взял и орешков — колотых диких фисташек с зеленовато-фиолетовой кожицей. Положил дюжину крохотных, с ладошку младенца величиной сандвичей с самой разной натуральной снедью, не особенно приглядываясь к тому, что это за снедь. Ко всему этому он добавил сифон фирменного темного тоника под наименованием «Шепот звезд». Он никогда еще не пил его прежде и теперь решил попробовать, что это такое. Тоников было великое множество, стандартов — никаких, и каждое кафе, во главе которых почти всегда стояли ушедшие на покой старики-космонавты — «деды», изощрялось на свой лад и вкус, стараясь перещеголять других.

Сервировав столик, Лобов отправил послушную каталку на ее запрограммированное возле автоматических прилавков место и осмотрелся. В центре зала кипел и плескался фонтан, его разновысокие пенные струи были подкрашены мягкой подсветкой акварельных тонов. Вокруг фонтана под как бы отдаленные каплеструйные музыкальные аккорды в плавном танце скользило десятка полтора пар. Чем дольше следил Иван за танцующими, тем более ему чудилось, что этот сдержанный ласковый танец похож на древний славянский хоровод, который

водили его предки поздним летом перед сбором хлеба в честь доброго, но капризного бога Солнца — Костромы.

Снегина Иван заметил сразу же, как только он появился в его поле зрения — в толпе танцующих. Высокий, сереброголовый, в белом костюме, оттенявшем бронзовый загар лица, шеи и кистей рук и подчеркивавшем синеву глаз, Снегин был красив. По-мужски красив. Одинаково хорош что для картины, что для скульптуры. И молодая женщина, с которой танцевал Всеволод, была картинно красива: смуглянка с точеной фигурой и мягким, будто полированным лицом африканского типа. Она была одета в форменный костюм космонавтов — голубой с белым кантом, но Иван не мог отделаться от впечатления, что смуглянка — и не космонавтка вовсе, а актриса. Поэтому вся эта сцена у фонтана невольно представлялась ему фрагментом из пьесы, в которой Всеволод Снегин уверенно играл главную роль. Судя по манере общения во время танца, Всеволод вряд ли знал эту дочь знойной Африки прежде, до этой встречи. Просто увидел — и не мог удержаться от того, чтобы, предваряя встречу с Иваном, не пройтись в танце с этой красавицей. В этом был весь Снегин! Импульсивный и порывистый, несмотря на рассудочную мощь своего интеллекта, холодноватый, но страстный в этой холодности поклонник всего прекрасного, а уж женской красоты — в особенности. Недаром же в юности он был удостоен прозвища Гранд!

Разглядывая такие разные и все-таки странно схожие манерой улыбаться, поглядывать друг на друга и на весь остальной мир лица танцующей пары: медальное лицо Снегина с уже отяжелевшими, но еще сохранившими свою природную чеканность чертами, и мягкое, будто отполированное зноем и ветром лицо африканки, добрую половину которого занимали глаза да губы, — Лобов вдруг ощутил, как похолодело его сердце. Правда, оно тут же начало оттаивать, но легкий холодок в груди, точно привкус мятной конфеты во рту, застоялся и никак не хотел рассеиваться. В памяти Ивана всплыла улыбка Лены, совсем не такая, как у африканки, — бездумная улыбка трепетно-радостной плоти, совсем другая — улыбка души, улыбка грустноватая, как и все иное, осмысленное человеком достаточно глубоко и полно. Улыбка Лены всплыла, будто Лена на секунду присела за белый столик рядом с Иваном и растаяла, оставив в груди мятный холодок.

Этот невольный вздох памяти потянул за собой и другую ассоциацию из прошлого — кафе космонавтов на

базе возле Стикса, что рядом с Далией. То самое кафе, где десять лет тому назад Иван вот так же, с глазу на глаз, встретился по делу со Снегиным, но тогда не по своей, а по его инициативе. Прошло десять лет, а будто вчера это было! База на Стиксе, потом Даль-Гей, Шпонк, Тика, Стиг, Кайна Стан, Таиг... И схватка не на жизнь, а на смерть с Яр-Хисом. Целый мир, утонувший в прошлом! Утонувший, казалось бы, навсегда, но теперь старательно воскрешаемый Иваном и вытаскиваемый им в сиюминутную действительность по тайному велению судьбы. Иллюзия скоротечности времени, превратившая десятилетнюю давность во вчерашний день, возникла у Лобова, наверное, потому, что за это десятилетие он ни разу не встречался со Всеволодом в кафе. Вообще-то встречи были, и деловые, и на отдыхе во время земных каникул. Встреч было немало, и случались они где угодно, но только не в кафе, а интерьер кафе космонавтов за это время практически не изменился. Да и Всеволод почти не изменился! Время быстро летит в детстве и на переломе от зрелости к старости. В детстве десять лет — целая жизнь, а на роковом переломе те же десять лет способны превратить полного сил мужчину в старика. А на рубеже от тридцати до пятидесяти, который проходили сейчас и Снегин и Лобов, десять лет — пустяк, мало меняющий человека. Вот и возникла у Ивана при виде увлеченного танцем Всеволода Снегина иллюзия того, что встреча с ним накануне опасной операции в Даль-Гее состоялась не десять длинных лет тому назад, а буквально вчера... Тем более, что это далекое и близкое вчера должно было получить свое сегодняшнее продолжение.

Когда в хороводе танца Снегин со своей партнершей переместился на сторону Лобова, Иван, привлекая внимание товарища, поднял руку. Но увлеченный разговором Всеволод этого не заметил. Иван профессионально пожалел своего старого товарища: будь Снегин работающим пилотом-командиром, такого никогда бы не случилось. Деквалифицировался Всеволод на своем высоком административном посту.

Снегин жеста Ивана не заметил, зато заметили другие. В мире космонавтов Иван Лобов пользовался известностью, ничуть не меньшей, чем в былые времена какая-нибудь эстрадная супер-звезда. Только Иван пользовался другой — трудовой известностью, которая возносила своего избранника далеко не столь стремительно и шумно, но зато надежно и навсегда. Пожалуй, в профессиональных

вопросах космической работы авторитет и известность Лобова были даже выше, чем у командующего дальним космофлотом Всеволода Снегина. В среде гиперсветовиков бытовала ссылка на мнение Ивана Лобова, как на прецедент, обсуждать который конечно же можно, но сомневаться в котором в общем-то неразумно. «Аутос эфа!» — посмеивались порой космонавты-гиперсветовики, копируя древних пифагорейцев, живших тридцатью веками раньше, но относились к этому: «Он сам сказал!» — отнюдь не юмористически. И уж конечно, любая встреча Лобова со Снегиным, а тем более в кафе космонавтов, никак не могла пройти незамеченной. Когда Всеволод не заметил приветственного жеста товарища, чья-то рука из танцующих по соседству коснулась его плеча, а кивок головы указал на белый столик. Снегин обернулся и, поскольку улыбка и без того играла на его губах, улыбнулся еще шире. В свою очередь подняв руку, он жестом показал, что сейчас проводит партнершу и подойдет. Через минуту он присоединился к Ивану и поздоровался, хотя они уже встречались по видеоканалу:

— Здравствуй, нетулика.

— Здравствуй, донжуан, — в тон ему ответил Лобов.

— Это Ильта, — пояснил Снегин, усаживаясь в плетеное кресло. — Дочь старого Лунге, который был инструктором по пилотажу и у тебя и у меня.

— Каждая девушка — чья-нибудь дочь.

— В особенности красивая, верно?

Иван не поддержал шутки, и Снегин, сменив тон, полюбопытствовал:

— А Клим и Алексей?

— Их не будет. — И поскольку Всеволод смотрел недоверчиво, не зная, как принимать эти слова — в шутку или всерьез, пояснил: — Дело у меня секретное.

— Даже от Клима и Алексея?

— Отчасти и от них.

Лобов никогда не отличался многословием, но сегодня был особенно краток. Пытаясь угадать, что кроется за всем этим, Всеволод выдержал паузу, оглядел сервировку, одобрительно кивнул, отделил от внушительной кисти виноградину, уважительно взвесил на ладони и отправил в рот.

— Хорош! С земляничным привкусом.

— А это хорошо, когда виноград — да с земляничным?

— В меру все хорошо.

— Да, — рассеянно согласился Лобов, — в меру все хорошо. Только кто ее устанавливает, эту меру?

— Человек — мера всех вещей.
— Разные они — люди.
— Разные, — согласился Снегин.
— А стало быть, и меры разные, верно?
— Верно.

Снегин не форсировал разговор, приглядываясь к старому товарищу, прикидывая, как вести себя, чтобы, не дай Бог, не допустить какой-нибудь неловкости в такой деликатной ситуации. Сам он предпочел бы легкий, непринужденный, сдобренный шуткой разговор, если бы даже речь шла об очень серьезных вещах. Разговор, он и есть разговор, предварение настоящих дел и событий. Но Иван всегда был тяжеловат в беседах, к тому же не Всеволоду сейчас выбирать, на то воля Ивана. Снегин вернулся из инспекционного облета галактических баз только сегодня, на рассвете, пробыв в дальнем космосе в общей сложности около полугода и лучше, чем кто-либо другой, зная о несчастье Ивана. Тогда же, утром, дождавшись подходящего часа, он и связался с Лобовым.

— Соболезную, — коротко сказал он после традиционного обмена приветствиями.
— Не надо об этом.
— А что надо? — импульсивно и, может быть, не вполне к месту спросил Снегин.
— Встречу. Есть серьезный разговор.
— Когда?
— Чем быстрее, тем лучше.
— Тогда сегодня. Вечером. Там, где тебе удобно. И время назначай сам.

Лобов помедлил, прежде чем ответить.

— Может быть, денек-другой передохнешь после рейда?
— Я в форме, Иван. Сегодня вечером.

Теперь, когда эта встреча состоялась, Снегин внимательно приглядывался к товарищу. Хорошо зная характер Лобова, он изначально догадывался о предмете столь спешного, необходимого ему разговора. Его догадка обрела опору, когда Снегин, пользуясь своим высоким положением, навел общие справки о занятиях экипажа «Торнадо» в течение пяти недель его пребывания на земных каникулах. Эта догадка превратилась было в уверенность, когда Снегин заметил свежие рубцы на лице Ивана, точно от удара тонким бичом или ивовым прутом: один, едва различимый, — на левой щеке, другой, куда более выраженный, — на шее, пониже уха. Не надо было быть медиком специалистом, чтобы догадаться об

их происхождении: это были следы лучевых ударов при стрельбе по Лобову как по мишени из лучевого пистолета на пониженной, но все-таки более чем ощутимой мощности. При таких тренировках Иван никогда не жалел себя и работал на грани почти неразумного риска, упрямо исповедуя древнюю суворовскую истину — тяжело в учении, легко в бою. Снегин представил себе, как выглядит скрытый сейчас одеждой торс Ивана, и невольно вздохнул. А он-то недоумевал, зачем экипажу «Торнадо» понадобился для тренировок снайпер-инструктор — виртуоз стрельбы из всех видов горячего оружия.

Но чем больше присматривался Всеволод к Лобову, тем все более расшатывалась его обретенная было уверенность в том, что ему уже известна суть его затеи. Странный был какой-то Иван, на себя не похожий. И не поймешь — какой! Рассеянный? Злой на весь мир? Уставший, махнувший на все рукой? Почему, собственно, он пришел на встречу один — без Клима и Алексея? И потом, это уж ни в какие ворота не лезло, несмотря на свое горе, Иван помолодел. Помолодел, несмотря на тени под глазами, углубившиеся морщины над переносьем и в углах рта, обозначившуюся скульптурную сухость, худобу лица. Помолодел, будто сбросил со своих плеч добрый десяток лет, превратившись в того Ивана Лобова, который сидел рядом с ним в кафе космонавтов на базе возле Стикса. Будто и не было этого путаного, нашпигованного событиями десятилетия. Недаром Ильта сказала ему: «Я думала, он старше». «Кто?» — не понял Всеволод. «Лобов. — Огромные глаза Ильты обежали лицо Снегина. — Я думала, вы — ровесники. А он — моложе». Всеволод отделался шуткой, но почувствовал легкий укол — ревности, зависти, недовольства ли — трудно было понять, но почувствовал. И успокоил себя тем, что Ильта ошиблась, не может беда молодить человека. Но она не ошиблась, Иван и впрямь помолодел! Он словно очистился от всего случайного, накапливаемого в душах человеческих буднями прожитых дней, стал яснее, строже, а может быть... может быть, и злее. Наверное, именно в этом секрет неожиданной вспышки его второй молодости. Здоровая злость на несправедливость судьбы — удел молодежи; зрелые люди реагируют на вольности рока куда терпимее, они уже по опыту знают, что вместе с талантом, умением, ловкостью в жизни немалую роль играет еще и простое везение, что против воли случая не попрешь, а с судьбой приходится мирить-

ся в силу необходимости. А вот Иван, судя по всему, с судьбой не смирился! Как и в юности, как и на пороге зрелости, когда он только завоевывал свое место в дальнем космофлоте, Иван озлился на капризницу судьбу, озлился, а поэтому, вопреки ее каверзам, — помолодел. От такого, озлившегося и помолодевшего Ивана можно было ждать самых неожиданных авантюр.

Да и вообще, Иван — это Иван! Разве можно быть уверенным, что до конца разгадал то, что задумано Иваном Лобовым?

Глава 2

За пять недель, а точнее, за тридцать семь суток до встречи Снегина и Лобова в кафе космонавтов патрульный корабль «Торнадо» вынырнул из гиперсветового тоннеля в «живое» пространство на расстоянии в несколько световых минут от Земли. Когда корабль стабилизировался на досветовой скорости, Клим уточнил его координаты и запросил трассу конечного торможения и посадки. Ответная команда была такой, что штурман корабля не поверил своим ушам и на всякий случай повторил запрос. И к повтору команды он отнесся с недоверием, точнее, с недоумением, хотя пальцы его сами собой пробежались по ходовому координатору, вручную дублируя полученную команду и снимая предохранительные блокировки. Кронин, занятый финишным контролем гиперсветовых двигателей и, как всегда, предельно углубившийся в свое дело, не обратил внимания на нюансы поведения штурмана. Но всевидящий, как это и положено командиру корабля, Иван Лобов обратил.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось. — Клим, глядя на командира, выдержал паузу. — Нам дали ноль-вторую трассу.

Диалог товарищей расслышал инженер и рассеянно, не отрываясь от выполняемых операций, полюбопытствовал:

— Ты ненароком не напутал? Эйфория перехода на субсвет! Бывает.

Клим не посчитал нужным ответить. Впрочем, откуда Алексею знать, что он для надежности повторил свой запрос? Клима одолевали сомнения более серьезные, чем последствия субсветовой эйфории. Гиперсветовая навигация — дело тонкое, лежащее на грани строгой науки

и высокого искусства, — специфическое мастерство, которое, подобно поэзии, помимо профессионализма, требует еще и вдохновения. Разве хоть один штурман-гиперсветовик может быть уверен в себе до конца? Ошибка на выхлопывании из гиперсвета в «живое» пространство в одну милисекунду оборачивается промахом по меньшей мере в триста километров! А гиперсветовой выхлоп — это взрыв мощностью в десятки мегатонн, несущий в себе потенциальную опасность для маяков, трассовых реперов и других кораблей. И хотя штурман был уверен в точности своих расчетов и совместных действий с командиром корабля, червячок сомнений в его душе не мог не зашевелиться. Не случайно же им дали ноль-вторую трассу! Небывалый случай!

Дело в том, что все трассы конечного торможения и посадки, начинавшиеся с ноля, вели прямо на Землю — в обход главной гиперсветовой базы на Луне. Но особенно почетными, в прямом и переносном смысле этого слова, считались трассы первого ноль-десятка, обозначенные двузначными цифрами и замыкавшиеся на центральном космодроме Земли — Байконуре. По трассам ноль-десятка принимались чрезвычайники: триумфаторы, вершители подвигов и открыватели новых миров, аварийные корабли с тяжелобольными, нуждавшимися в срочной медицинской помощи высшей квалификации... И виновники грубых, опасных для людей и техники нарушений правил космического бытия и регламентов космовождения. И поскольку в своем последнем рейде патрульный корабль «Торнадо» подвигов не совершил и открытий не сделал, поскольку материальная часть его была в полном порядке, а экипаж вполне здоров, у штурмана не могли не возникнуть разного рода навигационные сомнения и тревоги.

Избегая смотреть на командира и мысленно благодаря его за деликатное молчание, Клим Ждан погрузился в ретроградную расшифровку всех этапов гиперсветового подхода, предшествовавших явлению корабля на «свет Божий». Чтобы не нервировать штурмана понапрасну, Лобов сбалансировал корабль на автопилоте и перешел из ходовой рубки в кают-компанию. Вскоре к нему присоединился и Алексей Кронин. Лобов сидел за столом, механически потягивая из бокала золотистый тоник специального состава с интригующе-поэтическим названием «Глоток солнца». Собственно, занятие Ивана было обязательным после выхода из гиперсвета, — не столько

питием в обычном смысле слова, сколько лечебной процедурой, снимавшей нервное напряжение и компенсировавшей действие хаотических перегрузок на человеческий организм. Однако врачи и соммелье, искусные мастера по изготовлению напитков, прилагали все усилия, чтобы сделать эту лечебную процедуру не только полезной, но и приятной. Алексей достал из шкафчика прозрачный, тонкостенный, звенящий как колокольчик бокал из небьющегося стекла, хоть орехи им коли, и примостился рядом с командиром.

— Не возражаешь? — протянул он руку к сифону с тоником.

Иван рассеянно посмотрел на него и пожал литым плечом — пожалуйста! Алексей нацедил себе сердитого напитка, всклубившегося шипящей от злости, плюющейся пеной. Спрашивать Ивана о том, о чем его только что спросил инженер, было не только не обязательно, но и не принято. Алексей задал свой пустой вопрос лишь для того, чтобы отвлечь командира от невеселых мыслей, вызвать на ничего не значащий разговор, — уж больно мрачное лицо было у Ивана! Но Лобов на это дипломатическое предложение не откликнулся, молчал, продольная складка над его переносьем так и не разгладилась. Иван был мрачноват весь этот патрульный рейд. Хотя ни разу не сорвался и, вообще, изо всех сил держал себя в привычных поведенческих рамках. Получалось это у него не очень здорово, но все-таки получалось. У Ивана Лобова, в принципе, все более или менее получалось, когда он хотел этого и брался за дело. Но Кронин видел, какой нелегкой ценой Ивану давались в этом рейде привычные, естественные нормы поведения. Собственно, Кронин знал в чем тут дело: Иван просто тосковал. По разного рода накладкам в космической работе его разлука с Леной Зим затянулась почти на целый год. К тому же экспедиция на рейдере «Денебола», где Лена выполняла обязанности бортврача, была если и не рискованной в полном смысле этого слова, то достаточно щепетильной. Рейдер проводил детальное обследование ранее обнаруженных подпространственных галактических каналов. Этих своеобразных включений четвертого измерения, использование которых сокращало длительность и время космических перелетов в десятки, сотни, а то и тысячи раз — «трещины» локальных включений разнообразны и прихотливы. Обследование подпространственных каналов — дело тонкое! Не столько в смысле нави-

гационного или пилотажного мастерства, сколько в плане жесткого соблюдения всех мер безопасности и дотошного отношения к изменениям всяких, даже вовсе безобидных на первый взгляд космических факторов. Кронин знал, что Иван не очень-то жаловал Анта Гролля, командира «Денеболы» и руководителя экспедиции, считая, что при всех своих блестящих качествах ему, как и Всеволоду Снегину в молодости, не хватает надежности. Сомнения Ивана в достоинствах Гролля как руководителя подпространственной экспедиции разделял и Алексей. Но вот другой пункт опасений Лобова представлялся ему суеверием, которым, вообще-то говоря, страдало большинство профессиональных космонавтов со стажем. Клим в противоположность мнению своих товарищей совершенно искренне считал Анта Ксаверьевича Гролля выдающимся гиперсветовиком, зато разделял те опасения Ивана, которые Кронин почитал за суеверие. Опасения эти основывались на том, что Лена Зим не числилась в составе экипажа «Денеболы», а была введена в него в самый последний момент — взамен неожиданно заболевшей коллеги по профессии. Когда что-то или кто-то — не важно что и кто: член экипажа, двигатель, груз, оборудование, — менялись в самый последний момент, это почиталось у космонавтов со стажем недоброй приметой. Но больше всего Ивану, а вместе с ним и Климу не понравилось, что Лена «напросилась» в состав подпространственной экспедиции. Напросилась Лена вынужденно, не сделай она этого, пришлось бы либо откладывать старт «Денеболы», либо брать в экспедицию стажера вместо настоящего бортврача. И тем не менее она напросилась! Напросилась перед самым стартом! На этой зыбкой основе и базировалось мрачноватое настроение Лобова в ходе патрульного рейда, при молчаливом сочувствии, а стало быть и попустительстве со стороны Клима. Алексей и подшучивал над товарищами, и высмеивал их опасения, и ругался с ними по поводу этих нелепых и липучих как репей космических суеверий, — ничего не помогало. Лена напросилась! В этом, именно в этом, по молчаливому убеждению Лобова и Ждана, таились возможные неприятности для «Денеболы» вообще и для Лены в особенности. Хоть смейся, хоть плачь, хоть ругайся, хоть сочувствуй этим высокообразованным и опытным профессионалам! Алексей добился лишь того, что Клим вслух обругал почитаемого им Анта Гролля, на которого он, кстати говоря, был похож своим характером. Обру-

гал за то, что Ант довел своей неуместной деликатностью дело до того, что Лена вынуждена была напроситься. Анту следовало не разыгрывать джентльмена, а прямо предложить Лене место в экспедиции. Тогда Лена не была бы вынуждена «напрашиваться», а за «Денеболу» можно было бы беспокоиться куда меньше, чем теперь. Что тут поделаешь! Каждый человек, если он не совершенный остолоп, в особенности тот, который занят рискованным делом, — всегда немножко ребенок, любящий не только работать, но и играть в ходе самой работы, сколько бы серьезной эта работа ни была. Клим любил играть в интуицию, а стало быть и в суеверия, Алексей любил играть в логику, а стало быть был противником суеверий. Что касается Ивана, то он занимался обеими этими играми сразу, потому-то он и был пилотом экстракласса с карт-бланшем в руках на инициативные действия и с персональным позывным два нуля первый. С этим следовало примириться, и Алексей примирился.

Кронин подождал, пока в бокале не осела шапка белоснежной пены, а потом залпом выпил его содержимое. Напиток был забористым, как хорошо выдержанный квас, но шибал в нос не кислой остротой, а луговыми цветами, только что скошенной травой и чем-то солнечно-светлым. Собственно, по этой причине тоник и назывался «Глоток солнца», несколько претенциозно, по мнению Алексея, но по существу правильно.

— Что-то наших соммелье потянуло на абстракции, — вслух подумал инженер, адресуясь, вообще-то говоря, к командиру.

И опять Лобов не сразу понял его.

— Какие абстракции? — спросил он после паузы.

— Абстракции названий.

Алексей нацедил себе вторую порцию и выпил теперь сразу, пачкая губы пеной. Все еще гудящая от перегрузок, мутноватая голова начала светлеть, поярчели краски корабельного интерьера, скульптурнее, рельефнее во всех линиях стало лицо командира. Конечно, в этой реакции было и немало чистой психологии: организм «знал», что тоник под названием «Глоток солнца» принесет ему облегчение, и торопился отреагировать, опережая физиологию событий. И слава Богу, что торопился!

— Хороший тоник, — похвалил Алексей, облизывая выпачканные пеной губы. — Научились делать то, что надо. Вот только от названия остается какой-то черно-белый привкус. Ты не находишь?

Поскольку командир отмолчался, Кронин с прежней неторопливостью продолжал:

— Скажем, голубая мечта. Это прекрасно как с точки зрения поэзии, так и с точки зрения математики. А голубая абстракция? Или, допустим, черно-белая мечта? По-моему, это издержки больного воображения. Но в данном конкретном случае я говорю не об абстракциях вообще, а об абстракциях топонимики, относящейся к напиткам, которые нам поставляют базы. Да не опустеют их склады и хранилища! Еще пять лет тому назад нас угощали тониками с очень понятными, простыми, как и сами содержащие их сифоны, названиями: «Весна», «Земляничная поляна», «Княженика» и прочая, и прочая, и прочая. Помнишь? А потом произошла культурно-напиточная революция и восторжествовали абстракции: «Глоток солнца», «Лунные тени» и даже «Аку-аку». Черт-те что! С чего бы это! И не наводит ли все это тебя на глубокомысленные размышления?

Лобов невольно улыбнулся. Он был благодарен Алексею за эту пустопорожнюю болтовню, с помощью которой рассудительный инженер ухитрялся снимать психологические напряжения в самых разнообразных ситуациях.

— Ну, а если тебя беспокоят маршевые двигатели, — продолжал Кронин уже другим, деловым тоном, — то напрасно. Конечно, в завершающей фазе гиперсвета был легкий сбой. Был! Но это даже не сбой, а сбойчик — детский крик на лужайке в погожий летний день. Никаких признаков гравитационного помпажа, ручаюсь своей уже начавшей седеть головой.

Говоря о гравитационном помпаже, инженер имел в виду ту самую свирепую аритмию в работе гиперсветовых двигателей, пространственная отдача которой перетряхивает метеорные рои, клубит космическую пыль и разрушает наружные антенны кораблей, маяков и реперов.

— Ты полагаешь, что я разучился отличать сбой от помпажа?

— А если не разучился, чего же ты весь издергался? Да мало ли по какой причине могут дать трассу из первого ноль-десятка?

— Вот именно, — снова мрачнея, пробормотал Иван.

Алексей мысленно ругнул себя за неверный поворот разговора и продолжал, снова выходя на рельсы рассудительного оптимизма:

— И за навигацию ты беспокоишься совершенно напрасно! — И хотя Лобов пожатием плеч ясно показал, что

за навигацию не беспокоится, инженер как ни в чем не бывало продолжал: — Чтобы Клим увалился на другую трассу? Не было такого в практике экипажа «Торнадо» и никогда не будет! Клим копается только для очистки совести. А вот и он, собственной персоной! И его лучезарная физиономия — лучший гарант нашей добропорядочности.

Клим Ждан был весел, оживлен и, так сказать, бурлил разного рода мысленными, еще не нашедшими словесного выхода догадками и предположениями. Не присаживаясь, он нацедил себе полный бокал росника, так что белая шапка пены чуть было не съехала набок, и жадно выпил, испачкав не только губы, но и кончик носа. Вытирая лицо мягким цветным платком, он проговорил, пародируя текст диспетчерских сообщений:

— Официально уведомляю, что никаких запредельных отклонений от предначертанного «Торнадо» маршрута не обнаружено. Наш выход из гиперсвета можно использовать как учебное пособие на курсах усовершенствования штурманов дальнего космоса. Даже сбой гиперсветовых маршевиков, который прошляпил наш дипломированный бортинженер, не испортил общей картины.

Кронин печально вздохнул.

— Точность — вежливость королей, но никак не штурманов! Дипломированный бортинженер не прошляпил, а своевременно компенсировал начавшийся сбой. И если бы не этот скромный, но бдительный инженер, то получилась бы у тебя не картина, а мазня.

Клим засмеялся:

— Сочтемся славою! Ведь мы свои же люди. Главное, что на выходе из гиперсвета у нас все в порядке. Тип-топ!

— Почему же нам дали почетную трассу?

Штурман многозначительно поджал губы, пододвинул ногой кресло и не столько сел, сколько плюхнулся в него.

— Им видней.

— Кому — им? — не отставал Кронин.

— Тем, кто финишные дорожки распределяет. — В глазах Клима замерцали озорные огоньки. — Как это говорится в известной присказке? Жираф большой, ему видней! Может быть, мы, грешные, сами того не подозревая, сделали какое-нибудь великое открытие? Бывает ведь! Сделали, да по своему невежеству не сообразили, что к чему. А те, кто повыше, кому видней, сообразили. Приземляемся в Байконуре, а там уже стоит новый памятник экипажу «Торнадо». В мраморе!

— Старомодно, — поморщился Алексей.

— Ну из векита! Из этого вечного материала, для которого не только тысячи, но и десятки тысяч лет нипочем. Этот памятник у меня перед глазами как живой! В той мере, конечно, в какой это позволительно памятникам. Иван, естественно, стоит во весь свой рост, развернув плечи, и, приставив козырьком ко лбу свою всесокрушительную длань, прозорливо смотрит в бесконечные дали Вселенной. Я сижу у его ног в скромной позе роденовского мыслителя. Ведь должен быть в героическом экипаже хоть один мыслитель, верно? Ну, а Алексей вальяжно возлегает у наших ног. Спит. Воодушевленно спит! Как это делает подавляющее большинство представителей его профессии в благополучном рейде в преддверии великих космографических открытий.

— По-моему, ты повторяешься, — подозрительно констатировал инженер, — а? По-моему, я когда-то уже слышал от тебя о таком памятнике! Ну да ладно. Скажи мне, роденовский мыслитель, а ты не догадался просто и безыскусно запросить у диспетчера, почему это нас вдруг удостоили ноль-второй трассой?

— Догадался, Алешенька, только запрашивать не стал. Видишь ли, старший диспетчер, живой человек из плоти и крови, выходит на связь только в первые пять минут каждого получаса, а все остальное время на связи — робот, который повторит тебе команду, только и всего. Так что, — штурман демонстративно посмотрел на часы, — придется потерпеть.

— По аварийному каналу на старшего диспетчера можно выйти в любое время, — возразил Кронин.

— А разве у нас случилась авария?

— Правила для того и создаются, чтобы их время от времени нарушали.

Клим засмеялся:

— Если нельзя, но очень хочется, то все-таки можно? Думаешь, мне не хочется узнать, почему это нас вдруг принимают с таким почетом? Хочется, да реноме «Торнадо» не позволяет! Будь у нас стажер на борту, другое дело: можно было бы сослаться на его неопытность. Впрочем, если командир того пожелает, я готов слегка запятнать свою репутацию, но удовлетворить любопытство.

И Клим, да и Алексей не были уверены, слышит ли их полушутливую пикировку командир. Оказывается, слышал, во всяком случае, следил за смысловой нитью их разговора, потому что ответил почти без паузы:

— Думаю, что дело не в нас.

— Как это, не в нас? — не понял штурман.

— Не в том, что мы в чем-то проштрафились или прославились, — пояснил Лобов. — Просто случилось что-то, понимаете?

— Случилось?

— Случилось, — упрямо повторил Лобов. — Не с нами, а вообще, понимаете? Случилось что-то, требующее нашего срочного прибытия на Землю. Вот нас и пустили прямо на Байконур, минуя центральную лунную базу.

Переглянувшись со штурманом, Кронин возразил:

— Случись нечто чрезвычайное, нас бы предупредили.

— И правда, Иван, — поддержал его Клим. — Игры втемную у нас не приняты. Если даже допустить...

Штурман на полуслове прикусил язык, потому что мысленно допустил. И допущение это получилось вполне однозначным, потому что оно на протяжении всего этого рейда было своего рода притчей во языцех экипажа «Торнадо». Ведь если что-то случилось с «Денеболой», а не дай Бог, и с Леной Зим, то Ивана конечно же постараются уберечь от всякого рода еще неопределенных, но тревожных вестей. А «Торнадо» пустят прямой дорогой на Байконур! Только так и не иначе. Клим перехватил взгляд Кронина и понял, что и Алексея, несмотря на весь его скептицизм относительно суеверий, беспокоят точно такие же догадки. А про Ивана и говорить нечего! Достаточно взглянуть на его подчеркнуто спокойное, каменное лицо, чтобы догадаться, — сразу же, как только кораблю дали «почетную» трассу, Иван начал тревожиться за судьбу «Денеболы». Мысль Клима Ждана заметалась, точно бабочка при виде птицы: ему хотелось сразу же и ободрить Ивана, и собственные сомнения развеять, да и вообще как-то разобраться с этой свалившейся на их головы ноль-второй трассой.

— Послушайте, — рассудительно проговорил инженер, — ведь мы думаем об одном и том же, не так ли?

Лобов промолчал, а Клим ограничился нетерпеливым междометием:

— Ну?

— Плохая правда — лучше хорошей неизвестности. — Алексей помолчал и пояснил свою мысль: — Если что-то случилось, я хочу сказать, если действительно случилось нечто серьезное, то об этом должно было быть передано циркулярное сообщение. Верно?

— Допустим.

— Мы этого сообщения не получили. Следовательно, либо этого сообщения не было вообще, либо оно передавалось, когда мы проходили этап гиперсветового торможения, а поэтому не имели внешней связи. Погоди, Клим, не перебивай, дай мне закончить мысль. Будь это сообщение чрезвычайной важности, его бы повторяли непрерывно — до всеобщего подтверждения. Но если это циркуляр средней, так сказать, важности, то повторять его могут, скажем, в начале каждого часа, а то и еще реже. Но...

— Но запросить этот циркуляр можно в любое время! — перебил штурман и, поднявшись на ноги, перевел взгляд на Ивана. Именно штурман следил за циркулярными сообщениями, а поэтому Клим чувствовал себя хозяином положения и ждал лишь формального согласия командира.

— Что ж, — решил Лобов после легкой паузы, — запросим циркуляр.

— Если только он был, — уточнил Кронин.

— Да, если он был, — покорно согласился Лобов.

Циркуляр был! И через несколько секунд экипаж «Торнадо», волнуясь каждый по-своему, прослушал его. Циркуляр уведомлял, что сегодня, ровно в тринадцать часов по мировому времени, боевые действия в Даль-Гее прекратились. Прекратилась гражданская война, продолжавшаяся около десяти лет! Объявлено перемирие. Согласительный далийский комитет обратился к Земле с просьбой об установлении нормальных дипломатических отношений. Далийские космические базы объявлялись открытыми и готовыми к приему земных гиперсветовых кораблей.

Глава 3

Снегин пришел на встречу изрядно проголодавшимся. Он отдал должное сандвичам, а потом принялся за виноград, заедая его фисташками и уверяя, что они удивительно гармонируют друг с другом. Лобов молча потягивал через соломинку полюбившийся ему темный, почти черный, словно кровь дракона, тоник, оттягивая начало разговора по существу. Медлил, как перед прыжком в ледяную воду, когда наперед знаешь, что прыгать придется, и все-таки медлишь! Да и Снегин медлил, догадываясь конечно же что командир «Торнадо» вовсе не случайно пригласил его на конфиденциальную встречу сразу же после возвращения на Землю. Догадывался он и о том, что последует не-

кое рискованное предложение, отказать Ивану в котором будет трудно и согласиться на которое, скорее всего, будет еще труднее. И тем не менее Снегин чувствовал себя, разумеется, гораздо свободнее: одно дело просить, другое дело выслушивать просьбы, одно дело предлагать и совсем другое решать, достойно ли внимания и претворения в жизнь это предложение. Именно поэтому Снегин в конце концов пожалел маявшегося в непривычной для него дипломатической миссии Ивана и подставился.

— Ты не забыл, что в Даль-Гее по-прежнему не в моде лучевое оружие? — И видя, что Лобов не понимает его, провел кончиками пальцев по своей щеке и шее.

— Вот ты о чем. — Иван машинально повторил движение товарища, задержав пальцы на свежем и, видимо, еще болезненном рубце.

— Об этом. В Даль-Гее и теперь царствует пулевое оружие. И некоронованный король его — крупнокалиберный автоматический пистолет. — Снегин помолчал и счел нужным пояснить: — Лучевое оружие альтернативно, снижая мощность излучения, можно не только убить, но и отхлестать, а то и просто напугать.

— Можно, — усмехнулся Иван и еще раз прикоснулся кончиками пальцев к рубцу на шее.

— А далийцы не признавали ни альтернатив, ни компромиссов. Убивать, так убивать! Пуля тут незаменима.

— Пуля — дура, а луч — молодец, — перефразируя Суворова, заметил Иван, и трудно было понять — шутит он или говорит серьезно. — Но теперь в Даль-Гее уже не война, а перемирие, может быть, далийцы поумнели и сдают пулевое оружие в архив?

Снегин покачал головой:

— Не так-то просто меняются традиции. Хороший пулевой пистолет в Даль-Гее — такой же устойчивый показатель общественного престижа, как, скажем, хороший автомобиль или загородная вилла. Пистолеты лелеют и холят, пистолеты украшают редкой костью бинго, платиной и драгоценными камнями, пистолеты дарят детям в день совершеннолетия, друзьям и любовницам, пистолетами хвастают и пускают их в ход по надобности и даже без оной. Пройдут годы и годы, прежде чем столетиями создавшаяся престижность личного оружия вообще и пулевого пистолета в особенности будет в Даль-Гее поколеблена. Да и будет ли? Наступившее перемирие — вооруженное перемирие, то и дело нарушаемое локальными схватками и стычками. Правда, всерьез воевать не хочет

ни Яр-Хис, ни тем более Народный Фронт — слишком уж непопулярна в народе эта братоубийственная бойня, затянувшаяся на целое десятилетие. Но и до настоящего, так сказать, беспистолетного мира, в Даль-Гее так же далеко, как до Магеллановых облаков.

Иван слушал товарища молча. Снегина стоило послушать, сведения о Даль-Гее у него были самые свежие, что называется с пылу, с жару. Гражданская война в Даль-Гее началась с народной революции, вспыхнувшей вскоре после того, как экипаж «Торнадо», выполнив свою миссию, покинул этот город-государство. Острием своим народная революция была направлена против тайной власти Яр-Хиса и института умроков, но попутно народ протестовал против имущественного и правового неравенства и всяческих злоупотреблений со стороны власть имущих. Поэтому революция обрушилась не только на официальный государственный аппарат. Парламент и правительство были распущены, президент Таиг благоразумно ушел в отставку, а вся власть в Даль-Гее перешла к Революционному Совету. Революционный Совет был очень демократичной, всепредставительной, но весьма громоздкой и неповоротливой организацией. Хуже всего было то, что он не справился с экономическими трудностями и прежде всего с производством жизненно важных средств массового потребления. Заменить армию умроков, работавших главным образом в области земледелия, животноводства и на самых черных и грязных операциях общественного и промышленного обслуживания, робототехникой земного типа оказалось очень и очень непросто. Между тем, воспроизводство умроков было прекращено, а поскольку процесс этот был предельно централизован и всегда жестко контролировался центральным государственным аппаратом, запрет этот соблюдался с абсолютной неукоснительностью. Средняя же продолжительность жизни умроков была очень небольшой — около пятнадцати лет, а на тяжелых работах и того меньше. Армия умроков редела, земледельческие и животноводческие фермы приходили в упадок, добровольцев для работы в области сельского хозяйства не хватало. Обозначился, а потом и обострился недостаток продуктов питания. Трудовой Даль-Гей заволновался, в его промышленных районах и на транспорте, которые более всего страдали от нехватки продуктов питания, началась забастовочная борьба.

Пользуясь народным недовольством, начал оживать и буквально на глазах, что называется не по дням, а по ча-

сам, набирать силу Яр-Хис, тайные корни которого, пронизывавшие всю далийскую жизнь, ликвидировать в ходе быстротечных революционных преобразований было конечно же невозможно. Чтобы как-то стабилизировать ситуацию, Революционный Совет Даль-Гея обратился за помощью к Земле, попросив параллельно с поставками робототехники организовать на самой Далии станции по их местному производству, техобслуживанию и эксплуатации. Земная цивилизация с готовностью пошла навстречу цивилизации далийской, но дальше переговоров и планирования соответствующих поставок дело не пошло. Использовав обращение Революционного Совета к Земле как предлог для обвинений в антипатриотизме и прямой измене, опираясь на общенародное недовольство и свои разветвленные тайные силы, Яр-Хис спровоцировал вооруженное восстание. Это восстание окончательно раскололо Даль-Гей на два противоборствующих лагеря и вызвало разрыв всех отношений с Землей, за исключением космонавигационных, отказаться от которых было невозможно по соображениям безопасности космических перелетов.

Братоубийственная война тянулась в Даль-Гее десять долгих лет. И конца ей не было видно! К войне в Даль-Гее привыкли, рассматривая ее чуть ли не как естественное состояние. Сложились отряды солдат-наемников, которые, наверное, с равными основаниями можно было назвать и бандами. На чисто коммерческих началах эти банды-отряды готовы были служить как Народному Фронту, так и Яр-Хису и в поисках выгоды, подбирая подходящие ситуации, периодически меняли свои цвета и политическую принадлежность. Появилась согласительная центристская партия, партия независимых, выполнявшая посреднические функции при обмене ранеными, пленными и полулегальной взаимовыгодной торговле, в рамках которой Яр-Хис реализовывал избытки сельскохозяйственной продукции, а Народный Фронт — промышленные товары, включая, как это ни нелепо на первый взгляд, даже оружие. Постепенно, полустихийно-полуофициально, партии независимых был отведен участок центрального городского района, разрывавший линию сфаркса нейтральной зоной. В этой зоне по молчаливому соглашению враждующих сторон соблюдалось перемирие, здесь начали бурно разрастаться увеселительные и торговые заведения, за счет которых эта крохотная далийская Швейцария медленно, но неуклонно расширялась, хотя ожесточенные

бои периодически выгрызали эту нейтральную зону — зону пира во время чумы. А война все шла, текла кровь, лились слезы, ширились кладбища, падал уровень жизни.

Известие о всеобщем перемирии, циркуляр о котором поступил и на борт «Торнадо», было похоже на удар грома среди ясного неба. Постепенно это краткое сообщение обрастало деталями и подробностями. Выяснилось, что перемирие было довольно условным: оборонительные позиции Народного Фронта и Яр-Хиса, равно как и разделяющая их линия сфаркса, сохранились, но боевые действия были повсеместно прекращены. Причем его нарушителей карали очень сурово, вплоть до расстрела на месте нарушения, — и с одной, и с другой стороны. Нейтральная зона, эта малюсенькая далийская Швейцария, превратилась в место переговоров и широкие ворота для всяческих контактов, торговли и обоюдной беспорядочной миграции. В этой зоне был сформирован Согласительный комитет, образованный из представителей Народного Фронта, Яр-Хиса и партии Независимых. А во главе комитета на правах консула был поставлен извлеченный из политического небытия бывший дальгейский президент Таиг. Хотя формально Таиг не был наделен ровно никакой властью ни в одном из противоборствующих социальных лагерей, его старый авторитет, незаурядный ум, дипломатический опыт и своеобразное, срединное положение сразу же придали политический вес его фигуре.

Когда встал вопрос о возобновлении дипломатических контактов с Землей, соответствующая миссия была поручена Таигу. Таиг действовал с предельной оперативностью. Установив через службу космонавигации, что командующий дальним космофлотом совершает облет галактических баз, он связался по лонг-линии со Снегиным и предложил ему в рамках неофициальной дружеской встречи посетить Даль-Гей. Снегин согласился. Его приватная, сугубо предварительная, ни к чему еще не обязывающая ни Землю, ни Далию встреча с Таигом состоялась непосредственно перед возвращением инспекционного рейдера на Землю.

Снегин откровенничал потому, что уверился: торнадовцы собрались в Даль-Гей! Во-первых, по наведенным справкам экипаж «Торнадо» вместо каникулярного отдыха занимался усиленными тренировками во всех видах боевых искусств — и с оружием, и без оружия. Во-вторых, Всеволод увидел помолодевшего в своей здоровой

злости Лобова и ощутил, что он так и дышит зарядом на активные, может быть, даже отчаянные в своей смелости действия.

Смущало, правда, что Иван явился на встречу в одиночестве, замыслив, видимо, нечто экстраординарное, некий куншток, не имевший дотоле прецедента и не вполне одобряемый, а может быть, и вовсе не одобряемый Климом и Алексеем. Но и это обстоятельство не только не перечеркивало, а напротив, подтверждало далийский вариант — любые земные операции в Даль-Гее в условиях неразберихи перемирия были рискованны. И наконец, Снегин верил в то, что замысел Ивана имеет далийскую ориентацию еще и потому, что ему очень хотелось верить в это: такой замысел торнадовцев соответствовал его собственным намерениям.

— Ты и сам хорошо знаешь, — рассказывал Снегин, — что Таиг всегда с большой симпатией относился к земной цивилизации, хотя никогда не переставал быть истовым далийцем.

— Знаю, — подтвердил Лобов.

— Он и к институту умроков относился истинно подалийски, двойственно. Поэтому и был сначала низложен: в своей двойственности он не устраивал ни Народный Фронт, ни Яр-Хис. А потом восстал из пепла забвения как феникс, потому что такой выраженный политический дуалист как раз и нужен был Согласительному комитету.

— Политический двурушник, твой Таиг! Хотя, конечно, в личном плане — это обходительный, да и просто порядочный человек.

— Он такой же мой, как и твой, — холодновато отпарировал Снегин и, помолчав, продолжал уже спокойно. — Насколько я понял, от политического двурушничества Таиг излечился.

— Революция его излечила. И в особенности — отставка!

Снегин рассмеялся, разглядывая старого товарища так, словно увидел его впервые.

— А ты и впрямь озлился!

— Озлился?

— Это так, к слову. Революция, отставка думы, переломы — что тут первично и что вторично, в конце концов, не так уж существенно. Существенно, что позиция Таига определилась: и в отношении симпатий к Земле — они укрепились, и в отношении института умроков — он

понял, что возврата к воспроизводству генетических рабов не будет. Но Таига смущает, что Яр-Хис согласился на упразднение института умроков безо всяких предварительных условий. Хотя именно умроки всегда были ключевым пунктом разногласий между народниками и ярхисовцами!

Лобов согласно кивнул, сосредоточенно размышляя о чем-то. Потом поднял глаза на товарища:

— И ты веришь, что Таиг действительно не знает, в чем тут дело?

— Я верю Таигу потому, что он был откровенен в своих сомнениях и так же откровенно попросил помощи! И вспомнил при этом о визите в Даль-Гей экипажа «Торнадо» десятилетней давности.

— Вот как? — Лобов не скрыл своего удивления.

— Именно так, — в голосе Всеволода прозвучала нотка удовлетворения, а может быть, и самодовольства. Лобов ее уловил и догадался, что Таиг вспоминал, в лестных выражениях конечно, не только экипаж «Торнадо», но и самого Всеволода Снегина.

— И вспомнил Таиг о вашей троице не просто так. Он ясно дал мне понять, что приветствовал бы присылку в Даль-Гей земных наблюдателей-инкогнито, людей, знающих и любящих далийскую культуру, людей опытных, храбрых, проверенных в ответственных делах. Примерно таких, как Иван Лобов, Клим Ждан и Алексей Кронин.

— А тебя не упомянул?

Снегин не сдержал улыбки.

— Упомянул. Но я разъяснил, что в нынешнем моем положении участие в такой операции вряд ли возможно.

— Ты хочешь сказать — невозможно, — поправил Иван спокойно. — Шпионаж есть шпионаж, независимо от того, ведется он с добрыми намерениями или со злым умыслом. Но что не гоже Юпитеру, то гоже быку. Хм!

Глаза Снегина похолодели, став похожими на голубые льдинки.

— Ты хочешь меня обидеть?

— Да что ты! И в мыслях не было, — чистосердечно покаялся Иван, — просто размышляю вслух. Ведь Таиг — тоже Юпитер в своем далийском мире. Ну, если и не сам Юпитер, то Меркурий, его, так сказать, полномочный представитель с крылышками на ногах, который на роль быка тоже никак не годится. И тем не менее, Таиг не побоялся, а главное не постеснялся предложить тебе

открытый лист на шпионаж в своем родном отечестве. Тебя не настораживает это приглашение к шпионажу?

— Нет, не настораживает! Прежде всего потому, что это не шпионаж. Это разведка в интересах Народного Фронта и Согласительного комитета.

— Прежде ты не очень-то жаловал игру словами.

Снегин снисходительно усмехнулся:

— Я и теперь ее не жалую, чего нельзя сказать о тебе. Называя любой сбор информации шпионажем, ты сваливаешь в одну кучу белое и черное, как раз и превращая серьезное обсуждение в игру словами. Ты стал демагогом, Иван, чему я, ей-же-ей, искренне удивляюсь.

— Каждому свое, — смиренно сказал Лобов.

Снегин покачал головой, подозрительно приглядываясь к товарищу.

— Какой-то ты странный, на себя непохожий. То злой, то смиренный, то осторожный, как кошка в засаде.

— Ищите — и обрящете, толцыте — и отверзется и дастся вам, — пробормотал Лобов. — Как все просто! И как верно в своей сути! Но всегда ли верно? Всегда ли оно дается — то, что ищешь и пытаешься обрести?

— Ты о чем? — не понял Снегин.

— Просто так, мысли вслух, — не без смущения признался Иван. — А вообще-то, Таиг прав, непредубежденный взгляд, причем не извне, а изнутри далийского общества, может решить эту проблему. В здравомыслии экс-президенту не откажешь! Но, выдвинув обвинение в шпионаже, легко развязать себе руки. А срубленную голову даже современная медицина не может водрузить на ее законное место.

Повинуясь импульсу, Снегин хотел сказать что-то, но в самый последний момент удержался. Лобов, пилот экстракласса, хотя и не следил за товарищем, машинально отметил этот порыв его, порыв его сердца, не разума. И грустно улыбнулся.

— Ты хотел сказать, что десять лет тому назад, направляясь в Даль-Гей, я не думал о том, что могу потерять голову?

Поколебавшись, Снегин признался:

— Хотел.

— И ты подумал, не слишком ли осторожничать стал постаревший на десять лет командир патрульного гиперсветового корабля Иван Лобов, не так ли?

И снова, после заметно более долгого колебания, Снегин признался:

— Подумал.

Лобов удовлетворенно кивнул, помолчал и успокоил товарища:

— Не волнуйся, Всеволод. Я не излетался, не извелся горем, не потерял кураж. Ты угадал, я озлился! А осторожничаю потому, что принимать решение мне приходится не за себя, а за других. Видишь ли, лично я в Даль-Гей пока не собираюсь. Ну, а за Клима и Алексея я готов поручиться — они согласятся.

— А ты?

— Я пока воздержусь. У меня другие заботы. — Он виновато улыбнулся. — Собственно, из-за этих забот мне и потребовалось встретиться с тобой так срочно. И наедине.

Глава 4

Циркулярное сообщение о перемирии в Даль-Гее, поступившее на «Торнадо» с запозданием, сразу изменило атмосферу на его борту. Разговоры о причинах вывода корабля на почетную трассу были позабыты. Экипаж «Торнадо» считался специально подготовленным для патрульных и всяких других экстраординарных работ как на самой Далии, так и в ее космических окрестностях. Поэтому естественно было думать, что кратчайшую дорогу на Землю «Торнадо» дали для того, чтобы сразу же, без задержки подключить его экипаж к какой-то важной инициативе, связанной с Даль-Геем. Для Алексея Кронина и Клима Ждана такое объяснение было еще и желанным. Особенно для Алексея, у которого конечно же затеплилась надежда на встречу с Кайной Стан.

Друзья принялись оживленно обсуждать те возможности, которые открывались перед экипажем «Торнадо». У них даже сомнений не возникало, что почетную дорожку на Байконур им могли дать по какой-то другой причине. А вот Лобова одолели сомнения. «Ну хорошо, — подумал Иван, — в конце концов, в Даль-Гее перемирие, у ребят по этому поводу легкая эйфория, поэтому ничего другого, кроме этого перемирия, им и не приходит в голову. Но если рассудить здраво, то увязать ноль-вторую трассу с Даль-Геем не так-то просто! В самом деле, если их хотят срочно направить в Даль-Гей, то это проще сделать не с Байконура, а с центральной лунной базы. А если особой срочности нет, то при чем тут эта почетная трас-

са? К тому же, будь налицо некая особая срочность, связанная с залетом на Землю, об этой особой срочности непременно поступила бы на борт специальная информация. Между тем, главный диспетчер молчит! А если...»

Иван не стал додумывать до конца эту ускользающую мысль.

— Клим, — обернулся он к штурману. — Не было ли персонального пробела в циркулярке?

Штурман, увлеченный разговором с Крониным, не сразу понял смысл вопроса, и Лобову пришлось повторить его.

Очень редко, но такие случаи все-таки бывали, ЦУП или база, передававшие циркулярку, тем не менее решали, что некоему конкретному кораблю знать ее содержание по той или иной причине не следует. Тогда в сообщение вместе с позывными корабля вставлялся кодовый сигнал пробела. Пробел мог быть общим, тогда бортовая аппаратура вообще его не фиксировала. Пробел мог быть и частным, тогда бортовая аппаратура блокировалась лишь по части информационного сообщения, фиксируя «пустую» часть циркулярки временной точкой, акустически воспринимавшейся в виде характерного писка. Пробел мог быть абсолютным, и тогда командир корабля не мог получить вырезанную часть информации. Пробел мог быть и относительным, тогда опущенная часть циркулярки могла быть все-таки передана на борт корабля по специальному запросу его командира. По отношению к «Торнадо» дело упрощалось. Шеф-пилот дальнего космофлота Иван Лобов через свой позывной два ноля единица мог затребовать на борт всякое циркулярное сообщение, любой пробел циркулярки был для него пробелом относительным, а поэтому и восполнимым. Вообще-то говоря, за все время своей деятельности экипаж «Торнадо» ни разу не попадал под пробелы циркулярных сообщений, поэтому Ивану и потребовалось время, чтобы разжевать кое-какие детали штурману.

— Не заметил, — сказал Клим, когда понял, в чем дело. — Но честно говоря, я мог и не обратить внимания на марку пробела.

— Вот и проверь, — коротко заключил Лобов.

Штурман покинул кают-компанию, оставив после себя молчание, очень похожее на беспокойство.

— Есть пробел, — сообщил Клим через минуту. — Запросить?

— Я сам, — сказал Иван, поднимаясь на ноги.

Марка пробела стояла после информации о перемирии в Даль-Гее, поэтому конец этого сообщения Иван прослушал заново, мысленно подгоняя текст, точно это был живой собеседник. А потом последовала купюра циркулярки: «Сегодня в шесть часов семнадцать минут мирового времени рейдер «Денебола» потерпел катастрофу при выбросе из подпространственного канала. Аварийный сигнал черного ящика «Денеболы» свидетельствует, что рейдер при выходе на субсвет частично разрушился. Экипаж погиб, но успел ввести в действие программу «Голубой сон». Для обследования «Денеболы» и эвакуации погибших к месту катастрофы направлен патрульный корабль «Мистраль». Служба безопасности связывает факт выброса «Денеболы» с гравитационным ударом, последовавшим за вспышкой новой звезды на удалении восьми световых лет от места катастрофы».

Часть вторая

Глава 5

По-настоящему с Леной Зим Иван познакомился на Земле во время очередных каникул, последовавших непосредственно за орнитеррским патрульным рейдом. С Орнитерры, где так трагично погиб Виктор Антонов, «Торнадо» прибыл на ближайшую галактическую базу. Лену, еще не очнувшуюся от глубокого сна, который едва не стал для нее вечным, положили в госпиталь. Но удар геновируса по ее организму оказался столь сильным, что местные врачи, располагавшие ограниченным комплектом медицинской техники, не решились на радикальные меры. Лену срочно эвакуировали на Землю в центральную клинику астральной медицины, и уже здесь она была выведена из шоковой летаргии и в первом приближении поставлена на ноги. А «Торнадо» отправился в очередной патрульный рейд и еще два месяца, как это и планировалось по графику, но уже без приключений, барражировал в заданной галактической зоне. Все когда-нибудь обязательно кончается, завершился и этот тревожный и опасный орнитеррский рейд «Торнадо». Для корабля этот рейд закончился в лунных эллингах, где он был поставлен на текущий и профилактический ремонт, а у его экипажа начались очередные полуторамесячные каникулы — на этот раз не очень веселые. Погиб Виктор Антонов, и хотя торнадовцам не в чем было упрекнуть себя, горький осадок от пережитого остался, мешая им с обычной легкостью отряхнуть, так сказать, прах космоса со своих ног и с обычной легкостью погрузиться в земную жизнь.

Выяснилось, что жизнь новой крестницы торнадовцев, Лены Зим, вне опасности: она выписана из клиники, находится в центральном профилактории дальнего космофлота, что размещен на территории Йеллоунстонского

планетарного парка, но окончательно от удара орнитеррского геновируса еще не оправилась, и когда оправится — неизвестно. На вопрос встревоженных торнадовцев о характере остаточного заболевания Лены центринформ ответил, что это — очень сложная нехарактерная психотропная болезнь. Четких земных аналогов она не имеет, но более всего она сходна с так называемой биофобией — болезненным ощущением своей ненужности, обреченности, неотвратимо приближающейся близкой смерти. Проще говоря, биофобия — это глубокая депрессия, связанная либо с неумением, либо с нежеланием жить, депрессия пассивная, редко приводящая к самоубийству, но способная за два-три месяца свести человека в могилу. В первобытном мире она была распространена довольно широко. Хотя возникала, как правило, не спонтанно, а через сглазы, наговоры и другие колдовские действия, во всесилии которых заболевшие биофобией не сомневались. В современное же время биофобия встречается в виде редчайшего исключения, но все-таки встречается. И хотя торнадовцев поспешили успокоить, сообщив, что у Лены биофобия имеет легкую форму, ту самую, которая во времена русского православия уводила девушек в монастыри, на весь грустный век их делая христовыми невестами, — ясно было, что Лену следует навестить. Навестить всем экипажем и попытаться вернуть ей естественную радость жизни. Ну, хоть чем-нибудь помочь! Ведь она им не чужая. По давним патрульным традициям спасенная торнадовцами девушка становилась их крестницей.

В общем, все говорило за то, что не стоит торнадовцам разлучаться после трудного и грустного орнитеррского рейда. И все-таки их разлучили! Каждый житель Земли от мала до велика знал, сколь ужасны могли быть последствия от занесения в биосферу родной планеты инопланетных форм жизни и возбудителей чужеродных болезней. И если на протяжении целых трех веков земной цивилизации удавалось избегать этой фатальной опасности, то лишь благодаря жестким мерам предосторожности, которые на первый взгляд могли показаться избыточными и попросту ненужными. Вот и теперь, хотя для этого не было никаких фактических показаний, специальным решением Совета астральной медицины Климу Ждану и Алексею Кронину, как лицам, подвергшимся воздействию орнитеррского геновируса, был временно запрещен прилет на Землю. Им предстоял двухнедельный карантин с пребыванием на лунной базе, скрупулез-

ное обследование и дополнительный курс профилактического лечения. Одному лишь Ивану Лобову, как не инфицированному геновирусом, было разрешено после обычных медосмотров и формальностей сразу же вылететь на Землю. Из солидарности с экипажем Иван было отказался, но друзья отговорили его от этой жертвы. Клим сказал, что просто глупо торчать на Луне, когда течет драгоценное время земных каникул, а Алексей напомнил Ивану о Лене Зим, о ней экипаж «Торнадо», к стыду своему, как-то позабыл в карантинной суматохе, которую космонавты дружно не любили, несмотря на то что сознавали ее необходимость и не пытались прекословить. Напоминание Кронина решило дело — Лобов вылетел на Землю один.

В Йеллоунстонском профилактории Лобова встретил психолог-обсерватор, плотно сложенный мужчина лет тридцати пяти, в добродушных голубых глазах которого так и лучился рекламный лозунг: «В здоровом теле — здоровый дух!» У него были замедленные, четко прорисованные движения сильного и уверенного в себе человека и типично прибалтийское имя — Ян Кирсипуу. Крепко пожав руку Ивана, он усадил его в плетеное кресло, скрипнувшее под тяжестью литого лобовского тела. А сам устроился напротив, спиной к широкому, во всю стену окну, выходящему в разреженный, полный световых прогалов и полян парковый лес. Без паузы, словно продолжая ранее начатый разговор, Кирсипуу начал рассказывать о состоянии Лены, избегая медицинских терминов. Он говорил о Лене доверительно и заботливо, как о своей младшей сестре, и это Ивану понравилось. Но ему не очень понравился цепкий, оценивающий взгляд, которым Кирсипуу с профессиональной бесцеремонностью словно ощупывал его лицо и который жил особой, тайной жизнью, независимо от добродушной улыбки психолога и смысла произносимых им слов. Характеризуя состояние Лены, Кирсипуу использовал примеры из обыденной жизни, пользовался историческими аналогиями и литературными параллелями. Он обратился даже к фольклору и хорошо поставленным баритоном пропел: «Извела меня кручина, подколодная змея. Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я». И хотя Кирсипуу тут же уточнил, что это лишь фоновая аналогия, что Лена конечно же не догорит, а восстановится, и все дело лишь в сроках ее выздоровления, Иван все-таки с некоторой неприязнью к пышущему здоровьем психологу подумал: «Тебя-то кручина конечно же

не изводит». Живущий отдельной жизнью, оценивающий взгляд психолога споткнулся об эту мысль, точно Лобов высказал ее вслух. Оборвав свою речь, Кирсипуу улыбнулся, улыбнулся не вообще, а персонально Ивану.

— Я выгляжу непростительно благополучным, не правда ли?

Иван на улыбку не ответил, подумал и довольно хмуро признал:

— Правда.

— Откровенность делает вам честь. — Кирсипуу теперь поглядывал на Лобова с любопытством и, пожалуй, с уважением. — Но это видимое благополучие — залог моего успеха при работе с теми, кто пытается разлюбить жизнь. И как только я, психолог-обсерватор, почувствую, что меня начинает изводить кручина, — тут в голубых глазах Кирсипуу мелькнула сталь клинка, — будьте покойны, я немедленно подам рапорт об уходе с обсервационной работы. Буду считать, что профессионально не пригоден.

Слово рапорт он произнес с ударением на последнем слоге, как это принято у летного состава космофлота, дав тем самым понять Лобову, что и он, Кирсипуу, повидал космос и не всегда сидел обсерватором в земных профилакториях. Молчаливо признавая справедливость сказанного, Иван поклонился. Посматривая на Лобова с прежним уважительным любопытством, Кирсипуу вдруг спросил:

— Скажите откровенно, так ли уж нужна вам моя консультация о биофобии?

Теперь улыбнулся Иван, дотошно прочитавший перед визитом в Йеллоунстон о биофобии все, что было доступно его пониманию, но в тонкостях этой путаной болезни так до конца и не разобравшийся.

— Нужна. Но не теперь.

— Простите?

— Сначала я бы хотел встретиться с Леной. Я знаю ее лишь в состоянии летаргии и, честно говоря, плохо представляю, как она выглядит в жизни. Мне хочется просто, если хотите, по-родственному, поговорить с ней. Ведь она наша крестница! А уж потом я выслушаю все, что вы найдете нужным мне сказать. И выслушаю внимательно.

Кирсипуу согласно кивнул, выжидающе глядя на Лобова. Но Иван молчал, полагая, что и без того был многословен. И хотя пауза затягивалась, он спокойно выдержал оценивающий взгляд психолога-обсерватора.

— Что ж, — решил наконец Кирсипуу, поднимаясь на ноги, — пусть будет по-вашему. Рискнем!

— А в чем риск? — уточнил Лобов, поднимаясь вслед за ним.

Кирсипуу взглядом одобрил этот вопрос и пояснил:

— Лена может неадекватно отнестись к вашему появлению. В известном смысле, для нее вы, командир «Торнадо», — живое воплощение Орнитерры. А Лена ненавидит этот ядовитый мир!

— Я и сам его ненавижу, — холодно сказал Лобов. — Не беспокойтесь, Ян. Если проблема только в этом, то все будет в порядке.

Лену Иван отыскал в аэрарии, располагавшемся на открытом воздухе среди старых раскидистых сосен, какими они вырастают на свободе, когда не мешают друг другу. Здесь было уютно, как в родном, с детства знакомом доме. Пахло хорошо прогретой землей, увядающей травой и хвоей. Ленивый ветер гладил вершины сосен, путался в длинных иглах и лишь иногда, совсем обессилев, падал на траву. Светило по-вечернему нежаркое желтеющее солнце, в бледно-голубом, как бы выцветшем небе неслышно парили шапки и башни облаков. Лена в светло-сером брючном костюме спортивного покроя полулежала в шезлонге с книгой в руках. Она не то не заметила Лобова, не то не посчитала нужным обратить на него внимание. Поэтому Иван задержался в некотором отдалении возле пахучего темно-зеленого куста можжевельника.

Лену он узнал не без труда. Конечно, Иван и не пытался пользоваться воспоминаниями о спасенной ими девушке, балансировавшей между беспробудным сном и уже необратимой смертью. Лена тогда была больше похожа не на живого человека, а на не очень искусно сделанную фигуру для музея с медицинским уклоном в целях иллюстрации последствий летаргической болезни. Прежде чем лететь в Йеллоустонский профилакторий, Лобов познакомился с голографиями Лены, хранившимися в космофлотском, пока еще очень кратком досье на ее имя. Лена Зим, полулежавшая в шезлонге с книгой в руках, была похожа на веселую восемнадцатилетнюю девушку, изображенную на голографиях, не больше, чем ее заметно более старшая по возрасту сестра. Или даже ее молодая мать! Таких, похожих на нынешнюю Лену молодых матерей в двадцать третьем веке было предостаточно. А ведь Лене было всего девятнадцать лет!

Когда Лобов приблизился, Лена и не подумала оторваться от книги, хотя вряд ли она по-настоящему читала ее: за все время, что видел ее Иван, она ни разу не

перевернула страницы. Поздоровавшись, Иван негромко представился:

— Меня зовут Иван Лобов.

Лена опустила книгу на грудь и некоторое время равнодушно разглядывала стоявшего перед ней крупного сильного человека. У нее было удлиненное, ничем не примечательное лицо с довольно правильными мягкими чертами, бело-матовая кожа с акварельным румянцем на щеках, волнистые коротко стриженные русые волосы и спокойные карие глаза.

— И что вам угодно, Иван Лобов?

— Я командир патрульного корабля «Торнадо», посланного на Орнитерру.

В карих глазах Лены отразилось некое сильное движение души, и похожее и в то же время не похожее на страх: они расширились и снова стали спокойными, пожалуй, усталыми карими глазами.

— Понятно. Ждете от меня слов благодарности?

— Нет.

— И правильно. Напрасно вы меня спасали. — Лена помолчала и уточнила: — Одну.

— Так уж получилось.

Лена кивнула, как бы извиняя Ивана, и подняла книгу на уровень глаз.

— Можно я посижу с вами?

— Зачем?

— Да просто так. Вы читаете, и я почитаю.

Она пожала исхудавшими плечиками.

— Читайте.

Лобов взял один из свободных шезлонгов, прислоненных к золотистому, пахнущему смолой стволу сосны, и разложил его в нескольких шагах от шезлонга Лены — сбоку, так чтобы не мельтешить перед ее глазами. Достал из кармана микропечатный пакет-бук, вмещавший несколько томов обычной печати, бинокулярные очки. Усевшись поудобнее, он настроил очки на удобную степень увеличения и погрузился в чтение. Сделать это было нелегко, отвлечений, особенно мысленных, было множество, но Лобов уже давно научился делать то, что требуется, в любой, даже неблагоприятной обстановке. Наперед зная, что погрузиться в тонкости художественного текста будет трудно, Лобов остановился на хронике земных событий за последний квартал. Такие обзоры специально готовились для гиперсветовиков, большую часть жизни проводивших в космосе и лишь гостивших на Земле. По-

мучившись минуту-другую, Иван заставил-таки себя позабыть о Лене, сосредоточиться и уже не отрывался от текста до тех пор, пока не одолел обзор до конца. А когда одолел и снял бинокуляры, перехватил взгляд Лены. Она смотрела на него поверх книги и не отвела неподвижных глаз.

— А вы и в самом деле читали, — проговорила она, скорее просто констатируя, нежели сомневаясь или удивляясь.

— Читал, — подтвердил Иван.

— А я вот не могу. Не получается! — Лена сказала это равнодушно, но в движении руки, которым она опустила свою книгу на траву, осыпанную усыхающей хвоей, проскользнула досада.

— Так и не читайте! Хотите прогуляться?

Она отрицательно качнула головой:

— Меня еще плохо держат ноги.

— Тем более!

— Неловко.

Лобов поднялся на ноги.

— Но я же не чужой. Пойдемте!

— Не чужой?

— Я из экипажа «Торнадо», — напомнил Иван с улыбкой. — Вы для нас — не чужая!

Лена провела рукой по лбу, словно поправляя волосы, хотя необходимости в этом не было.

— Я и позабыла о космических традициях. — Она задумалась и прямо взглянула на Лобова своими тревожными карими глазами. — Вас привело сюда чувство долга?

На секунду Иван смешался, но потом упрямо спросил:

— Разве долг — это плохо?

Она отвела взгляд, пальцы ее перебирали воротник светло-серой спортивной куртки.

— Не знаю. Теперь не знаю. Наверное, хорошо. Но иногда — плохо!

Сердце Ивана сжалось. Как только он увидел Лену, она сразу показалась ему странно знакомой. Как будто он уже видел ее раньше, причем именно такой — погруженной в мир своих мыслей молодой женщиной, смотрящей на окружающий мир с неясной тревогой в карих глазах: чуть удивленно, чуть недоверчиво и печально. Умом Иван хорошо понимал, что такую, сидящую перед ним в кресле Лену Зим он видеть никак не мог. Ее просто не существовало прежде! Она родилась из забвенья колибридного сна всего несколько месяцев тому назад. Но сердце упрямо твердило Ивану, что он знал Лену и раньше, и он ни-

чего не мог поделать с этим уверенным внутренним голосом. Прямо наваждение! И вот сейчас, когда карие глаза Лены были обращены на Ивана, но взгляд их скользил мимо, в какие-то только для них открытые дали, Лобов вдруг вспомнил, где видел ее раньше. Не деталями, а общим выражением лица Лена была похожа на рождающуюся Венеру Боттичелли. То же самое щемящее очарование! Немой призыв к доброте и помощи... и робкая надежда на нее. Не умом, а сердцем Иван понял, что в душе Лены происходит какой-то трудный, может быть, давно назревший перелом и что неудачно сказанным сейчас словом можно помешать этому, сломать, испортить второе рождение человека. Негромко назвав Лену по имени, Иван подождал, пока взгляд ее не приобрел осмысленное выражение, и только тогда спросил:

— Вы позволите мне навестить вас завтра?

После паузы она ответила вопросом на вопрос:

— А вы собираетесь задержаться?

— Собираюсь.

— Стоит ли? Вы же исполнили свой долг.

— Я прилетел сюда отдыхать. Каникулы! А врачи после всех передряг на Орнитерре настоятельно рекомендовали мне хотя бы недельку отдохнуть в профилактории, — спокойно ответил Иван.

— Здесь, в Йеллоустоне?

— Нет, в любом. Но если не возражаете, я бы остался здесь.

— А почему я должна возражать?

— Тогда — до завтра.

И поклонившись, Лобов удалился. Ему хотелось обернуться! Но он не позволил себе этого. Но если бы позволил, то увидел бы, что Лена Зим, опершись одной рукой на подлокотник шезлонга, смотрит ему вслед.

Кирсипуу переменился, будто его подменили. Сбросил свою профессиональную маску приветливой сдержанности, он оживился и вел себя просто, как ведут себя со своим человеком. Лобов начал догадываться в чем дело и окончательно уверился в своей догадке, когда психолог спросил:

— Вы всерьез решили задержаться у нас на недельку-другую?

— Разумеется. — Иван помолчал и сердито спросил: — Так вы подслушивали наш разговор? Это, по-моему, лишнее.

Кирсипуу сделал вид, что обиделся, но глаза его лукаво посмеивались.

— Как можно! Но я психолог-обсерватор, понимаете? По долгу службы я был обязан контролировать ваш разговор с Леной и немедленно вмешаться, если бы он принял нежелательный для больной оборот. К счастью, вы вели себя вполне профессионально. Просто молодцом! Я бы сказал, что выбранная вами линия поведения по отношению к больной — оптимальна. Правда, частое упоминание об Орнитерре рискованно, но этот весьма и весьма спорный расчет на эмоциональную подпитку ассоциацией ретроспециями стрессового плана в конце концов оправдался, можете продолжать в том же духе. Но не пережимайте! Воспоминания об Орнитерре остаются самым болезненным звеном в психике Лены и вместе с тем самым активным центром нормализации ее функций. Оптимум воздействия лежит именно в этой зоне, все правильно. Но, повторяю, не пережимайте!

Лобов отмолчался, мысленно поздравляя себя с тем, что отложил беседу с психологом, предпочтя сначала встретиться с Леной без медицинских советов и рекомендаций, ни понять, ни следовать которым по-настоящему Иван все равно бы не смог.

— Вы обратили внимание на видимый возраст Лены?

— Обратил.

— Ей можно дать лет двадцать пять, никак не меньше. Не правда ли? Характернейшее следствие биофобии! Справившись с болезнью, Лена помолодеет. Но никогда уже она не станет той жизнерадостной девушкой, какой она была в свои восемнадцать лет и какой она должна была бы быть в свои нынешние девятнадцать!

Лобов помолчал, обдумывая услышанное, и не очень любезно спросил:

— Зачем мне знать об этом?

— Не ершитесь! — По этой реплике Иван убедился еще раз, сколь точно Кирсипуу улавливает настроение собеседника. — В случившемся с Леной несчастье есть одна тонкость, знать о которой вам следует обязательно. Лена выглядит умудренной жизнью молодой женщиной. Но на самом деле она как была, так и осталась юной, наивной девушкой. Сердце ее еще никогда не было занято. Понимаете?

— Не совсем, — ответил Иван после паузы.

— Не просыпалась она для любви. Не любила еще по-настоящему! Дошло?

Морща лоб, Иван непонимающе разглядывал психолога.

— А Орнитерра? Виктор Антонов?

Кирсипуу вздохнул, поставил домиком брови и сделал рукой легкий сожалеющий жест.

— Нежная дружба. Юношеская любовь. Называйте это как хотите! — Видя, что Лобов наконец-то понял его, но все еще не освоился с услышанным, он добавил: — Можно бы сказать, платоническая любовь, да не люблю я этого слова! Еще в детстве прочитал у кого-то из мыслителей-оригиналов, кажется у Ларошфуко, что платоническая любовь — это гладкий красивый поднос без всякого угощения. И с тех пор стоит мне услышать или сказать о платонической любви, как у меня перед глазами встает не юная дева, а именно этот гладкий и красивый поднос — белый и с эдакими аленькими цветочками.

Недоверчивость Лобова перешла в задумчивость.

— Да-да, — угадал его мысли чуткий к дуновению настроений, как тополиный лист, Кирсипуу. — Именно это и послужило у Лены толчком для развития комплекса виновности перед Виктором, а потом и равнодушия, даже отвращения к жизни. Ведь Антонов пожертвовал ради нее жизнью! И умер мальчишкой, так и не узнав, что такое любовь. А скорее всего ведь именно Лена была инициатором платонизма! В конце концов, именно женщина всегда решает, чему быть: товариществу, дружбе или любви. Особенно, когда люди целых два месяца живут рядом, в одном доме.

— И все-таки, — хмуро сказал Иван, — я так и не понял, для чего вы рассказали мне все это. В таких подробностях.

Психолог поежился под взглядом Лобова, который иногда становился тяжелым, как молот, но своего хладнокровия не утратил.

— Хорошо. Вы вынуждаете меня быть предельно откровенным. Понимаете, вы ведете себя с Леной так, что она может полюбить вас.

Он-таки сумел ошарашить Лобова! Прошло несколько секунд, прежде чем он нашелся с ответом:

— Да я никогда не был ловеласом!

— В том-то и дело, — тонко улыбнулся Кирсипуу. — Никакой ловелас не имел бы у Лены успеха. Ни сейчас, ни, скорее всего, уже никогда.

— Ну и что?

— Лена — девушка, ей девятнадцать лет. Если она проснется для жизни, то проснется и для любви. Проснется естественно, как утром восходит солнце, а весною распускается зелень и расцветают цветы.

— Ну и что? — упрямо повторил свой вопрос Лобов.

— А то, что вы будете рядом с ней! Она будет естественно тянуться к вам, как к надежной опоре. А надежность вашу, вы уж простите, так сказать, за версту видно. А Лене девятнадцать лет! Ей будет трудно перенести новую жизненную неудачу. Вам стоит серьезно подумать обо всем этом.

— А я уже подумал, — рассеянно сказал Лобов.

Он так и не понял истинного смысла того, что сказал его язык. И не заметил, с каким удовлетворением откинулся Кирсипуу на спинку кресла. «Я сделал все, что мог, — было написано на его лице с какой-то неискоренимо прибалтийской, себе на уме психологической окраской. — Кто может, пусть сделает больше».

Прощаясь с Иваном, Кирсипуу на секунду задержал в рукопожатии его большую ладонь.

— Простите мою навязчивость, но мне бы хотелось дать вам несколько советов. Самого общего порядка, разумеется. Скорее даже не советов, а рекомендаций, вовсе не обязательных, но, как мне представляется, полезных.

Лобов улыбнулся этой деликатности.

— Давайте.

Кирсипуу несколько секунд молчал, собрав гармошкой кожу высокого лба, потом прикоснулся кончиками пальцев к широкой груди Ивана.

— Вам придется проявить терпение, командир.

— Я умею быть терпеливым.

— Догадываюсь. Но речь идет о терпении особого рода. — Кирсипуу заглянул в самые глаза собеседника и снова отвел взгляд. Психолог был подчеркнуто сосредоточен, и Лобов невольно проникся чувством ответственности к разговору. — Удар орнитеррского геновируса по психике Лены Зим был не только жестким, но и глубоким. Я говорил вам о частичной амнезии. И это правда! Но не вся правда. У Лены была нарушена не только сознательная, но и более глубокая, подсознательная память, хотя и в меньшей степени, разумеется. В ходе сна, который подошел к самой границе смерти, была частично разрушена не только память, но и сама личность девушки-стажера.

Заметив некое, скорее не тревожное, а огорченное выражение, промелькнувшее на лице Лобова, психолог-обсерватор предупреждающе поднял руку.

— Нет-нет! Вы ошибаетесь в своих догадках. Лена Зим вполне психически здорова, если не считать биофобных

явлений, церебральный комплекс у нее отменный, но... Когда я говорил вам о том, что это девушка в образе молодой женщины, я несколько приукрасил картину. Правильнее было бы сказать, что она — девочка-женщина, ребенок в облике взрослого человека, заново постигающий окружающий мир, который представляется ей то прекрасным, то, когда побеждает биофобия, ужасным и даже отвратительным. Понимаете?

— Понимаю.

— Вы будете сталкиваться с резкими переходами настроений. С раздражительностью, меланхолией, восторженностью и... некоторой инфантильностью. Лена, если она примет вас, будет задавать вам массу откровенных вопросов. Отнеситесь к этому с пониманием, не отпугните ее.

— Я не отпугну.

По виду Кирсипуу можно было догадаться, что он настроился на обстоятельный разговор. С профессиональной привычкой в ходе беседы он фиксировал выражение лица Лобова. Но догадаться о его настроении трудно было даже опытному специалисту. Рубленые черты его лица были почти неподвижны, лишь слабые отзвуки, легчайшие тени вазомоторных реакций оживляли их. И тем не менее, когда Лобов сказал: «Я не отпугну», — Кирсипуу помедлил, сделал одному ему известные выводы и свернул намеченную беседу.

— Желаю вам удачи, Иван.

— Спасибо.

Глава 6

Лобов провел в Йеллоунстонском профилактории три недели. Лена медленно оттаивала. Возвращение интереса к жизни сопровождалось у нее рецидивами болезни: то презрением к себе самой, то вялым равнодушием ко всем людям. И хотя равнодушие это распространялось и на Ивана, общества его она не чуралась. Лена привыкала к Лобову настороженно, нелегко преодолевая свою депрессию и заторможенность. Она обращалась к нему только на «вы», держалась официально и не допускала даже самых маленьких вольностей, словно встречались они не в парке среди сосен и берез, а в служебном кабинете, где Иван Лобов был на положении старшего. Лобов спокойно, даже охотно принял эту манеру общения, которая

большинству других людей показалась бы искусственной, может быть, нелепой и, уж во всяком случае, утомительной: в простой атмосфере естественного общения, лишенной женского кокетства и мужского острословия, он чувствовал себя как рыба в воде. Такие отношения позволяли ему естественно, без лишних усилий оставаться самим собой: сдержанным, немногословным, но доброжелательным по отношению к Лене человеком. Заметив, что Лена не тяготится его молчанием, Иван не навязывался с разговорами, но на вопросы ее отвечал охотно.

Не договариваясь об этом заранее, Иван ежедневно, как бы само собой разумеющимся образом встречался с Леной после завтрака возле той самой старой сосны, где состоялось их знакомство. Обменявшись приветствиями и новостями, они читали, вели неторопливые, перемежавшиеся паузами разговоры или отправлялись на прогулки, с каждым днем становившиеся все более дальними и продолжительными. Стараясь не быть навязчивым, вторую половину дня Иван проводил без Лены. На прогулочном глайдере он побывал во всех окрестных декорумах, летал в ближайшие мегаполисы, а когда надоедало одиночество, отправлялся планетарным тоннелем на космодром — на мыс Канавералл. Там он отдыхал в обществе товарищей по профессии, отдавая должное и спортивному комплексу, и кафе космонавтов, оттуда же он связывался по видеофонной линии с центральной лунной базой и отводил душу в разговорах с Климом и Алексеем. Не раз Иван приглашал с собой в такие поездки и Лену Зим. Сначала она просто отказывалась, но потом, привыкнув к Ивану, стала отвечать более уклончиво: «Не сегодня». Все больше протягивалось между ними незримых связующих нитей, все больше их тянуло друг к другу. В один из вечеров, получив в ответ очередное «Не сегодня», Иван не оставил Лену, а предложил пройтись по новому, дальнему маршруту, где они еще не бывали, — по едва нахоженной тропе к ручью, за которым начинался заповедный лес.

Шли они медленно, нога в ногу. Окрепшая Лена не устала, и когда они добрались до ручья, ей загорелось перебраться на ту сторону и хоть одним глазком заглянуть в заповедник, ближний угол которого был открытым для посещения резерватом. Этот ручей можно было перейти по камням, они были специально полуобтесаны, чтобы облегчить переход. Однако Лена у этого препятствия замешкалась, она еще не привыкла прыгать с кам-

ня на камень, да и течение воды, в которой сновали радужные тени форелей, сбивало ориентировку. Заметив колебания девушки, Лобов обхватил ее за талию ладонями сильных рук и без видимых усилий переправил на другой берег. Лена не успела ни опомниться, ни слова вымолвить — будто качнулась на качелях, перебросивших ее с одного берега на другой, а Иван как стоял возле нее, так и остался стоять рядом.

— Я не думала, что вы такой сильный, — сказала девушка, когда они снова двинулись вперед.

Иван пожал плечами.

— Не сказал бы, что я очень сильный... Да и не главное для современного человека — сила.

— А что главное? Может быть, ум?

— Может быть. Для ученых, например.

— А для вас?

— Для меня — нет.

— А что для вас главное?

— Все главное. Для человека все главное. Если это, конечно, настоящий человек.

— А вы настоящий?

— Кто знает?

Тропа теперь сузилась, она вилась в зарослях ивняка. Поэтому они шли гуськом — Лена впереди, Иван сзади. Когда тропинка выбежала на поляну опушки леса, Лена остановилась, подождала Лобова и продолжила разговор, точно он и не прекращался.

— И все-таки вы очень сильный! Особенно руки, они у вас, как у роденовского мыслителя.

— Мне говорили об этом.

— Кто?

— Скульптор.

— Мужчина или женщина?

— Женщина.

— Вы любили ее?

— Нет.

— А она вас?

— Не знаю.

Лена довольно долго разглядывала Ивана, избегая встречаться с ним взглядами. И все-таки глаза их, конечно же случайно, встретились, и они невольно улыбнулись друг другу.

— Сколько вам лет, Иван?

— Неполные двадцать семь.

Взгляд ее отразил недоверие.

— Никогда бы не подумала, что вы так молоды! На вид вам все тридцать пять.

Иван согласно кивнул:

— Я знаю, что выгляжу старше своих лет.

— А почему?

Лобов виновато улыбнулся:

— Работа такая. И характер такой. Всего понемногу.

Лена отвела, наконец, взгляд от его лица и оглядела только что пройденные заросли ивняка и начавшую увядать земляничную поляну, окруженную плотной стеной смешанного леса.

— Хорошо здесь, правда?

— Правда.

— Можно, мы посидим здесь?

— Почему же нет? — Иван придержал Лену за локоть. — Подождите, земля здесь холодновата. — Сбросив с плеч куртку, он бросил ее на все еще зеленую, но уже перезрелую и отцветающую августовскую траву. Лена не возражала, опустилась на куртку и как-то очень естественно устроилась на ней, обхватив руками согнутые в коленях ноги и положив на них подбородок. Иван полулежа примостился рядом на траве.

— А для вас земля не холодновата?

Лобов осторожно положил на траву свою большую руку, будто погладил ее.

— Нет. Да и не простужался я по-настоящему за всю свою жизнь.

Лена улыбнулась:

— Еще простудитесь. Вам всего двадцать шесть! Значит, командиром корабля вы стали в двадцать три года?

— В двадцать два. Но первый патрульный рейд мы делали с наставником на борту.

— Мы — это еще Клим Ждан и Алексей Кронин?

Лобов кивнул:

— И сразу все сладилось?

— С Климом мы вместе учились. А Алексей Кронин, когда мы были стажерами, руководил у нас инженерной практикой.

— Так он старше вас?

— Немного. На четыре года.

— Так это же много!

Иван негромко рассмеялся, искоса поглядывая на девушку.

— Это вам кажется. В девятнадцать лет четыре года и правда много.

Улыбка сошла с лица Лены.

— Мне не было девятнадцати лет, — сказала она отрешенно и очень уверенно. — И никогда уже не будет! Мне было восемнадцать, а потом... Мне кажется, что я совсем старая. Что мне уже лет тридцать, а может быть, и больше.

— Это пройдет.

— Не пройдет, я знаю.

— Все равно не страшно. Я вот выгляжу на тридцать пять, а чувствую иногда себя на все пятьдесят. И ничего!

— Нет, правда? — Лена даже голову вскинула. — На все пятьдесят?

— Иногда.

Лена вздохнула:

— Иногда! Иногда мне кажется... — Она не договорила и круто переменила разговор. — А как это получилось, Алексей Кронин старше, опытнее вас, был вашим учителем... И вдруг попал на патрульный корабль рядовым инженером!

— Он не попал, а попросился.

— Почему?

— Надоела ему нелетная работа на базах. Захотелось ему проверить себя в более ответственных делах. Захотелось повидать настоящий, дикий, еще не исследованный космос. Вот он и попросился на «Торнадо».

— А почему на «Торнадо»? Именно на «Торнадо»?

Лобов задумался, улыбка воспоминаний тронула его губы. Молчание затягивалось, Иван словно позабыл о девушке. Но Лена сидела тихонько, искоса, с высоты своего сидячего положения следила за Иваном и никак не напоминала о своем существовании. Из задумчивости Лобова вывели белки, скатившиеся с сосны на поляну, промчавшиеся с верещанием по траве и взлетевшие на другое дерево.

— Белки, — пояснила Лена, отвечая взгляду Лобова.

— Я видел. О чем вы спросили меня?

— Неважно. Ваши друзья здоровы?

— Да они и были здоровы! Карантин у них кончается, и через несколько дней они будут на Земле.

В глазах девушки промелькнула тень тревоги, на которую Иван не обратил внимания.

— Они прилетят сюда?

— Обязательно. Вы же их крестница!

— Надолго?

Голос Лены дрогнул. Иван поднял голову, и взгляды их встретились. Серые глаза Ивана Лобова и карие глаза

Лены Зим встречались, конечно, и прежде, но только теперь, здесь, на увядающей земляничной поляне, освещенной косыми лучами вечернего солнца, встреча взглядов обернулась разговором, куда более красноречивым, чем самые проникновенные слова. Оба смутились, не смогли скрыть это смущение друг от друга, а поэтому смутились еще больше. В глазах Лены, как и тогда, при первой их встрече, когда Иван упомянул Орнитерру, плеснулось чувство и похожее, и, вместе с тем, не похожее на испуг. Поспешно поднявшись на ноги, она прихватила с травы расстеленную куртку и протянула ее Лобову.

— Простудитесь.

Иван молча принял куртку. Они стояли рядом и не знали, что можно и что нужно делать дальше. Первой нашлась Лена.

— Совсем забыла! У меня же встреча с Кирсипуу.

— Я провожу вас.

Лена кивнула и, не оборачиваясь, быстро зашагала по тропинке к пансионату профилактория. Ручей она перешла самостоятельно, лишь на мгновение замешкавшись перед первым после ее второго рождения, еще непривычным прыжком на камень посреди вечно текущей и вечно бормочущей свою песню воды.

Этот случай поломал те простые, в духе давних космических традиций, товарищеские отношения между Иваном и Леной, которые выстраивались на протяжении двух недель. Лена разрушала их невольно, вовсе того сама не желая. Она не знала, как ей теперь вести себя с Иваном. Иван ей нравился! Давно нравился, с того самого момента, когда появился возле ее шезлонга в лучах желтеющего вечернего солнца: большой, спокойный, сильный. Представился, попросил разрешения посидеть рядом, а потом сосредоточенно читал микросборник, словно позабыв о девушке, исподтишка разглядывавшей его поверх книги. Иван понравился ей сразу. Но чтобы по-настоящему понять это, Лене потребовалось ощутить, что и она нравится Ивану! Эта догадка, похожая на озарение, испугала ее. В испуге этом жила и тайная радость, от которой кружилась голова. Но испуг все-таки возобладал. Вдруг ее обманул молчаливый разговор взглядов? Иван не был похож на влюбленного. Ни капельки! Совсем не похож на Виктора, который любил ее, говорил о любви, ждал любви... И боялся ее, как боялась и сама Лена. Спокойная доброжелательность Ивана, его готовность ответить на любой ее вопрос, ответить тяжеловато, но искренне, без намека

на рисовку и остроумие, — это любовь?! Да и может ли вообще любить этот будто из железа сделанный человек с простым рубленым лицом и такими сильными руками, которыми он, казалось, камни мог мять, словно глину?

Испуг победил, но тайная радость жила и нет-нет да и кружила голову, заставляя Лену стыдиться перед памятью Виктора, смущаться перед самой собою, надеяться и пугаться того, что она может так и остаться надеждой и больше ничем. Ее отношения с Иваном за два-три дня разладились совершенно. Молчаливое общение, такое естественное и принятое совсем недавно, стало неловким и ощутимо тяготило обоих. Но и разговоры не клеились! Лена, боясь сказать что-нибудь лишнее, следила за каждым своим словом, фальшивила и ненавидела себя за это. Пытаясь преодолеть ее скованность, Иван и сам начал фальшивить: его сдержанность оборачивалась угрюмостью, а лаконизм — скудомыслием. Иван понимал это, злился, но ничего не мог с собой поделать. Прямо наваждение какое-то, злые чары!

Не особенно задумываясь, более интуитивно, чем сознательно, Иван понимал, что дарованная ему судьбой встреча с Леной обещает ему ту самую настоящую любовь, о которой мечтает каждый мужчина и которую он ждал так терпеливо и доверчиво. Терять Лену он не имел права не только ради себя, но и ради нее самой. Он понимал, как трудно будет ей без его поддержки заново найти себя в доброжелательном, но довольно бесцеремонном в своих шумных радостях мире двадцать третьего века. Но понимал он также и то, что рождающаяся у Лены привязанность, а может быть, даже и любовь по отношению к нему, — пока еще очень хрупка и уязвима. Это не полнозрелый плод, а только еще начавший распускаться цветок. И сильное движение его мужской души навстречу только рождающемуся чувству может убить его, как суховей. Поэтому Иван и плыл по течению стихийно складывающихся с девушкой отношений. Но в дни нарастающей скованности ему, уже зрелому, двадцатишестилетнему мужу, стало ясно, что без меры затянувшаяся неопределенность может обернуться досадой, обидами и разрывом — бедой для них обоих. Иван понял, что не имеет права медлить более, надо было рисковать! Действовать решительно!

Лобову и в голову не приходило, что, принимая такое решение, он действует не столько как мужчина, для этого у него было мало сердечного опыта, сколько как кос-

монавт и командир корабля, для которого умение пойти на риск — одно из важнейших профессиональных качеств, определяющих его класс. Иван решил покинуть профилакторий. В худшем случае, на время расстаться с Леной, разлука многое сама собой расставляет по своим местам, или... забрать ее с собой. В каком качестве — несущественно, забрать — вот и все! Увести из этого рафинированного профилакторного мира, в котором было нечто монастырское, в мир живой полнокровной жизни.

На следующее утро он имел длинный, не очень удобный и приятный для себя, но в общем-то нетрудный разговор с Яном Кирсипуу. Потом связался по видеофону с центральной лунной базой и договорился о встрече с Климом и Алексеем на традиционном торнадовском биваке — на Елшанке. Пришлось ему решить и ряд других мелких дел, которые неизбежно сопровождают переезды с места на место и перемены образа жизни. Поэтому на утреннее свидание с Леной он явился с опозданием на целых полтора часа против обычного времени.

Как и при первой их встрече, три недели назад, Лена полулежала под старой сосной в шезлонге. Но в это, уже позднее утро она и не пыталась читать или делать вид, что читает — нераскрытая книга валялась на траве. Лена ждала Ивана и не пыталась скрыть нервозности своего ожидания.

— Я думала, вы не придете, — встретила она его нетерпеливым возгласом.

— Извините, Лена. Неожиданно на меня свалилась целая куча дел.

— Почему извините? Вы не обязаны приходить! А раз не обязаны... Я думала, вам надоело со мной нянчиться. Ведь надоело?

— Нет, не надоело.

— Все равно! Я думала... Кончаются каникулы. Прилетают ваши друзья. Когда-нибудь вы все равно не придете. А когда — сегодня, завтра или через три дня, — какая разница?

Лена говорила механически, словно надиктовывая текст, словно Иван и не стоял рядом. Пальцы ее левой руки теребили ворот ее спортивной куртки, и от этого нервозного, позабытого Леной движения у Лобова защемило сердце. И вдруг она подняла голову и прямо взглянула на него своими тревожными карими глазами.

— Поломалось все у нас, правда?

Поколебавшись, Иван признался:

— Правда. — И, помолчав, добавил: — Поэтому я и решил уехать.

— Уехать? Когда?

— Сегодня вечером.

Лобов опоздал сегодня на их обычную встречу. Лене чудилось, что с ним стряслась какая-то беда, и она ничего не могла с собой поделать. Даже стайка воробьев, взмывшая с травы в трепете и шорохе маленьких крыльев, почудилась ей стайкой колибридов. Она с трудом удержалась от испуганного крика, убедив себя, что она на Земле, а не Орнитерре. Лобов пришел, живой и здоровый. И все-таки сердце не обмануло ее. Беда пришла, но не к Лобову, к ней! Почему? За что? И показалась эта беда такой несправедливой, что Лена не удержалась и импульсивно спросила:

— А как же я?

— А вы — со мной, — просто сказал Иван.

Глава 7

На елшанский бивак Лобов прилетел на глайдере и эффектно посадил его — оверхедом. Пройдя над лагерем, он положил глайдер на спину, сделал полупетлю и в нижней ее точке притер машину к траве. Вздыбившись от энергичного торможения реверсом двигателя, точно горячий конь, глайдер как бы уперся в воздушную стену, с натугой прополз два десятка метров и замер возле дуба, сторожившего вход в лукоречье. Все было готово к встрече командира. На дубе висела златая цепь, она и в самом деле была золотая и весила семь фунтов — больше трех килограммов, и объявление, написанное старославянскими буквами: «Леший здесь. Русалка отсутствует». Возле дуба стояли три закрытые палатки индивидуального пользования и одна большая, односкатная, перед ней горел небольшой, но жаркий, умело разложенный костер. Над костром сверкающий, будто медный чайник лениво шевелил крышкой и из по-лебединому изогнутого носика попыхивал парком. А возле костра, перед односкатной палаткой на белой скатерти была разложена всякая натуральная снедь, приправы, столовые приборы и кружки. Все это было аккуратно прикрыто тонкой, почти невидимой прозрачной пленкой, пришпиленной к земле.

Подбегая к глайдеру, Клим намеревался, как это было заведено, отдать шутливый рапорт командиру. Но сцена-

рий встречи был неожиданно нарушен. Спрыгнувший на траву Иван протянул руку и помог спуститься высокой стройной девушке с русыми волосами, одетой, как и все торнадовцы, в светло-серый спортивный костюм. Штурман и инженер переглянулись и, не сговариваясь, перешли с бега на обычный нескорый шаг. Недоумение их было вызвано тем, что бивак на Елшанке был у торнадовцев особым, храмовым, как говорил Алексей Кронин, местом. Они отдыхали тут втроем, заново притираясь друг к другу, налаживая несколько расшатанные каникулярным отдыхом привычные связи, в рамках той почти неуловимой для чужого глаза субординации, которая и отличает слетанный экипаж от простого коллектива. Посторонние, вне зависимости от их общественного и профессионального ранга, на бивак не допускались. Исключения делались только для близких друзей или для тех, кто в очередной патрульный рейд шел в составе экипажа «Торнадо». Но и в этих случаях гостей приглашали на Елшанку лишь на денек-другой, по общему согласию и предварительной договоренности. Появление рядом с Иваном незнакомой девушки, о прилете которой Клим и Алексей и понятия не имели, не лезло ни в какие ворота. Хорошо еще, что интуитивная смена бега на неспешный шаг позволила им сориентироваться и прийти в себя.

— Явление Христа народу, — пробормотал на ходу Клим.

— Если уж пользоваться культовыми аналогиями, то надо говорить не о Христе, а о деве Марии, — шепотом отозвался Алексей.

Девушка стояла рядом с Иваном плечом к плечу, похоже было, что она робеет, а поэтому и жмется к своему спутнику. У девушки были мягкие приятные черты лица и тревожные темные глаза. Она была всего на полголовы ниже Ивана, но какой тоненькой казалась она по сравнению с ним! Какой беззащитной, доверчивой!

— Как бы мне, рябине, к дубу перебраться, — еще более приглушая голос, пробормотал Клим.

— Кто это?

— Понятия не имею.

— По-моему, я где-то уже видел ее, — подумал вслух инженер.

Эта реплика словно повязку сорвала с глаз Клима.

— Это же Лена!

— Кто?

— Лена Зим, — одними губами, глайдер был уже рядом, шепнул штурман.

Сделав несколько ускоренных шагов, он чуть обогнал сознательно притормозившего Алексея, шутливо раскланялся на мушкетерский манер и сказал, что он и его друг рады приветствовать дорогих гостей на этой священной земле.

Девушка испуганно поклонилась сначала Климу, а потом и поравнявшемуся с ним Алексею.

— Лена Зим, — представил девушку Лобов.

Теперь поклонились Клим и Алексей. И хотя ничего подобного им и в голову не приходило, со стороны можно было подумать, что этим сдержанным поклоном они просто передразнивают девушку. Глаза у Лобова стали сердитыми.

— Да вы хоть узнали ее? — спросил он укоризненно.

— Узнали! — хором ответили торнадовцы, переглянулись и расхохотались. Глядя на них, рассмеялся Иван, а вслед за ним заулыбалась и Лена. Несмотря на этот смех, все они чувствовали себя не совсем ловко. Разряжая эту неловкость, Клим начал расспрашивать Лену о том, как ей понравилась посадка оверхедом и как ей вообще жилось на Земле в эти месяцы. Как это и принято при обращении с крестницами, Клим сразу перешел с Леной на ты. Она естественно приняла эту манеру, скоро совсем оттаяла, заулыбалась и при тактичной поддержке со стороны Кронина включилась в шутливый разговор обо всем и ни о чем. Лобов облегченно вздохнул, кивком головы отозвал инженера, открыл в глайдере багажник и достал оттуда портплед.

— Тут палатка для Лены и ее личные вещи. — Он виновато заглянул в глаза Алексея. — Она погостит у нас, не возражаешь?

— Нет проблем.

Лобов покосился на оживленно беседующего с Леной Клима:

— Полагаю, и Клим возражать не будет?

— Правильно полагаешь. — Алексей присматривался к Лобову и так и эдак, точно не узнавал его. — Не понимаю только, почему ты не сообщил о прилете Лены заранее. Мы бы все приготовили. Никаких хлопот!

Иван мельком глянул на Кронина и отвел взгляд.

— Да я и сам толком ничего не знал. — Он снова глянул на Кронина и усмехнулся. — И рисковать не хотелось.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Кто вас знает! Вдруг бы вы вздумали возражать. Бивак — место священное.

Все еще приглядываясь к командиру, Алексей забрал у него портплед.

— Надо полагать, что миссия по установке палатки возлагается на нас с Климом, не так ли?

Лобов кивнул:

— Лена вам поможет.

— Лена? — удивился инженер. — А ты?

Иван шлепнул широкой ладонью по борту глайдера:

— Я отлучусь. Кое-какие дела. В общем, к ужину я вернусь.

— Что-то ты темнишь!

— Да нет, все очень просто. Пусть Лена тут пообвыкнет. Ты уж проследи, чтобы ей было хорошо. И чтобы Клим не переусердствовал с шутками и розыгрышами.

— Будет сделано.

Инженер собрался было подробнее расспросить Ивана, но, умудренный недавним крахом своей неудачной любви, вдруг понял, почему так скован Иван и что все это, собственно, значит. Мысленно он вздохнул. Еще неизвестно, что из этой истории получится! И теперь, на Елшанке, и в особенности потом. Подводя итог своим размышлениям, Кронин машинально проговорил со свойственной ему флегмой:

— Поступай, как знаешь. Все равно потом пожалеешь!

— Что? — удивился Иван.

Алексей очнулся от своих мыслей и рассмеялся:

— Не обращай внимания. Это я так, мысли вслух для собственного пользования.

На том, что Лобов должен на некоторое время испариться, оставив Лену Зим в обществе Клима и Алексея, настаивал Кирсипуу и настаивал решительно.

— Мне не хочется входить в детали. — Глаза психолога смотрели на Ивана доброжелательно, но Ивану чудилась в них легкая усмешка. — Вы уж поверьте мне на слово! Сами убедитесь, что Лена легко найдет общий язык с вашими друзьями.

Лобов молчал, поэтому Кирсипуу счел нужным усилить аргументацию:

— Во всяком случае, с ними ей будет заметно проще, чем с Иваном Лобовым.

— Это почему? — импульсивно обиделся Иван.

— Да хотя бы потому, что ни Алексею, ни тем более Климу и в голову не придет обращаться с Леной, как с малознакомой дамой на торжественном приеме! Пусть они знакомятся и дружатся без прямого вашего участия.

Так будет лучше и для ваших друзей, и для Лены, и для вас. Право, вы уж поверьте мне, дипломированному психологу, на слово.

Иван ему и верил и не верил. Не хотелось ему расставаться с Леной! Не хотелось еще и потому, что уговорить ее отправиться с ним на Елшанку Ивану стоило больших трудов. Когда Иван рискнул предложить Лене вместе покинуть профилакторий, сказав в ответ на ее беспомощное «А как же я?» — «А вы — со мной», радость, мелькнувшую в ее глазах, тут же затопила волна испуга.

— Это невозможно!

— Почему? Не вечно же вам сидеть в профилактории.

Упоминание о профилактории позволило Лене тут же уцепиться за подходящий предлог.

— А что скажет доктор Кирсипуу?

— Ничего не скажет. Вернее, одобрит — вот и все.

— Вы уверены?

— Уверен. Честно говоря, я уже советовался с ним, — покаялся Иван. — Взял этот грех на свою душу!

Теперь, уже грустно, Лена повторила:

— Это невозможно!

— Да почему?

— Неловко. — Лена заглянула Ивану в глаза. — Неловко, понимаете?

— Вы же моя крестница, в конце концов!

— Правда, — с некоторым удивлением припомнила девушка и нерешительно спросила: — Куда же мы отправимся?

— Куда угодно. — И, помедлив, Лобов пояснил: — Мне ведь скоро в космос, в очередной патрульный рейд. Надо повидать Землю, потолкаться среди людей, знакомых и незнакомых, побывать в музеях-полисах и в декорумах. Составьте компанию!

Видя, что Лена колеблется, Иван уточнил:

— Можно слетать в Сан-Франциско, это рядом. Или в Ленинград, там моя родина. Можно побывать в Турции на каскадах Памукале или в Африке на водопаде Виктории. Можно заглянуть на мыс Канавералл, посидеть в кафе космонавтов. Там вы наверняка встретите кого-нибудь из старых друзей.

— Нет! — вырвалось у девушки. — Только не это!

Она задумалась, словно позабыв о существовании Лобова, потом встряхнула головой, прогоняя нечаянное раздумье, и подняла теперь уже спокойные карие глаза.

— Мне надо слетать в Месопотамию, на Двуречье. Проводите меня? — Лена слабо улыбнулась. — Одна я побаиваюсь.

— Одну вас и доктор не пустит. Со мной — другое дело. Лететь до Багдада на орбитальном корабле в общей сложности минут сорок, сущие пустяки по космическим меркам.

Он вопросительно смотрел на девушку, ожидая пояснений.

— До Багдада, — согласилась она. — Там вы и подождете меня. Я отлучусь ненадолго, на несколько часов. Хочу проститься с Виктором.

— Это дело святое, — одобрил Иван после паузы.

Он решил, что Виктор Антонов родом откуда-то из Двуречья, поэтому Лена и летит туда. Но оказалось, что дело обстоит гораздо менее прозаично — трогательно, наивно, а поэтому, может быть, и чуточку смешно. Когда Лена наводила справки в Йеллоунстонском орбитальном порту, Иван понял, что она собирается посетить развалины древнего Вавилона, и, никак не связывая это посещение с Виктором, принялся расспрашивать ее об этом историческом месте, где побывать ему не довелось. А оказалось, что все связано. На берегу ручья, что протекает через территорию древневавилонских развалин, растет огромное, очень старое тутовое дерево. Перед первым полетом в дальний космос, который завершился стажировкой на Орнитерре, Виктор и Лена посетили эти места и посидели на берегу ручья в тени этой красноягодной шелковицы. Поскольку объяснений этому поступку от Лены не последовало, Лобов позволил себе полюбопытствовать:

— Наверное, в этом посещении был не только туристический, но и какой-то другой, ну, ритуальный, что ли, смысл?

Лена на секунду подняла на него глаза.

— Был. — Поколебавшись, она пояснила: — По одному из преданий именно под этой шелковицей погибли Пирам и Тисба. Понимаете, ягоды у нее были белые, а когда они погибли, покраснели. И такими остались уже навсегда.

— К стыду своему, — признался Иван, — я и представления не имею, кто такие Пирам и Тисба.

— Герои новеллы Овидия.

— По-моему, древнегреческий поэт?

— Древнеримский. Публий Овидий Назон. Его любил Пушкин. Любил и Виктор.

— Тутовые деревья не живут по две с половиной тысячи лет, — практично заметил Лобов.

— Конечно, не живут. Но разве в этом дело? Дело в легенде.

— А в чем ее суть? — осторожно спросил Иван.

— Суть в том, что даже дерево, даже дерево, ощутило трагедию погибшей любви.

— Это мне понятно. Я спросил о Пираме и Тисбе.

Лена грустно улыбнулась, разглядывая Лобова.

— А о Ромео и Джульетте вы знаете?

— Конечно.

— Ну вот. Пирам и Тисба — это овидиевы предшественники шекспировских героев.

И поскольку, явно не удовлетворившись этим, Иван ждал подробностей, Лена рассказала ему содержание овидиевой новеллы. Пирам и Тисба жили в Вавилоне в соседних домах, которые разделяла глинобитная стена и давняя вражда родителей. Но юноша и девушка полюбили друг друга. Каждый вечер они встречались у глинобитной стены, в которой был пролом, шепотом разговаривали, а когда наступала ночь, прощались. Их тяга друг к другу была так сильна, что они решились однажды нарушить запрет родителей и встретиться ночью далеко за городом у могилы Нина, основателя Ассирийской империи и покорителя Вавилона, под старой белоягодной шелковицей, росшей на берегу ручья. Тисба пришла первой, но, испугавшись свирепой львицы, спряталась в пещере. Убегая, она уронила свое покрывало, и львица разорвала его, испачкав кровью только что убитого ею быка. Пришедший позже Пирам рассмотрел при лунном свете следы львицы, пошел по ним и с ужасом обнаружил разодранное в клочья, забрызганное кровью покрывало Тисбы. Поцеловав остатки покрывала, Пирам сказал: «Обагрись теперь и моей кровью!» — поразил себя в грудь мечом и остался лежать под шелковицей. В тумане смерти он еще успел увидеть лицо Тисбы, живой и невредимой, в ужасе склонившейся над ним. Но того, как Тисба поднялась на ноги, приставила острие меча к своему сердцу и бросилась на него, Пирам уже не видел. Влюбленных соединила не жизнь, а смерть. В одной могиле похоронили их.

Со сложным, противоречивым и переменчивым чувством разглядывал Иван погрустневшее лицо Лены. Словно некая пелена спала с его глаз. Как-то разом прозрев, он увидел в ней не женщину и даже не девушку, а де-

вочку. Конечно, Ян Кирсипуу говорил ему об этом. Но одно дело слушать слова другого и верить и не верить ему, и совсем другое вдруг самому увидеть эту девочку, еще живущую частью своей души в придуманном мире туманных грез и до конца не осознанных желаний, еще не успевшую по-настоящему шагнуть в жестковатый, но ясный в определенности своих отношений взрослый мир. Кто в детстве не мечтал о чистой и самоотверженной, вечной любви? История Виктора и Лены трогала сердце Ивана. Но так же как история Пирама и Тисбы, придуманная Овидием в укор растлению и распутству римской знати, она была придуманной, слишком театральной для действительной жизни, ненастоящей. Сердце Ивана было полно жалости, но была в этом чувстве и доля неловкости. Ему было неловко представлять себе Лену рядом с Виктором в тени старой шелковицы, растущей на берегу ручья среди развалин, покрытых пылью минувших тысячелетий. Неловко за их искренние, но наивные клятвы в вечной любви. Той самой, никем и никогда до конца не понятой любви между мужчиной и женщиной, о которой они лишь мечтали, не зная ее сути. Дети! Сущие дети, приблизившиеся к любви как к красивой, но пугающей игрушке, которую очень хочется и очень страшно взять в руки. И надо же было случиться такой нелепости, что эта больше выдуманная, чем настоящая любовь попала в чужом и чуждом земным законам синем мире в самую настоящую, а не выдуманную трагедию! Где же справедливость? Да и есть ли она вообще?

— Я думал, — негромко сказал вслух Иван, — Шекспир сам придумал историю Ромео и Джульетты. А он только повторил ее! И повторил по-своему, по-другому.

— Все повторяется по-другому! А значит, и не повторяется по-настоящему.

Помедлив, Лобов осторожно спросил, стараясь не обидеть девушку:

— Нужно ли тогда возвращаться в прошлое? Еще и еще раз терзать сердце?

Лена подняла на него карие глаза, и Иван подивился неожиданному спокойствию ее взгляда.

— Прошлое... Мне кажется, что с тех пор, как мы стояли с Виктором под старой шелковицей, прошло не полтора года, а целая жизнь. Я уже не та Лена Зим, что раньше! Иногда мне хочется сменить имя. Прошлое... оно прошло, я выросла из него, Иван. Поэтому и хочу про-

ститься с Виктором. Но это мое прошлое! Не слишком ли я легко расстаюсь с ним?

— Не надо бояться солнца, Лена.

Девушка непонимающе смотрела на Ивана.

— Солнца?

— Солнца, — подтвердил Лобов. — Я не большой любитель поэзии. Но Пушкина я люблю. Я люблю и финал его Ариона. По-моему, это по Овидию, впрочем, не уверен в этом.

С новым интересом глядя на Лобова, Лена переспросила:

— Арион? — И покачала головой. — Не помню!

Немного смущаясь, он всегда смущался, когда ему случалось декламировать стихи — непривычным для него было это занятие, Иван прочитал вполголоса:

— Погиб и кормщик, и пловец! Лишь я, таинственный певец, на берег выброшен грозою. Я гимны прежние пою и ризу влажную мою сушу на солнце под скалою. — Иван помолчал и улыбнулся девушке. — Так что не надо бояться солнца, Лена. Всем нам приходится тонуть в бурях! А потом сушиться под какой-нибудь скалою, распевая прежние гимны.

Поездка в Месопотамию по-новому сблизила Лену и Лобова, но сблизила в русле все тех же дружеских отношений, может быть, сердечных, но все-таки только дружеских. Как ни странно, дальнейшему развитию отношений мешала именно их дружественность. У настоящих людей, у порядочных, искренних в своих чувствах мужчин и женщин барьер дружбы на пути к любви часто оказывается гораздо более жестким, чем это может показаться на первый взгляд. А то и непреодолимым! Чтобы перешагнуть этот незримый барьер, нужна некая бесшабашность, толика смущающегося самим собою бесстыдства. Характеры Лобова и Лены были чужды тому и другому, поэтому их отношения, скорее всего, так и остались бы дружескими, если бы они не хитрили, хитрили довольно искусно, хотя делали это бессознательно, инстинктивно. Нимало не считая свое поведение преднамеренной хитростью. Любовь вообще хитра по своей природе и склонна к самым удивительным превращениям, из-за чего порою не сразу распознается даже теми, кто ею уже безнадежно болен. В своей неосознанной хитрости любовь может оборачиваться подчеркнутой холодностью, досадой, демонстративной вежливостью и непонятной злостью, ученическим восхищением и пылкой ненавистью. Не отда-

вая в этом отчета, хитрили между собой и Лена с Иваном, инстинктивно охраняя неторопливо расцветающую любовь: несмотря на сердечность и теплоту установившихся отношений, они так и не перешли на ты!

Когда Иван предложил Лене погостить на елшанском биваке, девушка, расспросив, что представляет собой этот бивак, просто испугалась.

— Это невозможно!

— Почему?

— Неловко, — пояснила она уже мягче. — Там все свои. И вдруг я! Неловко будет — и всем вам, и мне самой.

— Вы наша крестница, Лена, — напомнил Лобов.

— Понимаю. Но к этому надо привыкнуть.

— Вот и привыкнете.

— Пока привыкну, испорчу вам каникулы. — Она прямо взглянула на Ивана. — Я же их совсем не знаю — ни Алексея, ни Клима!

— Они мои друзья, — напомнил Лобов. — А стало быть, и ваши друзья.

Лена затрясла головой и, поправляя рассыпавшиеся волосы, призналась:

— Не знаю. Неловко все это!

— В конце концов глайдер всегда стоит на биваке. Не понравится, — по первому же слову отвезу вас куда угодно: хоть в профилакторий, хоть даже на Луну!

Лена невольно улыбнулась. Соображение, высказанное Иваном, и решило вопрос о посещении бивака на Елшанке.

Глава 8

К середине двадцать третьего века человек взял под контроль и приспособил для своих нужд большую часть планетарной суши. Неконтролируемые территории, сохранявшие первозданно естественное состояние, располагались лишь в северном и южном полярных регионах, в труднодоступных высокогорьях и в некоторых пустынях, вторичное освоение которых до поры до времени откладывалось. Контролируемая человеком суша, где на удалениях в сотни и тысячи километров друг от друга были разбросаны громады мегаполисов и массивы энергетических, сырьевых и транспортных баз, в общем и целом представляла собой гигантский лесопарк. Лесопарковый массив конечно же вторгался и внутрь мегапо-

лисов, перекраивая на свой лад пространство между высотными зданиями-гигантами. Но это вторжение носило скорее декоративный, нежели утилитарный характер, внутригородские парки были слишком малы по сравнению с населением мегаполисов. Для отдыха и садово-огородных любительских занятий предназначались садово-парковые зоны, окаймлявшие мегаполисы и по площади своей во много раз превосходившие собственно городскую территорию. Садово-парковые зоны мегаполисов постепенно переходили в лесопарковый массив с гнездами садово-огородных и полевых участков, с очагами заповедников, резерватов и планетарных парков. Резерваты по составу своей фауны и флоры были конечно же богаче лесопарка, но уступали заповедникам, занимая в этом плане срединное положение. Особенно живописные участки резерватов, в том числе и бывшие национальные парки, были превращены в парки планетарные — любимые места для праздничного отдыха и развлечений. Часть планетарных резерватов, отличавшихся разнообразием ландшафтных условий, была передана дальнему космофлоту. Отчасти для полноценных контактов с Землею-матушкой во время каникулярного отдыха, отчасти для подготовки экспедиций по исследованию и освоению других планет земного типа. В одном из таких больших космологических резерватов, Оренбуржском, тянувшемся с востока на запад, по среднему течению Урала, у торнадовцев была своя постоянная база — елшанский бивак.

Оренбуржский биологический резерват называли еще Евразийским, потому что правобережная его часть лежала в Европе, а левобережная относительно Урала — в Азии. Персональный бивак экипажа «Торнадо» располагался в азиатской зоне резервата, в излучине Елшанки — небольшой, но изобилующей глубокими заводями с холодной ключевой водой реки. Елшанка текла по степи, местами переходившей в песчаную полупустыню. Весной эта степь зеленела и буйно цвела маками и тюльпанами — белыми и всех других теплых расцветок вплоть до красного, а летнее солнце выжигало ее до серо-коричневого цвета, до островков серебристой полыни и желтых песочных проплешин. В Елшанке водились пескари, караси, лещи, судачки и щуки и на удивление крупные раки, водились не так уж обильно, но вполне достаточно, чтобы обеспечить натуральный рыбный стол. А степь, несмотря на свое летнее однообразие и неприглядность, была бо-

гата летающей и бегающей живностью, среди которой наибольшей кулинарной популярностью у торнадовцев пользовались перепела и стрепеты. Еще дальше на юг, в получасе полета на глайдере, лежали пресные и соленые озера с массой водоплавающих птиц. Клим, страстный охотник и главный поставщик степной продукции на бивачный стол, приносил порою вместе с птицами зайцев и сурков, но ни сайгаков, ни джейранов не трогал — жалел. Рыбалкой заведовал Алексей, который не то чтобы уж очень увлекался этим занятием — страсти вообще не были в его натуре, но рыбаком был искусным и добычливым. Иногда он летал на Урал и привозил оттуда стерлядей — специально для ухи, налимов, а то и страшноватых своею величиной сомов. Вдоль Урала и его правобережного притока Сакмары тянулись пойменные леса, а еще дальше по южным отрогам уральских гор росли уже леса настоящие.

Елшанский бивак, открытый и облюбованный Климом еще в студенческие годы, пришедшийся по душе Ивану, а потом и Алексею, привлекал торнадовцев тем, что степь и полупустыня соседствовали здесь со смешанным лесом и лугом среднерусского типа. Речка делала большую, узкогорлую петлю, окаймляя собой несколько сот гектаров. Внутри этой петли и размещался локальный лесной массив — большая роща, приречный колок полурукотворного происхождения; об этом торнадовцы узнали, раскопав экологическую историю Елшанки. Лес рос в этой речной петле всегда, но, будучи густым по берегам, он был сильно изрежен в своем центре — не хватало влаги. И потом лес изначально был беден древесными породами — ивы, тополя, ольха, вот, пожалуй, и все. В двадцать втором веке, по ходу преобразования лика Земли, люди подумали и о Елшанке: речная петля была дополнительно обводнена за счет обильных здесь подземных вод и засажена самыми разными деревьями, из которых лучше всего прижились дубы, липы и туи, похуже — березы, черемуха, рябина и сосны, и уж совсем редко попадались елочки. В этом полурукотворном лесу было множество птиц и среди них огромный филин — с десятилетнего ребенка ростом. Этот филин, прозванный торнадовцами лешим, ночью был невидим и неуловим, только саркастический хохот его иногда доносился до бивака, а днем время от времени попадался на глаза, совсем не боялся людей и вел себя очень достойно, не проявляя никакой агрессивности. Скорее всего, филинов в этом лесу было несколь-

ко, по крайней мере, два — самец и самка, но лешие, как известно, не живут парами, поэтому официально считалось, что на Елшанке всего лишь один лесной хозяин, а уж если он в двух лицах, так это его личное дело.

У горла речной петли, где русло Елшанки сближалось само с собой метров до двухсот, рос не очень старый, но величественный дуб, разросшийся, как и многие другие его сородичи, не столько ввысь, сколько вширь. Перед дубом расстилался заливной луг с настоящей, вовсе не степной травой, с ромашками, колокольчиками, гвоздичками и другими луговыми цветами. Конечно, этот луг был далеко не так богат цветами и травами, как его собратья на Оке, местами в него внедрялись пятна типчака и полыни, но все-таки это был самый настоящий луг, на нем росли очень ароматные и вкусные в жарке луговые опята. Возле дуба и размещался бивак торнадовцев. Этот дуб, филин-леший со щегольскими ушами и по-человечески мудрыми глазами, река, изогнувшая свое текучее тело подобно тетиве туго-туго натянутого лука, чисто русское разнолесье и разнотравье, и все это буквально в нескольких шагах от иссушенной полупустыни, начинавшейся на другом берегу реки, навевали сказочные, пушкинского настроя мысли. С легкой руки Клима елшанский бивак стали называть еще и лукоречьем. Чтобы довершить сходство этого лукоречья с пушкинским лукоморьем, тот же Клим где-то раздобыл и приделал к дубу массивную золотую цепь с пустым, увы, ошейником для отсутствующего ученого кота и выгравированной на нем надписью «Собственность экипажа «Торнадо». Цепь, целой и невредимой, висела на дубе несколько лет, наглядно демонстрируя своей сохранностью изменение отношения людей к ценностям окружающего мира. Клим утверждал, что кот возле дуба появится сам собой и сам же нацепит на себя ошейник, прежде чем заводить песни и говорить сказки. Появилась же русалка! Правда, не на ветвях дуба, а в реке — громадная щука, которая, по словам Алексея, высунув из воды голову, долго разглядывала бивак своими огромными, как чайные чашки, глазами. Инженеру не поверили и потому, что он вообще любил пошутить, и потому, что рыбаки склонны к сочинительству. Но потом эту щуку, время от времени, видели и другие торнадовцы. Наверное, она заплывала сюда из Урала по каким-то сугубо своим, щучьим делам. Конечно, глаза у нее были куда как меньше чайных чашек, но все-таки страшновато-большими — щука была в рост человека. Настоящая русалка!

На биваках, подобных елшанскому, экипажи патрульных кораблей обычно собирались перед окончанием земных каникул. Собирались для того, чтобы стряхнуть с себя пыль развлечений и бремя земных забот, восстановить растерянные за время отдыха связи, почувствовать локоть друг друга и снова слиться в то многоликое, но цельное единство, которое и представляет собой летный экипаж. Нет ничего лучше для такого вроде бы простого, но на самом-то деле тонкого процесса, чем уединение на лоне природы и примитивное бытие с заботами о топливе для костра, воде для питья и хлебе насущном через охоту, рыбную ловлю и собирательство дикорастущих даров природы. Но нет правил без исключений. Каникулы, последовавшие за рейдом на Орнитерру, у торнадовцев не только завершались, но и начинались с отдыха на Елшанке. Такова была рекомендация врачей, обеспокоенных возможными последствиями воздействия на людей геновируса колибридов и уповавших на универсальную целительность естественного, приближенного к природе и самим истокам происхождения человека житья-бытья. Приглашая на Елшанку Лену, Лобов резонно полагал, что рекомендации, данные врачами Алексею и Климу, в еще большей мере относятся и к ней самой. Что касается Алексея, то пребывание на Елшанке было для него полезным не только по медицинским соображениям. До недавнего времени Алексей был женат на Марие Розари — смуглокожей красавице, работавшей модельером-конструктором верхней одежды в Доме моделей Валдайского мегаполиса. История искренней, но бестолковой любви Алексея и Марии тянулась долгих шесть лет и закончилась в конце концов разрывом. Собственно, и в составе экипажа «Торнадо» Алексей Кронин появился не только по призванию к трудному делу патрульной работы, но и под давлением личных неурядиц в своей запутанной семейной жизни. Но и бегство в дальний космос с Центральной лунной базы, где Алексей работал настройщиком гиперсветовых двигателей, не помогло! Бестолковая любовь с разрывами и примирениями, и то, и другое провоцировала Мария, будто нечаянно встречавшаяся с Алексеем во время его каникул, продолжалась. «Моя Манон», — с грустной улыбкой называл ее иногда Алексей именем героини по-своему бессмертного романа аббата Прево.

Трагедия на Орнитерре заставила Алексея по-новому взглянуть на свою личную жизнь. Он решил окончатель-

но порвать с Марией и не встречаться более с ней. Не было на Земле места лучше Елшанки, чтобы это благое намерение окончательно созрело и укрепилось!

Глава 9

Лобов, как и обещал, вернулся на бивак к ужину, на закате солнца. Ужин, по выражению Клима, обещал быть царским. Он успел пройтись по степи с обычным охотничьим ружьем и вернулся с перепелками.

— В этом году их видимо-невидимо, — сообщил он. — Но я не стал преувеличивать наших аппетитов и взял всего четырех. По одной на брата. И на сестру, конечно, — со смехом поправился Клим. — Перепела на вертеле, царская еда!

Алексей и Лена наловили рыбы: карасей, щучек и большущего судака, прямо на лесной опушке набрали разногрибья, в основном маслят, сыроежек и дождевиков. Иван привез с собой две бутыли из грубого темно-зеленого стекла, заткнутые фигурными пробками: белой и зеленой. Белая была выточена в форме цветка, а зеленая — в виде змеиной головы с открытой пастью.

— Шампанское, — уважительно сказал Клим, принимая тяжелые, двухлитровые бутыли и передавая одну из них Кронину. — Белое, безградусное. И настоящее! Ты не боишься, командир, что с непривычки мы буянить начнем?

— Подарок космонавтов — ветеранов из Цимлянского пансионата, — пояснил Лобов. — Они не только виноград выращивают, но и бутылки сами делают. И даже пробки.

— Тогда это не шампанское, а цимлянское, — с видом знатока заметил инженер, уважительно взвешивая на руках бутыль с зеленой пробкой.

— Точно ребенка нянчишь! — при общем смехе заметил Клим.

— Это и есть ребенок, три годика, — невозмутимо ответил Кронин, проводя пальцем по надписи, глубоко прорезанной на темном стекле. — Трехлетняя выдержка! Полагаю, этого ребеночка мы прибережем, на всякий случай, не возражаете?

— А белое выпьем сегодня. — Штурман торжественно поднял воображаемый бокал. — За избавление из лап Орнитерры и встречу здесь, на Земле. За нашу дружбу!

— И за тех, кто на Орнитерре остался, — негромко добавил Иван.

— За всех, — поддержала Лена.

— А это значит, — к некоторому ее смущению счел нужным расшифровать Клим, — что и за того, кто вызволил нас с Орнитерры. Виват Ивану Лобову!

— Почему же только виват? Целых три вивата: от тебя, от меня и от Лены, — флегматично уточнил инженер и обернулся к девушке. — Ты не возражаешь, крестница?

— Не возражаю, — не сразу ответила Лена.

Она привыкла к общению с Иваном, к его доброжелательной, немногословной близости. И эта дружеская близость размыла в ее памяти то, что сделал Иван Лобов на Орнитерре. И пожалуй, только сейчас она со всей определенностью поняла, что не будь на свете Лобова, не видать бы ей теперь ни уставшего, расплывшегося под собственной тяжестью солнца на горизонте, ни золотистой речки, ни самого Ивана с его друзьями. Ничего бы этого не было! Не было бы и ее самой, как нет теперь на свете Виктора Антонова.

— Целых три вивата! — усомнился между тем штурман. — Не много ли?

— По-моему, в самый раз. — Алексей обернулся к девушке. — Как по-твоему?

Лена отвела взгляд от Ивана, он садился в это время в кабину глайдера, чтобы набрать задание для его автопилотного возвращения на базу южно-уральской резервации, подняла глаза на инженера, пытаясь осмыслить его вопрос, но так и не сумев сделать это, спросила с виноватой улыбкой:

— Что?

Кронин с улыбкой махнул рукой.

— Сущие пустяки! Суета сует, Леночка. — Он чуть приобнял ее за плечи. — Не будем мешать командиру. Вперед, к месту пиршества!

Ужин и впрямь получился царским, но прошел несколько скованно и с приключениями. Скованность исходила от Лены: она заново застеснялась Ивана Лобова. Иван конечно же тотчас подметил это, а поэтому был молчаливее, а по отношению к Лене и церемоннее обычного. Алексей, прекрасно понимая суть происходящего, терпел все это и с присущим ему флегматичным юмором незаметно смягчал время от времени возникавшую неловкость. Клим же до поры ничего не замечал, не замечал даже того, что Иван и Лена обращаются друг к другу на

вы. А когда, наконец, заметил и, с удивлением понаблюдав за ними, понял, что не ошибается, то возгласил:

— Послушайте, вы же не высокие договаривающиеся стороны на симпозиуме по внеземным контактам!

— Им так нравится, — поспешно вмешался Кронин.

Клим мельком взглянул на инженера, а потом уже более внимательно посмотрел сначала на Лену, потом на Ивана.

— Вам действительно так нравится?

Кронин сделал неловкое движение, выронил бокал, и белое шампанское, которое позже причислили к лику росников, с шипением залило брюки штурмана. Поднимая бокал и рассыпая сожаления по поводу своей неловкости, Алексей взглядом показал Климу, что им нужно поговорить с глазу на глаз. Подыгрывая ему, Клим сказал:

— Так и быть, чтобы не портить царский ужин, прощаю тебя. Пойдем, посветишь мне, пока я буду менять костюм. В моей палатке освещение барахлит.

Когда они остались наедине, Клим положил руку на плечо инженера.

— Ну?

— Разве ты не видишь, что они влюблены?

— Они?!

— Они, — флегматично подтвердил Алексей.

— Сразу видно, что ты ни черта не понимаешь в любви! Да разве так ведут себя влюбленные?

— Люди бывают очень разные, Клим, — терпеливо втолковывал Кронин. — И любовь бывает разная.

— Но я знаю Ивана! И ты его знаешь. Он бы просто сказал этой девочке: я вас люблю. И все! Разве не так?

Алексей вздохнул:

— Ты ведь, кажется, пришел сюда, чтобы сменить штаны. Так и меняй их между делом!

Клим включил в палатке свет, Алексей торопливо прошипел:

— А свет у тебя — барахлит!

Клим тут же выключил свет и громко констатировал:

— Вот опять! Что я говорил? Зажигается — и тут же гаснет!

— Я завтра посмотрю, — так же громко пообещал Алексей.

— Ты уж посмотри, непорядок! Фонарик у тебя есть? Посвети!

Пока штурман переодевался, их приглушенный до шепота диалог возобновился.

— Ты серьезно?

— Этим не шутят, — вздохнул Кронин.

— Не похоже!

— Ты взгляни на ситуацию с другой стороны. — Алексей был само терпение. — Подумай, почему вдруг, не посоветовавшись с нами, Иван привез Лену на бивак?

— Ну? Будь он влюблен, как тебе чудится, он бы десять раз посоветовался с нами! А так... Взял и привез! Пожалел девочку и принял такое решение. Знаешь ведь Ивана!

Алексей вздохнул:

— Я-то знаю.

— Хочешь сказать, что я не знаю?

— Знаешь. Но ты по натуре петух, тебе трудно понять его.

Клим даже одеваться перестал.

— Петух? — раздельно переспросил он.

— Извини, это всего лишь образное сравнение.

— Если я петух, кто же тогда ты?

— Я олень, Клим, — грустно сказал Кронин. — Одинокий олень с большими ветвистыми рогами!

Клим положил ему руку на плечо и покорно сказал:

— Ладно, я петух. Что дальше?

— Дальше все очень просто. Ты петух, я олень, а Иван и Лена — это лебеди, понимаешь? Воплощение верности в мире быстротекущих любовных страстей.

— Все это сказки! Образец верности — вовсе не белоснежные красавцы, а гуси, обыкновенные серые гуси. Неужели ты не слышал об этом?

— Глубоких истин нам дороже нас возвышающий обман, — философски заметил Алексей.

— Ох, не всегда!

— Не всегда, — легко согласился инженер. — Я убедился в этом на собственном опыте. Вернемся к нашим баранам, виноват, к гусям. Итак, Иван и Лена, если следовать глубоким истинам, — это гуси. Иван — гусак, а Лена, соответственно, — гусыня.

Клим подавился смехом, инженер толкнул его в бок кулаком, дабы он вел себя потише.

— Ты меня не убедил, — сказал Клим, задергивая вход в палатку. — Но задуматься заставил! — Он приобнял товарища за плечи. — Но если ты прав, надо помочь им сдвинуться с мертвой точки!

— Не надо, — после паузы ответил Алексей, уже на пути к костру. — Настоящая любовь должна созреть. Что

толку срывать красивый, но еще незрелый плод? Я обжегся как раз на этом и до сих пор морщусь от кислого.

— Как же узнать, что любовь созрела?

— Никак. Она сама упадет к ногам жаждущих ее, источая благоуханье и истекая хмельным соком. — Кронин, конечно, паясничал в своей обманчивой, флегматичной манере, но глаза его смотрели серьезно.

Из того, что Клим задумался над взаимоотношениями Ивана Лобова и Лены Зим, ничего особенно хорошего, как на то надеялся Кронин, не получилось. Если прежде штурман был естественен в своем шутливо-приподнятом настроении, то теперь и он начал следить за тем, как бы не сказать невзначай чего лишнего, и веселье у костра окончательно потускнело. Царский ужин в праздник так и не превратился. Может быть, поэтому и спать легли пораньше, уговорившись поутру отправиться за грибами.

Выкупавшись в заводи при зеленоватом свете зари еще до восхода солнца, — вода поверху была теплой, но стоило нырнуть поглубже, как она ощутимо холодела, — наскоро закусив и выпив по кружке чая, отправились в лукоречье. Грибы в лукоречье водились, хотя не так обильно, как в более северных лесах. Главное внимание кулинар бивака Алексей Кронин приказал уделить поиску рыжиков, которые понадобились ему для какого-то фирменного блюда, что еще больше осложняло грибную охоту. Шли широкой цепью: слева по течению реки Лена, рядом, стараясь не упускать ее из виду, Иван, а справа от него Алексей и Клим, осуществлявшие, по выражению штурмана, свободный поиск.

В лесу было не так сухо, как в заречной степи, но и настоящей росы не было: лишь чуть повлажнели за ночь трава и уже начавшие осыпаться листья. По вершинам деревьев уже вовсю гуляло золотое утреннее солнце, там суетились и шумели птицы, а у земли лес еще дремал: тут царили голубой свет, тишина и покой. Лишь на поляны прорывалось солнце: косыми лучами и целыми потоками, в которых вспыхивали, будто на мгновение загорались, пролетающие птицы.

Синяя в этот ранний час речка то появлялась в поле зрения Лены вместе с ленивыми, синекрылыми стрекозами над водой, то пряталась за неровным, изрезанным нахоженными тропами массивом кустарника, из которого, точно свечи, там и сям поднимались молодые деревья, а местами и раскидистые лесные патриархи — все

больше ивы и тополя, но иногда и дубы. Рыжики Лене не попадались, они жались к соснам, которые росли в глубине леса, но под дубками она нашла несколько белых грибов, по сравнению с настоящими боровиками их портили бледные, точно выцветшие шляпки. Подгоняемая грибным азартом, Лена свернула на поляну, где, окунувшись вершиной в солнечный луч, сиротливо пригрелась береза. Услышав слева шевеление, Лена обернулась и замерла. На нее строго смотрели круглые зеленые, почти человеческие, но все-таки звериные, а поэтому своею человечностью особенно страшные глаза! Качнулось пестрое лицо с крючком-носом, шевельнулись кисточки ушей... Почти бесшумно, с бархатным вздохом вскинулись гигантские крылья.

— Иван! — С захолонувшим сердцем, прикрыв локтем лицо и царапая о ветки руки, Лена пробилась сквозь чащу кустарника и повисла на шее Лобова. — Там!

— Успокойся, — негромко сказал Иван, приглаживая ее спутанные волосы; он успел заметить пеструю тень и догадался в чем дело. — Это филин, только и всего.

Лена, не отрывая лица от груди Ивана, затрясла головой:

— Нет! Он очень большой. И страшный!

— Это филин, — повторил Лобов. — Большущий филин, с пигмея ростом! Мы зовем его лешим. Не бойся!

— Филин?

Лена приподняла голову и недоверчиво взглянула на Ивана. Он первый раз видел так близко ее еще испуганные, но уже робко улыбающиеся глаза.

На опушку леса выскочил Кронин, бежавший на отчаянный крик девушки. Разом остановившись, Алексей помедлил и тихонько пошел обратно. Он жестом успокоил показавшегося из-за деревьев Клима. Штурман с любопытством разглядывал грустное, чему-то улыбающееся лицо Алексея, шедшего ему навстречу. Отвечая на немой вопрос товарища, Кронин вполголоса сказал:

— Они перешли на ты.

Клим засмеялся:

— Да, на вы так отчаянно не закричишь!

— Ее напугал леший, — пояснил инженер и вздохнул. — Наш старый знакомый, леший!

— Любовь редко обходится без нечистой силы. — Штурман шутливо толкнул Алексея в плечо. — Гляди веселее, товарищ. И зорче! Если, конечно, тебе и в самом деле нужны рыжики. На влюбленных надежда плохая.

В этот вечер Клим долго не мог уснуть. Может быть, дело было в том, что все горел и горел костер, хотя его, вообще говоря, следовало бы давным-давно загасить. Но у костра, — Клим узнал об этом, на секунду выглянув из-за полога, закрывавшего вход в палатку, — сидели Иван и Лена. Точнее, когда Клим выглянул, у костра сидела одна Лена. И слышался тупой, с металлическим призвоном стук топорика: Иван рубил сушняк для костра из того штабелька, что был заранее заготовлен, но еще не порублен на дубовой колоде до нужной кондиции. Никто ведь не думал, что костер будет гореть до полуночи, а когда Клим высунул из палатки нос, по времени уже начались следующие сутки. Костер горел жарко, дров для него требовалось много, поэтому понятно было, почему Иван так долго тюкал своим топориком.

К вечеру похолодало, — из Арктики обрушилась на евразийский континент и докатилась сюда, до Оренбуржского планетарного резервата и до Елшанки, волна чистого, как родниковая вода, настоянного на снеге воздуха. Вечернее солнце было ясно-золотым, любовно начищенным до своего полного, истинно солнечного блеска. Четко обозначилась линия горизонта, степные дали прописались со всеми своими неброскими деталями, заря была короткой, полной льдистой зелени и сини. Высоко поднялся купол неба с разгорающимся серебром звезд, — обитаемый мир точно вздохнул полной грудью, расширился, да так и застыл в этой звонкой, чуткой ко всему происходящему предночной дреме. А теперь царила ночь, это мир крепко спал, изредка поеживаясь и своими вздохами тревожа жесткую листву дуба и перепелов, которые металлическим звоном своих голосов еще и еще раз напоминали всем, что давным-давно спать пора. Умиротворенно дышал костер, звонко похрустывая без разбора пожираемой древесной пищей, и упрямо тянул к небу языки пламени и шлейф дыма с багрово-золотистыми искрами, — все пытался и никак не мог забросить их к самым звездам. А звезды этой холодной и ясной августовской ночью сверкали на черном с просинью бархате небес так ярко, что неровный свет костра был не в состоянии их притушить. Видимый земной мир сузился до костра и тускло-багрового света вокруг него, до кожаной листвы дуба вверху и травы с опавшими листьями и желудями внизу. Лена сидела возле костра, подтянув к груди охваченные руками плотно сжатые колени и положив на них голову, и, глядя на огонь, думала о чем-

то своем. Кого-то Лена напомнила Климу. Кого-то близкого, понятного, знакомого с самого раннего детства, но кого? Клим так и не мог догадаться. И эта блуждающая на самой грани разрешимости, но никак не разрешающаяся воспоминанием догадка, так же как свет костра и тюканье топорика, мешала штурману окончательно утонуть в дреме и заснуть. Когда тюканье топорика прекратилось, Клим не удержался и снова выглянул из палатки. Из багрового полумрака выплыла фигура Ивана с охапкой полешков и хвороста. Аккуратно опустив свою ношу на землю, Иван присел на корточки и подбросил свежей пищи ненасытному огненному хищнику. Костер забеспокоился, было присмирел, но потом, сердито пыхнув снопом дымных искр, снова потянул к небу свои пляшущие в нетерпении, длинные огненные пальцы, опять пытаясь добраться до самых звезд. А звезды, как ни в чем не бывало, нежились в бархате небес и мерцали так сильно, смеялись, наверное, над усилиями обжоры-костра, что Клим забеспокоился, — как бы они не сорвались и не попадали на землю. Иван сел рядом с Леной и осторожно обнял ее за плечи. Только теперь Лена изменила позу, подняла голову и спросила о чем-то Ивана. Иван ответил, и Лена засмеялась, все еще продолжая глядеть на него. Иван улыбнулся и плотнее, но очень бережно, это сразу было видно, сжал ее плечи. Улыбнулся и Клим. Теперь, когда Лена изменила позу, он вдруг понял, кого она напоминала ему раньше. Васнецовскую Аленушку! Странно успокоенный этой догадкой, Клим сразу же начал засыпать. И уже барахтаясь в баюкающих круговертях одолевающего сна, продолжал с улыбкой додумывать пойманную мысль. Аленушка и ее бедный братец Иванушка! Только совсем не бедный, совсем не братец и вовсе не Иванушка, а просто Иван. Иван Лобов, со своей Аленушкой, с Леной Зим, найденной им там — среди звезд, на удалении в десятки световых лет от Земли — и сидящей теперь рядом с ним у костра на берегу очень русской и чем-то сказочной реки — Елшанки.

Часть третья

Глава 10

Снегин, да и весь дальний космофлот пережили томительные недели ожидания, пока «Магистраль», следуя на максимальной гиперсветовой скорости, сближался с потерпевшей катастрофу «Денеболой». Ну, а что пережил за это время Иван Лобов, Всеволоду даже и думать не хотелось. Все равно ведь ничем не поможешь! Так как черный ящик «Денеболы» передал кодовый сигнал о вводе программы «Голубой сон», надежд на спасение ее экипажа практически не было. И все-таки!

Программа «Голубой сон» была принята в дальнем космофлоте как чисто условная мера спасения экипажей, попавших в очевидно безвыходное положение, когда медицинская наука пришла к выводу, что в течение ближайших десятилетий проблемы глубокого анабиоза и последующей реанимации будут скоро решены. Проще говоря, ожидалось, что здорового человека, подвергнутого охлаждению до температуры, близкой к абсолютному нулю, можно будет оживить и вернуть к полноценной психической жизни. Оговорка о психической полноценности реанабиотированных в этом медицинском прогнозе была очень важной. Мозг, а точнее кора его больших полушарий, неопаллиум — наиболее тонко организованная и уязвимая часть человеческого организма. Собственно, проблема глубокого анабиоза с последующим оживлением на уровне примитивных позвоночных, рыб и амфибий, была решена еще в двадцать первом веке. Двадцать второй век принес успехи по реанимации пресмыкающихся, простейших млекопитающих и некоторых птиц. Но на уровне высших млекопитающих медицина натолкнулась на специфические трудности, связанные с утратой оживленными животными высших психических функций.

Далее всего опыты по реанабиозу были продвинуты на собаках. Оживлять собак после глубокого анабиоза научились со стопроцентным успехом. Но пробуждавшиеся собаки становились не хорошо известными всем и каждому, по-своему умными друзьями человека, а собаками-придурками с психическим уровнем то ли барана, то ли овцы. Эти собакоподобные твари были либо остервенелыми хищниками, либо добрейшими существами, способными лишь раболепствовать перед человеком и пугаться его малейшего недовольства. Ни те, ни другие совершенно не поддавались дрессировке! Лишь в начале XXIII века был получен первый обнадеживающий результат: пробудившийся от ледяного сна пес узнал своего хозяина. Именно тогда и была принята программа «Голубой сон», а гиперсветовые корабли были оборудованы соответствующей аварийной аппаратурой. Решение на участие в программе «Голубой сон» принималось добровольно: каждый член экипажа был волен отказаться от программы и принять естественную смерть. За тех, кто находился без сознания или не мог здраво контролировать свои действия, решение принимал командир корабля. При введении «Голубого сна» экипаж погружался в наркоз непосредственно на рабочих местах. А затем вместе с боевым креслом опускался в термостатическую камеру, где и погружался в глубокий анабиоз. Программа получила свое «голубое» наименование из-за того, что наркоз, предшествовавший анабиозу, благодаря специальному подбору нейролептиков сопровождался лиричными, добрыми снами. По свидетельству добровольцев, испытавших на себе наркоз «Голубого сна», без последующего анабиоза, разумеется, свидетельству шутливому, после таких дивных сновидений не только не страшно помирать, но и жить-то прежней жизнью не очень хочется!

Параллельно с оборудованием гиперсветовых кораблей аппаратурой «Голубого сна» на юге обратной стороны Луны в кратере Апполон был выстроен «Голубой колумбарий», где в термостатах при температуре, близкой к абсолютному нулю, спали ледяным сном анабиотированные в ходе корабельных катастроф и ждущие своего воскрешения космонавты.

К сожалению, наука поторопилась с оптимистическими прогнозами. Даже на собаках разработанный комплекс «Голубого сна» не всегда давал полноценные результаты. Переходить в такой ситуации к пробному реанимированию космонавтов, спящих голубым сном в своем лунном

колумбарии, было конечно же недопустимо — кощунственно! Был в реанабиозе некий секрет, природная тайна, никак не дававшаяся в руки некроторной и восстановительной медицине. Приходилось искать и надеяться, и ждать.

Состыковавшись с аварийной «Денеболой», «Магистраль» подтвердил сообщение бортового черного ящика. Отсеки жизнеобеспечения рейдера оказались разрушенными, по этой причине и была введена в действие программа «Голубой сон». Введена тотально: в жилых отсеках не осталось ни одного человека — ни живого, ни мертвого. Но когда началась эвакуация анабиотированных на «Магистраль», выяснилось, что их не шестнадцать, как значилось в судовой роли, а всего четырнадцать! Двух членов экипажа не оказалось вообще на борту корабля. Тайна исчезновения двух человек открылась, когда один из патрулей, инженер Джеймс Бартон, с помощью лучевого резака проложил себе дорогу в бортовой эллинг «Денеболы». И обнаружил, что один из двух малых исследовательских кораблей отсутствует. Выяснилось, что вместе с малым кораблем, шлюпом, пропали специалист по проходу подпространственных каналов лоцман Мир Сладки и бортовой врач рейдера Лена Зим. Ни в самом пространстве, ни в подпространственном канале никаких следов малого исследовательского корабля обнаружено не было. Очевидно, гравитационный удар кумулировался фронтом своей волны на шлюпе и раздавил его, растер в молекулярную пыль. О том, что в момент гравитационного удара шлюп с лоцманом Сладки и врачом Зим выполнял самостоятельное поисковое задание, свидетельствовали данные черного ящика рейдера. Поэтому сомнений в том, что Мир Сладки и Лена Зим погибли — пропали без вести, сомнений не было ни у кого, в том числе и у командующего дальним космофлотом Всеволода Снегина. Без вести люди пропадали и на Земле. Что уж говорить о космосе! Был человек — и нет его. Совсем нет — ни праха, ни могилы!

Всеволод хорошо знал историю любви Ивана и Лены, это позволяло ему видеть и в их поздних, уже супружеских отношениях то, чего не видели другие, более далекие от них люди. И в двадцать третьем веке, в эпоху галактической экспансии земной цивилизации, настоящая любовь встречалась не часто. Непросто найти настоящую любовь! Надо заметить ее ломкие ростки и сберечь их — расцветут они сами, всякий раз по-своему, неповторимо.

Надо любить не саму любовь, а то высокое, истинно человеческое, что стоит за ней. Всеволод ясно понимал все это еще и потому, что так и не сумел воплотить в жизнь эти очевидные его холодноватому разуму истины.

В космофлоте и его земных «окрестностях» Лобовых немного шутливо, немного завистливо называли примерными супругами. И очень редко — влюбленными! Считали, что их связывает не столько сама любовь с ее взлетами и падениями, изменами и раскаяниями, ссорами и примирениями, сколько дружба, похожая на ту, что связывает юношей и девушек в пору ранней молодости. Искушенные в коллизиях любви знатоки обоего пола поначалу предсказывали, что кто-нибудь из этой пары, может быть, Лена, может быть, Иван, — это дело случая, рано или поздно влюбится по-настоящему. Влюбится, потеряет, что называется, голову, и тогда вся эта супружеская идиллия, как это несчетное число раз уже случалось в истории рода человеческого, рухнет, истекая страстями хмеля и горечи. К числу такого рода искушенных скептиков относился поначалу и сам Всеволод Снегин. Хорошо зная Ивана, в его мужской верности Всеволод, вообще-то говоря, был уверен, а что касается Лены, то вот здесь-то его и одолевали сомнения, — Лену он знал хуже. К тому же собственный опыт нашептывал ему, что сердце любой, увы, красавицы склонно к измене и к перемене. Всеволод все пытался представить себе, как поведет себя Иван Лобов, если с Леной случится такая беда, — и не мог. Не мог, как ни изощрял свое воображение! А поэтому тревожился и за Лобова, и за весь экипаж «Торнадо», с известной иронией отмечая про себя, что тревожится он не только как их друг и товарищ, но и как администратор, озабоченный кадровыми проблемами дальнего космофлота.

Шли годы, прошло целое десятилетие, потянулось второе, а громы и молнии любовных страстей и неурядиц по-прежнему почтительно обходили Лобовых стороной. Искушенные в коллизиях и тонкостях любви скептики примолкли. Если они и говорили, то теперь уже о том, что нет правил без исключений, а любовь мужчины и женщины — это как раз та самая область человеческих отношений, где правило запросто становилось исключением, а исключение — правилом. А тревога за Лобовых у Всеволода, это ему и самому было любопытно, тревога полудружеская, полуадминистративная, — не проходила. На собственной шкуре он не раз испытал, какой капризной

и коварной в своем непостоянстве может быть, казалось бы, самая верная и беззаветная любовь, с какой пугающей легкостью она рассыпается порой от лукавого взгляда со стороны или многообещающей улыбки. Теперь, чувствуя себя в душе куда опытнее и старше супружеской пары Лобовых, Всеволод беспокоился не только за Ивана, но и за Лену. Лобов стал знаменитостью, был у всех на виду. Лена же скромно держалась в тени его славы. И хотя Иван, казалось бы, вовсе не замечал этой славы, Снегину становилось не по себе, когда он пытался представить себе положение Лены, если ее немногословный супруг вдруг захмелеет от страсти, оправдывая грустную пословицу: седина — в бороду, бес — в ребро. В конце концов Всеволод решил легонько коснуться этих вечных проблем в разговоре с Алексеем Кролиным, рассудительности которого он доверял и который конечно же лучше его самого знал глубины отношений Ивана и Лены. Алексей, по-своему обычаю, сначала отшутился и, посмеиваясь, перевел разговор в русло взаимоисключающих друг друга исторических примеров. Но когда Снегин этого легкого тона не принял, посерьезнел и сказал, что если уж говорить начистоту, то и его порою беспокоят супруги Лобовы. Но вовсе не из-за капризов и прихотей ее благородия любви! От ее вмешательства со стороны у Лобовых есть двусторонняя гарантия. «Как-то, размышляя о том, чего бы можно пожелать этой влюбленной паре, — без обычного юмора, хмуро сказал Кронин, — я вдруг испугался. Испугался потому, что ничего лучшего, кроме апофеоза некоторых арабских сказок, так и не придумал. Помнишь? Они жили счастливо и умерли в один день! Мне стало страшно, когда я представил, что будет с Леной, если случай, а в дальнем космофлоте от него никто не гарантирован, сожрет жизнь Ивана. И что будет с Иваном, если такое случится с Леной!»

И вот такое случилось! Случилось в самом подлом варианте, не оставив ни на Земле, ни в космосе даже могилы Лены Зим. Когда Всеволод по своим служебным каналам узнал об активном интересе экипажа «Торнадо» и самого Лобова к Даль-Гею, то сначала он просто обрадовался и облегченно вздохнул. А вот потом, уже задним числом немножко, сердцем своим, огорчился, хотя и понимал разумом, что это глупое, сентиментальное огорчение. Обрадовался он тому, как быстро Лобов оправился от обрушившегося на него несчастья и без промедления, вместе с Климом и Алексеем, подключился к изучению

ситуации в Даль-Гее и тренировкам в различных видах боевых искусств. Огорчился он по той же самой причине! Огорчился тому, как быстро Иван сумел забыть о Лене и войти в целенаправленное русло оперативной подготовки. Всеволод отлично понимал, что такой волевой командир, как Иван Лобов, просто не мог позволить себе раскиснуть, предаваться отчаянию и лить пустые слезы. Только дело, рискованное, отчаянное в перспективе дело, можно было противопоставить личному горю! Столкнувшись с бедой, Иван нашел единственное разумное решение, можно было только позавидовать его самообладанию, умению во имя дела стряхнуть с себя все личное — радость или горе, несущественно. И все-таки, каким-то краешком своего сердца, Снегин огорчился! Конечно, если бы Иван, получив известие о гибели Лены, забросил все дела, покинул друзей и, предавшись отчаянию, забился в какой-нибудь глухой заповедник, Всеволод не вздохнул бы с облегчением. Напротив, расстроился и сделал бы все возможное, чтобы вывести Ивана из депрессии и приохотить к делу. Непременно расстроился! Но не огорчился сердцем, как это случилось теперь. Не думая об этом сознательно, Всеволод, оказывается, все-таки считал, что любовь Ивана к Лене Зим заслуживает большего, чем простое горе, умело сокрытое в недрах профессионального самообладания. Понимая разумом, что это глупо, Всеволод, тем не менее, никак не мог отделаться от мысли, нет-нет да и приходившей ему в голову, мысли о том, что Иван, пусть сам того не понимая, пусть самую чуточку, но все-таки изменил своей любви. Нарушил верность Лене! Собственно, именно поэтому, а не по какой-то другой причине, Снегин растерялся, когда Иван спокойно сказал, что не собирается лететь на Далию вместе с Климом и Алексеем и что у него есть какие-то другие, свои дела. Снегин и удивился, потому что никогда не представлял себе даже в мыслях экипаж «Торнадо» разрозненным, и обрадовался. Обрадовался разумом, а сердцем, точно так же, как в свое время, огорчился. И понял, что Иван на что-то еще надеется. Что-то придумал!

— Иван! — окликнул Снегин задумавшегося товарища.

Лобов не сразу сбросил свое тяжелое раздумье.

— Да?

— Поговорим откровенно. Ты на что-то надеешься? Прости, я говорю о Лене.

— Конечно. Иначе бы я не сидел здесь, рядом с тобой.

Взгляд Ивана был спокоен и упрям, лишь в самой глубине его читалось уже отстоявшееся, злое горе. Что-то Иван придумал!

— Ты надеешься, но на что? — вслух спросил Всеволод.

— На то, что Лена жива.

Снегин не сдержал удивленного движения, помолчал, обдумывая услышанное, и довольно сухо спросил:

— Стоит ли строить несбыточные надежды? По-моему, ты выше этого.

— Это маленькая надежда. Очень маленькая, Всеволод! Но вполне реальная. Я не только вычислил ее, но и проиграл на тренажере.

Присматриваясь к Лобову, Снегин покачал головой:

— Побей меня Бог, если я догадываюсь, что ты имеешь в виду.

— Эффект серфинга, — коротко пояснил Иван.

Снегин сразу понял, что он имеет в виду, восхитившись его идеей, и тут же усомнившись в ее практической ценности. Гравитационные волны, образующиеся при вспышках новых и сверхновых звезд и некоторых галактических процессах, распространяются в подпространственных каналах, как в волноводах, с умопомрачительной быстротой, пропорциональной кубу скорости света. Собственно говоря, подпространственные каналы представляют собой своеобразные локальные трещины в обычном пространстве, образованные ударами гравитационных сил. Каждый такой канал — это как бы застывший, окаменевший до следующего гравитоудара след слабо ветвящейся молнии, рассекающий тело трехмерного пространства в четвертом измерении. Подпространственные каналы с одной стороны поглощают энергию гравитационных взрывов, демпфируя их воздействие на трехмерный мир, а с другой стороны меняют свою конфигурацию под действием бегущего с колоссальной скоростью гравитоудара, схлопывая некоторые старые свои ветви и образуя новые. В результате такого схлопывания «Денебола» и потерпела катастрофу. Что касается шлюпа, на котором находились лоцман Сладки и Лена, то специалисты считали, что он попал под прямой удар фронта гравитационной волны, которая смяла, разжевала его в молекулярную пыль и унесла за десятки световых лет от места катастрофы. Теоретические расчеты показывали, однако, что такой исход не фатален. Если корабль имеет попутный гиперсветовой ход и если фронт догоняю-

щей его гравитационной волны ложится на него под углом, то он может оседлать ее гребень и помчаться далее вместе с ним, подобно тому, как доска опытного серфингиста скользит вместе с гребнем океанской волны в полосе прибоя. И когда постепенно теряющая энергию и скорость гравитационная волна наконец рассыплется, серфингирующий корабль съезжает с нее на песок обычного пространства — выходит на свой ход, в мгновенье ока оказавшись на расстоянии в десятки световых лет от места гравитационного удара. И чем сильнее этот удар, ломающий гиперсветовые корабли и самое пространство своим фронтом, тем дальше он может забросить на гребне своей волны умело серфингирующий корабль.

— К сожалению, это всего лишь теоретические расчеты, — не столько сказал, обращаясь к Ивану, сколько просто подумал вслух Снегин.

— Не только расчеты, — возразил Лобов.

Снегин перевел на него взгляд.

— Верно. Но практика сохраняла не самые корабли, а лишь их обломки.

— Эти обломки и позволили обосновать эффект серфинга!

— Обломки, — вздохнул Снегин.

— Обломки возникали потому, что удержаться на гребне гравитационной волны трудно. — Лобов был сдержанно-терпелив в своей аргументации, и эта спокойная уверенность убеждала лучше всяких эмоций. — Во-первых, надо не растеряться в момент первого контакта с гравитационной волной, когда эффект серфинга возникает сам собой. Во-вторых, надо большое искусство, чтобы удержаться на гребне гравитационной волны и глиссировать по ее все время падающему фронту. Для этого нужно быть пилотом высокого класса.

— Ты бы удержался?

— А я удержался. Группа специалистов под руководством самого Ли Чена моделировала на тренажной аппаратуре гравитационные удары разной мощности — от самых слабых до предельно сильных. А я ловил контакт и пытался серфингировать. В благоприятных ходовых условиях, когда волна падала под углами от тридцати до шестидесяти градусов с любого борта, — неизменно удачно. Проще всего оказалось серфингировать на гравитационных волнах средней мощности, не особенно сильных и не особенно слабых. А ведь именно такая волна и обрушилась на «Денеболу» и ее шлюп!

— Ты бы удержался, — в раздумье повторил Снегин. — А Сладки, он бы удержался?

— Мир Сладки — лоцман.

— Ну и что?

— Он неважный командир и руководитель, — нехотя пояснил Иван, не любивший давать характеристики товарищам по профессии. — Но пилот он милостью Божьей! Поэтому и стал лоцманом. Убежден, возникни в момент гравитоудара эффект серфинга, Сладки инстинктивно держал бы его штурвалом до конца.

— Знать бы, до какого конца, — пробормотал Всеволод.

Лобов, следивший за его реакцией, сцепил пальцы рук и сказал, не скрыв огорчения:

— Надеялся, что ты меня поддержишь.

Снегин непонимающе взглянул на него.

— Конечно поддержу. — Он провел рукой по лицу, его синие глаза стали еще синее, четко очерченные губы тронула улыбка. — Конечно, все задуманное тобой — авантюра с шансами на успех один из тысячи. Но это святая авантюра, черт побери! Авантюра во имя дружбы, любви и верности, что может быть прекраснее? Да честно говоря, я бы, наверное, разочаровался в тебе, старый товарищ, если бы тебя не осенила какая-нибудь сумасшедшая идея вроде серфинга! Я тебя поддержу руками, ногами и зубами, если это потребуется. Но для поддержки мне нужны не мечты, а реальности, понимаешь? Поэтому ты должен ответить на все мои вопросы и говорить мне правду, всю правду и ничего кроме правды!

— Спрашивай.

— Итак, ты надеешься, что Лена жива, и собираешься отправиться на ее поиски?

— Не только ее. Мира Сладки тоже.

— Это само собой разумеется. Хотя думаю, если бы на борту шлюпа был один Сладки, ты бы вряд ли затеял эту операцию, — рассеянно заметил Снегин. — Но если Лена и Мир живы, почему они до сих пор не вышли на связь?

— Потому что гравитационная волна забросила шлюп слишком далеко, не хватает дальности его бортовой связи.

— Но жизненные запасы на шлюпе ограничены!

— Верно, — согласился Лобов. — По норме месячный срок. Но я рассчитываю на то, что шлюп выбросило к Уикте — одинокой звезде. Среди ее тринадцати планет

есть одна, которая, как и сама звезда-солнце, называется Уиктой, с кислородной атмосферой и жизнью земного типа. Если Лена и Мир живы, а я верю в это, их надо искать на Уикте!

Глава 11

Звездный путь развития, путь галактической экспансии земной цивилизации — трудный, опасный, но вместе с тем и самый перспективный, самый увлекательный путь человечества в будущее. Планет, пригодных для естественного обитания человека, чрезвычайно мало даже в галактических масштабах. В поисках таких планет звездное население Галактики приходилось буквально просеивать на весах комплексного анализа. Полушутливо-полусерьезно характеризуя радости и горести открытий планет земного типа, Всеволод Снегин как-то процитировал начало известной басни: «Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно». Далеко не всякая планета земного типа оказывалась пригодной для естественного обитания человека. Для инозвездной колонизации была нужна не просто планета земного типа. Нужна была вторая Земля! Ее родная, в крайнем случае, двоюродная сестра. Таких планет в двадцать третьем веке были открыты считанные единицы. И каждое такое открытие становилось эпохальным событием, исторически сравнимым разве что с открытием Америки в средневековые времена.

Одной из таких редчайших планетарных жемчужин, найденных в многомиллиардной куче «пустого» с позиций земного освоения звездного населения, была Уикта. Она оказалась планетой уникальной не только в силу своего близкого сходства с Землей, но по своему расположению в космосе и характеру открытия ее человечеством.

Звезда Уикта расположена в свободном космосе на удалении почти в тридцать тысяч световых лет от внешнего края Галактики — спиральной ветви Персея, и вдвое дальше, на шестьдесят тысяч световых лет, от Солнца. Когда Уиктой стали называть не только звезду, но вторую по счету земноподобную планету, обращающуюся вокруг нее, то сама звезда по особенности своего расположения в космосе получила и второе имя — Одинокая Звезда.

Солнечная система, вместе с прародиной человечества — Землею, располагается между двумя главными спи-

ральными ветвями Галактики: между еще туго закрученной здесь ветвью Стрельца и уже развернутой ветвью Персея, в рукаве Ориона. Еще в двадцать втором веке было высказано предположение, что рукав Ориона остался именно рукавом, — зачатком спиральной структуры, потому что здесь проходит крупный подпространственный канал, через который из Галактики произошел выброс вещества, рассеившегося в межгалактическом пространстве. В двадцать третьем веке в полутысяче световых лет от Солнца был обнаружен вход в этот гигантский по обычным масштабам канал, который сохранил название рукава Ориона. Для его обследования и космографирования был направлен гиперсветовой рейдер «Антарес». Ради увеличения запасов энергии и жизнеобеспечения экипаж «Антареса» был сокращен до одной рабочей пятерки. Командиром рейдера и всей экспедиции был назначен самый опытный и заслуженный гиперсветовик того времени — Андрей Дзю.

На расчетной гиперсветовой скорости, иначе проникнуть в подпространство невозможно, «Антарес» благополучно вошел в «подвалы» звездного рукава Ориона. Резко спрямляя обычное пространство и постепенно расширяясь от нескольких световых часов до нескольких световых дней, рукав Ориона вывел «Антарес» за пределы Галактики — в еще не обследованное человечеством межгалактическое пространство.

По хорошо сформированному подпространственному каналу можно смело идти на любой скорости: гиперсветовой корабль движется по нему, точно луч света в волноводе, автоматически, в безинерционном режиме обходя попадающиеся включения обычного пространства — острова по терминологии лоцманов-гиперсветовиков. Три года на крейсерской гиперсветовой скорости шел «Антарес» по гигантскому в своей протяженности рукаву Ориона, ведя компьютерную космографическую съемку и выставляя лонг-линию для связи с Землей. По ходу обследования рукава Ориона были один за другим побиты рекорды дальности и длительности непрерывного полета на гиперсвете. «Антарес», ведомый Андреем Дзю, уносился все дальше от Солнца в неизведанные глубины большой Вселенной, подобно тому, как «Тринидад» Фернандо Магеллана восемью столетиями ранее уходил в неизведанные дали Тихого океана. Имя Магеллана напрашивается тут потому, что между первым кругосветным путешествием под парусами и первым загалактическим полетом

землян на гиперсветовом рейдере сложились некоторые аналогии.

На экспедицию Магеллана в Тихом океане обрушилась эпидемия цинги, загадочной в те времена болезни, которую легко можно было принять за грозную кару Божью.

И на экспедицию «Антареса» обрушилась неизвестная болезнь с симптомами болезни Паркинсона. У космонавтов обозначился тремор пальцев, а затем и кистей рук, началось нарушение координации движений. У четырех человек, в том числе у бортового врача Раджива Индры, эти симптомы постепенно подходили к рубежу, опасному для профессиональных занятий, у двух других, включая и командира рейдера Андрея Дзю, они были выражены заметно слабее. Несмотря на все усилия, Индра так и не смог сказать о причинах этой новой астральной болезни ничего определенного. После продолжительных дебатов и голосования экспедиция по рукаву Ориона была продолжена на компромиссных началах. Индра предположил, что неизвестный фактор, вызвавший заболевание экипажа «Антареса», представляет собой некое слабое излучение, не регистрируемое штатной бортаппаратурой. Поэтому он предложил облачиться в скафандры, продолжить полет, понаблюдать, во что выльется эта защитная мера, а потом уже и принимать окончательное решение о продолжении или прекращении экспедиции. К общей радости простейшая защита, предложенная бортврачом, оказалась на удивление действенной: уже после первой недели пребывания в скафандрах у заболевших появились признаки выздоровления, а через месяц-полтора, в зависимости от тяжести поражения, болезнь окончательно покинула корабль. Конечно, все время жить и работать в скафандрах невозможно. Но методом проб и ошибок, экспериментируя прежде всего на себе самом, Индра установил благоприятный режим корабельного бытия: два часа в сутки можно было безбоязненно проводить без скафандра. И космонавты с максимальной пользой и удовольствием научились использовать это «свободное» время.

Так или иначе, экспедиция по рукаву Ориона была продолжена. Болезнь, поразившая экипаж «Антареса», позже была названа тоннельной болезнью. Поначалу специалисты астральной медицины считали, что тоннельная болезнь обусловлена самою длительностью непрерывного гиперсветового хода. Но предположение это было опровергнуто и углубленными исследованиями по-

бочных факторов, сопровождающих движение тел с гиперсветовой скоростью, и самою практикой длительных полетов на гиперсвете в обычном пространстве — ничего похожего на тоннельную болезнь при этом не возникало. Не оправдалось и другое предположение — о том, что подпространство изначально, так сказать, «болеет» тоннельным эффектом. Хотя некоторое время полагали, что достаточно специально не защищенному человеку побыть в условиях подпространства достаточно долго, как он заболевает тоннельной болезнью.

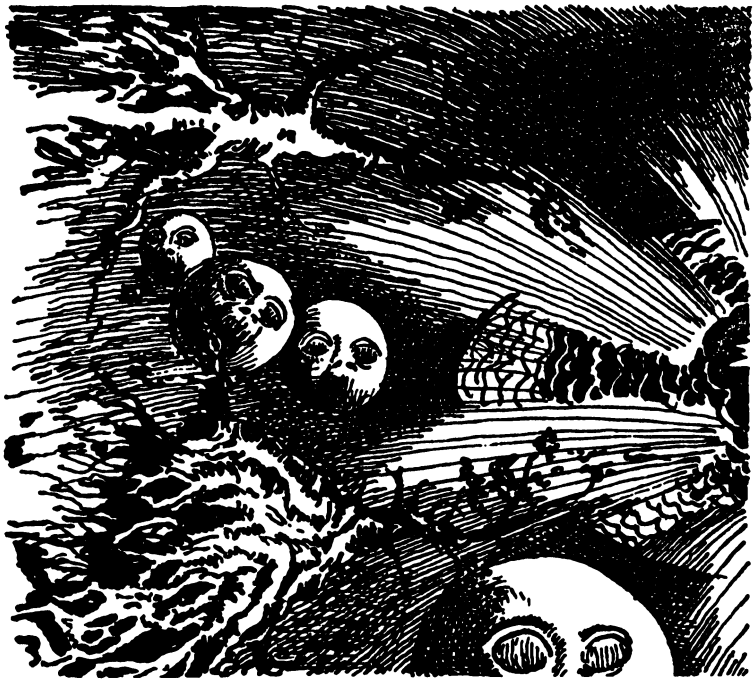
Действительность оказалась похитрее этих догадок. Тоннельный эффект оказался очень слабой гравитационной составляющей, формировавшейся на корпусах гиперсветовых кораблей за счет их взаимодействия с внутренней поверхностью каналов. И сказывалось влияние этой слабой гравитации на человека лишь во время длительных полетов на гиперсветовой скорости.

Между кругосветным плаванием Фернандо Магеллана и загалактическим путешествием Андрея Дзю с товарищами обнаружилась и еще одна любопытная, но не очень приятная аналогия. Как известно, свой выход в просторы Тихого океана Магеллан начал с открытия и прохода крайне запутанного пролива, который он нарек проливом Всех Святых. Позже пролив этот получил его собственное имя. Рукав Ориона, по которому «Антарес» шел к межгалактическим просторам, заканчивался своеобразным горлом, в котором обычное пространство вкупе с подпространством образовывали сложную систему ходов с одним генерализованным руслом. Антаресовцы назвали этот лабиринтоподобный выход проливом Персея, потому что рукав Ориона выходил на продолжение одной из двух главных спиральных ветвей Галактики — ветви Персея.

Когда пролив Персея был маркирован, а его тупиковые ветви реперированы запрещающими знаками, проходить его, само собой, стало легче. И все равно проход его оставался ответственной, если не рискованной операцией. Ну, а первопроходцы на «Антаресе» были поставлены и вовсе в критическое положение. Дзю сохранил гиперсветовой ход, ибо он позволял автоматически следовать по изгибам подпространственного канала, но сбросил его до минимума, чтобы предельно сократить дистанцию срочного торможения. И не напрасно! Конечно, вероятность самофокусировки «Антареса» на проливе была существенно выше, чем на его боковых, в том чис-

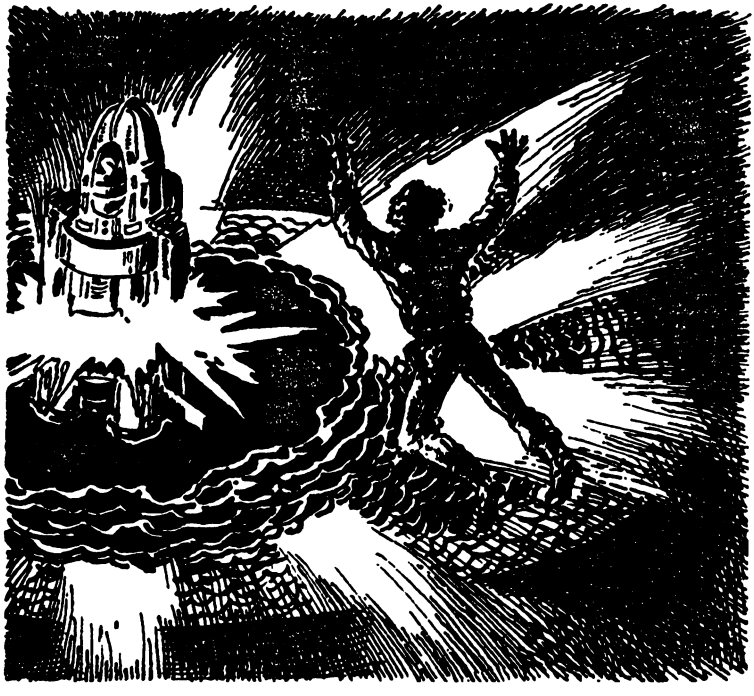
ле и слепых ответвлениях. Но вероятность и есть вероятность. Несколько ответвлений пролива «Антарес», ведомый опытной рукой Андрея Дзю, проскочил благополучно. Но в один из аппендиксов, слепых ответвлений пролива, возле самых ворот в межгалактический простор корабль все-таки затянуло. Не помогли ни бдительность Андрея Дзю, ни пилотажное искусство лоцмана. Чтобы избежать гравитационного взрыва, было выполнено срочное торможение. Собственно, это было не просто срочное торможение, а торможение на грани возможного по мощности двигателей, — аппендикс пролива Персея оказался предательски коротким. Катастрофы удалось избежать, но один из двух маршевых двигателей рейдера, выдержавший нелегкое испытание непрерывной трехлетней работой, вышел из строя. Да и второй двигатель после этого сверхсрочного торможения работал на пределе технических норм. Точно раненый тигр, припадающий на одну ногу и с ворчанием зализывающий на боку другую рану, «Антарес» кое-как, натужно воя уцелевшим двигателем и потряхивая разболтанным на перегрузках торможения корпусом, выполз из пролива Персея, убрал ход и завис в межгалактическом пространстве на удалении шестидесяти тысяч световых лет от невидимого отсюда Солнца. В смотровой рубке рейдера расширилось двухметровое овальное окно. И столпившиеся возле него космонавты первыми из людей увидели бархатное небо большой Вселенной и сияющий ярче полной луны диск галактического центра — звездно-газовый балдж с ослепительной искрой аккреции в сердцевине. Там, где гигантская черная дыра, разрушая звезды и заставляя сгорать их новыми и сверхновыми вспышками, жадно всасывает в себя звездные останки, заставляя раскаляться и пламенеть бурлящие с околосветовой скоростью потоки газа. Почти половину небосвода охватывали светящиеся крылья Млечного Пути, раскинутые галактическим центром. Сама Галактика, гигантской светоносной птицей парящая в бархатном мраке бесконечности, глянула в души космонавтов своим воспаленным циклопическим оком. Потрясенно, и веря и не веря своим глазам, разглядывали космонавты еще никогда не виданный людьми галактический небосвод. И плакали! И не стыдились слез.

Когда утихли восторги и улеглось волнение, небосвод пролива Персея был подвергнут обстоятельному обозрению. И тут антаресовцев ждал приятный сюрприз! На

участке неба, противоположного светокрылой Галактике, сияла ярчайшая звезда — точечное оранжевое солнышко. Спешно проведенная обсервация показала, что звезда эта, оранжевый карлик класса М-I, которую Андрей Дзю нарек Уиктой, по гиперсветовым масштабам находится буквально рядом — в шести световых неделях от места аварийной стоянки «Антареса». В этом же секторе неба, в конусе с раствором порядка сорока градусов, было обнаружено еще восемь оранжевых и красных звезд-карликов, разбросанных друг от друга на удалении в десятки световых лет. Наличие этого малочисленного и разряженного звездного скопления тем не менее подтвердило ранее высказанную догадку о том, что через подпространственный рукав Ориона в межгалактическое пространство была выброшена значительная масса вещества, причем часть этого выброса завершилась звездообразованием.

Обследование маршевых двигателей «Антареса» показало, что надежно отремонтировать их без замены горячих блоков рабочей зоны невозможно. А поскольку выхо-

дить на гиперсвет на ненадежных двигателях равносильно попытке самоубийства, решили сбалансировать рейдер по Уикте как по опорной точке и оставаться в этом районе на свободной стоянке, ожидая помощи с Земли. Связь с ней установили через выставленную по рукаву Ориона лонг-линию. Подпространственный рукав почти в двадцать раз сокращал расстояние до Земли, превращая шестьдесят тысяч световых лет, отделяющих от нее рейдер, в три тысячи. Информационный сигнал шел по лонг-линии со скоростью гравитационной ударной волны, пропорциональной кубу скорости света, поэтому переговоры с Землей на таком расстоянии шли напрямую — без временных задержек. Но посылка даже единичного сигнала по лонг-линии длиною в три тысячи световых лет требовала больших расходов энергии, поэтому информационный обмен между «Антаресом» и Землей был свернут до минимума.

Земля поздравила экспедицию с выходом за пределы Галактики и уведомила, что на помощь ей высылается большой транспортно-спасательный рейдер «Спика». По

уже обследованному «Антаресом» и реперированному рукаву Ориона «Спика» прошла с большей, нежели первопроходец «Антарес», скоростью. Но и на этой скорости ждать ее в проливе Пегаса можно было лишь через два с половиной года. Запасов энергии и жизнеобеспечения на «Антаресе» было вполне достаточно для того, чтобы спокойно переждать этот срок. И все-таки — два с половиной года! Долгих, страшно далеких от Земли два с половиной года! Благополучно пережить это нелегкое время можно было конечно же лишь загрузив себя полезными, по возможности интересными делами. Перед экипажем «Антареса» вырисовывались две группы таких дел. Дела внутренние — тотальный ремонт корабля, в ходе которого надо было исправить и привести в работоспособное состояние все, что в той или иной мере вышло из строя за время трехлетнего хода на гиперсвете и, особенно, при срочном торможении в проливе Пегаса. И дела внешние: обследование окружающего «Антарес» космического пространства всеми имеющимися средствами. По обоим этим делам были составлены развернутые программы. При этом конечно же встал вопрос о полете к Уикте на малом исследовательском корабле — на двухместном шлюпе, который в целости и сохранности стоял в бортовом эллинге «Антареса», благополучно пережив все приключения трехлетнего полета за пределы Галактики.

Полет к Уикте, помимо чисто научных мотиваций, напрашивался по двум причинам. Во-первых, по гиперсветовым масштабам Одинокая Звезда была буквально рядом со стоянкой «Антареса», рукой подать — в неделе крейсерского хода на шлюпе с учетом стартового разгона и финишного торможения. Во-вторых, детальное обследование Уикты показало, что на орбитах вокруг нее расположено тринадцать планет и что четыре из них являются планетами земной группы. Но самое интересное — одна из этих четырех планет, вторая по счету от оранжевого солнца, была похожа на Землю как родная сестра. Множество признаков свидетельствовало, что на этой планете — маленькой Уикте — существует высокоразвитая белково-кислородная жизнь. И хотя ноосферы, свидетельствующей о наличии разума, высокой культуры и техники, у маленькой Уикты обнаружено не было, вопрос о полете к ней на двухместном бортовом шлюпе «Антареса» был предрешен.

В порядке исключения шлюпу было дано собственное имя — «Надежда», свидетельствовавшее об исследовательских притязаниях загалактических посланников Земли.

Место в экспедиции на Уикту Андрею Дзю отводилось изначально — не только как командиру «Антареса» и самому опытному из космонавтов, но и как наименее пострадавшему от тоннельной болезни. А вот на второе место в «Надежде» претендентов было много — уж очень заманчиво, да и престижно было участвовать в исследовании обитаемой загалактической планеты. Ей пока не давали собственного имени и продолжали называть маленькой Уиктой, резонно полагая, что лишь прямое ее обследование поможет установить, какого имени она заслуживает. После довольно бурных дискуссий антаресовцы пришли к принципиальному решению, что Андрея Дзю должен сопровождать либо врач, Раджив Индра, второй специальностью которого была биология, либо биолог, Пламен Делчев, второй специальностью которого была медицина. Маленькая Уикта была планетой обитаемой! С этим приходилось считаться и по чисто исследовательским резонам, и по соображениям безопасности. Дилемму выбора из двух кандидатур решил жребий, указавший своим слепым перстом на Пламена Делчева — к его великой радости и к огорчению экспедиционного врача.

Старт «Надежды» к Уикте, после соответствующей подготовки и утверждения Землей, состоялся в начале третьего месяца пребывания на выходе пролива Персея, когда черный небосвод с одноглазой птицей Галактикой стал для антаресовцев почти таким же привычным, как звездное небо невидимой отсюда Солнечной системы. Через расчетное время — шесть суток семнадцать часов и сорок восемь минут — «Надежда» вынырнула уже на субсветовой скорости в системе Одинокой Звезды. А еще через трое суток сложного маневрирования вышла на орбиту, центрированную относительно малой Уикты. Наблюдения с орбиты не только подтвердили первоначальные выводы о сходстве Уикты с Землей, но и установили, что уровень его — уникален! Проще было говорить не о географическом сходстве, а об отличиях Земли и Уикты. Так, мировой океан Уикты был поменьше, чем у Земли, охватывая три пятых поверхности, а поверхность суши, образованная пятью большими и тремя малыми континентами, — несколько больше. Имея почти идеально совпадающую с Землей массу, плотность, а стало быть и силу тяжести на своей поверхности, Уикта обладала несколько более разреженной атмосферой. Это и естественно, Уикта была старше Земли примерно на миллиард лет,

а поэтому большее количество воздуха успело «убежать» в космос из ее экзосферы. Но зато в атмосфере Уикты было больше кислорода — около двадцати семи процентов, что и компенсировало, если говорить о пребывании на ней людей, пониженное атмосферное давление. Год на Уикте был на пятьдесят семь суток короче земного, так как планета располагалась несколько ближе к своему центральному светилу, нежели Земля к Солнцу. Зато именно по этой причине Уикта получала от Одинокой Звезды практически столько же света, сколько Земля. В силу примерного равенства наклонов осей вращения планет и длительности суток были сходны и климатические условия Земли и Уикты. Как и на Земле, на Уикте были северная и южная полярные шапки льдов, зоны тундр, лесов, лесостепей, зоны полупустынь, пустынь и влажных тропических и экваториальных лесов. Но ни малейших следов разумной деятельности не удалось обнаружить с борта «Надежды» даже в самых благоприятных для обитания районах Уикты. Если не принимать в расчет этого обстоятельства, маленькая Уикта была не просто родной сестрой Земли, а единоутробным близняшкой, двойником. Андрей Дзю предложил назвать ее Землидой. Экипаж «Антареса» это предложение принял, но по целому ряду последующих событий этому обязывающему имени не было суждено занять своего места в космографических атласах Галактики и ее окрестностей.

Маленькая Уикта так и осталась Уиктой, однофамилицей, тезкой своего центрального светила — Одинокой Звезды.

Уикта, как и Земля, имела свой суперматерик, образованный столкновением и последующим слиянием двух примерно равных по площади континентальных платформ. Для определенности этому суперконтиненту дали имя Новой Евразии. С севера на юг, расчленяя Новую Евразию на западную и восточную части, тянулась, то расширяясь до плоскогорий тибетского типа, то сужаясь и воздевая к небу пики восьми и даже девятитысячников, гигантская горная система. В зоне субтропиков горные цепи разрывало вклинившееся в глубину суши Средиземное море, образуя своего рода ворота — водные, а по берегам своим и сухопутные, связывающие западную и восточную части суперконтинента.

Именно здесь, на крупнейшем континенте Уикты, на перепутье между его западным и восточным регионами, в благодатной зоне субтропиков, неподалеку от устья реки,

берущей начало в ледниках Срединной горной системы и впадающей в Средиземное море, Земля, работая через «Антарес» как транслятор, рекомендовала «Надежде» выполнить посадку. Эту рекомендацию Андрей Дзю принял, хотя внес в нее небольшие, но, как показали последующие события, существенно повлиявшие на судьбу экспедиции коррективы. Дзю решил посадить «Надежду» не в устье выбранной для этого реки, как ему рекомендовали, а в двухстах километрах выше — на обширном плато, возвышающемся над уровнем моря до полукилометра. Полноводная река протекала здесь в глубоком каньоне, прорезанном ею в перемешанных сбросом породах. А на плато раскинулась субтропическая лесостепь, нечто вроде лесной саванны, где колков и рощ было примерно столько же, сколько травянистых просторов. По обе стороны реки лесистое плато было рассечено горными ручьями, либо прорезавшими собственные порожистые каньончики, либо низвергавшимися в реку водопадами. Андрей Дзю выбрал это плато для посадки «Надежды» из соображений безопасности. Он вообще был в высшей мере предусмотрителен, — Андрей Дзю. И если космонавты-гиперсветовики младшего поколения уважительно называли его дедом, то у своих, постепенно уходящих на покой сверстников он был известен и под другим прозвищем, которым сам немало гордился, — Хитрован. Конечно, устье реки, где холодные воды реки сливаются с теплыми субтропического моря, было гораздо богаче всякого рода жизнью, чем предгорное плато. Но много неизвестной жизни — это много опасностей.

Дзю хорошо знал, что даже опытные космонавты, увлекаясь созерцанием диковинок, рассеянных на ранее неизвестных, только что открытых планетах, буквально на каждом шагу погружаясь в исследования действительности, коварно похожей на земную, склонны забывать о мерах предосторожности. А Пламену Делчеву исполнилось всего тридцать пять лет! Исполнилось только что, на виду крылатой Галактики.

Тошно молодому, полному сил и энергии человеку изо дня в день следовать многочисленным правилам повышенной безопасности, то один, то другой пункт которых человек склонен нарушать из-за психологического утомления и просто по забывчивости. Дзю резонно полагал, что высокое космографическое сходство маленькой Уикты с Землей оставляет место многим биологическим аналогиям между ними. Лесистое плато интуитивно при-

влекало его здоровым воздухом предгорий и ледяной водой горных ручьев, которые в земной своей ипостаси практически свободны от болезнетворных агентов. Кроме того, в уиктянском средиземноморье был обнаружен один действующий вулкан и несколько потухших. Это был сейсмически активный регион Уикты, где в любой момент могло произойти сильное землетрясение. А море — рядом! Нет ничего удобнее для подъема сопровождающих землетрясения волн цунами на предельную высоту, чем широкое, но быстро сужающееся устье реки. По совокупности всех этих причин Андрей Дзю, по прозванию Хитрован, и решил не рисковать, а посадить шлюп не в устье реки, кишащей всякого рода жизнью, а на заметно обедненном в этом отношении лесистом предгорном плато.

Посадка прошла без осложнений на большой поляне, со всех сторон окруженной лесом, у ручья с кристально чистой ледяной водой, который через две сотни метров несколькими каскадами низвергался в каньон большой реки. Основной лагерь уиктянской экспедиции был создан возле «Надежды», причем шлюп использовался как «дом», — место постоянного жилья и ночевки. А в полукилометре от корабельной стоянки на арочном каркасе с нейтридным покрытием Андрей Дзю разбил запасную базу с аварийным запасом всего необходимого, включая и радиостанцию ближней связи. Для этой работы в полном объеме времени был задействован и биолог, хотя Пламен ворчал и весьма изобретательно выражал свое недовольство тем, что его отвлекают от основного занятия — исследования сказочного, почти земного, но все-таки иного живого мира, раскинувшегося вокруг. «Торопись медленно, — хладнокровно говорил ему Дзю, имея в виду будущую исследовательскую работу, и, если биолог не унимался в своих претензиях, с усмешкой добавлял: — Сначала дело, а потом удовольствие». Дед всегда считал обеспечение безопасности экспедиций главным своим делом, а исследовательскую работу — удовольствием, с которым можно повременить, поступиться, а то и пренебречь. Само появление человека в мире под чужими небесами — великое открытие, которое надобно беречь и возвращать на Землю! В таком подходе к исследовательской работе в инозвездных мирах были свои весомые резоны. Но трудно молодым следовать зрелой и рассудительной мудрости! Особенно, когда чужой мир так похож на земной и предварительные оценки даже не

говорят, а кричат о его совершенной безопасности для человека молодого, хорошо подготовленного к любым неожиданностям и знающего об этом.

Недовольство Пламена Делчева, его воркотню по поводу авторитарного поведения деда, беззастенчиво использующего свои непререкаемые в экспедиционных условиях командирские права, можно было не только понять, но и в известной мере оправдать. Шлюп не располагал сколь-нибудь вместительным эллингом, не было на его борту ни унихода, ни даже глайдера — один лишь двухместный вездеход минимальной грузоподъемности. Поэтому на оборудование основного лагеря возле «Надежды» и запасного с аварийной базой на поляне за перелеском ушла целая неделя. Андрей Дзю любил делать дело основательно, не торопясь, со всем комплексом проверок штатных и даже дополнительных, что рождались у него по ходу развертывания лагерей и испытаний их оборудования. А вокруг красовался такой чудный, такой земной, такой родной человеческому сердцу ландшафт! Искушения святого Антония, да и только! Искушения, которым было неподвластно железное сердце старого космонавта Андрея Дзю и от которых маялось и страдало сердце его молодого коллеги. По-земному голубое, только более глубокое своею синевою небо. По-земному доброе, только более золотое, немного утомленное, как бы вечернее солнце. По-земному мягкие, только более нежные по цвету, салатные луговые травы с акварельной россыпью цветов и цветочков. По-земному разнообразный, только более приземистый лес, в котором глаз невольно фиксировал наличие серебристых олив, кряжистых дубов и пирамидальных кипарисов, хотя разум с запозданием и досадой отвергал эти параллели, еще более разрушавшиеся при внимательном рассмотрении деревьев. И измельченный по-сравнению с земным мир слизняков, насекомых, зверей и птиц! Мир животных, совершенно безопасных для человека в легком защитном скафандре, соблюдающего меры предосторожности. Естественно, как только было закончено оборудование лагерей маленькой уиктянской экспедиции, Пламен Делчев с жадностью застоявшегося призового скакуна набросился на микроструктурное исследование местной флоры и фауны, с некоторым избыточным рвением используя своего командира в роли послушного и исполнительного помощника, не чурающегося самой утомительной и черной работы. Но первое сообщение «Надежды» о результатах

выборочного анализа растений и животных лесистого плато, подписанное командиром и биологом, было подчеркнуто сдержанным и скупым. И в этой сдержанности экипаж «Антареса» легко узнал твердую руку осмотрительного Андрея Дзю. Уиктяне, как называли на «Антаресе» Андрея Дзю и Пламена, сообщали, что растительный и животный мир Уикты, несмотря на все его внешнее сходство с земным, цитологически и генетически резко отличается от него.

Вывод требует проверки, но если он справедлив, то внешнее сходство уиктянской фауны и флоры с земной — не более чем конвергенция глобального масштаба под воздействием сходных условий жизни на Уикте и Земле.

Послание это было дополнено репликой без подписи. Ее единодушно приписали биологу, Делчеву. Характеризуя конвергенцию, ту самую конвергенцию, что в земных условиях сделала луговые травы похожими на мхи, пальмы — на древовидные папоротники, дельфинов — на ихтиозавров и акул, а обычных волков — на волков сумчатых, биолог писал, что ему очень трудно поверить в естественность столь высокого сходства уиктянской и земной жизни. Ему трудно отделаться от мысли, что фауна и флора Уикты — не настоящая жизнь, а своеобразный театр марионеток с ландшафтными декорациями и куклами-животными, созданный в этом загалактическом далеко не то для развлечения землян, не то ради насмешки над ними. И отнюдь не исключено, что ему, биологу экспедиции, удастся обнаружить если не самого автора этого кукольного представления в планетарных масштабах, то по крайней мере те нити, которые управляют поведением марионеточной фауны и флоры. Чувствовалось, что и к реплике Пламена приложил свою руку осмотрительный Андрей Дзю, должным образом отредактировав ее и убрав все то, что показалось ему недостаточно обоснованным. Он всегда берег свое командирское и экспедиционное реноме и чурался тех поспешных сенсаций, которые нередко приходится с чувством неловкости опровергать через неделю.

Нет нужды говорить о том, как были заинтригованы, а отчасти и встревожены на «Антаресе» сообщением с маленькой Уикты. С нетерпением ждали они очередного сеанса связи с «Надеждой»! Но уиктяне на связь не вышли. Ни в очередные сутки, ни во все последующие. Связь с «Надеждой» оборвалась совсем. Можно было только гадать, что случилось с Андреем Дзю и Пламеном Делче-

вым, ждать прихода «Спики» и надеяться на предусмотрительность и удачу опытнейшего командира дальнего космофлота, которого его сверстники-гиперсветовики вовсе не случайно называли хитрованом.

Глава 12

С Андреем Дзю Лобов встретился за неделю до возвращения Снегина на Землю. Девяностошестилетний патриарх космофлота жил в зоне Цимлянского мегаполиса, где среди садов и виноградников располагался городок космонавтов-ветеранов. Но прежде чем отправиться в Цимлянский мегаполис, Иван побывал в Байконуре возле памятника Дзю, где он был изображен еще не стариком, а в расцвете своей поздней зрелости, в возрасте пятидесяти восьми лет — таким, каким он уходил в загалактическое путешествие. В жилах Андрея Дзю смешалась кровь многих народов Европы и Азии. У него были по-монгольски припухшие веки, прикрывавшие острые черные глаза, типично русское курносое лицо и маленький рот, в котором было нечто иконописное, византийское. Скульптор прекрасно передал то совсем не простое, видимое простодушие натуры Дзю, за которым читался гибкий волевой интеллект. «Хитрован!» — припомнилось Лобову уважительное прозвище, данное Дзю соратниками-одногодками.

Хотя Андрея Дзю и ругали за чрезмерную сдержанность сообщения о результатах микроструктурного исследования уиктянской фауны и флоры, ругали, несмотря на беспокойство за судьбу десанта на Уикту, редко ошибавшийся старый хитрован не ошибся и на этот раз. Биосфера Уикты оказалась на редкость удивительной — уникальной, неповторимой! Но домыслы Пламена о том, что растительный мир этой планеты — ландшафтная декорация, а мир животный — некий глобальный театр марионеток, управляемый таинственным кукловодом, оказались именно домыслами. Хотя для его фантазий, разумеется, были известные основания.

Одноклеточные создавали фон уиктянской сухопутной жизни, одноклеточными в полном смысле этого слова были травянистые растения и мелкая живность: летающая, ползающая и бегающая. Все же остальное многообразие уиктянской фауны и флоры: кустарники, деревья, птицеподобные и звероподобные животные, —

было образовано квазиполиками. Поверхностный анализ выявил потрясающий факт: у этих клеток не было ничего похожего на ядро! Вообще не было генотипа с набором хромосом — не только в концентрированном, ядерном, но даже и в рассеянном виде, как у земных бактерий и сине-зеленых водорослей. Для биологов было аксиомой, что жизнь — это единство генотила и фенотипа во всем ее морфологическом разнообразии. Нет генотипа, стало быть, нет и самой жизни! Ничего удивительного, что, обнаружив отсутствие в клеточной ткани уиктянских растений — квазиполиков каких-либо следов генотипа, Пламен Делчев решил, что перед ними — не настоящая жизнь, а некая подделка, имитация, ландшафтная декорация планетарных масштабов. Поспешное исследование животных, предпринятое Делчевым, дало точно такой же, не лезущий ни в какие ворота устоявшихся представлений о жизни, результат. Поэтому биолог и решил, что имеет дело не с настоящими животными, а с некими роботами-марионетками искусственного происхождения. Но он поторопился! Прояви Пламен больше обязательной для экспедиционного ученого дотошности при исследовании животных, он бы непременно обнаружил то, что было глубже запрятано в квазиполиках-растениях.

После спада первых, ошеломляющих впечатлений от загадок уиктянской жизни и лихорадки экспериментального анализа Пламен Делчев, разумеется, непременно докопался бы до истины. Но он не успел этого сделать: его погубила все та же увлеченность. Он погиб вместе с «Надеждой», пытаясь спасти ее от взрыва. Погиб, нарушив категорический приказ командира не трогаться с места! Знал, что именно на него, Пламена Делчева, забывшего о жестких мерах предосторожности, обязательных вне Земли, ложится вина за гибель бортового шлюпа. Погиб, опоздав в своей сумасшедшей гонке к «Надежде» на какой-нибудь десяток секунд. Гравитационный взрыв «Надежды» произошел из-за того, что в стояночном положении был запущен и выведен на холостой ход ее маршевый двигатель. Вспыхнула нестабильная черная дыра, жадно всосавшая в себя окружающее вещество, а потом схлопнувшаяся и плюнувшая в небо сгустком энергии. Произошло местное землетрясение средней силы, на месте «Надежды» образовался круглый провал диаметром сорок и глубиною около пяти метров, дно которого было уплотнено до уровня скального монолита. Провал послужил и

символической могилой биологу экспедиции — Пламену Делчеву.

Демонстрируя потом этот провал моноцитам, прикатывавшим сюда из любопытства от самых дальних уголков Древней реки, Дзю говорил, что на его далекой родине, Земле, именно так готовят основу фундаментов высотных городов — мегаполисов с населением в миллионы и десятки миллионов человек. Их строили в большинстве случаев на месте старых городов-гигантов. Если такой город не заслуживал превращения в музей-полис, то он тщательно голографировался для истории урбанизма и архитектуры, из него переселяли людей, вывозили все ценное и подводили гравитационную мину. А потом слсдовал взрыв! И на месте пережившего себя города, городам ведь тоже отпущено историей время жить и время умирать, возникал провал расчетной глубины и площади со скальным монолитом на дне — идеальной основой для высотного строительства и сооружения подземных этажей мегаполиса. Если площадь обреченного на гибель устаревшего города предназначалась не для вторичной застройки, а для лесопарка, то глубина провала делалась минимальной, а сам он заполнялся плодородной почвой, изготовленной из глины, песка и синтетических биогенных полуфабрикатов. Все это казалось моноцитам совершенно невероятным! Но происшедший тут взрыв, свидетелями которого были их местные собратья, реальность провала, представшего их глазам, хотя бы отчасти убеждали их в правдивости рассказов двуногого друга — так на них непохожего!

Оставшемуся в пугающе загадочном мире в полном одиночестве, без вездехода, крупногабаритной аппаратуры и большей части инструментария, погибших вместе с «Надеждой» и Пламеном, Андрею Дзю, лишенному к тому же связи с товарищами на «Антаресе», было не до углубленных исследований уиктянской жизни. К тому же, особенности гибели шлюпа позволили ему вычислить наличие на Уикте разумных существ, ускользающих от наблюдения и, наверное, умело прячущихся от неведомого, с громом и молниями упавшего с неба гостя. Это была не догадка, а именно предвычисление, подобное предвычислению Нептуна, восьмой планеты Солнечной системы, выполненному Леверье и Адамсом в середине девятнадцатого века.

В свое предвычисление Андрей Дзю верил свято! Его отнюдь не обескуражили неудачи бесплодного восьмиме-

сячного поиска некоронованных королей Уикты. Некоронованных, потому что, судя по всему, эти загадочные разумные не сознавали силы своего разума и не то не умели, не то не хотели использовать его потенциальную мощь. Как и всегда, Дзю действовал неторопливо и расчетливо — методом исключений, постепенно одну за другой снимая с роли претендентов на разумность те формы жизни, которые находились в поле его зрения. Через восемь месяцев этот метод себя исчерпал. Дзю обследовал все, что заслуживало хотя бы крохотного в плане своей разумности внимания, а результата не добился! Тогда, изобретательный хитрован, он резко изменил тактику и обратил пристальное внимание на то, что на разумность, казалось бы, претендовать никак не могло, однако же постоянно лезло ему на глаза. Андрей Дзю резонно предположил, что если его интересует уиктянский разум, то и этих некоронованных королей Уикты, если они только существуют, должна интересовать его персона — неведомое здесь существо, свалившееся с неба на их головы и послужившее причиной катастрофы. Катастрофы, в ходе которой, Дзю был убежден в этом, погиб не только Пламен Делчев, один из небесных пришельцев, но, по крайней мере, и один из уиктянских сапиенсов. Тот самый, который проник в незапертую Делчевым во время очередного визита дверь шлюпа и ухитрился, на свою беду, запустить его маршевый двигатель. То обстоятельство, что он, Андрей Дзю, жив и невредим спустя восемь месяцев после катастрофы, стоившей жизни, может быть, не одному туземцу, убеждало старого космонавта, что они и сообразительны, и гуманны по своей природе. Собственно, это соображение и заставляло Дзю с таким упорством искать незримых сапиенсов Уикты.

Его новая тактика принесла успех. Уже через неделю он обнаружил моноцитов, прирожденных хитрованов, которые и с самим Андреем Дзю могли посостязаться в этом качестве, и вошел с ними в первый контакт. Со свойственной ему основательностью, Дзю не форсировал знакомство, не навязывался и, проявив истинно ангельское терпение, постепенно завоевал доверие, а потом и дружбу моноцитов. Обнаружив, что не в состоянии научиться говорить на их языке: моноциты переговаривались между собой тонированным, членораздельным свистом, напоминавшим по звучанию пение и щебет хорошо тренированных в своем искусстве канареек, Дзю стал обучать земному языку своего друга — полного, доброго и

пылкого, очень любопытного и лукавого по натуре моноцита, которого прозвал Туком. Уж очень он напоминал своим характером колоритного монаха из шайки благородного разбойника Робин Гуда! Позже, с обычным для себя любопытством выслушав легенду о Робин Гуде и его сотоварищах, Тук одобрил земной вариант своего имени.

Тук заговорил на чужом языке с легкостью болтливого попугая, запоминая не только само звучание, но и смысл предметных имен существительных и натуральных глаголов. Тук брал на слух и легко повторял любые другие слова и целые фразы, но с пониманием абстракций и содержания сложной по своей логике и смыслу речи дело у него шло туго. Этому была своя причина, и когда Дзю догадался, в чем она состоит, дело быстро пошло на лад. Через полгода они уже свободно говорили с Туком на бытовые темы, потихоньку и незаметно втягивая в круг своих бесед, занятий и показательных опытов других моноцитов. Это не стоило Дзю больших трудов — природное любопытство само толкало этих удивительных сапиенсов ко всему новому, да и присущая им корпоративность, тяга к подражанию делали свое дело. Всем своим знакомым с их собственного одобрения Андрей Дзю давал земные имена, используя для этого фольклорную, литературную и историческую топонимику. В его окружении, постепенно приобретавшем характер эллинской философской школы, появились Добрыня, Сократ, Тимур, Ньютон и многие другие. Дзю поначалу различал их не без труда, а потом делал это с легкостью пастуха, знающего на лицо, по повадкам и голосу каждого члена стада. Эта способность старого космонавта членам спасательной партии со «Спики», высадившимся на Уикте, казалась чародейством. Для них все моноциты на одно лицо, хотя употреблять это слово было не совсем правильно — лица-то у сапиенсов с Уикты как раз и не имелось. Серо-зеленые шары величиною с хороший арбуз, — вот и все!

Через год после начала занятий с Туком, так и оставшимся близким другом пришельца с небес, Андрей Дзю занял у моноцитов Древней реки примерно такое же положение, какое в свое время Миклухо-Маклай имел у папуасов берега Новой Гвинеи.

Стоя у байконурского памятника и перебирая в памяти очень непростую историю попытки освоения Уикты, Лобов мысленно готовился к встрече с Андреем Дзю, постаревшим почти на тридцать лет. Памятников ему было

поставлено много — во всех космопортах Земли и Луны можно было видеть его изображения, сделанные и профессиональными скульпторами, и любителями. Вообще-то, при жизни людям двадцать третьего века памятников не ставили. Разве что в порядке редкого исключения, одним из которых был Андрей Дзю и его товарищи по экспедиции по рукаву Ориона — существовал и групповой скульптурный портрет экипажа «Антареса». Тоннельная болезнь, поразившая этот экипаж в ходе трехлетнего гиперсветового марша в подпространственном канале, оказалась штукой коварной. Исчезновение ее симптомов после введения дополнительной защиты успокоило космонавтов, а эйфория выхода в загалактическое пространство и открытия Одинокой Звезды с маленькой Уиктой попросту вытеснила ее из памяти, превратив в досадное недоразумение. Но поражение центральной нервной системы у космонавтов «Антареса» оказалось куда более серьезным, чем казалось им самим, да и бортврачу — Радживу Индре. И постепенно, пока «Антарес» в ожидании прихода «Спики» стоял у пролива Персея, это скрытое до поры поражение начало заявлять о себе новыми симптомами — психического плана, которые очень трудно фиксировать, покуда они не заявляют о себе в полной мере. Бессонница в ночные часы, сонливость — в дневные, раздражительность, необъяснимая лень или, напротив, лихорадка деятельности, — все это так хорошо вписывалось в обычный синдром космической усталости, знакомый астральной медицине, что долгое время не вызывало большой тревоги. Но потом на эти явления начала накладываться забывчивость, провалы памяти по событиям недавнего прошлого и нарушения сложных форм мышления, где доминировала логика. Индра забил тревогу. Симптомы эти напоминали явления обычного старческого маразма, но о каком маразме могла идти речь у людей среднего и зрелого возраста? Единственный, кто в известном смысле мог быть назван стариком, Андрей Дзю, был на Уикте, и бортврач «Антареса» не без оснований забеспокоился — не является ли потеря связи с «Надеждой» следствием резкого прогресса его болезни. Но, как позже установило медицинское обследование, именно Андрей Дзю пострадал меньше других. По двум разным причинам: во-первых, здоровье у него было истинно железным, и во-вторых, создав свою философскую школу для моноцитов, Дзю естественно занимался тем, что позже было настоятельно рекомендовано медициной для лечения последствий тон-

нельной болезни, — постоянным, систематическим тренингом логического мышления.

Все члены экипажа «Антареса» после возвращения на Землю прошли длительный курс восстановительного лечения. Никто из них, включая и Андрея Дзю, не вернулся после этого к космической работе. Вот почему еще при жизни всем им был возведен коллективный памятник, а скульптурные изображения Андрея Дзю разошлись по всей Земле и ее космическим окрестностям. Прижизненное увековечение подвига космонавтов-гиперсветовиков было благодарной платой за великие свершения и великие потери первого трансгалактического полета.

Для Ивана Лобова в истории экспедиции «Антареса» был один важный момент, который ему надо было обдумать и решить до поездки в Цимлянский мегаполис к Андрею Дзю. Визит спасательного отряда «Спики» на Уикту из-за болезни экипажа «Антареса» был предельно сокращен по времени. Поэтому все сведения о необыкновенной культуре моноцитов базировались, в основном и по-преимуществу, на том, что написал о ней Андрей Дзю, пробывший на Уикте почти три года. Но в какой мере можно доверять человеку, который, как это было установлено позже, страдал тоннельной болезнью, а стало быть не был психически нормален в полном смысле этого слова? Только ли правду сообщил Дзю о моноцитах и одну лишь правду? Сомнения в этом плане были основательны уже потому, что очередная экспедиция на Уикту, направленная на двух шлюпах с борта остававшегося на космической орбите рейдера «Кассиопея», пропала без вести. Ситуацию загадочности обострила странная гравитограмма на ломаном русском языке, принятая станцией «Кассиопеи». Ее пришлось расшифровывать на манер каблограммы, смысл ее был примерно такой: «К нам не надо. Только с огнем».

После консультаций с Землей высадку на Уикту для установления контактов с моноцитами и поиска пропавших товарищей решили отсрочить. Надо было разобраться в том, что могло произойти на этой планете за те шесть лет, что прошли с того момента, когда Уикту покинул Андрей Дзю.

Силовое воздействие на моноцитов было отвергнуто единодушно — слишком редким, необычайным был этот цветок разума, распустившийся под лучами Одинокой Звезды. Недопустимо было рисковать им! Очень надеялись, что обстоятельный разговор с Андреем Дзю прояс-

нит вдруг обострившуюся до конфронтации обстановку на Уикте. Но Андрей Дзю к этому времени не просто постарел, одряхлел. Он был разговорчив, доброжелателен, добросовестно напрягал память, но не мог вспомнить ничего нового кроме того, что было уже ранее рассказано и написано им об Уикте. Не мог или не хотел? На этот счет у психологов были сомнения. Но насколько они основательны? Чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в этом, Иван прямо от памятника Андрею Дзю отправился к Яну Кирсипуу, признанному теперь авторитету в области космически ориентированной психологии. С давней, памятной обоим поры, они поддерживали доверительные, почти дружеские отношения. Лишь обстоятельно поговорив об Андрее Дзю и его нынешнем состоянии с Яном Кирсипуу, Иван решился, наконец, на встречу с Андреем Дзю.

Лобов нашел Андрея в беседке, образованной виноградными лозами. Лозы были старыми, поэтому стены и, в особенности, крыша этой живой беседки были такими плотными, что не только оберегали от летнего солнца, но, пожалуй, могли защитить и от дождя. Лозы были хоть и старыми, но заботливо ухоженными и разными. С потолка беседки, словно люстры, свисали зеленые плети, увешанные, будто декоративными лампами, полновесными кистями винограда: розового, белого, сизо-черного, а больше зеленого, — не весь еще виноград созрел. Нижние кисти опускались так, что Иван мог сорвать их, протянув руку и не приподнимаясь на цыпочки. Посреди беседки стоял врытый в землю дубовый стол, а вокруг него массивные, тоже, судя по всему, дубовые табуреты с серповидными прорезями в сиденьях, чтобы удобно было переносить их с места на место. Три табурета стояли по три стороны квадратного стола, а против четвертого стояло кресло: копия боевого кресла гиперсветового рейдера — с ложементом, заголовником и подлокотником. В кресле дремал, да что там дремал, похрапывая, сладко спал Андрей Дзю, опираясь о заголовник затылком несколько набок склоненной головы. Аккуратный старичок, как бы усохший по сравнению со своей скульптурой на Байконуре, но очень на самого себя похожий. И даже, на первый взгляд, не очень-то постаревший, хотя там, на Байконуре, сидел волевой гиперсветовик — командир, а здесь — ушедший на покой старик. Старик! Это было видно сразу, хотя у него и теперь были черные, слегка сбрызнутые инеем седины волосы и крепкие

зубы, которые можно было рассмотреть через полуоткрытые, подрагивающие при легком, каком-то умиротворенном, будто мурлыкающем храпе губы. Зубы у старого хитрована были свои и целы все, до единого. Об этом Ивану сказал Кирсипуу. Да и морщин на гладко выбритом лице космонавта-патриарха было немного. И все-таки, старик — глубокий старик! Преклонный возраст был растворен в облике Андрея Дзю незаметно, но ясно, подобно тому, как в постепенно угасающей вечерней заре столь же незаметно растворено уже невидимое солнце. И еще возраст космонавта выдавали руки — кисти рук, покоившиеся на подлокотниках кресла. Все в этой беседке, где Андрей Дзю любил отдыхать в послеобеденные часы, было так, как описал Ивану Кирсипуу. Позади кресла стояла микрофильмотека и небольшой бар, а прямо против кресла у самой зеленой стены — большой экран центровидения. Разглядывая этот немой сейчас экран, Лобов повернулся к старому космонавту спиной. И спиной почувствовал внезапную перемену обстановки. Впрочем, спиной — это метафора, вообще-то, Иван просто услышал — легкий храп, придававший виноградной беседке дополнительный уют, вдруг прекратился.

Повернувшись, Иван увидел, что, не изменив своей позы, лишь подавшись несколько вперед, словно с усилием подняв тяжелые верхние веки и сощурив нижние, отчего глаза и приобрели характерную, как бы треугольную форму, Андрей Дзю разглядывает его с интересом, но без особого любопытства. Переход от сна к бодрствованию у старика был поистине мгновенным! Иван по ходу жизни своей не раз разглядывал скульптурные и голографические изображения Андрея Дзю. И странное дело, в разные времена его жизни облик знаменитого космонавта производил на него разные, порою вовсе не похожие друг на друга впечатления. Внутренняя сущность Дзю, вовсе не случайно прозванного хитрованом, была неуловимо многоликой, поэтому и художественный облик его, выписанный или вырубленный руками мастеров своего дела, ускользал от примитивных, однозначных оценок. Теперь вот сидящий в кресле под кистями-лампиньонами Андрей Дзю вдруг показался Ивану похожим на Вольтера. Того самого Вольтера, вырубленного из мрамора Гудоном, которого Лобов не раз рассматривал в своем родном музее-полисе — в ленинградском Эрмитаже.

— Здравствуйте, Андрей Андреевич, — поздоровался Иван так, как наставлял его Кирсипуу.

— Здравствуй, сынок, — выжидательно ответил Дзю и после паузы движением головы показал на табуретку справа от него. — Садись.

Он подождал, пока Лобов не устроился, не спуская с него острых черных глаз.

— Ты по делу или просто навестить пришел?

— По делу.

Старик качнул головой:

— Скажи пожалуйста! Молодежь и старики приходит меня навестить, а вот такие, как ты, все по делу. Почему бы так?

— Наверное, дел у нас побольше.

Старик улыбнулся, и лицо его пошло морщинами: лучиками во внешних уголках глаз, складками возле рта, — подобрело. Но самые глаза, черные, блестящие, по-прежнему смотрели испытующе, без улыбки.

— Космонавт?

— Космонавт.

— Небось, командир тяжелого рейдера?

Теперь улыбнулся Иван.

— Нет.

— Скажи пожалуйста! А ведь всем — и статью, и годами — на командира тяжелого рейдера тянешь. Из штаба значит? У Всеволода Снегина работаешь?

— Нет. Я патруль.

— Что так? Патрульная служба — дело молодое. Патруль должен по своей воле в самое пекло лезть. Тут задор нужен! Когда начал?

— В двадцать два года стал командиром.

— Вон как! Не рано?

— Не знаю.

— А теперь кто?

— И теперь командир.

Дзю долго разглядывал Ивана — лицо, фигуру, заглянул в самые глаза.

— Да ты не Иван ли Лобов? Командир «Торнадо»?

— Он.

Старик нахмурился, прикрыв угольки глаз тяжелыми монгольскими веками.

— А я ломаюсь, откуда он мне знаком? — Открыв глаза, он сердито спросил: — Почему сразу не сказал?

— К слову не пришлось.

— Нехорошо. — Дзю был обижен и не скрывал этого. — Коли я старик, так ты меня и за коллегу по делу уже не считаешь?

— Не то, Андрей Андреевич, — возразил Иван. — Если бы я навестить вас пришел, другой разговор. А я по делу! Неловко прятаться за имя.

— А чего просто навестить не пришел? Ни разу не пришел!

— Неловко. — Иван помолчал и улыбнулся старику. — А вы не приглашали!

— Верно, не приглашал. — В глазах Андрея отразилось некое беспокойство, и он прикрыл их, словно скрывая его. — Собирался я тебя пригласить. Много раз собирался! Ты — командир «Торнадо», я — командир «Антареса». Мы же свои люди! Есть о чем поговорить, а?

Он остро взглянул на Ивана, теперь в его глазах вместе с беспокойством читалась и некая беспомощность.

— Много раз собирался, а почему не пригласил — не знаю. — В черных глазах Дзю обозначилась лукавинка. — Тебе неловко приходить без приглашения, а может, мне неловко приглашать? Может, я ждал, что ты сам ко мне придешь? Как командир к командиру?

Лобов молчал. Он не умел говорить в таких ситуациях — любые слова казались ему мелкими, а что хуже всего, неловкими, глупыми.

— Молчун, — одобрил Дзю, — говорили мне про тебя — не верил! А ты и правда молчун. Я вот был не такой, поговорить я любил. Не в деле, конечно, когда там разговаривать? А до дела, чтобы получше с ним справиться. И после, когда все позади и можно вздохнуть, — тоже любил поговорить. Не переживай, Иван Лобов, командир «Торнадо»! Может, я и ждал, что ты сам придешь ко мне, но не пригласил-то я тебя не по неловкости. Это бы ладно! А я забывал, понимаешь?

В глазах Андрея Дзю снова появилась беспомощность.

— Надумаю, твердо надумаю — приглашу Ивана Лобова. И забуду! А может, и не совсем забуду, но лень беспокоиться. Да и встречаться уже не больно охота с человеком, которого я дотоле никогда не видел. Кто его знает, каков он, этот человек, если даже командир «Торнадо»? В общем, забыл — не забыл, а дело стоит. Старость, сынок!

Дзю вздохнул, беспокойство в его глазах исчезло, уступив место лукавому любопытству.

— Ты думал о старости, Иван Лобов?

— Думал.

— И что ты о ней думал?

Иван улыбнулся:

— Думал, что вряд ли я до нее доживу.

Андрей Дзю засмеялся, показывая крепкие, хотя и пожелтевшие зубы. Смеялся Дзю приятно, мягко, не хехекал и не дребезжал, как это нередко бывает у стариков.

— Я тоже так думал, сынок. Осторожно, конечно, думал, ненароком подумаю — и стоп! Говорю себе, нельзя так думать, а то ведь и правда не доживешь до старости. И вот, дожил! — Улыбка сползла с лица старого космонавта, он передернул сухими плечиками. — Дожил, и сам не знаю — рад этому или нет.

В беседке повисло молчание, нарушаемое приглушенными зелеными стенами стрекотом кузнечиков и пением птиц. В нем не было ничего тягостного, каждый из собеседников думал о своем — покой слов, течение мыслей. Пауза бытия, во время которой время текло само собой и ощутить его почти невозможно. Прежде говорили — тихий ангел пролетел.

Иван еще и еще раз взвешивал про себя, в какой мере можно будет доверять информации Андрея Дзю, если он захочет в конце концов ею поделиться. Лобов обсуждал эту животрепещущую для себя проблему не только с Яном Кирсипуу. Прежде чем посетить психолога, он советовался с Климом и Алексеем, побывал в Совете космонавтов и в штабе дальнего космофлота. Результаты этих усилий были неутешительны. Единодушия не было даже в экипаже «Торнадо». Клим Ждан потенциально доверял Андрею Дзю, потому что верил в силу своей интуиции, которая, правду сказать, подводила его не столь уж часто. Кронин, как и всегда, был осторожен. Он, в общем-то, разделял официальную точку зрения службы безопасности космофлота, которая считала, что полагаться на информацию старого космонавта без проверки ее по другим каналам было бы не совсем разумно, а может быть, и рискованно. Помимо забывчивости и провалов памяти по прошлому, настораживали личностные перемены в облике Андрея Дзю, которые не могли не броситься в глаза и Лобову. Как, например, объяснить, что такой высокообразованный человек, каким был Дзю, вдруг заговорил на языке подчеркнутого просторечья — с характерными словечками и оборотами староуральского диалекта?

На этот счет у психологов были разные, по-своему убедительно обоснованные мнения. Но наиболее распространенное, разделявшееся и штабом дальнего космофлота, сводилось, в принципе, к тому, что у Андрея Дзю произо-

шла активизация древней, так называемой родовой, или генетической памяти, которая у психически нормального человека заторможена, создавая лишь слабый, эмоциональный фон при восприятии действительности. Лишь во сне иногда снимаются эти тормоза! И тогда человек видит странные, увлекательные и пугающие сны: он видит пейзажи, города, человеческие лица, никогда не виденные им наяву и в то же время до боли знакомые. У Андрея же Дзю родовая память отчасти растормаживалась и во время бодрствования. Отсюда — староуральские акценты его речи, отсюда смешение настоящего с близким и давним прошлым. Именно это и заставляло психологов сомневаться в полной психической полноценности Андрея Дзю, подрывая доверие к достоверности его информации.

Лобову было отрадно узнать, что Ян Кирсипуу, мнение которого он ценил очень высоко, общепринятой точки зрения на психическое состояние Андрея Дзю не разделял. Кирсипуу считал, что старый хитрован и теперь хитрит, только на новый лад. Маску уральского деда Дзю надел специально. Старику живется скучновато, вот он и затеял приглянувшуюся ему игру. К тому же маска нарочитой простоватости позволяла ему легко уходить от ответов на те вопросы, на которые он не хотел или не мог отвечать. Кирсипуу был убежден, что за пределами провалов памяти, когда старый космонавт порою терялся в различиях между сном, грезой и явью, Андрей Дзю был вполне нормальным человеком с острым умом и цепкой еще памятью. Но он хитрит! Он относится к уиктянским моноцитам, как к своим братьям, а может быть, и детям. Старый космонавт боится за их судьбу. И какие-то ключи для установления доверительных контактов с ними хранит при себе.

— У тебя есть жена, Иван Лобов? — вдруг спросил Дзю.

Иван надолго задумался, прежде чем ответить.

— Есть.

— А дети?

— Детей нет.

— Что так?

Лобов хотел было спросить — разве вы сами не знаете? Но, спохватившись, пояснил:

— Детей теперь рожают либо в молодости, в начале жизни, живут для детей, либо уже после сорока, когда дело жизни положено и можно передохнуть.

— Поздновато — после сорока! А как быть? У меня вот не было ни жены, ни детей. Все клал, как ты говоришь, дело своей жизни. А как положил и оглянулся, — уже старик! И само дело это — будто в тумане: что видно, что еще угадываешь, когда поднатужишься, а что и совсем кануло, будто и не было его никогда. — Приглядываясь к Лобову, старый космонавт спросил: — Ты замечал, Иван Лобов, что маленькие дети похожи друг на друга? Когда совсем маленькие, так и не поймешь — мальчик ли, девочка, замечал?

Иван кивнул.

— Вот и старики похожи друг на друга. Не так сильно, как дети, но похожи. Может, только гении да подлецы сильно разнятся от других, да сколько их, гениев-то да подлецов? А так — похожи! Выцветает человек к старости, выветривается. Видел статуи из песчаника, веками стоявшие под ветром пустынь? Сглажены у них черты, выдуты, потому и трудно отличить одну от другой. Так и человек, сглаживается под ветром жизни, выцветает. И мир, что видит он вокруг, выцветает в его глазах, черно-бслым каким-то становится, хотя и видишь его краски. Краски, а не настоящий, живой цвет, как в детстве и юности! И мир из-за этого кажется ненастоящим. Будто не жизнь видишь, а представление в театре, где декорации сляпали кое-как. И чувствуешь, скоро занавес закроется, погаснут софиты и воцарится вечный мрак! — Андрей Дзю присмотрелся к Лобову и улыбнулся самыми кончиками губ. — Страшно?

— Страшновато, — подтвердил Иван.

— Вот! Когда не настоящая жизнь, а театр, так не страшно, а страшновато. Раз театр, то представление должно когда-нибудь закончиться. Обязательно! Актеры устанут, декорации поломаются. Любопытно, какой конец у представления. Какой уж тут страх! Хотя, чего зря говорить, — страшновато!

Старик проницательно взглянул на Лобова:

— Ты ведь по Уикту пришел ко мне, Иван Лобов?

— Так, Андрей Андреевич.

— И ты туда же! Всем нужна Уикта. — Дзю задумался, постукивая пальцами по подлокотникам кресла. — Знаешь, Иван Лобов, первый раз мир показался мне ненастоящим, похожим на театр не здесь, а на Уикте. Как наваждение! И полет по рукаву Ориона, и крылатая Галактика, и сама Уикта со своими лугами, лесами и зверями, — все казалось мне представлением и театральны-

ми декорациями. И с той поры я не могу избавиться от этого чувства! Порой кажется, что я и не на Земле вовсе, а по-прежнему на Уикте. Прилет спасателей на «Спике», возвращение на Землю, лечение — все это сон. А беседка, дом и все остальное — декорации, сделанные моими друзьями-моноцитами, чтобы легче жилось на покое, когда пользы от меня — никакой! Может быть, ты — вовсе и не Иван Лобов, а Тук или Добрыня, принявшие твой облик, чтобы немножко развлечь меня. Понимаешь теперь, командир «Торнадо», почему мне не страшно, а только страшновато да и любопытно думать о том, что представление скоро окончится, упадет занавес и наступит темнота?

— Понимаю, — сдержанно сказал Иван.

Он не стал говорить Андрею Дзю, что нечто подобное испытывает каждый впечатлительный, а стало быть и незаурядный космонавт, побывавший на чужих планетах, похожих на Землю. Находясь там, порою трудно отделаться от навязчивой мысли, что все происходящее с тобою сейчас — всего лишь сон, который грезится тебе в родном доме. А вернувшись на Землю, иногда ловишь себя на пугающей мысли — не сон ли то, что ты видел на Орнитерре или планете Шутников?

— Там, на Уикте, я еще не был стар, — продолжал Дзю. — Говорят, я был болен, хотя и не догадывался об этом. Почему же не догадывался? Догадывался! Если бы я не владел искусством догадки, разве бы я сидел сейчас перед тобой, командир, когда мне три года осталось до ста лет? Догадывался, но ничего не мог с собой поделать. И когда Пламен вывалил передо мной ворох уиктянских загадок, не выдержал и рассказал ему о своих мыслях, о ландшафтных декорациях вокруг нас, о животных-марионетках, управляемых не то злодеем, не то насмешником.

Старый космонавт перехватил удивленный взгляд Лобова и тихонько засмеялся.

— Ты думал, что это фантазии Пламена? Все так думали и думают! Я не стал разубеждать: сил для этого нужно много, а толку — никакого. Да и как не старайся, всех не переубедишь.

Андрей Дзю умолк, улыбка медленно сошла с его лица, будто угасла.

— Пламен был настоящий космонавт — отважный и добрый. И специалист отменный! Вот осторожности ему не хватало. Это не беда, не всем осторожность дана от рождения. К иным она приходит с годами. Не учел я тог-

да, что этих лет у Пламена маловато! Выложил я ему все свои бредни, в которые и сам-то по-настоящему не верил. Уж очень мне хотелось, чтобы он не замыкался в биологическом профессионализме, а сделал первый шаг в сторону мудрости. Без нее нельзя стать первопроходцем! Я любил Пламена как сына и прочил его себе на смену. А Пламен обеспокоился. Ему хотелось завтра же доказать мне, что мои бредни — это бредни! И что у квазиполиков-животных мозг совмещен с централизованным генотипом, а нервная система — с генетической системой, по которой к каждой псевдоклетке и подается необходимая доза наследственной информации. Сходство чужих планет с Землей завораживает, ты это хорошо знаешь, сынок. Заворожила Уикта Пламена! Забыл он о том, что это не Земля и что всякий новый шаг по этой планете грозит неожиданностями, которые человеку знать еще не дано. Э, да что говорить об этом!

Дзю оборвал свою, похожую на пересказ только что оборванного сновидения речь и сердито посмотрел на Лобова, точно это именно он был виноват в случившемся на Уикте.

— Ты плакал когда-нибудь? — вдруг спросил он и, видя, что Лобов не вполне понимает его, уточнил: — По-настоящему, как плачут женщины? Плачут, ничего не видя вокруг?

— Нет, так я не плакал.

— А я плакал, один раз. Когда взорвалась «Надежда» и вместе с нею погиб Пламен Делчев. Я плакал так, что ничего не видел и перестал понимать, где я и что со мной. Я плакал не только потому, что любил Пламена как сына! Я плакал и потому, что остался на этой чужой планете один. Без связи. Без шлюпа. Без надежды снова увидеть людей и Землю. Мне было жутко, как это бывает в детстве. Когда проснешься в темноте и не можешь понять, где дверь, где окно. И где ты вообще находишься! Мне было жутко, как в детстве. И хотя я был не ребенком, а Андреем Дзю, я знал, что никто меня не видит, никто не узнает, как я плачу. Вот я и дал себе волю!

— Я понимаю, — глухо сказал Иван.

Он и правда понимал. Каждый космонавт, оставаясь один на один с чужим миром далеко от Земли, знает мучительное чувство жути, которое человек обычно испытывает только в сновидениях. А если при этом сознаешь, что нет надежд на возвращение? Наверное, не все при

этом плачут. Некоторые сходят с ума. Другие кончают самоубийством. Третьи...

— Если бы ты не понимал, я бы и рассказывать тебе не стал, Иван Лобов. — В угольных глазах Андрея Дзю обозначилась некая ироничность. — Судьба любит шутить с нами! Я думал, что меня никто не видит, а меня видели. И хотя трудно придумать в мире разума что-нибудь более непохожее, чем люди и моноциты, они поняли мое отчаяние, мое горе. И пожалели меня. Тук потом признался, что если бы в тот злополучный день я не горевал так сильно и откровенно, моноциты умертвили бы меня. Ведь в их глазах я был виновником гибели двух их собратьев. Собратьев, пошедших на великий подвиг и для раскрытия тайны неведомого забравшихся внутрь громады, упавшей с неба.

Старый космонавт помолчал и уже спокойнее продолжал свой рассказ:

— Месяцы, что прошли до знакомства с Туком, я прожил как во сне. Не в том смысле, что не помню себя. Помню! Я боялся сойти с ума, изо всех сил держал себя в руках и искал, искал разумных, запустивших маршевый двигатель «Надежды». И все-таки, как сон! Все дни похожи, а потому слились в один долгий день. Время будто остановилось! Это пугало. Мне снились земные сны! И я порой сомневался, может, мои сны — это и не сны вовсе, а действительность, путающаяся в больном мозгу? А Уикта — сон. Длинный, тяжелый сон. Сон — и ничего больше! Потом, когда я познакомился с Туком и другими моноцитами, когда я научил говорить их на земном языке, стало легче. А когда я пообвык в их обществе, присмотрелся, стало и вовсе хорошо. Человек — существо привычливое! — Андрей Дзю пожал сухими плечиками и взглянул на Ивана недоуменно и в то же время хитренько. — Ты не поверишь, сынок, но когда на Уикту прилетели спасатели, они показались мне уродами. Сколько лишнего! Ходули ноги, щупальцы руки, зубастый рот. То ли дело мои моноциты! Круглые шары, ничего лишнего. Надо — выбросит ручки, а как они сделают свое дело, спрячет, будто их и не было. Надо — плюнет импульсом света, что твой лучевой пистолет, пугнет врага. А перейдет на генерацию, так что пищу готовить, что тоннель пробивать, — одинаково хорошо.

Старик замолчал, глядя перед собой и позабыв о существовании Лобова. Пауза затягивалась. Чтобы напомнить о себе, Иван приподнялся и снова сел, переменив позу.

— Что тебе, сынок?

Глаза у Дзю были пустые. С чувством щемящей жалости Лобов понял, что старик забыл о знакомстве, забыл о разговоре: он смотрел на Ивана как на чужого человека, только что появившегося в беседке. Вспомнив наставления самого Андрея Дзю, мимоходом высказанные им самим, Иван представился:

— Я командир патрульного корабля «Торнадо», Иван Лобов.

Припухшие веки старика дрогнули, угольки глаз сверкнули мыслью.

— Иван Лобов, как же! — В глазах скользнуло и пропало беспокойство. — Мы славно поговорили с тобой, Иван Лобов. Иль пригрезилось мне? У стариков ведь, что явь, что сон, — не сразу и разберешь.

— Нет, Андрей Андреевич, не пригрезилось.

— С тобой хорошо говорить, сынок. Ты спокойный, терпеливый. Не суетишься, как другие. По делу ведь ко мне, угадал?

— Угадали. Я на Уикту собираюсь. Вот и пришел к вам за советом.

Старик молчал, заново разглядывая Ивана. Потом вздохнул:

— Чего врешь? Уикта для экспедиций закрыта! Или перемены какие?

— Я пойду так. — Иван провел рукой по телу. — Без оружия, без скафандра, с непокрытой головой. Так можно.

— И не боишься?

— Боюсь.

— И все-таки пойдешь?

— Пойду. Надо!

Старый космонавт одобрительно мотнул головой, повозился, устраиваясь в кресле поудобнее, и потребовал:

— Расскажи.

Андрей Дзю умел не только говорить, он умел и слушать. И по глазам его Иван видел, что мысль его работает сейчас остро: он не только слушает, но и цепко идет вслед за его словами. Ни разу он не перебил Ивана, лишь подталкивал его, когда он умолкал, сомневаясь, не потерял ли старик нити его мысли. Только когда Иван, уже завершая свой рассказ, заикнулся о том, что, может быть, и не придется идти на Уикту, может быть, Лена уговорит Мира Сладки ждать помощи на «Антаресе», Дзю перебил его:

— Не уговорит!

— Почему?

— Я не знаю Мира Сладки, зато знаю лоцманов. Храбрые ребята, пилоты знатные. Но как сказать? Ремесленники! Понимаешь, Иван Лобов? Не в обиду им скажу, нет в них искры Божьей и высокой веры. Лена, вот, точно ждать тебя собирается. Она в тебя верит! И знает, кто ты такой есть, командир «Торнадо» Иван Лобов. А Мир Сладки знать того, что ей ведомо, не может. Да и знай он, как он поверит в чудеса? Не поверит! А он командир. Уйдет он на Уикту, это точно.

— Я и готовлюсь к Уикте.

— Верно делаешь, командир. Уикты ты не бойся! Я, командир «Антареса», тебе помогу. Дело твое свято! Грех не помочь.

Глава 13

Мысль Лобова о том, что Лену Зим и Мира Сладки следует искать за границами Галактики — на Уикте, оказалась для Всеволода Снегина неожиданной. Он надолго задумался, покручивая в пальцах трехгранную ножку резного бокала и время от времени испытующе поглядывая на Лобова холодноватыми синими глазами. Иван был спокоен. Он рассеянно жевал сандвичи, вряд ли обращая внимание на то, что он ест, думал о своем и ждал, что ему ответит старый товарищ — начальник дальнего космофлота Земли.

— В этом есть смысл, — сказал наконец Всеволод. — Смысл есть, хотя шансы на удачу, прямо скажем, невелики.

Иван кивнул:

— Знаю. И все-таки, хочу попытаться.

— Понимаю. Тогда поговорим о технических деталях.

— Поговорим.

Иван отдавал инициативу Снегину. Чуждый многословию, он предпочитал отвечать на вопросы, пусть самые каверзные, а не краснобайствовать, излагая задуманное во всех деталях и тонкостях, которые живое дело потом все равно поломает. Всеволод, знающий Лобова так же хорошо, как и самого себя, а может быть, и лучше — в чужую душу проще заглядывать, не так страшно, улыбнулся уголками четко очерченных губ.

— До Уикты на форсаже не дойдешь — двигатели не выдержат. Максимально крейсерская скорость — вот самое большее, что ты сможешь себе позволить. А это два с половиной года по рукаву Ориона! Вынь да положь.

— Можно пойти не на рейдере, а на патрульном корабле. Тогда будет уже не два с половиной, а всего два года, — возразил Иван.

— У патрульного корабля для такого рейда не хватит ни энергии, ни жизненных запасов.

— В эллингах центральной лунной базы готовится к ходовым испытаниям гиперсветовой корабль нового образца — дальний патрульный. У него для полета на Уикту хватит и энергии, и жизненных запасов.

— Знаю, — перебил Снегин. — Но он еще не испытан.

— Я готов испытать его на марше по рукаву Ориона.

— Лихо! — Снегин некоторое время разглядывал товарища. — В нарушение всех существующих обязательных правил и инструкций.

— Я готов рискнуть. Да и риск невелик! Ведь «Перун» уже испытан на коротких маршах. Дальние ходовые испытания — больше формальность, чем настоящая необходимость. Дань традициям!

— И безопасности полетов.

— Я же сказал, что готов рискнуть. — Иван был само терпение.

— Поэтому ты и не берешь с собой Клима с Алексеем?

По губам Лобова скользнула легкая, едва уловимая чужому взгляду улыбка. Но чуткий Всеволод ее заметил и насторожился.

— Поэтому? — настойчиво переспросил он.

— Честно говоря, не поэтому, — поколебавшись, признался Иван.

— Понимаю, — кивнул Снегин. — На «Перуне» до пролива Персея идти два года, не меньше. Столько же обратно. Плюс обследование самой Уикты, об этом у нас с тобой речь еще впереди. Подготовка, возможны аварийные простои, то да се... Пять лет продлится эта экспедиция, пусть немного меньше.

— Да, около пяти лет, — согласился Иван.

— И ты не хочешь на эти долгие пять лет отрывать своих друзей от живого дела. Особенно Алексея, которому в Даль-Гей хочется попасть, наверное, не меньше, чем тебе на Уикту. А пролив Персея? Ты же не пройдешь его в одиночку!

Лобов спокойно взглянул в глаза товарища:

— Я пройду.

Снегин отвел взгляд, знал — этот пройдет.

— Хорошо, — согласился он после паузы, — пройдешь. Но два с половиной года одиночества! Я имею в виду марш

до пролива Персея и обследование Уикты. А может быть, и все пять... Нельзя ведь рассчитывать только на удачу! В напряжении гиперсветового полета ты не выдержишь такого одиночества, Иван. Не выдержишь!

Снегин ждал спокойной реплики Лобова: «Я выдержу». Но ошибся! Иван помолчал и согласно кивнул головой.

— Верно! Такого никто не выдержит. Но... — Он поднял глаза на товарища, и снова его губы тронула едва приметная улыбка. — Путь до пролива Персея можно сократить. Сильно сократить. Туда можно дойти примерно за полчаса. За тридцать минут, — уточнил Иван, видя, что Снегин отказывается понимать его.

Секунду-другую Всеволод смотрел на него как на сумасшедшего. Потом догадался в чем дело, зажмурился, покачал головой и снова взглянул на Ивана, теперь уже с восхищением.

— Гравитационный серфинг?

Лобов кивнул:

— Он самый. Я консультировался с астрофизиками службы безопасности. Есть несколько подходящих по удалению от рукава Ориона тесных звездных пар, находящихся в околокритическом состоянии. Специалисты гарантируют, что с помощью подпространственной торпеды спровоцируют новоподобную вспышку одной из них в точно назначенное время. Ну, а побочным результатом будет ударная гравитационная волна, которая пройдет по рукаву Ориона со скоростью, пропорциональной кубу скорости света. Все хорошо, только...

— Погоди, — остановил Лобова Всеволод. — Дай мне очухаться. И как следует подумать!

Снегин нацедил себе бокал росничка, опустошил до дна и еще раз, теперь уже жестом руки, попросил Ивана — не мешай, дай подумать и сориентироваться. Всеволод конечно же знал о проекте подрыва тесных звездных пар с помощью подпространственных торпед. Тесные двойные пары с периодами обращения меньше пяти часов, состоящие из массивных белых карликов и значительно более легких, хотя и больших по линейным размерам красных карликов, были взяты на строгий учет службой безопасности дальнего космофлота. Такие звездные пары неустойчивы и всегда готовы сорваться в огненную бездну новоподобной или даже новой вспышки. Вспыхивает белый карлик, все время захватывающий, аккрецирующий, как говорят специалисты, водородные запасы своего гораздо более рыхлого красного партнера.

Как только масса захваченного водорода превышает критический уровень, происходит термоядерный взрыв. За несколько суток яркость звездной пары возрастает во многие тысячи и даже миллионы раз. Одна звезда, чудовищно распухший при взрыве белый карлик, светит с яркостью миллионов Солнц! При этом выделяется огромное количество лучистой энергии. Особенно опасными для космических кораблей являются космические лучи, обладающие колоссальной проникающей способностью, а в подпространственных каналах — ударная волна гравитации. Но когда произойдет вспышка новой звезды, астрофизика не могла точно прогнозировать даже в двадцать третьем веке. Приходилось прокладывать маршруты гиперсветовых кораблей в обход опасных звездных пар и ограничивать пользование теми подпространственными каналами, которые могли стать стоками ударных гравитационных волн. Сложилась примерно та же ситуация опасности, как в двадцатом веке — в отношении опасности землетрясений. На земном шаре тогда были выделены сейсмически опасные районы. Сейсмологи научились определять наиболее неустойчивые зоны в этих районах, чреватые землетрясениями в ближайшем будущем. Но когда тектоническое равновесие земной коры будет окончательно нарушено и она содрогнется, раскалываясь трещинами и разваливая города и горы на своей поверхности: через день, через месяц или через год, — сейсмологи так и не научились определять. Поэтому в двадцать первом веке была разработана, а в двадцать втором начала проводиться в жизнь программа преднамеренного провоцирования землетрясений. Таким путем удалось начать сброс сейсмической неустойчивости земных недр на уровне сравнительно безопасных землетрясений средней силы и при соблюдении всех мер безопасности, включая эвакуацию населения.

В двадцать третьем веке такая же предохранительная программа была разработана по отношению к звездным парам, находящимся в околокритическом состоянии. Для провоцирования новой вспышки, разделяющей зоны тяготений партнеров звездной пары, к той самой точке Лангранжа, через которую от красного карлика к белому карлику перетекает водород, планировалось направлять подпространственные торпеды с гравитационным зарядом. Взрыв торпеды превращает узкую струю протекающего водорода в мощный поток. Лавинообразно обрушиваясь на белый карлик, он и провоцирует вспышку новой

звезды. Тщательные расчеты игры на математических моделях тесных звездных пар и предварительные опыты с гравитационными зарядами малой мощности не оставляли сомнений, что механизм искусственной вспышки новой звезды сработает успешно. Но до натурных звездных испытаний дело пока не доходило, хотя соответствующий технический комплекс был уже создан, снаряжен подпространственной торпедой и размещен на тяжелом гиперсветовом рейдере-носителе. Для накопления гравитационного заряда нужной мощности и запуска торпеды, рассекающей толщу трехмерного пространства, требовались колоссальные расходы энергии! Проще говоря, искусственная вспышка новой звезды стоила несоразмерно дорого по отношению к своей практической ценности в интересах безопасности космических полетов и спрямления космических трасс.

Конечно, такой эксперимент был в высшей степени престижен для земной цивилизации. Новая звезда, зажженная силою человеческой мысли! Можно ли придумать что-нибудь более впечатляющее? Но люди двадцать третьего века чурались эйфории эффектных, но пустых экспериментов. Они были не только романтиками, но и рационалистами. Они научились ценить свой труд и расходовать его с сиюминутной пользой и для подлинно необходимых великих начинаний, по которым человечество, как по ступеням, шагало к вершинам своего будущего. Людям двадцать третьего века было чуждо строительство египетских пирамид в их не только буквальном, но и символическом понимании. Атака Луны, предпринятая человечеством в середине двадцатого века, вызывала у них не только восхищение, но и ту самую снисходительную улыбку, с которой зрелые люди смотрят на милые, но далеко не безопасные порою детские забавы. Слишком уж ничтожна по сравнению с затратами труда была практическая польза от отчаянного, на грани возможностей и рядом с тенью смерти, прыжка человечества на лунную поверхность. Именно по соображениям практической целесообразности земляне двадцать третьего столетия откладывали исследование давно открытого рукава Ориона. Экспедиция «Антареса» была предпринята лишь тогда, когда во весь рост стала проблема освоения подпространственных каналов и длительных полетов в этих совершенно новых условиях.

Система искусственной вспышки новых звезд была полностью подготовлена, смонтирована на тяжелом рейде-

ре «Гром», но до времени законсервирована. «Гром», числившийся в резерве дальнего космофлота, ждал своего часа, а покуда он не пробил, занимался ординарными транспортными перевозками — поддерживал свою ходовую форму, удивляя непосвященных и необычностью надстроек, и малой грузоподъемностью по сравнению со своим бруттотоннажем. Для ввода его в настоящее дело требовался какой-то дополнительный — рациональный, перспективный для будущего стимул.

И вот теперь, благодаря Ивану Лобову, такой стимул появился!

Иван задумал отчаянную, по обычным канонам космических полетов и вовсе несуразную операцию. Работая во взаимодействии с «Громом», который займет боевую позицию по отношению к звездной паре, намеченной для подрыва и вспышки, Лобов решил войти в рукав Ориона на «Перуне», застопорить ход и ждать команд от руководителя операции. По предварительной команде вывести «Перун» на наивыгоднейшую для серфинга гиперсветовую скорость. По исполнительной — довернуть под наивыгоднейшим углом к фронту ударной волны, которая настигнет его после вспышки новой звезды. А потом... потом все дело в искусстве серфинга и удаче! Пилотажного мастерства Ивану не занимать, а удача — что ж, часто, очень часто, хотя и не всегда, она сопутствует отчаянным, но расчетливым начинаниям. Если Иван оседлает гребень ударной волны, она понесет его на себе словно щепку! Сохраняй передний фронт этой волны свою начальную скорость, пропорциональную кубу скорости света, на протяжении всей длины бега, он бы вынес «Перун» к проливу Персея в мгновение ока — в доли секунды. Но эту трудно вообразимую скорость ударная волна имеет лишь в первый миг формирования. А потом ее передний фронт начинает размываться, а скорость его стремительно падать по экспоненциальному закону. Как только она снижается до критического уровня, равного квадрату скорости света, ударная волна разрушается, серфинг прекращается. И корабль, заброшенный за сотни и тысячи световых лет, выходит на собственный маршевый ход. Иван утверждает, что на вспышке новой звезды оптимальной мощности до пролива Персея всего полчаса хода. Тридцать минут — и «Перун» вынесет по подпространственному рукаву Ориона на шестьдесят тысяч световых лет от Солнца! Конечно, на оптимальный серфинг рассчитывать трудно, можно и не доехать до пролива Персея на

гребне волны, а можно и переехать, проскочив вместе с нею в загалактическое пространство. На корректировку серфинга могут потребоваться часы, сутки, а может быть, и недели. Но что значат эти сроки по сравнению с обычным, крейсерским ходом по рукаву Ориона, который затягивается на два-три года!

Мысли эти, пестрой лентой промелькнувшие в сознании Снегина и спутавшиеся в трудно читаемый клубок, и заставили его «попросить пардону» — сказать Лобову, что ему нужно очухаться, прийти в себя. Постепенно из вороха соображений сама собой выкристаллизовалась главная мысль: предложение Ивана и было тем недостающим стимулом, отсутствие которого тормозило введение программы искусственных вспышек новых звезд! Теперь искусственная вспышка новой становилась не только мерой безопасности, но и перспективнейшим в деле развития сверхскоростных и сверхдальних гиперсветовых полетов экспериментом. Риск? Во все исторические времена шаги человечества в неизведанное сопровождались риском. Так было и так будет! Секрет в том, чтобы сам риск сделать как можно меньшим, а пользу от рискованной операции — как можно большей. Решив, наконец, про себя весь комплекс проблем, который, точно иголка нитку, вытянул анализ, Снегин поднял голову и просто сказал:

— Предложение твое принимается.

Лобов шумно вздохнул:

— Спасибо, Всеволод. Спасибо, дружище. Век не забуду!

Снегин холодно усмехнулся:

— Ты еще добавь, моритурите салютант. Идущие на смерть приветствуют тебя, — так говорили гладиаторы, шедшие на арену Колизея.

Лобов пожал литыми плечами:

— Не собираюсь умирать. Я только хочу побыстрее добраться до пролива Персея.

— Собираешься, — отрезал Снегин и после паузы спросил: — Какова вероятность успеха твоей операции?

— Половина, — неохотно ответил Иван и улыбнулся своему хмурому собеседнику. — Но мне приходилось бывать и в худших переделках. Ты знаешь, Всеволод, сколько раз.

— А если у тебя будет напарник за вторым штурвалом? Для страховки, подчистки и вообще — на всякий случай. Тогда какова вероятность успеха?

— Тогда — семьдесят процентов, — еще более неохотно проговорил Иван.

— Вот видишь. Совсем другое дело! На такой вероятности Юрий Гагарин взлетел в космос. Это уже не дурацкое фифти-фифти. На семидесяти процентах можно и рискнуть!

— Я не могу рисковать чужой жизнью по личным мотивам!

— При чем тут личные мотивы? Речь идет об операции службы безопасности и об эксперименте сверхскоростного и сверхдальнего полета!

Лобов упрямо покачал головой:

— Все это — вторичная надстройка. Я иду на это дело по личным мотивам — ради Лены. Об этом знают Клим и Алексей, именно поэтому они дали мне свободу действий.

— Они дали тебе свободу потому, что ты упрям как козел! Знали, тебя не переспоришь. Еще неизвестно, как они поведут себя в дальнейшем.

Но Иван не дал сбить себя с мысли и продолжал так, будто и не было реплики Снегина:

— Об этом знаешь ты. Скоро об этом будет знать весь космофлот. Об этом, наконец, знаю я, понимаешь, я сам! И я не могу кривить душой — знать одно, а говорить другое.

Снегин кивнул в знак понимания:

— Ясно, мотивы у тебя сугубо личные, и ты даже гордишься этим. Орфей в гордом одиночестве отправился за своей Эвридикой в царство мертвых, а ты, такой же гордец, хочешь в одиночку отправиться за Леной в царство Уикты.

— Хочу.

— Но ты забыл о том, в какое время жил Овидий. И в какое время живешь ты!

— При чем тут Овидий?

— При том, что именно Овидий изложил эту историю с Орфеем и Эвридикой, и ты об этом отлично знаешь. Но когда жил Овидий? На закате Римской империи, во времена Нерона.

Лобов улыбнулся горячности товарища, он даже любил эту его черту.

— Положим, Овидий жил на полвека раньше. Во времена Октавиана и Тиберия.

— Какая разница? «Страдальцем кончил он свой век, блестящий и мятежный, в Молдавии, в глуши степей, вда-

ли Италии своей», так, по-моему? Век был не только мятежный, но и дикий. Жизнь человека ничего не стоила. Овидию еще повезло — сослали на задворки империи — в Молдавию, а могли ведь угостить цикутой или вскрыть вены на ногах в ванне с теплой водой. Твой Овидий, вдали Италии своей, был страшно одинок! Поэтому и все его герои одиноки. Но теперь-то другое время. Да разве мы, твои друзья, допустим, чтобы ты отправился на встречу с ударной волной от звездного взрыва в одиночку? И чтобы ты один оказался на Уикте, в глуши степей, вдали родины своей?

Снегин помолчал, успокаиваясь.

— Твое предложение принимается. Но с одной оговоркой. Этот дальний патрульный корабль «Перун» рассчитан на экипаж из четырех человек, я не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Помимо штурмана и бортинженера там предусмотрен и помощник командира, второй пилот.

— Так вот, предложение принимается с условием, что вторым пилотом с тобой пойду я. Ну, а Клим и Алексей, как я надеюсь, разделят нашу компанию.

Несколько долгих, весомых секунд Иван молчал.

— Ты?! — выговорил он наконец.

— Я, — с некоторым самодовольством ответил Всеволод и, очень довольный произведенным эффектом, засмеялся.

— Ты? — все не верил Лобов.

— Я, — теперь уже с грустью подтвердил Снегин, но его синие глаза были не грустными, а сердитыми, — засиделся я в своих административных креслах. Обюрократился! Недавно поймал себя на мысли, что на живое летное дело, для которого мне когда-то и жизни было не жалко, смотрю вроде как сверху — пренебрежительно. Как же, командующий всем дальним космофлотом, член Совета Земли! Осточертело!

Лобов молча смотрел на товарища, и веря и не веря его словам. Снегин усмехнулся углом рта и заговорщицки придвинулся к Ивану.

— Мне надо встряхнуться! Снова, как в молодости, подергать за бороду его величество случай. Лучше твоего проекта придумать для этого ничего невозможно! Ну, а потом можно будет подумать и о том, оставаться мне на посту командующего или настало время менять профессию. Желающие руководить — всегда найдутся.

— А как же твои далийские дела? — все еще сомневался Лобов.

— Неужто Земля оскудела дипломатами? Совет Земли найдет кому передоверить мои контакты с Таигом. Да черт с ним, с Даль-Геем, в конце концов!

Снегин засмеялся, и Иван разглядел в нем вдруг проглянувший облик лихого командира патрульного корабля.

— Ну, берешь меня в помощники?

— О чем разговор? Конечно, беру! — Но, судя по всему, сомнения еще не оставили Лобова. — Ты подумай еще раз. Подумай хорошенько! Стоит ли рисковать? Ведь пойдем не на прогулку.

Снегин долго молчал, прежде чем ответить.

— Хочешь начистоту? Совсем начистоту?

— Иначе в таком деле нельзя.

Снегин вздохнул, с некоторой снисходительностью поглядывая на товарища.

— Можно, Иван. Можно! В любом деле можно лукавить. Но с тобой я лукавить не хочу. Я иду с тобой не только по велению сердца, не только по дружбе и потому что мне надоело сидеть в кресле командующего. Хотя и то и другое в моем решении присутствует. Я иду еще и потому, что хочу поделить с тобой, Климом и Алексеем славу первопроходцев. Я честолюбив, Иван! Мне хочется, чтобы мое имя сохранилось в памяти человечества.

— Оно сохранится и без этой операции, — мягко заметил Иван. — Имя командующего дальним космофлотом второй половины двадцать третьего века.

Снегин пренебрежительно шевельнул бровью:

— Это не слава. Не та, настоящая слава, которая остается в памяти человечества навсегда. Я хочу славы Христофора Колумба, Юрия Гагарина, Андрея Дзю! И ты можешь подарить мне эту славу, если возьмешь на «Перун». Теперь я сказал тебе все как на духу. Вот и решай окончательно — берешь меня на борт «Перуна» или нет.

— Конечно, беру! И если хочешь, садись на левое кресло, за командира. Я не жаден до славы, Всеволод.

— Знаю. Но хоть я и жаден до славы, слева не сяду. Интересы дела прежде всего. — Снегин грустновато улыбнулся. — Как пилот, ты сейчас на голову выше меня. Да пожалуй, и всех остальных!

— Не преувеличивай, — поморщился Иван.

— Скромность — паче гордости. А вообще, ты прав. Как писал этот громкогласный поэт-трибун? Сочтемся славою, ведь мы свои же люди! — Снегин подсел к Ивану вплотную, приобнял его за плечи и спросил: — Сколько мы сидим здесь с тобой?

Лобов на секунду задумался.

— Минут тридцать — сорок, не больше.

— Тридцать — сорок. — Всеволод, морща в раздумье высокий лоб, покачал головой. — А через месяц-другой, когда на гребне ударной волны примет старт «Перун», за тридцать — сорок минут нас вынесет по рукаву Ориона за пределы Галактики в окрестности Одинокой Звезды! Можно ли верить в это?

— Тридцать минут — это в идеале, — практично заметил Иван. — Отдел астрофизики, выбирая звездную пару для вспышки, будет, конечно, к нему стремиться. Но вряд ли он достижим.

— Я и говорю об идеалах. — Снегин повел рукой. — Смотри, Иван!

Шумел и плескался фонтан, вокруг которого под негромкую музыку двигались пары танцующих. Одни молча, полностью отдавшись ритму движений, другие — обмениваясь короткими репликами, и третьи — будто полностью погрузившись в оживленный разговор. Среди танцующих Иван заметил и красавицу-африканку. И она перехватила взгляд, только не его, как спустя секунду понял Иван, а Всеволода, сидевшего рядом. Подняла в приветствии смуглую руку и улыбнулась, сверкнув полоской сахарных зубов.

— Смотри, Иван, — повторил Снегин.

Между горками цветов и разноцветной зелени растений сидели за столиками космонавты и их друзья. Ели и пили, просто отдыхали в привычной для себя атмосфере. Говорили, хохотали, слушали, глядя в глаза собеседников, печалились, улыбались и отрешенно молчали.

— Смотри, Иван. Это жизнь! Земная жизнь, которую я люблю столько же, сколько самого себя. Да это и есть я сам, только в бесконечно разных отраженьях. Сколько людей! Сколько разных, непохожих страстей!

Иван покосился на Снегина, стараясь понять, куда он клонит. Медальное лицо Снегина было взволнованным, почти грустным. Но перехватив взгляд товарища, он улыбнулся.

— Тридцать минут — в идеале, как ты справедливо уточнил, и мы с тобой, покинув все это, оказываемся под черным небом бесконечности, в котором парит светлокрылая Птица — Галактика. У тебя не кружится голова? Тебе не хочется заплакать? Может быть, от счастья, может, от горя, может, от вкушения живого чуда?

Иван не ответил ни на улыбку, ни на вопросы товарища. Он не выглядел ни грустным, ни взволнованным. Всеволод подавил в себе разочарование, похожее на раздра-

жение, разочарование душевной разделенности... И тут вдруг понял, почему Иван так отрешен от кипящей здесь, в кафе земной жизни. Понять это было так легко, что Снегин устыдился своей недогадливости. Глядя на танцующих и на сидящих за столиками, Иван конечно же машинально искал в этой привычной для глаза космонавта обстановке Лену Зим. Не мог не искать! И если для него, Всеволода, полет к Уикте был волнующим риском, сказкой, подвигом, погоней за удачей и славой, то для Ивана это было естественным движением души. И делом, которое во имя своей любви надо было сделать возможно чище и лучше.

— Ладно, — после паузы проговорил Снегин, — вернемся от поэзии к прозе.

Иван некоторое время непонимающе смотрел на него, потом сдержанно согласился:

— Вернемся.

— Проход пролива Персея на ударной волне гравитации — вот соль задуманной тобой операции с позиций человечества. Но для тебя лично — это ведь не цель, а только средство. Я не ошибаюсь?

— Нет.

— От пролива до Одинокой Звезды рукой подать. Но, ты знаешь, для силового обследования Уикта закрыта. И я против снятия этого запрета.

— И я против.

Снегин удовлетворенно кивнул. Он снова чувствовал себя командующим дальним космофлотом, а не помощником командира патрульного корабля, роль которого он сам себе уготовил в будущем.

— Цивилизация моноцитов, цивилизация без науки в нашем понимании и вовсе без техники, — уникальна. И даже если мы попробуем добиться хотя бы частичной отмены запрета, все равно ничего не получится. А высаживаться на Уикту без оружия и средств активной защиты... Ты знаешь, что из этого получилось.

Лобов отрицательно качнул головой.

— Не знаю. И никто не знает.

— Верно. Но как бы то ни было, пропала целая экспедиция. На тяжелом рейдере!

— Пропала — это не значит погибла.

— И это верно. Но много ли будет проку, если и мы пропадем там без вести?

Иван ответил не сразу.

— Видишь ли, — проговорил он в раздумье. — Может быть, нам и вообще не придется идти к Одинокой

Звезде. У пролива Персея на мертвом якоре стоит «Антарес» — все еще ждет ремонта. Энергии и жизненных запасов на нем, из расчета на двух человек, примерно на год, я справлялся. И если Лене удалось уговорить Мира Сладки, они будут ждать нас на «Антаресе».

— Ждать? Чего ждать, если жизненных запасов там на год, а ходу туда от Земли — по меньшей мере два? Они же не знают о сумасшедшей твоей идее, о гравитационном серфинге!

— Знают, — спокойно возразил Иван. — По крайней мере, Лена знает. Я ведь долго вынашивал эту идею. И естественно, поделился своими мыслями с Леной. Она даже слово взяла с меня.

— Какое слово!

— Если я решусь на эксперимент, то непременно возьму ее с собой, в порядке исключения. — Лобов улыбнулся этому воспоминанию и поднял глаза на Снегина. — Лена будет ждать меня на «Антаресе». Она меня знает. Будет! Если, конечно, ей удастся убедить Мира Сладки.

— Будет, — согласился Всеволод, поглядывая на товарища с непонятной для самого себя грустью. — А если Мира убедить не удастся? А он — командир, ситуация — аварийная, Лена же — человек дисциплинированный.

Лобов кивнул.

— Дисциплинированный. — Он вздохнул. — Если убедить Мира не удастся, они пополнят свои запасы на «Антаресе» и уйдут на Уикту. Но, может быть, они все-таки подождут месяц-другой!

— Может быть, и подождут. А может быть, и не подождут! Как их встретит Уикта? И как мы будем их искать? Если силовое воздействие исключено!

В глазах Лобова мелькнула лукавинка.

— У меня есть пароль к моноцитам.

— Какой пароль?

— Я встречался с Андреем Дзю. И он дал мне пароль к Туку, с которым дружил больше других.

— Никогда не слышал о пароле! — В эмоциональности Снегина слышалось не столько недоверие, сколько возмущение — в конце концов, разве не ему, командующему дальним космофлотом, полагается первым узнавать о таких вещах?

— Андрей Андреевич никому и не говорил об этом.

— А тебе сказал?

Лобов кивнул:

— Мне сказал.

Эпилог

Ударная волна гравитации от вспышки новой звезды, белого карлика тесной звездной пары — ВМ 1713 по каталогу службы безопасности, рассыпалась в двух — пяти часах хода на крейсерской гиперсветовой скорости от пролива Персея.

— Попадание в десятку! — удовлетворенно констатировал Снегин, когда Клим доложил результаты обсервации. Он гордился работой отдела астрофизики, сумевшего выбрать и саму звездную пару, и гравитационный заряд подпространственной торпеды. И не скрывал этого!

Серфинг прошел гладко. Сказались пилотажные тренировки, которыми изнурял себя не только Лобов, но и Снегин в период подготовки к экспериментальному полету. Тренировались на пилотажной модели «Перуна», условия серфинга задавались математическим имитатором процессов ударной гравитации. Сначала в простых, а потом во все более сложных условиях, вплоть до критических по углам подхода и характеру переднего фронта ударной волны.

— В общем-то, как на тренажере, — сказал Иван, снимая со штурвала руки. И тыльной стороной левой кисти провел по лбу, стирая капли пота — непросто дался ему этот экстремальный получасовой пилотаж.

Реплику Лобова экипаж «Перуна» встретил дружным смехом. Смех этот был естественной разрядкой того высокого, хотя и незаметного внешне напряжения, в котором космонавты находились последние часы. Служба безопасности перед запуском торпеды в точку Лангранжа поверхности Роша еще раз уточнила вероятность благоприятного исхода встречи ударной волны и последующего серфинга. И сообщила ее значение на борт «Перуна», уже стоявшего на исходной позиции в рукаве Ориона. Эту вероятность, вероятность жизни в противовес гибели, равную семидесяти шести процентам, каждый из находящихся на борту серфингующего корабля все время держал в голове. Семьдесят шесть! Много это или мало? Все зависит от точки зрения. Если сидеть в ЦУПе, центре управления полетом, семьдесят шесть процентов выживания выглядят приемлемо, но когда сидишь в кабине идущего на гиперсветовой скорости корабля, слышишь команду запуска гравитационной торпеды и знаешь, что через считанные секунды обрушится ударная волна, способная разнести тебя в молекулярную пыль, счет идет другой. Ра-

зум, как ни старайся, упрямо цепляется не за вероятность благополучного исхода, а за вероятность гибели. И двадцать четыре процента начинают казаться непомерно большой, к тому же ужасно несправедливой цифрой. Это значит, что из четырех попыток серфингирования одна, как это ни печально, кончится катастрофой. А какая — четвертая или же сразу первая — неизвестно!

Итог причинам смеха подвел Кронин, заметивший с напускной серьезностью:

— Я тоже не заметил особой разницы между тренажером и полетом на серфинге. И в том и в другом случае — это своего рода хождение по бревну. По существу процесса — разницы никакой. Но в первом случае бревно лежит прямо на земле, а во втором — перекинуто через пропасть, на дне которой бушует горный поток.

Инженер, конечно, шутил. Он шутил потому, что именно в такой форме, привычной для себя и приятной для других, привык снимать напряжение рискованных ситуаций. Он шутил и потому, что за это время Иван Лобов не проронил ни слова. Мысленно Иван был уже там, за проливом Персея. Пройдет два с небольшим часа, «Перун» пройдет этот пролив и вынырнет из гиперсвета в живое, эйнштейново пространство. Иван выйдет на связь с «Антаресом»... И все станет на свои места!

Надежда, если она поселяется в душе такого человека, как Иван Лобов, обладает завораживающими свойствами. Убедив себя, что Лена и Мир Сладки живы, Иван сумел убедить в этом и других. И за хлопотами программы экстраординарного полета на гравитационной волне эта убежденность как-то незаметно превратила надежду в реальность. Подсознательно у экипажа «Перуна», включая и самого Лобова, укрепилось мнение, что самое главное — это серфинг. Благополучный серфинг! А далее серьезных проблем уже не будет, вопрос о спасении Лены и Мира Сладки решится как бы сам собой. Разум Лобова полусознательно отворачивался от того жгучего факта, что вовсе неизвестно — уцелел бортовой шлюп «Денеболы» или нет, живы Лена и Мир Сладки или погибли. «Потом, это все потом! — твердил торопливо разум, когда внимание Ивана невольно обращалось к этому вопросу вопросов. — Сначала серфинг, все остальное потом!» И вот это самое потом наступило. И грызло — сердце, душу и разум Ивана Лобова. Ждать оставалось два часа. Всего два часа, долгих, проклятых часа, полных вспышек надежд и тщательно скрываемого отчаяния!

Лобов взглянул на Снегина:

— Мне кажется, теперь тебе надо занять левое кресло, Всеволод.

Синие глаза Снегина похолодели.

— Почему?

Вопрос прозвучал излишне резко, и Снегин пожалел об этом. Он всегда был самолюбив, а поэтому и обидчив, знал за собой этот недостаток, старался блокировать его, но... То, что легко удавалось ему в служебном кабинете, на совещаниях и советах, не всегда давалось в области личных контактов. Всеволоду показалось, что Иван просто жалеет его и в утешение, потакая чужим амбициям, уступает ему командирское кресло и право пилотировать корабль от первой руки. А пожалел Снегин о своей резкости потому, что тут же, вторым ходом мысли понял — не до жалости и не до чужих амбиций сейчас Ивану. Но слово, излишне резкое в корабельной атмосфере, уже вылетело — не поймаешь его, как это хорошо известно. Но Иван или не обратил внимания на его резкость, или попросту ее не заметил.

— Ради дела, конечно, — ответил он и, видя, что товарищ не вполне понимает его, добавил: — Подустал я на серфинге. Да и вообще, ожидание мучает! Будь я один, собрался бы. А когда есть ты, зачем?

Снегин положил руку на его плечо:

— Все будет как надо. Не беспокойся!

— Да я и не беспокоился. — Лобов помолчал и признался: — Если бы я и собрался, все равно с тобой мне сейчас не потягаться. Расклеилась моя душа! Так что, дела ради — садись слева.

Напряжение Ивана достигло предела, когда «Перун», ведомый Снегиным, благополучно прошел пролив Персея и в заданной точке живого пространства вынырнул из локального тоннеля гиперсветового хода. Волновался конечно же не только Иван, напряжение на борту «Перуна» было общим. Оно было таким, что «выхлоп» корабля в мир ординарных пространственно-временных связей, обычно тяжелый по своим физическим и психологическим последствиям для экипажа, на этот раз прошел как бы незамеченным, чему, конечно, помог и длительный опыт гиперсветовой работы, и то высокое пилотажное искусство, с которым Снегин уложил «Перун» с гиперсвета прямо в состояние покоя.

— Спасибо, Всеволод, — сказал Лобов, когда «Перун», поматываясь на всех осях от перегрузок, уравновесился,

наконец, в состоянии покоя. — Никто бы не сделал этого лучше.

Знаком показав товарищу, что берет теперь управление на себя, Иван включил ревун. Так на жаргоне гиперсветовиков назывался кодовый сигнал: «Всем, всем, всем! Отвечай, кто слышит!» Если Лена и Мир Сладки на «Антаресе», если они даже только побывали на нем, уйдя потом на Уикту, бортовой компьютер корабля они конечно же привели в дежурное состояние, — он ответит! Ревун исправно работал секунду, другую... десять секунд... двадцать, — «Антарес» не отвечал. Заметив, как каменеет лицо Ивана, Снегин посоветовал:

— Попробуй на аварийной волне ближней связи. Мало ли что!

Толчком большого пальца Лобов перекинул тумблер срочного вызова на аварийную волну. И снова, звонкими каплями отдаваясь в накаленном сознании эхом уходящего времени, потянулись секунды ожидания. «Антарес» не отвечал и по линии ближайшей связи на аварийной волне.

— Введи в сигнал свой персональный позывной, Иван, — вдруг посоветовал Клим, — кодом на сегодняшнюю дату.

— Это идея! — поддержал инженер.

— Да и почему, в конце концов, не попробовать? — резюмировал Снегин.

У Ивана были свои основания поступить именно так — на основе информации, которую ему и только ему под честное слово передал Андрей Дзю. Он набрал на каблоблоке свой персональный позывной «001», а затем год, месяц и число по мировому времени. Помедлив несколько секунд, ведь это был последний шанс, Лобов нажал исполнительную кнопку. Теперь его персональный позывной, зашифрованный сегодняшним кодом космофлота, начал дополнять всеобщий вызов ревуна. Позывной сработал! Почти без паузы по громкоговорящей связи прозвучал безликий голос бортового компьютера.

— «Антарес» на связи!

— Ура! — закричал экспансивный Клим.

Его поддержал и Алексей, а Всеволод, сидевший рядом с Лобовым, потянулся к нему и приобнял за плечи. Если связь с «Антаресом» была распечатана личным кодом Ивана, можно было почти не сомневаться в том, что Лена Зим побывала на его борту. Иван понимал это лучше, чем кто-нибудь другой, но не позволил себе радо-

ваться. Он знал, как коварен бывает даже счастливый случай. И как всякий гиперсветовик со стажем, Иван был суеверен, без всякого налета мистицизма, конечно, — просто боялся испугать удачу.

— Сидеть по местам, — не форсируя голоса, подал он традиционную команду. — Ходовая готовность!

— «Антарес» на связи... «Антарес» на связи... — повторял между тем с трехсекундным интервалом бортовой компьютер аварийного корабля.

— Прошу пеленг, — сказал Лобов, выключая ревун.

— «Антарес» зафиксирован, — почти без паузы откликнулся штурман. — Дальность девятьсот семнадцать километров. Маневр сближения рассчитан, выдан на ноль-индикатор. Норма.

— Маневровые двигатели на холостом ходу. Норма. — Это доложил инженер.

— К пилотажу готов. Ноль-индикатор в работе. Норма. — А это Снегин сообщил о своей готовности заменить командира при необходимости.

— Общая готовность. Ход!

Сближаться с «Антаресом» можно было по наиболее простому маршруту, который называли школьным — по оптимальному и по кратчайшему, наиболее сложному — экстремальному. Заметив, что Лобов ведет «Перун» по школьному маршруту, Снегин посмотрел на него с откровенным удивлением.

— Ничего, — поняв его взгляд, ответил Иван. — Я ждал долго. Подожду и лишних полчаса.

— Хочешь, возьму штурвал? Ручаюсь, пройду по экстремуму, как по ниточке!

— Не хочу. Так надежнее.

Снегин перехватил недоуменно-вопросительный взгляд Клима и, кивнув на Лобова, выразительно пожал плечами. Иван краем глаза заметил эту пантомиму своих импульсивных друзей и усмехнулся. Каждому свое! На финише сближения Лобов завесил корабль у стыковочного узла «Антареса», приказал инженеру выполнить дистанционный зондаж его исправности и, только получив короткий доклад: «Стыковочный узел — норма!» — ювелирно выполнил ручную стыковку. И без паузы скомандовал:

— Передовая группа — Снегин, Кронин. На подстраховке — Клим Ждан. Первый уровень безопасности. Я — в резерве, в ходовой рубке. По местам!

Тень далийского варианта, выдвинутая Андреем Дзю, незримо витала над «Антаресом». Лобов осторожничал,

но осторожничал разумно — он не пошел на высшие меры безопасности, которые сильно бы замедлили обследование «Антареса». И даже Снегин, с естественной ревностью бывшего командира корабля оценивавший решения Ивана, не мог не одобрить его действия.

Лобов, как и все другие члены экипажа, надел защитный скафандр, проверил его системы, рабочий инструментарий, оружие, проводил товарищей и снова занял свое место — в боевом кресле командира корабля. Оставалось — ждать! Ждать, надеяться, слушать доклады передового отряда, односложно подтверждая их прием... И ждать! Лихорадка ожидания била нервы Лобова так, словно некий незримый злодей с наслаждением водил по ним своим изуверским смычком. Чтобы как-то сбить эту лихорадку, Иван расслабился, уронив свои тяжелые руки на подлокотники кресла и откинув голову на его заголовник. Постороннему человеку, вошедшему в ходовую рубку, показалось бы, что Иван спит. Но эта поза не мешала Лобову контролировать действия передовой группы. Очередной ее доклад заставил Ивана рывком принять рабочую позу.

— В бортовом эллинге нет шлюпа «Денеболы». Он пуст!

Мысли, вихрем закружившиеся в мозгу Лобова, всякий раз все по-новому складывались в одну и ту же фразу: «Значит, Лены на «Антаресе» нет. И все, все начинается сначала!» Не успел этот мысленный вихрь, вливавшийся с монотонным постоянством в одно и то же словесное русло, улечься, как последовал новый доклад Снегина, в котором читались оптимистические нотки:

— Жилой отсек заперт на шифр-замок. Алексей проверяет!

А через пяток секунд прозвучал торжествующий крик инженера:

— Иван! Замок заперт твоим личным кодом. Вскрывать?

— Нет! Ждите меня! — Лобов сорвался было с места, но тут же с досадой бросил свое тяжелое тело обратно в кресло. — Всеволод! Срочно на подмену!

— Уже иду!

Потом Лобов, хоть убей, не мог толком припомнить, как его подменил Всеволод, как он мимо дежурившего на подстраховке Клима добрался до Алексея и как они открыли шлюзовую дверь в жилой отсек. Иван, конечно, помнил, что все это было. Но как это было — все размылось в памяти, слилось в единое, непомерно растянутое

действие открывания тяжелой шлюзовой двери, ведущей в ходовую рубку «Антареса». Только когда дверь эта открылась, Иван остановил в сознании поток событий, сориентировался. И не вдумываясь в смысл своих слов, чисто интуитивно попросил:

— Жди меня здесь.

— Хорошо, — послушно ответил Алексей.

— Дальше я пойду один, — почему-то счел нужным пояснить Лобов.

— Конечно! — И уже вслед удалявшемуся товарищу Кронин негромко добавил: — Удачной тебе дороги.

Иван не ответил, он слышал слова Алексея, но не фиксировал сознание на их смысле, ему было достаточно того, что Кронин одобрил его действия. В ходовой рубке «Антареса» Иван опустился в командирское кресло и задействовал информационную систему корабля.

— «Антарес» слушает, — ответил голос бортового компьютера.

Этот безликий голос прозвучал для Ивана голосом закадычного друга. Конечно, все предшествовавшие события говорили о том, что компьютер «Антареса» исправен, контролирует работу всех корабельных систем, знает обстановку на борту и что отсюда, из командирского кресла, можно получить любую информацию, которой он располагает. Но одно дело знать об этом, надеяться на это, и совсем другое — услышать голос владыки бортовой информации, убедиться, что так оно и есть на самом деле. Точно тяжелый мешок, полный до конца неясных ему самому тревог и опасений, Иван скинул со своей души.

— «Антарес» слушает, — напомнил безликий голос.

Наверное, радость оправдывающихся надежд все-таки мешала Ивану мыслить с обычным хладнокровием.

Поэтому, импульсивно отвечая компьютеру, он задал хотя и ситуационно оправданный, но далеко не самый важный для себя вопрос:

— Почему на борту «Антареса» отсутствует шлюп?

Уже договаривая эту фразу, Иван начал понимать, что задает не только не самый важный, но и неправильно построенный для компьютера, а поэтому трудный для ответа вопрос. В давние времена такой невинный с человеческой точки зрения вопрос мог сыграть роль компьютерного вируса и вообще вывести корабельный мозг из строя. «Теперь не страшны даже самые каверзные вопросы, — успокоил себя Иван. — Пути переформирова-

ния основополагающих программ бортовых компьютеров блокированы, хотя это несколько урезает их возможности и быстродействие. Но повозиться с таким неудобным для однозначного ответа вопросом компьютеру придется». В своих предположениях Лобов не ошибся. После секундной паузы, понадобившейся для оценки вопроса, его машинный собеседник бесстрастно произнес:

— Ждите.

Любое ожидание, которого можно избежать, — досадно, неприятно, а то и мучительно. Но странное дело, вместо того, чтобы досадовать и сердиться на самого себя за промах с неудачным вопросом, Иван почувствовал, как постепенно успокаиваются его гудящие от напряжения нервы и возвращаются привычное хладнокровие и ясность мысли. Именно пауза, пауза ожидания, была нужна для этого! И он ее получил. Но дело было не только в этом. Полностью овладеть собой Лобову помогло боевое кресло, привычно, ему думалось, заботливо, облегавшее его тело. Помогла и вся обстановка ходовой рубки! Иван интуитивно почувствовал себя командиром, ответственным не только за себя, но и за других, отправившихся вместе с ним в это отчаянное путешествие. И хотя эта ответственность была иллюзорной, он не командовал «Антаресом», а просто ждал ответа на свой неудачный вопрос, она сработала. Он ощутил себя командиром корабля — Иваном Лобовым, и этого было достаточно, чтобы взять себя в руки. Странно, но именно после этого в тайниках его души закопошились ростки какой-то новой, еще неясной ему самому тревоги за судьбу Лены.

— Отвечаю, — раздельно произнес компьютерный голос и после паузы повторил: — Отвечаю. Шлюп номер тринадцать сорок шесть стартовал на Уикту, имея на борту одного человека, лоцмана рейдера «Денеболы» Мира Сладки. По этой причине шлюп номер тринадцать сорок шесть не находится на борту «Антареса» и принципиально не может находиться на нем.

Лобов не стал осмысливать эту дикую, не похожую на правду информацию. В его мозгу вспыхнул вопрос: «Что с Леной? Где она?» Но теперь Иван уже держал себя в руках, поэтому он задал его компьютеру, может быть, и не в самой лучшей, однако же удобной для компьютерного ответа форме:

— Кто сейчас находится на борту «Антареса»?

— На борту находятся четверо землян.

При слове «четверо» сердце Ивана екнуло.

— Где они находятся? В каком состоянии?

— Трое землян, мне неизвестных, — начал свой добросовестный ответ компьютер, — находятся в разных отсеках корабля: наружном, переходном и жилом — в ходовой рубке. Состояние активное, находящийся в ходовой рубке задает мне вопросы. Четвертый землянин, бортовой врач рейдера «Денебола» Елена Зим находится в жилой каюте номер два. Состояние пассивное — глубокий сон.

У Ивана потемнело в глазах. Краем сознания он удивился этому, но тут же понял в чем дело: он крепко, до рези в веках зажмурился — вот и все. Голубой сон? К этому-то все в конце концов и свелось? Но Мир Сладки? Он же ушел на Уикту! Ушел один, почему? Значит... Значит, гравитационный серфинг шлюпа был не вполне благополучен. Конечно, именно в этом дело! Мир Сладки — лоцман, пилот, он находился в боевом кресле и был фиксирован. А Лена работала с аппаратурой... Никто же не ждал беды! Удар гравитационной волны, перегрузка, Лену швырнуло на аппаратуру... А Сладки не мог бросить штурвал! Он сумел оседлать фронт ударной волны и выйти на режим серфинга, он работал на пределе сил, спасая и себя, и Лену. А Лена была ранена, ранена тяжело. Что мог придумать Мир Сладки кроме голубого сна? Какой-то голос мешал Ивану сосредоточиться!

— «Антарес» имеет вопрос... «Антарес» имеет вопрос, — со своим бесконечным терпением повторял бортовой компьютер.

— Слушаю, — с трудом проговорил Иван.

— Находится ли на борту землянин, именем которого была закрыта информация и шлюзовая дверь?

— Находится.

— Может ли он подтвердить свое кодовое имя с точностью до одного часа?

— Может.

Иван ввел в каблоблок свой персональный позывной и набрал на нем теперь не только дату, но и текущий час мирового времени, присовокупив к нему дополнительный личный индекс.

— Сигнал принят, — отозвался компьютер. — Имею для Ивана Лобова два пункта информации. Пункт первый. Елена Зим находится в состоянии розовый сон двое суток, семь часов, одиннадцать минут. Состояние нормальное. Возможно срочное пробуждение. Пункт второй.

— Отставить пункт второй!

— Понял, отставить пункт второй, — бесстрастно ответил послушный компьютер.

К черту пункт второй! К черту все эти загадки! Почему Мир Сладки ушел на Уикту в одиночку, оставив Лену на «Антаресе»! Почему Лена заперлась тут его именем, точно в осажденной крепости, все к черту! Все это потом. Важно, что Лена здесь, что она жива! Иван был готов выпороть самого себя за недогадливость. Но уж слишком много неожиданностей обрушилось сегодня на его голову, чтобы ни разу не сбиться на мелочи. Он был готов к самому худшему, поэтому глубокий сон механически сопоставил с голубым сном, который гвоздем торчал в подсознании, вылетело из головы, что помимо голубого сна на дальних рейдерах есть добрая старая программа розового сна, задействованная еще на субсветовых кораблях. Розовый сон — мягкий анабиоз, электролетаргия, в которую погружали себя космонавты во время полетов, продолжавшихся годами, а то и десятилетиями. «Антарес», шедший в неведомое, загалактическое далеко, был оборудован аппаратурой и этой программы. Да славятся те, кто сделал это!

— Управление программой «розовый сон» по моему сигналу из каюты номер два перевести на ручное управление, — приказал Иван.

— Каюта номер два заперта на шифр-замок, блокированный командой срочного пробуждения.

— Блокировку снять, замок открыть.

— Выполняю, — послушно отозвался компьютер.

Срочное пробуждение — небезопасно, оно применяется лишь в случаях острой необходимости: тревога, авария, встреча на звездной дороге с неведомым, ранее неизвестным. Эта мысль промелькнула и угасла. А потом в голове Ивана, пока он шел к каюте номер два и открывал дверь, струилась и переливалась некая радужная пустота, которая шептала и шептала одни и те же строки из пушкинской сказки: «Ветер, ветер, ты могуч! Ты гонишь стаи туч, ты волнуешь сине море, всюду веешь на просторе! Не видал ли ты на свете где царевны молодой? Я жених ее. — Постой, — отвечает ветер буйный, — там за речкой тихоструйной есть высокая гора, в ней глубокая нора. В той норе во мгле печальной гроб качается хрустальный...»

В каюте не было печальной мглы, там царил мягкий розоватый полусвет, освещая спящую Лену. Она лежала на спине, спокойно прикрыв глаза, тело ее было почти

обезвешено местным гравитационным полем и лишь слегка касалось постели. Сердце ее, как показывал пульт у изголовья постели, билось замедленно — двадцать ударов в минуту. Но так и полагалось по программе розового сна. Дыхание Лены было таким поверхностным, что грудь была неподвижна, с первого взгляда это пугало. Но лицо, живое лицо с едва приметным румянцем на щеках, — успокаивало. Осторожно опустившись на стул возле изголовья постели, Иван взял управление электросном на себя и включил программу медленного, самого благоприятного, практически свободного от остаточных пороков пробуждения. Иван не торопился. «Я ждал долго, — сказал он самому себе, — подожду еще раз. Теперь уже недолго — двадцать минут!» Иван отдыхал, глядя на спокойное лицо спящей жены. Гравитационная компенсация ступень за ступенью снималась, тело Лены незаметно для глаза тяжелело, все более продавливая мягкую поверхность постели. В голове Ивана по-прежнему плавал и струился бездумный радужный туман. «Ветер, ветер... Не видал ли ты на свете где царевны молодой? Я жених ее...» Когда брови Лены шевельнулись, а веки дрогнули, Лобов, затаив дыхание, осторожно положил на ее лоб свою большую ладонь. Глаза Лены, знакомые карие глаза, открылись... Долгие секунды Лена тревожно смотрела на человека, сидящего неподвижно у ее постели. Потом глаза ее успокоенно закрылись, легкие слезы потянулись по щекам — она узнала Ивана.

«Не видал ли ты на свете где царевны молодой? Я жених ее...»

РАССКАЗЫ

ШУТНИКИ

Глава 1

Три месяца патрульный космолет «Торнадо» находился в свободном поиске, обследуя неизвестный еще участок Млечного Пути. Работа была самой обычной: на карту пунктуально наносились все галактические объекты, от звезд до метеорных роев, и давалась их краткая характеристика. На девяносто шестой день свободного поиска произошел тот самый случай, ради которого космонавты терпят скуку и невзгоды патрульной жизни. Штурман корабля Клим Ждан во время очередной вахты запеленговал работающую радиостанцию на третьей планете желтого карлика Ж-11-23. Передача представляла собой обычную звуковую речь, записанную методом частотной модуляции на радиоволнах метрового диапазона. Неведомый язык характером звуков, мелодией и ритмом удивительно напоминал земные европейские языки.

— Я всегда верил, что так будет! — возбужденно говорил Клим. Он не находил себе места. Ходил взад и вперед по кают-компании, ероша свои жесткие черные волосы и время от времени присаживаясь то на диван, то на подлокотник кресла, то прямо на край стола.

— Теперь наши имена войдут в историю. Иван Лобов, Клим Ждан и Алексей Кронин открыли новую цивилизацию!

Клим передернул плечами и недоверчиво засмеялся.

— Прямо не верится!

Остановившись перед инженером, лениво развалившемся в кресле, он вдруг деловито спросил:

— А тебе не кажется, что язык этих разумных определенно напоминает испанский?

— Испанский? — удивился Кронин.

© Ю.Г. Тупицын, 1982

— Да ты прислушайся! Та же самая звучность и эмоциональность!

Кронин улыбнулся одними глазами:

— Знаешь, я как-то не задумывался над этим.

Клим пожал плечами, прошелся по кают-компании и заглянул в ходовую рубку.

— Иван, когда мы наконец изменим курс?

— Когда запеленгуем следующую передачу, — ответил Лобов, не отрываясь от работы.

— Разве одной пеленгации недостаточно?

— Ты мог ошибиться, — хладнокровно пояснил Лобов.

— Я? Чепуха! — возмутился штурман. — А если следующей передачи не будет?

— Тогда и подумаем, что делать.

Клим раздраженно хмыкнул, некоторое время постоял, сердито глядя на затылок Лобова, и вернулся в кают-компанию. Плюхнувшись в угол дивана, он задумался, хмуря брови. Постепенно выражение досады сошло с его лица.

— Если их язык так напоминает земной, почему бы им не быть антропоидами? — повернулся он к инженеру.

— Это было бы слишком большой удачей, — вздохнул Кронин.

Человечество поддерживало контакты с несколькими цивилизациями Галактики, но все известные расы разумных морфологических сильно отличались от людей. Еще более сильные колебания испытывала мораль и этика разумных сообществ, а все это, вместе взятое, затрудняло взаимопонимание и общение. Люди давно мечтали о встрече с себе подобными, но до самого последнего времени поиски антропоидов оставались безуспешными. Тревога Клима оказалась напрасной. На исходе второго часа ожидания с той же планеты была запеленгована еще одна радиопередача. Она оказалась более продолжительной и содержала не только речь, но и музыку, которая даже на земной вкус звучала легко, ритмично и слушалась не без удовольствия.

— Я же говорил, что это антропоиды! — торжествовал Клим.

— Не торопись с выводами, — остудил его пыл Кронин, — я довольно близко знал одного оратора, отлично говорившего по-испански. Однако он вовсе не был антропоидом. — В ответ на недоверчивый взгляд Клима он невозмутимо пояснил: — Его звали Лампи. Милейшее существо из породы попугаев!

— Не понимаю! Как ты можешь шутить в такой момент?

Лобов не принимал участия в спорах. Он был занят сверкой данных обеих пеленгаций. Дважды проверив все расчеты и не обнаружив существенных расхождений, он дал наконец команду на изменение курса корабля. «Торнадо» выполнил этот нелегкий маневр, потребовавший отдачи всей мощности ходовых двигателей, и на гиперсветовой скорости устремился к желтому карлику.

Количество принимаемых радиопередач множилось с каждым часом, а на третьи сутки полета по новому курсу были приняты и первые телевизионные изображения. Это были примитивные черно-белые картинки с разверткой всего в пятьсот сорок строк, но они произвели настоящую сенсацию на корабле. Неведомая раса разумных и впрямь оказалась антропоидной! Телепередачи были так несовершенны и так пестрели помехами, что сначала об этом можно было только догадываться. Потом догадки сменились более или менее уверенными предположениями. И наконец, когда удалось принять четкий телеотрывок, посвященный какой-то спортивной игре, участники ее были почти обнажены, исчезли последние сомнения. Это было эпохальное открытие. Клим Ждан торжествовал так, словно антропоиды были его личными творениями.

С момента приема первых радиопередач с полной нагрузкой работала бортовая лингаппаратура. Сочетание речи, изображений и пояснительных надписей создавало для нее почти идеальные условия. В рекордно короткий срок удалось установить фонетику языка, разработать его морфологию и синтаксис. Быстро рос и словарный запас. Когда он перевалил за тысячу слов, к изучению языка активно подключились космонавты. Работали с полной нагрузкой: днем изучали грамматику и практиковались в разговорной речи, а ночью с помощью гипнопедических установок пополняли словарный запас. Скоро выяснилось, что планета, к которой летел корабль, носит прозрачное имя Илла, а ее антропоидные обитатели называют себя иллинами.

Параллельно с изучением языка космонавты старались разобраться в биологии и социальных отношениях иллинов, но тут натолкнулись на неожиданное и довольно забавное препятствие. Принимаемая информация имела интересную особенность, которая, как плотный туман, скрывала и детали и самую суть иллинской жизни. Пока словарный запас космонавтов был невелик, а перевод соответственно

был приближенным, эта особенность не очень бросалась в глаза. Но по мере того, как космонавты овладевали языком и знакомились с бытом иллинов, она стала вырисовываться все яснее и четче. Все радио- и телепередачи, которые удавалось принять, носили шутливый, юмористический, развлекательный характер! Они были заполнены легкой музыкой, репортажами многочисленных соревнований, веселыми пьесками, напоминавшими земные оперетты, головоломно-приключенческими повестями юмористической окраски... Серьезная информация отсутствовала вовсе. Исключение составляли лишь обстоятельные сводки и прогнозы погоды, передававшиеся с завидной регулярностью шесть раз в сутки, которые, кстати говоря, составляли около двадцати земных часов. Сначала все это забавляло и даже радовало космонавтов — передачи рисовали иллинов премилым, добродушным народом, встреча с которым обещала быть дружеской и непринужденной. Но день проходил за днем, а кроме веселья, в иллинских передачах не удавалось почерпнуть ничего нового. Как и в первые часы знакомства, космонавты оставались в полном неведении относительно иллинской науки, техники, социальной структуры и даже семейно-бытовых отношений. Юмор надежно скрывал тайны этой странной цивилизации.

— Может быть, у них всепланетный праздник? — высказал догадку Клим Ждан.

— Праздник, который без перерыва длится целую неделю? — усомнился Лобов.

— А почему бы и нет? — поддержал штурман Кронин. — Вспомни наши Олимпийские игры. Разве, наблюдая в эти дни за земной жизнью, можно составить о ней правильное представление?

Лобов пожал плечами, но в спор ввязываться не стал.

Прошла еще неделя, желтый карлик превратился в самую яркую звезду на черном небосводе, а на Илле ничего не изменилось — планета продолжала безудержно веселиться.

— Если это праздник,— со вздохом констатировал наконец инженер, — то надо признать, что он порядком затянулся. Вообще премилый народ эти небожители. По-моему, они просто не способны относиться к чему-либо серьезно.

— Какой-то жизнерадостный идиотизм в планетарном масштабе! — с сердцем сказал Клим.

— Вот-вот, — флегматично поддержал его инженер, — сборище комедиантов и лицедеев. Планета превращена в

театральные подмостки, жизнь — в комическую роль, любовь — в легкий флирт, ненависть — в розыгрыш, честолюбие — в острословие. Не возьму лишь в толк, кто кормит и одевает всю эту шуструю богему? С какой целью?

Между тем желтый карлик запылал на небе новым солнцем. «Торнадо» сбросил скорость, вошел в гравитационное поле системы, сблизился с Иллой и, превратившись в ее спутник, начал орбитальный облет планеты. Космонавты возлагали большие надежды на прямые визуальные наблюдения загадочного мира, но их ждало разочарование. Вся поверхность Иллы, за исключением крайне редких окон, оказалась закрытой мощной многослойной облачностью, сквозь которую с трудом пробивались лишь радиоволны метрового диапазона, позволявшие получить самую общую картину пролетаемой местности. Но и в таких условиях удалось сделать ряд интересных наблюдений. Илла оказалась удивительно «водянистой» планетой, суша занимала не более шести процентов всей ее поверхности. По существу, вся планета представляла собой единый глобальный океан, по которому там и сям были разбросаны архипелаги островов. Континентов, подобных земным, не было совершенно.

Острова, находившиеся в благоприятной климатической зоне, были густо заселены. Поселения иллинов представляли собой просторные озелененные города, расположенные, как правило, на самом берегу океана. Несмотря на все старания, ни в самих городах, ни в их окрестностях не удалось обнаружить никаких признаков концентрированной промышленности и энергетики. Клим Ждан, так много ждавший от антропоидной цивилизации, брюзжал:

— Цивилизация без науки и производства. Цивилизация без энергетики. Кто в это поверит? Если мы привезем такие данные, Земля добрую неделю будет корчиться от смеха!

— Я тебя понимаю, Клим, — сочувственно согласился Кронин, — меня тоже раздражает Илла. Все тут устроено ужасно не по-земному! Но ведь не мы с тобой ее сотворили, так зачем же так расстраиваться?

Он задумчиво погладил подбородок, усмехнулся и добавил:

— Вообще-то, как знать? Может быть, на Илле мы видим собственное будущее? Да-да, — продолжал он про себя, игнорируя насмешливое удивление Клима, — к такому выводу легко прийти, если проанализировать исто-

рию человечества с точки зрения юмора. Не стоит доказывать, что количество юмора в общем потоке информации непрерывно возрастает по мере развития человечества. Ты напрасно так скептически улыбаешься, Клим. Я высказываю лишь самые очевидные истины. Современный человек склонен пошутить и подурачиться независимо от возраста, пола и профессии. А попробуй представить себе весельчака инквизитора, который во славу Господа Бога лично дробит кости еретикам. Или шутника-отшельника, который живет один-одинешенек в пустыне, не моется, гордится незаживающими язвами и питается одними акридами. Разве удивительно, что в эпоху инквизиции или фашизма процветали люди жестокие, мрачные и злобные? Это лишь естественно! Теперь же мы наблюдаем прямо противоположную картину. Если хочешь, то склонность к юмору — доминантный признак современного человека. Причем в самом полнокровном генетическом смысле. Ведь если биологическая эволюция человека давно закончена, то социальная только набирает силу. Именно социальные особенности человека определяют естественный отбор, который и не думал прекращать свою деятельность в недрах нашего общества. В частности, отбор идет и по линии юмора. Желчному, сварливому, просто печальному, наконец, человеку сейчас очень трудно найти себе подругу жизни, а поэтому род его закономерно и неизбежно угасает. В будущем довольно-таки мрачный хомо сапиенс вульгарис превратится в совершенно новый социальный вид — в жизнерадостного, неунывающего, смеющегося хомо сапиенса юмористикуса. А вся раса разумных превратится в расу шутников! Иллины — близкий и наглядный пример этой волнующей метаморфозы.

— Фу на тебя, — с досадой сказал Клим, — я надеялся, что в конце концов ты скажешь что-нибудь серьезное.

— Для серьезных гипотез нужна хотя бы маленькая зацепка, — вздохнул Кронин.

Скоро такая зацепка появилась. Когда «Торнадо» проходил над Миолой, одним из городов Иллы, расположенным на уединенном островке, облака ненадолго рассеялись. Клим Ждан мгновенно сориентировался и выполнил отличную стереосъемку открывшейся панорамы местности. При ее анализе обнаружилась важная деталь, совсем не наблюдавшаяся на сделанных ранее радиоснимках, — от города к океану тянулось несколько отличных, хотя и нешироких дорог, сделанных из полированного камня.

— Вот вам и разгадка иллинской цивилизации, — с удовлетворением констатировал Клим, проводя указкой по тонким линиям дорог, — производство этих веселых паразитиков сконцентрировано на океанском дне и полностью автоматизировано. Все, что нужно для жизни и развлечений, иллины получают по этим дорогам. Им остается наслаждаться жизнью.

— Если это можно назвать жизнью, — хмуро заметил Лобов.

— Если они полностью устранились от производства, а похоже, что так оно и есть, это уже не жизнь, а паразитизм на теле машинной цивилизации, — согласился инженер, — которая рано или поздно осознает свое могущество и растопчет иллинские города, как гнезда муравьев!

— Бедные небожители, — пробормотал Кронин, разглядывая фотографию могучего красавца иллина, который, шуря лукавые глаза, смотрел прямо в объектив аппарата.

За океанскими дорогами установили тщательное круглосуточное наблюдение, но странное дело — ни днем ни ночью на них не наблюдалось ни малейшего движения. Клим недоумевал и строил предположение одно другого мудренее и невероятнее, а инженер, выждав некоторое время, взялся за детальнейший анализ стереосъемки. В результате ювелирно выполненных измерений ему удалось показать, что дороги отнюдь не плавно спускаются к океану, как это было бы естественно предположить. Они совершенно отвесно обрывались в воду на высоте десяти — пятнадцати метров!

— Совершенно очевидно, — невозмутимо заключил Кронин, — по таким дорогам можно транспортировать что-либо в океан, но никак не из него.

— Для чего же тогда нужны эти проклятые дороги? — спросил несколько сконфуженный Клим.

Кронин пожал плечами.

— Может быть, для сбрасывания в океан отходов. А скорее всего это своеобразные памятники старины. Когда-то с их помощью действительно осуществлялась связь с океаном. Потом на смену им пришли более удобные подземные коммуникации, а дороги остались. Океан наступал, разрушая берега острова, вот так и получилось, что дороги отвесно обрываются в океан.

Клим промолчал. Стоя у стола, он разглядывал многочисленные фотографии иллинов, сделанные с экрана телевизора. Держа эти фотографии веером в руке, он вдруг повернулся к инженеру.

— Я не знаю назначения дорог, но уверен, на планете происходит что-то более сложное, чем простое вырождение иллинов. Посмотри! — Он бросил фотографии на стол. — Посмотри, сколько ловкости, грации и силы в этих телах. На них просто приятно смотреть! Разве они похожи на вырождающихся?

Неторопливо перебирая фотографию за фотографией, Кронин просмотрел всю пачку.

— Да, — согласился он, — красивый народ.

Он потер подбородок и усмехнулся.

— Так уж мы устроены, что любуемся всеми ладно скроенными животными независимо от того, что они собою представляют: собаками, актиниями, лошадьми и пантерами в равной мере. Между прочим, — он поднял глаза на Клима, — мы до сих пор любуемся скульптурой Нефертити, хотя она была типичной представительницей касты фараонов, и роскошными цветами растений-паразитов.

— Что ты хочешь сказать этим?

Кронин мягко улыбнулся:

— Я хочу сказать, что ты порой меняешь свое мнение без достаточных оснований.

— И тем не менее Клим прав, — вдруг вмешался в разговор до сих пор молчавший Лобов.

Взгляды обратились к нему.

— Иллины не только физически совершенны, они еще и порядочны, Алексей. При всем легкомыслии и беспечности, им совершенно чужды жестокость, деспотизм, несправедливость. У них не заметишь даже намека на культ эротики, на секс, с которыми рука об руку идет всякое вырождение.

— Ну, — с большим сомнением протянул штурман, — это ничего не доказывает.

— А потом, — добавил Кронин, — мы знаем иллинов лишь с парадного входа. Мы видели то, что они сами считают нужным показывать. Все может радикально измениться, если мы перелезем через забор и заглянем в окно.

— Верно, — согласился Лобов. Он оглядел своих друзей и усмехнулся, — у нас мало фактов. Мы можем до бесконечности сидеть на орбите и строить остроумные, но беспочвенные гипотезы. Пора принимать решение. Либо возвращаться на базу, либо пойти на прямой контакт и попытаться заглянуть в окно, как говорит Алексей.

Кронин качнул головой.

— Если на Илле фактически командуют машины, — мягко, безо всякого нажима сказал он, — а это очень вероятно, то нам может быть оказан самый неожиданный прием.

— Да, к этому нужно быть готовым.

— И все-таки я за контакт! — прихлопнул рукой по столу Клим. Он обернулся к инженеру: — А ты? Ты-то что молчишь?

Кронин засмеялся:

— Да разве я брошу «Торнадо»? Вы же без меня пропадете!

Глава 2

«Торнадо» произвел посадку на том самом уединенном острове, где Клим обнаружил дороги, в загородном парке, километрах в полутора от ближайших зданий. На первый контакт по жребию пошел Клим Ждан. Было установлено, что воздух Иллы вполне пригоден для свободного дыхания, поэтому он был в легком скафандре без шлема. Лобов остался на подстраховке, Кронин возился с корабельным оборудованием, подготавливая корабль к немедленному взлету на тот случай, если придется срочно покидать Иллу.

Спрыгнув с трапа на землю, поросшую серой опаленной травой, Клим сделал несколько упругих осторожных шагов, топнул ногой, словно проверяя твердость почвы, и непринужденно доложил:

— Вышел, все в порядке.

Словно разминаясь, Клим обошел вокруг корабля, еще раз притопнул ногой, глубоко вздохнул теплый влажный воздух и с улыбкой осмотрелся. Моросил мелкий невесомый дождь. Капли с едва слышным шорохом теребили сожженные, поникшие стебельки травы и щекотали щеки и шею. За четко очерченным пятном посадки, следом отдачи двигателей, трава была сочной и пронзительно зеленой. Она росла сплошной плотной массой, напоминая чем-то дружные всходы озимой пшеницы. Край поляны был ограничен деревьями и кустарником, силуэты которых были размыты влажной дымкой и сеткой дождя. И вообще было темновато, даже близкие предметы рисовались расплывчато, как во время сумерек на Земле, хотя где-то за облаками солнце стояло высоко. В тишине, нарушаемой лишь мерным шорохом дождя, не было ничего

гнетущего, это была тишина покоя и отдыха. Клим улыбнулся и прямо ладонью вытер мокрое от дождя лицо. Вот что значит прослушать и просмотреть тысячи телепередач! Этот влажный, туманный мир казался ему тревожно-знакомым, как знакомы нам краски и запахи детства. Словно когда-то, давным-давно, он уже побывал здесь, и теперь забытые ощущения и мысли нехотя пробуждались от тяжелого сна.

— Внимание! — послышался в ушных пикофонах голос Лобова. — Со стороны города приближается группа иллинов.

Клим невольно подобрался — не так-то легко встречаться с глазу на глаз с представителями других миров!

— В группе десять иллинов, — спокойно продолжал Лобов, — одежда очень легкая, спортивная. Оружия или других подозрительных предметов не видно. Ведут себя спокойно, шутят, смеются. Готовься.

— Понял, — облизал вдруг пересохшие губы Клим.

Над деревьями, окружавшими поляну, с шумом поднялись крупные птицы — моквы, оглашая воздух недовольными криками, похожими на мяуканье рассерженной кошки. Клим проводил глазами их тяжелый, ленивый полет. Почти в то же мгновение кусты, над которыми взлетели птицы, шевельнулись, и на краю поляны выросла стройная оранжевая фигура. Секунду великолепно сложенный мужчина стоял, небрежно опершись рукой о ствол дерева, потом обернулся назад и помахал рукой.

— Эта штука здесь, рядом!

Послышался шум, голоса, шорох ветвей, и на поляну вышли стройные иллины. Некоторое время эта живописная группа перебрасывалась односложными, пожалуй, удивленными репликами, а потом пришла в движение и неторопливо потянулась к кораблю. Послышались возгласы, непринужденный смех.

— В самом деле стоит!

— Похоже на вышку для прыжков.

— Ну, с этой штуки не прыгнешь.

— Интересно, а до городской площади эта штука долетит?

Одеты иллины были более чем легко: короткие трусы и либо майки, либо куртки с открытым воротом. Теперь, когда они приблизились, особенности, которые было бессильно передать черно-белое телевидение, стали заметны яснее. Кожа была мягкого оранжевого цвета, волосы — голубыми, а глаза — зелеными. Это придавало иллинам

праздничный и вместе с тем какой-то маскарадный вид — думалось, что они специально раскрасились в такие яркие цвета, желая попозировать и произвести впечатление. Нельзя сказать, что наивно-бесцеремонные реплики иллинов благотворно действовали на Клима. Ему пришлось изрядно напрячь свою волю, чтобы побороть смущение и выглядеть достаточно естественным. В нескольких шагах от Клима иллины приостановились, и высокий мужчина, первым вышедший на поляну, сказал с улыбкой:

— Здравствуйте!

— Добрый день, — как можно непринужденнее ответил Клим.

— Трудной ли была посадка? — с интересом спросила девушка с удивительными изумрудными глазами.

Клим улыбнулся ей:

— Да не очень легкой, — и показал рукой в хмурое облачное небо, — мы прилетели оттуда, с далекой звезды.

В ответ раздался взрыв веселого смеха. Держась совершенно свободно, иллины приблизились к кораблю вплотную и принялись его рассматривать. Девушка с изумрудными глазами провела по корпусу рукой, нахмурила брови и провела еще раз. Лицо ее выражало недоумение.

— Похоже на металл, — словно про себя заметила она и шлепнула по корпусу ладонью.

Сетчатый нейтрид ответил на это гулким вздохом.

— Это не металл, — удивленно, но уверенно заключила девушка, — но что же это?

— Глина!

— Фанера!

— Техлон! — послышались со всех сторон шутливые ответы.

Клим поднял руку, требуя внимания. Когда установилась относительная тишина, он пояснил:

— Это нейтрид. Материал, сделанный из самой ядерной материи.

В ответ раздался взрыв смеха.

— Из ядерной, надо же придумать!

— Да он сразу провалится к центру земли!

Клим пытался объяснить, что это не простой, а сетчатый нейтрид, что фактически этот материал соткан из пустоты, пронизанной тончайшей ядерной арматурой — нитями нейтрида, но его никто не слушал. Высокий иллин, обойдя корабль, отошел на несколько шагов в сторону, оглядел его сверху донизу и спросил с любопытством:

— Как же он летает без крыльев?

— В космосе не нужны крылья.

В ответ раздался новый взрыв хохота. Девушка-толстушка с глазами салатного цвета даже села на траву — так ей было смешно.

И тогда в голове Клима шевельнулась догадка, которая с каждым мгновением становилась все определеннее, — иллины не верят ему. Не верят, и все! Историю с космическими пришельцами они принимают за шутку, за розыгрыш, который устроили жители какого-нибудь соседнего города. Воспользовавшись случайной паузой в общем шуме, он спросил:

— Вы что же, не верите, что мы прилетели с дальней звезды?

— Конечно не верим! — хором ответили ему с полной убежденностью.

— Но вы посмотрите, — горячо сказал Клим и замялся в поисках наиболее убедительного аргумента, — вы посмотрите на меня и на себя. У вас кожа оранжевая, а у меня?

Опять хохот. Смешливая девушка с салатными глазами вышла из толпы и сказала с милой улыбкой:

— Смотрите.

Изумленный Клим увидел, как кожа девушки прямо на его глазах посветлела, порозовела и приобрела характерный человеческий оттенок. Глядя на ошарашенного Ждана, иллины восхитились:

— Да он отличный актер!

— Смотрите, как он естественно изображает удивление!

— Надо предложить ему роль в нашем театре.

Высокий иллин спросил:

— Если вы действительно инозвездные пришельцы, откуда вы знаете наш язык?

— Мы изучили его. У нас есть специальные машины, которые помогают нам в этом.

— А почему вы так похожи на иллина? — спросила тоненькая девушка.

— А вот этого я и сам не знаю! — сердито ответил Клим.

— Естественно!

— Лучше скажите, из какого города вы прилетели?

— Да не могли они прилететь, у этой штуки даже крыльев нет!

— Тихо! — вдруг деловито сказала одна из иллинок. — Тихо, друзья. Хватит развлекаться. Мы опоздаем на утреннее купание и на завтрак.

Иллины, сразу забыв и про Клима, и про корабль, весело загалдели и потянулись по зеленой траве по направлению к океану.

— Но мы и правда прилетели со звезд! — отчаянно крикнул им вслед штурман.

В ответ послышались смех и крики:

— Не скучайте, сыны неба!

— Мы еше навестим вас!

— Не забудьте позавтракать!

Клим тяжело вздохнул, устало привалился к корпусу корабля и принялся вытирать лицо платком: разговор с иллинами измотал его, точно непрерывная суточная вахта. Почувствовав легкое прикосновение к своему плечу, он вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Перед ним стояла та самая приметная девушка с удивительными изумрудными глазами.

— Вам плохо? — участливо спросила она.

— Да нет, — растерянно сказал Клим, — просто так, ничего особенного.

Она кивнула головой, видимо, вполне удовлетворившись этим туманным ответом, и, повернувшись лицом к кораблю, снова задумчиво провела рукой по его корпусу.

— Я знаю все материалы, которые применяются для транспорта, — словно про себя сказала она, — я ведь долго работала в этой области. Но такого материала я не знаю.

— Это сетчатый нейтрид, — живо подсказал ей Клим, — материал, сплетенный из тончайших нитей ядерного вещества.

Девушка обернулась к нему, в ее глазах светились искорки интереса.

— Но ядерное вещество так тяжело, что сразу после возникновения пронзит корпус машины, здание, почву и погрузится до самого центра планеты, — возразила она.

— Мы готовим его во взвешенном состоянии, магнитное поле не дает ему опуститься. И не выключая магнитного поля, плетем сетчатый нейтрид.

Девушка улыбнулась, она, несомненно, поняла объяснение. Потом ее брови снова нахмурились:

— Но ядерное вещество неустойчиво, оно должно распадаться и убивать все живое вокруг!

Клим покровительственно улыбнулся:

— Верно, но мы научились делать его устойчивым. Это просто: достаточно, чтобы масса нейтрида превысила критическую, тогда он переходит в устойчивую фазу. Его очень трудно, почти невозможно разрушить.

— Критическая масса? — переспросила девушка и поискала вокруг глазами. — У вас есть на чем писать?

Клим поспешно достал блокнот и универсальный карандаш. Девушка присела, прислонившись к корпусу корабля, и начала выписывать какие-то сложные формулы. Сердце Клима забилось отчаянно! Первый раз перед ним появились математические знаки этой странной цивилизации. Овладев собой, он потребовал объяснений. Девушка смотрела на него изумленными глазами:

— Вы не знаете, что такое лимма? Но это же всем известно!

— Но мне неизвестно! — отчаянно втолковывал Клим.

— Лимма, хм, лимма — это когда вычисляется сумма, составленная из очень маленьких величин, которые совсем как нуль, — принялась объяснять девушка, неуверенно поглядывая на Клима.

— Интеграл! — восхитился Клим. — Тогда вот эта штучка и есть та самая бесконечно малая величина, по которой производится суммирование, верно?

— Верно, это дикси.

— Дифференциал!

Они заговорили, азартно перебивая друг друга, но тем не менее быстро нашли общий язык. А когда общий язык был найден, Клим отобрал у девушки карандаш и постарался объяснить, что такое критическая масса и почему нейтрид в этом состоянии устойчив.

Закончив объяснения, он внимательно посмотрел на девушку, стараясь разобраться, поняла ли она его. Девушка сидела с непривычно серьезным лицом, глядя в пространство удивленными изумрудными глазами.

Клим осторожно притронулся к ее руке. Девушка обернулась к нему, и лицо ее осветилось легкой улыбкой.

— Я поняла вас, — мягко сказала она, — но над всем этим надо хорошенько подумать.

Она заглянула в самые глаза Клима:

— Мы не знаем этого. Откуда знаете вы? Неужели и правда — вы прилетели с другой звезды?

— Конечно! — Клим, не оборачиваясь, похлопал ладонью по гулкому нейтриду. — Это гиперсветовой корабль. Он может превышать скорость света в сотни раз!

Девушка недоверчиво рассмеялась.

— Гиперсвет невозможен!

— Невозможное сегодня становится возможным завтра, — серьезно заметил Клим.

На него снова внимательно взглянули удивительные изумрудные серьезные глаза.

— Вы правы.

Девушка помолчала, а потом легко вскочила на ноги и, глядя на острый нос «Торнадо», вынырнувший в этот момент из низких облаков, сказала:

— Неужели с других звезд? — И вдруг рассмеялась: — А собственно, чего же в этом удивительного? Во Вселенной бесчисленное множество обитаемых миров. Должны же встречаться их разумные обитатели? — Тут же спохватилась: — Из-за этого нейтрида я от всех отстала! — С улыбкой обернулась к Климу: — Я постараюсь, я обязательно постараюсь сделать хоть крошечку нейтрида. Только бы успеть!

— Успеете, — бодро сказал Клим, — у вас вся жизнь впереди. Да и мы постараемся вам помочь!

— Вся жизнь впереди, — тихонько повторила девушка и закинула голову к рыхлому серому небу, — вся жизнь впереди. Ведь это правда!

Она счастливо засмеялась и обернулась к Климу:

— Что ж, если вы из другого мира и вам нравится, оставайтесь с нами. У нас хорошо!

И уже на берегу помахала Климу рукой. Штурман с грустью смотрел ей вслед до тех пор, пока она не растворилась во влажной дымке и сетке дождя. Нейтрид, гиперсвет, инозвездные корабли — все это игрушки для них, не больше. «Из-за этого нейтрида я от всех отстала!» Вот максимум, на который способны эти большие, легкомысленные и добрые дети.

Клим усмехнулся, пожал плечами и устало привалился к влажному корпусу корабля. Неустанно моросил мелкий невеселый дождишко. Он теребил поникшие травинки, щекотал лицо, царапался о корабль и своим едва слышным голоском все пытался и никак не мог рассказать Климу что-то важное об этом странном мире.

Глава 3

Паломничество иллинов к кораблю продолжалось непрерывно, но ничего нового это не давало. Все визиты, по существу, повторяли собой первое посещение корабля, за исключением того, что ни один иллин больше не заинтересовался землянами так серьезно, как та девушка с изумрудными глазами. И все же в шутливых репликах,

которыми они обменивались с космонавтами, нет-нет да и мелькали отсветы своеобразных и глубоких знаний.

Когда Клим окончательно выбился из сил, Лобов подменил его освободившимся к тому времени Крониным.

— А ты что собираешься делать? — полюбопытствовал инженер, готовясь к выходу.

Лобов кивнул головой в сторону океана:

— Надо побывать на дорогах.

— Думаешь, разгадка все-таки там?

Лобов усмехнулся:

— Если бы я знал, зачем бы нам сидеть на этой поляне?

К полудню поток иллинов уменьшился, а потом и совсем иссяк на глазах. Дежуривший в это время Кронин успел выяснить, что иллины отправились обедать и отдыхать.

— Редкое единодушие для таких легкомысленных ребят, — констатировал Кронин, входя в кают-компанию, — кстати, как дела с нашим обедом?

— Придется подождать. — Клим лежал на диване, заложив руки за голову. — Я только сейчас говорил с Иваном. Ему почему-то вздумалось промерить толщину облачности.

— Толщину облачности? — удивился Кронин, усаживаясь в кресло и с наслаждением вытягивая ноги. — У нас таких измерений больше чем достаточно!

— Я и сам не знаю, что подумать. Да что гадать? Прилетит — расскажет. Ты скажи, как твое мнение об иллинах?

— Дети, — со вздохом сказал Кронин, — большие добрые дети. Наивное любопытство, мимолетный интерес — вот и все, на что они способны. Все серьезное и значительное им чуждо. Даже удивляться серьезно они и то не умеют! И ровно ничего не изменится, если мы даже и сумеем доказать свое инозвездное происхождение. Чего же удивительного во встрече братьев по разуму? Ведь во Вселенной бесчисленное множество обитаемых миров. Вам здесь нравится? Так живите с нами!

Клим молчал, хмуря брови. Кронин повернул голову, присматриваясь к выражению его лица.

— Ты не согласен со мной?

— Как тебе сказать, на первый взгляд иллины действительно похожи на детей, — лениво согласился Клим. — И на второй, может быть, и на десятый, и на двадцатый... — Он ожесточенно почесал себе затылок и вдруг, перекинув ноги, сел на диван. — Но, черт подери, если вдуматься хорошенько, то они похожи не столько на детей, сколько на стариков!

— На стариков? — Кронин засмеялся. — Да среди наших посетителей не было ни одного старше двадцати лет!

— Я говорю не о внешнем виде, — отмахнулся штурман, — я говорю об их психическом облике. Они похожи на стариков, владевших когда-то богатейшими знаниями, а теперь впавших в наивное детство. Неужели ты не замечал, как тени былых знаний нет-нет да и мелькнут в их разговорах?

Кронин смотрел на штурмана с интересом.

— В этой идее что-то есть, Клим.

— Ты думаешь? — оживился штурман. — Я уже раздумывал над этим, и у меня сложилась такая, немного фантастическая, но тем не менее возможная картина. Разумных всегда привлекала идея вечной юности. Вспомни сказки седой старины, Фауста средневековья и неисчислимое количество геронтологов, работающих над этой проблемой в наши дни. Допустим теперь, что иллины достигли таких биологических высот, что научились возвращать себе юность. Но, возродив к новой жизни свое дряхлое тело, они оказались бессильными омолодить свою душу! И вот постепенно, век за веком планету заселили странные существа — сильные, ловкие красавцы с дряхлой, засыпающей душой. Обрати внимание, по телевидению и возле корабля мы видели только молодежь. Ни детей, ни стариков, ни даже просто пожилых людей. Ведь это же надо как-то объяснить!

Глаза Кронина лукаво сощурились.

— А может быть, у них диктатура юности? Молодежь планеты объединилась и поработила все остальные группы, превратив их в своих рабов!

— Похоже, на Илле действительно есть и рабы и диктатура, — проговорил усталый голос Лобова.

Он незаметно вошел в кают-компанию и некоторое время стоял, прислонившись к косяку двери.

— Тебе удалось узнать что-то новое? — живо спросил Клим.

— И объясни, пожалуйста, зачем тебе понадобилось промерять высоту облачности? — добавил Кронин.

— Кое-что удалось, — ответил Лобов и, пройдя вперед, опустился на диван рядом с Климом.

Для разведки Лобов выбрал глайдер: он был почти бесшумен, а опасаться нападения на этой планете не было никаких оснований, поэтому прочность машины не име-

ла значения. Чтобы не привлекать внимания иллинов и не вызывать ненужных толков, Лобов стартовал с верхней площадки корабля, дождавшись, когда плотное облако совсем скрыло ее от земли. Пройдя немного по горизонту, Лобов нырнул под облака. До земли было метров пятьдесят, она то туманилась, скрываясь в плотном заряде дождя, то прояснялась, выступая со всеми деталями. Выскочив на ближайшую дорогу, Лобов сбросил скорость и повел глайдер к океану, внимательно вглядываясь вниз. Дорога петляла, следуя за естественными складками довольно пересеченного рельефа. Она напоминала застывшую омертвевшую реку. Это сходство усиливалось благодаря влажному блеску каменных плит, омытых теплым дождем.

Чем ближе к океану, тем шире и плотнее по сторонам дороги вставали живые стены деревьев и кустарников. Выбежав на берег океана, дорога расширилась, образуя небольшую площадку, и оборвалась вниз. Лобов положил глайдер на крыло, с интересом разглядывая загадочное сооружение иллинов. Обрыв был отвесным, площадка нависла над водой на высоте метров пятнадцати. Для подъема грузов место было абсолютно непригодным, зато с площадки было бы очень удобно сбрасывать что-либо вниз, в воду. Неужели Алексей прав и иллины действительно сливают здесь нечистоты?

Лобов снизился и принялся кружить над самой водой. Под обрывом было глубоко, но вода была так спокойна и прозрачна, что Лобов видел на дне каждый камень, ракушку и рыбешку. Никаких признаков грязи или хлама, ничего похожего на свалку. Чистое и естественное прибрежное дно океана. Нет, эти дороги не для вывоза отходов. А для чего же?

Так и не придя ни к какому выводу, Лобов вывел глайдер из виража, забрался под самые облака и повел глайдер на север, вдоль береговой, слабо изрезанной черты. Километра через два обрыв отступал от берега, обнажив широкую полосу песка. Этот естественный пляж был забит иллинами. Они отдыхали и резвились на песке, плескались у берега, плавали и ныряли далеко в открытом море. Это не удивило Лобова, по телепередачам он знал, что иллины на «ты» с морем и чувствуют себя в воде как рыбы, что совершенно естественно для типичных островных жителей. Его лишь позабавило, что иллины нежатся на песке при дожде. При виде глайдера иллины не выказали ни малейшего беспокойства. Они следили за ним, запрокидывая головы, махали руками и кричали что-то веселое.

Пляж тянулся не меньше километра, а потом обрыв снова придвинулся к самой воде, все гуще покрываясь деревьями и кустарником. А потом Лобов увидел другую дорогу из полированного камня, отвесно падавшую в океан. И это место он обследовал со всей тщательностью, но ничего нового не обнаружил — та же глубина и ровное чистое дно, усыпанное ракушками. Дороги ни для чего! А, впрочем, что подумал бы инопланетный житель, обнаружив на Земле пустынные древние города, тщательно охраняемые археологами?

Покружив над обрывом и над самой водой, Лобов развернулся на обратный курс и заметил плывущего иллина, медленно, словно нехотя, приближавшегося к берегу. Лобов удивился: вдоль берега тянулся почти отвесный обрыв, выбраться наверх здесь было невозможно, да и вообще иллины не купались в таких местах, они были весьма привередливы во всем, что касалось их развлечений. Может быть, иллин нуждался в помощи?

На всякий случай Лобов снизился к самой воде и на малой скорости прошел над необычным пловцом. Иллин не поднял головы и не помахал ему приветливо рукой. Движения его были вялыми, греб он почему-то одной левой рукой. Приглядевшись, Лобов заметил, что иллин прижимал к себе обнаженную и, видимо, потерявшую сознание девушку. Ее совсем юное лицо, едва поднимавшееся над водой, было мертвенно-спокойным.

Мгновенно приняв решение, Лобов завалил глайдер в крутой вираж, чтобы сесть на воду рядом с иллинами. Он успел заметить, что иллин достал пологое в этом месте дно, сделал несколько шагов и выпрямился, подняв девушку на руки. Иллина шатало от усталости, голова девушки была бессильно запрокинута, ее ноги и кисти рук касались поверхности воды. На считанные мгновения Лобов потерял из виду эту трагичную, странную пару, а когда глайдер, подрагивая от перегрузки, вывернулся на посадочный курс, девушки уже не было! Иллин стоял на прежнем месте, шатаясь и с трудом удерживая равновесие, грудь его судорожно вздымалась и опадала. Вдруг он дернулся и плашмя упал на спину, подняв столб брызг. Лобов, стиснув зубы, вел глайдер на посадку.

Как только глайдер коснулся воды, он выключил двигатель, толчком распахнул дверцу кабины, прыгнул прямо в воду, погрузившись в нее по пояс, и тяжело побежал туда, где еще расходились широкие круги. Здесь! Лобов остановился, оглядываясь вокруг. Иллина не было видно.

Неужели он ошибся? Лобов прошел несколько шагов вперед, назад, вправо, влево — бесполезно! Вокруг было чистое дно.

Так и не поняв, что случилось, Лобов бросился обратно к глайдеру, вскочил в кабину, запустил двигатель, захлопнул дверцу и рывком бросил машину в воздух.

Натужно, сердито загудел двигатель, работая на полных оборотах. Набрав метров двадцать, Лобов, перекладывая глайдер с борта на борт, до боли в глазах принялся вглядываться в воду. Ничего! Но не приснились же ему иллины!

Лобов уменьшил крен машины, расширяя радиус разворота, и заметил вдали группу очень крупных рыб, стремительно уходивших от берега. Снова заныл двигатель, и глайдер рывком догнал неизвестных обитателей океана. Это был добрый десяток лобастых рыбообразных созданий, метра по два длиной каждое. Одно из них — Лобов видел это совершенно отчетливо — тащило с собой иллина, прижимая его длинным ластом. Иллин уже не сопротивлялся. Рыбы вдруг резко вильнули вправо, влево, а потом круто пошли в глубину, окутываясь черным непрозрачным облаком, наподобие потревоженных осьминогов. Все дальше и дальше уходя в открытое море, Лобов полетел змейкой, надеясь снова обнаружить стаю, но все было напрасно. Когда берег стал совсем скрываться за сеткой дождя, Лобов понял, что дальнейшее преследование и поиски бесполезны. Он вспомнил о тысячах иллинов, беспечно купающихся в открытом океане, и ему стало жутко. Он потянул ручку управления на себя, дал полный газ и с гулом и свистом рвал мокрое тело облаков до тех пор, пока не посветлело и над головой не вспыхнуло синее-синее, совсем земное небо и оранжевое ласковое солнце.

— Да, это нечто новое, — в своей неторопливой раздумчивой манере проговорил Кронин, — я считал решенным, что сообщество иллинов паразитирует на теле машинной цивилизации, уже давно обретшей автономность и терпящей иллинов, так сказать, по традиции. А оказывается, иллины находятся в каких-то сложных и отнюдь не дружественных отношениях с обитателями океана.

Клим поднял голову.

— Весь вопрос в том, что это было — случайное нападение или отработанная система, случайно давшая осечку, — жестко сказал он.

Кронин взглянул на штурмана с некоторой тревогой:

— Если бы иллины подвергались систематически нападениям, мы непременно заметили бы нотки тревоги и страха в их жизни. Но ведь нет ничего похожего! Иллины ведут совершенно безоблачное существование!

— А разве ты замечал нотки тревоги и страха у коров, пасущихся на лугу? — негромко спросил Лобов.

Кронин некоторое время смотрел на него, а потом с неожиданной для своего характера горячностью сказал:

— Нет! Я не могу поверить в это. Иллины что-то вроде мясного стада для океанских обитателей? Не поверю!

— Ты думаешь, твое мнение что-нибудь изменит?

— Надо идти в город, — хмуро сказал Клим, — надо в конце концов разобраться, что происходит в этом мире. И, если надо, помочь иллинам! В самом деле, не бросать же на произвол судьбы этих больших детей!

Он встал с дивана.

— Я пойду в город, Иван. Пойду и узнаю все, что нужно!

— Ты слишком горяч и неосторожен, Клим. Полагаю, что самая подходящая кандидатура — это я, — вмешался Кронин.

Лобов посмотрел на одного, на другого и надолго задумался.

— Нет, — сказал он наконец, — я пойду сам.

Глава 4

Город начался незаметно: среди деревьев показалось одно здание, за ним другое, потом целая группа, и уже трудно было сказать, что это — большой городской сквер или парковый поселок. Вслед за шумной компанией иллинов Лобов вошел в ближайшее здание. На него почти не обратили внимания, в лучшем случае происходил обмен шутливыми репликами, в которых поминался космос и жизнь других миров. Присмотревшись, Лобов обнаружил, что в здании размещался спортивный клуб, по крайней мере, так сказали бы о его назначении на Земле. В клубе было людно, шумно и весело. Играли в мяч, прыгали в длину и высоту, с шестом и без шеста, с места и с разбега. Особенной популярностью пользовались прыжки на батуте. Лобов, сам неплохой спортсмен, в молчаливом восхищении долго любовался гибкими оранжевыми телами, парящими в воздухе подобно птицам.

Выйдя из клуба, Лобов стал подряд заходить во все здания. Большинство из них имело развлекательное, спортивное или утилитарное назначение. Лобов не без удивления обнаружил, что иллины очень неприхотливы в своей личной жизни. Жили они в больших комнатах группами по нескольку десятков человек. У каждого в личном пользовании были койка, стул, нечто вроде тумбочки и низкая скамейка. И больше ничего! Это были не жилые дома в земном смысле этого слова, а общежития-спальни.

По пути Лобову попалось несколько столовых. В одной из них, заметив иллина с умными лукавыми глазами, Лобов задержался. Столовая представляла собой зал средних размеров с редко расставленными столиками, вдоль стен этого зала тянулись ряды однотипных прилавков, внутри которых под стеклом стояли самые различные блюда и напитки. Даже на Земле во время праздников Лобов не встречал большего разнообразия! Иллин не спеша закусывал, доброжелательно поглядывая на Лобова. Лобов огляделся вокруг и с непринужденной улыбкой спросил:

— Какая разнообразная пища! Откуда она берется?

— Оттуда, откуда же и напитки! — со смехом ответил иллин, опорожняя стакан прозрачного голубоватого сока.

— А напиток откуда? — прищурился Лобов.

— Ну уж, конечно, не из спортивного зала! Из кухни.

Лобов деликатно посмеялся вместе с собеседником, а потом осторожно продолжил допрос:

— Понятно. Но ведь пищу должен кто-то готовить?

— Кухня сама все готовит, — с улыбкой сказал иллин, приглядываясь к Лобову. — А вы, наверное, звездный пришелец?

— А вы в них верите? — вопросом на вопрос ответил Лобов.

Иллин засмеялся:

— В принципе верю, но в данном случае нет. Уж очень вы похожи на иллина.

— Да, тут ничего не поделаешь.

Иллин оценил шутку, теперь он смотрел на Лобова с симпатией и интересом.

— А зачем что-то делать? Пусть все остается как есть!

— Согласен. Итак, кухня работает автоматически. Это понятно. Но ведь кухне нужны продукты, откуда они берутся?

— А откуда берутся воздух, вода и свет? — засмеялся иллин. — Они есть, вот что важно. Но уже если вам очень интересно, я скажу — продукты привозят из океана. Ночью, когда мы спим.

— Кто привозит? — быстро спросил Лобов.

Иллин от души рассмеялся. Весь вид его говорил — ну кто же не знает таких всем известных вещей?

— И продукты привозят по тем дорогам, что обрываются в океан? — спросил Лобов, надеясь, что это подтолкнет иллина к ответу.

Но произошло нечто удивительное. Доброжелательная, несколько снисходительная улыбка сползла с лица иллина. Некоторое время он серьезно разглядывал Лобова, пробегая взглядом с головы до ног, а потом поднялся на ноги. Он был высок, на голову выше Лобова.

— Да, — сказал он, и странная, чуть смущенная, чуть удивленная улыбка тронула его губы, — теперь я верю, что вы звездный пришелец.

И, не прибавив ни слова в объяснение, иллин повернулся и неторопливо вышел из столовой, высоко неся крупную голову.

Ошарашенный таким оборотом мирного разговора, Лобов проводил его растерянным взглядом, а потом опустился на стул и потер лоб, стараясь привести в порядок мысли. Итак, на дороги, ведущие к океану, наложено табу. О них нельзя упоминать! Объяснение может быть лишь одно — дороги связаны с чем-то неприятным, может быть, страшным в жизни иллинов. Не любят же нормальные люди вспоминать конфузные случаи своей жизни, говорить о грязи, думать о покойниках и неизбежности смерти. Дороги, по которым ничего нельзя привезти, а можно только вывезти. Не по этим ли дорогам иллины платят свою страшную дань в обмен на беспечную дневную жизнь?

Лобов тяжело поднялся со стула и вышел из столовой на свежий воздух. Дождь перестал, смеркалось, где-то за облаками солнце уходило за горизонт. Влажная дымка размывала контуры зданий и деревьев. Близилась ночь. Элои и морлоки! Именно по ассоциации с уэллсовским романом Лобов там, в кают-компании, высказал мысль о стадах иллинов. Высказал несерьезно, под влиянием минутного раздражения и усталости. Но может ли такое быть на самом деле? Чтобы одни разумные прямо пожирали других, пусть бывших разумных? Нет, такому кошмару не должно быть места во Вселенной!

— Алексей! — окликнул Лобов Кронина, страховавшего его выход в город.

— Слушаю. Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил инженер.

— Все в порядке. Выведи меня на ближайшую дорогу. Я пройду к океану.

— Не поздно ли? Уже темнеет, — предупредил осторожный Кронин.

— Это хорошо, что темнеет, — рассеянно сказал Лобов и, не отвечая на реплику инженера, добавил: — Будь в готовности, Клим пусть дежурит в униходе. Могут быть неожиданности.

— Понял, — после паузы ответил Кронин, — даю пеленг.

По пеленгу, данному инженером, лавируя между домами и клумбами, Лобов напрямик пошел к ближайшей дороге. Да-да, думал он, ничто в мире не делается просто так. Если некто заинтересован в существовании иллинов настолько, что удовлетворяет буквально все их прихоти, то и иллины непременно должны платить какую-то дань. Но разве обязательно дань должна быть такой страшной?

Темнело прямо на глазах. Дорога, выложенная полированными плитами камня, блестела как мертвая, застывшая река. «У-ум! У-ум!» — пугливо гудел пушистый трехглазый зверек типи. Трава по обочинам дороги была украшена разноцветными огоньками цветов. Сколько их! И совсем крохотные, как искры, даже цвета не разглядишь — огонек и огонек, был и нет его, вспыхнул и пропал. И огоньки побольше — белые, розовые, зеленые и голубые. Они мерцали, вздрагивали и были так похожи на настоящие звезды, что на них нельзя было долго смотреть: начинала кружиться голова, а в сознание закрадывалось невольное сомнение — где же небо, вверху или внизу? Сама толща воздуха между искрящейся землей и черными облаками была заполнена редкими блуждающими огоньками — это вылетали на ночной праздник насекомые и крохотные птички, величиной с наперсток.

Вдруг сверху пахнуло теплым воздухом, раздался ржавый скрип. Лобов прыгнул в сторону, под невысокое дерево, и схватился за пистолет. Над его головой, совсем низко, кружила большая ночная птица, ее большие глаза то вспыхивали рубиновыми фонариками, то гасли. Лобов знал, что птица для человека не опасна, и все-таки ее настойчивость и ржавый крик были жутковаты. Словно соглядатай неведомых хозяев, птица кружила, рассматривая Лобова, а потом поднялась выше и медленно, бесшумно полетела вдоль дороги к океану.

— Смотри, крина, — вдруг послышался впереди негромкий мужской голос.

— Да, вестница счастья, — подтвердила девушка.

Лобов перестал дышать, напряженно вглядываясь в темноту. Голос девушки показался ему знакомым. К дороге медленно приближались темные фигуры.

— Смотри, дорога словно река, — с восторгом сказала девушка, глядя на полированные плиты, в которых отражались плавающие в воздухе светляки, — даже страшно ступить на нее, того и гляди замочишь ноги.

— Она каменная, — успокоил ее мужчина.

Девушка засмеялась, сделала шаг, другой и тонким черным силуэтом замерла посреди полированной глади.

— И правда, каменная, совсем сухая. Иди же сюда!

К тонкому силуэту присоединился другой, крепкий, надежный и высокий.

— Пойдем, — деловито сказала девушка, — тут уже близко.

Держась на почтительном расстоянии, Лобов двинулся вслед за иллинами к океану. Сердце его билось учащенно, он интуитивно чувствовал, что каждый шаг приближает его к разгадке тайны этой странной планеты. Планеты тепла, дождей и туманов, планеты бездумного веселья и неосознанных трагедий.

— Где ты пропадала целый день? Я нигде не мог тебя найти, — спросил мужчина.

Девушка тихонько засмеялась:

— Работала.

Мужчина даже приостановился от удивления:

— Работала?

Девушка опять засмеялась, в ее смехе слышалось удовлетворение и даже гордость.

— Я делала нейтрид, тот самый материал, из которого сделан корабль пришельцев. Делала на бумаге, с помощью слов и формул.

Теперь Лобов узнал ее. Это была та самая девушка с удивительными изумрудными глазами, которая долго говорила с Климом о нейтриде.

— И тебе удалось? — с интересом спросил мужчина.

— Да. Ты же знаешь, как это бывает. В те часы я могла все, что угодно. Я была сильной, как целый мир! — Девушка опять засмеялась. — Я исписала целую тетрадь, подумала — теперь у нас будет нейтрид, и уснула. Проснулась, когда уже наступали сумерки.

— А я тебя так ждал, — с легким упреком заметил мужчина.

Лобов узнал и его. Это был тот самый, высокий, который предводительствовал группой иллинов, первой посетившей корабль.

— Так я же пришла!

— Пришла!

Дорогу все тесней обступали деревья и кустарник, слышались тяжелые вздохи дремлющего океана. Некоторые деревья были украшены яркими фонариками цветов. При этом сказочном, карнавальном свете Лобов легко различал ногти на своих пальцах. Кое-где над кустарником роилась огненная пыль какой-то мелкой мошкары.

— Сложно сделать твой нейтрид? — спросил мужчина.

— Молчи! Я не хочу больше слышать про нейтрид. Он в прошлом. Я не хочу думать ни о чем, кроме тебя.

Мужчина засмеялся:

— Ты думаешь, я думаю о нейтриде? Просто я хотел сделать тебе приятное.

Дорога сделала один крутой поворот, потом другой. Пахнуло свежим и острым запахом океана, шум волн стал слышнее. Еще поворот — и Лобов замер на полушаге.

Прямо на обрыве, под которым внизу плескалась невидимая вода, росло деревце, густо покрытое яркими пурпурными цветами. Возле него, тесно обнявшись, стояли иллины. Они были шагах в четырех, совсем рядом. Лобов даже удивился, как они не услышали звука его шагов. Иллины стояли неподвижно, словно внимали голосам, неслышимым для Лобова. Потом девушка осторожно отстранилась от своего спутника, привстала на цыпочки и сорвала с дерева цветок. Он будто вскрикнул — вспыхнул ярко-ярко изменившимся бледно-розовым пламенем, осветив край черного обрыва, узловатые, уродливо скрюченные ветви деревца с бархатной листвой и строгие одухотворенные лица иллинов. Девушка полюбовалась цветком и легким движением руки бросила его в воду. Он взлетел вверх, а потом стал плавно опускаться в темноту и скоро скрылся за обрывом. Широкие лепестки, точно парашют, тормозили его падение.

Девушка повернулась к мужчине:

— Здесь ведь невысоко, правда?

— Да, как на вышке, — согласился мужчина, голос его дрогнул от волнения.

— Так чего же мы ждем?

Девушка притронулась к плечу мужчины и, сделав два быстрых шага, остановилась на самом краю обрыва.

Лобов сделал было движение вперед, но, стиснув зубы, заставил себя стоять на месте. Он чувствовал, что должно произойти что-то непоправимое, но он не знал что! Да и имел ли он право вмешиваться?

— Я иду! — звонко сказала девушка.

И прыгнула вперед и вверх. У Лобова перехватило дыхание. Он никогда бы не поверил, что тело антропоида, натянутое как тугой лук, способно взмыть вверх метра на три, на высоту двухэтажного дома! И сразу же прямо со своего места, не подходя к обрыву, прыгнул и мужчина. Его прыжок был еще мощнее. Два гибких сильных тела, казавшихся пурпурными при свете цветов, встретились в самой верхней точке полета, сплелись в объятии, зависли в воздухе, словно нарушая законы тяготения, а потом посыпались, повалились вниз. Ночь отсчитала долгие весомые мгновения, раздался громкий всплеск воды, и наступила тишина, только трехглазый зверек типи гудел пугливо и тревожно.

Лобов перевел дыхание и вытер лоб тыльной стороной руки.

— Да, — проговорил он почти без выражения.

В то же самое мгновение, уловив боковым зрением какое-то движение неподалеку, он подобрался и выхватил лучевой пистолет.

— Держу на прицеле, — послышался в пикофонах торопливый доклад Кронина.

— Спокойно, не торопись, — тихо сказал Лобов, озадаченно вглядываясь в чудище, вдруг возникшее перед ним.

Это была неуклюжая человекообразная фигура с металлическим туловищем, круглой головой, утопленной в могучие плечи, и длинными руками-сочленениями. «Робот, — мелькнула мысль, — все-таки робот! Но кто это, хозяин или слуга океанских жителей?»

— Не бойтесь, — сказал робот по-иллински, — я не причиню вам вреда.

— Это не так просто — причинить мне вред, — сказал Лобов, пряча пистолет.

Он уже был спокоен, в любое мгновение гравитационный импульс, посланный Крониным, мог превратить это чудище в пыль.

— Знаю, — ответил робот, — вы обогатили наш мир на века.

Он помолчал и спросил строго:

— Зачем вы здесь?

— Мы прибыли на Иллу как друзья, — дипломатично ответил Лобов, разглядывая своего удивительного собеседника.

— Я спрашиваю не о том. Обрыв — священное место. Здесь никто не бывает, кроме иллинов, час которых пробил. Зачем вы здесь?

Лобов молчал, собираясь с мыслями. Вот как, священное место! Место, где иллины, час которых пробил, бросаются в море. И ведь похоже, что они делают это добровольно! Может, это своеобразный акт протеста, вроде самосожжения земных буддистов? Может быть, религиозный культ, в основе которого — однообразие легкой жизни? А может быть, жертва по жребию, которую нельзя не принести?

— А вы зачем здесь? — ответил Лобов вопросом на вопрос.

— Я на посту. Я охраняю своих детей и родителей.

— Каких детей? — не понял Лобов.

— Разве вы не знаете, что иллины наши дети? — с ноткой любопытства спросил робот.

У Лобова в голове был сплошной туман и каша.

— Так, — сказал он вслух для того, чтобы сказать что-нибудь, — иллины — ваши дети. А родители?

— Они наши дети и наши родители. Наше прошлое и будущее. Наше счастье и наша смерть.

Кроется ли какой-нибудь смысл за этими туманными фразами, полными неразрешимых противоречий? Или это религиозные формулы, которыми прикрывается отвратительная нагота смерти? Да, люди много веков прикрывали жестокость мертвым саваном религиозных формул.

— Я вижу, вы не понимаете меня. Мы догадались, вы одностадийны.

Лобов поднял на робота удивленный взгляд.

— Да, одностадийны, — повторил робот, — вы человек. Вы родились и умрете человеком. А я атер, но умру я иллином.

Лобов смотрел на псевдоробота в немом изумлении.

— Я атер, — продолжал робот, — я живу в океане. Воздух для меня смертелен, как для вас пустота. Сейчас меня защищает скафандр. Уже пятьдесят два года я живу в океане. Я строю машины, которые на мелях океана возделывают почву, сеют и собирают урожай. Я люблю свою работу, люблю движение и поиск мысли, радость творчества. Но мне мало этого, меня тревожит и зовет будущее.

Во сне я часто вижу небо, зеленую траву и огни цветов, всем телом ощущаю ветер, дождь и воздушную легкость бега. Я вижу себя иллином. — Атер ненадолго замолчал.

Лобов ждал, затаив дыхание, пелена непонимания медленно спадала с его глаз.

— Однажды я усну и не проснусь, — продолжал атер негромко, — сон будет продолжаться целый год, тело мое оцепенеет и станет твердым как камень. Товарищи отнесут и положат меня у берега одного из островов. А когда минет год, твердая оболочка лопнет, я всплыву на поверхность океана уже иллином и полной грудью вдохну воздух!

Да-да! Нет ни жалких злодеев, ни чудовищных морлоков, нет ни холодной машинной цивилизации, ни ее выродившихся, беспомощных породителей! Зато есть могучее мудрое племя атеров-иллинов, двустадийных животных. Как все земные насекомые, как бабочки, они переживают личиночную стадию атеров и стадию зрелости — имаго!

— Большое счастье быть иллином, человек, — продолжал атер, — они не знают забот, они всегда веселы, они счастливы, как сама жизнь. Иногда иллина озаряет вдохновение, которого не знают атеры, и он за несколько дней и часов делает то, на что атеру не хватает целой жизни. И только иллины знают, что такое любовь, только они познают радость слияния и продолжают наш род. Но иллины живут недолго, совсем недолго — не больше тридцати семи дней. Ты видел, человек, как с этого обрыва взлетели в небо и упали в воду юноша и девушка? Это любовь. И смерть. Они будут жить в воде до тех пор, пока не взойдет солнце. А потом умрут, дав жизнь новым атерам-иллинам. Иногда, очень редко, иллин переживает свою подругу. Он теряет память, теряет силы, но до последнего биения сердца старается ее спасти. Ты видел эту картину, человек, и подумал плохое о нашем мире. Но это просто несчастье, а несчастье приходит, не спрашивая на то позволения.

Атер замолчал, глядя на Лобова.

— Теперь ты знаешь все, — тихо сказал он, — и я опять спрашиваю тебя: зачем ты здесь, в этом месте? Не причинишь ли ты вреда влюбленным, которые по праву приходят сюда и уже ничего не видят вокруг, кроме самих себя?

— Никогда! — ответил потрясенный Лобов. — Верь мне, никогда!

— Тихо! — сказал атер.

И железной рукой уволок Лобова в светящийся кустарник. Прошли недолгие секунды, и из-за поворота дороги показались иллины — юноша и девушка, отец и мать племени атеров-иллинов. Обнявшись, они остановились на краю обрыва.

— Океан! — сказал юноша, вглядываясь в даль. — Ничего нет лучше океана, правда?

Девушка тихонько засмеялась.

— Смотри, — сказала она, — вода совсем близко.

Над головами влюбленных бесшумно пролетела крина, птица, приносящая счастье. Ее рубиновые мигающие глаза холодно рассматривали странный мир, лежащий внизу. Мир темноты, блуждающих огней, счастья и смерти.

КРАСНЫЙ МИР

ФАНТОМИЯ

Глава 1

Патрульный корабль «Торнадо» возвращался на базу из дальней разведки. Он шел на сверхсветовой скорости. Корабельные часы показывали третий час ночи. Командир и инженер корабля мирно спали, бодрствовал только вахтенный штурман — Клим Ждан. Его клонило в сон. В этом не было ничего удивительного — ночная вахта. Конечно, корабельная ночь была понятием сугубо условным, и днем и ночью «Торнадо» был освещен лишь слабым светом далеких звезд, но привычный ритм жизни давал о себе знать на корабле ничуть не менее властно, чем на Земле, — в ночную вахту всегда хотелось спать. Да еще этот густой, ровный гул двигателей.

Клим тряхнул головой и энергично растер себе ладонями лицо. Предстоял ряд важных наблюдений, для которых нужна была свежая голова. Конечно, можно было принять тонизирующее, но Клим предпочитал обходиться без этого. Протянув руку, он включил обзорный экран, вспыхнувший точками звезд и пятнами галактик. Укрупнил масштаб изображения и... услышал сзади странный звук, больше всего напоминавший звук лопнувшей басовой струны. Клим недоуменно обернулся и в дальнем углу увидел молочно-белый шар диаметром около дециметра, неподвижно висевший над полом рубки. Клим оторопел. Ему пришла в голову довольно нелепая мысль о шаровой молнии, но шар не светился и не сыпал искрами. Клим наблюдал за ним, ничего не предпринимая, совершенно ошарашенный. С минуту шар пребывал в состоянии полного покоя, словно отдыхал, а потом плавно и бесшумно поплыл к навигационному столу. Там шар повис неподвижно, по его поверхности, как от ветра, прошла рябь,

© Ю.Г. Тупицын, 1982

он стал вытягиваться и превратился в параллелепипед. Уплощаясь все больше и больше, параллелепипед выпустил из себя какие-то отростки, протянувшиеся вниз, и вдруг превратился в точную копию навигационного стола. Настолько точную, что ее было невозможно отличить от оригинала. Постояв неподвижным столом несколько секунд, он быстро смялся и превратился в рабочее кресло инженера, стоящее неподалеку от стола. Кресло несколько раз шевельнулось, точно устраиваясь поудобнее, и стало абсолютным двойником настоящего. Не доверяя себе, Клим на секунду прикрыл глаза и тряхнул головой, а когда открыл глаза снова — кресло-двойник исчезло, а матово-белый шар, слегка пульсируя, медленно плыл прямо к нему. Первым побуждением Клима было вскочить и бежать куда глаза глядят. Он и выполнил это намерение, но только наполовину. Вскочив на ноги и сделав движение к двери, он вспомнил, что здесь святая святых корабля — ходовая рубка, а сам он — единственный бодрствующий член экипажа. Он не имел права уйти. И, стиснув зубы, Клим остался на месте.

Шар остановился неподалеку, продолжая слабо пульсировать. Постепенно эти пульсации увеличивали свою амплитуду, на них, туманя контуры шара, начали накладываться обертоны — более высокие ритмы пульсаций. Шар медленно, значительно медленнее, чем прежде, начал деформироваться. Некоторое время форма, в которую с таким трудом отливался шар, казалась Климу непонятной, но затем с внезапным ужасом он заметил в ней отдаленное сходство с человеческой фигурой. Это сходство становилось все более и более заметным — обрисовывались голова, конечности, основные черты лица. Но это лицо было чудовищным! Оно растягивалось как резиновое, морщилось, гримасничало, с мучительным трудом приобретая сходство с каким-то очень знакомым Климу лицом. Он успел заметить вдруг появившуюся акварельную окраску лица и рук, придавшую призраку вид оживающей фарфоровой куклы, — рот без зубов, нос без ноздрей, слепые глаза, как вдруг точно молния мелькнула в его сознании — Клим понял, что это копия с него самого. Машинально, точно защищаясь от яркого света, Клим прикрыл лицо ладонью... И услышал голос! Это было сухое шелестящее бормотание, исполнявшееся — да, именно это слово приходило в голову прежде всего — на самые разные лады. Пораженный Клим опустил поднятую было руку и увидел, как призрак, нелепо растягивая

и сжимая рот, силился что-то сказать. Слова формировались у него совсем независимо от артикуляции губ, казалось, они рождались не во рту, а где-то в самой глубине груди. Из-за этого, а еще больше из-за нервного потрясения и растерянности Клим никак не мог разобрать смысла быстро и непонятно произносимых слов, хотя ему и чудилась родная речь. Вдруг на какое-то мгновение лицо Клима-призрака прояснилось, свет разумности лег на его масковидный, кукольный облик. Шипя и квакая, он довольно ясно произнес несколько слов. Будь Клим в нормальном состоянии, он непременно бы разобрал их смысл, а так он понял всего два слова «не надо», повторенные раза три то быстро, то медленно. Миг просветления, если об этом можно так говорить, длился у чудища считанные секунды, а потом его лицо сломалось, скорченное бредовыми гримасами, а речь сбилась на бессвязное булькающее бормотание. Бормотание все ускорялось, тело начало вздрагивать, теряя определенность форм, фарфоровая рука, сделав конвульсивное движение, уцепилась за рукав куртки Клима. Совсем рядом Клим увидел свое лицо со слепыми, как у древней мраморной статуи, глазами. В этих глазах начала медленно рисоваться радужина, а потом прорезался и запульсировал, то сжимаясь в точку, то распахиваясь круглым черным окошком, живой зрачок. Этого Клим выдержать уже не мог. Он закричал, стряхнул с себя бледно-розовую руку без ногтей и пулей вылетел в коридор. Пробежав шага три, он так стукнулся на повороте головой о стену, что на мгновение потерял сознание. Упасть он не успел и очнулся в полусидячем положении, сползая на пол. Коридор был тих и пустынен. Никого.

Клим с трудом выпрямил колени и прислонился к стене. Часто билось сердце, путались мысли. Все происшедшее он запомнил в виде неправдоподобно ярких, но отрывочных и не связанных между собой кадров. Что это было — действительность, бред, галлюцинация, — Клим не мог дать себе ясного отчета. Однако чем больше он думал о происшедшем, тем больше убеждался, что перенес приступ какой-то неизвестной астральной болезни. А если не приступ? Если «это», прогнав его из ходовой рубки, сядет за пульт управления и начнет командовать кораблем?

Клим был мужественным человеком, а поэтому, коекак приведя себя в порядок, он пошел обратно, в ходовую рубку. Идти было трудно и страшно, но другого вы-

хода не было. Уже у самой двери он вспомнил о лучевом пистолете. Сколько раз он смеялся над этой древней, уже изжившей себя, как он считал, традицией — нести вахту с оружием! Вынув из кармана пистолет, Клим направил его раструб вперед и ногой распахнул дверь, ведущую в ходовую рубку. Там было тихо, ни движения, ни звука. Держа пистолет наготове, Клим вошел в рубку и обшарил все, даже самые укромные уголки. Никого! Тогда он подошел к пульту управления, свалился в рабочее кресло и задумался, не выпуская пистолета из правой руки. Что же это было, что? И вдруг его озарило — фантомия! Клим облегченно вздохнул, спрятал пистолет и нажал кнопку общего сбора. Через минуту на экране видеофона появилось заспанное и встревоженное лицо Лобова.

— Что случилось? — коротко спросил он.

— Фантомия, — сказал Клим, — у меня был приступ фантомии.

Глава 2

Клим полулежал в кресле, расслабленно бросив руки на подлокотники.

— Молодчина, Клим, — негромко сказал Лобов, кладя ему руку на плечо, — ты все сделал как полагается.

Клим повернул к нему голову.

— Не столько я, сколько все само сделалось. Неизвестно еще, что бы я натворил, если бы пораньше вспомнил о лучевом пистолете. — Он вздохнул и пожаловался: — Вот чертовщина, до сих пор колени так дрожат, что и на ногах не устоишь.

— Ничего удивительного, — с самым серьезным видом сказал Кронин, — нам непростительно редко приходится беседовать с призраками. Говорят, предки были куда счастливее в этом отношении.

Клим слабо улыбнулся инженеру.

— Да-да, — продолжал тот с прежней серьезностью, — не знаю, как в других местах, а в доброй старой Англии призраки водились повсеместно. Каждый порядочный замок непременно имел собственного призрака. Это было что-то вроде обязательного дополнения к фамильному гербу.

Клим с улыбкой смотрел на рыжеватого флегматичного Кронина. Он был благодарен ему за болтовню, которая смягчала драматизм происшедшего.

— Впрочем, — продолжал Кронин свои размышления вслух, — вполне возможно, что никакого призрака и не было. Видишь ли, призраки всегда селились в подземельях вместе с крысами и летучими мышами. Без подземелий они хирели и быстро погибали. А какие на «Торнадо» подземелья? Так что скорее всего ты наблюдал мираж.

Клим засмеялся:

— Мираж?

— Да, самый обыкновенный мираж, которым так славятся пустыни. Разве вокруг нас не самая пустынная из пустынь? До ближайшей звезды — белого карлика, которого еле-еле можно разглядеть невооруженным глазом, — десяток световых лет. И ближе ничего: ни астероидов, ни комет, ни метеорных потоков, ни хотя бы самых заурядных пылевых облаков. По сравнению с такой пустыней всякие там Сахары — сущий рай. Ну и миражи тут такие, что коленки трясутся!

— А все-таки странная болезнь — фантомия, — задумчиво сказал командир корабля, думавший о чем-то своем и вряд ли слышавший болтовню Кронина.

Клим живо повернулся к нему, улыбка сошла с его лица.

— Да, Иван, — согласился он, — очень странная.

Среди других астральных заболеваний — космических токсикозов, сурдоистерии, космофобии и так далее — фантомия стояла особняком. Она встречалась так редко и была так плохо исследована, что даже среди специалистов астральной медицины о ней не было единого мнения. Одни считали ее самостоятельным, чисто психическим заболеванием, другие — некой разновидностью токсикоза. Лоренцо Пьятти, восходящая звезда астральной медицины, убедительно показал, что по меньшей мере половина случаев заболеваний фантомией имеет много общего с давно забытой психической болезнью, с алкогольным токсикозом, который носил загадочное название — белая горячка.

— Очень странная болезнь, — повторил Клим и потер себе лоб. — Понимаете, — продолжал он, вскидывая голову, — я никак не могу отделаться от впечатления, что это не галлюцинация, а нечто большее.

— Что же? — попросил уточнить Кронин.

Клим обернулся к нему:

— Не знаю, Алексей. Но я отлично помню, ощущаю, как мой двойник держал меня за рукав.

— Сны порою бывают такими реальными, Клим, даже сны. А это болезнь, о которой прямо говорится, что галлюцинации, ее сопровождающие, отличаются пугающей

яркостью. Так что не мучай себя сомнениями,— заключил инженер.

— Ты не прав, Алексей, — решительно сказал Лобов, — надо мучить себя сомнениями. Ты знаешь особое мнение группы старых космонавтов о фантомии?

Кронин обнял длинными руками свои плечи.

— Слышал. Но никогда не относился к нему серьезно. Некто ищет с нами контакты, а поэтому предпринимает такие странные шаги, как искусное моделирование материальных вещей. Неправдоподобно! Есть тысячи других куда более эффективных способов для первых контактов. И потом должны же они понять, что в конце концов моделирование нас просто пугает.

— Ты думаешь, это просто — понять чужой разум?

— Трудно, Иван. Но посмотри, вокруг нас пустыня. Ни шороха, ни звука, ни сигнала. Где же скрываются разумные, идущие на такие нелепые контакты? Вспомни, Земля, да что Земля, вся солнечная система дымится от нашей деятельности! Ее следы можно обнаружить за десятки и даже сотни световых лет. Покажи мне такие следы здесь, и тогда я соглашусь на серьезный разговор о другом подходе к фантомии.

— А если они идут другим путем созидания, который не так шумен, как наш? — упрямо спросил Лобов.

Кронин улыбнулся:

— Путь один. Голова, руки и труд. Другого нет.

— А если есть?

— Да, если есть? — поддержал Лобова Клим.

— Какой же он, этот путь? — улыбнулся Кронин.

Клим пожал плечами, а Лобов, глядя на искры звезд и пятна галактик, горевших на обзорном экране, задумчиво сказал:

— Кто знает? Мир велик, а мы знаем так мало.

КРАСНЫЙ МИР

Глава 1

Линд гнал машину на большой скорости. Густой синеватый воздух с сердитым жужжанием обтекал каплевидный корпус тейнера. На свинцовом небе тускло сиял серебряный диск Риолы.

Возле института Линд плавно затормозил, вышел из машины и окунулся во влажный теплый воздух. «Днем

будет просто душно», — подумал Линд, окидывая взглядом знакомые деревья с тяжелой красной листвой. Обернувшись к тейнеру, Линд привычно сосредоточился. Корпус машины затуманился, по нему пробежала рябь, мгновение — и машина превратилась в матовый белый шар, неподвижно повисший над плотной бурой травой. Еще мгновение — шар смялся, вытянулся в длину, выпустил многочисленные отростки и, мелко дрожа, превратился в нежно-розовую развесистую цимму. Легким усилием воли Линд стимулировал обмен веществ, и цимма ожила. Для Линда, главного модельера республики, это было простой забавой. Окинув цимму критическим взглядом, Линд удалил лишнюю ветвь, нарушавшую эстетическую целостность творения, украсил дерево крупными кремовыми цветами и торопливо зашагал к институту. Как Линд ни торопился, он все-таки заметил среди других деревьев аллеи низкорослое деревце с пышной малиновой листвой, среди которой мерцали овальные янтарные дииды. Улыбнувшись, Линд протянул руку и сорвал свой любимый плод. Он был так нежен, что заметно приплюснулся, когда лег на ладонь. Сквозь прозрачную кожицу была хорошо видна волокнистая структура зеленоватой мякоти. Линд поднес плод ко рту, прокусил кожицу и, смакуя каждый глоток, выпил содержимое. Оно было восхитительным, но, хм, несколько сладковатым. Конечно, это сюрприз Зикки! Славная девушка, способный модельер, но... Молодость, молодость! Она все переслащивает, даже собственные творения. Линд спрятал кожицу плода в карман и продолжил свой путь.

Остановившись перед розоватой стеной институтского здания, Линд представил кодовую фигуру — гиперболический параболлоид, проткнутый конусом. Розоватая стена послушно растаяла, образовав изящный проем, сквозь который Линд и прошел в вестибюль. Воздух здесь был свеж и отливал золотом, он был совсем не похож на парной синеватый студень наружной атмосферы. С наслаждением вдыхая этот живительный воздух, Линд поднялся на второй этаж и оказался в зале собраний. Сотрудники института, лучшие модельеры республики, встали, приветствуя его. Линд уточнил дневные задания, распределил сроки консультаций и закрыл утреннее совещание. Когда модельеры стали расходиться, он взглядом остановил Зикку.

— Диида — ваше творение? — спросил он с улыбкой.

— Да, — ответила она, голубея от смущения. — А как вы догадались?

Линд усмехнулся:

— Когда станете главным модельером, сами будете догадываться о многом таком, что сейчас вам и в голову не приходит.

Она восприняла это как шутку, засмеялась. Линд вынул из кармана кожицу плода и легкой игрой воображения превратил ее в сказочный цветок, переливающийся всеми оттенками красной части спектра.

— О-о, — только и смогла сказать Зикка, принимая подарок.

Линд серьезно взглянул на нее.

— Видите, Зикка, я все же догадался, что диида — модель.

Девушка недоверчиво взглянула на него.

— Все прекрасно, — продолжал Линд, — цвет, форма, запах. Но вот вкус...

— Вкус?

— Да, вас подвел самый простой для моделирования фактор — вкус. Плод слишком сладок.

Линд дружески прикоснулся к руке девушки:

— Скажу вам по секрету, в молодости я сам нередко переслащивал свои творения, хотя и не подозревал об этом. Не огорчайтесь, с возрастом это проходит.

В кабинете Линд критически огляделся, привел окраску стен в соответствие с нынешним настроением, сел в кресло, приказав ему удобно облечь тело, достал из сейфа герметик с моделином и ненадолго задумался. Хотелось пить. Линд отщипнул крошку моделина, рассеянно превратил ее в большой стакан с прохладным соком диида. Пригубил. Вот каким должен быть вкус, надо бы пригласить на дегустацию Зикку, да не время. Линд посмотрел сок на свет, вспенил его хорошей порцией углекислоты и залпом выпил. Потом вызвал на консультацию Атта, у которого уже третий день не ладилось с компоновкой хронодвигателя. Смоделировав двигатель в одну десятую натуральной величины, они целый час перекраивали его на разные лады, ругались, пока не пришли наконец к общему мнению, впрочем, оба остались несколько неудовлетворенными. Затем пришлось возиться с проектом нового космодрома, потом... Потом Линда вдруг вызвали по срочной линии спецсвязи. Говорил начальник службы внешней информации планеты:

— Нам надо поговорить, Линд. Я сейчас буду у тебя.

Через секунду в комнате раздался звук лопнувшей басовой струны, над креслом повис шар и, мелко дрожа, обрел форму свободно сидящего сапиенса.

Линд знал, что перед ним сидит не настоящий Тилл, а его точная полуавтономная копия, но он воспринимал модель как самого настоящего Тилла — так велика была привычка к такого рода общению.

— Линд, — проговорил между тем Тилл, дружески наклоняясь к собеседнику, — несколько минут тому назад мы снова обнаружили космический корабль двуногих псевдосапиенсов.

— Это же настоящая сенсация! Корабль далеко?

Тилл горделиво улыбнулся:

— Около сорока световых лет.

— Как же вы его достали? — удивился Линд.

— Разве ты не знаешь двуногих? Они же идут напролом, в лобовую, на скорости в двести световых! Бедное пространство-время трещит по всем швам, шум на всю Галактику, а им хоть бы что. Варвары, да и только! В общем, мы их достали и поддерживаем контакт.

Линд с сомнением покачал головой:

— Варвары! А давно ли мы, сапиенсы, начали сами ходить на сверхсвете? Может быть, они не такие уж варвары?

— На сверхсвете, а слепые, как новорожденные хитти. Упрямо не замечают самые четкие наши сигналы. В следующий раз попробуем заэкранизировать по их курсу одну из звезд. Уж такой-то феномен они должны заметить! Но это дело будущего, а пока... — Тилл улыбнулся и выразительно посмотрел на главного модельера.

— Прямой контакт? — уточнил Линд.

Тилл отрицательно качнул головой:

— Для прямого контакта слишком велико расстояние, да и ультраходов нет свободных, все на заданиях.

— Опять самоформирующаяся модель? — спросил Линд, не скрывая скептицизма.

— А что делать? Упустить такой случай — преступление. Мы даже не знаем, откуда эти варвары.

— Да ведь мы уже сколько раз пробовали с ними самоформирование. Ничего же не получается!

— Надо попробовать еще раз, — упрямо сказал Тилл, — может быть, на этот раз на корабле истинные разумные, а не их двуногие слуги, которые только и умеют, что носиться по галактике сломя голову.

Линд ненадолго задумался, потом мягко сказал:

— Хорошо, Тилл. Я понимаю всю важность этого контакта, а поэтому сам займусь программированием модели.

— Вот за это спасибо, Линд. Не теряй времени!

Тилл улыбнулся, приветливо помахал рукой, затуманился, подернулся рябью и превратился в матовый белый шар.

Глава 2

Из института Линд и Зикка возвращались вместе. Теперь Линд вел тейнер на прогулочной скорости, и густой воздух, обтекая корпус машины, уже не жужжал, а только сонно мурлыкал.

— Наверное, у вас сегодня была интересная работа, — сказала Зикка, не глядя на Линда, — вы целый день не выходили из кабинета.

— Да, это был интересный эксперимент. Завтра я расскажу о нем на утреннем совещании.

— Конечно, никогда не следует торопиться.

Линд бросил на нее быстрый взгляд:

— Я вовсе не имел в виду вас. Смешно было бы заставлять вас ждать до завтра.

Главный модельер замолчал. Он вел тейнер над клокочущей рекой. Когда машина выбралась на другой берег, Линд сказал:

— Сегодня утром в сорока световых годах служба внешней информации обнаружила еще один корабль псевдосапиенсов. Мы снова попытались войти с ними в контакт, и опять неудачно. На наши сигналы они, по своему обыкновению, не отвечали. Не то они их не замечают, не то не понимают, не то просто не желают отвечать нам. Пришлось прибегнуть к самоформирующейся модели. Я запрограммировал ее со всей возможной тщательностью.

— Представляю, какая это была адова работа, — сочувственно заметила Зикка.

— Да, — усмехнулся Линд, — работа была не из легких.

— А результат?

— Как обычно. — В голосе Линда звучала легкая досада. — Двуногим были продемонстрированы все этапы разумной созидательной деятельности: шаровая протоформа, ее воплощения в простейшие неодушевленные предметы, а потом и высший этап — моделирование живых существ. Помня, с каким ужасом относятся двуногие к незнакомым животным и даже абстрактным моделям живого, я поставил задачу на моделирование самого двуногого.

— Разумно, — одобрила Зикка.

— Пришлось долго ждать, когда один из двуногих уединится и успокоится. Вы же знаете — в присутствии нескольких особей из-за интерференции информации получаются не модели, а ублюдки. Сеанс прошел как нельзя лучше. И все зря! Два этапа двуногий принял относительно спокойно. Но как только начался высший этап моделирования, все пошло стандартным путем. Обычная животная реакция: недоумение, испуг, истерика, паническое бегство. В голове бредовая каша из сильнейших эмоций, эмбриональных попыток мышления и простейших инстинктов. — Линд помолчал и с оттенком сожаления добавил: — Я еще раз убедился, что двуногие не сапиенсы, а всего лишь слуги какой-то молодой, бурно развивающейся цивилизации. Что-то вроде наших эффов, которых мы применяли для подсобных работ, когда еще не умели моделировать жизнь. По-видимому, у двуногих жесткая программа действий, которую они слепо выполняют, а что сверх того, их просто не касается или пугает. Одного не пойму: почему их повелители сами не выходят в космос? Излишняя осторожность обычно не свойственна молодым цивилизациям, да еще с таким будущим.

— А почему вы считаете, что у этой цивилизации большое будущее? — полюбопытствовала Зикка.

Линд с улыбкой взглянул на нее:

— А знаете ли вы, с какой скоростью шел их корабль? — Он сделал паузу, чтобы эффект был ощутимее, и веско сказал: — Двести световых! И я уверен, что они могут идти, по крайней мере, еще вдвое быстрее. Пространство-время буквально трещит, а им хоть бы что. Тилл называет их варварами.

— Может быть, они и варвары, — задумчиво сказала Зикка, — но они молодцы. Они мне нравятся. Я люблю, когда трещит пространство-время.

«Вот что значит молодость!» — с завистью подумал Линд, а вслух сказал:

— Будь они настоящими молодцами, они сами бы вышли в космос, а не стали бы прятаться за спины псевдоразумных двуногих.

Некоторое время они молчали.

— Линд, — вдруг робко сказала Зикка, — а может быть, двуногие все же разумные? Ну пусть не так, как мы, по-другому.

Линд ответил не сразу:

— И мне приходили в голову такие мысли, Зикка, однако надо трезво смотреть на вещи. Основным качеством

разума является способность к мысленному моделированию. Без этого не может возникнуть настоящая цивилизация. А двуногих моделирование приводит в ужас, как самых обыкновенных животных.

— А может быть, они творят не силою мысли, а руками, как творили наши далекие предки, — не сдавалась Зикка.

Линд задумчиво улыбнулся:

— Творить руками! Как давно это было! Уже много тысячелетий в нашем мире властвует творческая мысль. Почти все окружающее создано или облагорожено этой могучей силой. А многое ли можно сделать руками?

— Руки можно вооружить механизмами!

— Какими сложными и громоздкими должны быть эти механизмы! Сколько дополнительных сил и материалов надо израсходовать, чтобы творить таким примитивным образом. Насколько экономичнее, наконец, мысленное моделирование.

— Но моделин в естественном виде встречается так редко! Мы натолкнулись на него случайно, нам просто повезло.

— Разум встречается еще реже, — строго сказал Линд.

Зикка не ответила. Некоторое время они ехали молча, стараясь преодолеть вдруг возникшее отчуждение. Потом Линд мягко сказал:

— Я понимаю твои сомнения, Зикка. Да, руками можно сделать многое. Но ведь руками, лапами, щупальцами, клювами, челюстями творят не только сапиенсы, но и самые примитивные животные. Вспомните воздушные мосты пиффов или гнезда рокков. Разве это не чудо из чудес? И все-таки самого гениального пиффа от самого примитивного сапиенса отделяет непроходимая пропасть — только сапиенс может творить силою мысли!

— Наверное, вы правы, Линд, — покорно сказала Зикка, — вы говорите очевидные истины. Но сколько раз уже самые очевидные истины шатались и рушились под напором познания! — Она повела рукой вокруг себя и тихо добавила: — Мир велик, Линд, а мы знаем так мало!

— Да, — в голосе главного модельера прозвучала нотка грусти, — мир велик.

Серебряная Риола спряталась за горизонт, но стало лишь чуточку темнее — на противоположной стороне небосклона загоралась новая алая заря. Это всходил звездный колосс, красный гигант Орро. Близилась красная ночь — часы раздумий и грусти. Розовые сумерки спорили с голубыми.

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Глава 1

Слепящее золотисто-зеленое солнце тонуло в изумрудном море. Пронзительно желтое небо по мере удаления от солнца наливалось бирюзой и постепенно приобретало прозрачный опаловый цвет. Редкие облака, висевшие над морем пышными шапками, играли голубыми огнями и синими тенями. Море сонно колыхалось, морща солнечную дорожку — реку зеленоватого фейерверочного пламени.

Лобов опустил руку, которой прикрывался от колющих лучей солнца, и перевел взгляд на берег. Зеленый мир! Даже белоснежная полоса песка казалась сейчас зеленой и походила не столько на песчаный пляж, сколько на лужайку, поросшую весенней травкой. Зато трава, иглы елей и листья пальм сверкали темной медью и бронзой, и только малахитовые прожилки и узоры говорили о том, что и они рождены этим зеленым миром.

Нахальные пальмы заняли на пляже самые лучшие места. Изогнув тонкие талии, они в самозабвенной неподвижности смотрелись в темную воду лагуны. Ели робко выглядывали из-за их спин, видно, очень хотели, да никак не решались подойти поближе к воде и с досады швыряли в зеленый песок свои украшения — большие ярко-синие шишки. Только одна елочка, проскочив между пальмами, застыла у самого обреза воды. Наверное, елям не полагалось подходить так близко к морю. Волны, добегавшие сюда в непогоду, подточили ее корни, елка угрожающе наклонилась и готова была упасть на песок под первым же порывом ветра. И все-таки она расцвела, украсив себя убогим нарядом недоразвитых шишек.

Лобов улыбнулся, поражаясь этой настырности природы, огляделся, подобрал выброшенный морем тонкий древесный ствол, очистил от остатка ветвей, глубоко во-

© Ю.Г. Тупицын, 1975

ткнул в песок рядом с елочкой и накрепко привязал ее к этому шесту. Полюбовавшись на свою работу, он подошел к воде — вымыть руки.

Огромное зеленое солнце, на которое теперь можно было смотреть, почти не щуря глаз, коснулось своим краем моря. Казалось, море вскипит и ринется в небо бурлящим радужным облаком. Но ничего такого не произошло. Мир дремал под мелодичный аккомпанемент птиц-колоколов. И чем больше погружалось солнце в море, все растягиваясь по горизонту и темнея, тем смелее звонили птицы. «Динь? Дон?» — звучал среди пушистых оранжевых игл робкий вопрос. А в ответ над салатным пляжем, над медной травой и черным морем, политым изумрудным огнем, стелился, уносясь вдаль, густой и сочный удар колокола: «До-он!»

— Иван, — донесся в пикофонах голос Кронина. Лобов очнулся от раздумья, встряхнул мокрые руки — на песок полетели капли воды, похожие на шарики ртути.

— Слушаю.

— Я нашел скелет аборигена-антропоида.

Лобов еще раз, теперь уже машинально, встряхнул руки, осмысливая услышанное.

— Антропоида?

— Да. И он так похож на останки человека, что даже страшновато. Может быть, прилетишь?

Лобов огляделся. Зеленое солнце тонуло в море. Над медно-зеленым лесом вздымалась, рассекая опаловую даль, черная колонна «Торнадо». На вершине корабля горел рубиновый огонь маяка, казавшийся чужим и тревожным в этом зеленом мире.

— Поздно, Алексей. Вызывай Клима. Голографируйте находку и на корабль.

Глава 2

«Торнадо» был в космосе, на полпути к Земле, где должен был стать на капитальный ремонт в лунных эллингах звездных кораблей, когда Лобова гравитограммой пригласили на разговор с базой. Оставив Клима и Алексея маяться догадками, Лобов прошел в рубку лонгсвязи, включил линию и увидел на экране озабоченное лицо своего старого товарища — начальника базы галактических исследований Всеволода Снегина.

— Иван, только что с Перл получен сигнал бедствия. «Торнадо» ближе других кораблей к этой планете. — Сне-

гин сощурил в легкой улыбке свои холодноватые синие глаза. — Дойдете без капитального ремонта?

— Дойдем, — задумчиво проговорил Лобов, недоумение вдруг отразилось на его лице. — Но, Всеволод, на Перл же никого нет. Станция законсервирована!

— Да, — хладнокровно подтвердил Снегин, — и все-таки сигнал бедствия оттуда получен.

Иван кивнул головой в знак понимания и снова задумался, потирая лоб.

— Подробности?

— Никаких подробностей. Одиночный сигнал бедствия, вот и все. На запросы станция не отвечает. Скорее всего это неисправность связной аппаратуры. Может быть, и какая-то другая случайная причина. Но сигнал есть сигнал, надо выяснить, в чем дело. А вдруг?..

— Понимаю, — серьезно сказал Лобов, — в нашем деле нельзя без этого «а вдруг».

Перл, жемчужиной, назвал планету начальник экспедиции «Кентавр» Жан Верней, француз по происхождению. Для такого имени были основания. Перл была планетой-архипелагом, если не родной, то двоюродной сестрой Земли. Суша ее не образовывала мощных континентальных платформ, а состояла из бесчисленного множества больших и малых островов, рассеянных по глобальному океану. Собственно, не было и глобального океана, были большие и малые моря, на которые этот океан был рассечен ветвями и цепочками островов. Потому на Перл не было ни жестоких штормов, ни опустошительных ураганов, повсюду, кроме самых высоких широт и узкой экваториальной полосы, царил мягкий теплый климат.

Биологический закон, согласно которому островная флора и фауна представляют собой миниатюризованную копию континентальной, проявлял себя на Перл в полной мере. Самым высоким деревом здесь была десятиметровая пальма, очень похожая на кокосовую. Самый грозный хищник — гигантский горностай — не превышал ростом крупную кошку, а великан среди растительноядных — меченосная антилопа — был с земного сайгака величиной. В общем, с точки зрения человечества, как объект последующего заселения Перл была действительно настоящей жемчужиной Галактики.

Вскоре, однако, Перл показала, что у нее, как и у многих других красавиц, крутой и коварный характер: в одну из лунных ночей бесследно исчезла гидролог экспедиции, жена Жана Вернея — Майя. Отличная пловчиха и ныряль-

щица, чемпионка Олимпийских игр по подводному спорту, Майя стала инициатором не только дневных, но и ночных исследований морской лагуны. В одну из лунных ночей она в одиночку покинула корабль и не вернулась. Больше того, во время ее поисков столь же загадочно и бесследно исчез и начальник экспедиции — муж Майи, Жан Верней.

Обсудив эти трагические происшествия, совет космонавтики пришел к выводу, что индекс безопасности Перл установили с крупной ошибкой. Он постановил: вернуть экспедицию «Кентавр» на Землю, научную станцию законсервировать, а планету дополнительно обследовать патрульными кораблями.

Эти обследования, с перерывами продолжавшиеся целых четыре года, не прибавили к знаниям о Перл ничего нового. Не было найдено никаких следов и пропавших супругов Верней.

Глава 3

Алексей Кронин нашел аборигена, когда вместе с Климом прочесывал лес в северном углу острова. Под ногами инженера обвалился склон неглубокого оврага, и он благополучно съехал по откосу вместе с пластом рыхлой земли и рыженьким мелколистным деревцем, увешанным круглыми ядовито-зелеными плодами. На дне оврага деревце медленно, точно нехотя, повалилось на Алексея, задирая к опаловому небу черные, сведенные судорогами корни. Ядовито-зеленый плод, коснувшись плеча инженера, глухо взорвался, осыпав его розоватым облачком пыльцы, пахнущей фиалками и навозом. Тотчас же нестройной серией взорвалось еще несколько плодов. Клубившееся розоватое облако пыльцы сделало золотисто-зеленое солнце ртутным. Над оврагом с тревожным звоном заметались стремительные тени золотистоглазых птиц.

Выбираясь из завала — инженера по колено засыпало рыхлой землей, — он и ругался и посмеивался, отряхивая с себя землю и пахучую — не поймешь, приятную или противную, — пыльцу.

— Что случилось? — послышался в пикофонах голос Клима, который двигался параллельным маршрутом метрах в пятидесяти и, конечно же, слышал поднявшийся переполох.

— Ничего, стреляющее дерево, — ответил Алексей, не вдаваясь в подробности. Ему не хотелось, чтобы Клим видел его в этой смешной ситуации, а стреляющее дерево не было дивом — с ним они уже встречались несколько раз. Хорошенько отряхнувшись, Алексей оглядел обнажившийся склон холма и заметил наверху, с самого края оползня, белый, отлично сохранившийся скелет с ярко выраженными антропоидными чертами.

Сначала инженер просто удивился, как он удивился бы такой неожиданной находке и на Земле: скелет, любопытно. Откуда он здесь? И только потом Алексея будто ожгло: ведь он на чужой планете! Инженер огляделся вокруг: перезвон встревоженных птиц, опаловое небо, тающее облако розоватой пыльцы — и скелет, удивительно, пугающе похожий на человеческий. Находка, которая разом могла прояснить все тайны этой планеты. Сдерживая волнение, Алексей взобрался наверх и, осторожно действуя карманным виброманипулятором, очистил скелет от остатков земли. Человеческие черты находки проступили при этом так ярко, что Алексею стало жутковато. Никак не верилось в реальность происходящего. Зеленое солнце и хрупкий человекоподобный сапиенс не хотели увязываться друг с другом. Наваждение?

Кронин отошел в сторонку, присел на пенек и снова взглянул на обвалившийся склон оврага. Скелет был на месте. Пожалуй, абориген-антропоид дальше и выше человека продвинулся по пути сапиенсации. Его череп по сравнению с недоразвитым хилым тельцем был огромен, крутой выпуклый лоб тяжело нависал над малюсеньким лицом. Единственно, что сглаживало впечатление интеллектуальной мощи, так это рост — абориген был не больше метра высотой, лилипут, карлик по сравнению с человеком. Но что значит рост, когда речь идет о разуме, о духовном величии расы? Вряд ли можно было сомневаться — склон оврага хранил останки подлинного хозяина планеты, погибшего, кстати, совсем недавно.

Возле скелета села черная золотоглазая птичка, выбила звонкую трель своим колокольным голосом и принялась разглядывать Алексея, и так и этак поворачивая головку. Инженеру стало не по себе в этом вечернем, понемногу тонущем в сумерках лесу. Он подобрал синюю шишку, слабо пахнущую мятой, швырнул ее в любопытную птицу. А потом вызвал Ивана.

Глава 4

Посадка «Торнадо» на планету по странному сигналу бедствия не только не прояснила, но еще больше запутала ситуацию. Научная станция оказалась законсервированной и нетронутой. За одним-единственным исключением: окно в рубку связи было выжжено лучевым пистолетом. Контрольные приборы бесстрастно зафиксировали, что гравитостанция по команде ручного манипулятора послала в космос один-единственный всенаправленный сигнал бедствия.

Инженер, который по просьбе Лобова со всей возможной тщательностью обследовал выжженный проем окна, уверенно комментировал:

— Операция произведена стандартным лучевым пистолетом. Тот, кто проводил ее, нервничал или торопился — смотри, какой неровный след.

На секунду задумавшись, он обернулся к командиру:

— Ты хорошо знал Вернея?

— Встречаться приходилось, не более того.

— Он не был левшой?

— А что такое? — заинтересовался Иван.

— Да я могу гарантировать, что здесь орудовали левой рукой.

Лобов грустно улыбнулся:

— А если левым щупальцем?

— Может быть, — согласился спокойно инженер, — но луч бил под некоторым углом, слева направо.

Кронин недоуменно пожал плечами, проводя по оплавленному следу пальцем.

— Зачем Майе и Жану надо было выжигать окно?

— Ума не приложу! Они спокойно могли воспользоваться дверью.

Лобов оглядел здание.

— Дверь далеко. А они могли спешить, отчаянно спешить.

— Почему?

— Этого я не знаю.

— Да не могли они настолько спешить, чтобы не оставить здесь записки или диктофона!

— Кто же тогда выжег окно?

Инженер только вздохнул в ответ. В самом деле, за четыре года детальных исследований на Перл не было обнаружено никаких признаков живых существ, которые оказались бы способными воспользоваться трофейным

лучевым пистолетом и включить гравитостанцию. Да и зачем?

Когда Лобов доложил по лонглинии обстановку Всеволоду Снегину, тот после небольшого раздумья решил:

— Сегодня же вынесу на совет вопрос о посылке на Перл большого исследовательского корабля. А вы свою миссию можете считать законченной. Стартуйте — и счастливой звездной дороги к Земле.

— Один вопрос, — просительно сказал Иван, — ты не знаешь, не был ли кто-нибудь из Вернеев — Жан или Майя — левшой?

— Не скажу о Майе, — Снегин смотрел на Ивана со сдержанным интересом, — но Жан был левшой, это точно.

— Вот как, — довольным тоном констатировал Лобов, — тогда разреши нам задержаться на Перл еще на недельку.

— Зачем?

В серых глазах Лобова мелькнула и пропала искра улыбки.

— Мы подождем полнолуния.

Снегин шевельнул бровью, присматриваясь к Ивану.

— А почему именно полнолуния? Почему не грозы или землетрясения?

— Видишь ли, Всеволод, и Майя, и Жан пропали не в грозу, а в полнолуние. В самое полнолуние.

— Любопытно, — Снегин вдруг улыбнулся, — до чего же вы дотошные и скрытные люди. Ну да ладно, пусть будет по-вашему. Жду доклада в полнолуние.

Шагая по медной, с малахитовыми прожилками траве на тревожный рубиновый огонь «Торнадо», Лобов думал о странной находке товарищей, которая вдруг перечеркнула все его предположения. А еще о том, что полнолуние наступало послезавтра.

Глава 5

Зеленые лучи заходящего солнца уже не достигали земли. Они падали на вершины деревьев, с трудом пробивались сквозь густую медную листву и тянулись полосами почти параллельно уже посеревшей, покрытой редкой травой лесной почве. В теплом сумраке леса было так тихо, что отчетливо был слышен каждый звук: редкий звон птицы, шорох травы под ногами, удар тяжелой шишки о землю.

— Не возьму в толк, — вполголоса, но сердито сказал Клим, поправляя рюкзак за плечами, — причуды этой цивилизации. За счет чего существуют эти человекоподобные лилипутики? Почему они прячутся от нас, словно от прокаженных?

— Может быть, они невидимы, бестелесны и становятся сами собой лишь после смерти или глубокой ночью, когда на небе полная луна.

Клим покосился на серьезное лицо Кронина и засмеялся.

— Причем по крику петуха, как нечистая сила, материализуются и тащат за собой в колдовские подземелья все живое, что только попадается. Так, что ли?

— Может быть, и так, — инженер был непробиваемо серьезен, — а может быть, они просто боятся.

— Чего?

— Нас. Нашей активности. Шума. Всех этих вездеходов, глайдеров и униходов. Нашей дотошности и холодной рациональности, нашего утилитаризма.

— Не проще ли вышвырнуть таких неприятных гостей с планеты?

— Может быть, они и вышвыривают, когда им сильно докучают. Недаром же нет никаких следов ни Майи, ни Жана.

Клим усмехнулся:

— Выходит, что здесь нечто вроде глобального дома отдыха, куда крутолобые лилипуты прилетают отдохнуть от трудов праведных, а может, и от разбойных дел?

— Не исключено. Присмотрись, — Кронин приостановился, вздохнул полной грудью, оглядываясь по сторонам. — Не чувствуется здесь первозданной дикости. Это не джунгли, не сельва и даже не тайга. Нет тут ни муравьев, ни гнуса, ни москитов. Нет ядовитых змей и пауков. Я уж не говорю о львах и леопардах. Полудикий парк, где можно наслаждаться природой, гулять и развлекаться.

— Целая планета для игр и развлечений? Не слишком ли расточительно?

— Отнюдь, давай-ка теперь я. — Инженер забрал у Клима увесистый рюкзак, куда была уложена находка вместе с многочисленными образцами и пробами окружающей почвы, флоры и фауны, и продолжил: — Человек боготворит труд только до тех пор, пока он голоден, наг и неустроен. А когда первичные биологические инстинкты удовлетворены, ему становится ужасно скучно.

И на смену труду приходит другое божество — развлечение, игра. Да что человек — играет все живое! Кошки, собаки, птицы, дельфины, рыбы. Наверное, амебы и медузы тоже играют, только они так далеки от нас, что мы не понимаем этих игр. А что такое величайшие открытия науки, как не результат азартной игры с темными и тайными силами природы?

— Долой труд, и да здравствует игра! — засмеялся Клим.

— Ну зачем же так легкомысленно, — сказал Кронин. — Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Но я убежден, что чем дальше мы будем восходить по дороге разума, тем все больше тяжкий осмысленный труд и бездумная радостная игра будут сливаться в некое сияющее целое, о котором мы пока и понятия не имеем.

— А мы не ослепнем от этого сияния?

— В крайнем случае можно будет надеть очки.

— Игра, — в раздумье повторил штурман, — может быть, и игра. Но игры редко кончаются смертью, Алексей. А в этих лесах каким-то загадочным образом погибло три сапиенса: Майя, Жан и вот этот товарищ, наиболее прочные детали которого лежат у тебя за спиной. Жан и Майя были космонавтами, людьми, которых специально готовят для встречи с неожиданным. Какая уж тут игра! Жестокость!

— Мне надоели разговоры о жестокости разума.

— Почему обязательно разума? — возмутился Клим.

— А разве нет? У меня из памяти не выходит мощный, могучий лоб, — Кронин встряхнул рюкзак, — этого существа.

— Дался тебе этот лоб! А может быть, под ним пустота. Может быть, этим лбом лилипутики разбивают пальмовые орехи, а не мыслят.

— Ну ты все-таки ерник, Клим.

— А может быть, такие могучие лбы нужны этим типам для брачных схваток. Разбегаются и, как бараны, лоб в лоб. У кого лоб массивнее, тот и победитель!

Кронин не сдержал улыбки, но тут же посерьезнел и приостановился.

— Глайдер.

Крылатая машина была почти незаметна в сгустившемся сумраке. Но ее чуткие приборы уже уловили приближение людей, и они приветливо замигали бортовыми огнями: зеленым на правой плоскости и красным на левой.

Глава 6

Лобову не спалось. Его усталый мозг механически снова и снова перебирал факты, на которых он останавливал днем свое сознательное внимание. Этот пестрый хоровод, лишенный логики и цельности, начинал крутиться то с начала, то с конца, то с середины, оставляя чувство неудовлетворенности и смутного беспокойства.

Как бы то ни было, все говорит за то, что именно Жан Верней побывал на научной станции — окно выжжено левой рукой, а Жан был левшой. Жан добрался до гравитостанции, а дальше принялся действовать явно в противоречии с логикой и здравым смыслом. Ведь, казалось бы, самое разумное — вступить с базой в двустороннюю связь, но Верней этого не сделал. Он ограничился нажатием аварийной кнопки и снова исчез. Почему? Его могли заставить уйти, но это было ох как непросто сделать — у Жана был лучевой пистолет. Он бы не сдался так просто, остались был следы борьбы и лучевого оружия. Следовательно, заставить — отпадает. Жан Верней ушел сам. Видимо, он очень спешил, экономил буквально каждую секунду: он выжег окно, а не воспользовался дверью, он не стал говорить, ограничившись однократным нажатием аварийной кнопки. Жан отчаянно спешил, для него или для Майи это был вопрос жизни и смерти. Но тогда он должен, обязан был воспользоваться каким-то транспортом. Между тем в ангаре научной станции спокойно стоят законсервированный униход, два глайдера и катер — эти традиционные средства исследования планет.

Сон отлетел неслышно, как летучая мышь. Хоровод фактов распался, голова стала ясной и холодной. Традиционные, стандартные средства! Иван сел на постели. Может, дело в том, что, осуществляя поиск, они обращали внимание лишь на стандартное? А дороги к истине часто лежат через исключения.

Лобов встал, включил свет и принялся неторопливо одеваться. Не было ли в распоряжении экспедиции «Кентавр» нестандартных транспортных средств? Ведь это была целая экспедиция, а не патрульный корабль! Скажем, аппаратов для высотных, глубоководных или подземных исследований.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить товарищей, Иван прошел в ходовую рубку корабля и достал из сейфа документы, относящиеся к снаряжению экспедиции «Кентавр». В списке транспортных средств он без труда обна-

ружил то, что искал, — геологический бот для подземных исследований.

Закрыв сейф, Иван заколебался — разбудить товарищей или обследовать ангар одному? Ангар располагался рядом со стоянкой «Торнадо» в зоне защитной сигнализации, так что опасности практически не было никакой. А тревожить товарищей из-за своих более чем проблематичных предположений Ивану не хотелось. Наконец решившись, Лобов прошел в шлюзовую камеру, надел легкий защитный костюм, вооружился лучевым пистолетом и мощным карманным фонарем. Распахнув наружную дверь шлюза, Лобов невольно приостановился. Прохладный колючий воздух пахнул в лицо, погладил кисти рук. Совсем низко над лесом висела огромная рыжая луна, пронзенная вершиной старой ели. К кораблю из сиреневой темноты неслышно подбиралась целая армия остроголовых призраков-елей: впереди малыши, жавшиеся к самой земле, за ними любопытные подростки, а позади темные исполины, тянувшие строгие головы к звездам. Странно, но Ивану почудилось, что вот сейчас из сиреневого сумрака, взявшись за руки, выйдут Жан и Майя, выйдут и окликнут его. И этот момент никак нельзя упустить, потому что они снова исчезнут, и тогда уже навсегда. Не чувствуя, как за ворот защитной куртки ползут колючие струйки холодного воздуха, Лобов до боли в глазах вглядывался в темноту, но вокруг были молчаливые, неподвижные ели, одни ели. Ни шороха, ни звука, ни движения воздуха. Испуганный, затаившийся, зачарованный кем-то мир.

Слегка досадуя на себя, Лобов стряхнул наваждение чужой лунной ночи, спустился по трапу на землю и дорожкой, которая обозначилась синими светляками фонариков, направился к ангару. Фонарики зажигались впереди и сразу же гасли, едва Иван проходил мимо них. В ночной тишине звуки шагов казались неестественно громкими.

Лобов не стал открывать центральную дверь, через которую выводили машины, а прошел в ангар малой боковой дверцей. В помещении вспыхнул рассеянный дежурный свет. Он упал на крылатые глайдеры, на униход, похожий на большого черного жука, на стремительное серебристое тело морского катера.

Оглянувшись, Иван в гулкой ангарной тишине прошел вперед и там за временной переборкой увидел то, что искал, — тяжелую отливающую синевой сигару геологичес-

кого бота. Достав карманный фонарик, Лобов осветил его острым слепящим лучом.

На синеватом корпусе машины заиграли тусклые блики, зеркалами вспыхнули, погасли и снова вспыхнули, повинуясь движению светового луча, овальные иллюминаторы кабины. В монолитном корпусе, рассчитанном на тысячетонные нагрузки, Лобову почудилась тонкая черная щель. Сразу насторожившись, он подошел к боту вплотную, и сердце у него екнуло: входной люк кабины не был загерметизирован; между краями крышки и корпусом оставалась тонкая миллиметровая щель. Ее не было заметно ни днем, ни при ангарном освещении, она проявилась лишь в узком, косо падавшем луче карманного фонаря.

Иван нажал кнопку подъемного механизма и, пока тяжелая крышка торжественно и бесшумно поднималась, открывая в синеватом металле черный провал, ногой пододвинул к кабине стремянку, поднялся на три ступени и заглянул внутрь.

На месте водителя, уронив голову и руки на пульт управления, сидел Жан Верней. Ему хватило сил только на то, чтобы добраться от связной рубки до бота и умереть.

Глава 7

Есть сколько угодно лавинообразно развивающихся реакций: обвал, обычные и ядерные взрывы, формирование новых видов животных на специфичной генетической основе, цепочка научных открытий после формулировки ранее неизвестного фундаментального закона природы. Полушутя-полусерьезно Клим утверждал, что и случайные находки — счастливые и несчастливые — подчиняются тому же принципу. Стоит сделать одну, как они начинают сыпаться как из рога изобилия. Поиски на Перл еще более утвердили его в этом мнении. Совершая ежедневный контрольный облет острова, Клим наткнулся на такой феномен, что после короткой посадки прекратил выполнение задания и вернулся на корабль.

Лобов, который вместе с Алексеем занимался профилактическим осмотром унихода, при виде Клима посмотрел на часы и спросил:

— Что случилось?

Клим с некоторой торжественностью извлек из кармана большую ярко-синюю шишку и протянул ее командиру.

— Ну и что? — спросил недовольно Иван, машинально беря ее правой рукой. И прикусил язык. Форма шишки была поразительна. Она представляла собой точную копию корпуса «Торнадо». У Кронина, который смотрел через плечо командира, вытянулось лицо.

— Это с той самой елочки, которую вчера Иван привязал к шесту, — уведомил штурман, наслаждаясь изумлением товарищей, — и все шишки такие. Все до единой!

— Да-а, — несколько растерянно протянул Иван, не пытаясь скрыть удивления.

— Копия корабля, — сообщил Клим таким тоном, точно он собственноручно изготовил эту копию.

— Да копия-то какая! — взглядом попросив разрешения, Алексей осторожно взял чудо-шишку у Ивана и принялся внимательно разглядывать ее, поворачивая длинными ловкими пальцами. — Сохранены все главные детали: шасси, люки, антенны, иллюминаторы. Не шишка, а сувенир!

— А может быть, не сувенир, — Клим ревниво забрал свою находку из рук инженера, — а своего рода сигнал, обращенный к нам.

— Странный сигнал, — усомнился Лобов.

— Сигнал, конечно, совершенно необычный, — согласился Кронин, — но, возможно, аборигены не могут или не желают вступать с нами в прямые контакты, а другие сигналы мы не способны воспринять или не замечаем.

— Не доросли? — усмехнулся Клим.

— Не исключен и такой вариант.

— А если, — Лобов было замолчал, но потом все-таки продолжил, — если этот сигнал не от аборигенов, а от Майи Верней?

Космонавты переглянулись. В этот момент они вспомнили о Жане Вернее. Он страшно исхудал перед смертью, и труп его не столько разложился, сколько мумифицировался. Но что самое странное — Жан был с головы до ног выпачкан землей. Земля у него была не только на одежде, но и в волосах, в складках кожи, в уголках глаз. А ногти у Вернея были забиты землей так, словно он голыми руками рыл себе ход и, как крот, прополз под землей. Он отчаянно спешил, но эта изнурительная предсмертная спешка привела его не в кабину глайдера, не в уникод, а в машину, которая может ходить под землей. Торнадовцы не сомневались, что аборигены держали супругов Верней в плену, где-то в подземелье. Когда Кронин в своей флегматичной манере высказал недоумение по

поводу целей такого пленения, Клим зло спросил, что он думает по поводу целей содержания в земных зоопарках обезьян и медведей. Инженер тогда непривычно смутился и задумался. Может быть, поэтому он теперь немедленно поддержал командира.

— Как это нам сразу не пришло в голову? Да и как иначе Майя может подать весть о себе из подземелья?

— Значит, она жива? Тогда мы не имеем права медлить! — вскинулся Клим.

— Не будем пороть горячку, — спокойно сказал Лобов, — Майя, если она жива, смогла протянуть здесь целых четыре года. Вряд ли несколько дней могут что-либо изменить.

— Ты забываешь о судьбе Жана!

— Я думаю, — хмуро сказал командир «Торнадо», — что Жан Верней сам выбрал свою судьбу. Как бы то ни было, совершенно ясно одно: надо внимательно, детально обследовать и эту загадочную елку, и все, что ее окружает.

Глава 8

Клим вошел в кают-компанию так тихо, что Лобов, сидевший за микропроектором, его не заметил. Освещение было выключено, сумрак раздвигал стенки помещения, накинув покрывало таинственности на мебель и оборудование. Зато салатный столб солнечного света, врывавшийся в овальный иллюминатор, казался до того осязаемым, что его хотелось погладить рукой. Этот контрастный неземной свет обливал зеленью обеденный стол и кресло, бросавшие на пол густые черные тени, зеркалом ложился на светлую стену, а самым краешком освещал затылок Лобова. Лицо Ивана, освещенное только отраженным рассеянным светом, казалось землистым, а голову его украшала какая-то чертовщина, не волосы, а трава или водоросли. Он был так непохож на настоящего живого Ивана, что Клим протянул руку и щелкнул кнопкой корабельного освещения. Миг, и теплый розоватый свет погасил таинственное сияние неземного солнца. Лобов поднял от проектора голову и двумя пальцами — большим и указательным — помассировал уставшие глаза.

— Что нового?

— Чудеса! — доверительно сообщил штурман, Иван видел, что он очень доволен результатами анализа.

Обследование удивительной елочки и прилегающей местности порядком затянулось. Были взяты образцы тканей самой ели и окружающих деревьев, пробы почвы, воздуха, воды, было заложено несколько шурфов разной глубины. С глайдера произвели съемку местности в различных лучах электромагнитного спектра, прочесали лагуну и побережье биолокатором.

Ничего сенсационного обследование не принесло, хотя мелочей набралось изрядно. Например, пробы почвы оказались заметно беднее микроорганизмами, чем в других районах Перл, вода лагуны несколько опреснена, болезнь елочки объяснялась не близостью ее к морю, а грибным поражением и так далее, и тому подобное. Никаких следов Майи Верней или заточивших ее в подземный мир аборигенов.

Данные обследования были введены в бортовой компьютер, а оному поставлена задача — обнаружить в отклонениях от нормы некоторую логику, систему. На машинный анализ сильно рассчитывал инженер, а Клим, который по роду деятельности общался с компьютером постоянно, не скрывал скептицизма. И оказался прав. Компьютер быстро запутался в прогрессивно ветвящейся сети вариантов и выдал обычный в таких случаях сигнал отказа работы. Пришлось Климу и Алексею всю предварительную оценку собранной информации брать на себя. Лобов от участия в этой работе отказался, сказав, что займется другими делами, а какими — сказать не пожелал.

— Чудеса? — переспросил Иван, с улыбкой глядя на штурмана.

— Чудеса. Оказывается, эта елка и не елка вовсе.

— Елка не елка — какое значение имеют эти ботанические тонкости?

— Ничего себе тонкости, — возмутился Клим. — Это же вообще не дерево!

Кронин, вошедший вслед за Климом в кают-компанию, подтвердил:

— Совершенно верно. Это гриб.

Лобов недоверчиво усмехнулся.

— Не сама грибница, не микориза, — поспешил пояснить инженер, — а ее плодовое тело.

— В общем, то самое, что называют грибом в обиходе, — уточнил штурман. — Этот гриб не так-то легко отличить от елки даже по химическому составу.

— Как же определили, что это гриб? — Лобов был настроен все еще скептически.

— По грибному вкусу, — засмеялся Клим, а Кронин пояснил:

— Корневая система этой ели — фикция. Она служит не для питания, а для поддержания этого псевдодерева. Функционирует же елочка за счет грибницы, которая подходит к ней из глубины леса толстым, в руку диаметром тяжем — переплетением гифов. Этот тяж отлично виден на одном из наших контрольных снимков.

— Действительно, чудеса, — по тону Лобова чувствовалось, что он и заинтересован и озадачен. — Гриб выращивает нечто несовместимое со своей природой — елку, а ель, продолжая эту парадоксальную линию, — шишки, которые копируют космический корабль. Любопытно! Может быть, Майя Верней все-таки причастна к этому?

— Не исключено. Хотя для этого ей каким-то образом надо было ухитриться приручить гриб и заставить его действовать по своей воле.

Клим, присевший на подлокотник кресла, вздохнул:

— Дрессированные грибы, экзальтированные водоросли, мудрые пни... Чертовщина! Знаете, когда я установил, что елку окружают не грибные мимикранты, а настоящие порядочные деревья, легче на душе стало. А то нет-нет да и приходила в голову мысль: может быть, все-все, что мы видим вокруг, порождение некоего чудовищного, разъевшегося и разжиревшего гриба? Жуть!

Он засмеялся, видно было, что ему вовсе не жутко, а просто интересно, и глубокомысленно добавил:

— Уж куда лучше грибов дрессированных грибы жареные, особенно в сметане. Шампиньоны или рыжики? А?

— Н-да, — согласился Алексей, — чревоугодие — это, конечно, порок. Но хороший ужин разве не добродетель? Что ты думаешь по этому поводу, Иван?

Лобов поднялся на ноги.

— Как это ни печально, а с ужином придется подождать.

— Это еще почему? — возмутился штурман.

— Надо выяснить, куда ведет тяж гифов, питающий елку.

После паузы Кронин спросил:

— Разумно ли это делать на ночь глядя? Не лучше ли подождать до утра?

— А где гарантия, что утром тяж будет на месте? — сказал Лобов. — И потом не забывайте — нынче ночью полнолуние.

Глава 9

Огромная, в два раза больше земной, голубая луна, выщербленная зелеными пятнами, торжественно парила в собственном сиянии под темным куполом неба, затмевая звезды. Сонно вздыхая, ворочалось чернильное море, лениво перекатывая на своей необъятной спине искры и пятна лунного света.

Клим, сделав щупом ранцевого биолокатора несколько мягких размашистых движений, вдруг сузил амплитуду, а потом уверенно прочертил по темной земле волнистую линию.

— Здесь этот тяж, никуда не делся, — довольным тоном сказал он.

— Отлично, — сказал Лобов и, связавшись с кораблем, сообщил эту новость Кронину.

Они заговорили, уточняя детали действий, ведь во время биолокаторного поиска связь невозможна, поэтому все нужно обговорить заранее. Клим выпрямился и покосился на командира. Он стоял рядом сказочным черным силуэтом, на его нейтридном скафандре играли синие блики. Чужая, загадочная луна щедро заливала притихшую землю потоками голубого света; теплый воздух звенел и дрожал под их напором. Конечно, это лишь чудилось, на самом деле звенели и тренькали светлячки, разноцветными мигающими искорками плавающие над землей то в одиночку, а то и целыми роями. За светлячками с кваканьем гонялись большеголовые крылатые твари, своим прыгающим, рваным полетом похожие не столько на птиц или летучих мышей, сколько на бабочек; их причудливые тени-кляксы нет-нет да и проскальзывали по сияющему лунному диску.

— Ты готов?

— Сейчас, — ответил Клим, переключаясь в деловое русло, — вот только настроюсь по резонансу.

Занимаясь этой тонкой операцией, он словно про себя говорил:

— Ночной дозор! Оружие, доспехи, тревога и бесстрашие в зорких очах — все как в рыцарские времена. Не хватает факелов и верховых лошадей.

И поскольку Иван отмолчался, спросил:

— Как ты думаешь, будет толк от нашей ночной прогулки?

— Не знаю. Но тяж грибницы — единственный материальный след, нельзя им не воспользоваться.

— А если это ловушка? — спросил Клим.

— Что поделаешь? Иногда приходится идти и в ловушку, — вздохнул Лобов.

Они пошли гуськом: впереди Клим, плавно покачивая щупом биолокатора у самой земли из стороны в сторону, будто косил траву, позади на дистанции в пять шагов Иван с оружием наготове, весь обратившийся в слух и зрение.

Темное небо, задернутое кисеей лунного сияния, пронзала черная игла «Торнадо», вздымавшаяся над зубчатой стеной леса. Корабль строго следил за космонавтами горящим красным глазом. Дул теплый черный ветер. Близкие ели походили на колышущиеся облака сизого тумана, пальмы устало качали кожистыми листьями-плавниками, на которых играли холодные металлические блики, — все старались, да никак не могли уплыть поближе к звездам, в низкое небо. Под ногами мягко и обиженно шуршала сочная трава, а иногда с тонким хрюканьем рассыпались по сторонам стайки длинноногих зверьков, похожих не то на лягушек, не то на тушканчиков.

— Узел! — сказал вдруг Клим, остановившись.

Выждав и осмотревшись, Лобов подошел к Климу и посмотрел на экран биолокатора: в самом деле, к тяжу грибницы, по которому они шли, подходил другой, заметно потоньше; тяжи сливались, образуя вырост, и далее шел тяж, увеличенный в диаметре. Потом попался еще узел и еще один; тяж грибницы теперь уже не был сплошным, а состоял из нескольких параллельных ветвей, которые вились причудливо, то расходясь петлями, то сливаясь снова.

Вдруг где-то впереди за деревьями, которые росли уже довольно часто, прозвучал глухой взрыв.

— Стой! — поспешно приказал Лобов.

Клим остановился, напряженно вглядываясь вперед. Лунный свет пробивался сквозь кроны деревьев и ложился на землю синими пятнами. А там, впереди, за черной массой деревьев, Климу почудился другой, нелунный, зеленоватый свет.

— Что там? — спросил он Ивана, который осторожно приблизился к нему.

— Вспышка и потом несильный взрыв, — рассеянно ответил Лобов, вглядываясь вперед, — а теперь свет. Можно подумать, что это отблески костра, но свет зеленый.

Клим нервно усмехнулся:

— А может быть, у них горят костры зеленым пламенем?

Лобов оставил шутку без ответа.

— Сворачивай локатор, — решил он наконец, — я пойду вперед, прикроешь.

— Иван, — просительно проговорил штурман.

— Не надо дискуссий, Клим, — мягко сказал Лобов, — не время.

Он подождал, пока Клим свернул свое хозяйство, и осторожно пошел вперед. На дистанции в пять шагов за ним бесшумной черной тенью последовал и Клим. Да, сомнений быть не могло — впереди ровно горел таинственный свет. Скоро он пробился напрямую, зелеными бликами лег на нейтридную броню скафандров, подсветил снизу стволы пальм и кроны елей, по траве и подлеску потянулись густые черные тени. Еще несколько шагов, и Лобов оказался на краю большой поляны и замер в раздумье, что делать — изумляться, трепетать от страха или смеяться.

В дальнем конце поляны светил большой фонарь, а правильнее сказать — розовая лампа, прикрытая сверху, как шляпой или глубоким зонтиком, зеленым абажуром. Сооружение это покоилось на толстом, заметно сходящемся вверх на конус стволе и было лишь немногим меньше человеческого роста. Розовая лампа горела где-то в самой маковке зонтика, так что розовый свет не распространялся далеко, а образовывал яркое световое пятно диаметром метров пять-шесть, все же остальное пространство освещалось изумрудно-зеленым светом зонтика. По самому краю светового пятна, там, где розовый свет мешался с зеленым, водили хоровод... гномы. Гномы — именно это слово сразу пришло в голову Ивану. Ростом они были с белку, а лучше сказать, с суслика, у них были надутые бочкообразные тельца с короткими ножками, которыми они перебирали так часто, что, казалось, не шли, а катились по траве.

На этом бочкообразном тельце сидела круглая голова без носа и рта, с глазами-щелями, прикрытая сверху остроконечной шапкой. Эти шапки слабо светились — у одних гномиков красноватым, а у других — желтоватым светом. Гномы, этакие добродушные пузанчики, были всецело погружены в свое занятие и не обращали внимания на окружающее. Они двигались друг за другом по кругу, строго сохраняя дистанцию, наверное, половину человеческого шага, останавливались, поворачивались

направо, налево, подпрыгивали и снова шли по кругу, но уже в другом направлении. Время от времени из верхушки центрального фонаря с шипением разлетался фейерверк разноцветных искр, и тогда гномики начинали прыгать особенно высоко.

Уловив неподалеку движение, Лобов резко обернулся — это был Клим. За прозрачным забралом шлема Иван видел его ошарашенное лицо, Лобов невольно улыбнулся, но тут же приложил палец к губам: ни звука! Клим успокоительно закивал головой. Они долго смотрели на этот завораживающий, колдовской хоровод гномов, а те все танцевали уверенно, деловито, как будто выполняя какую-то важную, хорошо им знакомую задачу. Какой в этом смысл, цель, значение? Ничего не было понятно, да, честно говоря, и не хотелось думать об этом — настолько красочным, необыкновенным было это зрелище.

Вдруг Клим стиснул руку командира. Лобов повернулся к нему, недоумевая. Штурман с заметной тревогой показал ему глазами вперед и в сторону. Лобов скосил глаза и увидел, что неподалеку от них на поляне пучится и опадает, пучится и вновь опадает земля, вставая все более и более крутым бугром.

Иван кивнул Климу, пригибаясь, отбежал на десяток шагов по краю поляны и прилег на землю. Едва Клим успел последовать его примеру, как раздался глухой взрыв, в воздух вместе с комьями земли взлетел фейерверк искр, и все поблизости залило синим светом.

Из земли с натугой, в видимых корчах выползал, вытягиваясь вверх, двойник зеленого фонаря. Но он был не зеленым, а синим и гораздо более остроконечным, словно зонтик, прикрывавший ствол, был еще сложен. И точно, когда фонарь в конвульсиях вытянулся во весь рост, зонтик с треском распахнулся, на поляну легло пятно оранжевого света и посыпались какие-то шары. Шары хлопали, разбрасывая рыхлую оболочку, и из их сердцевины, словно выброшенные невидимой пружиной, выскакивали гномы. Не прошло и десяти секунд, как на поляне кружился второй деловитый и озорной в одно и то же время хоровод. Некоторое время оба этих хоровода — зеленый и синий — существовали совершенно независимо друг от друга, они будто бы и не подозревали о существовании соседей, хотя существование это было столь фееричным, что не заметить его было определенно невозможно.

А потом что-то случилось, будто прозвучала чья-то неслышная властная команда, чье-то волшебное слово: кол-

довские круги разом разорвались, и цепочки, выписывая зигзаги, поползли, потянулись навстречу друг другу. Струи встретились почти на середине поляны, но не смешались, а образовали два соприкасающихся колеса, колеса эти незаметно для глаза перелились в восьмерку, и вот уже совершенно невозможно разобрать, какому фонарю принадлежит танцующий гномик. Они продолжали кружиться и подпрыгивать, и во время одного из таких особенно высоких прыжков спинка одного гномика лопнула, в воздухе вспыхнули радужные крылья, и он торжественно, неторопливо поплыл в воздухе, поднимаясь над лесом. И началась цепная реакция, хоровод разрушился, гномики теперь с отчаянной энергией прыгали в воздух, падали на землю, вновь, как мячики, взлетали вверх. Хлоп! Хлоп! То здесь, то там вспыхивал радужный ореол трепещущих крыльев, гномики в одиночку, стайками, но чаще всего парами разлетались во все стороны. Один из них, потянув слишком плавно, зацепил верхушку деревца, под которым лежали космонавты, и упал буквально перед самым носом Клима. Такого искуса штурман не выдержал, и, пока гномик неуклюже поднимался на лапки и расправлял полупрозрачные перламутровые крылья, Клим выбросил вперед правую руку и цепко ухватил его поперек туловища. Гномик ощутимо пружинил под рукой, как слабо надутый резиновый мячик, он дергался, стараясь освободиться, глаза-щели сблизились углами, превратившись в почти правильные ромбики, но так и остались черными дырками — в них не было видно ничего похожего на глаза; пониже глаз прорезался крохотный, вороночкой внутрь ротик, из него послышался высокий, почти неслышный свист.

Клим машинально разжал руку, но было уже поздно: гномик раздулся втрое против обычного размера, превратился в почти правильный шар и взорвался, рассыпавшись фейерверком искр.

Глава 10

Лобов молча, обжигая губы, прихлебывал свой любимый напиток — крепкий горячий чай, просветленный кусочком лимона. Он слушал разговор друзей и лишь улыбался время от времени. Клим успевал все: и есть, и пить, и разговаривать.

— Я не на шутку разволновался, когда начались эти непонятные взрывы. Связи-то не было!

— Что нам могло сделаться в нейтридных скафандрах? — пренебрежительно сказал Клим. — Зато какое представление! Балет-феерия!

Он оглядел стол, пошевеливая пальцами, и вздохнул.

— Бутерброды и еще раз бутерброды. И это все, на что хватило твоей инженерной фантазии?

— Это не бутерброды, это сандвичи, — скромно поправил Кронин с некоторой таинственностью, — а потом мне тоже пришлось поработать.

— Ладно, не оправдывайся, — рот Клима был забит бутербродом, а потому говорил он не совсем внятно, — скажи лучше, что ты думаешь об этой странной связи гриба и гномов?

— Об этом я пока не думал, но могу сообщить, что на Земле, в Южной Америке, есть муравьи-листорезы, которые специально выращивают грибы на подземных плантациях.

— Именно это и я имел в виду. Забыл, как называются эти муравьи.

— Есть два больших рода листорезов, — флегматично помог ему инженер, — ата и акромирмекс. Мини-особи почти невидимы простым глазом, а солдаты — больше сантиметра в длину.

— Откуда у тебя такие познания? — искренне удивился штурман.

— Видишь ли, мой старший брат патологически терпеть не мог рептилий и вместе с тем питал столь же патологическую страсть к насекомым, особенно общественным. Книги, фильмы, коллекции, даже муравейники с настоящими живыми муравьями — все можно было найти в его комнате. Некоторые из этих тварей пребольно кусались. Ну и, чтобы обезопасить себя, я волей-неволей должен был взяться за их изучение.

— Ну как не сказать спасибо твоему брату? Что ты еще знаешь об этих акромирмексах?

— Что еще? — инженер погладил подбородок. — Гнезда их имеют до сорока-пятидесяти этажей и уходят в глубь земли на добрый десяток метров. Входы в муравейник сантиметров до десяти диаметром, а грибные плантации больше метра в поперечнике.

Алексей улыбнулся — с таким интересом слушал штурман его рассказ.

— Я вижу, ты полагаешь, что грибы-гиганты разводят в подземелье те самые гномики, одного из которых ты держал в своих руках.

— Да, — сейчас же согласился Клим и тут же поправился: — Вообще-то, не совсем да. Скорее всего гномики — это эфемерная половая форма подземных животных, которые разводят грибы. Вроде пчелиных трутней.

Он помолчал, глядя вдаль, и продолжал, все больше и больше увлекаясь:

— Гномики треть метра ростом, раз в двадцать крупнее самого большого муравья. Укрупним соответственно гнездо твоих акромирмексов. И тогда глубина жилища гномиков будет измеряться десятками метров, грибные ниши, где располагаются плантации, превратятся в настоящие залы. А входы — что твои ворота, по два метра высотой! В такой вход запросто можно затащить человека.

— Ты полагаешь, что Жан и Майя прожили в таком гномомуравейнике добрых четыре года? — усомнился Кронин.

— А почему бы и нет? — строптиво спросил Клим.

— Четыре года держать человека в плену? Для этого нужно иметь разум, по крайней мере, не менее мощный, чем у человека!

— А аборигены-лилипутики? Разве они не могут командовать в подземельях?

Алексей с мягкой улыбкой покачал головой:

— Нет, Клим, не могут. Этот абориген и не абориген вовсе. Это самый обыкновенный земной ребенок трехлетнего возраста.

Глава 11

Из корабельной фильмотеки были извлечены все анатомические атласы, пособия и определители, которые только там нашлись. Не ограничиваясь микроаппаратурой, с них проектировали на большой экран крупномасштабные изображения, а параллельно для сравнения и голографии скелета, найденного Алексеем. Сомнения отпали очень быстро, инженер не ошибся: его находка была действительно идентична скелету земного ребенка трех-четырехлетнего возраста.

— По-моему, все ясно — ребенок! Я выключаю? — получив согласие товарищей, Клим выключил аппаратуру. — Нисколько не удивлюсь, если мы найдем на этой планете египетскую пирамиду или глайдер новейшей конструкции.

Он обернулся к инженеру:

— Как ты только догадался?

— Ты лучше спроси, как мы могли быть такими слепыми! — В голосе Лобова прозвучали нотки досады.

Кронин улыбнулся:

— Нечаянно, по рассеянности. Связи с вами не было, аппаратура фиксирует какие-то непонятные взрывы, а приказ — ни шагу из корабля, что бы ни случилось. Разумеется, я беспокоился и, чтобы отвлечься, взялся просматривать голографии. Находка моя, так или иначе придется делать ее описание. А мысли все равно были далеко. Вот так, задумавшись, я боковым зрением нечаянно взглянул на изображение находки и подумал — надо же, умер таким маленьким, то-то родители убивались! Поймал себя на этой мысли, испугался, и меня точно обухом по голове ударило — это же земной ребенок!

— Ребенок, — недоуменно подтвердил Клим и вдруг расхохотался, — могучий интеллект! Вершина сапиенсации!

Инженер кашлянул несколько смущенно и лукаво заметил:

— Кажется, кто-то предполагал, что эти существа участвуют в брачных схватках, как бараны, лоб в лоб?

— Было, — согласился штурман, вздохнул, успокаиваясь, и уже серьезно заметил: — Надо думать, что Майя Верней жива. Ребенок погиб совсем недавно.

— Если только не Жан воспитывал его.

Лобов с улыбкой взглянул на Кронина:

— На чужой планете? Грудного младенца?

— Н-да, чувствуются у нашего инженера серьезные провалы в образованности по части младенцев, — ехидно ввернул Клим.

— Но ребенок и погиб в конце концов, — защищался Алексей.

Черные глаза Клима прищурились.

— А не для того ли, чтобы вызвать помощь тяжело больному ребенку, явился Жан Верней на станцию?

— Не исключено, — вздохнул Кронин, — как чертовски запутана эта история!

— Не забывайте, Жан Верней погиб, — голос Лобова звучал суховато, — погиб и ребенок. Единственное, что мы можем сделать полезного во всей этой запутанной истории, — это попытаться спасти Майю.

— И мы можем это сделать, — подхватил Клим. — Майя, если она жива, находится где-то под землей, в

гномомуравейнике, а в нашем распоряжении есть подземоход.

— Это все равно что искать иголку в стоге сена, — вздохнул инженер.

— А если попробовать биолокатор? — спросил Иван.

— Глубже метра он не возьмет.

— Все равно нужно попробовать.

— Слушайте, — глаза Клима заблестели, — а если установить на глайдер, нет, на униход, глайдер не потянет, экспедиционный биолокатор? Он же раза в три мощнее нашего!

— Клим, ты гений! — Кронин повернулся к Лобову. — С твоей помощью с этой установкой я справлюсь часа за четыре.

— Вопрос будем считать решенным. — Лобов встал, сделал заметное усилие, подавляя зевок. — А теперь спать — утро вечера мудренее.

— Да, уже утро, Иван, — засмеялся Клим, прислоняясь лбом к стеклу иллюминатора.

В холодном голубом пламени неземной зари над черными стрелками елей трепетали и меркли крупные розовые звезды.

Глава 12

Клим вел поиск Майи Верней, используя штатный биолокатор, настроенный на частоту «хомо». Каждые четверть часа он коротко докладывал о состоянии дел Лобову, который, как и было решено накануне, занимался вместе с Крониным установкой мощного экспедиционного биолокатора на униход. Поиск был скучнейшим и однообразнейшим занятием: штурман вел глайдер «гребенкой», укладывая один параллельный маршрут подле другого. Биолокатор не подавал признаков жизни, внизу плыла медно-зеленая чаща леса, вверху на опаловом небе ярилось полуденное огненно-зеленое солнце.

Клим не то чтобы задремал, а просто глубоко задумался о вещах, очень далеких и от планеты Перл, и от поиска, которым он занимался, а поэтому не сразу понял, что произошло, откуда и почему столько шума. Потребовались секунды, чтобы сообразить: биолокатор буквально взвыл, зафиксировав под собой мощнейший всплеск излучения. Завалив глайдер на крыло и разворачивая его на обратный курс, Клим успел сообразить, что сигнал такой

силы не мог исходить из-под земли. Или уж в глубине Перл творится что-то из ряда вон выходящее! Выйдя на точку контакта, Клим снизился до предела, почти цепляя брюхом машины рыжие верхушки деревьев. И увидел поляну, а на поляне... Он не поверил глазам, а поляна уже осталась позади. Клим вывернул задрожавшую от перегрузки машину на обратный курс и, подкравшись к поляне, завесил глайдер над нею. Струя воздуха мотала ветви деревьев, волнами морщила траву. Клим смотрел до боли, до рези в глазах и не верил, не мог поверить себе! На поляне в странной и очень изящной колыбели, похожей на огромную раскрывшуюся раковину, лежал, сучил ножками и жалобно плакал ребенок.

Глава 13

Когда была выполнена наиболее трудоемкая с физической точки зрения часть доработки экспедиционного биолокатора, Лобов, вытирая только что вымытые руки разовым полотенцем, спросил инженера:

— Надеюсь, минут тридцать ты обойдешься и без меня?

Критически оглядывая только что сваренную ферму для подвески прибора, Кронин ответил:

— Ну, если не тридцать, то минут двадцать на подгонку уйдут. — Он поднял глаза на командира. — А что такое?

— Хочу проверить одну идею. — Рассеянным движением Иван бросил разовое полотенце в переносный утилизатор. — Химический анализ твоей находки производился?

— Разумеется, — Кронин присматривался к командиру, стараясь понять, что он такое затеял, — в виде экспресс-анализа.

— Ты его просматривал?

— Конечно. Состав, типичный для костной ткани. Впрочем, в детали я не вникал.

— Я вот тоже не вникал, — не то сожалея, не то осуждая себя, пробормотал Лобов и кивнул на выносной пульт связи: — Не теряй контакта с Климом.

Инженер проводил его взглядом, пожал плечами и принялся за работу. Некоторое время он так и этак раскладывал последние события, стараясь догадаться, что за идея пришла Лобову, но работа требовала внимания, и

он постепенно ушел в нее целиком. Он отвлекся лишь для того, чтобы ответить Климу, который в очередной раз скучным голосом доложил, что у него нет ничего нового. Услышав позади себя голос Лобова, он вздрогнул от неожиданности.

— Алексей, — лицо Ивана было озабоченным, — может быть, я что-то путаю? Посмотри ты.

И протянул небольшую карточку, выданную компьютером. Это были данные экспресс-анализа костной ткани некоторых перлских животных, в том числе и находки Кронина, и контрольные данные костной ткани человека. Инженеру понадобилось не больше минуты, чтобы понять причину озабоченности командира: скелет, который, как они решили в конце концов, должен был принадлежать земному ребенку, содержал характерную группу соединений. Эта группа с некоторыми вариациями хорошо прослеживалась у всех местных животных, она была четко выражена у его находки и начисто отсутствовала у человека! Несколько секунд Кронин туповато поворачивал с боку на бок этот странный факт, а потом до него разом дошел его сногсшибательный смысл. Он чуть не выронил карточку из рук.

— Так все-таки это неземной ребенок!

— Да, — без всякого воодушевления согласился Лобов, — получается так.

Он посмотрел на выносной пульт связи, на большой циферблат, по которому резво бегала секундная стрелка.

— Надо связаться с Климом, — скорее подумал вслух, чем обратился к инженеру, Иван.

И Кронин взглянул на выносной пульт.

— Через семь минут, не раньше, — сказал он с сожалением, — а сейчас бесполезно, системы связи глайдера обесточены: Клим работает с биолокатором. Ты чем-то обеспокоен?

— Да, — Лобов сел в раскладное кресло возле выносного пульта и спросил со скрытой надеждой: — А может быть, это все-таки земной ребенок, Алексей? А эта проклятая химическая группа — следствие особенностей местного питания?

Инженер решительно покачал головой.

— Исключено. Любой организм отчаянно консервативен. Вспомни о тканевой несовместимости. Но чем ты обеспокоен?

— Я боюсь, что этот так называемый ребенок — вовсе не ребенок, а совершенно взрослая особа.

Кронин улыбнулся:

— Что ты, Иван! Пусть это абориген, удивительно похожий на человека, но это, несомненно, ребенок.

— Было время, ты не считал его ребенком.

— Мы были ослами. Налицо ясные, они бьют в глаза, признаки инфантильности. Вспомни хотя бы о росте.

— Дело не в росте и не в морфологии. Инфантильность свойственна всем сапиенсам, в том числе и людям. И прежде всего в сфере психологической.

Инженер усмехнулся:

— Выходит, и я ребенок? Хорошенькое дитя!

Лобов даже не улыбнулся, он смотрел на резко бегающую секундную стрелку часов, голос его звучал грустно и иронично:

— И ты дитя. Тебе чужда жестокость, а она свойственна большинству несапиентированных самцов. Ты любишь розыгрыши и шутки. Ты склонен к бескорыстной дружбе не только с себе подобными, но буквально со всем живым. А ведь это характернейшая черта любого детеныша. Вспомни-ка площадки молодняка наших зоопарков, где рядом резвятся маленькие антилопы, тигры, медвежата, козлики и волчата — непримиримые враги во взрослой ипостаси. А все мы, экипаж «Торнадо», разве мы не похожи на щенков, с упоенным любопытством обследующих новую квартиру-планету?

Кронин смотрел на командира со сдержанным любопытством и тревогой: он хорошо знал, что молчаливый Иван бывает таким словоохотливым только в минуты большого напряжения.

— Ну хорошо, — мягко сказал вслух Алексей, — допустим, что на Перл живут некие разумные, младенцеобразные с нашей точки зрения существа. Где их цивилизация? Их дворцы, заводы, парки, энергостанции? Где их электромагнитное и гравитационное информационные поля? Короче говоря, где их ноосфера?

Лобов мельком взглянул на него:

— А разве это обязательные признаки? Может быть, буйство техники, стремление перекорежить и переломать природу — всего лишь болезнь роста, свойственная детству разума? Кто знает, может быть, зрелые сапиенсы, чья история насчитывает миллиарды лет, находят другие пути к счастью, которые позволяют им жить в гармоничном единении с окружающим миром, как бы растворяясь в нем.

— Почему же эти гармоничные сапиенсы избегают контактов с нами? Причиняют нам зло?

— Что такое зло и добро в масштабах вселенной? Каждый решает эту задачу на свой лад и вкус. — Иван усмехнулся: — И почему ты решил, что они избегают контактов с нами? Может быть, как раз не избегают. Держат нас, так сказать, под колпаком, ставят нам задачи разной степени сложности, наблюдают, как мы пытаемся решить их, и посмеиваются над нашей беспомощностью.

Лобов вздохнул и добавил грустно:

— А может быть, и не смеются, а жалеют нас. Жалеют и боятся. Как мы боимся акул, волков и пантер, хотя неизмеримо превосходим их уровнем интеллекта. Как разрушить этот барьер? Не знаю.

Лобов поднялся на ноги, коротко приказал:

— Готовь униход, Алексей.

Кронин покосился на часы.

— Клим опоздал всего на минуту. Скажу по секрету, он опаздывал с докладами и больше. Что тебя так беспокоит, Иван? Клим в глайдере, вооружен.

— Разве не были вооружены Жан и Майя Верней? — едко спросил Лобов. И после легкой паузы уже мягче добавил: — Я не уверен, что твоя находка — ребенок. Но нам точно известно — это чуждое нам инопланетное существо, поразительно похожее на земного младенца. А уж если что и может заставить космонавта потерять всякую бдительность, так это ребенок, беспомощный ребенок, брошенный на произвол судьбы. Готовь униход, Алексей.

Глава 14

Клим на запросы не отвечал. Не работала и телеметрия, которая связывала глайдер, корабль и униход; очевидно, все связные системы машины, которой управлял Клим, так и остались обесточенными. Это затруднило поиск, хотя и не делало его слишком сложным: был известен маршрут глайдера, точки, где он выходил на связь, а это позволяло достаточно уверенно рассчитать предполагаемое местонахождение Клима. В эту расчетную точку и вел униход Лобов. Они взлетели какую-нибудь минуту тому назад, Кронин возился на заднем сиденье с ранцевым биолокатором, который Иван приказал подготовить на всякий случай. Униход летел медленно и тяжело — под брюхом машины была подвешена массивная синеватая сигара подземного бота.

Почувствовав прикосновение к своему плечу, Иван обернулся и увидел встревоженное лицо инженера.

— Я допустил вчера оплошность, Иван. Не осмотрел снаряжение, в котором вы с Климом ходили по следу грибницы.

— Я лично осмотрел скафандры. Все в порядке, — успокаивающе сказал Лобов.

— Я не о скафандрах, а о ранцевом биолокаторе. Точнее, о его счетчике суммарного биоизлучения.

— Счетчик не смотрел. Ну?

— Эти взрывы, что вы наблюдали с Климом, вовсе не безопасны. Суммарная доза страшная, так что счетчик попросту зашкалило. К тому же одна из частот совпадает с частотой альфа-ритма головного мозга человека. Если бы не скафандры, вам пришлось бы плохо.

Лицо Ивана окаменело.

— Клим без скафандра? — без всякой надежды спросил он.

— Конечно. Кто знал?

— А чем грозит эта составляющая с альфа-ритмом?

Кронин замялся, прежде чем ответить.

— Потеря памяти. Паралич. В самом худшем случае возможна и смерть.

Несколько секунд Лобов молчал, не отрываясь от управления и не оборачиваясь.

— Надевай скафандр, — сказал он наконец, — сумеешь в такой тесноте?

— Сумею.

— Потом возьмешь управление. Да поторопись, — в голосе Ивана прорвалась нотка раздражения, он тут же погасил ее и закончил спокойно: — В таком деле могут решать секунды.

— Могут, — согласился инженер.

Он успел надеть гермошлем, голос его звучал глухо, как из бочки.

Они нашли Клима на небольшой поляне, поросшей тощей рыжей травой. Помог глайдер, характерный серебристый силуэт которого был виден издалека.

И на этой поляне прошлой лунной ночью хороводилась гномовакханалия. В разных местах ее стояли грибы-фонари. Только один из них сохранил подобие своих красочных форм, два других успели разрушиться. На их месте лежали зловонные разлагающиеся кучи органики, а в кучах копошились и хлюпали бледно-розовые улитки, голубые черви и черные жуки, пожиравшие разлагающуюся массу и друг друга.

Клим лежал на спине в спокойной удобной позе, повернув набок голову. Неподалеку от него, на две трети выпучившись из земли, стояло нечто похожее на лопнувший пополам огромный гриб-дождевик, а точнее, на раковину, распахнувшую свои створки. В раковине, выстланной внутри тончайшим пухом, как в колыбели, лежал уродливый большеголовый ребенок, похожий на скелет, кое-как обтянутый дряблой и толстой серой кожей, напоминающей слоновью. Он еще подавал слабые признаки жизни, конвульсивно подергивал головой и с хрипом открывал рот.

Лобов, склонившийся над Климом и с безмерным облегчением обнаруживший, что сердце его бьется, поднял голову.

— Жив!

Кронин, стоящий рядом на коленях, бледно улыбнулся в ответ.

— Я подгоню униход вплотную, а ты пока осмотри... — Лобов замялся, подбирая выражение, но, так и не подобрав его, кивнул головой в сторону раковины-колыбели. — Осмотри вот это.

На лице инженера отразилась озабоченность, смешанная с брезгливостью, но он молча кивнул головой в знак согласия и поднялся на ноги. Иван, задержавшийся возле Клима, чтобы подложить ему под голову нейтридный плащ, взятый им с собой на всякий случай, боковым зрением заметил, как Алексей осторожно подходит к хрипло дышащему, издающему квакающие звуки младенцу-монстру. Как-то вдруг он обратил внимание и на то, что возле раковины-колыбели свежей землей чернеет небольшая воронка. Он скосил глаза на Клима, снова перевел их на воронку, выхватил из-под головы Клима нейтридный плащ, одним движением набросил его на товарища и крикнул инженеру:

— Не подходи!

Оклик запоздал на долю секунды. Нога Алексея успела коснуться земли. В то же мгновение из-под нее сверкнуло тусклое пламя, раздался глухой взрыв, Кронина бросило на спину. А через секунду ударил другой взрыв, тоже глухой, но более мощный. Раковина-колыбель вместе с огнем, пылью и жидкой грязью-органикой взлетела в воздух.

Глава 15

Лобов взял бессильную тяжелую руку Клима и нащупал пульс. Сердце штурмана билось замедленно, слабо, но ритмично. Клим спал. Он мерно дышал, мышцы его

тела были расслаблены, лицо невыразительно, устало и спокойно. Он спал вот так уже вторую неделю.

Когда первые попытки разбудить Клима успехом не увенчались, они с Алексеем догадались снять подробную и полную энцефалограмму его головного мозга. Ни Лобов, ни Кронин не были врачами, но, как и другие патрульные, имели элементарное медицинское образование и подготовку. К тому же годы работы в дальнем космосе, где почти невозможно рассчитывать на медицинскую помощь со стороны, многому их научили. Энцефалограмма была угрожающей. Она свидетельствовала о глубоком угнетении всех корковых процессов, о поражении сложнейшей сети нейронов, в которой реализуется таинственный уникальный процесс — процесс мышления. Если нарушение функций нейронов оказалось бы необратимым, то Климу предстояло проспать всю свою оставшуюся жизнь, если такой беспробудный сон можно назвать жизнью. Вот как гриб-гигант расправлялся со своими настоящими или кажущимися противниками: биологический лучевой удар, беспробудный сон, а в тяжелых случаях паралич и смерть.

Ночь полнолуния и последующие дни оказались решающими в исследовании Перл: загадки и тайны зеленой планеты начали раскрываться одна за другой. Не было на Перл ни инфантильных сапиенсов-антропоидов, ни гномомуравейников. Зато под землей процветали грибы-гиганты, оказавшие на биосферу планеты влияние, которое можно было сравнить разве что с влиянием человека на биосферу Земли.

Плодовые тела, а еще более споры плодовых тел этих грибов могли принимать самые удивительные формы, в том числе подвижные. Собственно, ничего принципиально нового в этом явлении не было; развивающиеся зародыши земных споровых растений активно передвигаются и похожи на зародыши животных. Чудом было то, что споры грибов-гигантов могли образовывать чрезвычайно сложные многоклеточные псевдоорганизмы типа птиц и млекопитающих, способных к неотении, к длительному самостоятельному существованию на «замерзшей», личиночной стадии. Спорами-псевдоптицами оказались золотоглазые птицы-колокола, один зверек кошачьей породы и множество роющих животных самой разной степени организации. Совершенно своеобразной брачной споровой формой были крылатые гномики, с помощью которых размножалась и расселялась уже сама грибница.

Удалось установить, что брачные игры, которые довелось наблюдать торнадовцам, происходили редко — раз в четыре года, а то и еще реже, вот почему этот удивительный процесс оставался неизвестным людям. Судя по всему, гномики несли в себе огромный запас генетической информации: при их своеобразном «взрыве» рассеивалось непомерно много ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислоты, служащей матрицей наследственного кода. Зачем нужен такой странный, автономный механизм защиты половых спор, было не совсем понятно. Очевидно, генетическая информация грибницы в целом представляла для нее какую-то особую ценность, которую, скажем, в конкурентных целях терять было нецелесообразно. Центральная часть грибницы представляла собой эллипсоид, состоящий из сросшихся гифов около трех метров в поперечнике и до метра толщиной. Что удивляло, даже пугало: в самом центре этого эллипсоида тонкими дистанционными исследованиями удалось обнаружить шарообразную структуру размером с большой арбуз. Структура жила напряженной биохимической жизнью, что проявлялось в наличии нескольких гармоник биотоков, одна из которых была очень схожа с альфа-ритмом головного мозга человека. Удалось даже снять своеобразную энцефалограмму этой структуры, разобраться в путанице которой, разумеется, было совершенно невозможно. Можно ли было считать эту структуру своеобразным мозгом грибницы? Разумен ли гриб-гигант, пусть в аспекте совершенно ином, нежели разум человека и человечества в целом? На эти вопросы пока не было ответа. Но если гриб-гигант не разумен по-своему, то как ему удалось смоделировать сложнейший организм, порожденный природой, — человека? Настораживала маниакальная настойчивость гриба в этом направлении. Установили, что он поставил около десятка экспериментов, осуществляя акт рождения человека в разные сроки: видимо, ему нужен был взрослый, мыслящий «хомо», но откуда грибу было знать, что у этого «хомо» такое длинное детство, растянутое на добрых два десятка лет, и что свой разум человек приобретает не биологическим, а социальным путем — в процессе воспитания.

Очевидно, гриб в какой-то мере понимал причину неудачи своих экспериментов. Он всячески старался состарить подопытные экземпляры псевдодетей. Ребенок, как две капли воды похожий на грудного младенца, — Клим его сфотографировал, и эти фотографии были приобщены к

научному фонду, — за несколько часов прошел странный жизненный путь, деградировал и превратился в чудовище, которое видели Иван и Алексей. Для свершения чуда деторождения гриб-гигант должен был как-то усваивать и использовать информацию, заключенную в дезоксирибонуклеиновой кислоте, в ядрах клеток тех живых существ, с которыми гриб контактировал. Эволюционный шаг, сделанный перлским грибом, был настоящей революцией в экологии.

В самом деле, животные Земли, да и других планет Галактики, потребляют органические соединения как простое топливо. Между тем «сжигать» ДНК, заключающую баснословное количество информации, это все равно, что топить печи сливочным маслом или использовать компьютер как верстак. Поднявшись на новую ступень, научившись извлекать из ДНК спрятанную в ней информацию, гриб-гигант в миллионы, если не миллиарды, раз сократил свой эволюционный путь.

Это верно, что разум рождается в муках, в ходе труда, творчества, активной борьбы с природой. Постулат — все, что не имеет свободы передвижения, не имеет «рук», естественных орудий труда, не может быть разумным — кажется очевидным и абсолютным. Но гриб-гигант избежал атаки в лоб на твердыню разума. Ему незачем с мучительной медлительностью шагать по ступенькам сапиенсации, платя за каждый такой шаг жизнями тысяч и тысяч отдельных особей. Ему достаточно встретить разумное существо, парализовать его биовзрывом и извлечь из клеточных ядер информацию, которая копилась в них миллиарды лет. И если до контактов с людьми гриб-гигант еще и не был разумен, то следовало крепко задуматься над тем, во что превратилось это существо после того, как такие контакты состоялись.

Да, людям удалось в конце концов проникнуть в тайны зеленой планеты, но какой ценой?!

На стене осветился большой экран видеофонной связи. На нем обрисовалось лицо Кронина, дежурившего на пункте связи научной станции, — зеленое солнце разбушевалось, корабельная лонглиния работала с перебоями, поэтому приходилось пользоваться более мощной.

— Что с Климом? — спросил инженер.

— Все по-старому.

— Тебя вызывает база, Иван. Будет говорить главный нейролог.

— Понял, — Иван помолчал, хмуря брови. — Переключи прием на корабль. Я не хочу уходить далеко.

Глава 16

Когда выяснилось, что Клим находится в катастрофическом положении, Иван и Алексей все данные его обследования передали на базу и попросили помощи. На базе был организован заочный консилиум, к которому привлекли лучших земных нейрологов. Связаться со специалистами, разбросанными по разным точкам Земли, солнечной системы и космоса, было не так-то просто, поэтому консилиум затянулся на несколько нестерпимо долгих дней. И вот наконец Лобов сидел за пультом лонгсвязи и смотрел на удлиненное аскетичное лицо главного нейролога базы.

— Хочу предупредить сразу, — утомленные глаза нейролога смотрели как-то сквозь, мимо Лобова, — мы не имели с больным прямого контакта, а поэтому не можем сделать уверенного заключения и тем более дать гарантии.

— Я понимаю.

— По мнению большинства врачей, привлеченных на консилиум, лучше оставить все как есть. Подождать прилета на Перл комплексной экспедиции. Там есть и специалисты, и аппаратура, гораздо более совершенная, чем на патрульном корабле. Углубленное обследование больного даст ответ на многие неясные, спорные вопросы.

— Ждать придется около месяца, — вслух подумал Иван, — это ничем не грозит Климу Ждану?

Нейролог не замялся, он просто помолчал, прежде чем заговорить.

— Нет, не грозит, — и после крошечной паузы уточнил: — Ничем серьезным.

— Конкретнее, — попросил Иван.

Их глаза впервые встретились. У нейролога были усталые, умные, даже добрые глаза. Но во взгляде, где-то в самой его первооснове, угадывалось равнодушие, некая бесстрастность. Это был взгляд человека со стороны, человека, неким образом стоящего над страданиями и несчастьями людей. Впервые Лобов поймал такой взгляд еще давно у хирурга, который наблюдал за собакой, после сложнейшей экспериментальной операции просыпавшейся от наркотического сна. Лобов намертво запомнил этот взгляд. И потом иногда угадывал, улавливал его следы в глазах иных искуснейших врачей. Этот взгляд пугал и тревожил его. Да, чужие страдания, как бы то ни было,

если не ожесточают, то сушат душу. Врач невольно начинает видеть в человеке не индивидуальность, не неповторимое, тончайшее порождение природы и сообщества людей, а объект исследований, наблюдений и лечения. С этим надо что-то делать. Надо, но что?

— Конкретнее, — повторил Иван.

Наверное, нейролог был чутким человеком и услышал нотку неприязни в голосе Лобова, потому что в глазах его мелькнуло если не удивление, то любопытство.

— Конкретнее, — повторил нейролог, переплетая длинные пальцы сухих ладоней, — если человек долго не двигается, происходит атрофия мышц. Если человек долго не думает, происходит постепенная атрофия нейронов. Чем быстрее применен лечебный комплекс, тем он эффективнее. Старая истина.

— Итак, по мнению большинства, нужно ждать. А по мнению меньшинства?

— По их мнению, надо применить один из сильнодействующих стимуляторов. Риазон, дельта-гейл, рох-три — что-нибудь из перечисленного обязательно должно быть на корабле.

— Рох-три есть, я знаю, — перебил Лобов.

— Этого достаточно. Стимулятор подействует как сильнейший раздражитель. Ведь до сих пор иногда «запускают» остановившееся сердце мощным электрическим разрядом. Точно так же рох-три ударит по нейронам. Если они только спят, они должны проснуться.

— А если не проснутся?

Нейролог пожал плечами:

— Тогда надежда на излечение больного станет еще меньше.

Их взгляды снова встретились.

— Вы-то, — вдруг спросил Лобов, — вы сами принадлежите к большинству или к меньшинству?

— К меньшинству, — сухо ответил нейролог и, помолчав, спросил: — Сколько вам нужно времени на размышление?

— Нисколько. Я введу больному рох-три тотчас, как только закончим разговор.

В глазах нейролога мелькнуло удивление, сменившееся любопытством и, пожалуй, уважением.

— Имеете ли вы право брать на себя такую ответственность? — мягко спросил он.

— Имею, — спокойно ответил Лобов.

— Тогда желаю всяческих успехов.

В глазах главного нейролога мелькнула легкая ироническая усмешка, впрочем, может быть, это был случайный эффект, сопровождающий угасание изображения.

Лобов еще минуту-другую посидел за пультом лонглинии. Его размышления прервал Кронин, появившийся на экране видеофона.

— Ты в самом деле решил ввести рох-три?

Лобов вздохнул:

— Решил. А что, неправильно?

— Не знаю. Но Клим был бы «за».

— И я подумал об этом.

— Я сейчас приду, Иван, только закончу сеанс с экспедицией.

Лобов грустно улыбнулся:

— Ты думаешь, это поможет?

— Не думаю. Но все-таки приду.

Клим спал, все так же мерно, поверхностно дыша. Лобов откинул легкое, невесомое одеяло, взял со столика инъектор с раствором рох-три и заколебался. Ему много раз приходилось рисковать в своей богатой приключениями патрульной жизни. А сейчас?

И почему-то, уже на все решившись и держа инъектор в руке, Иван медлил и думал. Думал не только о Климе, но и о Жане Вернее и его жене.

Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь узнает, что произошло с экспедицией «Кентавр».

Но Ивану представилось такое: гриб-гигант все время экспериментировал, и однажды в порядке очередного эксперимента он разбудил Жана, погруженного в беспамятство. А потом было поздно, гриб не сумел, а может быть, и не захотел его удержать. И Жан Верней, руководитель экспедиции «Кентавр», нашел силы выполнить свой долг перед всеми людьми и своей женой.

Глядя на спящего Клима, Иван представлял, как Жан пришел в себя где-то в полутьме подземелья и при фосфорическом свете грибов-люминофоров обнаружил рядом с собой живую, но бесчувственную жену. Как он с ужасом старался понять, что же такое случилось. И как понемногу начал гаснуть вспыхнувший было у него огонек памяти и разума. Но Жан Верней не пожелал сдаться. Он знал, что должен, обязан сообщить о себе людям. Откуда он взял силы в своем обессиленном теле? Как он добрался до станции? Чувство долга привело его к цели через непроглядную темень беспамятства. Он сделал, что должно. Он хотел сделать больше, но исчерпал свои силы.

И тихо умер, уронив голову на пульт управления подземной машины.

Иван провел рукой по лицу, прогоняя непрошеные чувства, оголил руку штурмана и нажатием кнопки ввел рох-три. Теперь оставалось только ждать. Лобов накинул на Клима одеяло и встал. Недолго ждать. Минут пять — десять. Алексей еще не успеет возвратиться с маяка, а все будет решено. Все. Кем будет Клим. И кем уже никогда не будет.

Иван прошелся взад-вперед по госпитальному отсеку, подошел к Климу, послушал, как он ровно, спокойно дышит. Взял в руки книгу, но, даже и не раскрыв, снова положил на столик. Подошел к иллюминатору. Сегодня была редкая для Перл погода. Почти цепляясь за вершину корабля, тянулись лохматые коричневые, с оранжевыми разводами облака. Моросил дождь. Колыхалось шоколадное море. Понуро стояли остроголовые грязно-рыжие ели. Непогодь.

— Иван!

Услышав этот слабый голос, Иван обернулся так, что локтем ударился о стену. Клим сидел на постели, глядя на него с легкой растерянной улыбкой. Он попытался было подняться на ноги, но Иван, очнувшись от столбняка, в мгновение ока оказался рядом с ним.

— Лежи! — постарался как можно более сердито сказать он, укладывая штурмана на подушку.

Слабая улыбка Клима приобрела лукавый оттенок.

— Так я болен? Сколько же я проспал, Иван?

— Долго.

— Как долго?

— Долго, две недели, — сказал Лобов, понимая, что от Клима все равно не отвяжешься.

— Две недели, — не столько удивился, сколько констатировал штурман и вдруг забеспокоился: — А где Алексей?

— Жив-здоров, — улыбнулся Лобов, — скоро явится сюда.

Клим кивнул головой, легкая морщина прорезала его лоб.

— А ребенок? Я нашел ребенка в такой странной колыбели. Он жив? Или мне приснилось все это?

Иван покачал головой.

— Нет, Клим, не приснилось. Но ребенок умер.

— Жалко. А Майю нашли?

— Нет. Не нашли.

Лобов солгал. Используя тяжи грифов как путеводные нити, они с Алексеем нашли и Майю. Как и Жан Верней, она умерла от истощения. Несомненно, гриб-гигант както питал их, иначе они бы никогда не прожили долгих четыре года, но чего-то, видимо витаминов, не хватало в этой пище. Майя была мертва, но зачем Климу было сейчас узнавать об этом?

— Клим, — вслух сказал он, — ну почему ты ничего не сообщил нам? Почему один полез на рожон?

Штурман покровительственно улыбнулся:

— Ты чудак, Иван. — Он посерьезнел, в глазах его отразилась грусть, а может быть, и тревога. — Там же был ребенок. Маленький ребенок на чужой планете! И он плакал, так жалобно плакал.

Клим беспокойно шевельнул головой, и Лобов осторожно положил руку на его холодный лоб.

ХИМЕРЫ ДАЛЕКОЙ ЮККИ

Глава 1

Коридор космического корабля был пуст, грязные следы, правда, не очень отчетливые, тянулись вдоль него. Почувствовав прикосновение к своему плечу, Клим обернулся и увидел, что Барту молча показывает на что-то в нижней части стены. Клим наклонился, присматриваясь. Похоже на ожог от скользящего лучевого удара. На прикрытой двери шлюза выжжено пятно величиной с хороший арбуз.

— Да-а, — протянул Клим.

Рука его замедленным движением извлекла из кармана скафандра лучевой пистолет. Секунду Клим раздумывал, взвешивая на ладони оружие, потом, вглядываясь в следы, оставленные на полу, решительно двинулся вперед.

— Приотстань шагов на пять, — не оборачиваясь, бросил он Барту, — в случае чего — вались на пол.

Барту пошел вслед за штурманом, послушно соблюдая дистанцию. Следы были достаточно четкими; никуда не сворачивая и не петляя, они привели космонавтов прямо к ходовой рубке корабля.

— Здесь, — констатировал Клим, оглянувшись на Барту, — но кто он?

Барту молча покачал головой. Клим осторожно потянул дверь. Она подалась. Штурман недоуменно пожал плечами, он полагал, что дверь окажется запертой. Снова оглянувшись на Барту, приказал, показывая на стену, прилегающую к двери:

— Стань здесь. Прижмись плотнее и без дела не суйся.

Барту кивнул и выполнил приказание, а Клим снял пистолет с предохранителя и мягко открыл дверь. Его глазам предстала загаженная и захламленная ходовая рубка. Повсюду валялись остатки пищи, обрывки бумаги, какие-то

© Ю.Г. Тупицын, 1977

тряпки, пустые банки и упаковка от аварийного запаса продуктов. Командирский сейф, где хранятся корабельные документы, открыт, а все его содержимое разбросано по полу. Не успел Клим как следует рассмотреть эту тоскливую картину, как над креслом командира корабля поднялась призрачная человеческая фигура.

— Кто тут? — прозвучал сдавленный голос и сорвался на дикий крик: — Кто?!

Человек был в изорванной грязной одежде. Он страшно исхудал, кожа да кости, лицо заросло спутанной бородой, всклокоченные, белые как снег волосы. И все-таки острый взгляд Клима разглядел под этой страшной маской знакомые черты.

— Майкл! — с болью тихо проговорил он.

Перед ним был Майкл Дивин, штурман «Метеора», отличный специалист, остроумный собеседник, спортсмен и охотник. Они вместе учились, вместе проходили практику, но в последнее время встречались редко, только разве во время отпуска на Земле.

Майкл стоял, всем телом подавшись назад, отчего спина легла на верхнюю панель пульта управления, руки беспорядочно шарили по складкам одежды, по пульту, по столику возле него. Широко открытые глаза с ужасом смотрели на Клима. Каким-то наитием Клим понял, что дрожащие, неверные руки Майкла ищут пистолет, который, по счастью, лежал на соседнем пульте. Надо действовать. В любой момент Майкл мог заметить оружие, кинуться к нему, и что тогда произойдет, — сказать трудно. Конечно, нейтридный скафандр выдержит прямой лучевой удар, но что будет с ходовой рубкой корабля? Что будет с самим Майклом?

В такой ситуации можно действовать по-разному, но Клим, как и всегда, избрал самый рискованный, хотя и самый эффективный путь. Он подсознательно не верил, что Майкл забыл его, забыл их старую дружбу. Штурман поставил пистолет на предохранитель, сунул за пояс, шагнул вперед и стал так, чтобы лицо его было хорошо освещено.

— Майкл, это же я! Клим Ждан! Разве ты не узнал меня?

— Клим? — медленно, с трудом выговаривая слова, переспросил Дивин. — Клим Ждан?

— Конечно! Разве ты не узнаешь меня? — подтвердил Клим, осторожно приближаясь к штурману «Метеора».

Лицо Майкла напряглось и вдруг исказилось гримасой боли, отчаяния и радости.

— Клим!

Он кинулся к Ждану, но споткнулся о кресло, упал да так и остался лежать, не имея сил подняться. Рыдания сотрясали исхудавшее тело. Клим, опустившись на колени, осторожно и неумело гладил его седые волосы. Он не заметил, как в дверь гибкой тенью скользнул Барту, и почувствовал его присутствие лишь в момент, когда тот опустился на колени за спиной Дивина. Клим приложил палец к губам, сделав страшное лицо. Барту согласно закивал головой и протянул инъектор. Это было сильнодействующее снотворное.

— Клим, — бормотал Майкл, мотая головой, — это ты! А я думал, опять они! — И, борясь с душившими его спазмами, пожаловался: — Они приходят, говорят, что им холодно. Я запер дверь, а они все равно приходят.

Голова его снова бессильно упала на пол. Выждав, когда Майкл немного успокоился, Клим осторожно спросил:

— Кто приходит и жалуется?

— Аллен и Ватан.

Клим понял, что Майкл имеет в виду инженера корабля Аллена Рисса и биолога Ватана Рахимова.

— А где они?

— Там, на Юкке.

Клим закусил губу.

— А где командир?

— Не знаю.

— Так ты бросил их? — хмуро спросил Клим.

Дивин испуганно поднял голову.

— Нет! Что ты?! Просто ушел в космос. Я не мог там. — Он заглянул в глаза Клима, лицо его исказилось. — Там пробуждаются мертвые!

— Что?

— Мертвые! Пробуждаются! И начинают хватать. — Дивин снова уронил голову на пол. — Я не мог! Я стал стрелять!

Клима довольно невежливо толкнули в плечо. Это Барту энергично, даже свирепо показывал мимикой, что надо немедленно делать инъекцию. Конечно, Барту прав, Майкл явно невменяем, и самое лучшее усыпить его, а потом уж поставить точный диагноз и начать лечение. Помедлив, Клим осторожно ввел снотворное. Напряженное тело Дивина расслабилось, стало упорядочиваться дыхание. Еще несколько судорожных вздохов, и Майкл Дивин успокоился. Клим уложил его поудобнее, поразившись тому, как неправдоподобно тонка исхудавшая шея. И, подняв голову, сказал, не столько спрашивая, сколько утверждая:

— Он сошел с ума?!

— Да, — ответил Барту, — и скорее всего от сильнейшего нервного потрясения. Надо немедленно доставить его на «Торнадо».

— Судя по всему, на Юкке случилось что-то страшное.

Глава 2

Юкка была шестой планетой в системе жгучего голубого солнца. Если бы не протяженная атмосфера и не мощный слой облаков, сплошь затягивавших планету, пламень этого солнца испепелил бы, выжег на Юкке все живое. А так, под благодатной водяной шубой, на Юкке процветала земноподобная жизнь. Открытие было значительным, и «Метеор» получил разрешение на первичное обследование планеты.

Результаты обследования полностью подтвердили данные дистанционных наблюдений. Юкка окружена кислородной атмосферой, вполне пригодной для дыхания человека, сорок процентов ее поверхности занимают материки, пересеченные невысокими горными хребтами, большая часть материков покрыта растительностью тропического типа, что совершенно естественно для теплого влажного климата планеты.

Леса на Юкке располагались не сплошными массивами, как на Земле. в бассейнах Конго и Амазонки, а совсем небольшими островками. Но что за деревья росли в этих купах! Экземпляры в сотню метров высотой были обычным явлением, а отдельные гиганты вздымались до двухсот пятидесяти метров, их вершины прятались в облаках. Но экипаж «Метеора» больше всего поразили не эти исполины, а самое заурядное деревце, которое было так похоже на земную юкку, что голографии вводили в заблуждение даже опытных ботаников. По названию этого дерева планета и получила свое имя.

Большую часть открытых пространств между лесными островками занимали непроходимые болота с озерами и озерцами самой разной величины и формы. Остальная безлесная местность была увлажнена заметно меньше и получила название мокрых степей. Степи были покрыты невысокой, но очень плотной травой. Попадались и заросли кустарников, среди которых кое-где формировались будущие древесные исполины.

Экипаж «Метеора» обратил внимание, что животный мир Юкки как бы избегал соседства древесных исполи-

нов, концентрируясь в зоне болот и степей. В болотах водилось множество мелких, поразительно разнообразных по облику и экологии амфибий, а в степной зоне обитали более крупные животные — травоядные и хищники, — занимавшие морфологически некое промежуточное положение между земными амфибиями и млекопитающими. Но, пожалуй, самым важным достижением было открытие антропоидов, стоящих на самых начальных ступенях разумности. Это были двуногие и двурукие прямоходящие существа с развитой черепной коробкой и прямо посаженными глазами. Пожалуй, они напоминали земных питекантропов, только более приземистых, массивных и уродливых, с человеческой точки зрения.

Юкантропы, как назвали антропоидов исследователи Юкки, жили небольшими стадами, а может быть, лучше сказать, общинами, и в отличие от других животных жались поближе к купам деревьев-великанов. Они сообща охотились, применяя примитивные орудия, обнаруживали зачатки социальной организованности, но их прогрессу сильно мешало незнание огня. Да и откуда они могли познакомиться с ним в этом мире вечных облаков и туманов?

В целом операция по первичному обследованию Юкки развивалась планомерно, спокойно, и ничто не предвещало крутого и трагичного поворота событий. Тем большую тревогу вызвал на базе короткий отчаянный сигнал: «Терплю бедствие, прошу помощи!» Он особенно тревожил потому, что подан был не с поверхности планеты, а с юккоцентрической орбиты, на которую «Метеор» вывели без предупреждения. На запросы базы корабль давал стереотипный ответ: «Терплю бедствие, прошу помощи!» Похоже было на то, что сигналы подает не живой человек, а автоматика, запрограммированная поспешно и примитивно.

Патрульный корабль «Торнадо», оказавшийся ближе других к району бедствия, немедленно изменил курс и пошел на помощь, хотя из двух ходовых двигателей один был неисправен и давал всего пятьдесят процентов мощности.

Незадолго до встречи связь с «Метеором» прекратилась вовсе, он не отвечал на запросы, даже когда «Торнадо» подошел к нему вплотную. И тогда командир патрулей Иван Лобов для обследования погруженного в странное молчание аварийного корабля направил своего штурмана Клима Ждана и инспектора службы безопасности Поля Барту.

Выслушав короткий радиодоклад Клима о состоянии «Метеора», Лобов приказал взять стандартную серию проб корабельной микрофлоры, сам корабль опечатать, а Майкла Дивина с соблюдением всех мер инфекционной предосторожности доставить на «Торнадо». Когда Майкла разместили в изоляторе госпитального отсека, Лобов обратился к Барту:

— Вы кандидат медицинских наук, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — с некоторой запинкой ответил Барту, — но, видите ли, мои знания носят несколько специфический характер.

Лобов позволил себе чуть улыбнуться.

— Надеюсь, их хватит, чтобы разобраться в состоянии Дивина? Главное, что вам нужно выяснить немедленно, нет ли у него следов текущей или перенесенной инфекции.

Проводив глазами Барту, Лобов обернулся к Кронину:

— А ты, Алексей, займись пробами корабельной микрофлоры.

Инженер недовольно хмыкнул:

— Ты полагаешь, что, почувствовав изменение ситуации, наш левый двигатель проявит сознательность и сам начнет исправляться? Или ты намерен странствовать с неисправным двигателем?

— Работа с пробами много времени не займет. Закончишь с ними, вернешься к ремонту.

— Слушаю и повинуюсь, — меланхолично проговорил Кронин, выходя из рубки.

Лобов положил руку на плечо штурмана.

— Подготовь на всякий случай данные для посадки на Юкку по координатам «Метеора».

— Есть! — бодро ответил Клим, довольный решением командира.

Задача была несложной, и Клим справился с ней за несколько минут. Подойдя к задумавшемуся Лобову, он не без гордости своей оперативностью доложил:

— Данные готовы, можно садиться хоть сейчас.

— Данные? Отлично. Вот что, Клим, расскажи мне ваш разговор с Майклом со всеми подробностями, постарайся не упустить ни одной детали.

Командир выслушал очень внимательно, задал несколько вопросов, а потом снова погрузился в раздумье. Клим подождал, походил вокруг него и, не выдержав в конце концов, с оттенком нетерпения спросил:

— Иван, чего ты тянешь?

Лобов поднял на него спокойные глаза:

— Жду. И думаю.

— О чем тут думать? Думай не думай, а надо садиться на Юкку и искать.

— И все-таки подождем.

Клим секунду смотрел на углубленного в себя Лобова, потом сердито фыркнул и демонстративно плюхнулся в кресло спиной к нему. Лобов грустно улыбнулся, подошел к Климу:

— Интересно, будешь ты когда-нибудь по-настоящему взрослым?

Клим повернул голову, заглянул Лобову в глаза и спросил:

— А это нужно?

Лобов помолчал, легонько шлепнул его по крепкой спине и ничего не ответил.

Кронин и Барту вошли в ходовую рубку вместе, будто сговорившись.

— Все в порядке, — сообщил Кронин, усаживаясь на диван и уютно устраиваясь в уголке, — самая обычная микрофлора. Та самая, что сопровождает нас во всех наших радостях и горестях.

— У Майкла Дивина нет никаких признаков инфекции, — Барту остался стоять, прислонившись к стене, — во всяком случае таких, которые обнаруживаются нашими средствами. — Он помолчал и, решив, что высказался уж слишком осторожно, добавил: — И вообще, судя по ритмике мозга, у него просто функциональный сдвиг мышления, вызванный неким сильнейшим потрясением.

Лобов обвел глазами присутствующих.

— Клим предлагает садиться на Юкку.

Кронин улыбнулся и легонько пожал плечами, как бы говоря, мое дело инженерное, подневольное, как решите, так и будет.

— А все-таки твое мнение, Алексей.

— Что мое мнение? Я ведь не совет базы и не квалифицированная комиссия, — он потер рукой высокий лоб, — ну а если серьезно, то, конечно, лезть с неисправным двигателем на рожон неразумно, но что поделаешь? Не бросать же ребят в беде? Надо садиться.

Лобов обернулся к Барту:

— Есть какая-нибудь возможность получить у Дивина информацию? Разумеется, такую, которой можно верить.

Барту медленно покачал головой:

— Судя по контрольной энцефалограмме — нет. — И, помолчав, уточнил. — Во всяком случае, в течение ближайших часов.

Лобов поднялся на ноги.

— Вопрос о посадке будем считать решенным.

Барту полагал, что после этих слов командира экипаж займет рабочие места в «Торнадо», начнет посадочное маневрирование, но оказалось, что в космосе решения проводятся в жизнь не так-то просто. Разрешение на посадку давала база, и ни о каком своеволии тут не могло быть и речи. Поэтому Лобов установил с базой гравитосвязь и вызвал на переговоры начальника летной службы Снегина. Минут двадцать, пока Всеволода не подняли с постели и не доставили на узел связи, пришлось ждать. Услышав наконец его, как и всегда при гравитосвязи, обезличенный голос, Лобов коротко доложил обстановку и запросил разрешение на посадку. Снегин ответил не сразу.

— Ты уверен, что у Майкла не инфекция?

— Практически уверен.

Снегин хмыкнул:

— Что значит практически?

— Уверен.

— Ну а все-таки? — хладнокровно настаивал Всеволод.

— Пробы на инфекцию отрицательны, Майкл в строгой изоляции.

— Так, а двигатель? — после легкой паузы спросил Снегин.

— Неисправен.

— Сколько времени потребует ремонт?

— От нескольких часов до нескольких суток. Все зависит от состояния пятого блока.

Снегин молчал.

— Прошу посадку на одном двигателе, — настойчиво повторил Лобов, чувствуя, что молчание начальника летной службы затягивается, — я знаю, это категорически запрещено. Но времени терять нельзя. Отремонтируемся на Юкке.

— Да, времени терять нельзя, — согласился Снегин и опять замолчал.

Лобов пожалел, что они говорят не с глазу на глаз и не по лонглинии, на худой конец. Ему хотелось видеть выражение лица Всеволода. Он знал, о чем сейчас думает его старый товарищ. Иван должен провести операцию на Юкке безупречно, только тогда они со Всеволодом имеют шансы оправдаться на совете базы, несмотря на на-

рушение инструкции. Иначе за посадку с неисправным двигателем на неосвоенную планету экипаж «Торнадо» дисквалифицируют, а Снегину придется навсегда распрощаться с базой. Лобов понимал, что это справедливо.

Суровые пункты инструкции написаны жизнями тех, кто легкомысленно-благородно шел на выручку, а в результате погибал сам, втягивая в опасный водоворот все новые и новые жизни. Но нет правил без исключения, рядом с инструкцией бьется живое сердце и стоит трезвая оценка своих сил и возможностей.

— Победителей не судят? — спросил наконец Снегин. Даже в его обезличенном голосе Лобов уловил легкую усмешку. И улыбнулся сам.

— Не судят.

— Тогда садись. Желаю удачи.

— Спасибо!

Глава 3

Лобов неторопливо проверил снаряжение, расстегнул кобуру, в которой лежал лучевой пистолет, и обернулся к Климу:

— Готов?

— Всегда готов, — засмеялся Клим, пряча за этим смехом волнение, которое всегда сопутствует первому выходу на неосвоенную планету.

— Прошу выход, — проговорил Лобов.

— Выход разрешаю, — ответил ему в пикофонах голос Кронина, — вокруг спокойно.

— Понял, — ответил Лобов и отворил входную дверь. В шлюзовую камеру упал сноп радужного нереального света. Иван до половины высунулся из двери, разглядывая низкое диковинное небо, траву и кустарник, уступом подбиравшийся вплотную к «Торнадо». Да, все было спокойно.

— Я продолжу ремонт, — Лобов услышал, как инженер сладко зевнул, — если так пойдет дальше, скоро закончу.

— Трудись.

Покосившись на Клима, который с азартным огоньком в глазах разглядывал незнакомый мир, Лобов коротко напомнил ему:

— Прикрывай.

И принялся опускаться по ступеням трапа на землю. Странно, он думал не о планете, на которую вот сейчас

впервые станет его нога, а о том, как измучился Алексей. Шутка ли, третьи сутки без сна.

С предпоследней ступени Лобов мягко спрыгнул вниз. Густая влажная трава спружинила так, что Ивану показалось, будто спрыгнул он не на твердую землю, а на спортивный ковер. Какая-то живность, вроде мышей, с птичьим посвистом и щебетом врассыпную кинулась из-под ног. Лобов было поджал брезгливо ногу, но потом усмехнулся собственной чувствительности. Храбрые зверюшки: и получаса не прошло после громовой посадки, а они уже рядом.

— Все спокойно, — доложил сверху Клим.

— Спускайся, — разрешил Лобов, не оборачиваясь.

Он уже впитывал в себя новый чужой мир, пока еще не принимая его.

Низко, лениво тянулись над землей облака, игравшие всеми цветами радуги, как перья сказочной жар-птицы. Это сквозь многосотметровый облачный слой пробивались сполохи неистового ионосферного сияния, вызванного мощнейшим излучением голубого солнца. Если мерить земными аршинами, то на Юкке постоянно бушевала сильнейшая солнечная буря. Немудрено, что сияния, свойственные на Земле лишь полярным областям, тут заполняли собой всю атмосферу. Ночь была разноцветная, радужная, непрерывно меняющая свои то резкие, яркие, то почти неуловимые оттенки.

— Карнавал, — с иронией, в которой, впрочем, было и восхищение, сказал за спиной Ивана Клим. И Лобов в душе согласился с ним, потому что впечатление карнавала усиливалось благодаря звуковому калейдоскопу, который аккомпанировал этой радужной ночи. В густой траве пересвистывались и чирикали живые существа, издалека, от купы гигантских деревьев, могучие стволы которых упирались в облака, доносилось кваканье, мычанье и еще черт знает что. В частом кустарнике, окружавшем «Торнадо», кто-то взвизгивал, гукал и истерично хохотал.

— Симфония в духе джазовых традиций двадцатого века, — фыркнул за спиной Лобова штурман.

Они шли гуськом, почти машинально соблюдая принятый у патрулей при подстраховке интервал в пять шагов, — Иван впереди, Клим сзади, — к научному лагерю, развернутому экспедицией «Метеора» из стандартных самоконструирующихся домиков. До него было не больше полторы сотни шагов.

Хотя сразу же после посадки стало ясно, что в лагере никого нет, иначе космонавты с «Метеора» давно бы ока-

зались возле корабля или вышли с ним на связь, Лобов не без основания ожидал, что удастся обнаружить какие-нибудь следы, которые помогут вести целенаправленный поиск. Но их ждало разочарование.

Лагерь прекрасно сохранился, даже юккийские животные, содержавшиеся в автоматизированном виварии, чувствовали себя отлично. Все выглядело так, точно лагерь оставили буквально на минутку, намереваясь вернуться и продолжить прерванную работу. Остались недопечатанными строки научных наблюдений, в спектранализаторах и гравитоструктураторах лежали недоисследованные образцы юккийских минералов, удивленно моргала лампами логическая машина, в тысячный раз выдавая сигнал о найденном оптимальном решении. Ни малейших признаков того, что помещения были покинуты в панике или спешке, как это бывает, например, при стихийном бедствии или объявлении тревоги. Ни опрокинутых стульев, ни хаоса на рабочих местах. Все более или менее приведено в порядок, прибрано, выключено, расставлено по местам.

— Сенсация! — подвел итог обследования Клим.

Лобов непонимающе глянул на него.

— Я хочу сказать, — пояснил Клим, — что скорее всего у метеоровцев стряслось что-то сенсационное. Вот они и отправились разглядывать эту сенсацию, чтобы вскоре вернуться.

— И не вернулись, — хмуро заключил Лобов.

— Не вернулись, — подтвердил Клим и огорченно почесал затылок, — неужели так и не найдется никакой ниточки, за которую можно было бы ухватиться?

— Кто знает? Надо обшарить каждый уголок.

— А сколько уйдет на это времени? Сутки, если не больше. Вряд ли игра стоит свеч. Надо начинать круговой поиск, а осмотр лагеря вести параллельно, в качестве активного отдыха.

— Разумно, — согласился Лобов, останавливаясь возле приземистых помещений чуть выше человеческого роста. Они представляли собой полуцилиндры, поставленные плоской стороной на землю. Складов расходных материалов, синтезированных уже здесь, на Юкке, было четыре. Когда три из них торнадовцы осмотрели, Клим уныло вздохнул, разглядывая дверь четвертого.

— Может быть, хватит терять время? Ну что интересного может быть в этих ящиках? — Он пнул дверь носком ботинка.

— Что ж, отложим, — без особого энтузиазма согласился Лобов, знавший, как тяжело сейчас приходится Кронину без его помощи.

Вернувшись на корабль, Лобов устроил короткое совещание. Результаты начального этапа операции были малоутешительными. Ничего не дало обследование лагеря. Кронин остро нуждался в квалифицированном помощнике, а поскольку по инженерной квалификации Иван заметно превосходил и Клима и Барту, то скрепя сердце он взял эту роль на себя. Барту, успевший детально обследовать Майкла Дивина, невесело сообщил, что психическое расстройство штурмана «Метеора» оказалось более глубоким, чем он предполагал вначале. Необходимо длительное систематическое лечение, а это дело нескольких недель, если не месяцев. В теперешнем же состоянии будить Дивина совершенно бессмысленно, это вредно для его здоровья, а ценность его информации будет практически равна нулю.

— В общем, — подвел итог Лобов, — нам остается надеяться только на себя. На свой опыт и интуицию.

— И на удачу, — ввернул Клим.

— Удача удачей, а без работы в поте лица мы далеко не уйдем, — вздохнул Кронин, разминая затекшие, уставшие пальцы рук.

— Каждому свое, — пробормотал Барту, сдерживая улыбку.

— Каждому свое, — подтвердил Лобов. — Я остаюсь на корабле. Клим и Барту идут на униходе в круговой поиск. Старший — Клим, оружие — пистолет, выход из машины с подстраховкой. Детали объяснишь Полю в пути. Вопросы? Тогда по местам.

Проводив товарищей, Иван и Алексей рьяно взялись за работу. Обоим хотелось быстрее покончить с двигателем, чтобы активно подключиться к операции. И двигатель уступил. Часа через два Кронин разогнул усталую спину и обессиленно откинулся к стене.

— Все!

Несколько секунд с блаженной улыбкой на лице инженер отдыхал, потом с трудом поднялся на ноги и деловито сказал:

— Заваривай кожух, а я проверю контрольные цепи с пульта управления.

Лобов уже заканчивал свою несложную, но утомительную и нудную работу, когда сверху, из люка шахты двигателя, послышался возбужденный голос Кронина:

— Иван!

— Ну, что еще? — буркнул Лобов, не отрываясь от работы.

— Клим и Барту возвращаются. Они подобрали юкантропа. Тот тяжело ранен, нужна срочная помощь!

Лобов чертыхнулся сквозь зубы, продолжая сварку. Нельзя прерывать работу в таком ответственном месте. Навалятся дела, забудешь, а потом при старте взлетишь на воздух, не в целом виде, а по частям. Только доведя шов до конца, Иван отложил манипулятор.

В это время уникод с раненым юкантропом на борту уже шел на посадку.

Глава 4

Всего километрах в десяти от лагеря уникод воткнулся в очередную волну радужного тумана и, казалось, повис в неком нереальном прозрачном пространстве, где не было ни верха, ни низа, ни движения — только цветной полусвет. Потом туман разом оборвался, почти в тот же момент Барту крепко, до боли стиснул плечо Клима:

— Смотри!

Штурман глянул вниз. Степь, самая обычная серовато-зеленая степь с разбросанными по ней купами деревьев-гигантов. Клим было пожал плечами, но в этот момент заметил стадо животных, мчащихся наперерез уникоду. Он некоторое время провожал их взглядом, а потом вопросительно обернулся к Барту.

— Это же юкантропы! — проговорил тот возбужденно.

Животные были теперь довольно далеко, но именно поэтому, благодаря перспективе, Клим сразу заметил то, что раньше ускользало от его внимания, — они бежали на двух ногах. Штурман бросил машину на крыло так резко, что Барту судорожно ухватился за сиденье руками. Выведя уникод по курсу бегущих, Клим выровнял машину и начал плавно сбрасывать скорость, чтобы не проскочить над юкантропами слишком быстро.

— Только не спугни, — услышал он голос Барту.

Клим кивнул, включил глушители на полную мощность и поднабрал высоты, прижав машину к самым облакам. Бесшумной черной тенью уникод плавно сближался с разумными обитателями Юкки. Оставив юкантропов слева, чтобы удобнее было наблюдать за ними, Клим уравнял скорость и покосился на указатель, разглядывая показания

прибора, — ему было любопытно, как быстро бегают обитатели радужной планеты. Нахмурил брови, подался вперед. Потом присвистнул и толкнул Барту, который прилип к окну заднего сиденья, не спуская глаз с бегущих юкантропов. Штурману пришлось повторить эту операцию дважды, покуда Барту соизволил недовольно покоситься на него. Клим ткнул пальцем в указатель скорости:

— Полюбуйся!

— Я и так вижу, что бегут здорово, — пробормотал Барту, отворачиваясь и расплющивая нос о стекло.

— Посмотри, тебе говорят!

Понимая, что от Клима так просто не отделаться, Барту шумно вздохнул и, отодвинувшись от окна, посмотрел на прибор. Брови его поползли вверх — стрелка указателя скорости чуть пошевеливалась у деления сто десять километров в час. Не поверив своим глазам, он приник к окну, проверяя, уравнены ли скорости, снова недоверчиво вгляделся в показания прибора и перевел на Клима изумленный взгляд.

— Сто десять?!

Довольный произведенным эффектом, Клим засмеялся и подтвердил:

— Как видишь.

Барту задумался, покосился на окно и убежденно сказал:

— Это невозможно!

Клим усмехнулся и молча кивнул влево, мол, полюбуйся. Барту упрямо помотал головой: «С телосложением, осанкой и ногами юкантропов это невозможно. Скорее всего врет указатель скорости».

В глазах Клима блеснуло сомнение.

— Проверим. Хотя это будет первый случай отказа указателя скорости за всю мою практику. Элементарный приборчик, так отказывать-то нечему.

Воркотня не мешала ему работать. Он сделал серию переключений на пульте и, используя универсальный индикатор, проверил скорость полета по всем дублирующим каналам.

— Осредненные данные по сумме показаний — сто восемь с половиной километров в час. Устраивает?

Барту, не отрывавший глаз от окна, отмолчался. Нижняя кромка облаков постепенно понижалась, прижимая уникод, который скользил теперь на высоте всего сорок метров. Теперь и без указателя скорости была отчетливо видна необузданная стремительность бега юкантропов.

Еле различимы их мелькающие ноги, грудь широко развернута, а головы откинуты немного назад. Преодолевая препятствия, они совершали мощные прыжки метров по восемь длиной и тогда по-птичьи повисали в воздухе, удерживая равновесие раскинутыми в стороны передними конечностями.

— Н-да! — с ноткой восхищения в голосе протянул Барту.

Клим легонько тронул штурвал, приближая уникод к бегущим.

— Осторожно, напугаешь! — забеспокоился Барту.

— Им не до нас. Надо полагать, они и так напуганы, раз несутся как угорелые.

— Непохоже, что они напуганы, — в голосе Барту звучало сомнение.

— Ты что же, полагаешь, что для этих оригиналов такой бег — обыкновенная прогулка? Или спортивное состязание? — Клим хмыкнул. — Если так, то у них есть свои чемпионы. Смотри, во-он там, впереди. Он всех опередил по крайней мере метров на двести.

— Где? Не вижу! — заволновался Барту, ерзая на сиденье.

Клим сделал плавную змейку, чтобы удобнее было смотреть вперед.

— А-а! — Барту помолчал и вдруг спросил: — Тебе не кажется, что они гонятся за нами?

— Черт его знает! Может быть, они охотятся и тот, что впереди, вождь?

Барту фыркнул:

— Охотятся, а за кем?

— Да, — согласился Клим, вглядываясь вдаль, — крупной дичи не видно, а мелочь с такой скоростью бежать не сможет. Скорее всего ты прав, если это и охота, то за спринтером-чемпионом.

Клим азартно предложил:

— Давай попробуем его спасти?

— А ты уверен, что он захочет спасаться?

— Да! Но если по большому счету, то упускать такой случай — преступление. Не захочет, спасем насильно, и баста!

— Ты уверен, что мы справимся с ним? — усомнился Барту.

Клим усмехнулся:

— Если дойдет до драки, так он с нами справится. Только зачем нам драться? Достаточно будет выстрела

ампулой со снотворным. И надо поторапливаться, они его догоняют.

В самом деле, расстояние между группой и преследуемым, если только он был таковым, резко сократилось.

— Что ж, — согласился Барту, — будем действовать. Только не помешают ли нам его коллеги?

— Эта публика? Не помешает! — уверил Клим.

Он уселся поудобнее, выключил глушители и энергичным движением бросил уникод вниз и влево. Черная машина с ревом пронеслась над самыми головами бегущих. Барту успел заметить, как юкантропы лицом вниз кинулись на мокрую траву. Замер, застыл на месте от испуга и бежавший впереди. Клим немного не рассчитал, и машина окунулась в облака. На секунду их будто ослепило, но уникод тут же нырнул вниз и лег на крыло, круто разворачиваясь на обратный курс.

— Они что-то затевают! — крикнул Барту, старавшийся не выпускать юкантропов из виду.

Клим не ответил, лишь энергичнее потянул штурвал. Перегрузка оторвала Барту от стекла и швырнула на сиденье.

— Осторожно! — сердито бросил он в спину Клима.

Машина вывернулась на прямую, и теперь Клим убедился, что юкантропы действительно что-то затевают. Они поднялись с земли, рассыпались в разные стороны и, словно в экстазе, подпрыгивали и взмахивали руками. Преследуемый возобновил бегство, он бежал как-то странно, точно потерял ориентировку и никак не мог выбрать правильного направления.

— Что они, молятся новому божеству? — предположил Клим.

Барту пожал плечами, но вдруг вцепился в Клима и страстно закричал:

— Давай на них! Они кидают что-то! Кидают в того!

Клим сообразил, что преследователи изменили тактику: вместо того чтобы догонять врага, они решили поразить его на расстоянии. Стиснув зубы, он бросил уникод вниз. Глаза Барту расширились. Земля, растягиваясь, как резиновая, летела ему навстречу. Кустарник, трава, оскаленное ужасом полузвериное лицо — все это мелькнуло совсем рядом. И снова рев двигателя, мгновенье тяжкой перегрузки, слепой полумрак облаков, опять перегрузка и, как в тумане, земля.

— Так нельзя, Клим, — прохрипел Барту.

— Можно, — выдавил Клим, выворачивая униход на прямую, и добавил с досадой: — Опоздали!

Барту подался вперед. Юкантропы беспорядочной толпой изо всех сил бежали по степи в сторону ближайшей купы деревьев. А беглеца Барту сначала не заметил, тот словно исчез, растворился. Только присмотревшись, Поль обнаружил и его: юкантроп неподвижно лежал на траве.

— Опоздали, — с досадой повторил Клим, ведя униход на посадку, — но инъектор со снотворным ты все-таки приготовь.

— Я уже приготовил, — Барту нетерпеливо вглядывался вперед и вниз.

Клим классически притер униход в нескольких метрах от юкантропа:

— Действуй. Я прикрою.

И выбрался из унихода первым, держа лучевой пистолет наготове. Он не мог сдержать улыбки, видя, с какой опаской приближается Барту к поверженному антропоиду. Мокрая степь клубилась легким туманом, который, как это часто бывает, не был заметен сверху. Верещали и свистели мелкие зверьки, невидимые в плотной траве. А так — покой и безмятежность. Клим достал из патронташа магазин, заряженный ампулами со снотворным, привычным движением примкнул его к пистолету.

— Действуй, Поль. В случае чего я уложу его спать.

— Если это на него подействует, — пробормотал Барту, впрочем, так тихо, что Клим ничего не расслышал.

Он остановился в двух шагах от юкантропа, разглядывая неподвижное тело. Массивное, все переплетенное мускулами и покрытое редкими короткими волосами, оно не имело ни ран, ни ушибов, как ожидал Барту. Можно было разглядеть несколько царапин, но они не кровоточили и, судя по всему, имели давнее происхождение. Барту недоуменно пожал плечами, но вдруг многозначительно кивнул и уже без опаски опустился перед юкантропом на колени.

— У него проломлен череп, — бросил он Климу.

Клим подошел ближе и присвистнул.

— Да, неудивительно, что он повалился как сноп.

Повернув безвольную голову набок, Барту уже осматривал рану, растягивал веки глаз, прощупывал пульс, проверял реакцию зрачков.

— Жив, — сказал он наконец, — но что будет дальше, сказать трудно. Во всяком случае, человеку с такой раной вряд ли помогла бы даже современная аппаратурная медицина. Судя по всему, у него еще и глубочайший шок.

Клим взлохматил волосы, сожалея.

— Не повезло спринтеру. Надо же, один камень — и в голову!

— Не повезло, — согласился Барту и поднялся с колен, — надо срочно доставить его на корабль.

Юкантропа разместили в боксе изолятора, по соседству с Майклом Дивином. Лобов, в последний момент подоспевший к униходу, взялся помогать Барту, а заодно лично проследил за соблюдением мер инфекционной безопасности. Через несколько минут, в своем прозрачном, почти невидимом гермошлеме чем-то похожий на старинного водолаза, Лобов появился в приемной.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Клим.

Лобов снял гермошлем, уложил в шкаф и, расстегивая молнию халата, неопределенно сказал:

— Рана очень тяжелая.

— Это я знаю. Жить-то будет? — Клим относился к юкантропу с ревнивым вниманием, считая его своей находкой и не без основания полагая, что юкантроп поможет отыскать экипаж «Метеора».

Лобов повесил халат и так же неопределенно ответил:

— Пока жив. Но Поль ни за что не ручается.

— Разумеется, — заметил Кронин, — ведь это не человек. Что мы знаем о юкантропах за исключением того, что они ходят на двух ногах и внешне похожи на наших питекантропов? Подождем, полагаю, что в ближайший час ситуация прояснится.

— Ждать, — вздохнул Клим и вдруг оживился, — ну а если приходится ждать, так давайте перекусим! Не знаю, как вы, я прямо умираю с голоду.

— Прогулки способствуют хорошему аппетиту, — философски заметил Кронин, открывая дверь, — прошу.

Бодро вышагивая рядом с инженером, Клим не утерпел и похвастался:

— Я сегодня работал на униходе, как Бог!

— Представляю, — Кронин с усталой улыбкой покосился на штурмана, — то-то на Поле лица нет. Между прочим, скажу тебе по секрету, было бы гораздо полезнее, если бы ты работал и похуже, скажем, не как Бог, а как ангел. И, как ангел, сумел бы привезти юкантропа живым и здоровым.

Клим критически оглядел товарища:

— Хотел бы я знать, как бы ты справился с ролью ангела! Кто же знал, что его свои же вот так — камнем по башке!

— Интуиция и квалификация, — спокойно пояснил Кронин, — на то ты и был старшим в группе, чтобы обо всем догадываться.

Ужин или скорее завтрак, трудно правильно назвать эту полуночную трапезу, прошел оживленно, несмотря на то, что Алексея явно клонило в сон. Лобов, в общих чертах знавший о событиях на униходе, с интересом слушал подробности, которые красочно расписывал Клим. Обсуждая необыкновенную скорость бега юкантропов, Кронин задумчиво заметил:

— Это, пожалуй, может кое-что объяснить.

— Что именно?

— Метеоровцев нет. Где они? Может быть, их похитили юкантропы?

— Эти первобытные? — скептически переспросил командир. — Ну, одного человека они могли утащить, это я допускаю. Но целую экспедицию?

— И все-таки, если ловкость и сила юкантропов соответствуют их быстроте, то внезапная атака целого отряда таких существ может быть страшной. Непонятно только, почему раньше никто не заметил их удивительных качеств?

— Наверное, вводила в заблуждение их внешняя неуклюжесть, — вмешался Клим. — Медведя тоже считают медлительным, а попробуй-ка его догнать!

— Странно, — пробормотал инженер, поигрывая чайной ложечкой.

Клим фыркнул:

— Что странно? Что медведи быстро бегают?

Кронин улыбнулся:

— Медведи — пустяки, на них, брат, наши голоногие предки с одной рогатиной ходили. Я удивляюсь ситуации в целом. Судя по всему, юкантропы просто преследовали своего собрата и вовсе не собирались его убивать. Но вот появляется униход, и ход событий сразу резко меняется. Мгновенно выносится приговор и приводится в исполнение. И заметьте, в условиях, когда юкантропы перепуганы до смерти!

Лобов, внимательно слушавший Кронина, спросил у штурмана:

— Клим, ты уверен, что юкантропы бежали наперерез вашему маршруту?

— Абсолютно!

— А вы шли точно на «Торнадо»?

Клим прочертил в воздухе прямую линию.

— По радиолучу.

Лобов недоуменно пожал плечами.

Клим смотрел на командира, стараясь понять, что его смущает. Неожиданно в его черных глазах замерцали искорки догадки и интереса. Переглянувшись с Крониным, он быстро спросил:

— Ты думаешь, этот спринтер-неудачник бежал к нам? Может быть, с поручением?

— Возможно, — уклончиво ответил Лобов. — Вполне возможно.

— По крайней мере, такая напрашивается мысль, — добавил Кронин, — но тут есть одно «но», которое, как я полагаю, и смущает Ивана. Почему юкантроп бежал не к «Торнадо», а немного в сторону?

— Да потому, что прямо перед ним лежало болото! — торжественно ответил Клим. — Он просто не мог бежать напрямик! — И, оглядев товарищей, добавил с воодушевлением: — Похоже, что бежал именно к нам! А его не допустили.

— К сожалению, — вздохнул инженер, покосившись на Клима, — и ты, как ни печально мне это констатировать, не сделал все, что мог.

Он повернулся к Лобову:

— Иван, а что ты думаешь обо всем этом?

Лобов вместо ответа спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Это смотря в каком смысле. В моральном — великолепно, я обуздал наконец своего врага — левый двигатель, который давно не давал мне покоя. А вот физически я похож на старую выжатую тряпку. Я всеми фибрами ощущаю, что меня крайне необходимо куда-то положить.

— Или повесить, — вставил Клим.

Кронин лишь покосился на него.

— А если ты не полежишь, а посидишь? — улыбнулся Лобов.

— Что ж, — философски решил Кронин, — невелика разница, сколько не спать, — ровно трое суток или трое суток и несколько часов. Перетерплю.

— Перетерпи, — Лобов повернулся к Климу: — Надо пройти на униходе по пути юкантропов. Пройти в ту сторону, откуда они бежали.

— Это несложно, — сказал Клим, — некоторое время я шел точно их курсом, а телеметрия была все время включена.

— Ищите глайдер, людей с «Метеора», юкантропов. Кустарник, густые заросли при нужде пощупайте биоло-

каторами. Проще всего установить сканирование на частотах хомо и юкков.

— Понятно.

— В пути пусть Алексей подремлет.

Кронин прижал руку к сердцу:

— Иван, я буду вечно благодарен тебе за это благодеяние. И если когда-нибудь стану королем, разрешу тебе носить шляпу и сидеть в моем присутствии.

— Выход из унихода разрешаю только с подстраховкой. — Лобов пропустил мимо ушей шутку Кронина.

— Да он все равно заснет на ходу.

— Не заснет, — уверенно ответил Лобов.

— Не засну, Клим. Если, конечно, ты не укачаешь меня. А что ты собираешься делать? — обратился инженер к командиру.

Лобов ответил не сразу.

— Подожду вестей от Поля. Ну и осмотрю лагерь.

Кронину показалось, что Иван что-то скрывает, но он посчитал неудобным продолжать расспросы.

Когда Клим и Алексей покидали кают-компанию, Лобов задержал штурмана на пороге.

— Послушай, Клим, — Лобов замялся, и это было так на него непохоже, что Клим сразу насторожился, — тебе не чудилось на Юкке какой-нибудь чертовщины?

Клим недоуменно смотрел на командира.

— Чертовщины? Что ты имеешь в виду?

Лобов потер пальцем переносицу:

— Да так, чушь всякая. В кустарнике ты никого не видел и не слышал?

— В каком кустарнике?

Лобов всмотрелся в недоуменные встревоженные глаза товарища, тряхнул его за плечо и засмеялся.

— Ладно, иди. Да будь повнимательнее.

— Ты можешь объяснить толком, в чем дело?

— Иди-иди, так, разные вымыслы и домыслы.

Лобов дружески подтолкнул штурмана в спину, и тому ничего не оставалось, как выйти из кают-компании.

Проследив за стартом унихода, Лобов вернулся в кают-компанию и принялся неторопливо прибирать на столе, складывая использованную посуду в стерилизатор. Когда он покончил с этим скучным занятием и вытирал руки полотенцем, в кают-компанию вошел Барту и остановился на пороге. Вид у него был какой-то странный, недоуменный, а может быть, и ошарашенный, но Лобов, занятый своими мыслями, не обратил на это внимания.

— А где Клим и Алексей?

— В поиске, — коротко ответил Лобов и бросил в стерилизатор использованное полотенце. — Садитесь, Поль, перекусите.

— Спасибо.

Барту присел к столу и рассеянно принялся за еду, явно не замечая, что и как он ест. Когда он попытался насыпать в кофе соли вместо сахара, Лобов заметил наконец его состояние.

— Что-нибудь случилось?

— Простите?

— Я говорю, что-нибудь случилось? — переспросил Иван.

— Пожалуй.

— Скончался юкантроп?

— Да, то есть, вообще-то говоря, нет. — Барту помолчал и задумчиво пояснил: — Судя по всему, он и не был никогда живым. Это не живое существо, а модель. Искусная модель антропоида. Биоробот, если хотите.

Глава 5

Униход, который Клим вел под облаками на высоте около ста метров, то погружался в плотные массы тумана, будто повисал в радужно-молочном киселе, то выскакивал на простор, и тогда внизу мелькала, струилась близкая земля. Кронин подремывал, уютно устроившись рядом с Климом. Уж такой он обладал способностью, где угодно мог устроиться уютно. Клим поглядывал на него с некоторой завистью, ведь за последние двое суток и ему удалось поспать всего несколько часов.

Над местом, где подобрали юкантропа, Клим сделал два круга, перекладывая униход с крыла на крыло, но садиться не стал, а по данным телеметрии развернул машину в направлении бега юкантропов. Вскоре все чаще и чаще стали попадаться заросли кустарников, и тогда Клим локтем толкнул инженера в бок.

— Открой глаза, соня!

— Что? — встрепенулся инженер.

— Включай биолокатор, горе-подстраховщик.

— Биолокатор, — Кронин зевнул и помассировал ладонями лицо, — есть биолокатор.

Клим сбросил скорость, снизился, униход тащился теперь над землей на высоте пятидесяти метров. Время от

времени Клим менял курс, змейкой обходя болото и купы деревьев. Когда проходили очередную волну тумана, послышался сигнал видеофонного вызова и на экране появилось лицо Лобова.

— Что нового?

— Пока ничего. Да еще туман проклятый мешает, — пожаловался Клим.

После легкой паузы Лобов сказал:

— При контакте с юкантропами удвойте осторожность. На ампулы со снотворным не рассчитывайте. И вообще, без нужды машину не покидайте.

— Понял, — с оттенком недоумения ответил Клим, — а что случилось?

— Обычная предосторожность, — после некоторого колебания ответил Лобов, — желаю удачи.

Когда изображение командира растаяло, Клим уверенно заключил:

— Иван что-то темнит.

— Похоже, — согласился Кронин, — хотя, с другой стороны, зачем ему темнить? Может быть, не хочет волновать нас раньше времени?

Неожиданно уникод отвернул влево, прошел немного по прямой, потом змейкой вернулся на прежний курс. Это сработала автоматика, уводя машину от столкновения с каким-то препятствием. В тот же миг послышался и сигнал биолокатора, но такой слабый, что Клим не понял, произошло это на самом деле или ему почудилось. Он вопросительно взглянул на инженера.

— Сработал, — уверенно ответил Кронин, — но еле-еле.

— Черт! Что же там такое? — с досадой проговорил Клим, вглядываясь в непроницаемый туман.

Лишь секунд через двадцать стена тумана оборвалась.

— Деревья, вот что это такое, — сказал Клим, разворачивая машину.

Гигантские деревья, росшие плотно друг к другу, издали казались единым сооружением, чем-то похожим на причудливый, устремленный в небо замок. Один из этих великанов лежал на земле, вытянувшись во всю свою почти трехсотметровую длину.

— Поверженный титан, — пробормотал Кронин с уважением. Примерно до половины древесный ствол сохранял первозданную монолитность и несокрушимость. Выше он разбился на несколько крупных глыб-кусков, а вершина разлетелась и рассыпалась, как при взрыве.

— Прямо стихийное бедствие, — произнес Клим.

Кронин, внимательно разглядывавший дерево, вдруг подался вперед и негромко сказал:

— Кажется, в самом деле бедствие.

Теперь и Клим заметил какое-то странное сооружение у самого основания вершины. Ему не хотелось верить своим глазам, но не прошло и нескольких секунд, как последние сомнения исчезли: это был искореженный, лежащий на боку и придавленный обломком дерева глайдер «Метеора». Униход задрожал, круто разворачиваясь над местом катастрофы.

— Людей не видно, — хмуро сказал инженер.

Клим не ответил, он вел машину на посадку. Тут, как назло, опять навалился туман. Клим по приборам почти неслышно посадил униход на мокрую траву и взялся за ручку двери.

— Подожди, — попросил его Кронин.

И, видя, что Клим колеблется, настойчиво повторил:

— Подожди, пока пройдет туман.

Туман проносило несколько минут, которые показались такими долгими, как при пытке огнем. Когда появились просветы, Клим покосился на инженера, распахнул дверцу и полез из машины. Кронин с пистолетом в руке последовал за ним.

— Пусто! — обрадованно крикнул Клим. — Никого!

И у Кронина отлегло от сердца, больше всего он боялся обнаружить в разбитой машине погибших землян.

— Но где же экипаж? — вслух размышлял Клим, разглядывая кабину глайдера через полураскрытую дверцу. — Ушли сами или кто-то вытащил их отсюда?

— Скорее всего сами, — сказал инженер, останавливаясь рядом с ним.

— Почему ты так решил?

— Посмотри, в кабине чисто, словно выметено. Очищен даже сейф с аварийным запасом оружия, инструментов и продуктов. А ведь, не зная шифра, его не откроешь.

— Все это верно, — вздохнул Клим, — но где же метеоровцы? Сколько их было? И как могло случиться, что дерево придавило глайдер?

— Может быть, они просто столкнулись с ним в тумане? — предположил инженер. — Небольшая неисправность локатора, и вот результат. Тот самый случай, один из миллиона, которым пренебрегает теория и который все-таки иногда бывает в действительности.

Клим скептически покачал головой.

— Не думаю, что они столкнулись с деревом. Разве глайдером свалишь такого исполина? Это все равно, что пальцем бревно перешибить. Скорее, глайдер стоял на земле, когда на него свалилась эта махина.

— Как бы то ни было — глайдер разбит. — Клим огляделся и деловито сказал: — Ну, ты посматривай, а я как следует пошарю внутри.

Возился он минут пять, но безрезультатно, и вылез раздосадованный.

— Действительно, как выметено. Даже запасной аккумуляторной батареи нет.

— А рация? — быстро спросил Кронин.

— Вдребезги! И все-таки, — Клим чуть улыбнулся, — раз вскрыт аварийный сейф и нет батареи, можно надеяться, а?

— Можно, — почти без колебания согласился Кронин, — и знаешь что, думается мне, надо походить на малой высоте вокруг этого места и пошарить как следует. Может быть, и наткнемся на след.

— Это мысль, — одобрил Клим.

Штурман поднял униход в воздух и повел его вокруг места аварии. Они не замкнули и одного круга, когда Кронин, усердно выполнявший обязанности впередсмотрящего, попросил:

— Поверни влево!

Клим положил униход на левое крыло, стараясь разглядеть увиденное инженером.

— Осторожно! — проворчал тот, приникая к самому окну, — а то Ивану придется искать не только метеоровцев, но и нас.

— Ничего!

Теперь Клим тоже видел большой участок выжженной порыжевшей травы, на котором, впрочем, там и сям уже пробивалась молодая поросль. Это было похоже на след от работы корабельных двигателей.

— Неужели Майкл приходил сюда на «Метеоре»? — вслух подумал он.

— Сразу крайности. Это может быть и молнией, и метеоритом, да мало ли еще чем.

Униход прошел над самым пятном, и Клим хорошо рассмотрел, что на сожженной траве лежало несколько не то спящих, не то погибших животных.

— Видел? — толкнул он в бок Алексея.

— Да, по-моему, это юкантропы. — Инженер, повернувшись назад, все еще разглядывал поляну.

— Спят?

— Не похоже.

— Сейчас разберемся.

Клим посадил машину в десятке шагов от выжженной поляны. Но, вместо того чтобы открыть дверцу и выскочить на траву, как он это делал обычно, повернулся к Алексею и просительно проговорил:

— Знаешь что? Давай-ка ты теперь займись осмотром, а я прикрою.

Кронин усмехнулся:

— А как приказал Иван?

Клим недовольно хмыкнул:

— Иван далеко. И потом тебе просто полезно проветриться, а то ненароком заснешь возле унихода.

Кронин понимающе улыбнулся:

— Решил, стало быть, позаботиться обо мне? Это ведь так занятно — осматривать мертвые тела.

— Пожалуйста, — Клим говорил почти умоляюще, — ты ведь знаешь, не переношу я такого. Есть целый день не буду, что тут хорошего?

— Ладно, прикрывай!

Кронин сделал несколько шагов и остановился. Последние сомнения исчезли окончательно: на поляне лежали полуразложившиеся трупы погибших юкантропов.

— О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями? — вполголоса проговорил он и принялся за неприятный, но необходимый осмотр.

Клим, на всякий случай сменивший пистолет на скорчер, стоял неподалеку от унихода. Добросовестно обойдя всю поляну, Кронин вернулся и хмуро сообщил:

— Это не ходовые двигатели, не молния и не метеорит.

— А что же?

— Их попросту расстреляли. Судя по точности прицела, из скорчера. Садись, Клим, в машине поговорим.

Заняв водительское место, Клим облокотился на штурвал. Ему почему-то вспомнились слова Барту о том, что на Юкке произошло нечто страшное.

— И знаешь, что самое непонятное, — Кронин возился под сиденьем, — все они убиты выстрелом в голову.

— Прямо в голову?

— Почему прямо, — несколько раздраженно ответил Кронин, — ранения есть и на других частях тела. Ожог ведь легко отличить от других травм. Но нет ни одного юкантропа, у которого не была бы сожжена голова.

— Может быть, так получилось? — неуверенно предположил Клим. — Хотели пугнуть поверх голов, да низковато взяли прицел?

— И всем попали в голову? Ты посмотри, они лежат вразброс, на большой площади. Нет, — угрюмо, но уверенно заключил Кронин, — их хладнокровно расстреляли. Били прицельно, на выбор.

— Ты понимаешь, что говоришь? — сухо спросил Клим.

— К сожалению.

— Ты, — штурман замялся, но все-таки закончил, — ты думаешь, это Майкл?

— Думаю, — вздохнул инженер.

— Да,— потерянно сказал Клим, — вот беда-то. Надо немедленно доложить Ивану.

Он без всякой охоты потянулся к приборной доске и нажал кнопку вызова корабля. Потянулись секунды ожидания. Когда они превратились в минуты, Клим тяжело вздохнул и послал вызов вторично.

— Наверное, заняты работой, — скорее для себя, чем для Клима, успокоительно заметил Кронин.

— Спят, наверное! — сердито бросил Клим.

Но время тянулось и тянулось, а корабль не отвечал.

Клим ткнул кнопку аварийного вызова.

— «Торнадо» слушает, — бесстрастно доложил автомат, — корабль в порядке, экипаж на борту отсутствует.

— Срочно на корабль, — негромко, но напряженным голосом проговорил инженер. Он знал, что лишь нечто чрезвычайное может заставить Лобова оставить «Торнадо» без дежурства, когда униход в поиске. Знал это и Клим, а поэтому, ничего не ответив товарищу, он свечой поднял машину в воздух.

Глава 6

Несколько секунд Лобов непонимающе смотрел на Барту, переваривая услышанное, а потом переспросил:

— Биоробот? Здесь, на Юкке, где нет ни малейших признаков ноосферы?

— Я и сам не хотел верить, но что поделаешь? — Барту устало опустился в кресло. — Такие факты.

— Ну-ну, — поощрил Лобов, хотя видно было, что он не переставал сомневаться.

— Припомните, как мы были удивлены, что в юкантропа попал единственный камень и чертовски неудачно —

прямо в голову. Так вот, могу вас уверить, что в него попал по меньшей мере пяток камней. Но они не оставили почти никаких следов на его теле! Так, едва заметные царапины. Я сразу обратил внимание на особенность размозженных тканей юкантропов — раны и ранки почти не кровоточили и вообще имели резиноподобный вид. И вот, когда юкантроп скончался, по крайней мере, я так думал, вспомнил об этой особенности его тканей. И, разумеется, решил исследовать под микроскопом. Сколько ни бился, мне не удалось обнаружить даже намека на клеточное строение, характерное для всего живого. Какая-то волокнистая, упругая высокомолекулярная масса!

Сомнение, отражавшееся на лице Лобова, постепенно уступало место раздумью. Барту заметил это и продолжал с еще большей живостью:

— Разумеется, я не ограничился пораженными тканями, а произвел вскрытие и взял пробы самых разных органов и частей тела. Кстати, я называю юкантропа биороботом потому, что он копирует живое существо не только внешне. У него обычный комплекс внутренних органов, если не считать таких деталей, как наличие не одной, как у нас с вами, а двух — левосторонней и правосторонней печени и всего одной почки, правда, очень большой и, как я догадываюсь, с двухконтурной системой очистки.

Лобов чуть улыбнулся твердыми губами:

— Нельзя ли ближе к делу?

— Прошу прощения, я увлекся, но это естественно. Так вот, ни один орган, ни одна ткань не имела клеточного строения! По крайней мере, в нашем понимании этого слова. Важнейшим признаком клетки является наличие наследственного вещества, дезоксирибонуклеиновой кислоты, которая у развитых форм концентрируется в ядре, у простейших, скажем, у бактерий, — рассеяна в цитоплазме. Ткани юкантропов полностью лишены наследственного вещества! А без него невозможен процесс деления клеток, то есть процесс формирования организма из одной-единственной зародышевой клетки. Поэтому я с полным основанием заключаю, что юкантропы — не подлинные живые существа, а всего лишь модели. Модели разового применения, кем-то и для чего-то созданные.

— Вы что же, считаете моделями всех юкантропов Юкки? — спросил Лобов.

Живое лицо Барту несколько померкло.

— Юкантропов на планете несколько сот тысяч, если не миллионов, — продолжал Лобов, — кому и зачем понадобилось производить их в таком количестве?

Барту смущенно кашлянул.

— Этот аспект вопроса мне как-то не приходил в голову. — Он помолчал, его умные глаза сощурились, а на губах заиграла легкая улыбка. — Разумеется, я понимаю, заселять планету миллионами биороботов — занятие идиотское. Но, положа руку на сердце, разве мы, земляне, не производим на неосвоенных планетах массу различных экспериментов? И разве цели этих экспериментов всегда понятны другим разумным? Может быть, мы встретились с шуткой, если хотите, с капризом некой могучей расы?

— Шутка или каприз, — машинально повторил Лобов в раздумье. Он меньше всего думал о капризах игривых сапиенсов. Если Барту не ошибся, если то, что лежит сейчас в госпитальном отсеке, действительно биоробот, обстановка на Юкке меняется коренным образом. Дело идет о прямых или косвенных контактах с другой цивилизацией.

— Обследуем других животных Юкки, — предложил Лобов. — Если и эти животные окажутся моделями, биороботами, как назвали вы их, тогда будет о чем подумать!

Барту взглянул на Лобова с одобрением:

— Отличная мысль.

— Вы останетесь на корабле, Поль, и ответите на вызов Клима, если такой последует. А я принесу животных. Сколько вам потребуется?

Барту широко улыбнулся:

— Чем больше, тем лучше, разумеется.

— Я говорю о разумном минимуме.

— Принято считать, что минимум порога однозначности — три опыта. Этот минимум разумен?

— Хорошо, я принесу трех.

Иван отобрал в виварии трех небольших зверьков, усыпил их, уложив в специальный бокс, и отнес Барту. От Клима никаких сообщений не поступало, униход, по данным телеметрии, благополучно продолжал рейс. Пока Барту проводил опыты, Лобов решил осмотреть последний из четырех складов, до которого еще не дошли руки.

Приближалась волна тумана и благоразумнее было бы вернуться в шлюз корабля, но Иван хотел кое-что проверить.

Прошло несколько секунд, и на него бесшумно навалилась пушистая, молочно-радужная стена. Зримый мир

без следа растворился в ней, а звуки приглушились, словно уши заложило ватой. Он насторожился, весь превратившись в слух: «это» всегда случалось в тумане. И все-таки, услышав мягкий оклик «Иван!» и тихий женский смех, невольно вздрогнул.

Причудливые звуки, похожие на смех, шушуканье, оклики, Иван слышал не первый раз. Они рождали беспокойство и тревожные темные мысли, в которых было нечто от настроений, навеянных страшными сказками детства. Сказками, которые пугают и стирают грани между вымыслом и реальностью. Вот и сейчас, наверное, потому что смех чудился женским, Лобову вспомнилось, что в составе научной группы «Метеора» была молодая женщина, Дина Зейт, биолог. Вглядываясь в туман, сквозь который просвечивал близкий кустарник, казавшийся еле намеченным кружевом, Иван думал о том, что, возможно, с ума сошел не один Майкл Дивин, а весь экипаж «Метеора». И теперь эти бедолаги, как призраки, бродят вокруг «Торнадо». Ничего не могут вспомнить, гукают, перекликаются и истерически хохочут.

Лобов с некоторым усилием усмехнулся, стараясь прогнать эти мысли. Полно! У подозрительных звуков могло быть и куда более простое объяснение. Разве на Земле не плачут шакалы, как маленькие дети? Разве хохот филина или жуткий вопль лемура не леденят кровь?

Туман протянуло, и Иван прямиком отправился к запертому складу. Распахнув дверь, он некоторое время стоял неподвижно, давая глазам привыкнуть к тусклому свету, которым освещался сводчатый коридор. Когда глаза привыкли, Лобов удивился — по полу тянулись грязные следы, очень похожие на те, какие Клим и Поль видели на «Метеоре». Лобов хорошо помнил их по отчетным снимкам. По середине коридора тянулась грязная полоса, как будто тащили что-то волоком.

Чувствуя все нарастающую, полуинстинктивную тревогу, Иван пошел по этим следам. Они обрывались возле рефрижераторной, где обычно хранили скоропортящиеся продукты. «Запасы пищи для животных вивария?» Иван осторожно толкнул дверь. Она подалась. Тогда он рывком распахнул ее и остановился на пороге.

Мгновение стоял, напрягшись как струна, потом шагнул назад, рванул дверь так, что она захлопнулась с сочным шлепком, и прислонился к стене, чувствуя тошноту и противную слабость в коленях.

Глава 7

Барту был так увлечен работой, что не заметил вошедшего Лобова.

— Поль!

Барту вздрогнул от неожиданности, но, обернувшись, поспешно поднялся со стула и заулыбался.

— Чудеса! Настоящие чудеса, Иван!

Он живо подошел к Лобову и невзирая на его легкое сопротивление потащил к лабораторному столу.

— Животные, которых вы принесли мне, оказались типичнейшими моделями! — не переставая говорил он. — В том смысле, разумеется, что их ткани полностью лишены наследственного вещества. Казалось бы, все ясно, но... — Барту показал рукой на трех зверюшек, рядком лежащих в прозрачном боксе друг подле друга: ящерицу со свиным рыльцем, зайца с длинной, как у лебедя, шеей и голенастую, с ногами-ходулями крысу. — Кому понадобилось моделировать этакую дребедень?

Он посмотрел на Лобова веселыми глазами, засмеялся и живо продолжил, не давая ему раскрыть рта:

— Разумеется, предположение, что все живое на Юкке — модели, биороботы, попросту нелепо, следует искать иного, более рационального объяснения. И вот, когда я окончательно укрепился в этом намерении, мне фантастически, уникально повезло!

— Поль, — вклинился наконец в этот нескончаемый поток слов Лобов, — вам приходилось раньше осматривать убитых?

По лицу Барту скользнуло недоумение, снова сменившееся улыбкой.

— Вы имеете в виду этих зверюшек? — спросил он.

— Я имею в виду не зверюшек, — устало проговорил Лобов.

— А кого же? — поднял свои густые брови Барту.

— Людей. Погибших людей.

— Приходилось, — Барту посерьезнел окончательно. — Но что случилось? Неужели с униходом?

— Нет, не с униходом. Возьмите все необходимое для детального обследования двух тел. И пойдемте со мной. Это недалеко, в научном лагере.

Лобов распахнул дверь склада.

Барту молча вошел.

Опустилась очередная волна тумана, и Лобов, как ни тяжко было у него на душе, машинально прислушался. Но

на этот раз лишь звучал стандартный приглушенный хор юккийской ночи, ни шепота, ни смеха, ни оклика. Лобов очнулся от своего мрачного раздумья, когда услышал позади звук шагов Барту. Тот отсутствовал минут двадцать. Встретившись взглядом с командиром, он глухо сказал:

— Такого не приходилось видеть даже мне. Это инженер корабля Аллен Рисс и биолог Ватан Рахимов.

— Вы их знали?

— Когда выяснилось, что с «Метеором» случилась беда, я счел необходимым изучить характеристику каждого члена экипажа.

— Что с ними?

— Не знаю. — Барту посмотрел на свои тщательно вымытые руки и поморщился, словно сдерживая приступ тошноты. — Однако могу вполне определенно утверждать: это не несчастный случай. Их умертвили. Умертвили медленно, садистски. Им переломали все кости: руки, ноги, ребра, размозжили мягкие ткани. Нетронутыми остались лишь черепа.

Но и это не все, — голос Барту стал еще глуше. — Тела их покрыты соленой грязью. Скорее всего поливали соленой водой из какой-то грязной лужи. Внутренние органы не повреждены совершенно, оба скончались от болезненного шока.

Лобов облизал пересохшие губы.

— Пора на корабль. Наверное, Клим и Алексей уже беспокоятся.

На полпути к «Торнадо» Лобов неожиданно спросил:

— Помнится, когда я вошел в лабораторию, вы начали говорить о каком-то фантастическом везении.

Барту нервно передернул плечами, словно ему было холодно.

— Удивляюсь я вам, — сказал он почти враждебно, — произошла непоправимая трагедия, а вы спокойны, как... как камень!

Приостановился и Лобов.

— Успокойтесь, — мягко посоветовал он и, медленно двинувшись вперед, уже суше добавил: — Надо больше думать о живых, а не о мертвых. Ведь погибшим уже не поможешь.

Торопливо догнав Лобова и заглядывая ему сбоку в лицо, Барту спросил:

— Так вы надеетесь? Вы и после всего этого, — он махнул рукой в сторону склада, — надеетесь, что Дина Зейт и Вано Балавадзе могут оказаться живыми?

— Надеюсь. — Лобов помолчал. — Итак, в чем состоит ваше везение?

— Когда я не обнаружил даже следов наследственного вещества в тканях животных и, честно говоря, не знал, что и думать, мне пришло в голову взять пробу мозга юкантропа. Каково же было мое изумление, когда проба оказалась целиком состоящей из дезоксирибонуклеиновой кислоты!

Они дошли до «Торнадо», и Лобов приостановился, держась одной рукой за ступеньку трапа и незаметно, чтобы не обидеть Барту, оглядывался по сторонам. А тот, начав вяло, неохотно, быстро увлекся, даже на бледных щеках проступил легкий румянец.

— Для меня было совершенно очевидно, — продолжал Барту, — что весь мозг только из ДНК состоять не может, поэтому я взял серию контрольных проб вокруг исходной точки. Мне быстро удалось установить, что ДНК содержится лишь в своеобразном мозговом придатке размером с лесной орех. От этого ДНК-образования, которое я позволил себе назвать геноидом, тянулись стволы и ветви, — для наглядности Барту пошевелил длинными пальцами расставленных рук, — которые сливались с нервными стволами. Так вы понимаете, Иван, как уникально мне повезло? Возьми я первую пробу сантиметром левее или правее — и ничего бы мне не удалось обнаружить!

— Понимаю, — серьезно сказал Лобов.

— Остальное, — продолжил свой рассказ Барту, — было делом элементарной логики. Конечно, размножение и рост организма на основе нескончаемого деления наследственного вещества естественны. Но как нерационален этот путь! Какой колоссальный избыток информации несет, — Барту не лишенным изящества жестом провел по своим бокам, — наш многоклеточный организм! Ведь каждая клеточка нашего тела в своем хромосомном наборе содержит потенциальный фенотип. И я подумал, что возможен другой, неизмеримо более рациональный с информационной точки зрения путь развития. Это путь живого мира Юкки. Организм имеет единственное ядро наследственности — геноид, расположенный в головном мозге. И вся информация, которая нужна для конструирования частей организма, его жизнедеятельности, поступает централизованно. Хотя, возможно, клетки и сохраняют некий минимум биохимической автономии, который будет обнаружен более тонкими исследованиями.

Барту не без торжества взглянул на Лобова:

— Что вы скажете на это?

— Вы молодчина.

Лобов хотел сказать еще, что гипотеза Барту с совершенно неожиданной точки зрения освещает все события на Юкке, включая и трагедию «Метеора», но в этот момент из низких облаков бесшумной черной птицей вынырнул уникод.

Приближаясь к товарищам, Клим с укором проговорил:

— А мы чего только не передумали! Неужто было трудно продиктовать ответ автомату?

— Извини, вылетело из головы, — ответил Лобов.

— Вылетело, — Клим внимательно разглядывал своего командира, — сколько мне помнится, это всего второй случай, когда у тебя вылетело. Что случилось?

— Сначала расскажите о поиске.

Клим коротко доложил о том, как был обнаружен искалеченный глайдер и расстрелянные из лучевого оружия юкантропы.

— Все верно, — устало подтвердил Кронин, когда штурман замолчал, — я бы хотел обратить внимание на одну деталь. Все юкантропы, а их шесть, убиты выстрелом в голову.

Лобов промолчал, погрузившись в размышления. Клим, словно извиняясь, продолжил:

— Может быть, случайно взял прицел слишком высоко, вот луч и пришелся по головам?

— Сомнительно, — вздохнул инженер, — они же стояли рядом, как на смотре. Скорее всего били из скорчера — прицельно, аккуратно и на выбор. Может быть, это Майкл? Иначе трудно объяснить такую жестокость по отношению к антропоидам. Да и не в наших это обычаях, Иван, сам знаешь.

Клим хмуро молчал. Барту посмотрел на его склоненную голову, на измученное лицо инженера и зло сощурил глаза.

— А если это лишь ответ на другую жестокость?

Кронин удивленно посмотрел на него и перевел взгляд на Лобова.

— Может быть, ты все-таки расскажешь, что тут у вас случилось?

— Плохо, ребята. Мы нашли погибших Аллена Рисса и Ватана Рахимова. Скорее всего они... — Лобов замялся и с некоторым трудом продолжил: — Скорее всего они погибли при аварии глайдера, может быть, и юкантропы приложили руку. Майкл подобрал их, перевез сюда и спрятал в

том самом складе, который мы с Климом не осмотрели своевременно.

— Они сильно пострадали, Иван? — с неожиданной проницательностью тихо спросил Кронин.

Лобов отвел взгляд.

— Во всяком случае, Майклу Дивину было за что мстить, — глухо проговорил Барту.

— Об этом позже, — твердо проговорил Лобов. — Сейчас нужно думать не о погибших, а о живых. Что с Вано Балавадзе и Диной Зейт? Где искать их? Возле разбитого глайдера или здесь?

— И там и здесь! — решительно проговорил Клим.

Кронин прислонился спиной к корпусу корабля, видно, ноги совсем не держали его, и предложил:

— Надо разбудить Майкла и расспросить.

Барту с некоторой обидой взглянул на него:

— Вы не верите моему заключению? Он способен сейчас только бредить.

— Ну и что ж? — Кронин был невозмутим. — Надо внимательно выслушать его бред, в нем не может как-то не отражаться реальный ход событий.

— Мы можем ухудшить его состояние.

— Иногда жертвы необходимы, — вздохнул инженер, — или вы думаете, что мне приносит большую пользу непрерывное трехсуточное бдение?

— Решено, — Лобов повернулся к Барту, — надо разбудить Майкла, осторожно расспросить, а разговор записать и проанализировать на логомашине. Займитесь этим немедленно. Помощь вам нужна? Тогда действуйте.

Барту начал подниматься по трапу, а Лобов обернулся к штурману:

— По ходу поиска мне не понятна одна деталь, Клим: почему вы начали розыск возле той купы деревьев, а не какой-нибудь другой. Ведь упавшее дерево вы увидели уже потом, сначала вас заинтересовало что-то другое. Что?

— Сработал биолокатор, — подсказал инженер.

— Верно! Но, — Клим поморщился, — не то чтобы он наверняка сработал, а так...

— Да, — согласился инженер, — отметка была очень неуверенной.

— По какому же объекту он сработал?

Клим пожал плечами:

— Наверное, простые помехи. Это случается не так уж редко.

— Помехи, — почти про себя проговорил Лобов, — а если не помехи?

Он поднял глаза на товарищей:

— Идите на корабль. Ты, Алексей, немедленно и без всяких разговоров ложись отдыхать, прими на свой вкус препарат, чтобы углубить сон, и через два-три часа быть в рабочем состоянии. Ты, Клим, помоги Барту. С Майклом будет нелегко, а Поль перенервничал и выбился из колеи. Если выяснится что-нибудь важное, передавай на борт унихода немедленно.

— Мы тебя проводим, Иван. — Кронин оттолкнулся спиной от корпуса унихода и повел усталыми плечами. — Двигатель немножко барахлит, надо прибавить усиление.

— Что ж, прибавь, — улыбнулся Лобов.

Пока Кронин возился в отсеке двигателя, Клим склонился к командиру, уже сидевшему на рабочем сиденье унихода.

— Может быть, все-таки возьмешь меня на подстраховку? Как-то нехорошо на этой планете.

— Присматривай за Барту. И береги корабль. Будь осторожен. Во время тумана без особой нужды не выходите из корабля даже с подстраховкой. Кто-то прячется в кустарнике, прячется и следит за каждым нашим шагом.

Подошел инженер:

— Двигатель в самом оптимуме, можешь спокойно опуститься на дно морское и взлететь под облака. — Он улыбнулся одними глазами. — Может быть, возьмешь меня? Что мне стоит еще раз подремать в униходе?

Лобов покачал головой:

— Отдыхай, — и мягко добавил: — Ты сейчас, как наш левый двигатель неделю назад. Можешь отказать в любой момент, а когда — неизвестно. Ну, удачи.

Глава 8

Лобов вел униход к месту биоконтакта по приборам. На Юкке начиналось утро. Солнечные лучи уже легли на облачный лик планеты, поэтому облака теперь были насыщенно-желтыми. Казалось, униход повис где-то в гуще апельсинового сока и, покачиваясь с крыла на крыло, тихонько ворчит от удовольствия. Иван испытывал сложное чувство тревоги, подъема и возбуждения. Он знал, что тайна Юкки вместе с судьбой Вано Балавадзе и Дины Зейт где-то рядом. Для ее раскрытия оставалось сделать пос-

ледний решающий шаг. Но последний шаг бывает всегда и самым трудным, и самым опасным.

Сколько сомнений, сколько в обстановке неясного, фрагментарного, как будто и не связанного между собой, а на самом деле тесно переплетенного незримыми пока нитями. Взять хотя бы гибель юкантропов. Майкл или кто-то другой из землян мог сделать это лишь в состоянии аффекта или безумия, а разве в таком состоянии будешь тщательно выцеливать и бить наверняка? Стало быть, это не земляне? Кто же?

В районе биоконтакта Лобов сбросил скорость и вывел машину под облака. Он сразу увидел причудливую купу деревьев, похожую на готический замок, рухнувшее на землю дерево и смятый искалеченный глайдер. Ему невольно припомнилась тяжелая картина, виденная им в рефрижераторе, заныло сердце, но он одернул себя. Надо думать о живых, а не о мертвых. Иван твердил себе это все время, пока выписывал петли и восьмерки, прислушиваясь к сигналам биолокатора и надеясь на удачу.

Надежда надеждой, но, когда биолокатор сработал слабо и неуверенно, как и рассказывали его друзья, Ивану даже жарко стало. Он резко повалил униход на крыло и увидел под собой мелкое грязное озерцо с соляными отложениями на берегах и редким кустарником.

Развернувшись, Лобов снизился до высоты нескольких метров и тихонько пошел вдоль берега. Грязь, мелководье, самое раздолье для земноводных, которыми заполнена Юкка. Но берега пустынны, ни малейших признаков жизни. Может быть, вода озера слишком солена или даже ядовита? И вдруг Иван увидел такое, от чего сжалось и екнуло сердце, — сразу за кустами, над которыми он пролетел, наполовину в прибрежной воде, наполовину в грязи, рядом лежали несколько неподвижных тел. Трудно было понять, кто это, люди или юкантропы, живы они или мертвы. Лобов завесил униход немного в стороне, до боли в глазах вглядываясь вниз. Струя воздуха от машины рябила воду и колыхала ветви кустарника. Лобов внутренне вздрогнул, когда увидел, как одна из неподвижных фигур шевельнулась и тяжело приподняла голову, разглядывая униход. Это был юкантроп. Лобов встретился с ним взглядом. Долю секунды поддерживался зрительный контакт, потом голова бессильно откинулась назад, по воде пошли круги. Лобов передохнул и вдруг с фотографической отчетливостью припомнил, что тела Аллена и Ватана были покрыты солью и грязью.

Когда, набрав высоту, Лобов делал круг, выбирая удобное для посадки место поближе к берегу, послышался сигнал видеофонного вызова и на экране появилось лицо Клима. Лобов с беспокойством отметил, что штурман взволнован и расстроен.

— Иван, — начал тот и замолчал.

— Ну, что случилось? — Лобов тоже начал нервничать.

— Иван, Майкл признался, что это он убил Аллена Рисса, — Клим провел рукой по лицу, — не знаю, можно ли ему верить, но он только и твердил об этом. Через какую-нибудь минуту пришлось его усыпить.

— Я думаю, это бред, Клим.

Клим с благодарностью взглянул на командира:

— Правда? И я так думаю. Да что там думаю, я просто уверен, что, больной или здоровый, безумный или небезумный, Майкл не способен на преступление. Я же его хорошо знаю, мы учились вместе!

— Помню.

— И еще, не знаю только, пригодится ли тебе это сейчас. Майкл твердил про какую-то пленку, которую он спрятал в пистолете. Так вот, я нашел капсулу с пленкой. Собираюсь ее прослушать.

— Понятно, — Лобов ненадолго задумался, — пусть пленку прослушает Поль. А ты готовь глайдер и жди сигнала. По моей команде вылетишь к точке биоконтакта. Я обнаружил ее. Это озеро, сейчас я над ним, фиксируй по телеметрии. В озере у самой воды лежат не то больные, не то умирающие юкантропы. Захожу на посадку.

— Не рискуй понапрасну.

Лобов улыбнулся:

— Не буду. Готовь глайдер и жди сигнала, Клим.

Иван посадил униход не на самом берегу, возле юкантропов, а поодаль, на плоском пригорке, открытом со всех сторон. Достав из кобуры пистолет, Лобов задумчиво взвесил его на ладони, примкнул к нему дополнительный магазин с ампулами снотворного и положил обратно. Все небо от края до края светилось насыщенным оранжево-красным огнем и ощутимо дышало теплом; растаяли тени, мир стал бестелесным, плоским и тревожным. Было почти тихо, лишь издалека доносились резкие беспокойные павлиньи вскрики.

С минуту постояв возле машины и освоившись, Лобов аккуратно прихлопнул дверцу и неторопливо пошел по направлению к озеру, от которого его отделяла полоска чахлого кустарника. Кустарник был неподвижен,

но именно это и настораживало. Чем ближе Иван подходил к нему, тем острее он ощущал разлитую повсюду скрытую опасность. Из-за кустарника одним длиннейшим прыжком вылетел юкантроп. Казавшийся темно-бронзовым в апельсиновом свете, он упруго стоял на полусогнутых ногах, покачиваясь из стороны в сторону. Его отделяло от Лобова метров двадцать, поэтому Иван не мог хорошенько рассмотреть хозяина Юкки и озера, но смысл происходящего, сама поза юкантропа были предельно ясны — дальше идти запрещалось.

Лобов отчетливо представил, что любой неосторожный шаг может спровоцировать нападение. Придется доставать пистолет, и новая гора тел ляжет на этих берегах. Помедлив, он спокойно повернулся и пошел к униходу, кося одним глазом через плечо. Поза юкантропа потеряла свою настороженность, он обернулся к кустарнику и издал мягкий гортанный крик. Ему ответил нестройный, разноголосый хор голосов. Лобов приостановился, весь превратившись в слух. Почудилось или в самом деле прозвучал смех, тот самый тихий смех, который он не раз слышал в тумане возле «Торнадо».

Заметив непроизвольное движение Лобова, насторожился и юкантроп, оказывается, он не переставал внимательно наблюдать за Иваном. В фигуре этого часового, бесстрашно вставшего на пути чужого и, наверное, страшного ему существа, было нечто странное. Неторопливо двигаясь к униходу, Лобов перебирал в памяти все детали встречи с юкантропом. Может быть, отсутствие тени придавало юкантропу жутковатый, призрачный вид? Да нет, тени не было не только у юкантропа, а и у кустарника, деревьев и самого Лобова. Юкка — мир без теней. Светит все небо, целиком, свет падает равномерно отовсюду, поэтому тени просто неоткуда взяться. Вот почему, несмотря на сочность освещения, пейзажи планеты выглядят такими плоскими и тоскливыми. И, как ни бился Лобов, он не мог поймать это неуловимое, странное в фигуре стоящего юкантропа, оно ускользало, как понравившаяся и вдруг позабытая мелодия.

От озера к униходу плотной рыжей стеной валился туман, сочные краски, которыми был окрашен пейзаж, незаметно выцветали, приобретая акварельный оттенок. Через несколько минут туман будет здесь. Сколько раз он приносил с собой странные звуки, в том числе, он мог поклясться, тот самый игривый смех, который прозвучал здесь несколько минут назад. Лобов полной грудью вдох-

нул теплый влажный воздух, насыщенный болотистыми испарениями. Настала пора рискнуть. Один рискованный шаг, сделанный вовремя, стоит нескольких суток методичного поиска. Склонившись к пульту, Иван послал на «Торнадо» вызов:

— Обнаружил юкантропов, попробую вступить с ними в контакт.

Клим появился на экране видеофона почти немедленно:

— Да ты что? Подожди прикрытия!

— Нет, как раз прикрытие-то может все испортить, — и чуть улыбнулся, — не волнуйся, Клим. Насколько я разобрался в обстановке, риска почти нет. Жди моего вызова двадцать минут. Если его не будет, вылетай к озеру. Свои наблюдения я задиктую.

— Ты сошел с ума! Вспомни про Аллена и Ватана! — рассердился Клим.

— Все будет хорошо. Извини, Клим, нет времени.

Выключив видеофон, хотя штурман еще пытался что-то говорить, Лобов продиктовал на ленту записи свои наблюдения, выводы и догадки. Заканчивать пришлось скороговоркой. Туман уже заливал его ноги, нависая сверху пышным козырьком. Еще мгновение, и он бесшумно рухнул вниз необъятной бестелесной массой. Мир исчез, осталось лишь румяное топленое молоко, поглотившее все остальное. Теперь нужно набраться терпения и ждать. А разве есть на свете что-нибудь мучительнее чуткого, тревожного ожидания?

Глава 9

Барту еще раз проверил аппаратуру, оглядел палату, вздохнул, вглядываясь в лицо спящего Майкла Дивина, и повернулся к Климу:

— Что ж, все готово. Можно приступать. Я отойду в сторону. Кто знает, как он воспримет мое присутствие, а на тебя у него явно положительная реакция.

— Вот еще что, — добавил он озабоченно, — по данным энцефалографии самыми ясными у него будут периоды пробуждения и засыпания, когда в мозгу протекают неустановившиеся переходные процессы. Будь максимально активен в это время. Вопросник наготове?

— Да я все запомнил наизусть.

— И все-таки держи его наготове, — Барту несколько нервно улыбнулся. — Начнем?

— Начнем! — ободрил его Клим.

— Ввожу агипноты. Действие скажется секунд через тридцать. Следи за его веками. Как только они начнут подрагивать, приступай.

Клим склонился к изголовью штурмана «Метеора». Барту оказался прав, через полминуты Майкл шевельнул головой, веки его задрожали.

— Майкл, это я, Клим Ждан. Ты меня слышишь?

Дивин открыл глаза и наморщил брови, разглядывая склонившееся к нему лицо Клима.

— Клим? — недоуменно переспросил он.

— Клим. Забыл, как мы ночью, при луне спускались на лыжах с Эльбруса?

Что-то похожее на улыбку отразилось на лице Дивина.

— Где Балавадзе, Майкл? Балавадзе и Дина Зейт? — настойчиво повторил Клим.

Губы штурмана «Метеора» тревожно дрогнули.

— Вспомни, — негромко, но тоном приказа проговорил Клим, — Вано Балавадзе и Дина Зейт, где они?

Лицо Дивина напряглось, теперь нервно двигались не только губы, но и брови.

— Вано Балавадзе, — тихо повторил он, — он... он... там. Там!

Ужас исказил его лицо, глаза расширились, он дернулся, чтобы вскочить, но Клим придержал его за плечи. Глаза Дивина помутнели, наполнились слезами.

— Клим, — забормотал он, мотая головой, — ты ничего не знаешь. Это я убил Аллена! Я пошел, а он схватил меня за руку. И я ударил! Он опять придет! Он идет, я слышу!

Клим с трудом удержал Майкла. Тот перестал кричать, судорожное, рваное дыхание стало выравниваться. Клим понял, что Барту включил гипнозатор, и со вздохом облегчения выпрямился.

— Клим! — вполголоса, отчаянно сказал Барту.

Ждан мельком взглянул на него и вспомнил, что наступил второй благоприятный момент. Но пережитое выбило из головы все заготовленные вопросы. Он вспомнил только совет Барту, что в случае, когда не знаешь, о чем говорить, нужно просто поддерживать контакт.

— Майкл! — затормошил он засыпающего Дивина. — Ты меня слышишь?

— Клим, — пробормотал Дивин и вдруг открыл глаза, — вы нашли пленку?

— Какую пленку?

Глаза стали страдальческими и тревожными, но сон неумолимо овладевал Дивиным, и веки его медленно опустились.

— Пленка, — с трудом выговаривая слова, прошептал Дивин, — пленка в пистолете.

— Майкл!

Но Дивин уже крепко спал.

— Надо разбудить его еще раз!

Барту, протянув руку, выключил аппаратуру.

— Это можно сделать не раньше чем через час. — Он помолчал и со вздохом добавил: — Можно, но не надо. Это все равно, что вскрывать начавшую заживать рану.

— Да-а, — протянул Клим сочувственно, возбуждение у него проходило, — действительно, не надо. Тем более что мы и так узнали кое-что. Пленка! Нужно сообщить обо всем Ивану.

— Разумеется, — рассудительно согласился Барту.

Проверив самочувствие Майкла, Барту задал необходимый комплекс лечения и поспешно прошел в ходовую рубку. Клим сидел за рабочим навигационным столом, перед ним лежал частично разобранный лучевой пистолет. Заметив вошедшего Барту, он разжал кулак. На ладони лежала капсула величиной с полгорошины.

Клим бережно взял ее двумя пальцами и положил на стол, подальше от деталей пистолета.

— Иван приказал готовить глайдер, — заученными движениями штурман принялся собирать пистолет. — Останешься пока за хозяина. Посмотришь и послушаешь запись. Если что-нибудь важное, сообщи мне и Ивану на борт унихода. Как только сообщу о вылете, буди Алексея. Он примет командование. — Клим внимательно взглянул на товарища, чуть улыбнулся. — Это приказ командира. Лобов обнаружил точку биоконтакта — озеро, а в озере, на самом берегу, какие-то полумертвые юкантропы. Не нравится мне все это!

Штурман критически оглядел Барту, положил ему в знак прощания руку на плечо и покинул ходовую рубку.

Оставшись один, Барту прошелся по рубке, постоял у командирского столика и, приняв деловой вид, отправился готовить аппаратуру воспроизведения.

Его ждало некоторое разочарование: это была не видеофония, а, как показал индикатор, просто звуковая запись.

Сначала шло уведомление о том, что запись представляет собой краткое изложение итогов первичного обследования планеты, что текст записи одобрен общим сове-

том экспедиции и в защитных капсулах, как это и положено по инструкции параграф такой-то, передан на хранение каждому члену экипажа, оригинал хранится в командирском сейфе. Потом излагались сами итоги. Барту терпеливо и, если говорить честно, без особого интереса слушал метеорологическое, гидрологическое и геологическое описание планеты. Итоги носили предварительный характер и содержали массу количественного материала. Сообщение задиктовывал Ватан Рахимов. Энергичный четкий голос, эмоционально окрашенный, несмотря на сухость текста, принадлежал человеку, которого уже не было в живых, человеку, изуродованное, искалеченное тело которого Барту обследовал несколько часов тому назад. Живой гибкий голос погибшего товарища вызывал тревожное чувство печали и раздумья. Эти мысли отвлекли Барту, он перестал внимательно слушать запись, хотя подсознательно продолжал следить за ней, но спохватился и насторожил уши, как только голос Ватана заговорил о вещах действительно интересных.

«...Парадоксальное отсутствие наследственного вещества в тканях компенсируется наличием геноцентра, который располагается либо в головном мозгу, либо в крестцовой области спинного мозга. Централизованное управление наследственностью осуществляется с помощью развитой геносистемы, которая совпадает с соответствующими каналами нервной системы, но не сливается с ней. Геносистема освободила клеточные формы от колоссального и ненужного балласта информации, а это обусловило, в свою очередь, возможность возникновения высокоспециализированных тканей с узким спектром функций, энергетическая экономичность которых примерно на порядок выше, чем у организмов с рассеянной наследственностью. Отсюда выдающиеся и по земным канонам невероятные физические качества некоторых видов животных Юкки. Геноцентральная структура дает организму и целый ряд других преимуществ, важнейшим из которых является феноменальная способность регенерации. Это и понятно, клетка, лишенная своего огромного генопотенциала, превратилась из сложнейшего биохимического комбината в простую и вместе с тем чрезвычайно эффективную мастерскую. Произошло своеобразное обесценивание тканей организма; организм легко теряет ткани и столь же легко, в считанные часы, а иногда и минуты восстанавливает их. При этом болевые ощущения, что совершенно естественно, заметно притуплены, как по объему, так и по порого-

вому значению. Выживаемость организмов уникальна: безусловно смертельными являются лишь поражения геноцентра и центральной нервной системы. Вопрос этот требует дальнейшей детальной разработки, однако уже теперь можно сказать с уверенностью, что повреждения внутренних органов не являются летальными, если сохраняется пятьдесят процентов нормально функционирующих тканей и более. Исключение составляет сердце, живучесть которого заметно ниже, однако и она по земным меркам является уникальной.

Удалось установить далее, что, по крайней мере, некоторые виды животных Юкки обладают особого рода рецепторным механизмом, «шестым» чувством, которое позволяет им оценивать генетические способности организмов, с которыми они контактируют, а возможно, и накапливать соответствующую информацию. Это обстоятельство, а также тесная связь нервной системы с геносистемой позволяют предположить, что регенеративная способность такого рода организмов может проявляться не только в пассивной, но и в активной форме, то есть не только как вульгарная регенерация, но и как интуитивная или даже осознанная трансформация. Многообещающие опыты в этом направлении только начаты, поэтому обобщения были бы несколько преждевременными».

Дальше Барту уже не слушал. Он забыл про Клима, про Лобова, находящегося в опасном поиске, про трагически погибших космонавтов. Его била научная лихорадка. Хоровод, вакханалия, настоящий шабаш мыслей, идей, предположений. Открытие было потрясающим! И голова шла кругом оттого, что сколько еще тайн и загадок, страшных и увлекательных, скрывает в себе эта планета. Барту находился в своеобразном сомнамбулическом состоянии до тех пор, пока его не привел в себя голос Клима.

— Ты почему молчишь, Поль?

— Слушаю, — торопливо ответил Барту.

— Вылетаю по вызову Ивана. Как с сообщением?

— О! — Барту прижал руку к груди. — Этому сообщению цены нет! Я не в силах даже судить, какой грандиозный переворот оно произведет в биологии! А какие перспективы!

— Понимаю, — суховато прервал штурман излияния Барту, — наука, перспективы, и все такое. Но пойми и ты — Иван в одиночку пошел на контакт с юкантропами! И от него уже двадцать минут нет вестей. Чем может ему помочь это самое бесценное сообщение?

Барту провел рукой по лицу, словно умываясь.

— Извини, я увлекся, сейчас. — Он секунду помолчал и, хмуря свои мефистофельские брови, деловито проговорил: — Передай, что убить юкантропа практически можно только выстрелом в голову. И еще. Скорее всего, юкантропы могут превращаться в других животных. Может быть, даже в людей!

— Ты в своем уме? — негромко спросил Клим.

— В своем.

— Ну, хорошо, — с сомнением сказал Клим и после легкой паузы добавил: — Буди Алексея. А я пошел.

— Удачи!

Нажимая сигнальную кнопку, чтобы разбудить Кронина, Барту вдруг подумал, что ему теперь понятно, как экипаж «Метеора» потерял бдительность настолько, что стал жертвами юкантропов.

Глава 10

Туман. Влажный румяный покой, приглушенные, какие-то мохнатые звуки, чуткое тревожное ожидание. И наконец едва слышный шорох осторожных шагов. Рука Лобова потянулась к кобуре, но он поймал себя на этом движении и заложил руку за спину. И снова легкое, как дыхание, движение, вздох, а потом тихий лукавый смех. У Лобова мурашки пробежали по спине. Все оказалось страшнее, чем представлялось. Разумом Лобов понимал, что если бы ему хотели причинить вред, то уже давно бы попытались это сделать. Удобных случаев было сколько угодно. Страх шел из памяти о чудном озере, на грязных берегах которого рядком лежат неподвижные тела, из памяти о погибших товарищах с «Метеора», из убежденности, что зло делается не только из зла, но и из-за неведения. Справляясь с ненужными эмоциями, Лобов подумал, что, пожалуй, самым разумным было бы сейчас засмеяться в ответ. Но он побоялся это сделать, не без основания опасаясь, что у него получится не смех, а воронье карканье. А кто знает, как отреагирует на это кустарник? Однако сама мысль о том, что Иван Лобов стоит в тумане и пытается непринужденно хихикать, развеселила Лобова и сняла напряжение.

Он уже спокойнее уловил где-то рядом невесомое движение и осторожный вздох. И весь превратился в ожидание, интуитивно чувствуя, что сейчас должно что-то произойти. И не ошибся.

— Ты ничего не видишь? — сочувственно спросили из тумана.

— Ничего, — машинально признался Иван и прикусил язык.

Голова у него пошла кругом. Он был готов ко многому: к гортанному оклику и тихому смеху, которые ему уже приходилось слышать, к гомону возбужденной толпы, даже к неожиданному нападению, но только не к тому, что с ним заговорят на родном языке! Голос женский, звонкий и чуть лукавый. Спокойствие! Теперь самое главное спокойствие и терпение. Думать, оценивать и сопоставлять — все это потом.

— Совсем? — теперь голос звучал недоверчиво.

— Совсем, — ответил Лобов и быстро спросил: — Ты с «Метеора»?

— Что?

Лобова явно не поняли, и это уже немножко прояснило обстановку. К тому же, оправившись от удивления, Иван заметил и характерный акцент. Только не молчать! Начавшийся контакт может внезапно оборваться, как это уже не раз бывало. Говорить, говорить, спрашивать, только не молчать!

— Ты меня видела раньше?

В тумане засмеялись.

— Ви-и-дела!

— А почему ты все время смеешься?

— Смеяться хорошо. Плакать плохо. Злиться плохо. Делать больно плохо, — деловито ответили из тумана и опять засмеялись. — И потом мне весело. Я тебя вижу, а ты меня нет!

От этой деловитости тона Лобов повеселел. Но сразу же одернул себя. Не радуйся раньше времени, не пугай удачу! Она капризна, и никакие знания, никакое техническое могущество не могут изменить ее прихотливую поступь.

— Почему ты прячешься?

— Я? Нет!

— А когда нет тумана?

Ответом было молчание. Лобов встревожился и осторожно шагнул вперед.

— Ты где?

В ответ тихонько засмеялись.

— Ты, наверное, боишься меня? — доверительно спросил Лобов.

— Да, — признался туман, — ты можешь убить.

— Нет-нет, — заверил Иван, — я не хочу убивать. Убивать плохо.

— Совсем плохо! — поддержали его. — Хуже всего!

Лобов задал вопрос, который уже давно просился на язык, но спрашивать было так страшно, что он невольно все оттягивал и оттягивал время.

— Кто тебя научил моему языку?

В ответ лукаво засмеялись. «Экая легкомысленная особа!» — подосадовал Лобов и грустно улыбнулся.

— Ты забыла? — спросил он вслух.

— Нет! — горячо возразили ему. — Такое нельзя забывать! Плохо забывать! Она ушла домой. Вверх. Она скоро придет и будет учить дальше. А пока учит он.

Лобов видел, как потихоньку редеет розовое молоко тумана. Теперь он торопился и шел к главному напрямик, без дипломатических петель.

— Кто он?

— Он. Кто все знает.

«Пусть так».

— Где он?

Редеющий туман молчал. Лобов осторожно шагнул вперед.

— Где он? И где ты? Почему ты молчишь?

В ответ засмеялись уже откуда-то сзади. Лобов круто повернулся. В это время туман сгустился в последний раз и разом оборвался. Иван увидел Дину Зейт, с улыбкой смотрящую на него из-за унихода.

— Дина! — изумился и обрадовался Иван.

Улыбка стала довольной и лукавой. Радость медленно улетучивалась, уступая место беспокойству.

— Дина, — уже неуверенно проговорил Лобов, делая шаг вперед.

— Не подходите, я плохо одета, — строго предупредила она.

Лобов огляделся вокруг в поисках той, с которой он только что разговаривал, и увидел, как от озера по направлению к униходу торопливо и неуклюже шагает человек, припадая на одну ногу и опираясь на палку. Человек остановился, вытер с лица пот и вдруг, воздев свободную руку вверх, закричал:

— Иван!

В этом коротком возгласе смешались и радость, и боль, и тоска ожидания. Лобов узнал голос и, позабыв обо всем остальном, бросился к Вано Балавадзе. Палка выпала из рук командира «Метеора», он покачнулся

и упал бы на траву, если бы Лобов не поддержал его за руки.

— Ничего, сейчас я, сейчас, — бормотал Балавадзе, приткнувшись к плечу Лобова, — разучился ходить, понимаешь. И дышать больно, да я привык. Нашел? Я так и думал — или ты, или Антикайнен. Много ли осталось старых командиров? Вот и Вано теперь нет, кончился.

— Мы еще полетаем, — тихонько сказал Лобов на ухо товарищу то, что обычно говорят в таких случаях.

— Полетаю за пассажира. Потерял корабль, растерял экипаж. Говорил ты мне — не верил. Думал, это другие, у меня не так. Твои-то хоть все целы?

— Все.

— Вот это хорошо. Да и попроще тебе было на Юкке, чем нам, — с горечью добавил Балавадзе и поднял голову, — правда, тезка?

Он заметил, как изменился в лице Лобов, и попытался улыбнуться.

— Что, красив?

Лобов проглотил слюну. Лицо Балавадзе было покрыто рубцами и шрамами.

— Ничего, — с трудом сказал он наконец, — ничего, Вано. Не в этом счастье.

— Наверное, не в этом, — рассеянно согласился Балавадзе и провел рукой по своему телу, — знаешь, я ведь весь такой красивый.

Лобов побледнел, догадка оглушила его.

— Так они — и тебя тоже?

— И меня, — грустно согласился Балавадзе.

— Как же, — горло Ивана перехватил спазм, — как же ты вынес все это?

Балавадзе провел по лицу вздрагивающей ладонью.

— Пришлось потерпеть, — глухо проговорил он, — нелегко было. Скажу честно, если бы не Дина — не выдержал. Правду говорят, стойкий народ женщины.

Лобов невольно покосился в сторону унихода, недоуменно хмуря брови, но спросить ни о чем не успел.

— Ты туда не смотри, — угрюмо сказал Балавадзе, — это не Дина, ее ученица.

— А Дина?

Темные, близко посаженные глаза Балавадзе, лишь они и остались на лице неизменными, сощурились:

— И ты не догадался? Рядом с ней лежали.

— И что же? — уже догадываясь о случившемся, невольно спросил Лобов.

Балавадзе отвел взгляд.

— Зачем спрашиваешь, Иван? Она была красивой. Ведь это хорошо быть красивой. Хорошо не только для себя, для других. Она гордилась этим.

Лобов молчал.

— Она была красивой женщиной, — повторил Балавадзе глухо, — а женщины — они и сильнее и слабее нас. Дина вынесла все, что выпало на ее долю, вытащила из могилы меня. И покончила с собой в тот самый день, когда услышала грохот посадки «Торнадо». Я, Вано Балавадзе, не сужу ее за это.

До унихода оставалось всего несколько шагов, когда Балавадзе со сдержанным стоном схватился за грудь.

— Посидим, — выдавил он, опускаясь на траву под одиноким редким кустом.

— Давай я тебя донесу!

— Не глупи! Только того и не хватало, чтобы Вано Балавадзе, как женщину, носили на руках.

Он дышал глубоко, но осторожно.

— Ты не волнуйся, Иван, — успокоительно проговорил Балавадзе, немного придя в себя, — тут безопасно, я имею в виду озеро и прилегающие окрестности.

Словно в ответ издалека послышался мягкий гортанный крик «а-у!» и игривый громкий смех.

— Стала бояться меня, — в раздумье проговорил Балавадзе, — они ведь чуткие. Как собаки, а может быть, и как дети. Сразу поняла, что не могу теперь ее видеть.

— В нашем деле нельзя без издержек.

— Верно, — согласился Балавадзе, — но как все-таки горько, когда твой экипаж становится издержкой. Слово-то какое, а? Издержка.

Он потянул Лобова за рукав куртки.

— Сядь, Иван. Сядь, прошу тебя, — и когда Лобов опустился рядом с ним на траву, спросил: — Ты послание мое получил?

— Послание? — не понял Лобов.

— Значит, не получил.

— Ты посылал юкантропа? — вдруг догадался Лобов.

— Посылал. Потихоньку, еле уговорил. Накуролесил тут Майкл, вот они и стали бояться. Не дошел, стало быть?

— Не дошел, — тихо подтвердил Лобов, — его свои забросали камнями.

— Это они умеют. — Балавадзе поморщился от боли. — Выдержки мне не хватило, Иван. Элементарной выдержки и хотя бы капельки везения.

Открытия посыпались на нас одно за другим, — вполголоса рассказывал он, — да не какие-нибудь, а самой первой величины, и мы словно ошалели. И я, старый травленый волк, ошалел вместе со всеми. Когда Ватан обнаружил это озеро, а в нем юкантропов, трансформирующихся в людей, мы забрались в глайдер и полетели смотреть это чудо.

Юкантропов, трансформирующихся в людей! Конечно, обо всем этом Лобов догадывался и раньше, и все-таки слова Балавадзе заново осветили трагедию «Метеора». Будто на мгновение разошлись многокилометровые облака и на притихшую степь ринулся первозданный поток ослепительных лучей неистового голубого солнца. В доли секунды Лобову стало ясно, почему Майкл сошел с ума и говорит, что убил своего товарища; почему такой страшной смертью погибли Аллен и Ватан и почему так изуродовано лицо и все тело Вано Балавадзе. Когда встречаются холодный и теплый воздух, образуется атмосферный фронт с ветрами, ливнями и грозами. Когда встречаются братья по разуму, пусть один из них старший, а другой младший, рождается психологический фронт встречи, громы и молнии которого иногда куда более сокрушительны.

— Полетели мы вчетвером, — рассказывал Балавадзе, — одного Майкла оставили на корабле. Шли в тумане на хорошей скорости, а чувствительность локационной аппаратуры была занижена. Мы специально занизили ее прежде, чтобы создать идеальные условия работы биолокатора, ты ведь знаешь, как он боится помех. Туман был плотным, ионизированным, это еще больше снижало дальность локации. Ну, как это всегда бывает, одно к одному. Когда глайдер кинуло в такой разворот, что от перегрузки даже у меня потемнело в глазах, я вдруг вспомнил о проклятом занижении чувствительности и подумал только — пронеси! И почти пронесло, ведь ударься мы лоб в лоб, одна пыль от нас бы осталась. А мы только вскользь, бортом зацепили этого трехсотметрового дурака. Оказывается, он погиб еще несколько лет назад. Ну, и рухнул он, а мы вместе с ним.

И опять бы все обошлось. Посчитали бы шишки, перевязали раны, повалялись в госпитальном отсеке. Опять не повезло! Во-первых, вырвало дверцу, так что, пожалуйста, бери нас голыми руками. Мало того, разбились ампулы со снотворным, которые Аллен на всякий случай сунул в карман в последний момент. Я потом экспериментировал, на

юкков эта премудрость не действует абсолютно, а вот мы заснули беспробудным сном. А проснулись уже в озере.

— Наверное, вы уже докопались, что залечить рану, отрастить потерянную ногу или там заштопать печень для юкка все равно, что для нас с тобой отрастить срезанный ноготь?

— Да, в общем, докопались.

— Я так и думал. Но вряд ли вы знаете, что все эти процессы идут заметно быстрее, если лежать в такой вот озерной воде. Там ведь не просто соль, как можно подумать сначала, а настоящий бульон аминокислот. Процессы регенерации еще более ускоряются, если мягкие ткани предварительно размозжены, а кости переломаны.

Лобов внутренне содрогнулся, глядя на изуродованное лицо товарища.

— Представь себе ситуацию, Иван, — голос Балавадзе по-прежнему звучал глухо и ровно. — Нашли юкки чудных существ, карикатурно на них похожих. Правда, юкки заинтересовались ими, уж очень занятные у них одежды, странные способы передвижения и все такое. Нашлись даже любители острых ощущений, которые, Бог знает как, сумели получить геноинформацию и решили перевоплотиться в этих чудаков. Но в целом они воспринимали нас примерно так же, как мы воспринимаем обезьян. И вот эти существа с ничтожными царапинами на теле лежат бездыханными. Самое время помочь им, ну и, разумеется, смешно даже думать, что эти двуногие, в общем-то очень похожие на юкков, не умеют трансформироваться. И уж совсем смешно, если они не захотят из уродов превратиться в красавцев юкков. И они с самыми добрыми намерениями проделывают над нами все те же процедуры, которые проделывают над собой.

А что произошло с Майклом, я помню как в тумане. Весь мир тогда состоял из одного куска огромной боли. Одно могу сказать, лежали мы в озере вперемежку с добровольцами-юкками, решившими испытать счастье нового воплощения. И один из них уже ощутимо напоминал Аллена. Наверное, это и послужило причиной еще одной беды. Майкл утащил Ватана, потом Аллена, а затем ухватился за юкка, который лежал рядом с нашим штурманом и был на него похож. Если мы были почти трупы, то юкк отлично владел собой. Конечно, он не хотел расставаться с озером и стал сопротивляться. А ты знаешь, силы у него хватает. Не могу сказать толком, что произошло, но Майкл истерично кричал: «Кто это? Ал-

лен?! Пусти! Да пусти же!» Он полоснул по толпе из лучевого пистолета. Юкки несколько дней не появлялись у озера, и мы с Диной чуть не умерли с голоду.

Балавадзе бессильно откинул голову и облизал губы.

— Иван, у тебя есть сок, вода, все равно что, только бы наше! Принеси, Бога ради! А я тут полежу.

Лобов молча подчинился. А Балавадзе, проводив его взглядом, со стоном опустился на упругую пружинистую траву. В глазах темнело, мир медленно померк.

Остались запахи, чужие запахи прели, влажных болотных испарений и чего-то острого, похожего на камфару. И звуки были чужими, они доносились глухо и невнятно, как из-за ватной стены.

Балавадзе нехотя открыл глаза и увидел расплавленное апельсиновое небо, ощутимо дышащее жаром. На фоне ненастоящего, придуманного неба покачивалась ветка с ядовито-синей, готовой лопнуть от набранной влаги корой и белыми шишечками-плодами. На ветке сидел восьминогий полосатый зверек с длинным хвостом, похожий сразу и на белку и на гусеницу. Он поворачивал с боку на бок треугольную голову, разглядывая Балавадзе глупыми рыжеватыми глазами.

Это был чужой, плохой мир, и Вано прикрыл глаза, чтобы не видеть его. Зачем он?

— Динка! — тихонько позвал он, и весь превратился в слух. Но вместо родного голоса услышал нарастающий свист. Балавадзе открыл глаза и увидел глайдер, который проходил над ним, в радостной пляске заваливаясь с одного крыла на другое. Глайдер? Острая тревога вдруг уколола Вано, он приподнял голову.

— Дина! — закричал он, задыхаясь, рывком принял сидячее положение и увидел Лобова, который со странным выражением лица стоял над ним. — А, это ты, — тихо и разочарованно сказал Балавадзе и провел рукой по лицу. Он все еще ждал ее, свою Дину.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА. Роман 7

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ. Роман 77

ЭФФЕКТ СЕРФИНГА. Роман 291

РАССКАЗЫ

Шутники 453
Красный мир 483
Зеленая жемчужина 495
Химеры далекой Юкки 534

Тупицын Ю.Г.

Т85 В дебрях Даль-Гея: Романы, рассказы. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 586 с.

ISBN 5-218-00219-4

Романы из цикла «Даль-Гей» переносят читателя в далекое будущее, в прекрасный мир, населенный честными, благородными и отважными людьми. Человечество, осваивая просторы дальнего космоса, встречает другие разумные гуманоидные расы. Законы инопланетной цивилизации подчас противоречат обычаям землян. Назревает конфликт. Но разумные существа, даже рожденные на разных планетах, всегда могут найти общий язык...

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Юрий Гаврилович Тупицын

В ДЕБРЯХ ДАЛЬ-ГЕЯ

Романы, рассказы

Редактор *Д.О. Хвостова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

ЛР № 064206 от 10 08 95 г
Подписано к печати с готовых диапозитивов 21 10 96.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$ Бумага книжно-журнальная
Гарнитура «Таймс» Печать офсетная Усл печ л 31,08
Уч-изд л 33,3 Тираж 20 000 экз Заказ № 2946

Торгово-издательское объединение «Центриполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул , 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул , 28

СЕРИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» (РАМКА)

Приключения, фантастика, вестерн, детективы для юношества и взрослых.

Не одно поколение юных читателей «выросло» на широко известной серии — «Библиотека приключений и научной фантастики» (рамка), выпускавшейся издательством «Детская литература». Продолжая лучшие традиции книгоиздания, «Центрполиграф» приступил к выпуску полюбившейся серии, сохраняя традиционную «рамку» Серия открывается выпуском полного собрания фантастических произведений Василия Головачева

В.Головачев «Черный человек» (кн 1, кн 2)
В.Головачев «Демон»
В.Головачев «Реликт» (том 1, том 2, том 3)
В.Головачев «Вирус тьмы»
В.Головачев «Утечка информации»
В.Головачев «Заповедник смерти»
Л.Ламур «Ситка»
Л.Ламур «Одинокие боги»
Л.Ламур «Походный барабан»
Л.Ламур «Чертова гора»

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат135 x 210 мм, объем 400 стр

Цена одной книги 20000 руб.

СЕРИЯ «СТАЛЬНАЯ МЕЧТА»

«Стальная мечта» прокладывает свой путь за пределы Миров, Реальной и Виртуальной Действительности Нет предела воображению человека нового и раскованного, танцующего на грани грядущего тысячелетия «Стальная мечта» — это межзвездные войны и путешествия к неизведанным планетам, головокружительные приключения в далеком будущем и динамичный сюжет, развивающийся с быстротой скачущего табуна мустангов

Я.Бэнкс «По ту сторону тьмы»
Дж.Эффинджер «Когда под ногами бездна»
Е.Ворон «Ангелы хранители работают без выходных»
Д.Холдеман «Миры обетованные»
Д.Холдеман «Миры запредельные»
Д.Холдеман «Миры неукротимые»
Дж.Эффинджер «Огонь на солнце»
Н. Ведемская «Звездные Хранители»
Дж.Броснан «Небесные Властелины»
Дж.Броснан «Падение Небесных Властелинов»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр

Цена одной книги 20000 руб.

Книги издательства «Центрполиграф» продаются в книжных магазинах г. Москвы, а также на складах-магазинах издательства по адресам.

— *склад-магазин № 2* *ул Черногрязская, д 3, строение 1, тел 259-53 75*
— *склад-магазин № 3* *ул Нижегородская, д 70, корп 1, тел 270-02-42*
— *склад-магазин № 6* *Пересветов переулок, д 2, стр 1, тел 279-66-77*

По вопросам оптовых закупок просим обращаться по адресу:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов,15.
тел.: 273-14-47, 273-50-61, факс: 273-41-55

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу.
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ВПЕРВЫЕ!

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИЗДАЕТСЯ

«БИБЛИОТЕКА АМЕРИКАНСКОГО КЛУБА СОБАКОВОДСТВА»

(AMERICAN KENNEL CLUB)

Лучшие книги о собаках, написанные ведущими специалистами США

Сегодня, когда страну захлестнула волна преступности и насилия, книга известных американских дрессировщиков, супругов К.Ф. и Д. Дьюет, будет полезна всякому, кто решит завести собаку служебной породы для защиты себя и своей семьи. Авторы подробно рассказывают о том, как нужно правильно выбирать, воспитывать и дрессировать собаку, если мы хотим доверить ей нашу безопасность, и дают множество ценных советов на все случаи жизни. Приводится ряд подлинных историй об охранных собаках.

Здесь есть все, что нужно знать любителям этой породы, — да и не только этой! — от истории немецкой овчарки до ее современных стандартов, от правильного кормления и воспитания щенка до дрессировки собаки. Отдельные главы посвящены выставкам, испытаниям, соревнованиям, судейству и многому другому. Специалисты-кинологи считают эту книгу наиболее полной и авторитетной.

Новый самый полный справочник по ветеринарии, написанный простым и доступным языком. Вы не можете позволить себе роскошь остаться без этой книги. Пусть у Вас есть десять книг по ветеринарии — забудьте про них и купите эту.

Дает подробное описание 134-х современных пород собак, а также советы, как правильно подобрать и вырастить щенка, воспитать собаку. Целый раздел, написанный специалистами Пенсильванского университета, посвящен здоровью Вашей собаки, включена глава по оказанию первой помощи.

Книги «Библиотека американского клуба собаководства» продаются в специализированных и зоомагазинах г. Москвы, по адресам:

Зоо «Скарабей+» Новинский б-р, 22	**291-41-40**	*Зоо «Эя»* Сретенский б-р, 5	*924-45-57*
Зоо «Элга» ул.Ибрагимова	*369-50-85*	*Зоо «Волюс»* Щелковское ш.,12	*367-07-09*
ВВЦ, пав. «Ветеринария»	*181-91-47*	*ВВЦ, пав. «Животноводство»*	*181-40-29*
Зоо «На Кузнецком» Кузнецкий мост, 17	*921-26-49*	*Клуб «Элита»* ул Вятская, 41	*285-81-54*
Зоо «На Ленинском» Ленинский пр-т, 68	*930-59-26*	*«У КиСа»* Цветной б-р, 11	*921-65-65*
М-н «Урожай» ул Садово-Черногрязская, 5/9	*975-47-49*	*Зоосалон* ул Вековая, 21	*278-23-89,*

а также во всех крупных книжных магазинах г Москвы и магазинах-складах издательства «Центрполиграф».

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

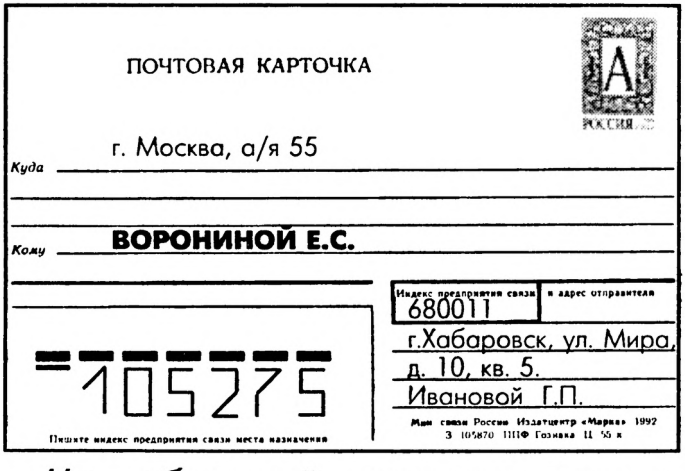
Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, Ворониной Е.С.

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают тарифы для пересылки книг наземным транспортом

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

Открыт магазин-клуб

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: ***«Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».***

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: ***Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака,*** *а также внесерийные книги издательства.*

Только в клубе:

- *встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;*
- *презентации книг «Центрполиграфа» и других издательств;*
- *читательские конференции;*
- *творческие диспуты;*
- *обмен мнениями.*

В магазине-клубе «Центрполиграф» книголюбы смогут не только ознакомиться с новинками издательства, но и приобрести понравившуюся книгу, оформить подписки на собрания сочинений, ознакомиться с перспективными планами «Центрполиграфа».

В книжном клубе можно высказать свои замечания по уже вышедшим книгам и предложения по издательской политике.

Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — ЭТО КНИГИ ИЗ РУК ИЗДАТЕЛЬСТВА, А ЗНАЧИТ, НИЗКИЕ ЦЕНЫ.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18; тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68

Проезд: м. Рижская, тролл. 18, 42, авт. 84 до ост. «Марьинский универмаг» м. Савеловская, авт. 84 до ост.«Марьинский универмаг»

Сканирование и обработка:
AlexeiPetrov (Lion)

ЮРИЙ
ТУПИЦЫН

•

В ДЕБРЯХ
ДАЛЬ-ГЕЯ